

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЮЛЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.

1889.

О Г Л А В Л Е Н І Ъ.

	<i>Стр.</i>
I. СОНЕТНЫЙ ВЪНОКЪ. Франца Прешерна. Переложение О. Е. Н.	1
II. КРАСАВИЦА ДУНЬБА. (Очеркъ). — М. Анютина	9
III. СВѢТСКАЯ ДАМА. Романъ Гектора Мало. Часть II, гл. V—XI; часть III, гл. I—IV. Переводъ съ французскаго. <i>Продолженіе</i> . — В. М. Р.	30
IV. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И БРАГИ. (Романъ). Часть I, гл. IX—XII. <i>Продолженіе</i> . — А. И. Эртеля	100
V. ХАМЪ. Повѣсть Элизы Ожешковской. Переводъ съ французскаго. <i>Окончаніе</i> . — В. М. Л.	187
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ. — С. Г. Фруга	219
VII. ПО ПОВОДУ ДВАДЦАТИНАТИЛѢТІЯ ЖЕНЕВСКОЙ КОНВЕНЦИИ (1864—1889). — Гр. Л. А. Намаровскаго	1
VIII. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА ДО 1812 г. <i>Продолженіе</i> . — Н. П. Колопанова	10
IX. АНГЛІЙСКІЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЯ КАССЫ. — Г—ра	30
X. БЕЗСИЛЬНАЯ ЗЛОБА АНТИДАРВИНИСТА. (По поводу статьи г. Страхова: <i>Всеобщая ошибка дарвинистовъ</i>). <i>Окончаніе</i> . — Н. А. Тимирязева	58
XI. НОВОЕ ВЪ ИСКУССТВѢ. (Статья Адольфо Боргоньони въ <i>Nuova Antologia</i>). — В. М. С.	79
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ М. Е. САЙГЫКОВА-ЩЕДРИНА. (Библиографическій очеркъ). — Я.	69
XIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXVII. — Н. В. Шелгунова	101

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

КНИГА VII

МОСКВА.

—
1889.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/89

NO. 1000
ANNEX 100

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

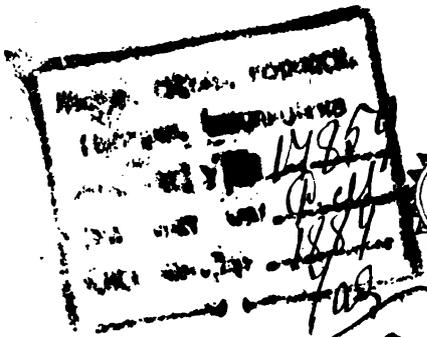
AP 50
R 875
v. 10:7
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. СОНЕТНЫЙ ВЪНОБЪ. Франца Преширна. Переложение О. Е. Н.	1
II. КРАСАВИЦА ДУНЬКА. (Очеркъ).—М. Анютина.	9
III. СВѢТСКАЯ ДАМА. Романъ Гектора Мало. Часть II, гл. V—XI; часть III, гл. I—IV. Переводъ съ французскаго. <i>Продолженіе</i> .—В. М. Р.	30
IV. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ. (Романъ). Часть I, гл. IX—XII. <i>Продолженіе</i> .—А. И. Эртеля.	100
V. ХАМЪ. Повѣсть Элизы Ожешковой. Переводъ съ польскаго. <i>Окончаніе</i> .—В. М. Л.	187
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—С. Г. Фруга.	219
VII. ПО ПОВОДУ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ЖЕНЕВСКОЙ КОНВЕНЦИИ (1864—1889).—Гр. Л. А. Намаровскаго	1
VIII. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА ДО 1812 г. <i>Продолженіе</i> .—Н. П. Колупанова	10
IX. АНГЛІЙСКІЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЯ КАССЫ.—Г—ра.	30
X. БЕЗСИЛЬНАЯ ЗЛОБА АНТИДАРВИНИСТА. (По поводу статьи г. Страхова: <i>Всеидашняя ошибка дарвинистовъ</i>). <i>Окончаніе</i> .—Н. А. Тимирязева.	58
XI. НОВОЕ ВЪ ИСКУССТВѢ. (Статья Адольфо Воргоньони въ <i>Nuova Antologia</i>).—В. М. С.	79
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА. (Библиографическій очеркъ).—Я.	69

852190

	Стр.
XIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXVII.—Н. В. Шелгунова . . .	101
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	123
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Измѣненіе въ уѣздномъ управленіи и всесословная волость.—Новыя операціи государственнаго банка.—Конверсія облигацій частныхъ желѣзн. дорогъ.—Балтійскія дѣла.—Съѣздъ представителей акціонерныхъ страховыхъ обществъ.—Урожай и вывозъ хлѣба.—Проектъ правилъ о переселеніяхъ.—Регламентация и экзаменованіе иностранныхъ техникумовъ	130
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Геологическія работы земствъ.—В. Д. Соколова	157
XVII. БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія, археологія и біографія.—Антропологія и этнографія.—Географія и путешествія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Военное дѣло.—Учебники и дѣтскія книги.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль	271

СОНЕТНЫЙ ВЪНОКЪ.

Франца Преширна.

Францъ Преширнъ (1800—1848 гг.), лучший поэтъ словенцевъ (хорутанъ), родился въ деревнѣ Вербѣ (Vrba), въ Верхней Крайнѣ, учился въ Люблянѣ, потомъ въ Вѣнѣ, гдѣ познакомился съ поэтомъ Челаковскимъ, однимъ изъ видныхъ представителей славянскаго движенія, происходившаго въ то время въ средѣ передовыхъ людей Чехи. По приобрѣтеніи степени доктора правъ онъ возвратился на родину и жилъ то службой, то адвокатурой. Еще до своего отъѣзда въ Вѣну онъ давалъ уроки дочери люблянскаго купца Примца, Юліи; впоследствии онъ въ нее влюбился. Эта любовь, объединившая собою въ сердцѣ поэта всѣ его идеалы и завѣтныя мечты, была такъ же неудачна, какъ и его стремленія къ счастью личному и народному. Потому она и стала надолго какъ бы средоточіемъ Преширновой поэзии, пока онъ, уже подъ конецъ жизни, превратившись изъ надѣющагося романтика въ отчаявшагося идеалиста, не пришелъ къ мысли, что идеалъ—не отъ міра сего. *Сонетный вѣнокъ* служитъ лучшимъ выраженіемъ той связи, которая установилась въ душѣ поэта между Юліей и всѣмъ тѣмъ, что ему было дорого на свѣтѣ. Юліи посвященъ этотъ рядъ сонетовъ, но рядомъ съ нею, то мимоходомъ, то вполне опредѣленно и рѣшительно, заявляетъ свою власть надъ воображеніемъ и чувствами Преширна порабощенная, почти онѣмеченная родина и разрозненное, большею частью униженное славянство. Недаромъ, конечно, славянство и родина безраздѣльно наполняютъ собою два серединные сонета—7-ой и 8-ой. Всѣхъ сонетовъ въ *Вѣнкѣ* 15. Изъ нихъ 14, по числу стиховъ въ сонетѣ, связаны между собою смысломъ и приемами такъ, что первый стихъ перваго сонета есть, въ то же время, и послѣдній послѣдняго сонета, послѣдній стихъ перваго сонета служитъ началомъ второму сонету, послѣдній втораго сонета начинается собою третій сонетъ и т. д. Изъ этихъ повторяющихся стиховъ составляетъ самостоятельный 15-ый сонетъ, такъ называемый магистраль (magistrale), въ которомъ эти стихи являются, следовательно, въ третій разъ. Эти соотношенія стиховъ и приемъ соблюдены и въ переводѣ. Не переданъ въ немъ только акростихъ изъ буквъ, которыми начинаются стихи магистраля: Primiso-

уі Julji. Переводчикъ сначала не замѣтилъ этого ухищренія и только по окончаніи работы узналъ о немъ отъ соплеменника Преширна, доктора М. М. Мурко. Такой недосмотръ со стороны переводчика тѣмъ болѣе извинителенъ, что акrostихъ укрылся даже отъ вниманія даровитаго біографа и критика Преширнова, Стритара, какъ видно изъ того, что при разборѣ *Винка* онъ не упоминаетъ объ этой особенноти магистрала. Впрочемъ, и послѣ указанія г. Мурко переводчикъ не нашелъ возможнымъ воспроизвести акrostихъ, и не по одной трудности задачи, а также и потому, что, хотя по-русски въ именахъ «Примцевой Юлія» столько же буквъ, сколько по-словенски, эти имена нельзя передать вѣрно начальными буквами словъ по неупотребительности или рѣдкости буквъ *й*, *ю* и *і* въ этомъ положеніи.

1.

Вѣнокъ пѣвецъ твой новый вьетъ для свѣта:
 Пятнадцать въ немъ сонетовъ сплетено,
 И магистраль, послѣднее звено,
 Связуетъ рѣзмы каждаго сонета.

Три раза эта пѣсня здѣсь пропѣта;
 Въ ней звенья всѣ: гдѣ кончилось одно,
 Другое тѣмъ же съ первымъ скрѣплено.
 Вѣнку подобно мышленье поэта:

Одной любви плоды его мечты;
 Онѣ, гдѣ ночью сонъ прерветъ ихъ нынѣ,
 Начнутся завтра вновь на половинѣ.
 Ты магистраль мой, и твои черты
 Я сохраню стихомъ и по кончинѣ:
 Въ немъ будутъ жить любовь моя и ты.

2.

Въ немъ будутъ жить любовь моя и ты
 Среди славянъ грядущихъ поколѣній,
 Когда найду я отдыхъ отъ мученій
 Подъ ранней снѣнью гробовой плиты.

Тогдашнихъ дней царицы красоты,
 Услышавъ голосъ этихъ пѣснопѣній,
 Постигнуть цѣну вѣрныхъ увлеченій
 И будутъ чужды гордой суеты.

Дождется Крайна своего призыва:
 Влечутъ ей кротче звѣзды съ высоты,

И зацвѣтеть поэзи въ ней нива.
 Быть можетъ, рожь спасеть мои листы,
 Значенье ихъ еще пребудеть живо:
 Изъ сердца эти выросли цвѣты.

3.

Изъ сердца эти выросли цвѣты:
 Оно сдержать любви не можетъ страстной.
 Такъ Леонору Тассо пѣлъ злосчастный;
 Съ нимъ у меня есть общія черты:

Уста его невольной нѣмоты
 Печать хранили, но, молчать не властный,
 Хоть сокровенно, въ пѣсни сладкогласной
 Онъ выражалъ влюбленные мечты.

Не стихнетъ пламень мой, пока привѣта
 Я не прочту себѣ въ твоихъ очахъ;
 Но предъ тобой уста смыкаетъ страхъ.
 Мучительность безмолвнаго запрета
 Хотятъ въ унылыхъ выразить стихахъ
 Признанія несчастнаго поэта.

4.

Признанія несчастнаго поэта
 Разоблачаютъ сердце все до дна,
 А въ немъ любовь бросаетъ сѣмена
 Печальныхъ пѣсень, въ коихъ ты воспѣта.

Ты—солнце имъ, причина ихъ разцвѣта.
 Но, милый лучъ, ни дома у окна,
 Ни на прогулкахъ ты мнѣ не видна,
 Ни въ мѣстѣ зрѣлищъ, ни въ забавахъ свѣта.

По городу я, не жалѣя силъ,
 Скитался часто, но нигдѣ предмета
 Моихъ желаній взоръ не находилъ.
 Одинъ, въ тоскѣ, я плачу безъ отвѣта;
 За то и пѣсень звукъ моихъ унылъ:
 Онѣ взошли въ странѣ, гдѣ нѣтъ разсвѣта.

5.

Онѣ взошли въ странѣ, гдѣ нѣтъ разсвѣта,—
 Не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ твой сіяетъ взоръ,

Гдѣ всѣ печали въ немъ найдутъ отпоръ,
 Гдѣ скорбь душа забудеть, имъ пригрѣта,—
 Тамъ, гдѣ на лицахъ радость безъ завѣта,
 Гдѣ замолкаетъ внутренній раздоръ,
 Гдѣ вдохновенью полный данъ просторъ,
 Гдѣ бодръ и строенъ звукъ въ груди поэта,
 Гдѣ отъ любви всѣ лучшія мечты,
 Всѣ блага сердца цвѣтъ даютъ нездѣшній,
 Какъ вызываетъ листья воздухъ вѣшній.
 Нѣтъ, не изъ тѣхъ краевъ мои цвѣты:
 Они всходили безъ поддержки вѣшней,
 Ихъ ростъ не зналъ дыханья теплоты.

6.

Ихъ ростъ не зналъ дыханья теплоты:
 На похвалу твою, о дорогая,
 Чтобъ разцвѣсти, надежды возлагая,
 Не чуяли бѣдняжки ихъ тщеты.

Боюсь, что дѣвы здѣсь и съ ними ты,
 Лишь по-нѣмецки мысли выражая,
 Холодныя къ дарамъ родного края,
 Отвергнуть эти скромные листы.

Камены наши, намъ самимъ постылы,
 Досель въ забвеньѣ жили, сироты:
 Намъ лишь чужія пѣсни были милы.
 Росли у насъ поэзіи цвѣты,
 Какъ на вершинахъ,—рѣдки и унылы;
 Ихъ обружали дикихъ горъ хребты.

7.

Ихъ обружали дикихъ горъ хребты,
 Какъ тѣ, гдѣ пѣлъ въ дали многовѣковой
 Орфей народамъ Эракіи суровой,
 Чаруя лирой Гема *) высоты.

О, если бы средь нашей пустоты
 Посоль небесъ, Орфей явился новый,
 И намъ и вокругъ славянамъ всѣмъ готовый
 Навѣять ихъ достойныя мечты!

*) Гемъ (Haemna)—древнее названіе Балкана.

Когда бы въ насъ была имъ разогрѣта
 Любовь къ отчизнѣ, смогла бы вражда,
 Слили бы всѣ славяне навсегда,
 Настало-бъ царство мира и совѣта
 И озарила радости звѣзда
 Край буйныхъ вѣтровъ, вѣчно чуждый лѣта!

8.

Край буйныхъ вѣтровъ, вѣчно чуждый лѣта—
 Таковъ былъ нашъ, какъ сталъ намъ незнакомъ
 Твой, Само *), духъ, и вѣтъ надъ холмомъ
 Твоимъ могильнымъ вѣтеръ безъ запрета.

Пріяли мзду раздора и навѣта
 Отцы славянъ съ Пипиновымъ ярмомъ **),
 А дальше—смуты, мусульманъ погромъ ***),
 Мечъ Витовца ****)—вотъ тѣхъ временъ примѣта.

Нѣтъ счастья, нѣтъ славы боевой,
 Нѣтъ подвиговъ, достойныхъ восхваленья;
 Безъ нихъ замолели звуки пѣснопѣнья.
 И тѣ цвѣты, что нашъ Парнасъ родной
 Уже взростили на мѣстѣ запустѣнья,
 Воспитаны стенаньемъ и слезой.

9.

Воспитаны стенаньемъ и слезой
 И моего Парнаса эти розы:
 Изъ-за любви къ тебѣ лилися слезы,
 Изъ-за любви къ отчизнѣ дорогой.

Я зналъ: о благѣ матери родной
 Теперь словенцу чужды стали грезы;

*) Само освободилъ чеховъ отъ аварскаго ига и, избранный за то въ король въ 627 г., соединилъ подъ своею властью значительную часть западныхъ славянъ, причемъ неоднократно долженъ былъ воевать съ франками.

**) Пипинъ Короткій, пользуясь раздорами юго-западныхъ славянъ между собою и съ славянами, подчинилъ ихъ себѣ около 750 г.

***) Везпрерывныя войны съ Турціей и набѣги турокъ и южныхъ славянъ другъ на друга.

****) Янъ Витовецъ, родомъ чехъ, замѣчательный полководецъ, удачно воевавшій съ вѣмецкимъ императоромъ Фридрихомъ III, съ мальярами и поляками, служилъ сначала графомъ Цильскимъ (въ Штирліи), потомъ Фридриху III, помогая ему въ подавленіи его враговъ съ немалымъ усердіемъ, чѣмъ пренебрежилъ своимъ господамъ. Умеръ около 1463 г.

Въ любви къ тебѣ мнѣ умъ шепталъ угрозы,
Что мнѣ нельзя любимымъ быть тобой.

Желалъ себѣ единой я награды,
Чтобъ были славны вмѣстѣ я и ты,—
И въ сладкихъ пѣсняхъ вылились мечты;
Желалъ я всѣмъ славянамъ, чтобъ преграды
Бъ ихъ счастьемъ пали,—и мои цвѣты
Ростутъ, но взору не даютъ отрады.

10.

Ростутъ, но взору не даютъ отрады;
Такъ роза въ дни февральскаго тепла
Вдругъ оживетъ и вотъ—ужъ зацвѣла,
И лепестки лучамъ весеннимъ рады.

Но не найдетъ она себѣ пощады,
Какъ дунетъ вѣтеръ, небо скроетъ игла,
Въ травѣ сверкнетъ морозная игла
И, поблѣввъ, завянуть лугъ и гряды.

И мнѣ сияло солнце красоты,
Лучами мнѣ твои служили взгляды,
И принялись любви моей цвѣты.
То былъ обманъ: безъ солнца, безъ отрады
Отъ непогодъ остались сироты;
Надъ ними тучъ скопились громады.

11.

Надъ ними тучъ скопились громады,
И жилъ всѣ дни во мракѣ твой поэтъ;
Противна жизнь ему, надежды нѣтъ,
Лишь неудачи зналъ онъ и досады.

Какъ нѣкогда Діанины обряды
Уму Ореста возвратили свѣтъ *),

*) Орестъ, сынъ Агамемнона и Клитемнестры, мсти своей матери и ея любовнику Эгисту за убіеніе Агамемнона, убилъ ихъ обоихъ, но за то подвергся преслѣдованію Эриній (олицетворенныхъ угрозеній совѣсти) и въ безуміи скитался по свѣту, нигдѣ не находя себѣ покоя. Наконецъ, по внушенію дельфійскаго оракула, онъ задумалъ украсть улавшее съ неба изваяніе Артемиды (Діаны) изъ храма въ Тавридѣ (въ Крыму). Пробравшись въ святилище со своимъ другомъ Пиладомъ, онъ былъ схваченъ и обреченъ вмѣстѣ съ нимъ въ жертву богини, но съ помощью жрицы ея, которая оказалась его-сестрою Ифигеніей, обжалъ онъ жертвоприношенія, захвативъ съ собою сестру и кумирь Артемиды, и къ нему возвратились разумокъ и душевное спокойствіе.

Такъ отъ тебя на страсть мою отвѣтъ
 Больную грудь исполнилъ бы услады...

Исчезъ безслѣдно этотъ сонъ пустой;
 Одинъ лишь мигъ сіять пришлось надеждѣ,
 И стала ночь еще темнѣй, чѣмъ прежде.
 Съ тѣхъ поръ забылъ я счастье и покой;
 Моимъ ли розамъ въ пышной быть одеждѣ?
 За то теперь и видъ у нихъ больной.

12.

За то теперь и видъ у [нихъ] больной:
 Въ нихъ нѣтъ ни силы, ни красы для взора.
 Растутъ такъ скудно розы безъ призора
 Средь камней стѣнъ развалины глухой.

Крапива душитъ ихъ и цѣлый рой
 Презрѣнныхъ травъ, ползущихъ изъ-подъ сора;
 Но въ садъ попавъ, гдѣ много имъ простора,
 Онѣ природной зацвѣтутъ красой.

Такъ близъ тебя, близъ солнца, близъ отрады
 Моей души, могли бы веселѣй
 Рости цвѣты поэзіи моей;
 И если хочешь ты, чтобъ были рады
 Они цвѣсти во всей красѣ своей,
 Пусть ясный лучъ пошлютъ твои имъ взгляды!

13.

Пусть ясный лучъ пошлютъ твои имъ взгляды!
 Дай мнѣ вкусить очей благую мочь!
 Они одни прогнать умѣютъ ночь,
 Виѣ ихъ не знаю бурямъ я преграды.

Исчезнуть всѣ невзгоды и досады,
 Заботъ оковы я отброшу прочь;
 Съ тобою все я въ силахъ превозмочь,
 Въ твоей любви за все я жду награды.

Вновь будетъ ясенъ мрачный образъ мой,
 Въ груди надежда поселится снова,
 Изъ устъ живой потокъ польется слова,
 Начнется въ сердцѣ новый жизни строй,

Отраднa станеть думъ моихъ основа,
И будетъ весель цвѣтъ ихъ молодой.

14.

И будетъ весель цвѣтъ ихъ молодой,
Какъ завязъ розъ, когда прошли метели,
Дары весны природу разодрѣли,
Въ лѣсу цвѣты бѣлѣютъ межъ листвою,
Тепло на лугъ манить пчелиный рой,
Пастухъ съ утра играетъ на свирѣли,
Въ кустахъ раскаты соловьиной трели,
Вездѣ восторгъ и свѣжихъ силъ прибой.

О, мнѣ извѣстно, что награда эта
Была-бъ чрезмѣрна для цвѣтовъ моихъ:
Лишь бы не въ тягость былъ тебѣ мой стихъ!
Но все же ты ихъ не лишай привѣта:
Чтобъ облегчить тоску свою, изъ нихъ
Вѣнокъ пѣвецъ твой новый вьетъ для свѣта.

15.

Магистраль.

Вѣнокъ пѣвецъ твой новый вьетъ для свѣта:
Въ немъ будутъ жить любовь моя и ты;
Изъ сердца эти выросли цвѣты,
Признанія несчастнаго поэта.

Они взошли въ странѣ, гдѣ нѣтъ разсвѣта,
Ихъ ростъ не зналъ дыханья теплоты,
Ихъ окружали дикихъ горъ хребты,
Край буйныхъ вѣтровъ, вѣчно чуждый лѣта.

Воспитаны стenanьемъ и слезой,
Ростуть, но взору не даютъ отрады;
Надъ ними тучъ скопилися громады;
За то теперь и видъ у нихъ больной.
Пусть ясный лучъ пошлютъ твои имъ взгляды,
И будетъ весель цвѣтъ ихъ молодой.

Ө. Н.

КРАСАВИЦА ДУНЬКА.

(Очеркъ).

I.

Въ селѣ Нагорномъ никто не зналъ, за что смѣнили исправника, шумливаго толстяка Ивана Ивановича Васильева. Мѣстные обыватели, государственные крестьяне, такими вопросами не интересовались. Они знали, что исправники существовали съ поконъ вѣку и будутъ существовать до скончанія вѣговъ, что отъ времени до времени ихъ смѣняютъ потому, что таковъ порядокъ, установленный отъ «вышняго» начальства. Обыватели помнили, что до Ивана Ивановича былъ исправникомъ Петръ Петровичъ, тоже шумливый и большой ругатель, но такой же добрякъ. Старики разсказывали про Василю Петровича, бывшаго еще раньше. Тотъ, говорятъ, былъ не только шумливъ, но и драчливъ. Было это давно, когда всѣ шумѣли, ругались и дрались, — и становой, и окружный начальникъ, и господа-помѣщики, и ихъ управители, и даже уѣздный лекарь. Въ то время въ Нагорномъ была «сельская расправа», и въ ней всякій, власть имѣющій, расправлялся, чѣмъ хотѣлъ: кулакомъ, палкой или розгами. Потомъ «воля пошла»; расправу назвали волостнымъ правленіемъ, объявился мировой посредникъ изъ союбданныхъ дворянъ. Прежде того онъ былъ драчунъ, а какъ поставили въ посредники, такъ драться пересталъ. За нимъ бросили драться становые и самъ исправникъ и только изрѣдка таскали за бороды сотскихъ. За провинности и недомки въ волостной сѣгли, а уже кулаками начальство не утруждалось; чубуки и совсѣмъ отиѣнили, всѣ стали курить папирсы. Вслѣдъ за чубуками отиѣнили и посредниковъ, поставили непремѣннаго члена и мировыхъ судей. Эти совсѣмъ обмякли: ни драки отъ нихъ не было видно, ни ругани не слышно, ни шуму. Все тихо и по благородному. Вначалѣ, бывало, скажетъ кто изъ стариковъ: «попужать бы, прохворостить»... а непремѣнный членъ усмѣхнется, да и молвитъ: «мѣсто

наше безлѣсное, лучше хворость на плетни побережь»... Ну, и стали хворость соблюдать, и выросъ онъ не только на плетень, а въ хорошую жердину. Не то, чтобы розги вовсе отмѣнили, какъ чубуки, — нѣтъ, посѣкали иногда въ правленіи волостнымъ судомъ, только уже за одну провинность — за воровство, да и то лишь по второму разу. И хвороста на это не губили, розги брали изъ полового вѣника не съ тѣмъ, чтобы истязать человѣка болью, а для острастки срамотой. Сталъ въ народѣ большой страхъ передъ волостнымъ вѣникомъ, по году его не развязывали. Шло такъ дѣло лѣтъ больше пятнадцати. Только и слышно было шуму отъ одного исправника Ивана Ивановича. Приѣзжалъ онъ два раза въ годъ, когда подати собираютъ: приѣдетъ пошумить - покричить, да съ тѣмъ и уѣдетъ. Всѣ такъ и знали, что это онъ по своей должности хорохорится и никому отъ того ничего не дѣлается. И вдругъ смѣнили Ивана Ивановича. А за что? Въ селѣ никто этого не зналъ и не интересовался знать, такъ какъ всѣмъ доподлинно было извѣстно, что на его мѣсто приѣдетъ другой исправникъ и будетъ шумѣть такъ же точно и до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ отмѣны исправникамъ ѣздить по селамъ, шумѣть и ругательно кричать, какъ вышла въ свое время отмѣна кулаку, чубуку и розгамъ.

Приѣхалъ новый исправникъ Василій Васильевичъ Ивановъ, молодой, не толстый, бравый такой, усы шильцами, самъ щеголь, — говорили, что холостой почти: жена въ Петербургѣ осталась. Въ первый разъ со времени своего основанія село Нагорное увидало нешумливого исправника. Обыватели начали соображать, что, должно быть, пришла-таки, наконецъ, давно ожидавшаяся отмѣна чиновному начальству шумѣть и нехорошія слова выкрикивать на весь крещеный міръ. Правда, сказалъ новый исправникъ одно словечко, какъ будто не совсѣмъ ладное: «Недоимокъ, сказалъ, чтобъ не было, не то перепорю недоимщиковъ...» Проговорилъ это, и самъ же усмѣхнулся. Усмѣхнулись и старики, бывшіе въ правленіи, поправились имъ въ новомъ исправникѣ воздержанность на языкъ, и они даже заговорили, когда уѣхалъ исправникъ, о введеніи штрафа за непристойныя слова. Батюшка - священникъ очень это одобрилъ. Одинъ Назаръ Савельевъ фыркнулъ длиннымъ, синебагровымъ носомъ и выругался, какъ нельзя хуже. На него никто вниманія не обратилъ, всѣ давно его знали за человѣка безпокойнаго и отчаяннаго ругателя. Только дядя Хилія какъ-то понурился и отвернулъ голову въ сторону. Онъ доподлинно зналъ, изъ-за чего злится и такъ крѣпко «kozyряеть» богатѣй Назаръ. У самого Хилія изъ-за того же на сердцѣ кошки скребли. Виновата во всемъ

Дунька, его, Хилева, дочь. Сватаетъ ее Назаръ Савельевъ за сына своего, за Никиту. И давно бы пора дѣвкѣ замужъ, ей уже восемнадцать лѣтъ сравнялось, отъ жениховъ отбою нѣтъ. А она и слышать ни о комъ не хочетъ. И жалко Хилею дѣвкѣ, и боязно за нее, хотѣлось бы отдать въ богатый дворъ и страшно отдать за плюгавца Никитку, къ няному свекру Назару. На свободѣ выросла Дуня безъ матери и почитай-что безъ отца. Гордая она, своенравная, до грѣха съ ней: «Полюблю, говорить, пойду замужъ, а не полюблю, такъ и быть—проживу вѣковушей».

Побрелъ дядя Хилей потихоньку къ дому, опустивши заморенную кручиной голову. Былъ и онъ когда-то настоящимъ «жителемъ», не Хилемъ, а Филиппомъ Даниловичемъ, въ богатѣяхъ не стоялъ, да и въ послѣднихъ не былъ. А вотъ, привелъ Богъ, попалъ въ самые послѣдніе. Умерла жена, супруга его любезная, когда Дунѣ девятый годъ шель. Затосковалъ мужикъ, запечалился, и точно оборвалось все: работа не спорится, все-то не мило, ни къ чему рукъ приложить не хочется, и куда только сила дѣвалась. Въ домѣ все врозь поползло, захирѣлъ Филиппъ, совсѣмъ хилой сталъ, и прозвали его дядей Хилемъ, — въ шутку это и добродушно. А спросить бы его, каково ему было изъ Филиппа-то Даниловича въ Хилея переверстываться? Только и свѣта-радости было — дочка милая, Дунюшка. Словно чуяло ея дѣтское сердечко, какъ тяжела отцу приставшая къ нему кличка, и дѣвочка звала его не иначе, какъ тятя Филиппъ, — подросла, стала звать тятя Филиппъ Данилычъ. Чувство бодрости поднималось въ немъ отъ дочерней ласки: такъ бы вотъ и встрепенулся весь по-старому, заработалъ бы, какъ бывало, не хуже людей, благо и Дунюшка складывалась дѣвкою сильною, ловкою. А тутъ-то и вспомнится прозвище: «дядя Хилей», и опять... опять та же убогая хилость схватить, руки повиснуть, какъ плети, ноги еле волочатся, голову поднять силы нѣтъ, смѣлости нѣтъ людямъ прямо въ глаза посмотреть. Хилость нужду родила, отъ нужды заробѣлъ мужикъ и не можетъ поправиться. Много горя они видѣли съ Дуней, холодъ и голодъ узнали и все-жь-таки не пошли по-миру побираться «въ кусочки», кое-какъ перебивались тѣмъ, что Дунюшка ходила на поденщину, а Филиппъ рыбу ловилъ въ рѣчкѣ и продавалъ ее попу, цѣловальнику и мелкимъ сосѣднимъ помѣщикамъ. Тѣмъ только они и кормились и съ грѣхомъ пополамъ справляли подати. А тутъ, на ихъ бѣду, старики сдали рѣку одному купцу, большому охотнику ловить рыбу. Буеца къ рѣкѣ караульнаго приставилъ; такъ и покончился для Хилея послѣдній источникъ скуднаго заработка. По-

дати спрашиваютъ, требуютъ весеннюю недоимку, а въ домѣ ни денегъ нѣтъ, ни продать нечего. Хлѣбъ родился такъ плохо, что, отдавши сколько слѣдуетъ за работу, имъ и до ползины не прокормиться. Самъ Хилій уже давно отсталъ отъ крестьянской работы, и не было у него ни лошади, ни сохи, ни телѣги. Назаръ Савельевъ не разъ засылалъ тетку Анисю, норовить Дуню за своего Никитку сосватать. «Желаю, говорить, чтобы въ моемъ дворѣ первѣйшая по селу баба жила»... обѣщавъ на себя Филипову землю снять, всѣ платежи за него править и самому ему помощь давать. А какъ ее, Дунюшку-то, уломаешь, когда плоше Никитки во всей округѣ малаго не сыщется? Уродился онъ корявый, смотрѣть не на что; а родитель еще подправилъ, съ малолѣтства заколотилъ парня до того, что посмотрѣть на него и смѣхъ беретъ, и жалостно. Боязно за такого дѣвку отдать. А ей что? Ей и горя мало: на улицѣ хуже всѣхъ одѣта, сытая ли, голодная, пѣсню заведетъ—полсема слушать собирается, въ работѣ доброму мужику не уступитъ, нѣтъ во всей волости другой такой красавицы, и ни одинъ-то паренъ къ ней близко подступиться не смѣетъ.

Недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ проѣхалъ исправникъ. Дуня одна молотила рожь изъ крохотной отцовской кладушки на сѣдскомъ гумнѣ. У нихъ и гумна-то своего не было. Филиппъ лежалъ на соломѣ. Помахаетъ онъ цѣпомъ разъ десятокъ-другой, измучается и лежитъ-отдыхаетъ полчаса, а забудется—пролежить, пожалуй, часъ и побольше.

— Хилій! — окликнулъ его изъ-за плетня рѣзкій голосъ Назара Савельева. — Эй, Хилій! опять задряхъ? Дѣвка, слышь, одна мотается за мужика и за бабу.

— Я, Назаръ Савельичъ, такъ, маленько, — виновато заговорилъ Филиппъ, съ трудомъ поднявшись на ноги. — Ишь притомился... сила моя какая?...

Авдотьянъ цѣпъ застучалъ еще чаще, поднимался еще выше и такъ билъ солому, что она вверхъ летѣла клочьями.

— Эхъ ты, Хилій! Прямой ты, слышь, Хилій, — продолжалъ, усмѣхаясь, Назаръ. — Взять бы вотъ цѣпъ, да обоихъ васъ съ дѣвкой цѣпомъ-то поучить, дурь изъ васъ повыбить.

— Вамъ, Назаръ Савельичъ, чего отъ насъ надо? — заговорила Авдотья, переставая молотить и опершись на цѣпъ.

— Ты, дѣвка, слышь, помолчи, — огрызнулся на нее Назаръ. — Не съ тобой говорить. Шустра ты больно. Помолчи докедова. Слышь, Хилій, исправникъ-то вправду драть собирается, въ Пряхинѣ троихъ отпоролъ, въ Грязную поѣхалъ, тамъ хворостить. Завтра у

насъ, слышь, будетъ. Урядникъ велѣлъ въ волостной поболѣ розогъ наготовить. Слышь ты, Хиліяй, за тобой недоимки - то много - ль стало?

Филиппъ растерянно поддергивалъ кушакъ и моргалъ глазами.

— Вы это, Назаръ Севельичъ, къ чему тятинькѣ говорите?— сказала Дуня, блѣднѣя.

— Правовъ нѣтъ, правовъ такихъ... нѣтъ, — бормоталъ Филиппъ.

— Шустра ты, Авдотья, охъ, шустра, — качалъ Назаръ головою. — Вотъ выплять твоему тятинькѣ горячихъ, такъ и увидите вы съ нимъ, какія такія, слышь, права у исправника. А ты, Дунюшка, вотъ что: какъ поведутъ тятю твоего драть, такъ и лупи во всѣ ноги ко мнѣ, ничего и не будетъ. Недоимку я внесу, ничего и не будетъ. А къ тебѣ, слышь, Авдотья Филипповна, тѣмъ же часомъ сватовъ пришлю. Чувешь ты это дѣло?

— Стало быть, вы вродѣ какъ меня купить у тятиньки хотите? Такъ этому...

— Стой-ко-ся ты, умница, не знаешь развѣ, споконъ вѣка, слышь, говорится: у васъ, молъ, товаръ, у насъ—купецъ... Споконъ вѣка... Вотъ мы съ Никиткой и есть самые эвти купцы, а ты, Дунюшка, будешь товаръ. Купцы мы, слышь, настояціе, за дѣвой не стоимъ.

— Не бывать этому!—крикнула Авдотья.

— Тогда бывать родителю твоему дранымъ. То-то я говорю, утро вечера мудренѣе. Завтра забѣгай, слышь, Дуня...

На слѣдующій день приѣхалъ исправникъ, и недоимщикево, въ томъ числѣ и Хиліяй, повели въ волостную. Авдотья не побѣжала къ Назару; какъ стояла она на гумнѣ, такъ и покатила съ глухимъ воплемъ, почти замертво, на недомоложенные снопы. Хиліяй, однако, не высѣли. По дорогѣ онъ упросилъ сотскаго зайти съ нимъ къ Назару Севельичу; при сотскомъ по рукамъ ударили, Богу помолись и Дуньку «пропили». Съ деньгами на уплату Филипповой недоимки ходилъ въ правленіе Никитка; онъ же потомъ съ работникомъ отвезъ домой мертво пьянаго будущего своего тестя. Недѣли черезъ двѣ Авдотью повѣнчали съ Никитой Назаровымъ Севельевымъ.

II.

Жители села Нагорнаго и всего уѣзда успѣли освоиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что многое, казавшееся имъ отмѣненнымъ, не было уничтожено окончательно и безповоротно, а лишь временно упразд-

нялось, по какимъ-то особливимъ соображеніямъ начальства, недоступнымъ пониманію обывателей. Благодаря щеголеватому исправнику, они сообразили только, что, должно быть, розги отиѣнялись въ видахъ лѣсоохраненія и лишь до возраста лѣса. Теперь бывший хворостишко выросъ въ слегу и толще, а потому вѣтви, безъ ущерба для его роста, могли быть употребляемы по усмотрѣнію волостнаго и уѣзднаго начальства, какъ средство пополненія недоимокъ. Между тѣмъ, недоимки не уменьшались, а все увеличивались, несмотря на «строжайшія» предписанія и на возвратъ къ «строжайшему» исполненію предписаній. Для всѣхъ было ясно, что недоимки растутъ вслѣдствіе плохихъ урожаевъ за послѣдніе два года и низкой цѣны на хлѣбъ. Но никто понять не могъ, почему хлѣбъ дешевѣ, когда его родилось такъ мало, и всѣ разсужденія сводились къ тому, что, стало быть, купцы дороже не даютъ. Дальнѣйшихъ причинъ никто не доискивался, отлично зная, что отъ того легче не будетъ.

За то же время Назаръ Савельевъ убѣдился въ томъ, что, женивши сына на красавицѣ Дунькѣ, онъ «купилъ товаръ не по мѣсту». Назарова жена, глупая, забитая мужемъ, злая и сварливая Матрена, съ перваго дня возненавидѣла молодую невѣстку, именно за то, чѣмъ она всѣмъ такъ правила, — за красоту, здоровье и силу. Старуха вѣрить не хотѣла, что Назаръ хлопоталъ и тратился ради сына, заморыша Никитки.

— Ишь, старый несъ, — шипѣла она такъ, чтобы слышалъ Никитка, — чего затѣялъ! Такъ тебѣ, лѣшему, и повѣрили, что сыну въ жены экую лошадь взяли... Себѣ въ снохи, лысый чортъ, выискалъ. Погоди у меня, обоимъ покажу!

Никитка и безъ того не влюбилъ жену съ самой свадьбы. Какъ не былъ онъ глупъ, а замѣтилъ, что еще въ церкви всѣ смѣялись надъ его плюгавою фигурой рядомъ съ высокою и статною дѣвкою, которую и поцѣловать то онъ не можетъ, если та не захочетъ нагнуться. Онъ много раньше отца понялъ, что ему «этотъ товаръ совсѣмъ не по мѣсту», что Дунька не годится ему въ жены, а онъ не будетъ ей никогда настоящимъ мужемъ. Авдотья относилась къ нему съ нескрываемымъ чувствомъ гадливаго презрѣнія и не только не нагибалась поцѣловать недорослаго мужа, но всячески старалась держаться отъ него какъ можно дальше. Тяжелое положеніе молодой женщины, нелюбимой въ семьѣ мужа, нисколько не облегчалось тѣмъ, что на ея сторонѣ былъ свежоръ Назаръ Савельевъ. Слѣдомъ за душой Матреной и за дуракомъ мужемъ, Авдотья стала подозрѣвать, что не съ добра старикъ съ нею ласковъ, защищаетъ

ее отъ нападокъ сварливой старухи, жалѣеть въ работѣ и накупаетъ нарядовъ. На самомъ дѣлѣ гордость сельскаго богатѣя тѣшилась тѣмъ, что у него во дворѣ «первая по селу баба», самая красивая, видная и самая нарядная, какъ тѣшилось его мужичье самохвальство раскормленнымъ жеребцомъ, безъ умолку гоготавшимъ на всю улицу, когда хозяинъ выѣзжалъ на немъ на базаръ. Радовалось Назарово крестьянское сердце и тому, что въ Дунькѣ онъ приобрѣлъ здоровенную работницу, способную восполнить недостатокъ силенки у плохаго Никитки. Похвалыбы снохою хватило, однако, не надолго. Жеребецъ, тотъ гоготалъ, живота своего не жалѣя, и съ неослабнымъ усердіемъ громыхалъ подвѣшеннымъ къ уздѣ огромнымъ бубенцомъ, возбуждая восторгъ уличныхъ зѣвакъ. А Дуньку нельзя было разрядить, посадить съ собою на телегу и возить на-показъ по базару. Тогда весь околodoкъ заговорилъ бы то же, что про себя бурчала Матрена. Попытка поручить Никиткѣ похвастаться красотою и нарядомъ бабы передъ базарною толпою окончилась для всѣхъ крайне плачевно. Коня и запряжку хвалили, на молодую бабу любовались и ея убранство тоже хвалили, а надъ Никиткой потѣшались и хохотали такъ громко, что конь испугался и помчалъ сломя голову. Никитка не осилилъ удержатъ его и самъ не удержался, вылетѣлъ изъ саней на крутомъ раскатѣ и въ новомъ дубленомъ полушубкѣ плашмя растянулся въ грязной лужѣ. Дунька словила вошши и, не удерживая лошадь, не оглядываясь на барахтающагося мужа, понеслась домой, при оглушительномъ хохотѣ и крикахъ толпы: «Бизьяна-то подбери, бизьяна-то!... Бизьянъ въ лужѣ уходится!...»

— «Бизьянъ, бизьянъ!» — гудѣло въ ушахъ Авдотьи, когда лошадь остановилась у воротъ Назарова дома и заржала во всю глотку.

— Никитка гдѣ? — сурово спросилъ свеноръ, отворяя ворота. — Пьянъ напился?

— Пьянъ! Съ реду онъ у васъ пьянъ! — не сдержалась Дунька, готовая плавать, рыдать, драться отъ срамоты и досады.

— Гдѣ онъ? — уже хрипѣлъ Назаръ Савельевъ.

— Въ грязи копаются, въ лужѣ... Поди подбирай, не то уходится вашъ бизьянъ!

Авдотья вошла въ избу, хлопнула дверью и, не раздѣваясь, ничкомъ повалилась на лавку. Точно сивозъ сонъ слышала молодая, какъ вернулся ея мужъ, какъ оралъ на него старикъ, какъ несчастный Никитка стоналъ и катался по полу подъ тяжелыми ударами Назарова кулака, какъ визжала Матрена, понося ее, Дунь-

ку, самыми позорными словами. Слышала Авдотья потомъ, какъ вслѣдъ за бессмысленнымъ упоромъ, обращеннымъ къ Назару, что-то опрокинулось и Матрена завyla подъ столомъ. Молодая баба очнулась и вскочила на ноги.

— Батюшка!—крикнула она свекру, готовая вступить за старуху.

— Что?—завоцилъ совсѣмъ озвѣрѣвшій Назаръ Савельевъ и поднялъ надъ нею жилистый кулакъ.

Въ ухахъ у Дуньки зазвенѣло, въ груди какъ бы оборвалось что, и она навзничь упала на лавку, съ которой только что поднялась. Назаръ сразу спохватился, что зашелъ слишкомъ далеко, и съ нечеловѣческимъ ревомъ выбѣжалъ изъ избы. Матрена быстро вылѣзла изъ-подъ стола и вцѣпилась въ длинныя, густыя косы неопомнившейся еще невѣстки.

— Бей ее, Никитка, бей ее, такую-сябую!—визжала старуха, сыпля самую непристойную ругань.

Никитка накинулся на полубезчувственную жену своими дряблыми кулачишками. Сознаніе тотчасъ вернулось къ Авдотѣ. Однимъ взмахомъ руки она отбросила мужа въ уголокъ избы, другимъ отправила свекровь обратно подъ столъ и вышла изъ дома, волоча по грязи запутавшійся за ногу шелковый платокъ съ золотыми разводами, подарокъ свекра, имъ же сбитый съ ея головы.

— Куда?—окликнулъ ее Назаръ на дворѣ и заступилъ дорогу.

— Бь тятѣ, пусти!—рѣзко отвѣтила молодая.

— Стой, слышь... Не гоже такъ... простоволоской.

Авдотья провела рукой по разбившимся косамъ, оглядѣлась, подняла съ земли испачканный платокъ и въ ропускъ покрыла имъ голову.

— Слышь, не гоже, Авдотья,—тихо и убѣдительно говорилъ старикъ.—Не срамись на народѣ... слышь, насъ не срами. Подъ въ горницу, приберись.

Молодая женщина еще разъ оглядѣлась вкругомъ въ какомъ-то раздумьѣ и послушно направилась въ горницу, черезъ сѣни противъ жилой избы. Чуть не со дня рожденія знала Авдотья, что мужики бьютъ женъ, бьютъ за дѣло и зря, съ досады и съ пьяныхъ глазъ, бьютъ нелюбимыхъ женъ, бьютъ и любимыхъ. Выданная насильно за Никитку, она не сомнѣвалась въ томъ, что этотъ мозглякъ захочетъ непременно надъ нею покуражиться, показать свои супружескія права. Но не ждала Авдотья побоевъ отъ свекра, тѣмъ въ особенности обидныхъ, что въ нагорновской округѣ не принято старикамъ бить снохъ, кромя случаевъ безнравственнаго поведе-

нія молодыхъ бабъ. На все, даже на побои женщинъ, существуютъ въ крестьянскомъ быту свои обычаи. Побои ведутъ за собою «раскосмаченье», которое считается большимъ позоромъ для женщины не только при чужихъ людяхъ, но и въ присутствіи самыхъ ближайшихъ родственниковъ мужчинъ. «Раскосмаченье» же кѣмъ бы то не было, кромѣ мужа, это—уже самое послѣднее дѣло, самое страшное оскорбленіе, какое только можетъ быть нанесено женщинѣ; оно равносильно публичному безчестию. Вотъ почему Назаръ, сшибя въ азартѣ платокъ съ головы снохи, выбѣжалъ изъ избы, какъ сумасшедшій. Вотъ отъ чего упала Авдотья безъ чувствъ на лавку, а не отъ пустячнаго удара, нанесеннаго ей свекромъ. Потому же самому не побѣжала она «раскосмаченная» къ отцу, а послушалась Назара и ушла въ горницу.

Назаръ былъ самодуръ, мужикъ крутой и грубый, но не злой. Жаль ему стало молодую красавицу сноху, понапрасну онъ ее обидѣлъ, и досада его разбирала на себя, на сварливую жену и на дурака сына. Походилъ старикъ по двору, выпрягъ изъ саней украшеннаго бляхами коня, отвелъ въ конюшню, постоялъ немного на крыльцѣ, потомъ постоялъ еще въ сѣняхъ, раздумывая о чемъ-то и, круто повернувши, вошелъ въ горницу. Авдотья сидѣла на скамьѣ, опершись на столъ и склонивши голову на руку. Одна коса туго-скрученною плетью падала на спину, другая, распущенная и расчесанная, сбѣгала широкими черными волнами съ колѣна на полъ. Назаръ притворилъ дверь, сдѣлалъ шага два и остановился. Молодая женщина не подняла головы, точно не слыхала ни скрипа двери, ни тяжелыхъ шаговъ свекра.

— Дуня,—окликнулъ онъ,—Дунюшка.

Она вздрогнула, выпрямилась и большими темносѣрыми глазами пристально, не то въ испугъ, не то въ недоумѣніи, глядѣла на старика.

— Слышь, Дуня, ничего это... такъ, слышь. Ты того, какъ-нибудь... Я, слышь, Никитку сокращу и старую вѣдьму сокращу. Не дамъ имъ тебя... Только ты, Дунюшка, слышь, не того...

Назаръ Савельевъ говорилъ тихо, стараясь придать особенную мягкость своему хриплому голосу, и казалось старому богатѣю, что говорить онъ необыкновенно красно и убѣдительно.

— Вамъ что?—удивленно спросила Авдотья, откинула волосы назадъ и прикрылась загрязненнымъ дорогимъ платкомъ.

— Оставь, слышь, Дунюшка,—продолжалъ Назаръ.—Для тебя я не тою что... Никитка не посидѣтъ у меня. Хилеву душу я на

себя сниму. Платокъ этотъ брось, наплюй... Для тебя, слышь, Ду-
ня, лучше куплю, два платка тебѣ... Только ты, Дуня...

Назарь протянулъ руку молодой бабѣ. Авдотья плотнѣе заверну-
лась въ платокъ, быстрымъ движеніемъ отгачнулась назадъ, какъ
бы пытаясь укрыться за столомъ.

— Не трожь, не трожь! — почти крикнула она. — Не надѣть мнѣ
ничего отъ тебя. Пуцай твой бизьянъ издѣвается, а ужь не дамъ
я тебѣ, старому псу, надругаться....

— Дунька, слышь, ополуумѣла?... Чего глотку дерешь? — рас-
терялся Назарь.

— Не трожь, сгинь, грѣхпроводникъ! — уже кричала Авдотья.

Она и вправду ополуумѣла, заподозрѣвши свекра въ такихъ на-
мѣреніяхъ, которыя ему и въ голову не приходили, несмотря на
постоянныя подсказыванія Матрены.

— Такъ вотъ ты чего, треклятая, надумала? — захрипѣлъ онъ
не своимъ голосомъ. — Такъ-то ты, слышь, со мной?...

Старикъ настѣжь распахнулъ дверь и вышелъ изъ горницы.

Съ этого случая жизнь въ домѣ Савельевыхъ день ото дня стано-
вилась все невыносимѣе, и не для одной Авдотьи, а для всей семьи.
Старуха окончателно убѣдилась, что Назарь «не спроста» зашелъ
въ горницу къ снохѣ и что Дунька «не спроста» впустила свекра,
«распущемши свою гриву». Съ своей стороны, Авдотья не сомнѣ-
валась въ томъ, что старикъ приходилъ «съ нехорошимъ», обол-
щать ее платками и утрачивать. Иначе она не умѣла объяснить
себѣ прихода свекра и его странныхъ рѣчей. По этой части она
многое знала отъ своихъ подругъ, вышедшихъ раньше ея замужъ.
Никитка съ дуру вѣрилъ всему и не вѣрилъ никому, ни отцу, ни
матери, ни женѣ, ни себѣ самому. Онъ ненавидѣлъ красавицу
Дуньку, какъ можетъ ненавидѣть женщину только безсильный и
глупый мужъ. Онъ нарочно посылалъ жену за какимъ-нибудь дѣ-
ломъ съ молодымъ работникомъ и шелъ къ отцу съ нелѣпымъ до-
носомъ на нее или оставлялъ Авдотью съ глазу на глазъ съ отцомъ
и бѣжалъ къ матери съ гнусными жалобами на обоихъ. Въ домѣ
поднималась дикая брань, часто переходившая въ драку. Назарь
винилъ во всемъ бабѣ, колотилъ Матрену и приказывалъ Никиткѣ
«учить» жену, при чемъ самъ спѣшилъ уйти какъ можно скорѣй,
чтобы не зарваться опять и не ударить сноху. Никитка наскани-
валъ на жену, но, въ большинствѣ случаевъ, такіе наскоки обхо-
дились для Авдотьи довольно безобидно.

— Прочь, корявый! — окрикивала она мужа. — Не то возьму за
ноги и обѣ печь головой расшибу!

Никитка трусилъ и пятился назадъ, Матрена визжала неистовыя ругательства и не смѣла подступиться къ непокорной невѣсткѣ. Въ особенности они дожимали Авдотью и выводили ее изъ себя надругательствами надъ ея отцомъ, и однимъ смиряли ея гордость—угрозами не заплатить за него подати, какъ было условлено. Второпяхъ, подъ страхомъ розогъ, дядя Хилій обо всемъ договорился съ Назаромъ лишь на словахъ и безъ свидѣтелей и теперь находился въ полной зависимости отъ богатаго свата. Весеннюю недоимку Назаръ внесъ за него, а осенній платежъ задержалъ, и надъ бѣднымъ Хиліемъ опять собиралась едва миновавшая его гроза.

III.

Въ теплый осенній день пронеслась по селу страшная вѣсть, что вотъ-вотъ пріѣдетъ исправникъ «выбивать» подати. Объ этомъ уже говорили на сходѣ и перекигали неплательщиковъ. Назаръ Савельевъ вернулся со схода «выпивши», въ какомъ-то самоудручно-мрачномъ настроеніи. Тамъ, при всемъ народѣ, Хилій униженно просилъ внести за него хотя бы только недоимку, чуть не въ ноги кланялся, плакалъ, называлъ Назара «сватомъ любезнымъ», на-смѣшилъ весь сходъ и сдѣлалъ самого Назара Савельева предметомъ довольно извительныхъ шутокъ. Точно Назаръ безъ него-то, безъ стараго плаксы, не знаетъ, что надо заплатить. Чего онъ лѣзетъ съ своимъ «сватомъ любезнымъ» и срамится при всемъ честномъ народѣ? Злость разбирала Назара, зачѣмъ съ Хиліемъ связался, его Дуньку за сына взялъ; какая-то щемящая боль сосала у него подъ ложечкой и противною горечью подступала къ горлу. Вонъ она, эта красавица Дунька, большеглазая, румяная, статная да непокорная, вонъ она на крыльцѣ стоитъ и лицо отвернула, какъ увидала, что онъ вошелъ въ калитку. Развѣ жена она Никиткѣ? Куда ему, немогутному, такую-то бабу? Ишь у нея руки-то, словно точенныя, шея-то—кипенная, ишь нога босая изъ-подъ юбки выставилась, рубаха бѣлая на высокой груди колышется, ходуное ходитъ... Да эдакую-то бабу... Назаръ остановился и не спустилъ глазъ съ Авдотьи. Она почувствовала на себѣ нехорошій взглядъ свекра, вспыхнула, застыдилась, одернула подоткнутую за поясъ юбку и двинулась съ крыльца во дворъ. Еще пуцая злоба схватила Назара за сердце, злоба на себя за дурную мысль, злоба на бабу за то, что она эту мысль угадала.

— У, треклятая! у самой на умѣ,—ворчалъ старикъ, пытаясь про себя свалить вину на сноху.

— Куда?—проговорилъ онъ вслухъ, сдвигая брови и въ упоръ глядя на Авдотью.

— На огородъ, матушка тамъ,—отвѣтила она и посторонилась отъ старика, входившаго на ступеньки крыльца.

— А Никитка съ работникомъ гдѣ?—спросилъ Назаръ, не давая дороги молодой бабѣ.

— Тамъ, на огородѣ... Я за квасомъ... имъ квасу несу.

— Въ горницу, слышь, иди. Миѣ неси квасу,—съ злымъ выраженіемъ сурово приказалъ старикъ.

— Не пойду,—тихо, но рѣзко проговорила Авдотья.

— А почему, слышь, не пойдешь?—сказалъ онъ еще мрачнѣе.

— Не пойду,—упрямо повторила молодая.

— Не пойдешь? Плохо, слышь, будетъ, коль не пойдешь...—Дикое самодурство такъ и выпѣло на сердце богатя. —Моя въ тебѣ, слышь, воля. Захочу, такъ за волосы сволюку... А твоего дохлаго Хилія завтра драть... Слышь ты, въ волостной драть, коль не пойдешь! А послушаешь добромъ, получай и волоки ему подати, и осеннія, и вешнія. Вотъ онѣ. Слышь, Дунька, покорись...—Старикъ хлопнулъ себя по кожаной кисѣ, висѣвшей у него на груди подъ рубахой.

— Батюшка...—взмолилась Авдотья.

— Покорись, слышь, Дунюшка!—Голосъ Назара сталъ мягче, въ глазахъ блеснуло что-то похожее на ласку.—Покорись... ничего, слышь, не будетъ. Все по-хорошему... Подъ, Дуня, подъ-глупая...

Нежданная мягкость, почти нѣжность, испугала Авдотью больше, чѣмъ гнѣвные окрики свекра. Еще разъ не поняла она прихоти стараго самодура и, подъ влияніемъ подозрѣній Матрены, истолковала въ дурную сторону попытку старика обратить на нее, красивую да сильную, чувство родительской любви, таившейся въ его грубой, но не звѣрской душѣ. Выросшій подъ гнетомъ жестокаго отца и злой мачихи, онъ съ дѣтства не зналъ ласки, не слышалъ добраго слова; не видалъ онъ ни свѣта, ни радости съ глупою женой, ни утѣхи отъ неудачливаго сына. Изъ чувства удовлетвореннаго самолюбія дважды зарождалась въ его зачерствѣломъ сердцѣ теплая отцовская нѣжность къ богоданной дочери. Въ ней онъ безсознательно чаялъ найти утѣшеніе на старости лѣтъ, ея ласковаго слова, ея любящаго взгляда хотѣлъ онъ добиться за все добро, которое искренно желалъ ей сдѣлать, но сдѣлать котораго не умѣлъ. И оба раза она отвѣтила ему оскорбительнымъ подозрѣніемъ. Назаръ протягивалъ къ ней руки, готовый примириться и простить,

чуть не прощенья просить за минутную вспышку гнѣва. Онъ, гордый богатѣй, не знавшій удержа и мѣры своей власти въ домѣ, унижался до просьбы передъ молоденькою бабенкой, передъ дочерью нищаго Хилія. А она быстрымъ и сильнымъ движеніемъ оттолкнула его, старика, съ дороги и, стиснувши зубы, съ лицомъ, искаженнымъ ненавистью и страхомъ, кинулась бѣжать черезъ дворъ къ огородамъ.

— Такъ-то?—зарычалъ ей вслѣдъ Назаръ Савельевъ.— Погоди-жь ты у меня, колода! Въ бараній рогъ согну!...

Матрена и Никитка видѣли съ огорода, какъ Назаръ вернулся домой; по его походкѣ, по тому, какъ на немъ надѣта шляпа, они уже знали, что старикъ былъ выпивши, и переглядывались между собою, подмигивали другъ другу, кивая головою въ сторону дома: «не идетъ, моги, Дунька-то... вонъ оно что!» Наконецъ, Авдотья прибѣжала, запыхавшись и дрожа отъ волненія, съ пылающимъ лицомъ. Квасу она не принесла, — второпяхъ оставила на крыльцѣ. Это и послужило первою придиркой для ругательствъ, которыми разразились на нее свекровь и мужъ. А разъ начавши, Матрена уже не умѣла остановиться и высыпала весь запасъ позорящихъ женщину словъ, столь обильный и многообразный у злыхъ деревенскихъ старухъ. Ей дѣла не было до того, что тутъ же съ ними вмѣстѣ выбиралъ картофель молодой работникъ изъ чужаго села, что черезъ плетень глазѣли и слушали сосѣдскіе ребятишки. Авдотья не отвѣчала ни слова, только лицо ея поблѣднѣло, разгорѣлись ея темные глаза и рука все сильнѣе и сильнѣе сжимала желѣзный скребокъ, которымъ рыли картофель. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло, если бы не появился въ воротахъ Назаръ Савельевъ, по крику жены догадавшійся, въ чѣмъ дѣло, и не притроизилъ избить всѣхъ палкой.

На утро село всполошилось. Забѣгали сотскіе, десятники и старосты. Всѣ какимъ-то чудомъ уже знали, что исправникъ пріѣхалъ «лютѣ звѣря» и что неплательщикамъ не будетъ пощады. Авдотья вышла за ворота поджидать, когда поведутъ ея отца въ правленіе. Она хотѣла зазвать его въ смутной надеждѣ, что авось въ послѣднюю минуту свекоръ смируется надъ несчастнымъ старикомъ. Мимо воротъ бѣжалъ мальчикъ-десятникъ.

— За кѣмъ? за моимъ тяткой, что ли?—спросила она.

— Эвоя! Дядя Хиліяй ужъ тамотка, привели,—отвѣтилъ мальчикъ, едва переводя духъ и пускаясь бѣжать дальше.

Сердце замерло у Авдотьи. Тяжело волоча ноги, протащила она въ избу и съ глухимъ стономъ упала на колѣни передъ свекромъ.

— Батюшка, смилуйся! — рыдала она, припадая головой къ сапогамъ Назара. — Батюшка, спаси... тятеньку-то повели. Родненькій, желанный!... Господи!... Все, что хочешь... вотъ я, вся тутъ... что велишь. Только тятьку, тятьку моего пожалѣй!

Выраженіе самодовольнаго торжества пробѣжало по хмурому лицу Назара Савельева.

— Ага, теперь, слышь, что велишь! — заговорилъ онъ, приподнимая голову снохи и съ какою-то загадочною усмѣшкой вглядываясь въ ея красивые глаза, казавшіеся еще больше отъ виднѣвшагося въ нихъ ужаса. — Коляна, коляна, а мнѣ, слышь, покоряешься и въ горницу пойдешь со мною, когда влигну? Пойдешь, слышь, Дунька?

— Пойду, батюшка, только тятеньку спаси. Пусть ужъ я пропадаю... Его, старика, не дай осрамить!

Авдотья обнимала колѣни свекра и припадала къ нимъ головой, пряча пылающее отъ стыда лицо.

— Добро, Дуношка, вставай, слышь. Ничего эвтаго не будетъ, и ты, слышь, не сумѣвайся.

Назаръ тихо освободился отъ снохи, надѣлъ кафтанъ, взялъ шляпу и вышелъ изъ избы. Авдотья провела рукою по лицу и оглянулась. На ея счастье, никого дома не было, а то опять поднялась бы ссора, Матрена съ Никиткой нарочно задержали бы старика и не скоро бы выпустили. Они непременно устроили бы такъ, чтобы Назаръ опоздалъ въ правленіе. Черезъ отворенную дверь въ сѣни Авдотья слышала, какъ тамъ что-то скрипнуло, потомъ какъ будто прокрались чьи-то осторожные шаги. Молодая женщина оправилась, прошла въ сѣни и на крыльцо. Нигдѣ никого, только въ заднихъ воротахъ на огородъ мелькнула красная рубашка Никитки. Авдотья не обратила на это вниманія и вышла на улицу тревожно поджидать, что-то будетъ тамъ, въ волостной. Между тѣмъ, Никитка, притаившись въ чуланѣ сѣней, слышалъ отъ слова до слова все, что было говорено въ избѣ, и не посмѣлъ въ одиночку сдѣлаться ни съ отцомъ, ни съ Дуньгой. Мать была на огородѣ, и онъ побѣжалъ къ ней съ доносомъ.

За воротами Авдотья присѣла на кучу жердей и не спускала глазъ съ конца улицы, ведущей къ волостному правленію. Тамъ и сямъ на заваленкахъ избъ, на бревнахъ, а то и просто на травѣ сидѣли женщины, старухи и молодыя; всѣ лица были обращены въ одну сторону, куда повели ихъ отцовъ, мужей и сыновей. Вдали позванивали колокольчики, глухо рокотали бубенцы. Съ площади

показался верховой, труся неспорою рысью на неосѣдланной шаршавой лошаденкѣ.

— Что? что?— раздавались голоса поднимавшихся на встрѣчу ему бабъ.

— Передрали, уѣзжаютъ, — выкрикивалъ онъ какъ-то особенно ухарски, стараясь поднять всачь свою пузатую глячу.

Авдотья замерла на мѣстѣ, не имѣя силъ ни подняться, ни спросить про отца. Колокольчики бойко зазвенѣли, взвилось облако пыли и потянулось на-перерѣзъ улицы вслѣдъ за тарантасомъ, уносившимъ грозное начальство. Изъ-за пыли появилось нѣсколько шляпъ-грешневиковъ. Ни Хиляевой, ни Назаровой шляпы Авдотья не разглядѣла и уже готова была встать и бѣжать имъ на встрѣчу, какъ надъ самою ея головой раздалась давно знакомыя взвизгиванія:

— Что, подлая? Что, треклятая, такая-сякая? Много взяла, много сдѣлала съ старымъ хрычомъ? Выпороти твоего пса Хиляя и тебя, распутницу, сейчасъ за косы и на сходъ. И тебя при всемъ народѣ выпорютъ... Бей ее, волоки за косы!

Никита подскочилъ къ женѣ и, что было въ немъ силеки, ударилъ по затылку. Матрена вцѣпилась въ ея длинныя косы, разсыпавшіяся изъ-подъ сбитой съ головы повязки.

— Волоки на сходъ! Отецъ драный, пушай и ее, гадину, выдерутъ, — голосила на всю улицу озлобившаяся до бѣшенства старуха.

Еще мгновенье, и, отброшенная сильною рукой невѣстки, Матрена вопила, стараясь подняться съ вороха жердей, объ которыя она разбила себѣ голову и спину. Никитка вскрикнулъ раза два и смолкъ; въ разорванной рубашкѣ, съ безжизненнымъ лицомъ, залитымъ кровью, онъ лежалъ въ пыли дороги, безпомощно раскинувши длинныя, тонкія, какъ щепки, руки. Обезумѣвшая Авдотья обрубкомъ дубоваго кола не переставала увѣчить полумертваго мужа. Подбѣжавшіе мужики вырвали у нея колъ, не безъ труда повалили ее на землю и кушаками скрутили ей руки за спину. Вся оборванная, обнаженная по поясъ, красавица Дунька продолжала биться и хрипѣть страшныя проклятія.

— Убила! убила Никитку... Дунька Савельевыхъ мужа убила! — пронеслось по селу съ необычайною быстротой и долетѣло до слуха Назара Савельева и дяди Хиляя, только что расположившихся роснить косушку на мировую.

Съ деньгами Назаръ опоздалъ въ волостное правленіе; но Хиляя, все-таки, высѣченъ не былъ. Исправникъ, въ сущности, только пугалъ недоимщиковъ, хотя, впрочемъ, на этотъ разъ приказалъ

высѣчь двоихъ, заранѣе намѣтивши съ писаремъ пропойць, уже прежде судившихся въ волостномъ судѣ и наказанныхъ розгами за неоднократныя кражи. Матрена и Никитка, съ большого ума, общимъ совѣтомъ порѣшили тоже поугатъ Дуньку и... поугали.

IV.

Въ довольно большой для уѣзднаго города залѣ съѣзда мировыхъ судей отдѣленіемъ окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разбиралось дѣло по обвиненію государственной крестьянки Авдотьи Филипповой, по мужу Савельевой, девятнадцати лѣтъ отъ роду, въ нанесеніи своему мужу, Никитѣ Назарову, тяжкихъ увѣщій, представлявшихъ опасность для жизни. Отпущенная слѣдователемъ на поруки къ отцу, Авдотья до весны прожила у дяди Хилія, получившаго, наконецъ, мѣсто гуменнаго сторожа въ одномъ богатомъ барскомъ имѣніи. Должность пришлась какъ разъ по немъ, особливо когда при немъ была его Дунюшка: работы никакой, знай одно — смотри, чтобы скотина не забрела, да какой-нибудь озорникъ ночью сноповъ не надергалъ, либо не уволокъ вязанки соломы. Управитель — старичокъ добрый и смирный, жалованье хорошее — четыре цѣлковыхъ въ мѣсяць, харчъ отвѣсный, въ прудѣ рыбы много и нѣтъ запрета ловить ее на управителя и на себя, сторожка маленькая, чистая, на отшибѣ за гумномъ, и жили въ ней только старикъ Филиппъ Даниловъ да его Дуня. Барскому сторожу издавна былъ присвоенъ титулъ гуменнаго старосты, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и значеніе нѣкоего начальства, и старика Хилія опять всѣ стали звать, по примѣру управителя, полнымъ именемъ — Филиппомъ Даниловымъ. Захирѣлый мужикъ ободрился, поднялъ посвѣтлѣвшую голову, сталъ ходить съ начальническимъ бадикомъ въ рукахъ и къ поясу себѣ навѣсилъ бирки. Вѣкъ бы такъ прожить и горя бы мало, если бы не тащили къ суду и не стращали Сибирью.

И вотъ конецъ пришелъ: рѣшается Дунькино дѣло большимъ судомъ. Сидитъ она одна, на высокое мѣсто ее посадили; отца къ ней близко не подпускаютъ, совсѣмъ вонъ увели. Велѣли Авдотѣ встать; встала она и недоумѣвающими, большими глазами смотреть на красное сукно, на золотые воротники, на блестящую ризу священника, приводящаго къ присягѣ двухъ какихъ-то господъ, троихъ мѣщанъ и девятерыхъ мужиковъ. Усадили ихъ противъ Авдотьи въ два ряда, стали что-то читать, а про что читали — она не разобрала. Не поняла она и обращеннаго къ ней предсѣдателемъ вопроса:

— Обвиняемая Авдотья Филиппова, признаете ли вы себя виновною въ томъ, что... сентября... года причинили мужу своему... — и т. д. по установленной формѣ.

— Встаньте, Авдотья, встаньте, — зашептавъ на всю залу судебный приставъ.

Молодая баба встала и дальше не знала, что дѣлать. Предсѣдательствовавшій членъ суда, бывшій три трехлѣтія участковымъ мировымъ судьей въ деревнѣ, хорошо зналъ крестьянъ, привыкъ говорить съ ними и повторилъ свой вопросъ въ другихъ, неказенныхъ выраженіяхъ:

— Винитесь ли суду въ томъ, что били мужа коломъ и перешибли ему руку и ребра?

Лицо и глаза Авдотьи сразу измѣнились, приняли осмысленное выраженіе.

— Винуюсь, — тихо проговорила она и опустила голову.

— Сказывайте, за что вы его били. Всю правду сказывайте: что было хорошаго, что худаго, ничего не таите.

Ея темные глаза вспыхнули и спрятались подъ длинными черными рѣсницами.

— Ничего хорошаго я не видала... окромѣ худаго, — заговорила она срывающимся голосомъ, то блѣднѣя, то разгораясь яркимъ румянцемъ. — Тиранили, надругались, позорили... я честная. А они меня всячески на все село срамили... Ничего за мной не было... Изверги они... Силкомъ меня отдали. Тятеньку съчъ вели; они силкомъ, на деньги, взяли меня, а послѣ того обманули... Били меня и мужъ, и свекра, и свекоръ, съчъ грозились на сходѣ, при народѣ на улицѣ раскосмачивали... Не такая я... А онъ... какой онъ мнѣ мужъ?!...

Голосъ Авдотьи совсѣмъ оборвался и она смолкла.

— Мужа вы не любили, говорите? Быть можетъ, кого-нибудь любите? — спросилъ товарищъ прокурора.

— Тятеньку, — чуть слышно выговорила обвиняемая, и ни у кого уже изыскъ не повернулся во все время судебного слѣдствія касаться этого вопроса, точно всѣ боялись понапрасну оскорбить имъ несчастную женщину.

Привели къ присягѣ свидѣтелей и начали допрашивать по очереди. Старикъ Хилій топтался на мѣстѣ и мямлилъ сквозь слезы что-то невнятное. Никитка сталъ еще плоше, еще противнѣе, и повторилъ только:

— За супротивство однова по затылку. За супротивство... Я ей мужъ. А она коломъ...

Назаръ Савельевъ глядѣлъ настоящимъ звѣремъ и такъ злобно хрипѣлъ, что у Авдотьи морозъ пробѣгалъ по спинѣ. Старикъ взводилъ на сноху гнусное обвиненіе, будто она навязывалась ему въ полюбовницы. Не стерпѣла баба и громко проговорила:

— Вретъ! Онъ—старый грѣхотворникъ! Уневоливалъ, зазывалъ въ горницу, грозилъ силкомъ тащить... Никогда я не согласна... Легче мнѣ въ петлю!

Ее остановили, приказали молчать. Потомъ, погода немного, велѣли спросить свекра.

— Про чего спрашивать?—сказала она, сильно покраснѣвши и не поднимая головы. — Пусть скажетъ, зачѣмъ приневоливалъ идти съ нимъ въ горницу?

Назаръ озирался, какъ волкъ, и прохрипѣлъ:

— Убить бы тебя...— и такъ выругался, что ему приказали замолчать и отойти прочь.

Матрена визгливо причитала про шелковый платокъ, про какую-то капустную разсуду, про работника Ваньку и про недобѣленный холстъ. Отослали и ее садиться къ сторонкѣ. Остальные свидѣтели одобряли Дуньку, говорили, что смиренная она, работающая, ни въ дѣвкахъ, ни замужемъ ни въ чемъ худомъ не замѣчена и отецъ у нея мужикъ хилый, но смиренный и честный, а про семью Савельевыхъ рассказали всю правду, и никто о нихъ добраго слова не вымолвилъ. Когда кончился спросъ свидѣтелей, всталъ товарищъ прокурора и заговорилъ такъ быстро, что Авдотья разобрала только одно послѣднее слово: снисхожденіе, да и то потому, что слово это часто поминалъ ее защитникъ въ разговорѣ съ нею до начала суда.

Поднялся сидѣвшій впереди Авдотьи высокій, сутулый господинъ въ сильно потертомъ фракѣ и громко откашлялся. Молодая женщина знала, что это ея адвокатъ, назначенный судомъ защищать ее, «объявлять отъ всякой напраслины», и стала съ напряженнымъ вниманіемъ вслушиваться въ рѣчи, которыми онъ будетъ ее объявлять. Насторожились присяжные засѣдатели, наострили уши заинтересованныя въ дѣлѣ лица. Кандидатъ на судебныя должности, привезенный отдѣленіемъ суда изъ губернскаго города, говорилъ съ легкою пришепеткой, запинаясь и путаясь; говорилъ онъ длинно, вяло, неувѣренно и опасливо поглядывая на членовъ суда. Присяжные засѣдатели уныло вздыхали, беспомощно сложивши руки на колѣняхъ; свидѣтели мрачно сопѣли; Авдотья переводила широко раскрытые глаза съ измученнаго лица дяди Хилія на согнутую спину своего «объявителя», изъ-за которой виднѣлось мо-

лодчатое лицо исправника, пересмѣивавшагося съ городскимъ мировымъ судьей. Сначала въ сознаниі Дуньки мелькали кое-какія понятныя слова и цѣлыя фразы. Потомъ, очень скоро, вниманіе ея утомилось и вся рѣчь защитника слилась для нея въ какой-то неясный гулъ, въ которомъ она, какъ ни усиливалась, не могла ровно ничего разобрать. И только въ самомъ концѣ еще разъ уловила она послѣднее слово: снисхожденіе.

— Авдотья Филиппова, — раздался голосъ предсѣдателя, — не хотите ли сказать еще чего въ свое оправданіе? Встаньте. Что вы хотите сказать? Говорите.

— Ничего, — Авдотья встала и обвела всѣхъ умоляющимъ взглядомъ. — Ничего, только вотъ... снисхожденіе, — припомнила она послѣднее слово защитника и прокурора. — Будь ваша милость, снисхожденіе... чтобъ меня назадъ къ тятенькѣ... не къ нимъ чтобъ... — и она кивнула головою въ сторону мужа и свекра. — Не если къ нимъ — лучше въ острогъ, въ Сибирь... согласна. Батюшки мои, судьи праведные, помилосердуйте, не погубите!... Христіанская душа... въ Сибирь... убью я... не дамъ надругаться... Утоплюсь! — внѣ себя уже вопила Авдотья.

— Сядьте, сядьте, — пытался остановить ее предсѣдатель. — Посадите ее, — обратился онъ къ приставу, — воды ей дайте.

Она сѣла и что потомъ было говорено, что кругомъ нея происходило, она не слыхала и не видала. Послѣ пятиминутнаго совѣщанія присяжные отвѣтили на всѣ предложенные имъ вопросы: «нѣтъ, не виновна». Предсѣдатель проговорилъ обычную формулу оправданія.

Всѣ сошли съ своихъ мѣстъ, заговорили, задвигались. У Авдотьи въ глазахъ зарябило, все смѣшалось и на мгновеніе совсѣмъ исчезло въ какомъ-то свѣтломъ туманѣ.

— Иди, иди! Чего стоишь? — привелъ ее въ себя голосъ судебного пристава.

Она оглянулась. Рядомъ съ приставомъ стоялъ исправникъ, вытягивалъ свой темный усъ шиломъ и не сводилъ блестящихъ глазъ съ красавицы Дуньки. Она ему низко поклонилась и опустила длинныя рѣсницы.

— Оправдали, такъ иди! Нечего тутъ, иди, — торопилъ приставъ.

— Куда-жь меня теперь? — недоумѣвала баба.

— Вотъ онъ проводитъ. Проводи! — приказалъ приставъ полицейскому солдату.

На дворѣ была уже темная ночь. При свѣтѣ двухъ фонарей у подъѣзда, на бѣломъ фонѣ каменной стѣны выдѣлялась неболь-

шая кучка людей. Впереди стоялъ Назаръ Савельевъ съ сельскимъ старостой, за ними жались другъ къ другу Матрена и Никитка. Передъ Назаромъ вертѣлась невзрачная фигура мѣстнаго «аблакаты» Репейкина въ грязномъ, выцвѣтшемъ пиджакѣ.

— Ты говоришь, стало быть, — мрачно хрипѣлъ Назаръ, — что ничего, слышь, они тамъ не осудили? И теперь, слышь, по закону, Дунька опять выходитъ наша?

— Какъ есть, выходитъ сполна, — подтвердилъ Репейкинъ. — Статья 103 десятаго тома, часть первая, законовъ гражданскихъ: «жена обязана слѣдовать за мужемъ». Понялъ? — обязана. Забирай и волоки за мужемъ, куда хочешь.

— Въ аккуратъ ли, слышь, будетъ? Какъ бы чего... — сомнѣвался Назаръ.

— Какъ есть ничего. Вотъ онъ, сельскій староста, тутъ... опять же я при тебѣ. Чуть что, я сейчасъ по закону: статья 103 — и конецъ. Противъ этого никакой судъ... Даже по этапу можно, вотъ она статья-то.

Назаръ Савельевъ слыхалъ и прежде, что можно по этапу вытребовать жену къ мужу, но не зналъ, какъ взяться въ данномъ случаѣ за непокорную сноху.

— По этапу, слышь, точно... А вотъ какъ теперича ее возьмешь безъ этапа?

— Забирай просто при старостѣ и волоки. Не пойдетъ — силой потащимъ. Я-то на что? — подзадоривалъ обтрепанный адвокатъ въ чайни выпивки, легонькой уголовщины и разбирательства у мирового. — Вотъ она, не зѣвай, не то ищи-свищи ее, какъ уѣдетъ съ отцомъ въ барскую усадьбу. Не больно туда сунешься.

Авдотья сошла съ крыльца въ сопровожденіи плачущаго отъ радости старика Хилія.

— Куда-жь идти-то, тятенька? — и она приостановилась въ двухъ шагахъ отъ подъѣзда.

— Вотъ я тебѣ, слышь, покажу дорогу, — раздался позади нея хриплый голосъ свекра.

Молодая женщина вскрикнула и хотѣла бѣжать. Назаръ Савельевъ сгрѣбъ ее за руки.

— Стой, слышь, отъ меня не уйдешь, — задыхался онъ. — Никитка, держи...

Охваченная ужасомъ, Дунька вырвалась изъ лапъ старика, бросилась на крыльцо и, чуть не сбивши съ ногъ исправника, очутилась въ его объятіяхъ.

— Что такое? — проговорилъ онъ, не выпуская красавицу и

крѣпче прижимая къ себѣ ея молодую, высоко поднимающуюся грудь.—Что случилось?

— Господинъ исправникъ,—подскочилъ къ нему Репейкинъ,—на основаніи статьи...

— Брысь!—не возвышая голоса, оборвалъ исправникъ «аблаката» и сошелъ съ крыльца, придерживая рукою идущую за нимъ Авдотью.

Репейкинъ исчезъ въ темнотѣ.

— Жену, слышь, вашеско-благородіе,—не сдерживая голоса, заговорилъ Назаръ Савельевъ.—По закону, слышь... мужъ не токма... по этапѣ, слышь...

— Пошелъ прочь!—тѣмъ же ровнымъ тономъ сказалъ исправникъ и хотѣлъ пройти мимо.

— Нѣтъ, вашеско-благородіе, это, слышь, не порядокъ,—и Назаръ загородилъ ему дорогу.—Ты, слышь, бабу оставь, потому...

Назаръ точно поперхнулся, крикнулъ грудью и плашмя растянулся на площадку отъ короткаго и отрывистаго исправническаго бокса.

— Въ темную!—все такъ же спокойно скомандовалъ исправникъ полицейскому приставу.—Садись, Дуня,—обратился онъ къ Авдотѣ, обхватывая ея талию и подводя къ своей пролеткѣ.

Дунька потупилась и слегка было рванулась. Но исправникъ такъ ласково заглянулъ ей въ глаза, какъ никто еще не глядѣлъ въ нихъ, такъ нѣжно сказалъ: «Не бойся, моя красавица»,—что Дунька и сама потомъ не помнила, какими судьбами очутилась она въ щегольской пролеткѣ, быстро мчавшейся по темной улицѣ города.

— Тятеньку-то,—робко выговорила Авдотья.

— Отыщутъ и привезутъ, радость моя...

Мягкіе, душистые усы защекотали пылающую щеку Дуньки; что-то неизъяснимо-сладкое, неиспытанное обожгло ея полуоткрытыя губы и огневою струей пробѣжало по всему тѣлу...

Черезъ полгода Василья Васильевича Иванова смѣнили. Красавицу Дуньку онъ съ собой не взялъ, и до сихъ поръ она живетъ въ томъ же городѣ. Всѣ знали ее подъ именемъ Дуньки-исправницы, теперь ее зовутъ Дунькой-офицерской. Дядя Хилій одиноко дожидается свой вѣкъ на барскомъ гумнѣ въ крохотной сторожкѣ.

М. Анютинъ.

СВѢТСКАЯ ДАМА *).

Романъ Гектора Мало.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

У.

Бракъ Жофруа и Габріэли произошелъ именно такъ, какъ разсказывалъ Лепаркуа, но только онъ не сказалъ истинныхъ причинъ, побудившихъ тщеславную, гордую дѣвушку, любящую властвовать, выбрать бѣднаго мужа. Насколько отецъ гордился своимъ происхожденіемъ, настолько дочь стыдилась его, какъ какого-нибудь самаго отвратительнаго недуга. Ребенкомъ она не разъ сопровождала отца въ улицу Св. Маргериты, и неизгладимое воспоминаніе о часахъ, проведенныхъ въ этомъ мрачномъ подвалѣ, гдѣ все было ей противно, гдѣ она сгорала отъ стыда, въ то время какъ отецъ провѣрялъ счеты длинной черной кузины или забавлялся, позвякивая въ рукѣ нѣсколькими монетами, вырученными за проданную имъ кастрюлю, рѣшило ея участь: Габріэль готова была на все, чтобы только свѣтъ, побѣжденный ея богатствомъ, забылъ, откуда явилось это ослѣпившее его богатство.

Уроженецъ Нижней Нормандіи, города Вилледіе-ле-Пуаль, положилъ начало этому богатству послѣ многихъ лѣтъ странствованія по деревнямъ съ коробомъ мѣдной посуды на плечахъ; увлекшись честолюбіемъ и чувствуя въ себѣ достаточно силъ, чтобы осуществить мечты, которымъ онъ предавался, шагая по безконечнымъ дорогамъ или ночуя въ ригахъ и хлѣвахъ, онъ пришелъ въ Парижъ, чтобы разбогатѣть, и открылъ лавочку на улицѣ Св. Маргериты. Трудно было сначала,—иногда не хватало на хлѣбъ; но мужъ и жена, оба привыкшіе къ лишениямъ, не жаловались и

*) Русская Мысль, кн. VI.

приучали къ нимъ единственнаго сына, мальчика, родившагося въ полѣ и безъ сожалѣнія промѣнявшаго цвѣтущіе берега Сіенны на ручьи предмѣстья Святаго Антонія.

Мало-по-малу трудъ, экономія, въ особенности изворотливость въ торговлѣ и смѣлость, принесли довольство, затѣмъ начало богатства, и когда шесть мѣсяцевъ спустя послѣ смерти жены за ней послѣдовалъ и отецъ,—сынъ, уже юноша лѣтъ двадцати, съ удивленіемъ узналъ, что онъ получилъ въ наслѣдство четыреста тысячъ франковъ. Большинство на его мѣстѣ, послѣ десяти лѣтъ молодости, проведенной въ подвалѣ среди стараго желѣза, употребило бы на удовольствія это свалившееся съ неба богатство; но онъ былъ сынъ своего отца, мечтавшаго съ коробомъ на спинѣ разбогатѣть.

Вызвавъ родственницу изъ Вилледіе, онъ поручилъ ей отцовскую лавочку и поступилъ на скромное жалованье въ сто двадцать франковъ въ мѣсяць къ одному плющильщику. Не ремесло прищипки привлекало его; онъ хотѣлъ основательно изучить производство металловъ и не отступилъ передъ скукой начинать съ начала.

Фраза, часто повторявшаяся отцомъ, осталась у него въ памяти: «болѣе заработаешь, продавая копченныя сельди, чѣмъ форели». Она-то и руководила его выборомъ. Употребленіе золота и серебра очень ограничено и совершенно неограниченно употребленія мѣди въ мелкомъ парижскомъ промыслѣ, который въ одномъ этомъ кварталѣ насчитываетъ не менѣе двадцати шести или тридцати тысячъ рабочихъ и мелкихъ мастеровъ-хозяевъ. Работая съ товарищемъ или ученикомъ, эти мелкіе ремесленники не получаютъ задатковъ и часто съ трудомъ находятъ необходимыя сорокъ су на покупку металла. Не имѣя кредита у плющильщика, они лишены возможности работать за неизмѣнимъ матеріала.

Этихъ-то покупателей, «копченыхъ сельдей», какъ онъ называлъ ихъ, хотѣлъ привлечь на свою сторону Лепаркуа. Не много надо было ему времени, чтобы узнать тѣхъ, кто заслуживалъ довѣрія; онъ сошелся съ ними, сочувственно выслушивалъ ихъ жалобы, вѣрилъ въ ихъ надежды на лучшее будущее, и когда въ молочной у него пробовали занять необходимыя сорокъ су, онъ почти всегда вытаскивалъ ихъ изъ кармана, прося только о молчаніи вмѣсто благодарности за оказанную услугу. Въ нѣсколько лѣтъ, потерявши такимъ образомъ двѣсти или триста франковъ, онъ привлекъ къ себѣ этихъ покупателей, которые послѣдовали бы за нимъ всюду, гдѣ бы онъ ни устроился. Онъ устроился не далеко,

у своего же хозяина: «Продайте мнѣ ваше дѣло, или я стану вашимъ конкурентомъ». Такъ какъ предложенная цѣна была почти настоящая, а конкуренція, которой онъ грозилъ, была бы разореніемъ, то хозяинъ вынужденъ былъ согласиться.

Черезъ пять лѣтъ эта скромная вначалѣ мастерская стояла во главѣ крупной торговли Парижа и тогда Лепаркуа, повторивъ приемъ, употребленный въ улицѣ Св. Маргериты, вызвалъ изъ Вилледіе кузена, чтобы передать ему управленіе, а самъ купилъ въ провинціи двѣ большія фабрики, гдѣ въ крупныхъ размѣрахъ производилось плавленіе и плющеніе металловъ. Онъ удержали его не дольше, чѣмъ отцовская лавочка и мастерская, бывшія для него только переходною ступенью. При возрастающемъ по мѣрѣ успѣха честолюбіи онъ въ двадцать лѣтъ достигъ того, что прибралъ къ рукамъ всю торговлю своихъ конкурентовъ.

Его образъ дѣйствій былъ со всѣми одинаковъ: умѣло подготовивъ свои подходы, онъ открыто являлся и высказывалъ свои предложенія: «союзъ или война, богатство со мной, а безъ меня борьба и разореніе». Встрѣчались и такіе, которые сопротивлялись; тогда онъ начиналъ войну такъ, чтобы поняли, что всякая сдѣлка лучше, чѣмъ вражда съ нимъ: добрый со всѣми, кто подчинялся ему и входилъ съ нимъ въ сдѣлку, онъ становился неумолимымъ къ своимъ противникамъ.

Такимъ-то путемъ сынъ лудильщика, вышедшій изъ улицы Св. Маргериты съ четырьмястами тысячъ франковъ, достигъ финансоваго могущества, съ которымъ считался весь торговый міръ: положеніемъ, которое онъ принималъ на биржѣ, часто руководились другіе, такъ какъ, повидимому, онъ ладилъ съ фортуной еще лучше, чѣмъ съ конкурентами, и всѣ знали, что, слѣдуя за нимъ, они останутся въ выигрышѣ.

Покинувъ свою плющильную мастерскую, Лепаркуа позволилъ себѣ роскошь, о которой давно мечталъ: онъ нанялъ квартиру на углу бульвара Вольтера и Château-d'Eau. Здѣсь онъ женился на красивой жидовкѣ, дочери богатаго торговца драгоценными камнями, и въ этой квартирѣ, великолѣпной на его взглядъ, онъ поселился съ молодою женой, купилъ для нея обстановку въ лучшемъ магазинѣ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, съ бронзой изъ улицы Тюренъ, французскими коврами съ бѣлымъ фономъ и яркими коврами, съ хорошенькими бездѣлушками, приобретенными въ Луврѣ или въ магазинѣ Бонъ-Марше.

Но какъ плющильная мастерская, такъ и фабрики въ провинціи, и рудники за границей, и крупныя спекуляціи, и составлен-

ныя имъ общества не удовлетворяли его съ каждымъ днемъ возрастающаго честолюбія, и насталь день, когда это помѣщеніе оказалось несоотвѣтствующимъ его положенію: никто изъ тѣхъ, кого онъ видалъ теперь, не жилъ на бульварѣ Вольтера. Его жена только что умерла, Габріэль вышла изъ монастыря. Подруга княженъ и маркизъ, могла ли она жить въ этотъ буржуазномъ помѣщеніи, великолѣпіе котораго блѣднѣло по мѣрѣ того, какъ присматривались ея глаза къ настоящей роскоши? Правда, восточные ковры смѣнили французскіе, барбедіеновская бронза смѣнила римочныя бездѣлушки, но эта квартира была, все-таки, квартирой, и бульваръ Вольтера оставался, все-таки, на углу Château d'Еаи.

Тогда его нотаріусъ предложилъ ему купить отель на бульварѣ Гаусманна, въ которомъ прожилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ владѣлецъ, разорившійся на его постройку. Посмотрѣлъ Лепаркуа отель и сконфуженно удалился. Что будетъ онъ въ немъ дѣлать? Хотя удача сдѣлала его въ высшей степени гордымъ, въ немъ сохранилась отъ его прежняго положенія нѣкоторая робость. Его состояніе позволяло ему купить этотъ отель, его происхожденіе запрещало: онъ боялся очутиться тамъ не на своемъ мѣстѣ.

Но Габріэль, воспитанная на бульварѣ Вольтера, а не на улицѣ Св. Маргериты, слыша съ дѣтства разговоры о милліонахъ, не знала отцовской робости; въ монастырѣ она сошлась съ подругами, которыя по рожденію или по положенію своихъ семействъ понимали жизнь не такъ, какъ дочь буржуа, и свои понятія онѣ очень быстро передали ей, такъ какъ она только и желала слѣдовать ихъ урокамъ и направленію.

Когда отецъ, послѣ посѣщенія отеля, объявилъ ей, что отказывается покупать его, «такъ какъ чувствовалъ бы себя не на своемъ мѣстѣ среди такого великолѣпія», она разсердилась.

— Нельзя нигдѣ быть не на своемъ мѣстѣ, когда сидишь на золотомъ тронѣ.

Онъ готовъ былъ признать значеніе золотого трона, но страхъ надѣлать неловкостей и возбудить смѣхъ домашними распорядками, несоотвѣтствующими величію этого отеля, удерживалъ его до тѣхъ поръ, пока Габріэль, при посредствѣ Теодолины, не разыскала необыкновенной гувернантки, которая могла быть, въ то же время, и оберъ-церемоніймейстериней. Эта старая дѣва, знавшая этикетъ до мелочей, побѣдила послѣднія колебанія Лепаркуа, предложивъ ему такой штатъ прислуги, который могъ успокоить самыхъ робкихъ: на кухнѣ—главный поваръ, три помощника и двѣ судомойки; въ домѣ—дворецкій, три камердинера, десять лакеевъ, три

горничныя, прачка, экономка, ключникъ; въ конюшнѣ — главный кучеръ и два помощника, шесть конюховъ и два грума, восемь каретныхъ лошадей и четыре для ножи; наконецъ, синяя ливрея съ серебрянымъ галуномъ. Не внушало ли все это довѣрія и увѣренности, что никто не засмѣется надъ поставленнымъ на такую ногу домою и управляемымъ такъ, какъ, повидимому, будетъ вести дѣло эта почтенная особа?

Отель былъ купленъ, и весною, въ одно изъ воскресеній, въ то время, какъ парижская аристократія отправлялась по бульвару на скачки, Габріэль торжественно въѣхала во дворъ роскошнаго жилища. На козлахъ сидѣлъ главный кучеръ, на запяткахъ два лакея въ синей ливреѣ съ серебрянымъ галуномъ; экипажъ, упряжь, кучеръ были безукоризненны, и одобрительные взгляды, обращенные на нихъ, радовали молодую дѣвушку больше, чѣмъ тѣ, которые вызывала ея юная, только что разцвѣтшая красота.

Но отель былъ только первымъ шагомъ къ мужу, который долженъ былъ ввести ее въ высшій свѣтъ, средствомъ, орудіемъ въ ея рукахъ, которое окажется бесполезнымъ, если она не сумѣетъ ловко имъ воспользоваться.

Давно уже были у нея составлены планы относительно замужства, и всѣ достоинства, которыя долженъ былъ соединять въ себѣ мужъ, сводились къ одному, замѣнявшему всѣ остальные, — къ знатному происхожденію. По строгому обсужденіи вопроса съ Теодолиной, оказавшейся, благодаря княжескому титулу и своему характеру, неоспоримымъ авторитетомъ, рѣшено было, что богатство, умъ, деликатность и любезность, — все это — второстепенныя качества — богата она за двоихъ, и умна также; необходимо, чтобы онъ имѣлъ имя; онъ долженъ быть такъ знатенъ, чтобы на двоихъ хватило, онъ долженъ сдѣлать ее изъ дочери выскочки свѣтскою женщиной.

Когда въ монастырѣ, въ длинныхъ бесѣдахъ, подруги вырабатывали эти правила, казалось, что осуществленіе ихъ должно быть легко и быстро: съ ея богатствомъ, Габріэлю стоить только показаться, чтобы мужья явились къ ней съ предложеніями. А, между тѣмъ, случилось не такъ. Правда, они являлись, но всѣ они принадлежали къ міру финансовому или то были австрійскіе бароны, римскіе графы, просто иностранцы, маркизы изъ Испаніи или князья, неизвѣстно откуда, не принадлежащіе ни къ какому парижскому обществу, ни къ аристократическому, ни къ финансовому. Что Теодолинда приняла предложеніе графа де-Линьи, такъ ей и дѣлать было нечего, — тотъ или никто; либо нищета въ одиноч-

ду, либо выступить на бой вмѣстѣ съ нимъ и имѣть полемъ битвы Парижъ, Римъ, Вѣну, т. е. въ результатѣ получить возможность жить богато. Но условія жизни Теодолинды не имѣли ничего общаго съ ея: богатство у нея было и теперь, безъ борьбы и не въ Римѣ или въ Вѣнѣ хотѣла она блистать, а въ Парижѣ жаждала она царствовать съ герцогскою, графскою или маркизскою короной, которая должна была въ одинъ прекрасный день спуститься на ея главу.

Но этотъ день не приходилъ. Вначалѣ она не беспокоилась, но мало-по-малу ею овладѣло нетерпѣніе. Она теряла время, да и, кромѣ того, имя Лепаркуа стѣсняло ее, унижало и она хотѣла бы скорѣе отдѣлаться отъ него. Съ титула княгини она спустилась до герцогини, затѣмъ до маркизы, графини, но, несмотря на всѣ эти уступки, желанный маркизъ или графъ не являлся. А въ это время претенденты, предлагаемые ей отцомъ, смѣнялись одинъ другимъ и, отвергнутые, со стыдомъ возвращались къ своимъ банкамъ и торговлѣ. Тогда-то Теодолинда заговорила съ ней о графѣ Каноель, соединявшемъ въ себѣ, повидимому, всѣ требуемыя качества. Правда, онъ не былъ ни княземъ, ни герцогомъ, а только графомъ, но за то принадлежалъ къ самому древнему и знатному дворянскому роду; имя его значится въ числѣ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя; онъ находится въ родствѣ съ лучшими домами Франціи и Англіи. У него нѣтъ ничего; его отецъ разорился, проигравши все состояніе на скачкахъ, но это не важно и разореніе хорошо даже тѣмъ, что прославило имя Каноель, извѣстное всѣмъ, кто въ продолженіе тридцати лѣтъ посѣщаетъ скачки, къ тому же, онъ разоренъ благородно, съ честью. Графъ еще молодъ, красивъ, добръ, но немного застѣнчивъ, совсѣмъ не похожъ на отца, настоящаго парижанина, онъ даже немного провинціалъ, не занимается лошадьми, посѣщаетъ мастерскія, немного рисуеть и любитъ всѣ произведенія искусства. Такимъ зналъ его де-Линьи и былъ о немъ очень высокаго мнѣнія. Слово «провинціалъ» испугало немного Габріэль, но оно было скорѣе слѣдствіемъ положенія, чѣмъ характера. Графъ Каноель послѣ разоренія не могъ оставаться въ Парижѣ и долженъ былъ жить съ матерью, недавно скончавшейся въ родовомъ замкѣ, знаменитомъ нѣкогда своимъ конскимъ заводомъ, теперь разоренномъ. Графъ только изрѣдка прїѣзжаетъ въ Парижъ и какъ разъ теперь онъ находится здѣсь, и такъ какъ онъ живетъ въ улицѣ Лабордъ, то его можно видѣть каждое утро, когда онъ проѣзжаетъ верхомъ по бульвару, кататься въ лѣсъ. Несмотря на то, что онъ ненавидитъ скачки и имѣетъ на то достаточныя основанія, онъ хорошій и ловкій наѣздникъ. Ставъ у окна, Теодолинда покажетъ ей графа.

Предложеніе было принято, и послѣ того, какъ Жофруа омазался такимъ, какъ его описывала Теодолинда, Габріэль каждое утро появлялась у своего окна, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ проѣзжалъ мимо. Въ первый, во второй разъ онъ ничего не видалъ, въ третій замѣтилъ, въ четвертый придержалъ лошадь, и съ тѣхъ поръ, проѣзжая туда и возвращаясь назадъ, пускалъ лошадь шагомъ, чтобы удобнѣе было поднять голову.

Тогда-то она объявила отцу, что графъ Каноель будетъ ея мужемъ, — онъ или никто.

— Каноель?

Она объяснила, кто былъ этотъ Каноель, и не забыла, притомъ, упомянуть о сподвижникахъ Вильгельма Завоевателя.

— Изъ разоренныхъ!

— Если бы онъ не былъ разоренъ, развѣ бы онъ женился на мнѣ?

— Съ твоимъ состояніемъ ты можешь выбрать мужа, какого хочешь.

— Да, ты правъ, — въ мірѣ финансовомъ. А въ томъ, гдѣ я хочу фигурировать, и, къ тому же, на первомъ мѣстѣ, это дѣло крайне трудное. Я не увлекаюсь и отлично понимаю, что мы такое: выскочки и даже не вчерашніе, а сегодняшніе, и богатство наше бьетъ въ глаза, какъ новая позолота. Это даже не старое золото. Мнѣ не надо тебѣ напоминать, кто были всѣ предложенные тобою до сихъ поръ женихи, — ты знаешь это не хуже меня. И это неудивительно: у насъ нѣтъ связей. Съ твоимъ богатствомъ мы въ этомъ отелѣ болѣе одиноки, чѣмъ ты былъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ твоей квартирѣ Шато д'О. Тѣ, которыхъ ты мнѣ еще предложишь, будутъ такого же происхожденія, и я откажу имъ, какъ и предъидущимъ, потому что они не могутъ мнѣ дать того, чего я хочу: обаянія и авторитета имени. Богатство тѣмъ хорошо и приятно, что позволяетъ намъ давить другихъ; но его одного недостаточно. Когда люди проходятъ передъ этимъ отелемъ, онъ давитъ ихъ массой денегъ, которыхъ стоила постройка, но едва они удалятся на нѣсколько шаговъ, какъ выпрямляются и мстятъ или утѣшаются, крича, что ты выскочка. И вотъ я хочу, чтобы мое замужество, мой титулъ, мое имя, соединившись съ твоимъ богатствомъ, не давали бы никому выпрямиться. Графъ Каноель не имѣетъ состоянія, у меня нѣтъ знатности; такимъ образомъ, намъ нельзя будетъ упрекать другъ друга и, вступая въ ассоціацію, каждый изъ насъ внесетъ свой пай. Кромѣ того, его неизмѣнныя средства дасть то преимущество, что ты будешь держать его въ своей зависимости, что важно въ

будущемъ, и я безъ сопротивленія съ его стороны поведу его тѣмъ путемъ, какимъ захочу. Согласись на этотъ бракъ, который можетъ быть въ твоихъ глазахъ безуміемъ, но это безуміе обдуманное, какъ ты видишь, и даже, если ты хочешь быть благоразумнымъ, не откладывай его. Съ тебя довольно того образа жизни, который я заставляю тебя вести съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ монастыря: прогулки, театры, выставки утомляютъ тебя, мѣшаютъ тебѣ; тебѣ нужна свобода и отдыхъ для твоихъ дѣлъ. Мужъ избавитъ тебя отъ этихъ обязанностей. Я возложу ихъ на него, нисколько не стѣсняясь, а если онъ приметъ ихъ и не всѣ, то мнѣ можно будетъ выѣзжать иногда одной, такъ какъ я буду замужемъ.

Про эти-то объясненія Лепаргуа не сказалъ Жофруа отчасти потому, что неудобно было сказать, а, главнымъ образомъ, потому, что онъ ихъ не помнилъ. Что его особенно тронуло въ просьбѣ дочери, это романтическій фактъ съ окномъ, доказательство въ его глазахъ настоящей любви и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, роковой; этотъ фактъ заставилъ его согласиться, и, слѣдовательно, его онъ и сохранилъ въ памяти.

VI.

Остановивъ выборъ на графѣ Канюель, надо было наиболѣе благопристойнымъ образомъ познакомиться съ нимъ и не менѣе естественно внушить ему мысль жениться на красивой молодой дѣвушкѣ, которую онъ замѣтилъ. Своимъ врожденнымъ и развитымъ практикою интригантскимъ умомъ Теодолинда придумала способъ достигнуть этого двойнаго результата.

Такъ какъ имѣніе Канюеля, обремененное большими долгами, давно продавалось и не находило покупателя, то де-Линьи подъ диктовку жены написалъ Жофруа, что онъ знаетъ богатаго, очень богатаго капиталиста, желающаго купить хорошее имѣніе въ Нормандіи съ замкомъ, лугами, лѣсами, и желаетъ знать, не подходитъ ли его имѣніе подъ требуемыя условія? Началась переписка; затѣмъ былъ назначенъ день для осмотра замка и Жофруа, къ удивленію своему, неожиданно увидѣлъ у себя красавицу съ бульвара Гаусмана въ сопровожденіи отца и пріятельницы, графини де-Линьи.

Какъ имъ встрѣтиться? Этотъ вопросъ былъ строго обсужденъ двумя пріятельницами. Притвориться, что не узнала его? Или, напротивъ, откровенно сознаться, что пріѣхала для него?

Не узнать его—значитъ потерять тѣ выгоды, которыя могла уже оказать продѣлка съ окномъ, и, кромѣ того, было бы притвор-

ствомъ, которое могло оттолкнуть его. Съ другой стороны, начать съ откровеннаго признанія было тоже опасно: пріятельницы не знали его характера, и такъ какъ онъ могъ принадлежать къ числу тѣхъ, кто обращается въ бѣгство при видѣ, что бѣгутъ къ нему, то слѣдовало дѣйствовать осторожно. Онѣ остановились поэтому на среднемъ между этими двумя пріемъ: она дастъ замѣтить, что узнала его, осторожно, таинственно, такъ, чтобы это было понятно только имъ однимъ и осталось бы ихъ тайной; въ то же время, она выкажетъ радостное изумленіе.

— Вы! Изящный всадникъ, которымъ я не могла не любоваться! Незнакомецъ, поднимавшій голову, проѣзжая мимо меня,—это вы! Вотъ неожиданность!

Все произошло такъ и Теодолинда, наблюдавшая за игрой Габріэли, осталась довольна. Повидимому, онъ принялъ встрѣчу за неожиданную.

Начался осмотръ замка подъ предводительствомъ самого Жофруа, не бравшаго на себя этого труда ни для одного любителя, и хотя онъ по всѣмъ правиламъ вѣжливости обращался къ Лепаркуа, но взгляды его и слова относились къ Габріэли.

— Онъ увлеченъ,—шепнула Теодолинда, отставши на минуту съ пріятельницей,—дованчивай его.

Габріэль не надо было понукать; она видѣла впечатлѣніе, которое производила, и старалась умно воспользоваться успѣхомъ. Что онъ увлеченъ ея красотой, было для нея не ново,—онъ уже сказалъ ей это, проѣзжая мимо ея оконъ; теперь же надо было вести себя такъ, чтобы оставить трогательное воспоминаніе въ его умѣ и сердцѣ.

Въ другомъ мѣстѣ она нашла бы, что такой полуразрушенный, старый замокъ, какъ этотъ, ничто иное, какъ развалины, годныя для жилья совъ, и вся обстановка, сохранившаяся со временъ имперіи, когда Каноель возвратились изъ эмиграціи, послужила бы предметомъ насмѣшекъ. Но черезъ де-Линьи она знала, что Жофруа продавалъ замокъ не потому, что ему надоѣли и не нравились эти развалины, которыя онъ, напротивъ, горячо любилъ; чтобы понравиться ему, ей надо было только притвориться, что она раздѣляетъ его чувства, поэтому все, что проносилось передъ ея глазами въ этой быстрой прогулкѣ, вызывало ея восторгъ или благоговѣніе.

Задумчивость овладѣла ею, когда она вошла въ первую залу, большую, высокую и мрачную, въ которой скульптурныя работы на потолокѣ изображали цѣлую поему. Столовая съ каминомъ изъ бѣлаго мрамора и розоваго гранита была восхитительна. Широкая

лѣстница, съ каменными перилами и площадками, была красивѣе всего, что она видала въ этомъ родѣ. Въ комнатѣ, гдѣ когда-то ночевали Людовикъ XIII и Людовикъ XIV, можно было подумать, что она начнетъ молиться. Но гдѣ она оставалась дольше всего, это въ башнѣ, обращенной въ фамильный архивъ, гдѣ на пыльных полкахъ хранились фамильные документы рода Каноель. Съ глубокимъ почтеніемъ попросила она Жофруа открыть одну изъ книгъ, переплетенныхъ въ пожелтѣвшій пергаментъ, и такъ какъ она не могла разобрать стариннаго писанія, въ которомъ стерло чернила, то Габріэль попросила помочь ей, и въ то время, какъ Лепаркуа и Теодолинда, облокотившись на окно, осматривали садъ, они, склонившись надъ пожелтѣвшимъ листомъ, такъ что борода Жофруа касалась щеки молодой дѣвушки, прочли вмѣстѣ:

«Брачный контрактъ».

«Передъ королевскими совѣтниками, нотаріусами Шателе Парижа присутствовали нижеподписавшіеся: высокородный и высокомогущій владѣтельный синьоръ Жофруа, графъ де-Каноель, командиръ кавалерійскаго полка Его Величества, губернаторъ Сентъ-Жанъ-Піе-де-Портъ, владѣлецъ и господинъ...»

Она дочитала бы этотъ контрактъ до конца, если бы отецъ, соскучившись, не помѣшалъ имъ, несмотря на старанія Теодолинды. Конечно, то, что она восторгалась замкомъ Каноель, интересовалась исторіей рода, имѣло большое значеніе, но всего лучше было бы чѣмъ-нибудь тронуть лично Жофруа. Ихъ входъ въ большую комнату, обращенную въ мастерскую, доставилъ ей такой случай.

Вмѣсто того, чтобы быстро пройти мимо, какъ желалъ отецъ, все думавшій о времени отхода поѣзда, она останавливалась передъ каждымъ этюдомъ, попадающимъ ей на глаза, и тогда посыпались комплименты, пріятно щекотавшіе самолюбіе Жофруа; его трогало не то, что она говорила, а ея манера говорить, прелесть улыбки, музыка голоса. Конечно, де-Линьи предупреждалъ ее, но она никакъ не воображала, чтобы эмаль могла быть такимъ прекраснымъ искусствомъ, — это для нея открытіе.

Осмотрѣвъ замокъ, они спустились въ садъ, откуда перешли на конскій заводъ, выстроенный отцомъ Жофруа съ необыкновенною роскошью, въ тотъ годъ, когда его лошадь выиграла большой призъ, *Дерби и Кембриджширъ*. Габріэль всѣмъ восторгалась и интересовалась.

— Мой нотаріусъ договорится съ вашимъ, графъ, — сказалъ Лепаркуа, садясь въ экипажъ, чтобы ѣхать на станцію.

Дѣйствительно, нотаріусы договорились и рѣшили, что, вмѣсто

купчей крѣпости, брачный контрактъ будетъ выгоднѣе для обѣихъ сторонъ и даже для нихъ.

И мѣсяцъ спустя, къ ихъ величайшему удовольствію, брачный контрактъ былъ подписанъ кліентами. По желанію Габріэли, онъ былъ составленъ такъ, чтобы мужъ находился въ зависимости сначала отъ тестя, затѣмъ отъ жены; Жофруа безъ противорѣчій соглашался на все: не все ли ему равно, вѣдь, онъ женился не на деньгахъ!

VII.

Выходя замужъ, чтобы имѣть имя и домъ, Габріэль хотѣла бы на другой же день, какъ она сдѣлалась графиней Канюель, открыть этотъ домъ парижскому свѣту; но осуществленіе этого желанія встрѣтило препятствія, раздражавшія ея нетерпѣніе. Тѣмъ препятствіямъ, которыя происходили отъ состоянія отеля, ей оставалось только покориться или принимать сейчасъ въ своемъ отелѣ въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, или ждать, когда рабочіе кончатъ балльную залу, на которую она рассчитывала, чтобы надѣлать шуму. Но съ тѣми препятствіями, которыя выставлялъ ей мужъ, было не то. Понявъ ея планы, Жофруа осторожно замѣтилъ, что для того, чтобы приглашать къ себѣ гостей, надо быть съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, а эти отношенія можетъ установить только время. Если бы онъ провелъ молодость въ Парижѣ, то могъ бы и теперь поддерживать старыя связи. Но этого не было; окончивъ учиться, онъ путешествовалъ, затѣмъ, вернувшись во Францію, послѣ смерти отца, поселился въ замкѣ Канюель съ больною матерью, изрѣдка пріѣзжая въ Парижъ на короткое время и занимаясь болѣе запутанными дѣлами отца, чѣмъ свѣтскими удовольствіями. Конечно, отъ этого не порвались родственныя и дружескія связи, соединявшія его съ нѣкоторыми знатными фамиліями; но, прежде всего, слѣдовало возстановить эти связи, чего нельзя сдѣлать въ одинъ день. вмѣсто того, чтобы сдать на эти доводы, она пустила въ ходъ все: мольбы, нѣжности, ссоры, гнѣвъ, чтобы настоять на своемъ, и какъ онъ ни отговаривалъ ее, она назначила свой первый праздникъ въ день окончанія работъ. Былъ май; если она не воспользуется концомъ сезона, придется ждать до слѣдующаго года и, такимъ образомъ, десять мѣсяцевъ будутъ отняты для ея славы.

Это раздражавшее ее сначала сопротивленіе мужа заключало въ себѣ то хорошее, что позволило ей устранить супруга отъ устройства праздника, — онъ не желаетъ, обойдутся и безъ него, — по-

ручивъ ему только наблюдать за подрядчиками и торопить ихъ, и онъ безъ разговоровъ принялъ это изгнаніе: время иллюзій быстро прошло для него; онъ начиналъ узнавать жену, ея вкусы, понятія, стремленія и уже зналъ, что ничего не достигнетъ борьбой; если она нуждается въ урокахъ, то, конечно, она извлечетъ пользу не изъ тѣхъ, которые онъ могъ бы дать ей.

Тогда совѣтъ, состоявшій изъ Теодолинды и г-жи де-Бодемонъ, занялся организаціей бала и составилъ списокъ приглашенныхъ, обсуждая каждое имя, строго разбирая его, чтобы видѣть у себя только «сливки» парижскаго общества. Не для друзей отца, капиталистовъ, промышленниковъ, представителей большихъ компаний, ихъ женъ и дочерей, устраиваетъ она этотъ балъ; если бы она захотѣла, они давно бывали бы у нея и безъ ея замужества; а также и не для колоніи иностранцевъ, ѣдущихъ всюду, гдѣ весело, американцевъ, бразильцевъ или другихъ чужеземцевъ, но для того свѣта, откуда дочь выскочки была исключена и гдѣ графиня Каноэль займетъ принадлежащее ей по праву мѣсто.

Теодолинда должна была пріѣхать съ своимъ эрцгерцогомъ, что сразу придастъ царственный тонъ празднику, о которомъ прокричатъ газеты. Но такъ какъ въ послѣднюю минуту эрцгерцогъ куда-то исчезъ, то она быстро вызвала своего римскаго князя, предложивъ въ придачу американцевъ, которыхъ Габріэль и г-жа де-Бодемонъ условились не приглашать.

— Не надо иностранцевъ.

— А эрцгерцогъ?

— Не надо выскочекъ.

— Не надо купцовъ.

Въ первый разъ произошла размолвка между подругами и вслѣдъ затѣмъ послѣдовала другая.

Какой туалетъ надѣнетъ Габріэль? Надѣть ли ей всѣ драгоценности, или держаться смѣлой простоты? Габріэль, зная цѣну своимъ камнямъ и жемчугамъ, хотѣла ихъ показать. Теодолинда и г-жа де-Бодемонъ, лишеныя возможности соперничать съ ней, стояли за простоту.

— Это было бы оригинально!

— Показало бы презрѣніе!

— Дерзость!

Но оригинальность, презрѣніе, дерзость, такъ любимыя ею, не увлекли ее на этотъ разъ. Замѣчанія, насмѣшки, колкости, убѣжденія пріятельницъ разбивались объ ея гордость и тщеславіе.

— Это не соответствовало бы всей обстановкѣ отелѣ.

Соотвѣтствовать обстановкѣ! Сколько обязательствъ налагали уже до сихъ поръ эти слова на отца и на дочь. Въ первый же день переезда Габріэль позаботилась объ этомъ соотвѣтствіи: холодность, величественное равнодушіе, притворное отсутствіе интересовъ, важность, гордость были, по ея мнѣнію, совершенствомъ безукоризненнаго тона. Что касается Лепаркуа, онъ никакъ не могъ напугать на себя ни холодности, ни равнодушія, интересовался всѣмъ, что ему принадлежало, и ежеминутно попадался на томъ, что какъ бы свѣрялъ настоящую цѣнность предметовъ съ заплаченною имъ цѣною. Когда онъ останавливался передъ одною изъ картинъ, не трудно было догадаться, что онъ задумывается надъ тѣмъ, стоить ли на самомъ дѣлѣ этотъ кусокъ полотна, покрытый красками, тѣхъ ста тысячъ франковъ, которыя онъ заплатилъ за него, и воротить ли онъ ихъ; а когда онъ провожалъ взглядомъ одного изъ величественныхъ лакеевъ, легко было понять, что онъ говорилъ про себя: «Ты, милѣйшій, не заслуживаешь тѣхъ трехъ тысячъ франковъ, которыхъ стоишь мнѣ въ годъ».

Этотъ-то именно упрекъ сдѣлала ей, наконецъ, раздраженная Теодолинда:

— Положительно, ты становишься похожей на отца!

Но и тотъ упрекъ не достигъ цѣли; когда у женщины есть жемчуги и брилліанты, стоящіе два милліона, она не держитъ ихъ въ футлярахъ. Безъ содѣйствія подругъ, она переговорила съ своимъ портнымъ, сдѣлавшимъ ей великолѣпное платье изъ тяжелой серебряной парчи, расходящееся спереди, съ фартукомъ изъ жемчужной сѣтки, съ лифомъ, отдѣланнымъ жемчугомъ и брилліантами; брилліанты покроютъ шею, брилліантовая корона будетъ въ волосахъ, брилліанты будутъ всюду; при электрическомъ освѣщеніи это будетъ ослѣпительно. И дѣйствительно, желанный эффектъ получился; когда, спустившись изъ своихъ апартаментовъ, она прошла къ ожидавшимъ ее отцу и мужу, черезъ прихожую, гдѣ лакеи уже находились на своихъ мѣстахъ, ея быстрый приходъ похожъ былъ на паденіе звѣзды, оставляющей за собою яркій слѣдъ.

VIII.

При ея входѣ въ гостиную, гдѣ разговаривали Лепаркуа съ зятемъ, отецъ не могъ удержаться отъ горделиво-радостной улыбки и остановился въ восторгѣ, пораженный красотою дочери и ослѣпленный блескомъ брилліантовъ.

— Наконецъ-то, — сказалъ онъ, — ты дѣлаешь честь маленькимъ подаркамъ отца.

Выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ: «маленькіе подарки», ясно показывало тому, кто зналъ его, что на этотъ разъ онъ не сожалѣеть о потраченныхъ деньгахъ и получилъ на нихъ удовольствіе. Хотя онъ старался обыкновенно быть сдержаннымъ съ своимъ зятемъ, онъ не могъ заставить молчать свою гордость.

— Подумайте только, — сказалъ онъ, — вѣдь, на ней теперь сто тысячъ франковъ годоваго дохода.

Но Жофруа не раздѣляя этого восторга, и даже тѣмъ недовольства, замѣченная Габріэлю, скользнула по его лицу.

— Это не въ вашемъ вкусѣ?—спросила она.

— Вы знаете, что никто не восторгается вами такъ, какъ я.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ не нравится мой туалетъ?

— Онъ восхитителенъ.

— Это иронія, не правда ли? Чѣмъ онъ вамъ не нравится?

— Ничѣмъ, развѣ только тѣмъ, что я предпочелъ бы видѣть этотъ туалетъ на васъ въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь.

— Почему?

— Потому что здѣсь вы дома, и приличнѣе предоставить первое мѣсто гостямъ, чѣмъ брать его себѣ.

— Какое странное выраженіе удовольствія по поводу того, что я занимаю это первое мѣсто!

— Ваша красота дала бы вамъ его и безъ того, чтобы кто-нибудь могъ оскорбиться.

— Пока никто не пріѣхалъ, — сказалъ Лепаркуа, чтобы прервать непріятный для себя разговоръ, — не дурно было бы посмотреть, все ли въ порядкѣ.

Изъ гостиныхъ, освѣщенныхъ лампами и свѣчами, они перешли въ бальную залу, залитую электрическимъ свѣтомъ. Музыканты уже сидѣли въ оркестрѣ, равнодушные къ окружающей ихъ роскоши и довольные только тѣмъ, что, благодаря этому освѣщенію, имъ не будетъ очень жарко, когда наполнится зала.

Въ то время зала была совершенно пуста и свѣтъ, падавшій на стоявшіе вдоль стѣнъ диваны изъ голубаго штофа, въ первый разъ выказывалъ во всемъ блескѣ живопись на потолкѣ и фризахъ, такъ что Габріэль, всегда равнодушная къ произведеніямъ искусства, пришла въ восторгъ.

— Вамъ слѣдовало бы назначить на этотъ часъ свиданіе архитектору, — сказала она мужу, — мы могли бы высказать ему похвалы.

— И онѣ были бы вполне заслужены.

И такъ, къ архитектору относились похвалы: для его жены

и для тестя участіе, которое онъ принималъ въ постройкѣ и отдѣлкѣ залы, ничего не значило. Но развѣ это могло удивлять его? Давно прошло то время, когда Габріэль интересовалась его занятіями и не могла рѣшиться уйти изъ мастерской въ замѣтъ Баноель; теперь, если случайно заговаривали объ его эмаляхъ, она стыдилась, какъ будто это были занятіе и вкусы, унижительные для его положенія. Пройдя залу въ сопровожденіи отца и мужа, она направилась къ большому столу, стоявшему на противоположной оркестру сторонѣ; онъ былъ покрытъ покрываломъ изъ розоваго газа, по обѣ стороны стояли безмолвно и неподвижно, точно на часахъ, два самые красивые и величественные лакея въ парадныхъ ливреяхъ.

— Снимите покрывало,—сказала Габріэль.

Когда его сняли, глазамъ открылся столъ съ аксессуарами для катильона, разложенными въ такомъ порядкѣ, какъ могъ бы сдѣлать только самый искусный въ дѣлѣ выставки товаровъ приващикъ. Но рядомъ съ встрѣчающимися на всѣхъ балахъ вещами: шелковыми или газовыми шарфами, тамбуринами, лентами, цвѣтными шарами, китайскими вазами и другими ничего нестоящими бездѣлушками, на самомъ видномъ мѣстѣ, чтобы поразить взоры и возбудить алчныя желанія, выдѣлялись золотые портбонеры, портсигары, вѣера, булавки для галстуковъ съ жемчужинами, кольца съ драгоценными каменьями, корзины съ цвѣтами, кошельки изъ золотыхъ или серебряныхъ колечекъ, эмалированные футляры, флаконы, бонбоньерки, акварели, ожерелья, браслеты,—настоящая выставка ювелира.

Габріэль обратилась къ отцу.

— Ты видишь,—сказала она,—твои деньги хорошо употреблены.

Тогда тотъ, обратившись къ зятю съ искреннею улыбкой, сказалъ:

— Это маленькій сюрпризъ.

Жофруа ничего не отвѣтилъ.

— Какъ вы находите его?—спросилъ Лепаркуа.

— Жаль, цѣны не выставлено,—сказалъ Жофруа.

— Каково! Это мысль!—воскликнулъ Лепаркуа, не сразу понявшій иронию.

Но Габріэль была сообразительнѣе отца, и изъ боязни насмѣшекъ всегда была на-сторбѣ.

— Аксессуарамъ катильона достается наравнѣ съ моимъ туалетомъ,—сказала она.

— Не совсѣмъ.

— Чѣмъ, наконецъ, они вамъ не нравятся?

— Тѣмъ, что слишкомъ цѣнны; это какъ будто плата нашимъ танцорамъ.

— Не беспокойтесь, наши танцоры не будутъ за это въ претензіи.

У Жофруа отвѣтъ былъ на языкѣ, но онъ удержался. Въ чему было обострять несогласіе, уже обнаружившееся между женою и имъ? Это несчастіе ихъ двухъ натуръ, что они расходятся во многомъ: для него была униженіемъ эта грубая выставка богатства, для нея—торжествомъ. Отъ замѣчаній, которыя онъ сдѣлалъ бы теперь, не исчезнуть эти драгоценности; лучше было не настаивать,—онъ и такъ сказалъ слишкомъ много.

Осмотръ продолжался, и изъ бальной залы, черезъ анфиладу гостиныхъ, они направились въ столовую, близость которой чувствовалась по запаху трюфелей; смѣшанному съ ароматомъ розъ. Она была обращена въ громадный буфетъ, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ на восемьсотъ человекъ, умирающихъ отъ голода.

Габріэль имѣла обыкновеніе строго провѣрять подаваемые ей перваго числа счеты и не принимать сомнительныхъ тратъ, хотя бы это было всего нѣсколько копѣекъ, такъ какъ насколько она была расточительна тамъ, гдѣ это было на-показъ, настолько расчетлива и даже скупа въ повседневной жизни; но метръ-д'отель и управляющій, узнавъ ее поближе, поняли, что въ данномъ случаѣ строгости не будетъ мѣста, и воспользовались, чтобы вознаградить себя за убытки, которые она слишкомъ часто наносила имъ.

— Надо, чтобы видѣли, что всего много,—сказала она, заказывая ужинъ.

Они повиновались, согласившись въ точности исполнить это приказаніе, также какъ согласились честно раздѣлить поровну пять или шесть тысячъ франковъ, которые имъ удастся сорвать безъ споровъ съ «лудильщицы», какъ они называли свою хозяйку.

Смотря на это изобиліе съѣстныхъ припасовъ, разложенныхъ на сверкающей чистотою скатерти среди гирляндъ и сноповъ цвѣтовъ, Жофруа не могъ не вспомнить первыхъ дней супружества, когда онъ пытался научить жену искусству быть любезной и деликатной, повторяя ей уроки, полученные отъ матери и опредѣляющіеся словами Лабрюйера: «Признакъ неблаговоспитанности—предлагать что-либо неохотно: самое трудное, это—предложить, чего же стоитъ прибавить улыбку?» Но онъ не достигъ цѣли, улыбка не по-

явилась и онъ никогда не могъ пріучить жену предлагать, разъ она хочетъ это сдѣлать, безъ недовольства, безъ жалобъ, любезно и деликатно, и особенно не поступать всегда такъ, чтобы унижить тѣхъ, кому она дѣлаетъ одолженіе. На добро она была скупа и щедра только изъ тщеславія.

Они вернулись въ гостиную, а гости все еще не пріѣзжали; время, между тѣмъ, шло и Габріэль начинала волноваться и сердиться: какъ это не торопятся ѣхать къ ней?

А, между тѣмъ, всѣ знали заранѣе о приготовленныхъ чудесахъ: первое представленіе въ театрѣ не могло бы быть лучше объявлено. Всѣ тонкости умѣлой рекламы были пущены въ ходъ, такъ какъ, кромѣ статей Гаскина, посланныхъ въ газеты, немного грубыхъ вслѣдствіе коммерческой точности, архитекторъ, строившій залу, художники, электро-техникъ писали съ своей стороны; и даже весьма кстати случилась катастрофа съ двумя тяжело ранеными рабочими по собственной винѣ, что лишало ихъ возможности просить вознагражденія.

— Что же это никто не ѣдетъ?

И, задавая себѣ этотъ вопросъ съ смутнымъ безпокойствомъ, Габріэль вспомнила о нѣсколькихъ письмахъ, безъ всякой необходимости полученныхъ въ отвѣтъ на посланныя ею приглашенія. Ея ярость была безгранична, когда она увидѣла надпись на конвертѣ: «Графиня Канюель, урожденной Лепаркуа»: графиня Канюель было написано мелко, Лепаркуа очень крупно; но она видѣла въ этомъ только проявленіе низкой злобы, внушенной завистью, а не угрозу въ будущемъ, теперь же она въ волненіи спрашивала себя, не было ли это предупрежденіемъ?

Стукъ подъѣхавшаго къ крыльцу экипажа прервалъ ея думу.

— Наконецъ-то пріѣхали!

Сдѣлавъ знакъ мужу, чтобы онъ слѣдовалъ за нею, она побѣжала въ гостиную, находившуюся рядомъ съ прихожей, гдѣ она должна была принимать гостей.

— Кто?

Если бы это была графиня д'Юниеръ, ей хотѣлось бы, чтобы она была первой, такъ какъ, за неимѣніемъ принцессы крови, Габріэль никому не была рада такъ, какъ этой царичѣ аристократіи: когда-то существовали хорошія отношенія между графами Канюель и князьями де-Шамбрэ, отъ которыхъ происходила г-жа д'Юниеръ, и Габріэль была увѣрена, что она приметъ приглашеніе. Пріѣхалъ какой-то молодой человекъ, ухаживавшій за ней съ полгода, не встрѣчая, впрочемъ, поощренія со стороны Габріэль, довольной его ухажив-

ваніемъ только потому, что онъ увеличиваетъ ея свиту. За нимъ пріѣхалъ второй, третій, еще нѣсколько человѣкъ. Но что ей до нихъ? Не о нихъ же, въ самомъ дѣлѣ, она беспокоится. Ей нравилось видѣть ихъ около себя въ обществѣ, нравились ихъ ухаживанія, но ни одинъ не могъ похвастаться ея предпочтеніемъ передъ соперниками. И всѣ, воображавшіе, что эта красивая молодая женщина, равнодушіе которой къ мужу было извѣстно, уступитъ когда - нибудь капризу, слабости или порыву страсти, не совсѣмъ знали ее. Въ дѣйствительности она безумно любила поклоненіе, и только поклоненіе, отъ кого бы оно ни было, никогда не интересуясь самимъ поклонникомъ. Полушепотомъ, съ томнымъ взоромъ, точно уступая непреодолимой силѣ, она будетъ вамъ говорить, что вы самый прелестный человѣкъ, самый умный, самый нѣжный, самый глубокій, самый красивый или самый гениальный, какого только она встрѣчала; но только что вы отойдете, она повторитъ тотъ же комплиментъ тому, кто окажется на вашемъ мѣстѣ около нея, измѣняя его только сообразно характеру, который она предполагаетъ въ собесѣдникѣ. Какъ грубо это ни было, рѣдкій человѣкъ не поддавался на это, — такъ очаровательна была улыбка, сопровождавшая эти слова, такъ нѣженъ голосъ, произносившій ихъ, и соблазнительна скромность, пересиленная искренностью, влагаемою ею въ признаніе.

Изъ гостиной, обтянутой бѣлою парчей, гдѣ стояла улыбающаяся Габріэль, она не видѣла всей прихожей; но по шуму ея ухо умѣло угадывать, мужчина или женщина идетъ; стукъ экипажей и хлопанье дверей возвѣстили о пріѣздѣ новыхъ гостей, и почти тотчасъ же раздался шелестъ шелкового платья, — пріѣхала женщина.

Она хотѣла оттолкнуть мысль о г-жѣ д'Юніеръ, говоря, что она пріѣдетъ позднеѣ; вѣроятно, это княгиня д'Оссонъ и герцогиня де-Шармонъ.

Это оказалась Теодолинда подъ руку съ своимъ римскимъ княземъ, сопровождаемая мужемъ, счастливая, что можетъ показать всему Парижу степень своей близости съ человѣкомъ, насчитывающимъ нѣсколькихъ папъ въ своей фамиліи.

Потомъ пріѣхала г-жа де-Бодемонъ съ отцомъ, съ заспанными глазами, такъ какъ ей пришлось будить его, чтобы выйти изъ экипажа, шедшимъ какъ лунатикъ и искавшимъ еще у самыхъ дверей укромнаго уголка, гдѣ можно было бы возобновить прерванный сонъ.

Много было укромныхъ уголковъ въ этой длинной анфиладѣ пустыхъ комнатъ, гдѣ меланхолично бродило нѣсколько тѣней, удивленныхъ, растерянныхъ, точно заблудившихся и недоумѣваю-

щихъ, что означаетъ эта пустота, тѣмъ болѣе поразительная, что оркестръ въ бальной залѣ игралъ маестозо, чтобы произвести шумъ, а не заставить танцовать, такъ какъ никого не было.

Между тѣмъ, экипажи продолжали подъѣзжать, но съ большими перерывами, а не безконечною нитью, какъ бы слѣдовало въ такой поздней часъ. Каждый входящій гость приносилъ хозяйкѣ новое разочарованіе: пріѣзжали не стоявшіе во главѣ списка, какъ она ожидала, а стоявшіе въ концѣ, — люди, допущенные ею только для того, чтобы составить толпу и наполнить комнаты. Но, протянувъ руку, съ улыбкой, не сходящей съ губъ и глазъ, она привѣтствовала нѣсколькими любезными словами, какимъ-нибудь приятнымъ комплиментомъ проходившихъ мимо нея, въ глубинѣ сердца полная бѣшенства и досады; ноги у нея подкашивались и она машинально повторяла шепотомъ:

— Не ѣдутъ, подыме... канальи!...

Канальи были тѣ, чье присутствіе было бы для нея честью, подыме — тѣ, которымъ она хотѣла сдѣлать честь, пригласивъ ихъ.

Среди ея злобы и отчаянія ей блеснулъ лучъ надежды; въ числѣ рѣдкихъ гостей, проходившихъ мимо нея, она замѣтила одного, котораго не знала, въ очень изысканномъ костюмѣ, даже слишкомъ изысканномъ, слишкомъ обвѣшаннаго брилліантами и слишкомъ раздушеннаго, который послѣ глубокаго поклона безмолвно прошелъ въ гостиныя, но почти тотчасъ же вернулся; тогда она услышала, какъ онъ сказалъ Жофруа:

— Какъ поздно съѣзжаются теперь, — и тотчасъ же шепотомъ прибавилъ: — Обязанъ вернуться въ редакцію... нужно печатать... роскошный праздникъ... восхитительная рамка... какъ я говорилъ вамъ третьяго дня... мы будемъ первыми.

Изъ этой отрывочной фразы ее поразило только начало: «какъ поздно съѣзжаются теперь». Она повторяла ее, говоря, что объясненіе этого журналиста вѣрно; очевидно, еще пріѣдутъ.

Но вслѣдъ затѣмъ она ясно поняла, что глупо тѣшиться этою надеждой; лучше, чѣмъ кто-либо, она знала, въ которомъ часу съѣзжаются, и что обычный часъ уже прошелъ.

Какъ ни мало было гостей, балъ долженъ былъ начаться; танцы будутъ развлеченіемъ злословію, которое она угадывала, и той удручающей скуки, которую она видѣла. Но если танцы могли разогнать скуку, они не могли наполнить гостиныхъ и бальной залы: двигаясь, танцующіе не умножались. Въ этой великолѣпной залѣ, гдѣ свободно могли помѣститься пятьсотъ человѣкъ, двадцать или тридцать танцующихъ были едва замѣтны; и, видя себя

одиногими, на счету, они ощущали холодъ, котораго ничто не могло согрѣть.

Осмотръ дома вызвалъ искреннюю улыбку на лицѣ Габріэли, отблескъ глубокаго внутренняго довольства и гордости, потому что все, что она видѣла, подтверждало, что ни чей домъ не могъ сравниться съ ея отелемъ. Ни напрасное ожиданіе, ни нетерпѣніе, ни досада, ни обида, ни злость не уничтожили этой улыбки, но она сдѣлалась похожа на улыбку актрисы, которой надоѣла роль, или на улыбку женщины, которая, позируя въ продолженіе мѣсяцевъ для портрета à la Josonde, достигла овѣщія лица. На ея прекрасномъ правильномъ лицѣ совсѣмъ некрасивы были складки, образовавшіяся подъ нижнимъ векомъ и вокругъ глазъ.

Чтобы поддержать себя, она говорила, что, кромѣ Теодолины и г-жи де-Бодемонъ, никто не знаетъ, сколько разослано приглашеній, и, слѣдовательно, не можетъ назвать недостающихъ; но это было плохое утѣшеніе, потому что надо было ослѣпить, чтобы вообразить, что ея гости находятъ естественнымъ, видя себя столь малочисленными на этомъ балѣ, о которомъ было объявлено заранѣе, какъ о парижскомъ событіи. Если она не слышала того, что говорилось, такъ какъ при ея приближеніи водворялось молчаніе, то она видѣла маленькія группы, собиравшіяся въ углахъ и амбразурахъ, и слышала, какъ шептались, оглядываясь по сторонамъ и выдавая мимикой свое удивленіе или насмѣшку: «Баково!» — «Вотъ такъ событіе!» Возникало даже опасеніе, какъ бы не развѣхались нѣкоторые изъ недовольныхъ и униженныхъ неудачею праздника...

IX.

Между тѣмъ, никто не уѣзжалъ и даже изрѣдка прибывали новые гости, — правда, не изъ «сливокъ» общества; но какъ ни мало родовиты они были, они наполняли пустоту и потому встрѣчали самый радушный приемъ: пожимая имъ руки, Габріэль улыбалась привѣтливо и дѣлалась оживленнѣе. Разъ она даже блеснула искреннею радостью: Габріэль замѣтила герцога Шомскаго, разговаривавшаго съ Жофруа. Этотъ изъ «сливокъ», и изъ самыхъ настоящихъ! Правда, промотавъ четыре или пять состояній, онъ былъ разоренъ настолько, что неизвѣстно было, на какія средства существовалъ, но за то онъ считался законодателемъ моды и учредителемъ (въ чужихъ домахъ) самыхъ оригинальныхъ празднествъ, какія только задавались за послѣднія десять лѣтъ. Въ молодости онъ

былъ покорителемъ сердець, но теперь, накрашенный, намазанный, затянутый въ корсетъ, сохранившій ему, несмотря на его шестьдесятъ лѣтъ, еще стройную фигуру, онъ довольствовался болѣе скромными успѣхами и занимался женщинами только для нихъ, руководя ими, научая одерживать побѣды и пользоваться торжествомъ, которое онъ доставлялъ имъ своимъ жизненнымъ опытомъ, своими совѣтами, уроками и искуснымъ руководствомъ. Такимъ образомъ, въ свѣтъ образовался кружокъ его ученицъ, вслѣдствіе чего онъ получилъ прозвище «Марковскій салоновъ», по соответствію съ настоящимъ Марковскимъ—«Марковскимъ пирушекъ», пустившимъ столько женщинъ по торной парижской дорожкѣ.

Онъ самъ смѣялся надъ такимъ сравненіемъ и прозвищемъ, находя его вовсе не оскорбительнымъ, а даже, напротивъ, говоря объ этомъ, онъ прибавлялъ, что роль его тетки была удобнѣе и легче: «У него, по крайней мѣрѣ, не было недостатка въ людяхъ,— говорилъ онъ,— тогда какъ у меня...» Чтобы не броситься къ нему, Габріэли пришлось сдѣлать надъ собою усиліе.

Наконецъ-то! У нея будетъ безспорно знаменитое имя!

Правда, герцогъ обѣщаль пріѣхать, но, вѣдь, и многіе также приняли приглашеніе и, повидимому, очень довольные, обѣщались непремѣнно быть, а, между тѣмъ, ихъ не доставало, начиная съ этого негоднаго эрцгерцога, въ котораго она имѣла глупость вѣрить.

Неторопливо, чтобы не показать пережитыхъ терзаній, Габріэль направилась къ герцогу и на этотъ разъ вполне искренно сказала ему, что онъ самый милый, самый умный и самый красивый изъ всѣхъ, кого только она до сихъ поръ знала. Она вошла съ нимъ въ бальную залу, гдѣ онъ, какъ и Сильва, восторгался чудною рамкой и, платя тою же монетой за комплименты, которыми она только что осыпала его, объявилъ, что въ Парижѣ нѣтъ ничего равнаго этой залѣ: чтобы создать подобную галерею, необходимо соединеніе,— къ несчастію, рѣдко встрѣчающееся, настолько рѣдко, что можно сказать оно и не существуетъ,— соединеніе вкуса и богатства. При подобной обстановкѣ можно задавать такія празднества, какихъ нигдѣ больше не увидятъ. Проходя мимо аксессуаровъ для котильона, герцогъ прервалъ свой хвалебный гимнъ и произнесъ фразу, успокоившую Габріэль. Газовые вуали были сняты и два неподвижные лакея, какъ драконы, охраняли эти сокровища.

— Съ подобною выставкой, — сказалъ герцогъ, — вы можете быть увѣрены, что ваши гости уйдутъ только когда столъ опустѣетъ!

— Этотъ выборъ вамъ нравится?

— Превосходенъ! И если бы объ этомъ зналъ кое-кто изъ

тѣхъ, кого я здѣсь не вижу, я даю вамъ слово, что многіе изъ отсутствующихъ были бы въ вашей залѣ!

Когда изъ бальной залы они прошли въ столовую, герцога опять вернулся къ тому предмету, котораго коснулся въ залѣ.

Съ того времени, какъ Габріэль съ отцомъ и мужемъ проходила по столовой, въ ней разставили маленькіе столики для желающихъ ужинать сидя, и на скатертяхъ, убранныхъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ, стояли накрытые приборы съ переливающимися разноцвѣтными огнями хрусталемъ и серебромъ. Она пригласила герцога съѣсть за одинъ изъ маленькихъ столиковъ и, приказавъ подать ему салатъ изъ раковъ à la gelée, заняла мѣсто противъ него; тогда, закусывая, онъ заговорилъ въ полголоса о томъ, что, очевидно, хотѣлъ высказать:

— Подозрѣвали ли вы о составленномъ противъ васъ заговорѣ?

— Какомъ заговорѣ?— спросила она, быстро бросивъ вокругъ себя взглядъ, выдавшій ее; но никого не было на такомъ разстояніи, чтобы можно было слышать, къ тому же, оркестръ заигралъ прелюдію шумнаго вальса.

— Ваше восклицаніе говорить мнѣ, что вы поняли меня, а также и вашъ взглядъ. Но я вполне понимаю, что вы колеблетесь мнѣ отвѣчать, такъ какъ не знаете, насколько глубока и искренна симпатія, которую вы мнѣ внушаете. Я выскажусь яснѣе. Заговоръ, о которомъ я говорю, заключался въ томъ, чтобы не быть на вашемъ балѣ и заставить васъ протомиться весь вечеръ одну въ пустыхъ залахъ.

— И вы знали!...

— Мнѣ не сообщали пароля, который передавался шепотомъ, такъ какъ, если бы я зналъ навѣрное, то предупредилъ бы васъ. Я догадывался только. Вы, впрочемъ, не первая жертва этихъ свѣтскихъ козней.

— Но я... за что?

— Слишкомъ хороша, слишкомъ богата. Достаточно было бы одного изъ этихъ двухъ преступленій, чтобы зависть людская осудила васъ; и, сверхъ того, позвольте вамъ замѣтить, вы не заручились обстоятельствами, смягчающими вашу вину.

— Какимъ образомъ?

— Вы хотѣли силой войти въ свѣтъ и силой заставить его бывать у васъ.

То же самое говорилъ ей Жофруа; но эти слова, лишеныя значенія въ устахъ мужа, приобрѣтали громадное въ устахъ герцога Шомскаго.

Герцогъ умолкъ, но она убѣдительно просила его продолжать разговоръ.

— Пожалуйста!—просила она.

— Но ваши гости?

— Еще нѣсколько словъ!...

— Вы были неосторожны: вамъ слѣдовало ступеваться, умялить вашу красоту, скрыть богатство, заставить простить его себѣ скромностью туалетовъ и посредственностью экипажей. Слѣдовало послать мужа съ приказаніемъ молчать къ первому журналисту, упомянувшему ваше имя. Событія произошли, кажется, не совсѣмъ такъ, не правда ли?

— Правда!

— Съ гордою самоувѣренностью, проистекающею изъ преимуществъ, которыя вы чувствуете въ себѣ и которыя признаются всѣми, кто не ощущаетъ пошлой зависти, вы бросились впередъ смѣло, безразсудно, если вы позволите такъ выразиться, и вотъ... Подумайте, есть женщины, употребившія десять, двадцать лѣтъ на то, чтобы ихъ принялъ свѣтъ, которыя терпѣливо перенесли всѣ оскорбленія, всѣ обиды, всѣ неприяности, подставляя лѣвую щеку, когда получали пощечину по правой.

— И онѣ достигли успѣха?

— Полнаго! А сегодня онѣ вымѣщаютъ на молодыхъ то, что имъ сдѣлали старыя.

— Десять лѣтъ!

— Я не говорю именно десять лѣтъ, но необходимы, по крайней мѣрѣ, подготовка, осторожность, хитрость. Свѣтскіе успѣхи, какъ и всякіе другіе, требуютъ подготовки. Чѣмъ была бы Патти безъ своего Стракоша? Мы, впрочемъ, поговоримъ еще объ этомъ..

— Вы общаете мнѣ?

— Охотно! У васъ слишкомъ много природныхъ способностей, слишкомъ много доброй воли, чтобы дать имъ заглухнуть за недостаткомъ совѣта. Отчего бы вашему дому не сдѣлаться однимъ изъ такихъ, гдѣ бы обѣдали члены королевскихъ фамилій, проѣзжающіе черезъ Парижъ? Я не говорю, что эти высокіе гости, наследные принцы, владѣтельные князья, эрцгерцоги, стали бы принимать васъ у себя, когда вы поѣдете въ ихъ страну, но съ васъ и того довольно, что вы будете принимать ихъ у себя. Вѣдь, вы хотите царствовать въ Парижѣ, а не въ Вѣнѣ, не въ европейскихъ столицахъ?

Габріэль готова была слушать герцога цѣлую ночь, забывъ о своихъ гостяхъ, но въ столовую вошло нѣсколько человекъ, и

такъ какъ они оказались изъ пріятелей герцога, то разговоръ прервался. Тогда она вспомнила о своихъ обязанностяхъ хозяйки, и, направляясь изъ столовой въ одну изъ гостиныхъ, встрѣтила отца, меланхолично бродившаго, задавая себѣ вопросъ, стоитъ ли въ дѣйствительности этотъ праздникъ тѣхъ денегъ, которыя онъ истратилъ на него?

— Герцогъ Шомскій въ столовой, — быстро проговорила Габріэль шенотомъ. — Попроси Жюфруа представить тебя, будь любезенъ, предупредителенъ. Постарайся навести разговоръ на такую почву, чтобы ты могъ сказать, что счелъ бы для себя за честь имѣть его въ нѣкоторыхъ изъ твоихъ административныхъ совѣтовъ.

Затѣмъ она покинула его, растеряннаго, но, впрочемъ, какъ и всегда, рѣшившагося повиноваться высказанному ею желанію.

Когда Габріэль вошла въ бальную залу, всѣ были поражены измѣнившимся выраженіемъ ея лица и у многихъ пробудилось къ ней чувство симпатіи, смѣшанное, правда, съ жалостью: она рѣшительно не падаетъ духомъ! И всѣ почувствовали къ ней расположение: именно потому, что они пріѣхали, они склонны были думать, что отсутствующіе выказали щепетильность, граничащую съ невѣжествомъ... А какъ прелестны котильонные аксессуары! какъ восхитительно все убрано! И насколько казалось болѣе пріятнымъ спокойно подлѣзть между немногими всѣ эти хорошенькія бездѣлушки, чѣмъ еле-еле наудачу схватить одну или двѣ изъ нихъ, настолько же болѣе удобно ужинать сидя за маленькими столиками, за которыми внимательно прислуживаютъ, чѣмъ стоя передъ буфетомъ, гдѣ надо толкаться, чтобы добыть тарелку или стаганъ.

Такимъ образомъ водворилась гармонія, которой недоставало въ началѣ вечера. Габріэль почувствовала, что надъ ней не смѣются больше, и въ первый разъ съ начала вечера осмѣлилась поднять глаза на лакеевъ, сдерживавшихъ нехорошую улыбку, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на нее, когда она проходила мимо, и, безъ сомнѣнія, громко насмѣхавшихся надъ ея униженіемъ, какъ только она поворачивалась къ нимъ спиной.

Въ ея несчастіи было хоть то утѣшеніе, что дирижеръ танцевъ оказался налицо, несмотря на то, что были употреблены всѣ средства, чтобы вовлечь и его въ заговоръ, но безуспѣшно, во-первыхъ, потому, что не легко отказаться отъ торжества дирижировать котильономъ, да еще въ такомъ домѣ, гдѣ практикуется реклама и его имя пропечатается во всѣхъ газетахъ, а, во-вторыхъ, потому, что его дамой на котильонъ была госпожа де-Бодемонъ, очень ин-

тересовавшая его; ее не первую онъ увлечетъ искуснымъ дирижерствомъ красиваго котильона.

Наконецъ-то онъ начался, этотъ котильонъ, и Габріэль, взявшая на себя деликатную задачу раздавать аксессуары, заняла мѣсто около выставки. Пока тянулись фигуры съ орденами, шарфами, тамбуринами, лентами, бантиками и другими ничего не стоящими бездѣлушками, этотъ котильонъ былъ похожъ на обыкновенный котильонъ, какой танцуютъ вездѣ, только фигуры были короче, точно ихъ торопились кончить. Но торопились не танцы кончить, а приблизить моментъ раздачи крупныхъ аксессуаровъ, мимо которыхъ всѣ столько разъ проходили, дѣлая потихоньку свой выборъ.

До сихъ поръ удовольствіе танцевъ, упоеніе вальса, увлеченіе оркестра, отрывистыя нѣжныя рѣчи, ласкающіе взоры оживляли котильонъ; но когда, истощивъ запасъ бездѣлушекъ, Габріэль подняла обѣ руки и въ одной увидѣли кошелекъ изъ золотыхъ колечекъ, въ другой флаконъ, тогда нарушился порядокъ и спокойствіе, съ которымъ подходили къ выставкѣ; взоры разгорѣлись, руки протянулись, всѣ оживились и нѣсколько устъ произнесло одновременно одно и то же слово, вырвавшееся у нѣкоторыхъ въ слабомъ восклицаніи:

— Мнѣ!

И Жофруа, наблюдавшій за женой, не могъ бы въ эту минуту упрекнуть ее въ томъ, что она даетъ неделикатно; никогда у нея не было болѣе привѣтливой, болѣе торжествующей улыбки, какъ та, которой она сопровождала отдачу каждой драгоценности. Не было ни жалобъ, ни отказовъ, ни униженія: ее осчастливливали и, протягивая къ ней руку, ей оказывали честь.

И она дѣйствительно думала это, такъ какъ, вслѣдствіе страннаго оптического измѣненія, эти люди, на которыхъ часъ тому назадъ она смотрѣла съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, потому что по имени или положенію они не были равны тѣмъ, которыхъ она ждала, неожиданно принимали значеніе въ ея глазахъ въ ту минуту, когда принимали ея подарки: люди эти были не изъ первыхъ, правда, но и не изъ послѣднихъ; при менѣ честолюбивыхъ требованіяхъ, чѣмъ ея, они могли бы играть очень важную роль. И они протягивали къ ней руки, какъ тѣ бѣдняки, которые во время народныхъ гуляній протягиваютъ руки къ столбамъ съ призами. Она, слѣдовательно, вполне основательно отвѣтила Жофруа, что никто не будетъ жаловаться на цѣнность этихъ аксессуаровъ.

Не только никто не жаловался, но, чтобы получить именно то, что хотѣлось, они дѣйствовали откровенно, беззащѣнно, забы-

вая о другихъ и о себѣ, подтверждая этимъ, что изобрѣтатели этой моды хорошо изучили свой свѣтъ. Какъ говорила Габріэль, люди эти могли бы вездѣ играть роль, имѣли состояніе, имя, титулъ, вліяніе; какъ бы цѣнны ни были вещи, онѣ въ дѣйствительности ничего не значили для ихъ кармановъ; въ ихъ этажеркахъ и футлярахъ было безчисленное множество такихъ же и лучшихъ, на которыя они не смотрѣли даже, а, между тѣмъ, протягивая руку за тѣмъ, чтó имъ хотѣлось, они выказывали дѣтскую радость, и, счастливые, украшали ими себя, или если нельзя бы надѣть на себя, наполняли ими карманы отцовъ, братьевъ, мужей; болѣе громоздкія вещи складывались на диванахъ и владѣльцы, танцуя, зорко слѣдили за ихъ цѣлостью. Оркестръ игралъ безъ устали, но какъ ни быстро исполнялись и какъ ни укорачивались фигуры, выставка не пустѣла: въ ней было приготовлено аксессуаровъ на нѣсколько сотъ человѣкъ, а дѣлили ихъ теперь между пятидесятью. Когда Габріэль отдала послѣднюю вещь, въ окна врывались блѣдноватые лучи разсвѣта и она съ торжествомъ могла сказать, что ея вечеръ продолжался до зари.

X.

Послѣ ухода горничныхъ Габріэль хотѣла лечь въ постель, когда въ дверь, соединявшую ея апартаменты съ мужниными, осторожно два раза постучали.

— Войдите!—сказала она недовольнымъ голосомъ. Она увидѣла Жофруа, направлявшагося къ ней съ протянутыми руками и нѣжною улыбкой на лицѣ.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ онъ озабоченно.

— Отлично.

— Не очень устала?

Она хотѣла отвѣтить, но загнулась.

— Ужасно!—произнесла она.

— Надо скорѣе лечь.

— Что я и хотѣла сдѣлать, какъ вы видите.

— Ну, такъ ложись скорѣе.

— Покойной ночи!

Это холодно произнесенное прощаніе не заставило его уйти; напротивъ, онъ приблизился къ ней и осторожно хотѣлъ снять кружевную косынку, прикрывавшую ея плечи; но, сама развязавъ ее, она бросила косынку на кресло и, опустившись на кровать, скользнула подъ одеяло, быстро натянувъ его на себя до самой шеи.

— Тебѣ холодно,—сказалъ онъ, завертывая ей одѣяло за спину.—Теперь постарайся поскорѣе заснуть...

Онъ говорилъ нѣжно, какъ отецъ ребенку, котораго онъ ласкаетъ и баюкаетъ.

— Да, я засну сейчасъ...

— Въ особенности не думай объ этомъ вечерѣ.

Она мгновенно вскочила.

— А почему бы не думать о немъ?

Онъ былъ пораженъ и ея движеніемъ, и ея тономъ.

— Но...

— Какъ вы хотите, чтобы я не думала, когда я задыхаюсь, и не полагаете ли вы, что ваши слова могутъ успокоить меня?

— Васъ можетъ успокоить вѣра въ мою любовь и преданность, увѣренность въ томъ, что я и теперь, и всегда буду вашъ... вотъ моя рука, которую я протягиваю вамъ.

Она не приняла ея.

— Сознайтесь, по крайней мѣрѣ, что у васъ странная манера выражать вашу любовь и преданность.

— Я не понимаю.

— Вы думаете, я не замѣчала взглядовъ, которыми вы преслѣдовали меня весь вечеръ, и не чувствовала, сколько въ нихъ было насмѣшки?

— Насмѣшки!

— Этотъ балъ вамъ не понравился и вы были счастливы, что онъ такъ ужасно провалился, какъ будто бы униженіе, нанесенное мнѣ, не отражается и на васъ.

— О, Габріэль!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ, но вслѣдъ затѣмъ разсудокъ взялъ верхъ надъ его вспышкой; раздраженіе внушило ей эти слова, только раздраженіе.

— Если бы этотъ балъ мнѣ такъ не понравился,—отвѣтилъ онъ,—принималъ ли бы я такое участіе въ постройкѣ галлерей?

— Стройка, декораціи—ваше дѣло и вы были счастливы, что можете по шею зарыться въ известкѣ; но еслибъ онъ дѣйствительно вамъ понравился, вы бы устроили такъ, чтобы ваши родные присутствовали на немъ, по крайней мѣрѣ, хоть тѣ, которые играютъ роль въ парижскомъ свѣтѣ. Сколько ихъ было сегодня?—четверо, да и тѣ могли бы свободно оставаться дома.

— Я говорилъ вамъ, что мы не должны торопиться.

— Да, я знаю, вы съумѣли предусмотрительно выгородить себя. Это очень ловко, но это еще новое доказательство вашего страстнаго желанія, чтобы вечеръ не удался.

— Да, наконецъ, ради чего я сталъ бы желать, чтобы онъ не удался? Развѣ что касается васъ, не касается и меня? Что огорчаетъ васъ, не огорчаетъ развѣ и меня?

— Вотъ въ чемъ ваша ловкость: видя, что ваши замѣчанія не достигаютъ цѣли, вы захотѣли дать мнѣ такой хорошей и жестокой урокъ, чтобы заставить меня отказаться отъ удовольствій, которые для васъ невыносимая обуза. Радуйтесь, урокъ былъ жестокъ, — такъ жестокъ, какъ это только возможно, и въ этомъ отношеніи вы достигли желанныхъ результатовъ. Но урокъ этотъ, предупреждаю васъ, не удался: онъ ничему не помѣшаетъ, такъ это и знайте!

Она говорила съ сильнымъ раздраженіемъ, отчеканивала слова, точно они лились прямо отъ сердца, гдѣ давно накопились, и, сидя на кровати съ высоко поднятою головой и вызывающимъ взглядомъ, въ распахнувшейся ночной рубашкѣ, она точно находила удовольствие осыпать упреками мужа.

— Станете вы утверждать, — продолжала она, — что сдѣлали все, что могли, чтобы ваши родственники были у насъ сегодня вечеромъ?

— Вы знаете, что я ничего не могъ сдѣлать...

— Вотъ видите!

— И что я не ждалъ этой ночи, чтобы сказать вамъ, что намъ не слѣдуетъ торопиться. Наша свадьба оскорбила нѣкоторыхъ членовъ моего семейства, нѣкоторыхъ огорчила, а у другихъ вызвала чувства зависти, прикрытыя пустыми словами. Надо было дать время всему этому успокоиться, вы не захотѣли. Слушаясь другихъ совѣтовъ, а не моихъ...

— Намѣрены вы обвинять моихъ подругъ въ томъ, что случилось?

— Вы же обвиняете меня, тщетно старавшагося помѣшать этому. Не обвиняя никого, я говорю только, что вы сами захотѣли рискнуть этимъ рѣшительнымъ шагомъ, и потому не должны упрекать меня, отсовѣтовавшаго вамъ его.

— Дѣйствительно, я заблуждалась, вѣря въ значеніе и авторитетъ вашего имени.

Онъ не разъ хотѣлъ прервать этотъ неудачно начатый разговоръ, но не дѣлалъ этого, надѣясь перевести его на другую тему и найти возможность ласково, нѣжно высказать ей, что въ продолженіе этой длинной ночи онъ сердцемъ былъ съ ней, раздѣлялъ ея страданія, ея разочарованія и раздраженіе, что онъ пришелъ къ ней для того, чтобы она заснула подъ эти ласковыя сло-

ва, которыя, какъ онъ думалъ, должны успокоить ее. Слушая ея обвиненія, Жофруа сдерживалъ себя мыслью, что у нея разстроены нервы: ея положеніе не объясняетъ, не оправдываетъ развѣ всего? Не имѣетъ она развѣ права на снисхожденіе и особенную заботливость? Но послѣдняя фраза вывела его изъ терпѣнія: если онъ рѣшился вынести все, что относится къ нему, то онъ не позволитъ трогать своего имени.

— Вамъ нуженъ покой,—сказалъ онъ.—Этотъ разговоръ, который зашелъ гораздо дальше, чѣмъ я бы желалъ, можетъ только еще больше встревожить васъ. Я ухожу.

Она ничего не отвѣтила и онъ ушелъ. Но, вмѣсто того, чтобы лечь спать, онъ прошелъ въ уборную и переодѣлся. Ложиться не стоило, потому что онъ все равно не заснулъ бы: ему необходимо было движеніе, необходимо было встряхнуть себя, бѣжать отъ своихъ мыслей.

Если онъ почувствовалъ приливъ раздраженія противъ жены, то не менѣ сердился и на самого себя, потому что онъ не могъ не сознаться, что и его доля отвѣтственности была велика: по слабости, чтобы избѣжать неприятныхъ ссоръ, изъ осторожности, чтобы не обострять разногласія въ идеяхъ и вкусахъ, въ воспитаніи и характерахъ, съ каждымъ днемъ сказывавшагося все больше и больше, онъ не мѣшалъ ей. Если онъ не хотѣлъ, какъ упрекала его Габріэль, дать ей жестокой урокъ, чтобы излечить отъ свѣтскихъ честолюбивыхъ увлеченій, тѣмъ не менѣ, вѣрно, что онъ думалъ, что недурно было бы, если бы опытъ подтвердилъ его совѣты и доказалъ ей, что нельзя навязывать себя потому только, что этого хочется; нѣсколько отсутствующихъ человекъ дадутъ ей ясно понять это и тѣмъ все кончится. Но отсутствовало большинство и теперь съ нимъ было то же, что бываетъ съ слабыми родителями, когда, выведенные изъ терпѣнія криками своего деспотарбенка, они позволяютъ ему схватить руками пламя свѣчки, которое онъ требовалъ, а давъ урокъ, приходятъ въ отчаяніе отъ обжога.

Машинально онъ направился по той дорогѣ, по которой ходилъ ежедневно; по пустыннымъ улицамъ, гдѣ встрѣчались только мастеровые, спѣшившіе на свои работы, онъ дошелъ до площади Клиши, затѣмъ спустился по Сентъ-Уэнскому предмѣстью, направляясь къ своей мастерской. Не тамъ ли только онъ можетъ свободно думать, свободно дышать? Балитка оказалась запертой и онъ отперъ ее, заперты была еще и мастерская слесаря, и сторожка Трипа, и домикъ Лотъё, въ которомъ красныя занавѣски отливали пламенемъ подъ косыми лучами солнца,—всѣ еще спали.

Но въ мастерской животныя уже не спали: увидѣвъ его, Пистонъ вспорхнулъ на встрѣчу съ радостнымъ крикомъ и, опустившись на перекладину, началъ кланяться, быстро нагибаясь и выпрямляясь, чтобы обратить на себя вниманіе.

Какъ только Жофруа кивнулъ головою, онъ началъ торжествующую пѣсню, звонко разносившуюся подъ стекляннымъ сводомъ. Дьяволо тоже прибѣжалъ, и когда его хозяинъ сѣлъ, онъ вспрыгнулъ на его колѣни, гдѣ разлегся съ громкимъ мурлыканьемъ.

— Соскучился безъ меня, — сказалъ Жофруа, нѣжно потрепавъ Дьяволо.

Отъ этой ласки котъ еще больше растянулся и, засунувъ лапу въ жилетъ Жофруа, протянулъ къ нему голову, тогда какъ Пистонъ продолжалъ концертъ, перебирая весь свой репертуаръ.

Сколько пріятныхъ часовъ провелъ Жофруа въ этой мастерской въ обществѣ этихъ двухъ животныхъ, не думая ни о чемъ, кромѣ работы! Онъ углубился въ свои размышленія, забывая настоящее и уходя весь въ прошлое, въ свою артистическую жизнь, давшую ему столько чистыхъ наслажденій, когда на дорожкѣ послышался шумъ легкихъ шаговъ, затѣмъ раздался стукъ въ дверь и въ мастерскую вошла Лотъё.

Она держала въ рукѣ тартинку, намазанную масломъ, отъ которой только что откусила, и, несмотря на ранній часъ, была совсѣмъ одѣта, бодра и свѣжа.

— Есть заказы, — спросилъ Жофруа, — что вы такъ рано поднялись?

— Нѣтъ, ни одного, но вчера вечеромъ я долго работала для себя и мнѣ интересно посмотрѣть при дневномъ свѣтѣ, что вышло; я вчера ужъ ничего не видѣла, все сливалось.

— Покажите мнѣ.

Она выдвинула ящикъ и достала оттуда почти оконченную дощечку, которую нерѣшительно протянула Жофруа: на темномъ фонѣ выступала головка молодой итальянки, красоты скорѣе идеальной, чѣмъ дѣйствительной, съ глубокимъ и нѣжнымъ взглядомъ; бѣлокурые волосы, украшенные золотымъ обручемъ и лаврами, рассыпались по ея обнаженнымъ плечамъ и бархатному лифу съ разводами.

— Кто далъ вамъ идею этой головки? — спросилъ Жофруа послѣ продолжительнаго разсматриванія.

— Фантазія! Это — дѣтская работа, не правда ли?

Онъ поднялъ глаза и, смотря ей въ лицо, произнесъ:

— Эта вещь прелестна, по наивной нѣжности рисунка и свѣт-

лой свѣжести колорита; она напоминаетъ итальянскаго художника, произведеній котораго вы никогда не видали и даже имени котораго, я увѣренъ, не знаете: Боттичелли.

— Неужели?—прошептала она, радостно взволнованная.

— Конечно, здѣсь надо исправить нѣкоторыя мелочи, но это пустяки. Важно общее впечатлѣнiе, а оно прелестно.

Онъ протянулъ ей руку:

— Дайте мнѣ вашу руку, товарищъ!

Смущенная Лотъё колебалась, тогда онъ самъ взялъ ея руку и дружески пожалъ ее.

— Несомнѣнно, — продолжалъ онъ, — что у васъ есть талантъ и вы рождены артисткой. То, чего вамъ недостаетъ, при вашей охотѣ и прилежанiи, вы легко и, я увѣренъ, очень быстро приобретете; на что я употребилъ годы, вы употребите мѣсяцы, а, можетъ быть, даже недѣли; само собою, шутя, вы найдете тѣ краски, для отысканiя которыхъ мнѣ понадобятся безчисленныя пробы.

Жофруа попросилъ ее сейчасъ же кончить пластинку, и когда печка накалилась, онъ, не принимаясь за свою работу, слѣдилъ за ней, какъ учитель слѣдитъ за ученикомъ. Когда пластинка была готова, онъ захотѣлъ, чтобы она обожгла ее еще въ послѣднiй разъ, обозначивъ на ней число и годъ.

— Съ этого дня вы вступаете въ жизнь, — сказалъ онъ. — Вы никогда не должны забывать этого.

— Я обещаю вамъ, что мнѣ не нужны будутъ цифры, чтобы помнить это.

Часъ пролетѣлъ такъ, что Жофруа не замѣтилъ, увлеченный работой Лотъё; онъ забылъ тяжелыя впечатлѣнiя, съ какими вошелъ въ мастерскую: бой стѣнныхъ часовъ напомнилъ ему, что онъ хотѣлъ быть около жены, какъ только она проснется.

— Какъ жаль, что вамъ нельзя работать сегодня, — сказала Лотъё, когда онъ собрался уходить.

Почему жаль — онъ не спросилъ этого, но объяснилъ ей, что съ сегодняшнаго дня у него будутъ занятiя, которыя помѣшаютъ ему часто приходиться въ мастерскую или, по крайней мѣрѣ, проводить въ ней за работой цѣлыя дни, какъ онъ это дѣлалъ послѣднее время.

Эти занятiя въ новомъ образѣ жизни, создаваемомъ беременностью Габріэли, будутъ заключаться въ томъ, что онъ будетъ проводить съ женою гораздо больше времени, чѣмъ прежде. По слабости, чтобы не ссориться и не спорить, онъ допустилъ, чтобы Теодолинда и госпожа де-Бодемонъ заняли его мѣсто, какъ по слабости же уступалъ фантазiямъ Габріэли, но теперь не надо уже

думать о своемъ покоѣ; будущность ребенка, забота о его здоровьи, о его жизни даже, налагають на него обязанности, которыя онъ свято исполнить. Кромѣ того, онъ можетъ найти въ это время случай сблизиться съ женою, устранивъ отъ нея вліяніе подругъ, и съ его стороны будетъ тяжелою ошибкой не воспользоваться этимъ; хотя радужныя надежды первыхъ дней супружества получили тяжелые удары, онъ не всѣ еще погибли и онъ думалъ, что съ нѣкоторымъ искусствомъ, а въ особенности съ твердостью характера, онъ могутъ осуществиться.

Жофрау воображалъ, что застанетъ жену еще въ постели, но ему сказали, что она отдала приказаніе осѣдлать верховую лошадь. Онъ быстро поднялся къ ней и вошелъ въ уборную, гдѣ горничная причесывала Габріэль, тогда какъ она читала газету, припименную къ обоямъ двумя булавами; вокругъ нея на ковръ было разбросано множество развернутыхъ газетъ.

— Вы собираетесь сегодня кататься?—сказалъ онъ еще въ дверяхъ.

— Конечно.

— Но...

— Вы находите препятствія?

Онъ взглядомъ указалъ на горничную.

— Газеты говорятъ о нашемъ балѣ,—сказала Габріэль.—Хотите посмотрѣть? Хроника *Кандида* хороша, очень хороша, статья въ *Бульваръ* также не дурна.

По собственному желанію онъ не раскрылъ бы этихъ газетъ, потому что то, что въ нихъ было, могло только оскорбить его; но въ присутствіи горничной онъ не хотѣлъ показать презрѣнія, которое, будучи противоположно посылъности, выказанной, безъ сомнѣнія, графиней, будетъ какъ бы порицаніемъ; онъ взялъ поэтому изъ вороха газетъ номеръ *Кандида*.

На первой страницѣ онъ прочелъ хронику.

«Балъ графини Каноель».

«Длинный рядъ экипажей поднимается по бульвару Гаусманна, въ то время какъ другой, не менѣе длинный, спускается, чтобы встрѣтиться съ первымъ передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ одного изъ нашихъ великолѣпнѣйшихъ отелей. Сегодня вечеромъ графиня Каноель начинаетъ свои приемы, запоздавшіе по случаю постройки галлерей—верха совершенства»... Слѣдовало описаніе галлерей «чудной рамки», затѣмъ отчетъ объ этомъ удивительномъ вечерѣ, о которомъ еще черезъ десять лѣтъ будетъ говорить весь

Парижъ, оставшійся подъ обаяніемъ незабвенныхъ воспоминаній объ этомъ великолѣпіи.

Жофруа пропустилъ три или четыре столбца и посмотрѣлъ конецъ.

«Въ тотъ часъ, когда мы говоримъ, балъ въ полномъ разгарѣ; гости пріѣзжаютъ еще въ большемъ количествѣ и роскошныя помѣщенія нижняго этажа наполнены блестящею толпою; видъ волшебный, очаровательный! Скоро начнется котильонъ съ необыкновенно изящными и оригинальными аксессуарамъ; въ немъ есть нововведеніе, къ которому мы вернемся, отличающееся замѣчательнымъ изяществомъ.

«Въ числѣ приглашенныхъ, имена которыхъ могли бы возобновить золотую книгу французскаго дворянства, мы замѣтили...»

Слѣдовалъ перечень лицъ, стоявшихъ въ спискѣ, составленномъ Габріэлю при помощи подругъ, а совсѣмъ не тѣхъ, которые присутствовали на балѣ.

Жофруа поднялъ глаза на жену, чтобы спросить, не шутила ли она, сказавъ, что статья хороша, но она предупредила его:

— Не правда ли, — сказала она, — это прилично?

Насмѣхается она или, вслѣдствіе иллюзіи тщеславія, вѣрить тому, что говорить?

— Возьмите *Бульваръ*, — сказала она, — тоже очень мило.

Статья въ *Бульварѣ* была въ томъ же духѣ и въ перечисленіи приглашенныхъ такъ же точна; «назовемъ наудачу», говорилъ хроникеръ, и удача служить ему не лучше, чѣмъ *Кандиду*.

Прическа была готова и Габріэль выслала горничную.

— Вы желаете сдѣлать замѣчаніе по поводу моего катанья верхомъ? — спросила она.

— Мнѣ кажется, это катанье можетъ быть вамъ вредно: вамъ надо отдохнуть послѣ утомленія этой ночи.

— Именно утомленіе этой ночи заставляетъ меня ѣхать.

— Какъ такъ?

— Время прошло, когда были въ модѣ слабенькія, нервныя женщины, лежащія на кушеткахъ; теперь нравится сила и здорье; я не хочу, чтобы думали, что одна ночь, проведенная безъ сна, свалила меня.

— Какое вамъ дѣло, что будутъ думать о васъ?

— Очень большое дѣло.

— Въ вашемъ положеніи вы должны думать о себѣ, прежде чѣмъ заботиться о другихъ.

— Я уже сказала вамъ, что мое положеніе вовсе не то, какое

вы думаете, и повторяю вамъ это. И если бы даже оно было такимъ, то это не помѣшаетъ мнѣ ѣздить верхомъ ни сегодня, ни завтра, ни когда я захочу.

— Даже если докторъ Проби вамъ запретить?

— Проби никогда не запрещаетъ того, что любить, и говорить только то, что хотять, чтобы онъ говорилъ. Если бы вы привели его, онъ посовѣтовалъ бы мнѣ кататься верхомъ. А если бы онъ запретилъ, я не послушалась бы. Мнѣ необходимо показаться сегодня утромъ въ лѣсу, и я покажусь.

— Могу я васъ спросить, почему это необходимо?

— Я бы не желала этого говорить.

— Я прошу васъ.

— Какъ вы не понимаете, что послѣ униженія этой ночи и не хочу, чтобы мое отсутствіе, которое непремѣнно замѣтятъ и о которомъ будутъ толковать, дало поводъ думать, что я огорчена и не смѣю показаться? Торжествующей должна я явиться, и явлюсь.

Нѣтъ сомнѣнія, что все, что бы онъ ни сказалъ, будетъ бесполезно противъ такого важнаго довода; поэтому лучше замолчать и спасти хоть то, что возможно.

— Могу я сопровождать васъ?—сказалъ онъ.

— Это удовольствіе и счастье вы доставляете мнѣ слишкомъ рѣдко, чтобы я не приняла вашего предложенія съ восторгомъ.

XI.

Жофруа не раздѣлялъ мнѣнія Габріэли, что Проби говоритъ своимъ пациентамъ только то, что тѣ хотять, чтобы онъ говорилъ, желая лишь угодить имъ. Если докторъ объявилъ про беременность, то совсѣмъ не потому, что хотѣлъ угодить Лепаркуа и польстить желаніямъ дѣдушки: его слова безспорно основывались на фактахъ, противъ которыхъ отрицанія Габріэли ничего не значили. Авторитетъ, которымъ онъ пользовался, не допускалъ ошибки съ его стороны; если бы онъ не имѣлъ вѣрныхъ указаній, онъ не говорилъ бы на-угадъ, а подождалъ.

Одно изъ двухъ, или Габріэль была права, или ея отецъ придавалъ словамъ доктора не тотъ смыслъ, какой они имѣли, и принялъ собственное желаніе за дѣйствительность. Но со стороны такого человѣка, какъ Лепаркуа, въ которомъ спокойствіе и хладнокровіе были преобладающими качествами, подобная ошибка была неправдоподобна. Такъ какъ въ подобномъ вопросѣ невозможны были сомнѣнія и выжиданія, то Жофруа рѣшилъ самъ спросить доктора.

То, что Проби сказалъ отцу, онъ повторилъ и мужу: у графини Канюель замѣчены всѣ признаки начала беременности; но такъ какъ въ первые мѣсяцы беременность всегда сомнительна, то онъ не можетъ утверждать, что она беременна, и пока можетъ сказать только, что предполагаетъ это.

И вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ:

— Я бы очень хотѣлъ дать вамъ опредѣленный отвѣтъ, за которымъ вы, вѣроятно, и пришли ко мнѣ, но я прошу васъ дать мнѣ нѣкоторое время, прежде чѣмъ высказаться рѣшительно; къ тому же, если эта отсрочка неприятна тѣмъ, что отдаляетъ подтвержденіе вашихъ надеждъ, то, къ счастью, она не имѣетъ другихъ неудобствъ. Если бы графиня была слабою женщиной, очень нервной, или очень лимфатическою, или очень полною, или даже очень полнокровною съ сангвиническимъ темпераментомъ, то, въ виду констатированныхъ симптомовъ, ей пришлось бы предписать нѣкоторыя мѣры предосторожности. Но она въ нихъ не нуждается. Природа одарила графиню не только несравненною красотой, но и превосходнымъ здоровьемъ. За нее нечего бояться; чтó было бы неосторожностью для другой, для нея будетъ совершенно безвредно.

— Такъ ей ни въ чемъ не надо мѣнять образа жизни?

— Пока ни въ чемъ; развѣ только не очень утомляться, да и то увидимъ впоследствии. Беременность есть положеніе, которое переходитъ въ болѣзнь только тогда, когда женщины находятся не въ нормальныхъ условіяхъ здоровья, а графиня находится какъ разъ въ самыхъ великодушныхъ. Если же мы захотимъ довести предосторожности до крайности, то я могу обратить ваше вниманіе только на нервную впечатлительность графини, которая показалаеь мнѣ сильнѣе обыкновеннаго. Если бы вы не были лучшимъ изъ мужей, самымъ преданнымъ и самымъ нѣжнымъ, я бы сказалъ вамъ, что въ настоящее время надо избѣгать всего, что можетъ ее раздражать, причинять ей даже небольшое волненіе; но не мнѣ напоминать вамъ объ этомъ.

Если бы Проби былъ докторомъ, желающимъ только угождать своимъ кліентамъ, онъ не могъ бы говорить иначе: почти увѣренъ въ беременности; съ такимъ прекраснымъ здоровьемъ бояться нечего; слѣдуетъ избѣгать поводовъ къ раздраженію и волненію, — чего же лучше?

Жюфруа оставалось только предоставить все времени, не ставшая на ненужныхъ предосторожностяхъ: позднѣе видно будетъ.

И, въ ожиданіи этого позднѣе, онъ слѣдовалъ совѣтамъ Проби; ничего не измѣнилъ въ образѣ жизни, но проводилъ больше

времени съ женой, сдѣлался внимательнѣе и, въ особенности, снисходительнѣе. Въ ея настроеніи это ухаживаніе и заботливость гораздо больше раздражали Габріэль, чѣмъ доставляли ея удовольствія, и она, не стѣсняясь, выражала ему это. Въмѣсто того, чтобы беречься, какъ совѣтовалъ Проби, она точно нарочно изыскивала всѣ средства, чтобы утомляться до изнеможенія.

Въ ихъ конюшнѣ находилась въ то время одна бывшая скаковая лошадь, недавно купленная Жофруа и стоявшая въ Парижѣ, въ ожиданіи случая для отправки въ Банюель.

Послѣ того, какъ эта лошадь имѣла посредственный успѣхъ на скачкахъ по гладкой поверхности, Банюель - отецъ продалъ ее, и тогда она составила себѣ блестящую извѣстность на скачкахъ съ препятствіями. Когда «Бокорико», — такъ звали лошадь, — состарилась, Жофруа купилъ ее по воспоминаніямъ и иногда ѣздилъ на ней. Какъ-то утромъ, выйдя съ Габріэлю ѣхать кататься, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ на Бокорико дамское сѣдло, а мужское на другой лошади.

— Какъ, вы ходите ѣхать на Бокорико? — спросилъ онъ.

— А почему бы нѣтъ?

Правда, почему бы не ѣхать? Это былъ напризъ, какъ и всякій другой, не представляющій никакой опасности, такъ какъ старая лошадь не могла ни споткнуться, ни понести.

Они поѣхали. Жофруа думалъ, что они, по обыкновенію, проѣдутся по лѣсу, но, доѣхавъ до Булонскихъ воротъ, Габріэль предложила ѣхать дальше и подняться мимо Севра до Мёдона.

— Не будетъ ли это слишкомъ далеко? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Неужели вамъ не надоѣло кружиться по одному мѣсту, какъ лошади въ циркѣ?

Ему давно уже это надоѣло и онъ не могъ не порадоваться, что и ей, наконецъ, опротивѣлъ этотъ банальный лѣсъ. Это начало, остальное явится конемногу. Они въѣхали въ лѣсъ въ окрестностяхъ Севрской станціи; до сихъ поръ они подвигались медленно, шагомъ, но, очутившись въ лѣсу, на безлюдной дорогѣ, Габріэль пустила свою лошадь галопомъ; миновавъ подъемъ, она погнала Бокорико, который, очутившись между двумя рядами деревьевъ, обрадованный запахомъ травы и цвѣтовъ, понесся, какъ скакалъ въ былыя времена въ Шантильи. Жофруа, на своемъ хорошо выѣзженномъ конѣ, отсталъ и не могъ догнать. Вдругъ Габріэль исчезла за поворотомъ дороги, и когда онъ достигъ до этого мѣста, онъ увидѣлъ жену, спускающуюся во всю прыть подъ гору; причеиъ молодую женщину такъ подбрасывало, что можно было думать,

вотъ-вотъ она перескочитъ черезъ голову лошади. А онъ ничего не могъ сдѣлать. Позвать — она не услышитъ, скакать за ней слѣдомъ — онъ не догонитъ, и, кромѣ того, Бокорико, услышавъ погоню, понесется еще быстрѣе.

Онъ догналъ ее только внизу косогора, гдѣ она пустила лошадь шагомъ.

— Какъ вы неосторожны! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Развѣ Бокорико не надеженъ?

— Рѣчь идетъ не о Бокорико, а о васъ.

— Такъ я нехорошо ѣзжу? Я думала, что вы похвалите меня... но крайней мѣрѣ, мою манеру ѣздить.

— Какъ бы хорошо вы ни ѣздили, было девяносто шансовъ изъ ста слетѣть на этомъ спускѣ.

— Какъ видите, этого не случилось.

— Да и въ другомъ отношеніи, развѣ вамъ не слѣдуетъ избѣгать такихъ ужасныхъ сотрясеній?

— А, поняла! — воскликнула она. — Вотъ что васъ такъ взволновало. Вы испугались за ребенка, а не за мать.

— И за мать, и за ребенка.

— Неужели вы воображаете, что если бы я вѣрила, что я беременна, я бы стала такъ скакать?

— Не можете вы развѣ соблюдать нѣкоторыя предосторожности, какъ будто вѣрите этому?

— Да я же не вѣрю и не желаю сидѣть, какъ парализованная, въ ожиданіи событія, которое, можетъ быть, никогда не случится. Мнѣ надо было встряхнуться, и я воспользовалась тѣмъ, что вы поѣхали со мною, доставила себѣ удовольствіе поскакать.

Что отвѣчать? Она не вѣрила въ свою беременность, и, убѣжденная въ этомъ, не хотѣла подвергать себя снугѣ беречься, которую считала ненужной. Ему надо устроить такъ, чтобы не повторялась подобная неосторожность.

Если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это было легко исполнить, то во многихъ почти невыполнимо. Никогда не вела она такой дѣятельной, такой полной жизни: съ утра до вечера чередовались катанья верхомъ, длинныя прогулки пѣшкомъ, всевозможныя поѣздки, про которыя онъ узнавалъ по большей части только тогда, когда уже поздно было помѣшкать. Она казалась неутомимой и исполненной такого избытка энергіи, котораго ничто не могло ослабить.

Между тѣмъ, на лицѣ и въ общемъ состояніи ея здоровья безпокойный образъ жизни, который она вела, оставилъ нѣкоторые слѣды: матовый, прозрачный цвѣтъ лица, производившій такой эф-

фактъ, потемнѣлъ, щеки ввалились, подъ глазами образовались темные круги; нервность, о которой говорилъ Проби, увеличивалась съ каждымъ днемъ и дѣлала совмѣстную жизнь все тяжелѣе и тяжелѣе не только съ мужемъ, но и съ отцомъ. Наконецъ, ни тотъ, ни другой не знали, съ какой стороны подойти къ ней, не рискуя встрѣтить на пути мины, производящей неожиданно взрывы. Тогда они переглядывались, совѣтуя другъ другу запастись терпѣніемъ и снисходительностью.

— Не принимайте этого къ сердцу!—говорилъ отецъ.

— Ея положеніе!—замѣчалъ мужъ.

Необходима была вѣра Жофруа въ Проби, чтобы повторять себѣ, что нечего бояться, тогда какъ то, что онъ видѣлъ, вызывало въ немъ безпокойство: такая рѣзкая пере мѣна имѣла, по его мнѣнію, какую-нибудь другую причину, кромѣ беременности. Какая могла быть причина?

Онъ хотѣлъ убѣдить жену послать за Проби, но при первомъ же его словѣ она разсердилась:

— Если вы позовете его, я не приму. Проби — человекъ безусловно вѣряющій въ свою непогрѣшимость; онъ сказалъ, что я беременна и будетъ стоять на своемъ, пока дѣйствительность не докажетъ ему противнаго.

Упорство, съ какимъ она отрицала беременность, было такъ характерно, что Жофруа не могъ не удивляться, и, какъ уже десять, двадцать, сто разъ онъ говорилъ себѣ, онъ повторилъ:

— Изъ-за чего настаиваетъ она такъ упорно на томъ, что не беременна?

Дѣйствительно, на то, чтобы не быть беременной, у нея были свои причины, которыя Жофруа зналъ слишкомъ хорошо, но почему она такъ упорно отрицаетъ самый фактъ, если уже таковой существуетъ, этого онъ не могъ понять.

Дѣла были въ такомъ положеніи, когда однажды послѣ обѣда, проходя съ отцомъ и мужемъ изъ столовой въ кабинетъ, она покачнулась, сдѣлала два шага впередъ и съ громкимъ крикомъ тяжело опустилась на диванъ. Они бросились къ ней; Габріэль лежала безъ движенія, съ закрытыми глазами, искаженнымъ блѣднымъ лицомъ и безжизненными губами; руки похолодѣли, на лицѣ выступилъ холодный потъ.

— Габріэль!

— Дитя мое, дочь моя!

Оба суетились около нея, говорили, звали ее, но она оставалась неподвижной, безчувственной, въ глубокомъ обморокѣ.

Лепаркуа хотѣлъ позвать на помощь, но Жофруа остановилъ его, побѣждалъ въ столовую, принесъ стаканъ холодной воды и брызнулъ нѣсколько капель въ лицо Габріэлю.

— Отворите окна!—сказалъ онъ тестю, самъ же положилъ ее удобнѣе на диванъ и поднялъ вверхъ руки, чтобы кровь прилила къ мозгу.

— Брызните воды ей въ лицо!—сказалъ онъ.

Но волненіе Лепаркуа было такъ сильно, что, вмѣсто того, чтобы брызнуть нѣсколько капель, онъ вылилъ цѣлыхъ полстакана на лицо дочери. Ея глаза открылись, губы порозовѣли; она вздохнула, сердце забилося.

— Что съ тобой?—воскликнулъ Лепаркуа.— Говори, умоляю тебя... Скажи хоть слово!

— Не будемъ утомлять ее,—сказалъ Жофруа,—съ ней былъ обморокъ. Дыханіе восстанавливается, не надо ее тревожить.

Говоря это, онъ распустилъ платье, которое могло ее стѣснять.

— Пошлите за Проби!—сказалъ Жофруа.

При этомъ имени она сдѣлала движеніе, доказывавшее, что сознаніе вернулось къ ней.

— Это пустяки!—прошептала она.

Но Лепаркуа уже позвонилъ и стоялъ у дверей, чтобы лакей не вошелъ въ гостиную.

— Пошлите за госпожей де-Линьи,—сказала она,—чтобы она сейчасъ же пріѣхала.

Понемногу она оправилась и приняла въ себя; тогда Жофруа предложилъ отнести ее въ ея комнату, но она отказалась.

— Мнѣ кажется, я могу дойти,—сказала она.

Опираясь на отца и на мужа, нѣсколько разъ останавливаясь на лѣстницѣ, она дошла до своей комнаты, гдѣ пожелала, чтобы ее оставили одну съ горничными.

Оставшись вдвоемъ, Лепаркуа и Жофруа старались объяснить себѣ то, что произошло; оба замѣтили, что Габріэль ничего не ѣлъ и имѣлъ больной видъ. Если они не сказали ей этого, то потому, что ее всегда раздражали вопросы и замѣчанія объ ея здоровьи. Впрочемъ, не за обѣдомъ только началось ея нездоровье; нѣсколько дней, вѣроятно, она чувствуетъ себя нехорошо: иногда она шла пошатываясь, точно ничего не видѣла передъ собой; иногда она какъ будто не слышала, если понижали голосъ; она закрывала глаза точно подъ влияніемъ боли въ сердцѣ или дурноты.

Конечно, этотъ обморокъ надо приписать дѣйствию беременноти, и они съ безпокойствомъ задавали себѣ вопросъ, опасный ли

это симптомъ? Когда ее уложили въ постель, ихъ пришли предупредить, что она очень устала и желала бы отдохнуть; имъ нельзя будетъ, слѣдовательно, пойти къ ней, какъ они надѣялись.

— Дѣйствительно, мы только потревожимъ ее, — сказалъ Лепаркуа.

Теодолинда не замедлила прѣхать, и дверь, запертая для отца и мужа, отворилась для подруги. Послѣ продолжительнаго разговора наединѣ, причемъ удалены были горничныя, г-жа де-Линьи пришла ихъ успокоить.

— Нечего беспокоиться! Простой обморокъ, происшедшій, вѣроятно, отъ плохого пищеваренія.

Но Лепаркуа не согласился съ этимъ объясненіемъ.

— Я скорѣе думаю, что это дѣйствіе беременности, — сказалъ онъ.

Теодолинда горячо отвергла это предположеніе, съ такимъ изобиліемъ доводовъ, что оно должно было разсѣяться.

— Откуда взяли вы беременность?

— Со словъ Проби.

— Проби сказалъ, конечно, не подумавши; Габріэль не беременна.

И полились доводы еще болѣе доказательныя, болѣе убѣдительныя.

Пріѣздъ Проби положилъ конецъ спору: сейчасъ узнаютъ.

Но они ничего не узнали, или почти ничего, такъ какъ, противъ обыкновенія, Проби былъ необыкновенно сдержанъ.

Обморокъ не имѣетъ значенія, но докторъ не можетъ выяснитъ себѣ причинъ, вызвавшихъ его; надо подождать, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. За больную, впрочемъ, нечего опасаться.

— А беременность? — спросилъ Жофруа.

Онъ разсказалъ то, что называлъ неосторожностями жены: про ея прогулки пѣшкомъ, про катанья верхомъ, про скаканье въ Медонскомъ лѣсу и, вообще, про утомительный образъ жизни.

Но Проби отказался высказать свое мнѣніе.

— Подождемъ, — сказалъ онъ, — увидимъ.

Такъ прошло нѣсколько дней и Проби продолжалъ изображать изъ себя сфинкса.

Теодолинда и г-жа де-Бодемонъ расположились около подруги и рѣдко оставляли ее одну; если уѣзжала одна, другая почти всегда замѣняла ее; онѣ приказывали, онѣ распоряжались всѣмъ. Двѣ замѣчательныя сидѣлки! Отцу и мужу нечего было ни говорить, ни

дѣлать. Ихъ терпѣли какъ разъ настолько, чтобы они не могли сказать, что ихъ выгнали.

Въ первый разъ въ жизни Лепаркуа допускалъ, что Теодолинда можетъ быть стѣнительной.

— Она очень предана, это правда, но стѣнительна. Она любить свою подругу—это очень хорошо, но должна бы она понимать, что я также имѣю право любить дочь и заботиться о ней.

— Вы видите!—отвѣтилъ Жофруа.

— Я знаю, что вы правы, но потерпимъ; будетъ ребенокъ, и все переѣнится.

Разъ какъ-то случилось, что не было ни Теодолинды, ни г-жи де-Бодемонъ; надо было отвѣтить на одно письмо, полученное Габріэлю наканунѣ обморока, и такъ какъ посланный ждалъ отвѣта, Жофруа предложилъ свои услуги написать отвѣтъ.

— Вы продиктуете.

Она согласилась; но послѣ первыхъ строчекъ понадобилось полученное письмо, чтобы посмотреть, о чемъ ей пишутъ.

— Вы найдете его въ маленькомъ бюро въ будуарѣ, — сказала она.

Изъ спальни онъ прошелъ въ будуаръ и, открывъ бюро, началъ поиски, которые были не легки, такъ какъ со времени болѣзни Габріэли Теодолинда и г-жа де-Бодемонъ, не разъ тамъ рывшіяся, произвели на столѣ страшный беспорядокъ.

— Я не нахожу на столикѣ, — сказалъ Жофруа.

— Посмотрите въ ящикахъ.

Едва онъ успѣлъ выдвинуть одинъ ящикъ, какъ она быстро крикнула ему:

— Не стойте! Вернитесь! Мы обойдемся и безъ письма.

Въ этомъ ящикѣ онъ увидѣлъ небольшую коробочку изъ коричневой бумаги, какія употребляютъ въ аптекахъ, съ бѣлымъ ярлыкомъ: «Облатки сѣрноокислаго хинина №...»; онъ задвинулъ ящикъ, вернулся въ спальную и продолжалъ письмо съ прерваннаго мѣста.

Въ этотъ день Гроби долженъ былъ пріѣхать послѣ двѣнадцати часовъ. Когда онъ вышелъ изъ комнаты Габріэли, Жофруа, по обыкновенію, проводилъ его, расспрашивая, какъ онъ ее нашелъ, что думаетъ о ея болѣзни? Между другими вопросами онъ спросилъ и о лихорадкѣ.

— У нея нѣтъ лихорадки, или такая маленькая, что ничего не значить.

— Такъ вы не отъ лихорадки даете ей сѣрноокислый хининъ?

— Хининъ! Въ ея положеніи? Зачѣмъ бы сталъ я давать ей хининъ? Беременнымъ женщинамъ не прописываютъ сѣрнокислото хинина.

— А!

Проби оставилъ Жофруа сильно разстроеннымъ. Уже не разъ страшная мысль приходила ему въ голову, но каждый разъ онъ отгонялъ ее, не желая на ней останавливаться; но свѣтъ проливался ослѣпительный, какъ блескъ молніи. Между тѣмъ, онъ все еще упорно отталкивалъ подозрѣніе, которое считалъ недостойнымъ себя и своей жены. Прежде чѣмъ допустить его, надо убѣдиться. Эта коробочка могла давно лежать въ ящикѣ; тогда она ничего не доказывала, не имѣла никакого значенія.

Съ какихъ поръ она тамъ—вотъ вопросъ. Спросить—немыслимо. Онъ одинъ долженъ найти рѣшеніе вопроса.

Только на слѣдующій день, когда Теодолида и г-жа де-Бодемонъ находились около его жены, онъ могъ, не вызывая подозрѣнія, пройти въ будуаръ, открыть тихонько ящикъ, взять коробочку, которая оказалась пустой, и прочесть адресъ аптекаря и номеръ, написанные на оборотной сторонѣ.

Черезъ полчаса онъ былъ у аптекаря и спрашивалъ тѣ же таблетки, которыя значились подъ № 540,451.

— Можетъ быть, этотъ номеръ не далеко искать,—сказалъ Жофруа.

Аптекарь открылъ книгу.

— № 540,451, — отвѣтилъ онъ, — вписанъ десять дней тому назадъ.

И такъ, это правда.

Теперь Жофруа понималъ, почему она такъ упорно повторяла, что не можетъ быть беременна: разъ она рѣшила не имѣть ребенка, ей необходимо было, чтобы не вѣрили въ ея беременность.

Она не хотѣла имѣть дѣтей потому, что рожденіе ихъ испортитъ ея красоту, помѣшаетъ ей веселиться.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Черезъ недѣлю, часовъ въ шесть утра, Жофруа вошелъ въ свою мастерскую. Лотъ сидѣла за работой и, рисуя, защищала одною рукою лежавшую около нея тартинку, которую Дьяволъ, сидя на столѣ, непремѣнно хотѣлъ лизнуть.

— Уже?—сказала онъ, бросая шляпу на диванъ.

— Я только что пришла.

— Это не упрекъ, напротивъ! Но когда же, наконецъ, вы спите?

— Я рано ложусь; когда я полью садикъ, мнѣ нечего больше дѣлать.

— Вы никогда не выходите?

— Куда мнѣ идти? Я довольно настрадаюсь на улицахъ, бездѣльно бродя по нимъ одна, и ничего онѣ мнѣ не внушаютъ, кромѣ страха и отвращенія.

— Въ Дюнкирхенѣ вы выходили?

— Часто; въ будни—въ классы, на курсы, а также на набережную и на башню Лейгенера; по воскресеньямъ мы ходили съ отцомъ на гулянья въ окрестныя села: Розендаль, Сентъ-Поль, Миллебриоле, Тетегемъ.

— Танцуютъ на этихъ гуляньяхъ?

— Не городскія барышни, а бѣдныя дѣвушки, какъ я.

— И вы танцовали?

— Конечно.

— Теперь вамъ никогда не приходитъ желанія заглянуть за заборъ этого двора?

— Нѣтъ, нѣсколько разъ.

— И что же?

— Тогда я всякій разъ говорю себѣ, что будетъ безуміемъ выйти съ этого двора, гдѣ я нашла покой и безопасность. Чего мнѣ искать внѣ его? Нѣтъ у меня ни родителей, ни друзей, ни знакомыхъ. Мнѣ кажется, что и деревни я буду бояться, какъ города. Къ тому же, мнѣ некогда скучать: ваши слова пробудили въ моей головѣ столько мыслей, столько надеждъ, столько грезъ.

Разговаривая, Жофруа снялъ свою куртку и надѣлъ длинную черную блузу.

— Вы будете работать?—спросила она.

— Весь день и завтра, и послѣ завтра, и часто.

— Какое счастье!

Но тотчасъ же она поправила:

— Я такъ мечтала работать подъ вашимъ руководствомъ.

Лотъѣ вспомнила, какъ онъ предупреждалъ ее, что какія-то занятія не позволятъ ему часто бывать въ мастерской. Надежды эти, значить, не осуществились, если онъ такъ скоро вернется. Не отдавая себѣ яснаго отчета, какія бы это могли быть занятія, она воображала, что они заключались въ исполненіи заказовъ въ

провинціи, и поэтому для него не могло быть счастьемъ, что онъ по той или другой причинѣ оставилъ ихъ.

Жюфруа возбуждалъ любопытство не однихъ только жителей улицы Шампюнетъ; Лотъё также часто удивлялась странностямъ этого существованія, такъ мало похожаго на всѣ другія, тщетно стараясь объяснить его себѣ. Сколько темныхъ точекъ, которыхъ она не могла освѣтить, сколько извилинъ, въ которыхъ она терялась, сколько противорѣчій, сбивавшихъ ее съ толку! Первый вопросъ, который она задала себѣ, это—женатъ ли онъ? И, строго все обсудивъ, она рѣшила, что этого быть не можетъ; если бы онъ былъ женатъ, онъ писалъ бы женѣ, когда оставался въ мастерской на нѣсколько дней, получалъ бы письма отъ нея, а какъ онъ, такъ и ему никто не писалъ. Этотъ вопросъ вызвалъ другой, дополнившій первый: живетъ онъ въ Парижѣ или, какъ говоритъ Трипъ, въ провинціи? Она рѣшила, что въ Парижѣ: если бы онъ жилъ въ провинціи, онъ не покидалъ бы по вечерамъ мастерской, когда ему вздумается, и не прѣзжалъ бы по утрамъ тоже въ разные часы. Было ясно, что его отлучки не совпадали съ опредѣленнымъ часомъ отхода поѣзда. И рѣшеніе вопроса о мѣстѣ жительства одновременно рѣшало и вопросъ о женитбѣ: если бы онъ былъ женатъ, онъ возвращался бы домой каждый вечеръ.

Если эти два вопроса она считала почти рѣшенными, то сколько было еще другихъ: его званіе, положеніе, состояніе... Его званіе—художникъ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія, и она даже воображала, что никто, кромѣ него, не можетъ имѣть столько вкуса и любви къ искусству,—у него все сводилось къ искусству: о немъ онъ говорилъ, имъ одушевлялся и вдохновлялся; всегда спокойный, холодный, даже равнодушный, онъ оживлялся только за работой; тогда только прояснивалось его лицо. Онъ, несомнѣнно, испытывалъ громадное наслажденіе работая, и ее поражалъ контрастъ между его приходомъ и уходомъ: почти всегда мрачный и озабоченный, когда отворялъ дверь, онъ дѣлался спокоенъ, веселъ и счастливъ, когда затворялъ ее; часъ, проведенный въ мастерской, дѣлалъ его совершенно другимъ человекомъ. Но что это за художникъ? Рабочій, желающій возвыситься, какъ онъ говоритъ, или больше, чѣмъ рабочій? Тутъ она терялась въ догадкахъ. Не вѣрить ему—значитъ оскорбить его. За чѣмъ назвался бы онъ рабочимъ, если бы не былъ имъ?—она не видѣла въ этомъ смысла. Правда, для того, чтобы вѣрить ему, она должна закрыть глаза передъ очевидностью и сказать себѣ: «Я вѣрю, потому что вѣрю, а не потому, что вижу». Изъ парижскихъ рабочихъ она знала только одного, Павара, сле-

саря-электро-техника, мастерская котораго находилась на томъ же дворѣ, и, по словамъ Трипа, это былъ рѣдко встрѣчающійся рабочій, котораго можно было поставить во главѣ самыхъ способныхъ. Онъ хорошо знаетъ свое дѣло, ораторствуетъ на народныхъ сходкахъ, молодъ, красивъ, заботится о своей наружности и ведетъ приличный образъ жизни; его никогда не видали у винныхъ торговцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ дни сдѣлались длиннѣе, онъ приходилъ иногда по вечерамъ смотрѣть, какъ она поливаетъ свой садикъ, онъ хотѣлъ даже помочь ей носить воду, и, не смотря на всю ея сдержанность, между ними установились сосѣдскія отношенія, давшія ей возможность узнать его ближе. Что онъ уменъ, она имѣла доказательства, а также и образованъ, и не только по предметамъ, касающимся его ремесла, если припомнить длинные разговоры, которые онъ велъ съ Трипомъ и въ которыхъ онъ излагалъ всевозможныя идеи объ исторіи, о религіи, объ упраздненіи войскъ, уничтоженіи нищеты, организациі труда и кредита и реформированіи общества. Но какъ бы онъ ни былъ уменъ, образованъ, красивъ, между ними было сходства не больше, какъ между бѣлымъ и негромъ; даже сравненіе было бы оскорбительно для Жофруа, и потому Паваръ ничѣмъ не могъ помочь ей рѣшить вопросъ, рабочій ея учитель или нѣтъ. А, между тѣмъ, разъ онъ выдавалъ себя за таковаго, она должна была вѣрить, придумывая всевозможныя обстоятельства, объясняющія, что превратности судьбы, тяжелыя жизненныя испытанія принудили его сдѣлаться рабочимъ, тогда какъ все въ немъ: образованіе, манеры, благородство—указывало на то, что онъ художникъ; она не могла не подумать, что при этихъ условіяхъ потеря продолжительной работы была ему неприятна и что неумѣстны были ни ея радость, ни ея глухое восклицаніе: «какое счастье!»

Дьяволу, оскорбленный, что его гонять отъ тартинки, отошелъ и съ достоинствомъ удалился на верхъ шкапа. Не принужденная больше защищать тартинку, Лотьё могла спокойно ѣсть, не отрываясь отъ работы; она откусывала кусокъ, затѣмъ клала тартинку опять на столъ; она дѣлала это такъ мило, такъ граціозно, что можно было любоваться, глядя на нее.

— Есть у васъ дома хлѣбъ?—спросилъ Жофруа.

— Вамъ угодно?

— У меня явился аппетитъ, глядя, какъ вы ѣдите.

Она быстро поднялась съ мѣста.

— Я принесу вамъ кусокъ.

— Съ масломъ, не правда ли?

Она смутилась.

— У меня есть только соленое масло, — сказала она. — Мы, сѣверяне, такъ любимъ масло, что ѣдимъ какое ужь есть.

— Я согласенъ на соленое масло: норманны въ отношеніи масла тоже сѣверяне.

Она побѣжала къ себѣ и почти сейчасъ же вернулась съ большимъ ломтемъ хлѣба, менѣе тонкимъ, чѣмъ ея, и въ особенности менѣе экономно намазаннымъ масломъ.

— Хотите, я вамъ приготовлю чашку кофе?— спросила она.

— У васъ есть кофе?

— Нѣтъ.

— А молоко?

— Ничего не стоитъ сходить за нимъ.

— Не будемъ терять времени; стаканъ воды отлично замѣнитъ чашку кофе.

Она такъ привыкла къ фразѣ: «не будемъ терять времени», что не настаивала, боясь, что онъ останется недоволенъ. Едва онъ успѣвалъ войти въ мастерскую, какъ набрасывался на работу. Завтракалъ онъ большею частью стоя у стола и не отрывался отъ работы до вечера; конечно, ему не можетъ быть пріятно, если она будетъ дѣлать не такъ, какъ онъ.

Въ этомъ прилежаніи она видѣла новый предметъ для любопытства, остающійся, впрочемъ, такимъ же необъяснимымъ, какъ и прежніе. Съ тѣхъ поръ, какъ она занималась у него, она ни разу не видала, чтобы хоть одна изъ его оконченныхъ эмалей вышла изъ мастерской; если онъ оставался доволенъ своею работою, онъ прикрѣплялъ ее четырьмя гвоздями къ стѣнѣ, если же, напротивъ, недоволенъ, бросалъ ее въ ящикъ, гдѣ набралась уже цѣлая коллекція. Никогда ни одной онъ не уносилъ для продажи. Не странно ли, если вѣрить, что онъ рабочій, что онъ не продаетъ своихъ издѣлій? Да, впрочемъ, не менѣе странно было бы это и для художника. Не имѣя претензіи критиковать его работу, она чувствовала, что среди дощечекъ, украшавшихъ стѣны мастерской, были очень хорошія, на которыя, конечно, нашлись бы покупатели, если бы онъ согласился продавать ихъ. А, между тѣмъ, онъ ничего не продавалъ.

День прошелъ по обыкновенію, когда Трипъ вернулся изъ своего обхода; онъ явился съ обычнымъ вопросомъ:

— Что прикажете приготовить сегодня къ завтраку?

И получилъ обычный отвѣтъ:

— Что хотите.

Тогда Трипъ, поломавъ себѣ голову, придумалъ, что ломтикъ ветчины съ кускомъ швейцарскаго сыра на десертъ и бутылкой пива будетъ отличнымъ завтракомъ, который Жофруа одобрилъ и съѣлъ, не отрываясь отъ работы, тогда какъ Лотье ушла завтракать къ себѣ.

Во весь день онъ вставалъ изъ-за стола только для того, чтобы перейти къ печкѣ, а отъ печки опять къ столу; никогда не видала она Жофруа работающимъ такъ пристально: ни минуты отдыха или развлечения, ни одного ненужнаго слова. Работа точно успокоивала, опьянила его.

Въ семь часовъ только онъ снялъ блузу.

— Отличный день!—сказалъ онъ.

Онъ говорилъ веселымъ тономъ, лицо его выражало довольство.

— Если бы скучающіе люди знали, что такое работа! — продолжалъ онъ.—Но, вѣдь, работа для праздныхъ то же, что ходьба для толстыхъ; надо приняться—и не могутъ.

Говоря это, онъ разсматривалъ то, что сдѣлала Лотье за день, и мягко, дружески далъ ей нѣсколько совѣтовъ.

— А тенерь?—спросилъ онъ.

— Пойду готовить свой обѣдъ.

Жофруа пошелъ къ винному торговцу въ предмѣстье, и обѣдъ его былъ такъ же простъ, какъ и завтракъ: не по изысканности и изобилію заказовъ отличался онъ отъ сосѣдей, рабочихъ и мелкихъ прикащиковъ, счета которыхъ бывали часто вдвое больше его.

Когда Жофруа вернулся послѣ обѣда, онъ увидѣлъ Лотье, сидящую на дворѣ съ книгой въ рукахъ. Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Вы уже пообѣдали?—спросилъ онъ.

— Да, это не долго.

Она не только пообѣдала, но и полила свой садикъ и отъ влажной земли поднимался запахъ левкоевъ, наполнявшій весь дворъ.

— Здѣсь проводите вы вечера?—спросилъ онъ.

— Въ хорошую погоду; если холодъ или дождь загоняютъ меня въ домъ, я читаю.

— Я спрашивалъ васъ утромъ, выходите ли вы когда-нибудь, и вы мнѣ отвѣтили, что боитесь и чувствуете отвращеніе къ улицамъ; мнѣ кажется, если бы вы были не одна, вамъ пріятно было бы пройтись?

— Но я одна.

— Хотите пойти со мной?

— О...

Волненіе и смущеніе помѣшали ей продолжать.

— Что васъ удерживаетъ?

Она не отвѣтила, но жестомъ показала на свое дѣйствительно скромное платье, хотя въ послѣднее время она и скрасила его немногимъ стоячимъ воротничкомъ и рукавичками, бѣлизна которыхъ рѣзко выдѣлялась на черной шерстяной матеріи.

Жофруа окинулъ взглядомъ ея фигуру; онъ такъ привыкъ видѣть въ ней товарища, что когда она не позировала, онъ не замѣчалъ, въ чемъ она одѣта.

— Но вы очень хорошо одѣты!—сказалъ онъ.

— Чтобы идти съ вами?

Ея гладкое платье, безъ всякихъ отдѣлокъ, обрисовывало стройную, полную фигуру, нисколько не напоминавшую ту худенькую дѣвочку, истощенную голодомъ, какою она была зимой; съ тѣхъ поръ волосы ея отросли и, распущенные, вьющіеся локонами, отняли у ея головки мальчишескій характеръ и придали ей прелесть юной наивности.

— Есть у васъ шляпа?—спросилъ онъ.

— Она не лучше платья.

— Позвольте вамъ замѣтить, что вы не знаете, чего стоитъ ваше платье, ни вы сами, ни, весьма вѣроятно, ваша шляпа; подите, надѣньте ее.

Она отказывалась, сколько могла; въ радостномъ волненіи, охватившемъ ее при мысли идти гулять, сопротивляться дольше было свыше ея силъ.

Она скоро вернулась въ шляпѣ, которая была не лучше, но и не хуже платья: простая черная соломка съ птичьимъ крыломъ сбоку.

— Ваша шляпа очень мила, — сказалъ Жофруа, — и своимъ темнымъ цвѣтомъ придаетъ еще больше блеску вашей фламандской бѣлизнѣ. Идемте!

Они пошли недалеко, только до Сентъ-Уэнскихъ воротъ, гдѣ по зеленой травѣ, еще не пожелтѣвшей отъ жары, поднялись на укрѣпленія. Хотя солнце давно уже зашло, оно оставило на западѣ розоватые лучи, освѣщавшіе все небо.

— Хочется вамъ бѣгать?—спросилъ онъ. — Вамъ должно хотѣться размять ноги!

— Какъ это странно!—отвѣтила она, смѣясь.

— Что странно?

— Что вы такъ хорошо угадали, что я думаю и что дѣлается во мнѣ.

— Вамъ хочется бѣгать?

— Нѣтъ, не бѣгать, но я вспомнила уврѣвленія Дюнкирхена и какъ хорошо я скользила на одной ногѣ по дорожкамъ, сдѣланнымъ по спуску.

— Я не вижу здѣсь такихъ дорожекъ, но вотъ тропинка въ травѣ, которая, мнѣ кажется, должна васъ манить.

Она побѣжаетъ, но почти сейчасъ же вернулась.

— Я не могу, — сказала она, — я уже не маленькая дѣвочка.

— И вы повтому только замѣчаете это?

— Повтому и по многому другому.

— По чему-же именно?

— Это трудно сказать и даже объяснить себѣ.

— Если я помогу вамъ...

Лотъб сконфузилась, но не такъ, какъ смущалась прежде, когда онъ разспрашивалъ ее.

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, — продолжалъ онъ, — когда я пришелъ послѣ обѣда, вы держали въ рукахъ книгу, но не читали, а мечтали. О чемъ мечтали вы? Это нескромный вопросъ? Ваши отвѣты объяснять мой первый вопросъ.

— Я говорила вамъ, что почти каждый вечеръ сижу на томъ же мѣстѣ и почти всегда беру книгу, прочитываю одну, двѣ, рѣдко три страницы, а затѣмъ я невольно опускаю ее на колѣни и мои мысли улетаютъ.

— Куда?

— Въ Дюнкирхенъ, но не остаются тамъ: вечеромъ у меня всегда сжимается сердце, я думаю о несчастномъ отцѣ: гдѣ онъ? Хотя прошло уже много мѣсяцевъ, я не могу допустить, чтобы онъ... погибъ, и воображаю, что корабль, спасшій его, завезъ его въ далекія страны, откуда онъ еще не успѣлъ вернуться, но непременно вернется. Тогда я задаю себѣ вопросъ, что скажетъ онъ, увидѣвъ меня, и я начинаю думать о себѣ, о настоящемъ, о будущемъ. Вотъ обычное теченіе моихъ грезъ.

— А каково же настоящее?

— Вы, ваша доброта ко мнѣ, ваши уроки, ваши совѣты.

— А будущее?

— Вы же.

Это было сказано съ такою искренностью, съ такою простотой, что Жофруа въ свою очередь былъ взволнованъ. Онъ только что пережилъ ужасные дни, сердце истерзалось отъ нанесенныхъ ударовъ, душа изныла, нервы разстроились отъ усилій подавить взрывъ, который былъ бы окончательнымъ разрывомъ, а эти наивныя слова успокоивали его нервы, трогали его сердце. Есть

еще на свѣтъ искренность и нѣжность — въ этомъ мальчикѣ, въ этой красивой дѣвушкѣ.

Они были не одни на укрѣпленіяхъ; группы гуляющихъ лежали на травѣ, другія прохаживались, какъ они, дѣти рѣзвились, какой-то пьяный шелъ по дорожкѣ, пошатываясь и бормоча непонятныя слова то громко, то шепотомъ.

— Возьмите мою руку, — сказала Жофруа, — и не бойтесь.

— Я не боюсь съ вами.

Они продолжали идти подъ руку, и онъ заговорилъ снова:

— И такъ, вы включаете меня въ ваши мечты о будущемъ?

— Вы занимаете въ нихъ всегда самое большое, первое мѣсто, и это очень естественно, потому что для такой бѣдной дѣвушки, какъ я, вы все: учитель, отецъ, Провидѣніе; но съ тѣхъ поръ, какъ вы назвали меня товарищемъ, это измѣнилось. Вы знаете, я такъ создана, что вѣрю всему, чтѣ мнѣ говорить, а въ особенности, когда говорите вы. вмѣсто того, чтобы задать себѣ вопросъ, не было ли въ вашихъ словахъ слишкомъ много снисходительности, доброты, великодушнаго желанія осчастливить меня, я приняла ихъ въ буквальный смыслѣ.

— Какъ они и были сказаны.

— Тогда голова моя заработала, мозгъ напрягся настолько, что едва не помрачился... Я вижу—о, въ далекомъ будущемъ!—что у меня талантъ и что я работаю съ вами все въ той же мастерской; я ваша ученица, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и товарищъ, и ваша жизнь устроилась иначе, чѣмъ теперь, какъ—я не знаю и не думаю никогда объ этомъ; но только вы остаетесь здѣсь съ утра до вечера, какъ сегодня, и мы вмѣстѣ работаемъ; я совѣтуюсь съ вами, вы же идете прямо, смѣло, безъ чьихъ-либо совѣтовъ и замѣчаній, потому что вы учитель, а учителя распространяютъ свое вліяніе, сами не терпя ничего. Вы вводите эмаль въ моду... Продолжая дѣлать наши маленькія дощечки, мы дѣлаемъ и большія въ изобрѣтенныхъ вами печахъ, гдѣ онѣ обжигаются, не портятся, и выходятъ такія же великолѣпныя и даже лучше, чѣмъ эмали Пьера Куртуа въ Мадридскомъ замкѣ.

— Я понимаю, почему книги покоятся на вашихъ колѣняхъ, — сказала Жофруа, смѣясь.

— Вотъ вы и насмѣхаетесь!

— Я скорѣе завидую вамъ: энтузіазмъ, вѣра—это половина таланта.

— А безуміе?

— Это другая часть, необходимая тоже, это—увлеченіе.

— Тогда надо полагать, что я одарена талантом?

— Несомненно.

Они подошли къ воротамъ Клинши; уже нѣсколько времени тучи заволакивали розоватыя лучи и покрыли теперь на западъ все небо; становилось темно.

Они сошли на бульваръ, но тамъ бесѣда утратила свой задушевный характеръ и вертѣлась на незначущихъ предметахъ. Они возвращались черезъ Сентъ - Уэнское предмѣстье, а возвращеніе рѣдко бываетъ оживленно.

— До завтра, — сказала Жофруа, протягивая ей руку, когда они дошли до мастерской.

— Въ которомъ часу?

— Какъ только встану, я отворю дверь.

II.

Слѣдующій день, какъ и предъидущій, прошелъ за непрерывавшеюся работой, съ такимъ же завтракомъ на скорую руку, стоя; но Жофруа не разъ принимался разглядывать Лотьё съ интересомъ, котораго прежде не чувствовалъ къ ней.

— Любопытная дѣвушка, съ своими идеями и честолюбіемъ, и славная при этомъ!

Жофруа трогали чувства почтенія и благодарности, которыя Лотьё такъ наивно выказывала ему; и хотя вообще онъ мало сочувствовалъ поклоненію, онъ соглашался принять роль Промысла, которою она надѣляла его: она дѣйствительно обязана ему жизнью.

Они работали до вечера, но не такъ поздно, какъ наканунѣ; въ шесть часовъ онъ спросилъ ее, какъ спала она послѣ прогулки?

— Чудный сонъ.

— Хотите повторить прогулку сегодня?

Ея лицо, просіявшее отъ радости, отвѣтило за нее.

— Ну, такъ надѣвайте шляпу.

Она взглянула на него съ удивленіемъ, но не отговариваясь.

— Не обязанъ ли я поквитаться за вчерашній завтракъ? Я угощу васъ обѣдомъ, если вы не имѣете ничего противъ этого. Вы, вѣдь, не вполне удовлетворили вчера вашу потребность ходить? Мы дойдемъ до Сентъ-Уэнскаго предмѣстья, это недалеко, и тамъ или въ деревнѣ, или на островѣ найдемъ какой-нибудь ресторанъ; на берегу рѣки будетъ не хуже, чѣмъ въ зелени укрѣпленій.

— Какое счастье!

— Если у васъ есть накидка, захватите ее съ собой, пожалуй свѣжо будетъ возвращаться.

Черезъ минуту Лотъё была готова и вышла къ Жофруа, ожидавшему ее у дверей. Она думала, что они пойдутъ пѣшкомъ, но на дорогѣ было пыльно, солнце еще сильно пекло; онъ помогъ ей войти въ проѣзжавшій мимо вагонъ конки.

— Доберитесь поскорѣе до зелени,—сказалъ онъ.

— Вы любите деревню?

— Я бы хотѣлъ всегда тамъ жить.

— Я тоже, но въ лѣсу, на верху горы, чтобы видно было далеко-далеко кругомъ.

— Потому что ни лѣсовъ, ни горъ нѣтъ въ Дюнкирхенъ?

— Можетъ быть.

Добравъ до Сентъ-Уэна, они направились на островъ, восхитившій ихъ своею свѣжестью и зеленью.

— Да, правда,—сказала она,—здѣсь лучше, чѣмъ на укрѣпленіяхъ.

— Здѣсь можно бѣгать.

— Но, вѣдь, я не маленькая дѣвочка!

И она продолжала идти рядомъ съ нимъ. Въ вагонѣ и въ деревнѣ они весело болтали о всякихъ пустягахъ, смотря по встрѣчамъ и случайностямъ дороги, просто изъ удовольствія болтать. Но какъ только они вступили на островъ, она почувствовала, что ее охватила пріятная серьезность, не позволяющая ей говорить о пустягахъ: счастливая и взволнованная, она хотѣла бы выразить мысли, соотвѣтствующія тому, что она чувствовала, но слова не шли ей на языкъ, также какъ и мысли ея не складывались ясно ни въ головѣ, ни въ сердцѣ; это было какое-то непонятное настроеніе, пріятное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тревожное, отнимающее у нея свободу и волю. Довольно долго шли они молча рядомъ по пустынной дорожкѣ, не слыша даже своихъ шаговъ въ густой зелени: единственные звуки, долетавшіе до нихъ, были плескъ воды въ заросляхъ, пѣніе птицъ въ кустахъ и отдаленный, глухой шумъ Парижа.

— О чемъ вы такъ задумались,—спросилъ Жофруа,—что сдѣлались такъ серьезны?

— Я не задумалась, а только отдалась пріятному и бодрящему впечатлѣнію, которое производитъ на меня эта зелень, удовольствію, которое я испытываю, идя по этой травѣ. Меня, кажется, оцѣняетъ этотъ сильный ароматъ. Я вполне наслаждаюсь.

— Да, да, здѣсь лучше, чѣмъ на укрѣпленіяхъ.

— Правда, и сегодня я еще счастливѣе...

Эти слова вывели ее изъ задумчивости и она принялась соби-

рать цвѣты, растущія на краю дороги: маргаритки, куриную слѣпоту и высокія зацвѣтающія травы, изъ которыхъ составила букетъ, перевязавъ его кожицей ивы, сорванной съ только что срѣзанной и еще полной сока вѣтки. Они дошли такимъ образомъ до небольшого скромнаго ресторана, притаившагося въ зелени серебристыхъ тополей; нѣсколько столиковъ стояло на берегу рѣки подъ старыми ивами; заходящее солнце освѣщало дома лежащей напротивъ деревни, и стекла золотистыми полосами отражали лучи его на темной рѣкѣ.

— Я думаю, здѣсь хорошо будетъ,—сказалъ Жофруа,—по крайней мѣрѣ, тихо и спокойно.

Эта оговорка оказалась сдѣланной очень кстати, въ чемъ они удостоверились, когда къ нимъ подошла хозяйка ресторана съ вопросомъ, что имъ угодно.

— Обѣдать.

— Обѣдать? Но сегодня среда!

— Что же, по средамъ заперто?

— Въ воскресенье и въ понедѣльникъ я подамъ вамъ все, чего бы вы ни захотѣли, во вторникъ еще пожалуй, но въ среду запасы въ кладовой истощаются.

— Что же, она пуста?

— Да, говоря откровенно, пуста.

— Надо намъ идти въ другое мѣсто?

— Не хотите ли мателотъ?

— Конечно, хотимъ.

— У насъ есть еще супъ—нашъ, съ кускомъ солонины.

— Что скажете вы относительно супа съ солониной? — спросилъ Жофруа, обращаясь къ Лотьѣ.

— О, я ѣмъ рѣшительно все.

— Ну, такъ подайте намъ супъ, солонину, мателотъ и салатъ съ яйцами.

И графъ Баноель, часто дома не притрогивавшійся къ артистически приготовленнымъ блюдамъ, съ аппетитомъ шестнадцатилѣтняго юноши проглотилъ супъ, съѣлъ солонину и, какъ настоящій рабочій, выскоблилъ до послѣдней капли соусъ мателота.

— Вы дѣйствительно проголодались,—замѣтила Лотьѣ съ восторгомъ.

— Я давно такъ хорошо не обѣдалъ.

Хорошо не потому только, что ему подавали такія простыя кушанья, но потому, что его охватили покой и довольство, пріятные и живительные, какъ этотъ чудный лѣтній вечеръ.

Пока они обѣдали, стемнѣло, но на небѣ всплыла луна, озарившая его голубоватымъ свѣтомъ, давая предметамъ ясныя очертанія, и при ея трепетномъ свѣтѣ рѣка казалась свѣтлѣе, чѣмъ подъ гаснущими лучами заходящаго солнца.

Четыре или пять лодокъ стояли привязанные къ столбамъ, вбитымъ на берегу; онѣ навели Жофруа на мысль прокатиться по рѣкѣ.

Онъ взялъ весла, Лотье сѣла къ рулю и они поѣхали, медленно поднимаясь противъ теченія; имъ некуда было спѣшить. Онъ нѣсколько разъ взмахивалъ веслами, затѣмъ, поднявъ ихъ, предоставляя лодкѣ идти своимъ ходомъ. Луна бросала свѣтъ на него, тогда какъ лицо Лотье оставалось въ тѣни; но хотя онъ плохо ее видѣлъ, онъ чувствовалъ, что глаза ея были устремлены на него.

— Были вы гребцомъ?—спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Отчего это вы спросили меня?

— Потому что нахожу, что вы отлично гребете.

— Только поэтому?

Она колебалась минуту, потомъ отвѣтила, улыбаясь:

— Я предполагаю также, что вы были угадчикомъ.

— Почему угадчикомъ?

— Вы угадываете то, чего вамъ не говорить.

— Значить, не потому только, что я хорошо гребу, вы спросили меня, былъ ли я гребцомъ?

— Поэтому, и еще по другому.

— И это другое?

— Ну, вотъ!

— Вы не хотите сказать?

— Я не знаю, какъ сказать.

— Мнѣ кажется, что при отношеніяхъ, существующихъ теперь между нами, вы не должны меня больше бояться.

— Вотъ этого вы не угадали.

— Вы боитесь меня?

— Болѣе чѣмъ когда-либо.

— Почему?

— Потому что каждый день у меня являются новыя причины избѣгать сердить васъ или дѣлать вамъ что-либо непріятное.

Послѣдовала минута молчанія, въ теченіе которой Жофруа безостановочно гребъ, взмахивая веслами и налегая на нихъ.

— Есть одинъ пунктъ,—произнесъ онъ,—въ которомъ я дѣйствительно угадчикъ, какъ вы меня называете.

— Какой?

— Тотъ, который указываетъ мнѣ, что если вы не хотите отвѣчать на вопросъ, вы отлично умѣете уклониться, говоря о другихъ предметахъ: я спрашивалъ васъ, почему вы хотите знать, былъ ли я лодочникомъ, и вы мнѣ не отвѣтили.

— Это правда.

— И вы не хотите отвѣтить?

— Какъ можете вы думать, что я не хочу того, что вы хотите? Я была бы счастлива, если бы была такою угадчицей, какъ вы, чтобы предугадывать всѣ ваши желанія. Но, вѣдь, естественно, не правда ли, что въ мысляхъ является смѣлость, а высказать мысль не хватаетъ смѣлости; вотъ почему я не сразу отвѣтила вамъ.

— И такъ, сдѣлайте усиліе.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю васъ, я часто задумывалась надъ тѣмъ, кто вы.

— А!...

— Вы такимъ чудеснымъ образомъ ворвались въ мою жизнь, заняли такое большое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ и еще большее въ моихъ надеждахъ, что мое любопытство... я думаю, что это слово не то, которое мнѣ слѣдовало бы употребить, но я не нахожу другаго... что мое любопытство не заключаетъ въ себѣ ничего для васъ оскорбительнаго.

— Увѣряю васъ, что оно нисколько не оскорбляетъ меня.

— Я стараюсь объяснить себѣ это, и такъ какъ не могу задавать вамъ вопросовъ, я задаю ихъ себѣ, придумывая отвѣты, которые удовлетворяютъ меня на минуту, а вслѣдъ затѣмъ кажутся безумными и глупыми.

— Что хотите вы знать обо мнѣ?

— Въ особенности, какъ сдѣлались вы художникомъ; почему избрали эмаль, а не живопись и скульптуру? А такъ какъ вы умѣете угадывать, то должны понимать, что, думая о васъ, я, въ то же время, думаю о себѣ: желая знать, какъ сдѣлались вы такимъ художникомъ, каковы вы, я стараюсь узнать, возможно ли, чтобы моя будущность была, дѣйствительно, такой, какъ вы ее предсказываете; и на этомъ пути мнѣ кажется, что все должно быть указаніемъ или исходною точкой; вотъ почему я васъ спросила, были ли вы гребцомъ:

— Ну, да, я былъ; но теперь мнѣ интересно знать, какое заключеніе вы выведете.

— Что ваша жизнь была не очень тяжела, потому что у васъ было свободное время для забавы.

— Не дурной выводъ, — сказалъ Жофруа, смѣясь. — Но не на-

до ничего преувеличивать: можно работать, много работать и имѣть еще время для удовольствій.

— Вы видите, что мои отвѣты, такъ же какъ и выводы, правильные на одну минуту, сейчасъ же становятся глупыми.

Если Жофруа не всегда умѣлъ угадывать, какъ то предполагала Лотьё, то онъ и не былъ настолько наивенъ, чтобы воображать, будто въ своемъ любопытствѣ она стремилась узнать, какъ сдѣлался онъ художникомъ; именно потому, что она признавалась только въ артистическомъ интересѣ, онъ долженъ былъ допустить и другіе. Но это было такъ естественно, что онъ не могъ ни удивиться, ни оскорбиться. Въ его жизни было достаточно странностей, чтобы ихъ хотѣлось объяснить себѣ, и эта дѣвушка болѣе чѣмъ кто-либо имѣла къ тому поводовъ. Но таково было его положеніе, что, признавая всю законность этого желанія, онъ не имѣлъ возможности удовлетворить его, по крайней мѣрѣ, вполне: съ одной стороны, онъ лишился бы возможности обращаться съ этою дѣвушкой такъ же свободно, какъ теперь, съ другой—это вынудило бы его отказаться отъ роли, которая его забавляла.

— Такъ вамъ пришлось много работать?—спросила Лотьё.

— Много для того, чтобы получить то немногое, что я приобрѣлъ. Но работа, говоря правду, не была главнымъ затрудненіемъ моей жизни, — она была скорѣе удовольствіемъ, какъ и теперь; затрудненіе заключалось въ сопротивленіи со стороны отца.

— Онъ не зналъ, что у васъ талантъ.

— Талантъ въ его глазахъ не имѣлъ большаго значенія; онъ имѣлъ другіе виды на меня и до конца его жизни я долженъ былъ скрывать отъ него, что занимаюсь эмалью.

— Вы были еще очень молодымъ, когда у васъ явилось желаніе сдѣлаться художникомъ?

— Ребенкомъ я имѣлъ страсть къ рисованію, но не могъ заниматься такъ, какъ бы хотѣлъ, — у меня были другія занятія. Но, все-таки, я мечталъ не менѣе васъ, какъ и вы рисовали себѣ будущность, которой не суждено было осуществиться.

Онъ порывисто взмахнулъ веслами и протянулъ ихъ вдоль краевъ лодки; нѣсколько минутъ лодка продолжала подниматься противъ теченія, потомъ остановилась и начала спускаться, понемногу перевертываясь; тогда лунный свѣтъ упалъ прямо на лицо Лотьё: ее взволновало выраженіе, съ какимъ онъ произнесъ послѣднія слова, и въ порывѣ состраданія она не хотѣла оставлять его подъ впечатлѣніемъ этихъ мыслей.

— Развѣ это не міровой законъ, что большинству художниковъ

дѣйствительность не даетъ того, чего заслуживаетъ ихъ талантъ? По крайней мѣрѣ, я видѣла это въ жизнеописаніяхъ великихъ артистовъ, которыя читала.

— Развѣ вѣрять книгамъ или опыту въ двадцать лѣтъ? А мнѣ не было двадцати лѣтъ, когда я мечталъ, что буду художникомъ, что у меня будетъ талантъ и что я буду счастливъ.

— Но не очень ли вы требовательны, не слишкомъ ли многого вы хотите?—воскликнула она, пораженная, такъ какъ она воображала, что нельзя быть счастливѣе его. На ея взглядъ ему все было дано для этого: молодость, талантъ, сила.

Онъ не отвѣтилъ, и лодка довольно долго неслась по теченію такъ, что ничто не нарушало тишины. Лотъё хотѣла бы найти успокоительныя слова для раны, которую открыла; но такъ какъ она не знала этой раны, то лучше было молчать, чѣмъ сдѣлать какую-нибудь неловкость или неосторожность.

Вдругъ онъ поднялъ голову и, отвѣчая, вѣроятно, самому себѣ, произнесъ:

— Да, я долженъ былъ понять, что счастье въ простотѣ.

Онъ взялся опять за весла и, произнеся больше ни слова, причалилъ къ ресторану. Когда они покинули островъ, къ Жофруа вернулось его спокойствіе и во все время обратнаго пути пѣшкомъ онъ весело и беззаботно болталъ, переходя отъ одного предмета къ другому.

III.

Хотя слова Жофруа, полныя, очевидно, преднамѣренныхъ недомолвокъ, были, на самомъ дѣлѣ, очень неясны, ихъ было достаточно для Лотъё, чтобы объяснить себѣ то, что до этого вечера было покрыто таинственнымъ мракомъ. Его молодость протекла подъ тяжелою властью суроваго отца, который, не желая, чтобы его сынъ сдѣлался художникомъ, приневоливалъ его къ другимъ работамъ и насилывалъ его призваніе.

Какія работы—этотъ вопросъ не имѣлъ значенія. Онъ долженъ былъ работать противъ своего желанія и лишь тайкомъ заниматься эмалью. Этотъ фактъ освѣщаль его жизнь, показывая, какую борьбу онъ долженъ былъ вынести. А такъ какъ воображеніе легко увлекало дѣвушку, то она и воспроизводила въ своей головѣ эту борьбу: ребенокъ принужденъ трудиться надъ противными для него занятіями, урывая часы для рисованья, ночью, можетъ быть, запершись въ своей каморкѣ. При этихъ условіяхъ нѣтъ ничего уди-

вительнаго въ томъ, что будущность не осуществила его грезъ и что, сравнивая свою теперешнюю жизнь съ той, о которой онъ мечталъ, онъ ощущалъ чувство горечи, такъ рѣзко выразившееся. Такой, какимъ она его видѣла и считала, съ такимъ талантомъ, который она признавала за нимъ, не вправѣ ли онъ былъ имѣть другую мастерскую, не въ улицѣ Шампіонетъ, не въ этомъ проглатомъ кварталѣ, какъ говоритъ Трипъ, гдѣ никто не пойдетъ его разыскивать, чтобы купить его эмали? Развѣ прежній хозяинъ Дьяволо не промѣнялъ этого квартала на Парижъ, какъ только приобрѣлъ известность? Подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній о своемъ прежнемъ существованіи, Жофруа, очевидно, былъ вправѣ сказать, что счастье заключается въ простотѣ.

Часто, поднявъ неожиданно во время работы глаза, онъ съ удивленіемъ замѣчалъ украдкой устремленный на него взоръ Лотьё, съ нѣжнымъ, трогавшимъ его выраженіемъ, но никогда это выраженіе не было такъ замѣтно, какъ на другой день послѣ прогулки въ Сентъ-Уэнъ.

— Она довольна вчерашнимъ вечеромъ,—сказалъ онъ себѣ, не прискривая другаго объясненія этому выраженію.

Онъ обѣщалъ себѣ доставлять ей это удовольствіе всякій разъ, какъ только представится случай. Онъ самъ находилъ вчерашній вечеръ пріятнымъ, и если ощутилъ минуту недовольства, подумавъ о томъ, какова его настоящая жизнь въ сравненіи съ той, о которой онъ мечталъ, то въ этомъ не виновата ни Лотьё, ни ея разпросы; недолги были эти минуты недовольства и, напротивъ, долги часы полнаго забвенія дѣйствительности.

Разговоры съ этою дѣвушкой дѣйствовали на него какъ пѣніе птицы, какъ аріи, насвистываемыя Пистономъ: слушая ихъ, онъ переставалъ думать. И какъ разъ въ эту минуту ему хотѣлось не думать, чтобы не обсуждать рѣшенія, которое онъ долженъ принять. Пройдетъ время, онъ успокоится, конечно, и тогда яснѣе увидитъ, какое слѣдуетъ принять рѣшеніе. Въ данную минуту онъ видѣлъ только одинъ исходъ: разрывъ, полный разрывъ; но если онъ сдѣлалъ глупость, легкомысленно женившись, то онъ не повторитъ ея, также необдуманно разставшись съ женой.

И, работая, онъ вызвалъ Лотьё на разговоръ, но, вмѣсто того, чтобы толковать объ эмали и живописи, какъ обыкновенно, онъ навелъ ее на болѣе интимные предметы: на ея дѣтство и воспитаніе, на прочитанныя ею книги, и время прошло такъ быстро, что они не замѣтили, какъ насталъ вечеръ.

Одну минуту у него мелькнула мысль увезти ее съ собою куда-

нибудь объесть и провести этот вечер так же, как вчерашний, но, подумавъ, что это значило брать на себя нѣкотораго рода обязательство на завтра и, такимъ образомъ, составить привычку, слѣдовать которой ему можетъ и надоѣсть, онъ ничего не сказалъ и ушелъ объесть одинъ.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ приходилъ въ этотъ ресторанъ, онъ замѣтилъ, что общая зала, съ закоптѣлымъ потолкомъ и запачканными стѣнами, очень грязна; что его сосѣди за столомъ очень скучны своими пустыми и глупыми разговорами и все, что ему подавали, отзывалось трактирною стряпней: супъ безвкусный, водянистый, мясо жилистое, масло въ салатѣ прогорѣлое. Конечно, не поварскія кушанья подавали ему наканунѣ въ ресторанчикѣ на берегу рѣки, простой супъ, солонину, скатерть была дырявая, вино кислое, а, между тѣмъ, тамъ онъ съ удовольствіемъ съѣлъ обѣдъ, тогда какъ здѣсь едва прикасается къ нему. Отчего такая разница аппетитовъ за этими двумя обѣдами, между которыми, въ сущности, такъ много сходства? Не потому ли только, что вчера онъ былъ въ расположеніи все хвалить, а сегодня, напротивъ, замѣчаетъ только дурныя стороны?

Часто случалось, что онъ и послѣ обѣда оставался за столомъ, изучая сосѣдей, если встрѣчалъ интересные типы, которые сейчасъ же набрасывалъ въ свои тетради, какъ только приходилъ домой; но на этотъ разъ не было никакихъ интересныхъ типовъ и, кончивъ объесть, онъ вернулся въ мастерскую съ намѣреніемъ позвать Лотьё гулять: это развлечетъ его; относительно прогулки были бы излишни такія же предосторожности, какъ относительно обѣда. Войдя во дворъ, онъ замѣтилъ Лотьё, сидящую у своихъ дверей, но она была не одна: молодой человекъ средняго роста, стройный, съ длинными черными волосами, спускающимися до плечъ, одѣтый въ бархатную куртку, стоялъ передъ нею, оживленно жестикулируя. Что дѣлаетъ здѣсь этотъ незнакомецъ? Въ это время молодой человекъ полуобернулся въ его сторону и Жофруа показалось, что онъ узналъ электро-техника, котораго онъ видалъ иногда, проходя мимо его мастерской.

Лотьё знакома съ нимъ? Отчего она никогда ничего не говорила объ этомъ?

Онъ шелъ по дорожкѣ, ведущей къ домику Лотьё, но сейчасъ же повернулъ и прямо по травѣ направился къ себѣ. Положительно его преслѣдовала сегодня неудача; недовольный, что пришлось отказаться отъ прогулки, онъ сердился на Лотьё, виновницу этого. Не странно ли, что она ничего не говорила ему про слесаря, зна-

когого съ ней, повидимому, на дружескую ногу, судя по его манерамъ: свѣтскій человѣкъ можетъ разговаривать съ женщиной такъ, что издали не узнаешь, о чемъ онъ говоритъ ей, о любви или о пустякахъ, но этотъ слесарь не обладалъ свѣтскою выдержкой, онъ жестикулировалъ, изображалъ мимикой то, что излагалъ, говорилъ руками, головой, спиной, и, конечно, не о пустякахъ.

Стало быть, о любви?

До сихъ поръ, когда Жофруа думалъ о Лотьѣ, ему въ голову не приходили мысли, что ее могутъ полюбить, что она можетъ тоже любить,—этого онъ не могъ себѣ представить. Ему казалось, что этого не можетъ случиться съ такою дѣвчонкой, такъ какъ онъ все еще видѣлъ въ ней дѣвчонку или даже чаще несчастнаго мальчишку, который явился къ нему въ мастерскую въ холодную и снѣжную ночь. Какъ взрослые двадцатилѣтнія дочери кажутся родителямъ маленькими дѣвочками, такъ было и съ нимъ относительно Лотьѣ. Его фраза, сказанная наканунѣ: «здѣсь можно бѣгать» — вполне выражала его мысли на этотъ счетъ, и отвѣтъ ея: «я уже не маленькая дѣвочка!» — не измѣнилъ его мыслей,—до того нашъ умъ, также какъ наше тѣло, привыкаетъ къ положенію, къ которому всегда возвращаются, по разъ принятой привычѣ.

Но то, что онъ только что увидѣлъ, открыло ему глаза.

Почему бы ее не полюбить?

Въ его мастерской, освѣщенной сверху стекляннымъ потолкомъ, не было оконъ, но за то одно окно было въ кухнѣ, другое въ его спальнѣ, откуда, раздвинувъ занавѣсъ, онъ могъ видѣть Лотьѣ; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ своей комнатѣ, но тотчасъ же остановился и, снявъ со стѣны этюдъ, списанный съ нея, долго разсматривалъ, какъ будто ему надо было подтвержденіе поразившаго его факта.

Изъ множества эмалей, покрывавшихъ стѣны мастерской, ни одна не удовлетворяла его такъ, какъ эта. Она вѣрно изображала прелестное личико Лотьѣ, нѣжное и наивное, схваченное въ счастливый моментъ, ея прозрачный и розовый цвѣтъ лица, голубые глаза съ небеснымъ взглядомъ, опущенные длинными темными рѣсницами, ея розовыя губки, ея бархатистую кожу, покрытую пушкомъ, какъ персикъ.

Да, конечно, ее можно полюбить; она должна быть любима, но не этимъ слесаремъ; эта мысль его раздражала и оскорбляла.

Держа эмаль въ рукахъ, онъ началъ нервно ходить по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на портретъ, каждый разъ все съ большимъ раздраженіемъ.

— Это нелѣпо, — бормоталъ онъ, — нелѣпо! Такая красивая дѣвушка будетъ принадлежать какому-то слесарю! Такая хорошенькая, нѣжная!

И, переходя отъ этой красивой дѣвушки, которую онъ имѣлъ передъ глазами, къ той, которую онъ ближе узналъ во время общей работы и разговоровъ въ послѣдніе дни, онъ приходилъ въ отчаяніе отъ мысли, что этотъ человѣкъ могъ говорить ей о любви, такъ какъ она была не только хороша лицомъ, но и по уму, по вкусамъ, по своей натурѣ, конечно, создана была не для простаго рабочаго.

Правда, о любви говорить только тому, кто хочетъ слушать, и если этотъ разговоръ таковъ, какъ онъ предполагаетъ, то, значить, Лотьѣ находить его пріятнымъ или, по крайней мѣрѣ, занимательнымъ.

И эта мысль сердила его все сильнѣе и сильнѣе, какъ ни старался онъ успокоить себя разсужденіями, что съ его стороны глупо заниматься этимъ: молодой человѣкъ говорить дѣвушкѣ о любви, и это вполне естественно. Какое ему до нихъ дѣло? Чего онъ виѣшивается? Имѣеть онъ развѣ права на нее? Развѣ она не права передъ нимъ? Если ей нравится слесарь, это ея дѣло, а не его, такъ какъ онъ ей не отецъ, не братъ, не мужъ. Любить ли ее слесарь, любить ли она его, — не должно ли это ему быть безразлично и не безразлично ли въ дѣйствительности?

И онъ говорилъ и повторялъ себѣ:

«Да мнѣ-то какое дѣло?»

Вдругъ онъ распахнулъ свою дверь настѣжь, чтобы посмотрѣть, чѣмъ кончится этотъ разговоръ. Отдернуть шторку въ спальній и украдкой посмотрѣть на дворъ было бы слабостью, тогда какъ ничего не могло быть естественнѣе, какъ открыть дверь, чтобы позвать кошку, хотя кошка возвращается черезъ кухню, когда ей вздумается.

— Дьяволо! Дьяволо!

Дьяволо не являлся, но тѣмъ временемъ Жофруа могъ различить въ сумеркахъ, окутывающихъ всѣ предметы, что садикъ Лотьѣ пустъ, дверь сторожки затворена, а за красными занавѣсками свѣтится огонь.

«Если бы они говорили о любви, она не ушла бы такъ скоро. Не продолжила ли бы она свиданія, забывшись въ этотъ чудный вечеръ?»

Онъ, вѣроятно, ошибся, — даже навѣрное ошибся. Какъ ни краснорѣчива была фигура слесаря, онъ могъ ошибочно истолковать его жесты и принять за выраженіе страсти простую невоздержность ми-

миги; въ сущности, онъ ничего не слыхалъ, а тому, что онъ видѣлъ, можно было придать какое угодно толкованіе.

Эта мысль успокоила его раздраженіе, и, вернувшись въ мастерскую, онъ мирно провелъ вечеръ за рисованьемъ эскизовъ.

IV.

На слѣдующій день Жофруа проснулся въ дурномъ расположеніи духа и встрѣтилъ Лотьё не съ такою улыбкой, какъ наканунѣ. Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, какъ будто хотѣлъ прочесть на ея лицѣ или въ глазахъ правдивую исповѣдь того, что было говорено или что произошло вчера вечеромъ, но онъ прочелъ на нихъ только легкое безпокойство, разсердившее его. Почему, о чемъ безпокоится она? Она чувствуетъ себя, значить, виновной?

Такъ какъ она стояла передъ нимъ сконфуженная, онъ спросилъ ее, не расположена она развѣ работать?

— Да, конечно, — отвѣтила она.

— Ну, такъ зажгите, пожалуйста, огонь.

— Не хотите ли, чтобы я сдѣлала вамъ тартинку?

— Я не голоденъ.

Это было произнесено сухимъ тономъ, котораго Лотьё никогда не замѣчала у него.

Она зажгла огонь, и когда въ трубѣ началась тяга, принялась покрывать эмалью кресты, которые принесъ ей наканунѣ Трипъ. Такъ какъ это сдѣлалось теперь для нея почти механическою работою, нетребовавшею большаго вниманія, то она и могла изрѣдка взглядывать на Жофруа. Она видѣла его все такимъ же мрачнымъ и работа, бывшая всегда для него развлеченіемъ во всѣхъ непріятностяхъ, лѣкарствомъ отъ всѣхъ страданій, не прогоняла его задумчивости.

Она не была такъ глупа, чтобы не догадаться, что вчера онъ разсердился, видя ее разговаривающей со слесаремъ, и, придя, она хотѣла объясниться, оправдаться; если она до сихъ поръ не сдѣлала этого, то только потому, что взглядъ, который онъ изрѣдка поднималъ на нее, смыкалъ ей уста: ей нужна была снисходительность, чтобы ободрить ее, а она встрѣчала какъ разъ обратное.

Но, наконецъ, она рѣшилась: онъ собирался обжигать дощечку и, какъ всегда, она стояла рядомъ, чтобы помочь, если что-нибудь понадобится, или просто чтобы слѣдить за обжиганіемъ, успѣхъ котораго никогда неизвѣстенъ заранѣе и которое всегда можетъ научать чему-нибудь, — до того дѣйствіе жара измѣнчиво и странно.

Стоя передъ открытою печкой, Жофруа ждалъ, чтобы огонь принялъ нужный ему цвѣтъ, часто наклоняясь, чтобы взглянуть; она воспользовалась этимъ.

— Какъ мнѣ скучно было вчера вечеромъ, — сказала она, уловивъ моментъ, когда онъ могъ встрѣтить ее взглядъ.

— А!... почему? — спросилъ онъ, поднимая глаза.

— Потому, что я не могла, какъ хотѣла бы, отдѣлаться отъ Павара.

— Что это за Паваръ?

— Электро-техникъ.

— А, да... слесарь, — отвѣтилъ онъ, задавая себѣ вопросъ, зачѣмъ возвеличиваетъ она этого слесаря въ званіе электро-техника?

— Такъ вы его знаете?

— Онъ разговаривалъ со мною нѣсколько разъ, когда я работала съ женой Трипа, которую онъ иногда навѣщалъ. Трипъ очень любитъ его и восхищается имъ; онъ говоритъ, что такого работника рѣдко встрѣтишь, что его можно поставить во главѣ самыхъ способныхъ, что онъ очень свѣдуецъ въ вопросахъ, касающихся его ремесла, и никогда не посѣщаетъ винныхъ торговцевъ.

— Да, это необыкновенный человѣкъ! — воскликнулъ Жофруа, выведенный изъ себя этими похвалами. И, надѣвъ очки, онъ взялъ въ руки щипцы, чтобы вставить въ печь свою дощечку.

— Это Трипъ говорилъ, — продолжала Лотъё, — я же знаю только то, что онъ очень надоѣдливъ.

— А, онъ надоѣдливъ! — повторилъ Жофруа, нагнувшись надъ печкой, гдѣ положенная въ огонь дощечка бросала голубоватый свѣтъ и краснѣла.

— Надоѣдливъ, но хорошій человѣкъ, добрый, великодушный настолько, что все, что онъ зарабатываетъ, — а зарабатываетъ онъ много, — уходитъ по большей части на облегченіе нищеты его товарищей.

— И это васъ трогаетъ?

— Это и не позволяетъ мнѣ прямо сказать ему, какъ онъ мнѣ надоѣдаетъ.

— Чѣмъ же онъ надоѣдаетъ вамъ?

— Своими разсужденіями и рѣчами.

— Онъ говоритъ вамъ рѣчи? — спросилъ Жофруа, налегая на дощечку другими щипцами, чтобы не дать ей покоробиться.

Затѣмъ, оборвавъ свою фразу, онъ произнесъ тономъ приказанія:

— Нажмите сверху.

Она живо исполнила то, что онъ приказалъ.

— Безконечныя рѣчи!

— О чемъ?

— Обо всемъ: о политикѣ, о социальныхъ реформахъ.

— По какому же поводу?

— Безъ всякаго повода, развѣ только для упражненія; онъ говоритъ въ публичныхъ собраніяхъ.

— Такъ онъ хочетъ убѣдить васъ въ своихъ мнѣніяхъ?

— Должно быть; вчера онъ доказывалъ мнѣ, что бракъ—нелѣпность.

— Это идея!—сказалъ Жофруа, смѣясь.—А какъ доказывалъ онъ вамъ это?

— Я затрудняюсь объяснить вамъ, — отвѣтила Лотьё, успокоившаяся при видѣ его смѣха.—Трипъ считаетъ его ораторомъ; вѣроятно, я плохой цѣнитель ораторскаго искусства, такъ какъ большею частью не понимаю рѣчей Павара, и, несмотря на всѣ усилія, какъ я ни напрягаю слухъ и умъ, черезъ нѣсколько минутъ у меня начинается кружиться голова. Вчера въ своихъ доказательствахъ онъ исходилъ изъ того пункта, что мужчина и женщина—существа равныя, а бракъ нарушаетъ это равенство, дѣлая мужа господиномъ, а жену рабой.

— Но какимъ образомъ случилось, что онъ началъ проповѣдывать вамъ подобныя вещи?

— Это съ тѣхъ норъ, какъ настали эти чудные вечера и я сижу въ своемъ садикѣ. Разъ, когда я ходила за водой къ бассейну, онъ донесъ мою лейку, и пока я поливала цвѣты, стоялъ около меня.

— И такъ каждый вечеръ?

— Почти каждый.

— Какъ же я не видалъ его?

— Онъ уѣзжалъ по дѣламъ въ провинцію и только вчера утромъ вернулся.

— И это правда, что онъ надоѣдаетъ вамъ?

Говоря это, Жофруа взглянулъ ей въ глаза, какъ тогда, когда она вошла.

— Я бы лучше желала читать или мечтать; но какъ дать ему это понять, не говоря грубо? Я вижу только одно средство—запереться дома и не выходить въ садъ.

Искренна ли она? Онъ не имѣлъ причины въ томъ сомнѣваться, несмотря на то, что видѣлъ вчера: красивая дѣвушка въ ея положеніи, не имѣющая никого, кто бы защитилъ ее, будетъ, безъ со-

миѣнія, подвергаться преслѣдованіямъ и ухаживаньямъ, не опаснымъ, впрочемъ, со стороны подобнаго влюбленнаго.

— Есть другое средство избавиться отъ него, чѣмъ ваше, — сказалъ Жофруа, возвращаясь къ своему столу въ мастерскую.

— Научите меня.

— Пока я буду работать здѣсь, мы будемъ вмѣстѣ уходить каждый вечеръ.

— Ахъ, какое счастье!

Но тотчасъ же она сдержала порывъ радости, увлекшій ее.

— Чтобъ избавиться отъ его надобданій, я не желала бы стѣснять васъ или надобдать вамъ.

— Развѣ я далъ замѣтить, что скучалъ вчера?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ почему бы я сталъ скучать сегодня, завтра? Я давно собираюсь подняться на гору, чтобы посмотреть закатъ солнца. Мы кончимъ работать сегодня немного раньше и пойдемъ.

Когда Трипъ принесъ завтракъ Жофруа, Лотьё ушла къ себѣ; вмѣсто того, чтобы поставивъ приборъ, сейчасъ же уйти, какъ онъ это всегда дѣлалъ, старикъ вертѣлся въ мастерской, растерянно ходя отъ стола въ кухню, а изъ кухни возвращаясь къ столу съ пустыми руками и съ смущеннымъ лицомъ.

— Что съ вами? — спросилъ Жофруа, замѣтивъ его растерянный видъ.

— Вамъ все равно, если я оставлю дверь мастерской открытой? — спросилъ Трипъ, не отвѣчая.

— Откройте, только скажите, зачѣмъ?

— Чтобы мадемуазель Лотьё не пришла незамѣченной.

— Она завтракаетъ.

— Я знаю; но не надо, чтобы она слышала то, что я скажу вамъ, потому что если вы не захотите, чтобы я говорилъ, я не буду говорить.

— Объяснитесь.

— Вотъ это-то и трудно!

И добродушная физиономія Трипа выразила крайнее смущеніе.

— Я долженъ съ вами посоветоваться, — заговорилъ онъ, наконецъ, — во-первыхъ, потому, что вы человекъ, на котораго можно положиться, а, во-вторыхъ, потому, что во всемъ, касающемся мадемуазель Лотьё, къ вамъ къ первому надо обращаться, такъ какъ вы для нея отецъ... совсѣмъ молодой отецъ, братъ...

Онъ подбиралъ слова, какъ бы ожидая, что къ нему явится чу-

деснымъ образомъ вдохновеніе, которое поможетъ ему выйти изъ затрудненія.

— Такъ какъ вы вѣрите мнѣ, — сказалъ Жофруа, — то не должны бояться объясниться.

— Я не боюсь, а только не знаю, съ чего начать.

— Дѣло касается Лотъё, не правда ли?

— Да.

— Ну, такъ говорите мнѣ про Лотъё.

— Не правда ли, она хорошенькая дѣвушка?

— Прелестная.

— И добрая, тихая, скромная и при томъ трудолюбивая, дѣвушка рѣдкая, не правда ли?

Онъ подождалъ отвѣта Жофруа.

— Вы знаете, я думаю о ней то самое, что вы говорите.

— Всѣ, кто знаетъ ее, думаютъ то же; стоитъ только взглянуть на нее, чтобы сказать: «какая красивая дѣвушка!» А молодой человѣкъ, въ возрастѣ, когда пора жениться, прибавить еще: «вотъ было бы хорошо жениться на ней!» То же сказалъ себѣ и Паварь... или почти то же. Вы знаете нашего сосѣда, слесаря: красивый малый, хорошій работникъ, никогда не посѣщаетъ никакихъ ресторановъ и много зарабатываетъ. Они совсѣмъ пара, отличная пара.

— Онъ поручилъ вамъ передать свое предложеніе?

— Если бы только, то это было бы не мудрено сдѣлать, но затрудненіе въ томъ, что его предложеніе не такое, какое дѣлаютъ обыкновенно, и вотъ почему мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ. Когда Паварь высказалъ мнѣ свою просьбу, я сразу отказалъ ему и отвѣтилъ, чтобы онъ дѣлалъ свое предложеніе самъ. Но онъ такой шельма, такъ умѣетъ приставать и уговаривать, что, въ концѣ-концовъ, я долженъ былъ согласиться. А когда онъ ушелъ, меня взяло раздумье, я рассказалъ все женѣ и она настаиваетъ, чтобы я ничего не принималъ, не посоветовавшись съ вами.

— Я слушаю васъ.

— Надо вамъ сказать, что у Павара есть свои убѣжденія и что онъ не можетъ отступить отъ нихъ. Это мнѣніе Павара. Я уважаю убѣжденія, но нахожу, что изъ-за нихъ не стоитъ лѣзть на стѣну; утрѣмъ я ношу республиканскую газету, вечеромъ — монархистскую, и не горжусь ни той, ни другой, но и не стыжусь ни той, ни другой. Паварь другаго мнѣнія; онъ рабъ своихъ убѣжденій; у него это въ крови: его мать была разстрѣляна въ 1871 году, отецъ умеръ въ ссылкѣ. Кроме того, онъ говоритъ въ общественныхъ собраніяхъ и не можетъ въ жизни дѣлать противоположное тому, что

проповѣдуетъ въ рѣчахъ. На него и такъ косятся, потому что за-видуютъ его заработку. Если бы онъ не былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ потерялъ бы свое доброе имя. Повидимому, у него есть товарищи, которыхъ онъ стѣсняетъ и которые норовятъ его столкнуть. Влюбившись въ мадемуазель Лотьё, и влюбившись до безумія, онъ находится въ затруднительномъ положеніи. По вечерамъ онъ иногда разговариваетъ съ ней и ближе узналъ ее. Она не парижанка, воспитанная какъ большинство дѣвушекъ нашихъ предмѣстій; это провинціалка, сохранившая убѣжденія и вѣрованія своей родины: она ходитъ къ обѣднѣ.

— И въ этомъ затрудненіе г. Павара?

— Онъ не знаетъ, какъ приступить къ ней съ этимъ вопросомъ, такъ какъ при его положеніи принципы возстаютъ противъ брака...

— Церковнаго?

— Нѣтъ, даже и противъ гражданскаго..

— Такъ гдѣ же онъ хочетъ жениться?

— Онъ признаетъ только свободный союзъ. Наконецъ, трудное слово сказано.

— И вы взяли на себя подобное порученіе?

— Я отказывался, сколько могъ, и согласился противъ воли: свободный союзъ—не въ моихъ убѣжденіяхъ.

— Въ такомъ случаѣ, какъ же вы согласились поддерживать это предложеніе?

— Я согласился не поддерживать, а только передать.

— А почему этотъ странный человѣкъ не дѣлаетъ самъ такого предложенія?

— Потому что онъ находитъ это неудобнымъ и думаетъ, что приличнѣе сдѣлать это предложеніе черезъ друга. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ разговариваетъ съ мадемуазель Лотьё по вечерамъ, онъ изложилъ ей свои взгляды на бракъ, но ни разу не говорилъ ни слова о любви, потому что уважаетъ ее.

— Странное, однако, уваженіе!

— И онъ думаетъ, что я найду мадемуазель Лотьё готовой принять его доводы.

— Ну, такъ онъ ошибается!

— Вы думаете?

— Лотьё передавала мнѣ объ этихъ разговорахъ...

— Она знаетъ, что онъ любитъ ее?

— Этого она мнѣ не говорила; но говорила, и даже сегодня утромъ, что ничего не понимаетъ въ его рѣчахъ.

— Такъ! Я не огорченъ этимъ, потому что самъ ничего не понимаю. Но онъ ораторъ, которому аплодируютъ въ собраніяхъ, и я думалъ, что просто по глупости не понимаю его рѣчей. Если же и мадемуазель Лотъё не понимаетъ,— а она уже совсѣмъ не глупа,— то это доставляетъ мнѣ удовольствіе; по крайней мѣрѣ, не я одинъ. Правда, съ другой стороны это неприятно, такъ какъ она оказывается не подготовленной, какъ это думаетъ Паваръ, и я не знаю, какъ справлюсь съ этимъ, если вы уполномочите меня передать предложеніе.

— Бакъ, если я уполномочу?

— Я жду вашего совѣта: долженъ я исполнить порученіе, за которое взялся, или же пойти къ Павару и сказать, что, обдумавши, нашелъ это невозможнымъ?

— Неужели вы могли хоть одну минуту думать, что я посовѣтую вамъ предлагать подобную нелѣпость честной дѣвушкѣ?

— Это не такъ надо понимать: если бы это была нелѣпость, я не согласился бы говорить съ мадемуазель Лотъё, которую уважаю. Паваръ хочетъ имѣть не любовницу, а жену, съ которой онъ будетъ такъ же крѣпко связанъ, какъ если бы ихъ повѣнчали мэръ и священникъ.

— А чѣмъ будетъ онъ связанъ?

— Своимъ добровольнымъ обязательствомъ и своимъ словомъ: вотъ это-то именно мнѣ и поручено объяснить.

— И Лотъё должна будетъ положиться на его слово?

— Паваръ говоритъ, что со времени узаконенія развода слово честнаго человѣка имѣетъ для женщины больше цѣны, чѣмъ участіе въ дѣлѣ мѣра.

Первымъ побужденіемъ Жофруа было посовѣтовать Трипу идти къ себѣ и отказаться отъ столь необыкновеннаго порученія. Но послѣ нѣкоторыхъ размышленій дѣло приняло въ его глазахъ другой оборотъ. Очевидно, это предложеніе—нелѣпость, какъ онъ и рѣшилъ съ самаго начала. Оно очень серьезно, несмотря на всю эксцентричность и на то, что его дѣлалъ человѣкъ, котораго можно было принять за помѣшаннаго, но за помѣшаннаго убѣжденнаго. Представленное въ такомъ свѣтѣ, оно уже не являлось оскорбительнымъ для Лотъё, и потому лучше будетъ, если Трипъ исполнитъ свое порученіе: Жофруа сумѣлъ бы защитить Лотъё отъ оскорбленія, но не считалъ нужнымъ вмѣшиваться въ такое смѣхотворное дѣло. Такъ какъ она желала избавиться отъ своего ухаживателя, то его предложеніе могло повести къ этому скорѣе, чѣмъ что-либо другое.

— Когда должны вы исполнить ваше поручение? — спросил Жофруа.

— Паваръ ждетъ отвѣта и мучается, увѣрю васъ.

— Ну, такъ подите сейчасъ же къ Лотьѣ.

— Это не неприятно вамъ?

— Нисколько.

Трипъ быстро перешелъ дворъ и Жофруа въ открытую дверь мастерской видѣлъ, какъ онъ вошелъ къ Лотьѣ.

Совѣщаніе было не долгое; Трипъ скоро вернулся.

— Ну, что же? — спросил Жофруа, завтракавшій въ это время.

— Она умираетъ со смѣху.

— Вы видите, что дѣло хорошо обошлось, — сказалъ Жофруа, тоже смѣясь.

— Да, но какъ передать объ этомъ Павару? — спросилъ смущенный Трипъ.

Жофруа, обыкновенно человѣкъ не черствый и не насмѣшливый, измѣнилъ на этотъ разъ своему характеру и, подтапливаемый какою-то инстинктивною злобой, сказалъ:

— Повторили вы Лотьѣ все, что онъ говорилъ?

— Какъ только могъ точно.

— И такъ же точно передайте ему ея отвѣтъ.

— Она смѣется.

— Смѣйтесь.

— Право, я предпочитаю мои обязанности разнощика газетъ! — пробормоталъ Трипъ, уходя съ низко опущенною головою, точно ища вдохновенія въ пескѣ дорожки.

Едва онъ ушелъ, какъ прибѣжала Лотьѣ, веселая и улыбающаяся.

— Трипъ сказалъ вамъ? — спросила она.

— Да.

— А я-то ничего не подозрѣвала, когда онъ проповѣдывалъ мнѣ о нецѣлности брака.

— Это была попытка убѣдить васъ въ правильности его взглядовъ.

— Если бы я знала, что онъ защищаетъ свое собственное дѣло, я бы лучше слушала его.

— И тогда отвѣтъ былъ бы другой?

— Конечно, нѣтъ.

— Вы не хотите выходить замужъ?

— Такъ не хочу.

— А иначе?

Жофруа смотрѣлъ на нее, но она отвернула голову.

— Я никогда не предполагала, что обо мнѣ могутъ такъ думать.

— Вы видите, что этотъ думаетъ такъ?

— Да, этотъ...

И какъ бы не желая продолжать разговоръ, она заняла свое мѣсто и принялась за работу.

Жофруа, наблюдавшій за ней, замѣтилъ, что рука ея немного дрожить.

— А, между тѣмъ, это васъ взволновало,—сказалъ онъ.

— Взволновалъ приливъ гордости,—быстро отвѣтила она съ насмѣшливою улыбкой. — Предложеніе руки... или вродѣ того... черезъ посланника дѣлаютъ только принцессамъ крови...

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГАРДЕНИНЫ,

ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ *).

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Утреннія мысли старости Веденей.—Донось управителю.—„Не прежнія времена!“—Недовольные.—Служь о холерѣ.—Униженная и посрамленная уттеромъ Ероеичемъ власть.—Мірская сходка.—Картузи.—Зачатки влаузанаго краснорѣчія.— Два парня.—Каверзядки Ивлиа и разгромъ старости Веденей.

Ночью, послѣ драки, Веденей плохо спалъ, кряхтѣлъ, охалъ и все ворочался съ боку на бокъ. Едва разсвѣло, онъ обулся, надѣлъ полушубокъ, разбудилъ сноху доить коровъ, растолкалъ Нивитку, чтобы гналъ лошадей и телячь на выгонъ, угрюмо посмотрѣлъ на замкнутую дверь Андроновой клѣти и прошелъ на гумно. За гумномъ виднѣлись огороды, коноплянники, лозинки, рѣчка. На рѣчкѣ стоялъ тонкій туманъ. Сильно пахло сыростью, свѣже вспаханною землею и перегнившюю соломой. По деревнѣ кое-гдѣ скрипѣли ворота, въ сосѣдскомъ дворѣ слышались заспанные голоса. Старикъ прошелся по гумну, посмотрѣлъ на вапустную разсаду въ приподнятомъ отъ земли деревянномъ срубѣ и подумалъ: «Пожалуй, постоитъ эдакое тепло — пора и высаживать, надо грядки готовить»; посмотрѣлъ на однѣя стараго хлѣба и сказалъ самъ себѣ: «Вотъ этой кладушкѣ шесть годовъ, этой пять, надо перемолотить въ междушарѣ, а то кабы мыши не переточили... И откуда берется эдакая вредная тварь!» — и привалился къ аккуратно сложенному омету просяной соломы, взялъ былинку въ ротъ, началъ задумчиво жевать ее беззубыми деснами. Прямо передъ его глазами стояла большая рига, съ крѣпкими тесовыми воротами,

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

дальше виднѣлся прочный плетневый дворъ съ рубленными заѣутами, амбаромъ, клѣтями; между дворомъ и ригой зеленѣлъ лужокъ, стоялъ еще амбаръ съ навѣсомъ, желтѣлись высокіе ометы, возвышалась круглая шапка отлично прибраннаго сѣна. Всѣ постройки были крыты «подъ начесъ», красиво, гладко; подъ навѣсомъ, оглобля къ оглоблѣ, стояли четыре сохи съ свергающими сошниками, лежали другъ на другѣ крѣпко связанныя бороны; токъ передъ ригой былъ выметенъ и утопанъ, лужокъ зеленѣлся точно вымытый; нигдѣ соринки не валялось зря, все веселило глазъ чистотою, прочностью и хозяйственнымъ порядкомъ. Старикъ смотрѣлъ и думалъ: «Эдакая у меня строгость да аккуратность въ дому... Нука, у кого теперь такъ-то прибрано, вывершено, подметено... такъ-то крѣпко да уѣмисто? Соломка-то—любо поглядѣть. Ригу перекрылъ, во дворѣ новые плетни зашелъ, печь избяную перекалалъ по-бѣлому... У кого столько одоньевъ стараго хлѣба, столько разсады, столько лозинокъ на огородѣ? Развѣ у Шашловыхъ... такъ, вѣдь, тѣ не даромъ богачи прозываются». Заря разгоралась, туманъ съ рѣки уползалъ въ вышину, свѣже распаханная земля становилась все чернѣе и чернѣе.

Привалился Веденей на солому, жевалъ былинку, обводилъ глазами свое крѣпкое хозяйство, думалъ о разсадѣ, объ огородѣ, о томъ, какъ много у него скота и хлѣба и все въ порядкѣ, въ приборѣ; вслушивался, какъ мычали коровы, хлопали пастушьи кнуты, игралъ звонкій рожокъ, выводили на разные голоса ближнія и дальнія ворота; разбиралъ носомъ запахъ дыма, соломы, парнаго молока, запахъ земли и утренней прохлады... и то, что не давало ему спать ночью, точно отошло отъ него, точно не выбрало себѣ мѣста между пріятными мыслями о хозяйствѣ и тѣми мыслями, которыя невольно приходятъ въ голову, когда горитъ востокъ, просыпается трудовой деревенскій день, настаютъ неотложныя заботы.

Но вотъ со двора на гумно отворились ворота, вышелъ съ подбитымъ глазомъ Агаеонъ, увидалъ отца на соломѣ, удивился и спросилъ:

— Батюшка, аль захворалъ?

Веденей какъ встрепанный вскочилъ съ соломы.

— Выдумай, выдумай,—зашамкалъ онъ,—ты вотъ жеребцу корму-то проворнѣй задавай. Эка спать, эка валандается! Гдѣ Микитка-то?

— Чать, самъ услалъ на выгонъ съ лошадьми.

— Ну, ступай, ступай, готовъ рѣзку. Я пойду жеребца напою. Варила баба кулешъ?

— Варить-то варила, да не разорваться ей. Нонѣ Дуняшка деньщица-то.

— Ну, ладно, ладно, ступай. Мѣси не дже густо, —вчера за мѣсили совсѣмъ словно тѣсто.

— Батюшка! а какъ же теперь насчетъ половъ? Бабѣ никакъ невозможно мыть полы въ конторѣ. Что не ссалишь, такъ ужъ не ссалишь. Ты сказалъ бы —пушай другимъ повѣщаютъ. И опять вотъ глазъ у меня подбитъ... какъ теперь? Его бы слѣдовало, по крайности, выдрать за озорство. Все-таки, я старшой. По крайности, не даромъ срамились.

— Поучи, поучи! —сердито крикнулъ Веденей, —безъ тебя-то не знаютъ, гдѣ право, гдѣ лѣво, —и пошелъ за ведромъ, чтобъ напоить жеребца. Но теперь прежнія, ночныя мысли опять стали лѣзть ему въ голову, и все стройное, веселое и важное, что сложилось и представлялось ему на гумнѣ, разсыпалось и сдѣлалось ненужнымъ и неинтереснымъ. Онъ опять разохался, раскричался, изругалъ Агулину, отчего не готовъ кулешъ, далъ подзатыльникъ внучкѣ Палашкѣ и, проходя мимо замкнутой Андроновой кѣлѣти, каждый разъ угрюмо сдвигалъ брови.

Богда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы встать управителю, Веденей надѣлъ сверхъ полушубка зипунъ, подпоясался кушакомъ, нацѣпилъ медаль, схватилъ посошокъ и мелкою заботливою рысцой потрусилъ на барскій дворъ.

Мартинъ Лукьянычъ пилъ чай и все поглядывалъ въ окно, не ѣдетъ ли Николай отъ Рукодѣва. Вдругъ въ передней послышалось осторожное покашливанье.

— Кто тамъ?

— Я, отецъ, староста Веденей. Къ твоей милости. Дозволь слово молвить...

— А! здравствуй, здравствуй. Входи. Что это тебѣ понадобилось спозаранку?

— Вотъ, отецъ, пришелъ... пришелъ... Что-жь это будетъ такое? — Умильное лицо Веденей внезапно перевернулось и онъ всхлипнулъ.

— Что такое случилось?

— Видно, отецъ, послѣднія времена пришли... сыновья родителямъ въ бороду вѣпляются. Вотъ пришелъ, какъ твоя милость, рассудить. Андрюшка взбунтовался. Воротился вчерась съ базара, загубилъ, загубилъ... неслыханное дѣло, отецъ! — на грудь наступаетъ, требуетъ, чтобъ отдѣлать.

— Вотъ вздоръ! я думалъ, Богъ знаетъ что. Ты бы поучилъ его хорошенько.

Веденей замахалъ руками.

— И не подступись! Я къ нему, а онъ отъ меня, я къ нему, а онъ навастриваетъ лыжи въ огороды. Я Микитѣ въ кричу, а Микитка съ ноги на ногу переваливается. Разбой... какъ есть разбой, отецъ! Туда-сюда—вечеру Дунькину родню привелъ: отдѣли!... Я ему говорю: ой, Андронушка, подь красную шапку попадешь... ой, Господь накажетъ за родителя!—Не внимаетъ моимъ словамъ... А Дунькинъ отецъ подзуживаетъ... такія слова стали говорить!... Что-жь, вы, молъ, озорничаете въ чужомъ дому? А Дунька такъ и кидается, такъ и кидается. Нехорошимъ словомъ меня обозвала... Овдотьюшка! говорю, потышай, уймись, войди въ разумъ... Куда тебѣ!... разлетѣлась, хватъ Агаѣошу за бороду. И пошло!... Ейная родня встряла, съ Акулины повойникъ сшибли... сгрудились да на улицу!... Пришла ночь, взялъ Андрюшка воровскимъ манеромъ жену, парнишку, три дерюги, два зипуна... клѣтъ на замокъ—ушли къ тестю.—Веденей опять всхлипнулъ, развелъ руками и сказалъ:— Разсуди, отецъ.

— Гм...— Мартинъ Лукьянычъ побарабанилъ пальцами,— да тебѣ чего-жь хочется?

— Какъ ты, отецъ! Я на твою милость располагаюсь. Мы всегда ваши вѣрные слуги...—Веденей налъ въ ноги Мартину Лукьянычу; Мартинъ Лукьянычъ допилъ послѣдній глотокъ съ блюдечка, потомъ велѣлъ встать Веденею и сказалъ:

— Въ землю кланяться нечего, я не Богъ. Говори, что нужно.

Веденей поднялся, отеръ слезящіеся глаза и выговорилъ дрожащимъ, плачущимъ голосомъ:

— Есть мое родительское намѣреніе, отецъ, спервоначала его выпоротъ... а ужъ тамъ,—Господь съ нимъ,—отдать въ солдаты. А что касающе Овдотьи,—пушай, отецъ... Христокъ съ ней!—пушай постегаютъ ее при старикахъ и будя,—съ бабы взять нечего.

Мартинъ Лукьянычъ протяжно посвисталъ.

— Ну, староста, эти времена прошли! Въ солдаты отдать никакъ невозможно,—нѣтъ закона.

— Какъ, отецъ, нѣтъ закона, за непокорство - то? Да давно ли ты Сѣмку Власова забрилъ?

— То-то давно ли, — насмѣшливо сказалъ управитель, — ты ужъ изъ памяти сталъ выживать. Тринадцать лѣтъ, старый дуракъ! Да что съ тобой толковать: говорю, нѣтъ закона, значить — нѣтъ. Если еще старики съ тобой согласятся,—ну, такъ.

Веденей поникъ головою.

— Гдѣ, отецъ, согласиться, — сказалъ онъ грустно, — чать, я старикамъ-то не дуже милъ. Разсуди ужь ты, а съ міромъ мнѣ дѣлать нечего.

— Въ солдаты отдумай, — нельзя. Да и глупо, — работнигъ Андрошка хорошей. Выдумай что-нибудь получше.

— Ну, а выпороть ежели — будетъ твоя милость?

— Это, пожалуй, можно. Напишу записку волостному писарю, онъ устроить тамъ.

— Значить, ужь и Дуньку?

— Нѣ-э-этъ, братъ, эти времена прошли! Бабъ съчь не велѣно.

— Какъ, отецъ, не велѣно? Мнѣ Дуньку никакъ невозможно ослобонить. Сдѣлай такую милость.

— Чудака ты! Говорять — нельзя. Законъ.

— Да что законъ!... Вотъ я тебѣ скажу, — не взыщи, отецъ, — она и твою милость обноситъ: парнишка - то, брешеть, будто отъ твоей милости...

Мартинъ Лукьянычъ побагровѣлъ.

— Что ты, старый дуракъ, плетешь... какой парнишка?

— Ейный, Овдотыинъ - то, благодѣтель, — Игнашка. Какъ же ее не пороть? Не взыщи. У ней языкъ, что колоколь, на весь міръ звонить. Вывалились на улицу... вотъ разинула пасть, отецъ, ореть, будто я потакаю твоей милости. Изъ-за половъ и шумъ поднялся.

— Изъ-за какихъ половъ?

— Да вотъ въ твоей милости наряжаютъ. Споконъ вѣку — съ моего двора. А они что удумали съ Андрошкой: я, говорить, мыть полы не пойду. Вотъ, отецъ, болтають дурачье... болтають, будто нехорошо эдакъ въ конторѣ полы мыть. Они и обдумали. Сдѣлай милость, прикажи и ей всыпать маненько. Для острастки, отецъ!

Мартинъ Лукьянычъ только и могъ выговорить пискливымъ голосомъ: «Каково?» — и немного погодя сказалъ сердито:

— Слушай, старый дуракъ, чтобъ изъ твоего двора бабы ногой не смѣли ступать въ контору. А, каково?... Ты не могъ мнѣ прежде-то этого доложить? Ивлій тоже... Болваны! — Затѣмъ онъ, насущаясь, налилъ и сталъ пить чай, не обращая никакого вниманія на Веденей. Тотъ стоялъ у притолки, переминался съ ноги на ногу и тоскливо жевалъ губами. — Ну, что-жь, иди. Я, братъ, тутъ ничего не могу, — сказалъ, наконецъ, Мартинъ Лукьянычъ, — вы теперь вольные, своимъ умомъ живете.

— Ахъ, ахъ... послѣднія времена! послѣднія времена!... Ну,

воли такъ, Господь съ нимъ, пушай побирается!... Не захотѣлъ ѣсть отцовскаго хлѣба, ну, пушай... Подъ окно придетъ — корки не подамъ!... Небось, не наживется у тестя!... У тестя у самого еле до новины хватаетъ. А я тебя теперъ буду молить объ одномъ, отецъ, не давай ты ему земли... И на барщину не принимай. Пушай брюхо-то подведеть.

— Ну, напашкалъ ты, а слушать нечего. Да старики-то какъ, — жотянуть твою руку?

— А мнѣ что старики? Въ своемъ добръ я, часть, воленъ.

— А еще староста называешься. Мирской сходъ велить выдѣлать и выдѣлишь.

Веденей растерянно выпучилъ глаза.

— Какъ, отецъ?—пролепеталъ онъ коснѣющими губами.

— Очень просто. Велить и выдѣлишь.

Лицо старика дрогнуло, онъ опять повалился въ ноги управителю.

— Батюшка! отецъ родной!... заступись!... что-жь это будетъ такое?... Сколько лѣтъ наживалъ... маялся... ночей не спалъ... Благодарители вы наши!

— Слушай, староста, — строго сказалъ Мартинъ Лукьянычъ, — встань. Я тебѣ русскимъ языкомъ толкую — нельзя. Было время, а ты тебѣ слова не сказалъ. А теперъ нельзя. Хорошо ли это, худо ли, насъ не спрашиваютъ. Нечего и толковать. Теперъ ты говоришь — пускай побирается, а я тебѣ говорю — глупо. Хорошій работникъ, баба — хорошая работница, попржнему, прямо на тягло бы посадили. И тягло было бы не въ убытокъ помѣщику. А ты говоришь — пусть побираются. Но это дѣло твое, тамъ ужъ ты съ стариками какъ знаешь. Съ своей же стороны я тебѣ вотъ что скажу... Матрена! позови конторщика.

Агей Данилычъ вошелъ и остановился у притолки.

— Дымгинъ! — сказалъ Мартинъ Лукьянычъ, — посмотри въ книгѣ, сколько долгу за старостой. Вотъ, братъ, времена: сынъ отдѣляется.

Агей Данилычъ посмотрѣлъ на Веденей и съ сожалѣніемъ поцокалъ губами.

— Пороть, пороть надо, сударь мой! — сказалъ онъ и пошелъ въ контору, а спустя пять минутъ доложилъ управителю: — Долгу за нимъ состоитъ по новѣйшее число 123 рубля 17²/₄ копѣекъ.

Веденей безучастно покосился на Агея Данилыча.

— Вотъ видишь, — произнесъ Мартинъ Лукьянычъ, — теперъ ты помрешь, кто-жь мнѣ будетъ платить?

— Расплатимся, отецъ... Богъ дастъ, расплатимся...— вялымъ голосомъ пробормоталъ Веденей.

— То-то, расплатимся. Никитка твой не женать; помри ты, неизвѣсно, что будетъ.

— Богъ дастъ, женимъ... женимъ...

— Это когда еще будетъ. Теперь скажи на милость, какъ же я не дамъ земли Андрюшкѣ или не велю принимать его на барщину? Жалко-то мнѣ тебя жалко, но все же господскую копѣйку я долженъ наблюдать. Мой совѣтъ: отдѣли его, дай ему тамъ, чтобы сталъ на ноги, а потомъ приходите ко мнѣ, я между вами долгъ раздѣлю. Слышишь? .

— Слышу, слышу, отецъ...— отозвался Веденей, но отозвался только изъ приличія, потому что пересталъ интересоваться словами управителя и едва пересиливалъ равнодушное и скучающее выраженіе, готовое проступить на лицѣ. Мартинъ Лукьянычъ тотчасъ же замѣтилъ это.

— А если не правится, —сказалъ онъ, —принеси долгъ и тогда дѣлайте, какъ знаете. Изъ уваженія къ тебѣ, могу не давать земли. То-есть... когда долгъ принесешь.

Веденей испуганно взметнулъ глазами. Правда, у него было семь одоньевъ стараго хлѣба, жеребецъ въ полтора ста цѣлковыхъ (кому не нужно — дадутъ!) и, что всего важнѣе, была зарыта кубышка въ подпольѣ, а въ кубышкѣ—восемнадцать золотыхъ, да десятковъ семь старинныхъ рублевиковъ, —но чтобы взять, да и отдать долгъ въ контору, ему и въ голову не приходило, —это было бы ни съ чѣмъ несообразно, могло втемяшиться только въ очень глупую и нехозяйственную башку. Не такова была башка у старосты Веденей.

— Что ты, что ты, отецъ, — зашамкалъ онъ жалобнымъ голосомъ, —да откуда сразу эдакія деньги?... Да меня хоть распотроши... И такъ-то бьешься черезъ пень-колоду... И такъ, кабы не твоя милость, не знать, что и дѣлать... Благодарители вы наши!

— Ну, какъ знаешь. Я сказалъ. Прощай. Да! погоди немножко... Матрена! возьми самоваръ, напои старосту чаемъ.

Оставшись съ конторщикомъ, управитель сказалъ:

— А, Дымкинъ!... въ самомъ дѣлѣ, какія времена. Какой дворъ рушится! До чего дожили!... Жаль. И, вѣдь, что скверно—дурной примѣръ. Теперь и пойдутъ дѣлиться, анафемы, и пойдутъ. Если бы еще братъ съ братомъ. Братъ съ братомъ всегда дѣлились. Но это, вѣдь, сынъ съ отцомъ... Ты подумай! Дурной примѣръ, дурной.

— Удивительно-съ, — согласился Агей Данилычъ, — нарочитое помянутое умовъ, сударь мой. Мировыя учрежденія, земство, гласный судъ... Въ чему это-съ? Для какой надобности? Для мужика, если вы хотите знать, одно учрежденіе — конюшня-съ. Отодрать его на конюшнѣ — вотъ ему и учрежденіе. Съ какой стати-съ?

Мартинъ Лукьянычъ тяжело вздохнулъ и, подойдя къ окну, сталъ смотрѣть на дорогу.

— То-то и оно-то, Агей Данилычъ, что насъ съ тобой не спрашиваютъ, — сказалъ онъ и, помолчавши, добавилъ:

— Чтой-то, я смотрю, Николая не видать?... А ты читалъ — въ газетахъ пишутъ — холера? Какъ бы къ намъ не пожаловала.

— Все больше чернядь мреть, — равнодушно сказалъ Агей Данилычъ, — и въ сорокъ восьмомъ году, и въ тридцатомъ — все чернядь валила. Отъ необразованія-съ.

— Ну, не говори. Богъ захочетъ, и образованнаго настигнетъ. Это ты не говори... Чтой-то онъ запропастился?... Да! я и забылъ... Напиши, пожалуйста, записочку волостному писарю, что, молъ, Мартинъ Лукьянычъ просить, чтобъ Андрона высѣкли. Онъ ужъ знаетъ тамъ... Староста! вотъ возьмешь тогда записку на счетъ Андрона, волостному писарю отдашь.

Выпивъ пять или шесть чашекъ, — впрочемъ, больше по привычкѣ пить чай въ конторѣ, нежели изъ удовольствія, — Веденей устремился домой. Бѣжалъ онъ сгорбившись, мелкими шажками, высоко подымая лапотки, помахивая посошкомъ; глаза опустилъ внизъ, ворчалъ себѣ въ бороду: «Упросила!... Должно еще вчерась удосужилась, хвостомъ вильнула... Видно, и вправду бають люди — Игнатка-то отъ него... Вотъ и служилъ, и кланялся... Нѣту правды на свѣтъ... нѣту... нѣту... Ахти-хти-хти!»... Задами, вдоль рѣчки и потомъ съ гумна, подошелъ онъ къ своему двору и остолбенѣлъ: съ улицы, отъ избы ясно доносился большой говоръ. «Никакъ сходка... — прошепталъ онъ, пристальнѣе вниная ухомъ, — и впрямь сходка!... Ахти-хти-хти»... — и опять задами помчался къ сборной избѣ, гдѣ жилъ и поселный писарь унтеръ Ероееичъ. Унтеръ Ероееичъ сидѣлъ на крылечкѣ и пилъ водку изъ только что початаго полштофа. Носъ у него такъ и краснѣлся надъ оттопыренными, закуреными табакомъ усами.

— Отецъ! что же это будя?... — заголосилъ Веденей, размахивая руками, — самовольный сходъ... сходъ самовольный собрался!... Надо запрягать, надо запрягать... либѣ къ старшинѣ, либѣ къ посредственнику надо ѣхать.

Унтеръ Ерошеевъ допилъ стаканчикъ, крикнулъ, пригладилъ усы и сказалъ:

— Что-жь, поѣзжай: арестантская давно по тебѣ плачетъ.

— Ахти-хти-хти...— съ глубокимъ вздохомъ проворилъ Веденей, надвинувъ шляпенку, поправилъ свою медаль, понурился и тихо побрелъ улицей къ своей избѣ, гдѣ на крыльцѣ, около крыльца и на улицѣ толпился народъ. На лавочкѣ крылечка сидѣли порядъ сивобородые, чинные, туго подпоясанные старики, съ посошками въ рукахъ, въ высокихъ шляпахъ. Между ними замѣшалась одна только смоляная борода Сидора Нечаева, да лоснились отдутыя щеки молодого богача Шашлова съ рыжимъ клинушкомъ пониже губы. Самъ старикъ Шашловъ въ мирскія дѣла не вмѣшивался. Менѣ почетные и которые помоложе толпились у крыльца и передъ лавочкой. Агаеонъ и Акулина съ любопытствомъ выглядывали изъ сѣней. Андронъ, намасленный и расчесанный волосокъ къ волоску, стоялъ безъ шапки, съ смирно потушенными глазами... Онъ держался поближе къ сивобородымъ. Гараська Арсюшинъ, въ картузѣ, надвинутомъ на-бекрень, то урывками затягивался изъ рукава цыгаркой, то, будто уязвленный, метался по народу и звонко, надсаживаясь, кричалъ, стараясь заглушить тѣхъ, съ кѣмъ спорилъ. Однихъ съ нимъ лѣтъ и тоже въ картузѣ и съ такимъ же оглушительно-наявливимъ голосомъ былъ еще домохозяинъ—рябой и кривоносый Аношка. Они такъ и держались вмѣстѣ, кричали иногда слово-въ-слово одно и то же. У обоихъ и отцы находились здѣсь. Арсеній сидѣлъ въ почетномъ мѣстѣ—на лавкѣ, Аношкинъ отецъ стоялъ въ толпѣ и робко озирался изъ-подъ своего рваного треуха: онъ былъ самый бѣдный мужикъ въ деревнѣ. Вообще почетъ распредѣлялся не только по бородѣ, по одежѣ, по тому, чѣмъ была накрыта голова, но и по запаху: на крыльцѣ и у самаго крыльца гуще пахло дегтемъ отъ сапогъ, коровьимъ масломъ отъ волосъ, Андроновой водкой, нежели за крыльцомъ и на улицѣ. Вся улица передъ Веденеевой избой запрудилась постороннимъ народомъ: сюда собрались ребятишки со всей деревни, парни, бабы и даже дѣвки; дѣвки, впрочемъ, старались не выступать напередъ. Какъ только показался Веденей, говоръ стихъ. Вдругъ Гараська оскалилъ зубы, усмѣхнулся, раздувая ноздрями, и сказалъ: «Вотъ и костяная яшница! съ виду скусна, въ ротъ—зубы сломаешь». Аношка тотчасъ же подхватилъ: «Повадка волчиная — лигъ-ать андельскій!» Оба выговорили такъ мѣтко и похоже на старосту Веденея, что всѣ, кто слышалъ, разразились хохотомъ. Веденей сразу догадался, что это надъ нимъ, и его сердце заняло еще боль-

ше. Въ хохотѣ онъ ясно различилъ и радостный смѣшокъ Сидора Нечаева, и визгливое захлебываніе молодаго Шашлова, и, что всего горестнѣе для Веденей, солидный, съ раскатцемъ, смѣхъ строгаго старика Ларивона Власова, и сильное хихиканье «непотатчика такимъ дѣламъ» Аѳанасія Яглича. Еще ниже сгорбился Веденей и еще смирише и умильнѣе сдѣлался лицомъ. Не доходя шаговъ пяти до сходки, онъ снялъ свою шляпенку, поклонился. Въ отвѣтъ, не спѣша, размѣренными движеніями, по очереди, поднялись шляпы, шапки, треухи; картузы остались неподвижны. Произошло краткое молчаніе.

— Ну, что-жь, Веденей Макарычъ,—проговорилъ съ крыльца Ларивонъ Власовъ,—поѣзжай сюда. Кабыть не пригоже такъ-то. Ты—хозяинъ, мы—гости.

— Чать, не въ конторѣ у притолки стоять,—управителя здѣсь нѣту!—буркнулъ Гараська, расталкивая народъ, чтобы самому взобраться на крыльцо.

Веденей надвинулъ шляпенку и, не подымая глазъ, пережевывая губами, вѣжливенько протѣснился куда ему слѣдовало; его лѣвую щеку едва замѣтно подергивало. Сивобородые подвинулись, дали ему мѣсто на лавкѣ.

— Вотъ Андронъ жалится міру,—сказалъ Ларивонъ, не взглядывая на Веденей и уставивъ бороду въ землю,—жалится міру, будто обида ему отъ тебя...

Андронъ тряхнулъ волосами и поспѣшно заговорилъ:

— Какъ же не обида, господи старички?... Четвертый годъ сапоги ношу—не допросишься. Чуть что—возжами... бабу заѣздилъ на работѣ...

— Твоя рѣчь впереди!—строго сказалъ Ларивонъ.

Гараська дернулъ Андрона за рукавъ и выразительно мигнулъ ему. Веденей вскочилъ съ мѣста, обнажилъ голову и низко поклонился на всѣ стороны.

— Я міру не супротивникъ,—прошамкалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—глядите, отцы, вамъ видише... Кажись, добро свое не проматывалъ, нажитое не расточалъ... Вотъ, отцы, домъ—полная чаша... коровы, овцы, лошади... Вотъ хлѣба стараго семь одоньевъ!

— Язычкомъ добыто!—сказалъ Гараська.

— Помолчи,—шепнулъ ему отецъ.

Веденей сдѣлалъ видъ, что это его не касается.

— Теперича онъ говорить—возжами...—продолжалъ онъ,—не потаю, отцы, случалось. Но чѣмъ же домъ-ать держится, коли не строгостью? Я на тебя сошлюсь, Ларивонъ Власычъ, аль на те-

бя, Сидоръ Егорычъ, аль на тебя, Аѳанасій Явличъ. Чать, ты, Вла-
сычъ, не задумался Семкѣ лобъ забрить (Ларивонъ насупилъ свои
лохматыя брови), ты, Сидоръ Егорычъ, случалось, бивалъ свои
Пашку не токмо возжами, а и—прямо надо говорить—чѣмъ попада;
а ужь объ тебѣ, Аѳанасій Явличъ, и толковать не приходится!...
Ну, и что-жь, отцы, неужто плохо? У кого полны закрома хлѣба?
У кого гумно ломится отъ одоньевъ? У кого порядокъ въ дому?...
Все у васъ, благодѣтели. Отцы! я вотъ что скажу: сами знаете,
сколь трудно домогъ собирать («Да, ежели хребтомъ!»—не уни-
мался Гараська)... Тамъ пригляди, тамъ пригажи, тамъ приладь...
Всюду—глазъ, да руки, да ноги. Молодые-то и спать горазды, и
выпить, бываетъ, не дураки, и работу не больно любятъ. Кому бу-
дить? Кому постращать? кому указать, какъ работаютъ—по наше-
му, отцы, по-старински? Все на родителей, все на насъ, господа
старички!... Что же это теперь будя? Хозяйство, что горенка: сдвинь
державу—все разлѣзется. Ты говоришь, Андрюша, возжи... Какъ
же тебя, другъ сердешный, не поучить, коли ты вотъ до сего часу
отчета мнѣ въ деньгахъ не отдалъ? Давалъ я ему, отцы, на три
косы, а онъ привезъ одноѣ и самъ—хмѣльной. Разсудите, благо-
дѣтели!

Андронъ опять тряхнулъ волосами и сказалъ:

— Провалиться, старички, въ ротъ капли не бралъ! А что до
денегъ, которые онъ мнѣ давалъ деньги, я хоть сичасъ—до послѣд-
няго грошика цѣлы.

— Помолчи малость!—съ неудовольствіемъ сказалъ Ларивонъ.

— Эка у тебя языкъ-то, малый, свербить!—гнѣвно крикнулъ
Аѳанасій Яковлевъ.

И Веденей ободрился, что такъ гнѣвно закричали на Андрона.

— Ну, теперь ты жалишься, Андрюша, про сапоги,—еще умиль-
нѣе сказалъ онъ.—Точно, старички, сапогъ я ему не покупалъ. Къ
чему? Вотъ они у меня вытяжки-то,—онъ приподнялъ свою ногу
въ лаптѣ,—съ малыхъ лѣтъ отзваниваю!... Хуже ли сталъ я съ
того, лучше ли—не знаю. Но все же, какъ-никакъ, случается, и
почитають лапотника-то... вотъ сколько, можетъ, годовъ старостой
хожу... Къ чему же, отцы, сапоги? Жили, работали, наживали,
сапогъ не нашивали! («Это вѣрно»,—выговорилъ Ларивонъ.—
«Правда, правда»,—подхватили старики. Веденей оживился
и приподнялъ голову). Встарину говаривали: на пузѣ-то шелкъ,
а въ пузѣ-то щѣлкѣ... Ты пожалъся, Андронюшка—хлѣба не
наѣдался, квасу-браги не напивался, убѣинки во щахъ не ви-
дывалъ, овчины на плечахъ не нашивалъ,—ну, иное дѣло, по-

виненъ я, стоить меня, стараго хрыча, на осину! Сапоги носить, что говорить... да кто-о? Либѣ старички степенные... на праздникъ, да на сходку, либѣ у кого можна звенить, денегъ куры не клюютъ, кто злато-серебро лопатой загребаеть. Вотъ Максимъ Естифѣичъ носить, такъ ему это подь стать, другъ сердешный! (По губамъ Максима Шашлова пробѣжала самовольная улыбка). Али взять удалую головушку, хвата, съ лица—кровь съ молокомъ, хоть бы, примѣрно, Гарасима Арсенъича («Не подлаживайся, старый шутъ!»—огрызнулся Гарасьба, однако же, съ ухарскимъ видомъ поправилъ картузь). А намъ съ тобой, Андрошинъба, куда не къ рылу сапоги! (старички засмѣялись). Нѣтъ, отцы! Онъ жалится, пуцай и я буду вамъ доучать. Вотъ воротился вчерась съ базара, нагрубилъ, нагрубилъ... Что-жь это будя?... Бабу науськалъ—соромскимъ словомъ меня обозвала... Полязь въ драку, родителю въ бороду цѣпляется...

— Кто въ тебя цѣплялся, побойся Бога,—сказалъ Авдотинъ отецъ.

— Цѣплялись, цѣплялись!—вдругъ разозлился и заголосилъ Веденей,—твой же Андрюшка меня по уху съѣздилъ!... Разсудите, старички... вотъ пришли... вотъ въ чужомъ дому драку затѣяли... Съ Агулины повойникъ сшибли, Агаѣону глазъ испортили... Что-жь это будя?—но онъ тотчасъ же уловилъ, что его запальчивость не нравится старикамъ, что Сидоръ Нечаевъ ужя готовится раскрыть ротъ перебить его, и тотчасъ же стихъ и прежнимъ кроткимъ голосомъ сказалъ:—Ты вотъ, Андронюшка, бунтуешься, старика-отца убить собирался... А отецъ-то не въ тебя, а отецъ-то сердце родительское имѣеть! Вотъ, старички, побѣжалъ я новѣ къ Мартину Лукьянычу... вотъ побѣжалъ... какъ быть? А онъ такъ-то разгнѣвался, благодѣтели, такъ-то раскричался. «Брей лобъ, ступай къ посредственнику! бери отъ меня бумагу!» (Андронъ переступилъ съ ноги на ногу и поблѣднѣлъ). Какъ быть?... Родительское сердце—не камень, отцы! Вотъ палъ въ ноги... вотъ умолилъ. Пуцай, что дальше будетъ. Посѣчь посѣчку, это ужъ ты не обижайся, другъ сердешный, вотъ и бумага къ волостному,—и Веденей бережно вынулъ изъ-за пазухи и торжественно, такъ, чтобы всѣ видѣли, показалъ конвертъ съ огромною сургучною печатью,—а лобъ тебѣ брить, покажѣсть, погожу. И насчетъ Овдоты,—обращаясь къ Авдотинному отцу,—какъ, говорю, быть, Мартинъ Лукьянычъ, вотъ соромскимъ словомъ обозвала, кинулась въ драку?—«А, говорить, коли такъ, получай и объ ней бумагу, пуцай маненько постегаютъ для острастки»... а? Веденей помолчалъ и съ умиленіемъ доба-

вилъ:—не взялъ! И за дочь твою умолилъ, Евстигнѣй! И дочь твою отвелъ отъ безчестья!—и, точно набравъ силы въ этихъ благостныхъ своихъ дѣлахъ, онъ громко, на весь народъ, провозгласилъ:— «Вотъ, говорю, отецъ, Андронушка миръ мутить, раздѣлу требуетъ, водкой угощаетъ старичковъ... Какъ быть?»— «А вотъ какъ, говоритъ, ежели тебѣ какая обида—со мной будутъ имѣть дѣло, а не съ тобой. А я ужь, Господь дастъ, рано съ миромъ справлюсь!»— Послѣ этого Веденей вдругъ опять понурился, сдѣлалъ жалобное лицо, снялъ шляпенку, низко поклонился на всѣ стороны и пресѣбающимъ, слезливымъ голоскомъ проговорилъ:—А иное дѣло, я міру не супротивникъ... Смотрите, отцы, вамъ виднѣе. Разсудите домъ рушить—рушьте. Укажете нажитое по вѣтру пустить—пушайте... Вамъ виднѣе!—всклипнулъ онъ, отеръ заскорузлыми пальцами глаза, надвинулъ шляпу и сиротливо прислонился къ стѣнѣ.

Наступило гробовое молчаніе.

— Что-жь, Андронъ...—выговорилъ Ларивонъ Власовъ, переглянувшись съ стариками,—видно, тово... покорись: проси прощенья у родителя!

Лицо Андрона дрогнуло, губы затряслись... еще мгновение, и онъ готовъ былъ упасть въ ноги отцу, какъ вдругъ Гараська и Аношка съ остервенѣлыми лицами бросились къ Веденею и, широко раздѣвая рты, неистово размахивая руками, закричали, надсаживаясь, изо всей мочи. Точно волна пробѣжала по народу. Поднялся сплошной, неописуемый шумъ.

Можно было замѣтить—у кого сѣдины было меньше, тотъ громче и извительнѣе донималъ Веденея и степенныхъ стариковъ. Многіе изъ сѣдыхъ не задѣвали сверстниковъ, но не щадили Веденея. Одни выскакивали впередъ и кричали на чистоту, что имъ пришло въ голову; другіе поступали съ лукавствомъ: крикнуть, ругнуть и спрячутся въ толпу; третьи горланили, не обращая ни къ кому въ отдѣльности, не прячась и не выказываясь, мало заботясь, чтобы ихъ слышали, безкорыстно наслаждаясь оглушительнымъ звукомъ своихъ собственныхъ словъ; четвертые схватывались ругаться съ сосѣдомъ или съ тѣмъ, на котораго давно имѣли зубъ, спорили, не слушая, налетали другъ на друга, какъ цѣтухи; пятые старались говорить вѣско и запутанно, выбирая для этого время, когда шумъ около нихъ нѣсколько стихалъ. Наиболѣе опытные, мудрые и хладнокровные тихо переговаривались и переголаживались, дожидаясь, пока наступитъ ихъ очередь.

Прежній распорядокъ сходки—почетные и захудалые, въ сапогахъ, смазанныхъ дегтемъ, и въ лаптишкахъ, въ шляпахъ и въ рва-

ныхъ треухахъ, — все теперь сбуровилось, спуталось, перемѣшалось. Взбѣгали на крыльцо, сходили оттуда, опять взбѣгали. Какой-нибудь толпегъ въ заплатанномъ зипунишкѣ подскакивалъ къ савобородымъ и лаялся съ непринужденною яростью. Толпу точно волновала бури. Гараська и Аношка носились, какъ на крыльяхъ. Одну минуту ихъ можно было видѣть у самой бородѣнки Веденей; можно было подумать — вотъ-вотъ они вцѣплятся въ него, но черезъ мгновеніе ихъ картузы чернѣлись уже на улицѣ и задорные, охрипшіе голоса уличали казого-нибудь нечаяннаго почитателя старины. Внутренно доведенный до бѣлаго каленія, Веденей злобно сверкалъ своими красноватыми глазками, щурился, подергивался, много разъ готовъ былъ заголосить тѣмъ надтреснутымъ визгомъ, который былъ ему свойствененъ, но быстро спохватывался и молчалъ, насильственно улыбаясь, или со вздохомъ произносилъ: «Ахти-хти-хти!...» Онъ тоже выжидалъ своей очереди. Андронъ и Агаеонъ гадѣли во всю глотку, наметая другъ на друга съ кулаками. Но никто не думалъ, что они подерутся, потому что наскоки дѣлались только для виду. Драка на сходкѣ была не въ обычаѣ.

Ирки, наконецъ, стали ослабѣвать, запасъ попрековъ, остротъ, язвительныхъ и ругательныхъ словъ началъ истощаться, приближалось затишье. Наступало то время, когда болѣе опытные, вліятельные и мудрые взвѣшивали все, наговоренное на сходкѣ, и, сообразно съ этимъ, провозглашали свое мнѣніе, непремѣнно заканчивая его вопросомъ: «Такъ, что ли, старички? Согласны?» — на что слѣдовалъ обыкновенный отвѣтъ: «Такъ, такъ!... Согласны... Чего лучше!... Миръ — великъ человѣкъ... Умиѣ міра не будешь!» На этой сходкѣ чрезвычайно много было наговорено злобнаго, обиднаго, непріятнаго Веденю, много было насулено ему всякой всячины, много вспомнано его нехорошихъ и лукавыхъ дѣлъ и козней противъ міра, тѣмъ не менѣе, насчетъ выдѣла Андрона высказывалось не болѣе пяти человѣкъ. И эти пять человѣкъ сами понимали, что «не выгорѣло». Гараська уже сѣлъ, привелъ въ обычный порядокъ лицо и сталъ вертѣть цыгарку. Аношка вяло доругивался. Андронъ опять стоялъ, смиренно потупившись и сложа руки у пояса. Губы Веденей начинали складываться въ пріятную улыбку. Ларивонъ Власовъ, пошептавшись съ стариками, готовился опять повторить то, что сказалъ сначала: «Что-жь, Андронъ, видно, тово... покорись: проси прощенья у родителя!» Все понимали, что сейчасъ сходка кончится и чѣмъ кончится и что можно будетъ расходиться по домамъ.

Но въ это время случилось внезапное событіе, повернувшее

весь ходъ дѣла. Дядя Ивлій трусилъ на своей косматой кобылѣ домой обѣдать. Бхаль Ивлій не въ духѣ, сердитый на Веденей: Мартинъ Лукьянычъ только что жестоко пробралъ Ивлія за то, что онъ не доложилъ ему, какъ болтаютъ о мытѣхъ половъ и о старостинныхъ бабахъ. Но, пробравши, Мартинъ Лукьянычъ сказалъ и о томъ, зачѣмъ Веденей приходилъ къ нему, и опять пожалѣлъ, что «рушится хорошій домъ», и сказалъ, что «не прежнее время, ничего не подѣлаешь съ этимъ безобразіемъ», что все будетъ, «какъ захотятъ старики». Увидалъ дядя Ивлій сходъ, захотѣлось ему узнать, чѣмъ порѣшили, но, вмѣстѣ, и спѣшилъ обѣдать; не подѣзжая къ старикамъ, онъ остановилъ кобылу у кучки бабъ, среди которыхъ замѣтилъ солдатку Василису, и, подозвавъ ее, спросилъ:

— Что, Митревна, чѣмъ порѣшили Веденей?

— Вывернулся, беззубый параликъ!—отвѣчала та съ живѣйшимъ негодованіемъ.— Галдѣли - галдѣли, грызли - грызли его, а, должно, придется Андрошкѣ покориться.

— Какъ такъ покориться?

— Да такъ. Все толстопузый-то твой влямывается, куда ему не слѣдъ (подразумѣвался Мартинъ Лукьянычъ)!

— Ты угорѣла, дѣвка! Чѣмъ онъ влямывается?

— Какъ же чѣмъ! Веденей такого тутъ страха нагналъ... Да и впрямь задумаешься: ишь, управитель грозился Андрошкѣ лобъ забрить, Овдотью—выпороть. Статочное ли дѣло, пузатый родимецъ, бабу безчестить! «А ежели, говорить, тебѣ какая обида будетъ отъ стариковъ—я съ міромъ рано управлюсь». Небось, глотку-то перехватить отъ такихъ посуловъ!

Ивлій такъ и размѣялся отъ радости.

— Ну, бѣги-жь ты, дѣвка, шепни Сидору, что-ль, аль Гарасиму... — сказалъ онъ, нагибаясь съ сѣдла, и рассказалъ, что шепнуть, а самъ, внутренно помирая со смѣху, потрусилъ далѣе.

Скоро самые задніе въ толпѣ, уже мирно толковавшіе, что весна больно хороша для травъ, что, надо быть, со дня на день погонять сѣять барскую гречиху, что, говорятъ, въ село пріѣхалъ новый попъ, зять отца Григорія, что въ Митрохинѣ, сказываютъ, выгорѣло семь дворовъ, что болтали вчерась въ волости, будто идетъ холера,—эти самые задніе были несказанно удивлены страшнымъ шумомъ, случившимся на крыльцѣ, новымъ взрывомъ ругани, попрѣжовъ, остротъ и язвительныхъ словъ. Спустя минуту опять все заколыхалось, смѣшалось и зашумѣло. Но теперь уже чаще и чаще стало слышаться: «Выдѣлать! выдѣлать!... Нечего поношаться!... Сколько надъ міромъ поношался, а теперь и сыновъ за-

прегь... Будя!... Выдѣлать!» Веденей, ошеломленный неожиданностью, очертя голову бросился въ свалку, визжалъ, шамгалъ, огрызался, точно волкъ отъ наступающихъ собакъ. Гараська и Аношка ни на пядь не отставали отъ него, какъ впились. Чувствуя свою силу, они даже не злились теперь и не ругались, а только глумились надъ старикомъ. Какъ передъ тѣмъ всѣ были увѣрены, что Андронъ придется покориться, такъ теперь были увѣрены, что его дѣло выгорѣло. Объ этомъ знала вся деревня. Даже ребятишки, бѣгавшіе позади толпы, знали.

Вновь наступило затишье. Веденей, прислонившись къ стѣнѣ, тяжело переводилъ дыханіе и поминутно покашливалъ. На немъ лица не было.

— Значить, мѣръ разсудилъ тебѣ, Веденей Макарычъ, отдѣлать Андрона, — медленно выговорилъ Ларивонъ Власовъ и, обратившись къ народу, крикнулъ: — Такъ, что-ль, старички? Согласны?

Послышался одобрителный гулъ.

— Теперича какъ быть? Выбрать пятерыхъ которыхъ... чтобъ, примѣрно, за дѣлжкой понаблюди, чтобъ безъ обиды, по-Божьему. Такъ, что-ль? Согласны, старички?

Опять послышался одобрителный гулъ.

Безъ всякихъ пререканій выбрали Ларивона Власова, молодого Шашлова, Сидора Нечаева, Гараську и Афанасія Яглича. А когда Гараська, сославшись на недосугъ, отказался, замѣнили его Аношкой.

— Ну, когда же соберемся?—спросилъ Ларивонъ у выборныхъ уже частнымъ, неофициальнымъ голосомъ, — чать, не ближе воскресенья. Гляди, какъ бы съ завтраго не погнади гречиху сѣять.

— Что-жь, въ воскресенье и въ воскресенье. Андронъ, тебѣ какъ?

— Что-жь, господа старички, — запинаясь отъ радостнаго волненія, отвѣтилъ Андронъ, — какъ вы повѣдите! — но вдругъ вспомнилъ, что идетъ въ казаки. — Только, коли милость ваша будя, довѣрю свою часть женѣ... аль вотъ батюшкѣ - тестю. Мнѣ, признаться, кое-куда отлучиться нужно.

— Это дѣло твое, — сказали старики, — пушай Овдотья получаетъ. Мужъ да жена — одна сатана.

— Такъ вотъ, Веденей Макарычъ, — выговорилъ Ларивонъ Власовъ, съ сочувствіемъ взглянувъ на старика, — видно, радъ не радъ — жди въ воскресенье гостей. Мѣръ, другъ, не переспоришь.

— Да припасай полведра! — засмѣявшись, добавилъ Аношка.

Веденей открылъ беззубый ротъ, хотѣлъ что-то сказать, — что-

то горькое и угрожающее, — захлебнулся слезами, всхлипнул и, махнув рукою, пошатываясь, побрелъ въ избу:

X.

Жизнь Николая въ степи. — Его мысли, чувства, порывы и ощущенія. — Въ куреняхъ. — Исторія деревни Оголтѣловки. — Шутка друга Кирюшки. — Пѣсня и пляска. — Любовныя приключенія Николая съ гохождою дѣвкой Машкой. — Неожиданное общеніе съ народомъ. — Обѣды. — Проповѣдь. — Арсѣій Сукиновъ и лазутчикомъ. — Отецъ Григорій и отецъ Александръ и кто изъ нихъ лучше?

Наступило время покоса. Мартинъ Лукьянычъ послалъ Николая на хуторъ, чтобы, вмѣстѣ съ Агаѣокомъ, смотрѣть за работами. Это было еще въ первый разъ, что Николаю поручалось особое, почти самостоятельное дѣло. Онъ устроился на хуторѣ въ порожнемъ амбарѣ. По утрамъ, едва восходило солнце, пилъ на крылечкѣ чай съ Агаѣокомъ; обѣдалъ и ужиналъ за однимъ столомъ съ конюхами и табунщиками. На праздники ему разрѣшалось ѣздить въ Гарденино.

Новыя условія жизни: отсутствіе отца, нѣкоторая самостоятельность, великолѣпная майская погода въ степи и даже то, что приходилось ѣсть съ конюхами и табунщиками, быть съ ними какъ свой, — все это казалось Николаю удивительно веселымъ и приятнымъ. Онъ забралъ было съ собою книги, пробовалъ читать, но закрывалъ съ первой же страницы, потому что волнующая прелесть жизни не давала ему покоя, подмывала его, срывала съ мѣста. Кромѣ того, онъ теперь уже окончательно рѣшилъ, что живетъ въ Гарденинѣ только *пока*, что вотъ еще пройдетъ немного времени, — сколько, онъ не зналъ съ точностью: мѣсяць, годъ, три, вообще немного, — и тогда случится такъ, что онъ броситъ все прежнее, начнетъ совсѣмъ, совсѣмъ новую жизнь; тогда онъ все узнаетъ, все прочтаетъ, поѣдетъ въ Петербургъ и Москву, то-есть вообще туда, гдѣ множество «настоящихъ» образованныхъ и развитыхъ людей, гдѣ пишутъ и печатаютъ книжки, станетъ тамъ учиться.

А *пока* даже было и некогда читать. Когда онъ утромъ выходилъ на крылечко, щурясь отъ молодыхъ солнечныхъ лучей; вздрагивая отъ прохлады, вѣявшей съ Битюка, и садился заваривать чай, въ степи уже давно разносился звонъ косъ, свистъ подвальной травы. Немного погодя подѣзжалъ Агаѣокъ на своей пѣгашкѣ и неизмѣнно восклицалъ: «Другъ! Миколушка! чего раненько продралъ глазки? Ты бы, голубчикъ мой сизенькій, еще понѣжился... А меня, признаться, на зорькѣ взбудили, въ ротъ имъ

ягода!» После чая, за которымъ обыкновенно происходили дѣловые разговоры: докосить или не докосить сегодня боровская артель «на мысу», годится ли сгребать ряды въ «Тимохиной вершинѣ», начинать ли въ урочищѣ «Пьяный логъ» метать стога, — Агаюкль углаживался вздремнуть часика на два, а Николай весело вскакивалъ на сѣдло и скорою, красивою иноходью выѣзжалъ мимо бугра, мимо старой ракиты въ степь. Свѣжій, душистый, оживленный просторъ встрѣчалъ его. Блестѣла роса, пестрѣли безчисленные степные цвѣты, вспархивали изъ-подъ ногъ перепела, надъ головою, трепеща крылычками, заливались жаворонки, пронзительный свистъ сурка доносился съ ближайшаго кургана, въ травѣ перескакивали голубыя стрекозы, перелетали разноцвѣтныя бабочки, зудѣли «кузнецы»; въ низинныхъ мѣстахъ бродили голенастые гулички, плакала острокрылая чибеска. Пахло земляникой, чаборомъ, медомъ, горьковатымъ запахомъ полыни, — всѣмъ, чѣмъ только благоухаютъ степныя травы въ концѣ мая. Тамъ и сямъ мѣрно, нога въ ногу, двигались ряды косарей въ бѣлыхъ рубашкахъ, однообразно звенѣли и сверкали косы, съ свистящимъ шумомъ падала въ ряды высокая, росистая трава... или видно было, какъ пестрѣли копы темно-зелеными точками, гордо возвышались стога, ходили табуны, вился голубой дымокъ изъ тѣхъ или другихъ куреней.

Иногда случалось, что Николай, вмѣсто того, чтобы прямо ѣхать къ косарямъ, пускалъ лошадь подальше отъ того мѣста, гдѣ видѣлся народъ, пробирался какою-нибудь ложиной туда, гдѣ еще не начинали косить, гдѣ было пустынно. Тамъ онъ слѣзалъ съ сѣдла, пускалъ Бозачка на чумбурѣ щипать траву, а самъ принимался искать землянику и съ величайшимъ чувствомъ наслажденія бросалъ въ ротъ душистыя, обрызганныя росой, ягоды. Когда надоѣдало, ложился въ высокую траву лицомъ вверхъ и, не отрываясь, долго, долго смотрѣлъ на небо. Вѣчно разнообразное, оно рождало разнообразныя настроенія въ душѣ Николая. Смотря по тому, какія облака видѣлись на лазури, какъ они двигались — быстро ли гнало ихъ вѣтромъ, или медленно, низко или высоко надъ землею, или небо было безоблачно, распростиралось безконечною, темно-синюю, сверкающею бездною, — смотря по этому складывались и мысли Николая, слагались мечты. Какія мысли, какія мечты — онъ и самъ не могъ бы отвѣтить, — такъ это было смутно, тонко, мимолетно, такъ было похоже на сонныя грезы. Онъ одно только могъ сказать: все, о чемъ мечталось и думалось въ это время, на какой-то странно-высокой и торжественный ладъ подымало его душу,

волновало ее радостью, не похожую на другія радости, смущало не-сказанною грустью. Обыкновенно въ первыя минуты, когда бросался въ траву и ненамѣренно обращалъ къ небу глаза, онъ додумывалъ преждее, — о томъ, сгребать ли сѣно; о томъ, что книга о *Происхожденіи человека* во многомъ непонятна ему, хотя ужасно интересна и убѣдительно, о томъ, что-то теперь дѣлають Татьяна, и Иванъ Федотычъ, и Грунька Нечаева, и какъ хороша однодворка Машка, и какъ ловко поють пѣсни боровскіе косари. Но мало-помалу разсѣвались и погасали эти прежнія мысли, въ душѣ выросло что-то новое, важное, въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, о чемъ говорили небеса. А небеса именно говорили, потому что все, чѣмъ звучала степь: серебристые переливы жаворонковъ, плачь чибески въ ближней лощинѣ, непрерываемый звонъ кузнечиковъ, едва уловимый шепотъ травы, копошенье козявки у самого уха, дальнее звяканье, свистъ, удары молота по желѣзу, — все это подымалось къ небу, преображало царствующее тамъ безмолвіе, оживляло холодную и загадочную нѣмоту.

Но не все лежать, нужно было ѣхать къ рабочимъ. Солнце стояло высоко, роса обсохла, бабы и дѣвки высыпали сгребать ряды, мужики метали стога, косы свистали глуше и медленнѣе. Николай ѣздилъ отъ артели къ артели, просилъ, чтобы не оставляли высовихъ подрядьевъ, не пускали лошадей далеко отъ куреней, чище сгребали сѣно, круче метали стога. Иногда заподозривалъ, что на его слова не обращали вниманія, замѣчалъ лѣнливо-равнодушныя лица въ отвѣтъ на просьбы, небрежныя улыбки и тогда вспыхивалъ, выпрямлялся на стремянахъ и, до боли надсаживая себѣ грудь, кричалъ, ругался грубыми, непристойными словами. Точь-въ-точь какъ Мартинъ Лукьянычъ въ подобныхъ же случаяхъ. Николай не рѣшился бы такъ ругаться съ гарденинскими мужиками или вообще съ барскими, но съ однодворцами это было можно, потому что и ему свойственно было смотрѣть на нихъ, какъ на людей враждебной народности. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ начала покоса, но потомъ онъ увѣрился, что это не такъ, и уже стыдился ругаться и кричать на нихъ, подобно изступленному. На дѣвокъ же и бабъ, хотя онѣ и были „галманки“, онъ и сначала не рѣшался кричать и вообще, подѣзжая къ нимъ, всякій разъ былъ обуреваемъ непреодолимымъ смущеніемъ. Онѣ не походили на барскихъ еще больше, чѣмъ мужики: онѣ были бойкія, рѣчистыя, скорыя на дерзкое или насмѣшливое слово, на такія прибаутки, отъ которыхъ барская дѣвка сторѣла бы со стыда. Особенно отличались

этими солдатки. Въ такомъ обращеніи много было и дразнящаго, но много и такого, что наводило на Николая страхъ.

— Сгребайте чище, бабы! — говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Каё-жь мы бабы?... Ахъ табѣ высльбило! Ты, що-ль, вянцы-то на насъ вздывалъ? — отвѣчала ему здоровенная, грудастая, съ косою ниже пояса, дѣвка Машка.

Бругомъ подымался смѣхъ и дальнѣйшія поясненія Машкиныхъ словъ.

Чаще же всего онѣ съ нимъ заговаривали первыя, говорили ему, что онѣ «пригоженькій», звали приходять на улицу въ курени, въ нецензурныхъ словахъ общались, что будетъ весело и какъ весело. Онѣ какъ бы спѣшили сорвать съ него личину начальственной недоступности столь вольнымъ и дерзкимъ обращеніемъ.

Когда Николай ночью, съ высокаго мѣста, смотрѣлъ на стѣну, его уже давно соблазняли костры въ куреняхъ, стройно-заунывные пѣсни (однодворцы пѣли гораздо лучше барскихъ), подмывающіе звуки жилеекъ, ладный топотъ трепака. Бромъ того, и Агаеокль безпрестанно подбивалъ его... И, наконецъ, Николай соблазнился. Однажды вечеромъ Агаеокль захватилъ балалайку, Николай — новую гармонію, бывшій поддужный Ларька — бубень, запрягли дрожки, поѣхали версты за три отъ хутора, въ таборъ боровской артели. Ночь стояла темная, звѣздная, теплая. Всюду горѣли огни, отовсюду доносились пѣсни, въ темнотѣ странно обозначались очертанія столовъ, фыркающія и однообразно хрустящія лошади. Когда подъѣхали къ мѣсту, въ куреняхъ поужинали и мужики сидѣли и лежали вокругъ костра, лѣниво напѣвая, покуривая трубки, медленно обмѣниваясь словами. Свѣтъ отъ огня падалъ на телѣги съ приподнятыми вверхъ оглоблями, на курени, толсто укрытыя травою, съ узкими отверстиями, только чтобы пролѣзть человѣку, падалъ на смуглыя и чистыя, на бородатыя, на молодые лица. Иногда въ костеръ подбрасывали охапку бурьяна; люди, телѣги, курени на мгновеніе исчезали во мракѣ... Но вотъ огонь взвивался еще выше, чѣмъ прежде; въ полосѣ колеблющагося свѣта неувѣренно выступала бѣлая лошадиная морда, собака, сидящая на заднихъ лапахъ, блестящее лезвіе косы... То, что было ближе къ окну, казалось багровымъ, принимало какой-то фантастическій видъ. Изъ куреней слышалось однообразное убаюкиванье, плачь дѣтей; за куренями негромко пересмѣивались дѣвки, молодые бабы и солдатки.

Хуторскіе подошли, поклонились; имъ немедленно очистили мѣсто у огня, сказали:

— На улицу, що-ль? Идѣ дѣвки-та?... Э! никакъ и ты, Мартинычъ, пришелъ!... Що-жь, забавься, дѣло гожее.

Но дѣвки подошли не сразу и у мужиковъ опять потянулись прерванные разговоры.

— Эва! вонъ народъ гутаря—холера... Валомъ валить.

— Мало-ль що бають!

— Ну, не гутарь, — отозвался изъ темноты старческій голосъ, — на моей эдакъ памяти баялъ народушка — морь будя. Що-жь, не сталося мимо, былъ!.. И-и, вспомнешь, страсти Господни... Мухи... ровно мухи мерли. Эдакъ-то деревнюшка была... выселки... каѣ примерли, каѣ разбрелись, каѣ щѣ...

Стали расспрашивать и говорить о холерѣ. Агаеокль нетерпѣливо завожидся.

— Ну, вотъ! — крикнулъ онъ, — вотъ ужъ не люблю... Эка за тѣяли! Эка разговоръ какой нашли!... Ну, умрешь? — ну, и схоронять. Ну, дальше-то что?... Э-эхъ, люди тоже называются! — и вдругъ тряхнулъ кудрями, ловко пробѣжалъ пальцами по струнамъ балалайки, заохалъ, застоналъ, задвигалъ плечами, заголосилъ изнѣженнымъ голоскомъ въ ладъ съ балалайкой: — «Пить — умирать, и не пить — умирать, мы пить будемъ и гулять будемъ, когда смерть придетъ — помирать будемъ... Охъ, охъ, о-охъ, помирать будемъ!» — и, сдѣлавши костяшками пальцевъ какой-то изумительный трескъ, хлопнулъ Николая по плечу и воскликнулъ: — Такъ, что ли, другъ разлюбезный? — Всѣ засмѣялись.

— И ловчакъ ты на балалайкѣ, Агаеокль Иванычъ!

— Що-жь! ай даромъ другую бабу у насъ на селѣ сманывае?

— Покажѣсть не прижали въ тѣсномъ мѣстѣ, да кишкѣ не повинутили! — вдругъ проговорилъ кто-то рѣзкимъ, угрожающимъ голосомъ. Николай быстро обернулся и взглянулъ на того, кто сказалъ. Это былъ однодворецъ лѣтъ подь сорокъ, съ черными безъ глянца волосами, подстриженными у самыхъ бровей, съ жидкимъ, неестественно водянистымъ блескомъ въ зрачкахъ. Какое-то странное выраженіе и этихъ глубоко впадшихъ глазъ, и неприятнаго, вздрагивающаго отъ ненависти голоса, и особенно выраженіе мясистыхъ, не въ мѣру отвороченныхъ губъ врѣзалось Николаю до такой степени, что онъ почувствовалъ неясный, безотчетный страхъ. Вѣроятно, что-нибудь въ этомъ же родѣ сдѣлалось и съ Агаеокломъ; онъ смѣнился съ лица, безпокойно заёрзалъ и, насильственно улыбаясь, пробормоталъ:

— Ну, ну, другъ Кирюша... хе, хе, хе... ты ужъ всегда насмѣшишь!

На Кирилу зашумѣли со всѣхъ сторонъ. Онъ неловко поднялся, понурилъ голову и, раскачиваясь на вывернутыхъ ногахъ, медленно пошелъ отъ толпы въ свой курень. «Чего онъ злобится, чего ему нужно?... Вотъ ужъ не люблю!—торопливо говорилъ Агаѳокль, обращаясь къ мужикамъ,—аль я васъ обижаю? аль когда скотину загонялъ?... Приѣхалъ на село, провелъ разлюбезнымъ манеромъ время... тихо, смирно, никого не трогаю... за что? Ежели изъ-за бабъ,—что-жь, я мужевыхъ не касаюсь! Солдаточка—вольный человѣкъ, я, грѣшникъ, хе, хе, хе... къ солдаточкамъ прилипаю... Не по-сусѣдски такъ-то, херувимы мои, не ладно!»—Мужики дружно стали успокоивать Агаѳокла: «Брось, Иванычъ... не серчай! Аль мы тея не знаемъ? Мы отъ тея обиды не видали. Такъ онъ, несуразный, шутъ его задави! Ему бабы—щю! Едъ на нихъ и глазъ не подымая... А такъ ужъ... кого не влюбя—бѣда! Эдакъ сукновала не влюбилъ... чать, знаешь, Ареѳія?... Вотъ бреша, вотъ лается! Прямо—несуразный». Мало-по-малу Агаѳокль пришелъ въ себя и началъ поглядывать въ ту сторону, гдѣ были слышны женскіе голоса. Но Николаю очень хотѣлось послушать вблизи, какъ поютъ боровскіе.

— Нельзя ли?—сказалъ онъ однодворцу, который полулежалъ около него, опираясь головою на руку.

— Робя!—проговорилъ тотъ,—вотъ Мартинычъ послушать жала... Сыграежь, щю-ль?

— Дагъ щю-жь, заводи, пуцай послухая.

Не перемѣняя положенія, однодворецъ приложилъ ладонь къ щекъ, врякнулъ, раскрылъ, искривляя, губы... Какимъ-то звенящимъ полуговоркомъ, полураспѣвомъ вылетѣли оттуда первыя слова пѣсни:

— Э-ихъ, да и щю-же ты, моя степь... раздолье широкое... степь моздовска-а-ая!...—и не успѣли еще эти слова съ бархатно-голосистой оттяжкой на словѣ «моздовская» уплыть въ пространство и замереть тамъ жалобно погасающимъ звукомъ, какъ вдругъ настоящій стонъ, многоголосый, дружный, согласный заставилъ вздрогнуть Николая. Онъ быстро отвернулъ лицо отъ огня... и грусть, и слезы, и восторгъ перехватили ему дыханіе. Что-жь это такое?...—воскликнулъ онъ про себя.—Какъ хорошо!—«Широко ты, степь, протянулася... буграми, буераками... лощинами-вершинами... отъ города Царицына, до того ли щю, князя Галицына!» Ахъ, широко!.. ну, ну, голубчики, еще, еще... Ну, еще, тонкій, дрожащій голосъ... и ты, угрюмый, бархатный басъ... Вотъ оно!.. плыветь... вотъ оно!—И опять дружнымъ, артельнымъ стономъ

наваливались голоса и подхватывали запѣвалу, опять въ густыхъ, мужественныхъ звукахъ звенѣлъ, какъ струна, ноющій, вздрагивающій тенорокъ, особенно тщательно выговаривающій слова пѣсни, — и въ душѣ Николая какими-то волнами росло и прибывало сладкое, томительно-замирающее чувство. Прелесть унынія, прелесть тоскливой удали овладѣвала имъ.

Послѣ «моздовской» спѣли еще нѣсколько пѣсень, потомъ загремѣлъ бубенъ, затренькала балалайка, поднялся плясъ. Сначала Николаю показалось смѣшнымъ, что дѣвки плясали вереницей, слѣдуя одна за другою, точно по сигналу прихрамывая всѣ сразу, то на одну, то на другую ногу, подпираясь въ бока, чинно помахивая платочками; но, присмотрѣвшись, и это показалось ему хорошо. Послѣ дѣвокъ, лихо и въ высшей степени непристойно, плясали «Камаринскаго» Агаѳокль съ солдаткой Макарихой. Впрочемъ, что пляска была непристойна, казалось одному только Николаю, — бабы, дѣвки, мужики, включая и старичка, припомнившего 30-го года холеру, такъ и помирали со смѣху. «Ловчай! ловчай!» — кричали въ толпѣ. — «Жги, Макариха! Валяй!..» — «Ай-да, Иванычъ! Ай-да, хахыль, песь тея задави!» На хуторъ вернулись уже на зарѣ.

Однажды Николай пустился въ любовныя приключенія, но это кончилось горестно. Вотъ какъ было дѣло. Дѣвка Машка не выходила у него изъ головы. Она была не изъ Боровой, а изъ другаго дальняго села, въ первый еще разъ работавшаго на Гардениныхъ. Ихъ таборъ помѣщался почти у самаго хутора, не болѣе какъ въ полуверстѣ. Николай сначала хотѣлъ было посоветоваться съ Агаѳоклемъ: какъ ему быть съ Машкой? — но чувство брезгливости удержало его, — Агаѳокль все болѣе и болѣе внушалъ ему какое-то непобѣдимое омерзѣнiе, — и онъ придумалъ вмѣстѣ съ Ларькой пригласить какъ-нибудь всѣхъ дѣвокъ табора къ себѣ на хуторъ, въ гости. А тамъ ужъ дѣло будетъ видно. Такъ и случилось въ сѣрый, дождливый денекъ, когда работы приостановились, и мужики, по своимъ нуждамъ, уѣхали къ себѣ въ село. Дѣвки съ готовностью приняли приглашенiе и среди дня пришли на хуторъ. На первый взглядъ, онѣ неприятно удивили Николая тѣмъ, что одѣты были по-праздничному, но наряды ихъ вовсе не походили на щегольскiе наряды гарденинскихъ дѣвокъ: заштопанныя рубахи, полинялыя платки, отрепанныя юбки. Старанiе, съ которымъ дѣвки прикрывали это убожество, еще болѣе огорчило Николая; онѣ держались въ кучкѣ, незамѣтно спускали шушпаны на заштопанныя мѣста, какъ будто отъ жары снимали платки съ волосъ. Однако, такое впечатлѣнiе скоро почти исчезло у Николая: дѣвки, повидимому, были такъ же

бойки и дерзки на слова, какъ и въ степи, и у себя въ куреняхъ. Николай и Ларька стали играть, составилаь пляска съ обычнымъ прихрамываніемъ, съ обычными прибаутками и восклицаніями, съ мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши. Все какъ будто шло какъ слѣдуетъ... Но Николаю опять почудилось нѣчто неладное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. За бойкими словами, за пляской и веселыми прибаутками онъ замѣчалъ какую-то странную вялость, иногда то у одной, то у другой дѣвки выступало выраженіе скуки и заботы на лицѣ, смѣялись какъ будто только потому, что ужь принято смѣяться тамъ, гдѣ молодые парни, музыка и пляска. Николай хотѣлъ обнять Машку, но та, не то что вывернулась, ударила его, оттолкнула, — это было бы въ порядкѣ вещей, — но съ какою-то насильственной улыбкой отвела его руки. Все это происходило въ пустомъ амбарѣ. У дверей, съ поджатыми руками, стояла кухарка Агулина и серьезно, невесело смотрѣла на дѣвокъ. Очевидно, ей приходило въ голову тоже самое, что и Николаю. Когда Машка уклонилась отъ Николая, Агулина поманила его къ себѣ и вызвала изъ амбара. Отшли. Николай съ удивленіемъ замѣтилъ, что обыкновенно самодовольное лицо Агулины являетъ видъ возбужденный.

— Полоумные черти! — сказала она въ полголоса, — аль не видите, дѣвкамъ животы подвело?

— Какъ подвело? — недоумѣвая, спросилъ Николай.

— А такъ! Тоже въ гости зазвали... Ты бы спросилъ у нихъ, ѣли они нонѣ, аль нѣтъ? Да и вчерась-то врядъ ли ѣли.

— Ну, что ты болтаешь!

— Ишь не болтаю. Не токмо пшена, — хлѣбушка нѣтъ. Бѣ-звать чѣмъ перебиваются. Нонѣ мужики поѣхали ко двору: ни-то добудуть, ни-то нѣтъ. Бѣднѣ ихняго села въ округѣ не сыщешь.

— Какъ же быть, Агулина, а? Я не зналъ, — растерянно пробормоталъ Николай.

— Что-жь, хлѣбушка отрѣзать по ломтигу? Аль щецъ пущай похлебають. Тогда и веселье иное поидеть... А то захотѣлъ отъ голодной дѣвки толку добиться!

— Такъ, пожалуйста, Агулина... Я тебя прошу. Щей, хлѣба... ветчины отрѣжь. И я ужь не пойду къ нимъ... Ты, пожалуйста, сама какъ-нибудь.

Агулина отправилась къ дѣвкамъ, а Николай ушелъ въ конюшню, растянулся на сѣнѣ и началъ читать книгу. И все прислушивался, не ушли ли дѣвки. Спустя часъ, въ конюшню стремглавъ вбѣжалъ Ларька и съ хохотомъ крикнулъ Николаю:

— Нажрались!... Пойдемъ скорѣе!... Я Машкѣ такъ и сказалъ,

чтобъ во всемъ тебя слушалась... А то, молъ, хлѣба не велить давать...

Николай обернулся къ нему съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ, съ трясущимися губами.

— Убирайся къ чорту! — крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

И съ тѣхъ поръ не только не пускался въ любовныя приключенія, но даже избѣгалъ приближаться къ дѣвкамъ того табора, а о Машкѣ совѣстился вспоминать. И пересталъ водиться съ Ларькой.

Изъ Анненскаго только пять дворовъ косили на хуторъ: убирали «испогу» маленькую вершинку. Къ нимъ Николаю и незачѣмъ, и некогда было заѣзжать; только разъ онъ былъ у нихъ — дѣлалъ копы. Барское они обязаны были сметать въ стога, а свое, прямо изъ копенъ, складывали на телѣги и возили домой.

Однажды, въ субботу, позднимъ вечеромъ, отдѣлавшись въ степи и забравъ свѣдѣнія для отчета отцу, Николай верхомъ отправился въ Гарденино. Вхалъ онъ шагкомъ, свободно опустивъ поводья, покуривалъ, поглядывалъ по сторонамъ, смотрѣлъ на звѣздное небо. Было совсѣмъ темно; на западѣ едва бѣлѣлась узенькая полоска... Отъѣхавъ версты три отъ хутора, Николай услышалъ впереди себя скрипъ телѣжныхъ колесъ; скоро на дорогѣ показался возъ съ сѣномъ. Николай поѣхалъ у самаго воза. Ему было пріятно чувствовать запахъ сѣна и дегтя, слышать, какъ, медленно вращаясь, поскрипываютъ колеса, — это какъ-то необыкновенношло къ ночи, къ глухой степной дорожкѣ и, особенно, къ звѣздамъ, горѣвшимъ въ вышинѣ ровнымъ, увѣреннымъ свѣтомъ, какъ бываетъ въ сухую, постоянную погоду. На возу сидѣлъ мужикъ, около него, вверхъ лицомъ, лежалъ мальчикъ.

— Батя! — спрашивалъ онъ неторопливымъ, вдумчивымъ голосомъ, — отчего же она такъ прозывается?

— Дорога-то? — Николай узналъ ласковый голосъ Арсенія Гомозкова, — а вотъ отчего. Былъ, Пашка, въ старину Батей такой... изъ какихъ, не умѣю тебѣ сказать. Вотъ и пошелъ этотъ Батей на Русь. Шель, шель... дорогъ нѣтути, куда ни глянетъ — степь, да лѣса, да рѣки... Гдѣ-гдѣ деревнѣшка притулится въ укромномъ мѣстѣ. Вотъ онъ и придумалъ по звѣздамъ путь держать. Оттого и зовется — Батева дорога.

— Зачѣмъ же онъ, батя, шель?

— А ужъ не умѣю тебѣ сказать. Либо къ угодникамъ, либо еще по какимъ дѣламъ... Не знаю.

— А это Телѣга?

— Это? Телѣга. Ишь, Пашутка, Илья такой былъ, Силачъ...

— Вотъ на Ильинъ день?

— Ну, ну. И промышлялъ Илья Силачъ нехорошими дѣлами— разбойничалъ. Ну, сколько, можетъ, годовъ прошло, бросилъ Илья Силачъ разбойничать, затворился въ затворъ, вздумалъ спастись. И угодилъ Богу. И прислалъ Богъ за Ильей ѡдакую телѣгу огненную, вознесъ на небушко. Илья-то тамъ и остался,— ну, въ раю, што-ль,—а телѣга... вонъ она! Видишь, и колесики, и градѣшки, и оглобельки, все какъ надо быть.

— А какъ же, батя, вотъ громъ гремитъ?... Сказываютъ, это Илья гоняетъ.

— Что-жь, гоняетъ. Значитъ, въ тѣ поры опять влѣзаетъ въ телѣгу.

Мальчикъ вздохнулъ.

— А это вонъ Петровъ крестъ, а это—Братъ съ сестрою... Вотъ маленько годя сторожары подымутся...

Николай увидѣлъ, какъ рука Арсенія отчетливо выдѣлилась на звѣздномъ небѣ и указывала то въ ту, то въ другую сторону.

— Батя! отчего они свѣтятся?

— Какъ отчего? Господь устроилъ. Сказываютъ, къ каждой приставленъ андѣлъ. И зажигаетъ, и тушитъ, ровно свѣчки. Премудрость, Пашутка.

— А отчего, батя, то мѣсячно, а то—нѣтъ, а то еще ущербъ бываетъ?... Аль вотъ что ты мнѣ скажи: отчего лѣтомъ солнышко закатывается за нашею ригой, а зимою—за Нечаевыми, а?

Арсеній тихо засмѣялся.

— Ну, ну, загомозилъ, заторопился,—сказалъ онъ.—Это ты спроси, Пашутка, которыхъ грамотныхъ, которые въ книжку читаютъ. А я что? Ходилъ за сохою цѣлый вѣкъ, ее одной и знаю, кормилицу... Сказываютъ, по зимамъ солнышко-то на теплыя моря уходитъ.

— Это вотъ куда братъ Гараська?

Мальчикъ, очевидно, коснулся больного мѣста.

— А кто его знаетъ, куда онъ ушелъ, непутевая голова,— съ грустью сказалъ Арсеній, —ничего-то не слухая, ничего-то въ разумъ не принимая...—и, помолчавши, добавилъ:—А, можетъ, и къ добру, Господь ее вѣдаетъ. Гаврила-то къ Покрову шесть красненькихъ притащилъ, прямо на глазахъ у меня выложилъ изъ кошеля. Что мы знаемъ? Что видѣли?... Вѣкъ свой прожили за господами ровно въ лѣсу... Я и въ городѣ-то не помню когда бывалъ, съ ратниками наряжали какъ быть войнѣ.

— Вотъ, батя, война, — съ оживленіемъ спросилъ Пашутка, — изъ-за чего это воюють?

— Ну, какъ бы тебѣ сказать? — нерѣшительно выговорилъ Арсеній. — Ну, вотъ, примѣрно, завозился тамъ турка, али хан-цузь, али вотъ черкесъ... ну, завозился, — глядь, мы на него и навалимся, усмирять, значить. Ну, вотъ, и война.

— Съ чего же онъ завозится?

— А ужъ это найдеть на него. Взбунтуется — шабашъ! не подходи! Ну, бѣлому царю никакъ невозможно стерпѣть. Вотъ и подымется война. Премудрость Божія!

— И ужъ бѣлый царь, батя, завсегда одолѣеть?

— Какъ, гляди, не одолѣть, — на то поставленъ.

— Я, батя, слышалъ... зять Гаврила сказывалъ, — послѣ непродолжительнаго молчанія выговорилъ Пашутка, — синее, синее, говорить... Конца краю не видно.

— Чего... синее?

— Да море-то! — съ досадою, что его не понимаютъ, сказалъ Пашутка, — эдакъ птица всякая... гуси, утки... эдакъ камышъ, говорить, качается... ровно лѣсъ!... А по надъ моремъ все степь, все степь!... Такъ, говорить, ковыль-трава и стелется, такъ и стелется... Издалека поглядѣть — бѣлѣть, бѣлѣть... ровно туманъ!

— Кто ее знаетъ!... — со вздохомъ сказалъ Арсеній и дернулъ возжами. — Но!... н-но!... чего упираешься? — и едва слышно замурлыкалъ не то пѣсню, не то такъ себѣ, простой наборъ словъ.

— А въ книжкахъ, батя, небось все описано? — прервалъ его Пашутка.

— Какъ, гляди, не описано... На то — книга.

Пашутка опять вздохнулъ.

— Вотъ бы почитаться! — сказалъ онъ.

— Н-да, грамотные все знаютъ, — задумчиво роняя слова, проговорилъ Арсеній. — Оттого, сказываютъ, мы на нихъ и работаемъ, что все знаютъ. Оттого имъ и вольготно. Взять хоть бы Ерошеича нашего... Что ему? Подарапаеть перышкомъ — сытъ, глянетъ въ книжку — пьянь... Беззаботной жисти человекъ! Эхъ, Пашутка, Пашутка, кабы не дрался, отдалъ бы я тебя къ нему въ выучку!

— Больно ужъ дерется, — тихо сказалъ Пашутка, — что-жь, батя, до складовъ еще не дошли, а ужъ онъ мнѣ голову проломилъ... Неспособно эдакъ-то.

— То-то и оно-то, парень, что неспособно!

— Гомоздѣ! хочешь я тебя грамотѣ выучу? — вдругъ весело крикнулъ Николай.

Арсеній вглядѣлся въ него:

— А, Мартиньчъ! — добродушно сказалъ онъ, — а я смотрю, кто-то никакъ за телѣгой ѣдетъ, ни то, молъ, изъ конюховъ какой... А это ты! Аль ко двору на праздникъ?

И до самаго Гарденина Николай, радостно воодушевленный, разговаривалъ съ Арсеніемъ и съ Пашуткой. Онъ рассказывалъ имъ, что самъ зналъ, о звѣздахъ, о нашествіи татаръ, о томъ, отчего бываетъ война, гдѣ лежитъ Азовское море, какія рѣки въ него впадаютъ, и какія еще есть моря, и царства, и страны свѣта. Положимъ, онъ не всегда былъ увѣренъ, что то, о чемъ рассказывалъ, такъ и было на самомъ дѣлѣ. Многіе вопросы Пашутки ставили его въ тупикъ, заставляли тщетно рыться въ памяти... И какіе простые вопросы! «Съ покоя въѣху мужики были барскіе, — спрашивалъ, наприимѣръ, Пашутка, — али ихъ кто закрѣпостилъ? Отчего въ иныхъ краяхъ зимы не бываетъ? Отчего убиваетъ громъ? Отчего живетъ спорынья во ржи? Отчего бываютъ росы, и заря, и радуга?» Но тогда Николай восклицалъ: «Этого не расскажешь. Погоди, все прочитаемъ», — и безпрестанно повторялъ: «Ты непременно, непременно же, Паша, приходи! вотъ съ осени и займемся съ тобою». Ночь ли была тому причиной, то-есть то, что они не видѣли въ лицо другъ друга, или особое настроеніе снизошло на нихъ, но разговоръ былъ оживленный, безъ всякаго стѣсненія, такой, который въ другое время никакъ бы не могъ завязаться между ними. Арсеній безбоязненно разспрашивалъ о господахъ, гдѣ они живутъ, что дѣлаютъ, по многу ли проживаютъ денегъ, какъ имъ досталось имѣніе, сколько получаетъ жалованья Мартинъ Лукьянычъ, гдѣ Николай обучался, скоро ли думаетъ жениться... И съ явнымъ удовольствіемъ выслушивалъ, какъ Николай съ восторгомъ сообщалъ, что за человѣкъ Косма Васильичъ Рукодѣвъ, и какъ онъ ѣздилъ въ гости къ Рукодѣву, съ кѣмъ тамъ познакомился, сколько выигралъ въ карты, и о томъ, что теперь читаетъ, и какъ поѣдетъ въ Петербургъ и сдѣлается совсѣмъ ученымъ человѣкомъ. «Я, дядя Арсеній, для того только и обучусь всему, чтобы быть полезнымъ народу! — восклицалъ онъ, растроганный своими великодушными намѣреніями, — вотъ буду ребятъ учить... Стану научать крестьянъ, какъ вести хозяйство... Буду помогать... хлопотать за васъ!» — «Давай Богъ! давай Богъ!» — ласково повторялъ Арсеній. Занималась заря, въ деревнѣ кричали пѣтухи, когда показалось Гарденино. Николаю приходилось сворачивать направо, Арсенію — налево. Николай приподнял картузъ, сказалъ: «Ну, прощайте же!» — и въ без-

отчетномъ порывѣ протянулъ руку Арсенію; тотъ неловко, съ внезапно появившимся смущеніемъ, пожалъ ее своею карявою, мозолистою рукою. «Смотри же, Паша, приходи!» — крикнулъ Николай, ошастливленный этимъ прикосновеніемъ, и, ударивъ нагайкой Козачка, какъ на крыльяхъ, помчался въ усадьбу.

Утромъ Мартинъ Лукьянычъ и Николай были у обѣдни. Мартинъ Лукьянычъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, около праваго клироса, подтягивалъ баскомъ дьячкамъ, по временамъ, когда это требовалось порядкомъ богослуженія, крестился и съ важностью наклонялъ голову, когда отецъ дьяконъ почтительно махалъ въ его сторону кадиломъ. Около лѣваго клироса, тоже на своихъ обычныхъ мѣстахъ, стояли разряженные попадьи и поповны, дьяконица, семинаристы, дьячихи, купецъ Мягковъ, волостной писарь Павелъ Акимычъ, цѣловальникъ, фельдшеръ. Служилъ новый попъ, отецъ Александръ. Старый, отецъ Григорій, поди́валъ на правомъ клиросѣ и то и дѣло оборачивался къ Мартину Лукьянычу. «Каковъ, каковъ! — шепталъ онъ, мигая въ сторону отца Александра, и его смущенное, ссохшееся, закоптѣлое отъ солнечнаго загара лицо расплывалось въ лучезарной улыбкѣ. — Нѣтъ, вы погодите, что еще будетъ, когда проповѣдь произнесетъ!» Отецъ Александръ, дѣйствительно, служилъ весьма благолѣпно. Это былъ крупный человѣкъ, съ пухлыми пунцовыми щеками, съ глазами на выкатѣ, съ рѣденькою, свѣтло-рыжею, очевидно, недавно отпущенною растительностью на бородѣ. Волосы на головѣ были острижены такъ, что виднѣлся отлично нагрехмаленный воротничекъ, очень красиво оттѣнявшій темно-зеленыя бархатныя ризы. Вообще облаченіе сидѣло на немъ точно облитое. Правда, слишкомъ рѣзкія движенія иногда не вязались съ торжественнымъ покроемъ этого облаченія, иногда плотныя плечи отца Александра встряхивались такъ, какъ будто чувствовали на себѣ эполеты; но это, очевидно, было только потому, что отецъ Александръ не успѣлъ еще приспособиться.

Кончилась обѣдня. Дьячокъ Теофилагичъ, съ трясущимися отъ перепоя руками и конвульсивно вздрагивающимъ ртомъ, вынесъ наложь. Изъ боковыхъ дверей вышелъ отецъ Александръ въ лиловомъ шелковомъ подрясникѣ. Онъ выпрямился, обвелъ пронизательнымъ взглядомъ предстоящихъ, вынулъ изъ-за пазухи аккуратно сложенные листы, молодцовога тряхнулъ волосами и громко, на всю церковь, возгласилъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»... и остановился. Видно было, какъ ему самому понравилась этотъ густой, вольно вылетѣвшій звукъ. Затѣмъ скинулъ гла-

за на листки, облокотился слегка на наложу и продолжалъ: «Братія! Вотъ еще нѣкоторое время, и всѣ православные христіане совозрадутся и возликують о честномъ праздникѣ Пресвятыя Живоначальныя Троицы. Но, радуясь и славя Господа громогласными лѣки, спросимъ: что же есть Пресвятая Троица?»... Затѣмъ слѣдовало разсмотрѣніе догмата, приводились доказательства отъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта, отъ разума, отъ преданія, развивался ходъ мыслей, еще недавно усвоенныхъ отцомъ Александромъ изъ лекцій по догматическому богословію. Въ концѣ проповѣди рассказано было о «приложеніи догмата», опять - таки ни мало не отступая отъ семинарскихъ «тетрадокъ», а въ самомъ концѣ отецъ Александръ, блистательнымъ изворотомъ рѣчи, въ высшей степени тонко, логично и витійственно, поговорилъ о «ниспосылаемыхъ свыше дарованіяхъ» и, въ формѣ гиперболы, отмѣтилъ дѣятельность выдающихся прихожанъ: Мартина Лукьяныча, купца Мягкова и волостнаго писаря Павла Акимыча. Конечно, онъ не называлъ именъ, но когда дѣло шло о томъ, что «иному дарованъ талантъ надзирать за порядкомъ, домостроительствовать, приобщать препорученное господиномъ имѣніе», то Мартинъ Лукьянычъ по всей справедливости могъ съ достоинствомъ выпрямиться и приподнять голову; также какъ и Павелъ Акимычъ, когда услышалъ: «иному — устроить судъ, владѣть перомъ, краснорѣчиво излагать законы», и купецъ Мягковъ, при словахъ: «а иному дарована способность производить куплю и продажу, обихъ товаровъ, сугубое благопріобрѣтеніе».

Вокругъ наложу тѣснились потныя, напряженно-внимательныя, недоумѣвающія, довольныя, скучныя, восхищенныя лица, слышались сокрушенныя вздохи; въ заднихъ рядахъ заливалась слезами дряхлая, сторбленная въ три погибели старушка.

Мартинъ Лукьянычъ былъ въ восторгѣ отъ проповѣди и дорогою все повторялъ: «Нѣтъ, какъ онъ закинулъ насчетъ домостроительства-то! Иной, вѣдь, горя-мало, скажетъ: «Что-жь, управляющій? Поставь меня, и я буду управляющимъ». Нѣтъ, братъ, шалишь! на это нуженъ талантъ! Видно, видно, что умный священникъ».

Николай отмалчивался. Ему сегодня было совсѣмъ не по себѣ въ церкви; онъ смотрѣлъ и слушалъ щеголеватаго новаго попа, а самъ все съ грустью вспоминалъ дребезжащій голосокъ отца Григорія: «Господи, Владыко живота моего! Духа праздности, унынія, любоначалія, празднословія не даждь ми...» и ему казалось, что это было давно - давно, и онъ вздыхалъ съ неопредѣленнымъ чувствомъ печали.

Подъѣзжая къ дому, Мартинъ Лукьянычъ сказалъ ему:

— Ты смотри, братъ, не скройся. Ты, вѣдь, сейчасъ въ за-
стольной или у Ивана Федотыча очутишься! Поны обѣщались при-
ѣхать: отецъ Александръ желаетъ познакомиться. Надо этимъ до-
рожить. Вотъ, обо всемъ отецъ позаботься. Тогда Босьма Ва-
сильичъ обратилъ на тебя вниманіе... а почему? Потому, что ты
мой сынъ. Исай Исанчъ удостоилъ съ тобой разговаривать, госпо-
динъ исправникъ не пренебрегъ... Ну-ка, будь у тебя отецъ па-
стухъ какой-нибудь, кто бы зналъ, что ты есть на свѣтѣ? Ахъ,
дѣти, дѣти.

Николай былъ совершенно иного мнѣнія, но оставилъ его при
себѣ и отвѣтилъ:

— Я, папенька, никуда не уйду. Куда же мнѣ уходить?

Не успѣли еще отецъ съ сыномъ выпить чаю, какъ увидѣли
въ окна шибко подъѣзжавшую тройку:

— Смотри,—воскликнулъ Мартинъ Лукьянычъ,—вѣдь, это
поны катятъ. И сбруя какая... Важно!

Дѣйствительно, на хорошихъ лошадяхъ въ наборной съ бубен-
чиками сбруѣ, въ новомъ тарантасѣ ѣхали поны. Отецъ Але-
ксандръ, въ превосходной бѣлой рясѣ и низенькой свѣтло-сѣрой
шляпѣ, сидѣлъ, широко занявъ мѣсто, отвалившись къ задку, играя
пальцами на серебряномъ набалдашникѣ щегольской трости. Отецъ
Григорій какъ-то бокомъ жался около него, ухватившись за край
тарантаса,—казалось, онъ вотъ-вотъ вылетитъ; на немъ была по-
ношенная зеленая хламида, изъ-подъ широкополой «поповской»
шляпы трепалась отъ быстрой ѣзды жалкая, туго заплетенная ко-
сичка. Вошелъ первымъ отецъ Александръ; отецъ Григорій скон-
фуженно и вмѣстѣ самодовольно выглядывалъ изъ-за его плеча;
онъ утирался ситцевымъ платочкомъ и говорилъ:

— Вотъ парить, вотъ парить... Ей-ей, быть грозѣ!

Мартинъ Лукьянычъ и Николай подошли подъ благословеніе.
Отецъ Александръ наскоро помоталъ пальцами и тотчасъ же по-
спѣшилъ пожать протянутыя руки, какъ бы опасаясь, чтобы
не послѣдовало цѣлованія. Отецъ Григорій благословлялъ медлен-
но, совалъ руку прямо къ губамъ и затѣмъ уже здоровался.
Распорядились подать новый самоваръ, сѣли. Отецъ Александръ
держалъ себя развязно, съ шумомъ придвинулъ кресло къ столу.
Отецъ Григорій скромно помѣстился на стулѣ, въ нѣкоторомъ от-
даленіи.

— Очень благодарю,—съ первыхъ же словъ сказалъ Мартинъ
Лукьянычъ,—отличнѣйшая проповѣдь, отличнѣйшая!

Отецъ Александръ улыбнулся.

— Чему-нибудь учили! — сказалъ онъ съ притворною скромностью.

— Тонъ высокъ, высокъ тонъ! — воскликнулъ отецъ Григорій. — Хороша, не говорю. Я не спорю, Александръ. Но тонъ высокъ!

Отецъ Александръ не заблагоразсудилъ отвѣтить отцу Григорію.

— Вотъ пошлю въ *Епархіальныя*, — сказалъ онъ небрежно, — пусть отпечатають.

— Ей-ей, тонко, философіи перепущено, неудобь вразумительно для простецовъ, — въ полголоса упрямился отецъ Григорій, и во всю длину вытянулъ руку, взялъ къ себѣ на колѣни чашку съ чаемъ и кусочекъ сахара.

— Батюшка! да вы пожалуйте къ столу, — засуетился Николай, — поближе, вѣдь, такъ неловко. Пожалуйте, я вамъ кресло пододвину.

— Спасибо, свѣтъ, спасибо! Что-жь, посидимъ... Лишь бы угощали, а то и у притолки можно нахлебаться. Ей-ей!

— Наслѣдникъ вашъ? — спросилъ отецъ Александръ.

— Да-съ, наслѣдникъ движимаго имущества, — сказалъ Мартинъ Лукьянычъ и засмѣялся своей остротѣ.

Отецъ Александръ покровительственно обратился къ Николаю:

— Помогаете папашѣ? Хорошее дѣло. Лучшая наука, скажу я вамъ.

Николай вспыхнулъ.

— Есть, по всей вѣроятности, и болѣе продуктивныя, — сказалъ онъ. — Я думаю, естествознаніе или политическая экономя не-измѣримо лучше содѣйствуютъ альтриизму и вообще цивилизаціи.

Отецъ Александръ тотчасъ же измѣнилъ тонъ.

— О, всеконечно, всеконечно! — согласился онъ съ готовностью, — наипаче взять инженерныя и технологическія науки. Въ нашъ вѣкъ это вознаграждается благодарно. Особенно съ проведеніемъ рельсовыхъ путей.

Старики съ восхищеніемъ слушали.

— Вотъ подумаешь, Лукьянычъ, — не утерпѣлъ отецъ Григорій, — а чему насъ учили! Долбишь, долбишь, бывало, герменевтику да гомилетику, всыпать тебѣ, рабу Божьему, тьмы темъ язвительныхъ лозъ... Вотъ и вся наука. Ей-ей! Вы не повѣрите, по чему мы богословіе зубрили, — по Θεовану Прокоповичу... Да-съ. А вотъ Александръ какъ проходилъ по Макарію, сѣлъ, да въ полчаса и накатавъ проповѣдь. Подивось!

— Мой, вѣдь, нигдѣ не учился; если что знаетъ, самому себѣ обязанъ,—съ гордостью заявилъ Мартинъ Лукьянычъ, и, подумавъ, что мало сказалъ лестнаго отцу Александру, добавилъ:—Но проповѣдь образцовая.

— Для проформы необходимо,—какъ бы извиняясь въ сторону Николая, сказалъ отецъ Александръ,—и съ другой же стороны ихъ необходимо вразумлять. Вотъ вы, папаша, утверждаете: высокъ тонъ. Я же скажу: такія вещи требуютъ высокаго тона. И, притомъ, надѣюсь, заключеніе соотвѣтствуетъ...

Отецъ Григорій промолчалъ.

— Совершенно соотвѣтствуетъ,—подхватилъ Мартинъ Лукьянычъ.—Онъ всякій думаетъ—управляющимъ быть легко. Но вы справедливо изволили сказать, что нуженъ талантъ. Да еще какой! Теперь народишко... покорнѣйше прошу какъ избаловался!

— Въ высокой степени распустились!—съ живостью согласился отецъ Александръ.—Представьте себѣ, Мартинъ Лукьянычъ, мы вотъ съ папашей считали: двѣсти рублей онъ вырываетъ за исправленіе трѣбъ!

— Семьсотъ, Александръ, ей-ей, семьсотъ, какъ одна копейка!

— Помилуйте, папаша, кто же теперь считаетъ на ассигнаціи? Стыдитесь говорить. Двѣсти рублишекъ. И это ежели власть продукты по высокой цѣнѣ... Помилуйте, говорю, папаша, въ нашъ вѣкъ сторожъ на желѣзной дорогѣ получаетъ болѣе. Возможно ли?

— Бѣдняетъ народъ... народъ, Александръ, бѣдняетъ,—съ неудовольствіемъ сказалъ отецъ Григорій.—Придешь, отслужишь, сунетъ гривну,—стыдно брать... ей-ей, стыдно брать. Только трудомъ, только вотъ мозолями снискивалъ пропитаніе, ей-ей!—и онъ показал свои корявыя, какъ у мужика, руки.—И благодарю Создателя, не токмо пропитаніе, но и достатокъ нажилъ... Ей-ей, нажилъ!

Отецъ Александръ презрительно усмѣхнулся.

— Ужъ лучше не говорите,—сказалъ онъ и, обращаясь къ Николаю, добавилъ:—Червей заговариваетъ! Прилично ли это священнику?

— Що-жь?...—выговорилъ было отецъ Григорій, но тотчасъ же спохватился.—Что-жь, Александръ, ей-ей, пропадаютъ! Заговорю—и пропадутъ. Развѣ я виноватъ? Вотъ у нихъ же китайскаго борова заговорилъ...

— Это точно, отецъ Александръ,—подтвердилъ Мартинъ Лукьянычъ,—червь сваливается.

Отецъ Александръ сдѣлалъ вѣжливое лицо.

— Ну, и что-жь, беру!—продолжалъ отецъ Григорій.—Вотъ три осьмины ржи набралъ. Ей-ей! А то все трудомъ, все мозолями...

— И напрасно,—сказалъ молодой попъ, не глядя на тестя,— въ нашъ вѣкъ на это смотрится очень строго. Посудите, Мартинъ Лукьянычъ, какое ко мнѣ будетъ уваженіе отъ прихожанина, если я, съ позволенія сказать, буду коровымъ навозомъ пахнуть? Въ Европѣ на это не такъ смотрять.

— Нѣтъ, нѣтъ, Александръ, ей-ей, ты неправильно судишь. Бѣдность, бѣдность, воистину оскудѣша. Ей-ей!

— Какая же бѣдность, папаша—полторы тысячи ревизскихъ душъ въ приходѣ!

Отецъ Григорій обидѣлся.

— Ей-ей, Александръ, ты въ суету вдаешься,—загорячился онъ,—ей-ей, грѣшно. Зачѣмъ? Блаженни нищіе, сказано, ти бо...

— Нищіе духомъ. Вы неправильно текстомъ владѣете,—язвительно сказалъ отецъ Александръ, и, желая закончить споръ, съ особенною внушительностью добавилъ:—Во всякомъ случаѣ, я въ навозѣ копать не намѣренъ,—послѣ чего обратился къ Николаю:—Принято думать, во священствѣ образованный человѣкъ утрачивается. Но почему, спрошу васъ? Единственно потому, что безпечностью уронили санъ. Между тѣмъ какъ въ Европѣ...

Отецъ Григорій молчалъ, вздыхалъ, безпрестанно утирался платочкомъ и въ прикуску пилъ чай. Послѣ долгаго разговора отецъ Александръ, съ искательною улыбкой, сказалъ Мартину Лукьянычу:

— Я думаю, вы не откажете, многоуважаемый Мартинъ Лукьянычъ, въ нѣкоторомъ одолженіи вашему новому духовному отцу...

Мартинъ Лукьянычъ покраснѣлъ и безпокойно завертѣлся на стулѣ.

— Все, что могу, все что могу, отецъ Александръ!

— Вотъ завелъ лошадокъ, а лугъ-то у папашы и подгулялъ. Не сдадите ли десятины пять травы? За деньги, разумѣется.

— Да, конечно, отецъ Александръ, я отлично понимаю... конечно... Николай! отведи батюшкѣ три десятины въ Пьяномъ лугу... Вотъ, батюшка, можете убирать... Чѣмъ могу-сь.

— Премного вамъ благодаренъ, премного благодаренъ! Повѣрте, постараюсь заслужить.

Отецъ Александръ съ видомъ глубочайшей признательности потрясъ руку Мартина Лукьяныча. Отецъ Григорій усердно дулъ въ блюдечко.

Когда попы уѣхали, въ окна видно было, какъ Александръ съ нелюбезнымъ и недовольнымъ лицомъ что-то строго говорилъ Григорію, а Григорій молчалъ, озабоченно уцѣпившись за тарантасъ. Когда они уѣхали, Мартинъ Лукьянычъ долго въ задумчивости ходилъ по комнатѣ. Наконецъ, остановился, почесалъ затылокъ и сказалъ Николаю:

— И-да, попь-то новый тово... изъ эдакихъ! И что ты выдумалъ, что онъ умень? Ничуть не умень!...

Николай открылъ ротъ, чтобы возразить, но Мартинъ Лукьянычъ перебилъ его:

— Будешь отмѣрять траву, похуже выбирай, къ бугорку. И достаточно двухъ десятинь. Скажешь—больше, молъ, оказалось невозможно... За деньги! Знаемъ мы какъ съ тебя получить! Вотъ и пожалѣешь объ отцѣ Григорѣ.

— Какъ же можно, папеньга, сравнить!— съ живостью отозвался Николай, очень довольный, что и отцу не понравился новый священникъ.

XI.

Передъ грозю.— Вечеръ въ садикѣ Ивана Ѳедотича.— Облжчитель не по разуму.— О Константиномъ соборѣ.— О томъ, можно ли убить человѣка.— О томъ, что есть смерть.— О Фаустинѣ Премудромъ, бѣсѣ Велиарѣ и Маргаритѣ Прекрасной.— Сладка власть грѣха.— Какъ поваръ Лукичъ просилъ обидчиковъ.— Гроза.— Искушеніе Ивана Ѳедотича.— Утромъ.

Предсказаніе отца Григорія о грозѣ какъ будто готовилось сбыться. Съ востока медленно надвигались тучи, доносились глухіе раскаты грома. Тѣмъ не менѣе, духота не уменьшалась. Даже въ сумерки, послѣ того какъ закатилось солнце, неподвижный воздухъ напоенъ былъ зноемъ, до истомы стѣснявшимъ дыханіе. Липы, цвѣты и травы пахли сильнѣе обыкновеннаго, точно и у нихъ, какъ у людей, было раздражено то, чѣмъ дышать. Соловьи заливались въ саду страстиѣе и нѣжиѣе. Вся природа, казалось, изнемогла въ какомъ-то тягостномъ и нетерпѣливомъ ожиданіи.

Чистенькая сосновая изба Ивана Ѳедотича, выстроенная на землѣ, подаренной покойному отцу Татьяны, была обращена лицомъ къ огородамъ, къ лозинкамъ, среди которыхъ сквозила рѣчка,— притокъ Гнилуши,—къ деревенскимъ гумнамъ и коноплянникамъ за рѣчкою. Въ другую сторону, къ западу, зеленѣлъ около избы крошечный садикъ: подсолнухи, дикая мальва, липга вся въ цвѣту, опадающая сирень, густой кустъ калины. Изъ тесовыхъ сѣней выходили двери на обѣ стороны; та, что къ рѣчкѣ, была съ

рѣзнымъ, просторнымъ крыльцомъ; въ садикѣ не было крыльца, лежалъ у дверей бѣлый камень.

На этомъ камнѣ сидѣлъ Иванъ Ѳедотычъ, задумчиво склонивши свою сѣдую, косматую голову. Татьяна была въ избѣ; высунувшись по грудь въ распахнутое окно, она большими, печально-недоумѣвающими глазами смотрѣла вдаль. Тамъ, за яромъ, гдѣ видѣлась неподвижная роща, за бѣлыми постройками усадьбы, за огромнымъ барскимъ садомъ, туманилась степь, пропадая въ холмистыхъ извивахъ; пышно догорала заря. Въ усадьбѣ сверкали огна, обращенныя къ западу, вершины деревьевъ такъ и пламенѣли, въ ясномъ и широкомъ разливѣ пруда отражалось багровое небо. Изъ сада доносился многоголосый рокотъ. И, будто отзываясь на него, будто прислушиваясь къ нему, въ густыхъ вѣтвяхъ калины, совсѣмъ недалеко отъ избы, одинокой соловей выводилъ тоскливыя, грустно-замирающія трели. Татьяна была точно прикована къ тому, что дѣлалось вдали, — къ многоголосому рокоту, къ одинокой соловьиной пѣснѣ. Иванъ Ѳедотычъ былъ глубоко разстроены. Часа три тому ушелъ отъ него поваръ Лукичъ. Явился Лукичъ изъ деревни, пьяный, — а онъ становился придирчивымъ и безпокойнымъ, когда выпьетъ, — явился, усѣлся на лавку, уперся въ нее ладонями, началъ покачиваться, болтать ногами и приставать къ Ивану Ѳедотычу.

— Чего ты ерепенишься? Чего ты благочестіемъ своимъ кичишься? — восклицалъ онъ раздражительно-сильнымъ голосомъ. — Отводи глаза другимъ, я тебя знаю, Иванъ Ѳедотовъ... Я-ста начетчикъ, я-ста мудрецъ, я-ста книги читалъ, ученіе изслѣдовалъ!... Тьфу, твоя мудрость!... О, я тебя проникъ, Иванъ Ѳедотовъ, я тебя вижу насквозь. Кто ты такой? Ты спроси у меня, кто ты такой. Ты — еретикъ, вотъ ты кто такой!... Тьфу, лизанный чортъ!... Чего ухмыляешься? Чего молчишь? Видно, сказать нечего. Аль, думаешь, не взвѣсили тебя? Ошибаешься, достаточно взвѣсили. Во что ты ни совался... ты хвалишься и поварскую часть знаешь. Ха, нѣтъ, погодишь, не такъ-то легко. Ну-ка, отвѣчай, какъ готовится бифтекъ-альянглець или крападинъ изъ цыплятъ?... Что, кисло? А суешься. Тутъ, Иванъ Ѳедотовъ, не меньше твоего прочитано, — и Лукичъ ткнулъ пальцемъ въ свой лобъ, — не безпокойся, ничуть не меньше. Оттого я тебя всегда и поймаю, что не меньше. Ты думаешь, я не знаю — Пресвятую Живоначальную Троицу отвергаешь? Дуракъ, дуракъ!...

— Я, Ѳома Лукичъ, ничего не отвергаю, — сказалъ Иванъ Ѳедотычъ. Но это краткое возраженіе вывело изъ себя Лукича.

— Тьфу, тьфу!... Виляешь, скобленное мурло, виляешь! — закричалъ онъ. — Не смѣй вилять! Вижу, насквозь вижу. Какъ толкуешь слова пророка Исаи...

— Какъ написано, душенька, такъ и толкую.

Лукичъ даже привскочилъ отъ ярости. Нѣсколько секундъ онъ вращалъ своими опухшими глазками, злобно теребилъ сѣденькіе, торчащіе, какъ щетина, баки, прискивалъ, чѣмъ бы больнѣе уязвить Ивана Ѳедотыча, но не прискалъ и только отплюнулся.

— Татьяна Емельяновна! — крикнулъ онъ, — ну, не христопродавецъ ли? Не Искариотскій ли Юда? Онъ и васъ-то льстивымъ подобіемъ замужь взялъ. Ну, гдѣ это видано, лизанный чортъ, въ твои года жениться? Вѣдь, отъ тебя ладаномъ пахнетъ... Вѣдь, она тебѣ въ дочери годится... Обмануль, провель, прикинулъ... Ха, вѣдь, ты ее у покойника Емельяна за косушку купилъ... У, еретникъ окаянный!

Иванъ Ѳедотычъ поблѣднѣлъ; его дотолъ кроткіе глаза сдѣлались мутными.

— Ты вотъ что... вотъ что, — сказалъ онъ, задыхаясь, — свинья не разумна, но и ее отгоняють, коли вносить нечистое... Уйди, уйди отъ грѣха, Ѳома Лукичъ!

— А, я свинья?... Я нечистое вношу? — подымаясь, заголосилъ Лукичъ. — Хорошо же, хорошо!... Я это попомню, Иванъ Ѳедотовъ, попомню... Околѣешь, въ геенну будешь ввергнуть, а я не забуду. Не забуду, Иванъ Ѳедотовъ!... Тихоня... праведникъ... мудрецъ... Ха, ха, ха! — и ушелъ нетвердымъ шагомъ къ себѣ на барскій дворъ.

Вотъ этимъ и былъ разстроены Иванъ Ѳедотычъ. Во-первыхъ, ему было непріятно, что онъ выгналъ Лукича, обидѣлъ его сравненіемъ со свиньей, — Иванъ Ѳедотовъ во всю свою жизнь ни съ кѣмъ не поступалъ такъ; во-вторыхъ, пьяныя слова о женитьбѣ взволновали его. То, что сказалъ Лукичъ, ему самому приходило иногда въ голову, — не прежде, но вотъ за послѣднее время; грустное, съ вѣчно-опущенными рѣсницами лицо Татьяны, загадочное выраженіе на этомъ лицѣ не разъ повергали Ивана Ѳедотыча въ мучительную душевную тревогу. Онъ только старался не думать объ этомъ, какъ стараются не думать о томъ, чего нельзя ни изменить, ни поправить, и становился все нѣжнѣе съ Татьяной, все заботливѣе и ласковѣе.

Долго молчали. Иванъ Ѳедотычъ тихонько вздохнулъ, вкось посмотрѣлъ на Татьяну и, увидавъ выраженіе ея глазъ, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Скучно, Танюшка?

Татьяна быстро опустила рѣсницы.

— Ну, отчего скучно?—сказала она, притворяясь равнодушной.—Нѣтъ, Иванъ Ѳедотычъ, мнѣ не скучно. Соловушка больно сладко поетъ.

— Да, да...—задумчиво выговорилъ Иванъ Ѳедотычъ,—приятная Божія тварь... Читывалъ я стихи, забывъ ужъ кто сложилъ... судили еретика, Танюша. Вотъ такого же, какъ я!—и онъ усмѣхнулся, вспомнивъ Лукичевы слова.—И съѣхались на соборъ попы, архиереи, монахи, пустынножители, стали, душенька, уличать кого судили. И уличили; стали придумывать казнь. Тотъ говорить—колесовать, тотъ—въ стѣну замуровать, тотъ—живьемъ сжечь. И сидѣлъ эдакъ у распахнутаго окошечка древній старецъ изъ пустыни. А была весна. И слушалъ старецъ, о чемъ говорили отцы собора,—сдѣлалось ему скучно: отвыкъ онъ въ пустынѣ отъ людскаго говора. И принявъ ухомъ къ окну, слышитъ—разливается соловушко. Растопилась душа у старца, вспомнилась ему прекрасная мати-пустыня, миръ, тишина... Жалко ему сдѣлалось кого судили. И видятъ отцы собора—заслушался древній старецъ соловьиной пѣсни, перестали придумывать казнь, стихли. И звонко въ высокой храминѣ разлилась пѣснь соловьиная. Потупились сѣдые бородачи, любовно усмѣхнулись строгіе люди, на глазахъ у жестокихъ засіяли слезы. Всякій вспомнилъ свое—мать, отца, дѣточекъ, веселую младость, неизреченную красоту Божьяго міра... И вспомнили, зачѣмъ собрались, отвратилась душа отъ того, зачѣмъ собрались, и всѣмъ сдѣлалось жалко кого судили. Вотъ что означаетъ, душенька, сладостная тварь Божія!

— Перестанутъ скоро,—вздыхая, проговорила Татьяна,—выведутъ дѣточекъ, бросятъ пѣсни.

Послѣ долгаго молчанія Иванъ Ѳедотычъ сказалъ:

— Чтой-то Никулушка не навѣдывается!... Чай, пріѣхалъ на праздникъ. Говорили на барскомъ дворѣ, будто раза два навѣзжалъ съ Битюка, а къ намъ не зашелъ. Не гнѣвается ли?

— За что-жь ему на васъ гнѣваться?—едва слышно прошептала Татьяна и еще ниже опустила рѣсницы.

— А съ книжками-то все носился. Дома сидитъ—читаетъ, въ полѣ—читаетъ, къ намъ придетъ—читаетъ. Я ему и припомни слова Нила Синайскаго: «Какимъ-то неповоротнемъ и свяжемъ лѣни, ухватившись только за книгу, съ ранняго утра до захода солнца сидишь ты неподвижно, какъ будто свинцомъ приваренный къ скамьѣ». Можетъ, за эти слова разгнѣвался? Или еще, признаться, заскучалъ я, сталъ онъ мнѣ читать, какъ человекъ изъ обезьяны

произошелъ. Книга мудреная, слова для простаго человѣка невнятные... какъ было не заскучать? Да, признаться, и грѣшенъ я: что иному молотить, то мнѣ чтеніе слушать. Видно отвыкъ, въ головѣ кружится.

— Вы, Иванъ Федотычъ, и почивать стали плохо.

— Да, да... бессонница; дружокъ, привязалась. Заснешь—необычные сны... Ну, и лучше, что не спится. Все къ лучшему, Татьяна, все къ лучшему, а? Какъ, душенька, думаешь?

Татьяна не отвѣтила.

— Вотъ и на Битюкъ давно не хаживали,—сказала она съ видомъ упрека.

— А зачѣмъ? Всѣ они тамъ при дѣлахъ, рыба не клюетъ: глубины держится. Вотъ, что Богъ пошлетъ на весну. Да, признаться, не люблю я, душенька, когда людно: хуторъ на безлюдьи пріятное мѣсто, весной, глухою осенью... Я такъ-то иной разъ вздумаю, Татьянушка: будь-ка у насъ дѣтки, что же это за блаженная жизнь, ежели бы на хуторѣ! Такая-то тишина, такъ-то видно съ превозвышеннаго мѣста... Истинно прекрасная мати-пустыня!

Татьяна тоскливо посмотрѣла вдаль... Вдругъ лицо ея дрогнуло точно отъ испуга, глаза засіяли и оживились. «Легокъ на поминѣ!» — крикнула она зазвенѣвшимъ голосомъ. Изъ-за куста калины видно было, какъ на тропинкѣ отъ барскаго двора къ избѣ Ивана Федотыча, обозначаясь чернымъ на аломъ небѣ, показался Николай. «Живому человѣку рада»,—съ невольною грустью подумалъ Иванъ Федотычъ и, ласково улыбнувшись Николаю, воскликнулъ: «Пора, душенька, пора глаза показать!» Татьяна поклонилась, не покидая своего мѣста; лицо ея опять приняло свойственное ему нѣмое и недоумѣвающее выраженіе. Въ воздухѣ становилось все душище, липа сильно и сладко пахла, вдали глухо рокоталъ громъ. Соловей, точно изнемогая отъ истомы, выводилъ короткія трели и замолкалъ, и еще нѣжище и вкрадчивѣе выводилъ трели—будилъ въ тѣхъ, кто его слушалъ, несказанное чувство грусти и какого-то горестнаго наслажденія.

Николай явился въ раздражительномъ состояніи духа. Не обративъ вниманія на разстроенное лицо Ивана Федотыча, не взглянувъ на Татьяну, на свой ладъ испытывая то безпокойное чувство, которое бываетъ передъ грозой, онъ въ желчныхъ и язвительныхъ словахъ разсказалъ о новомъ попѣ, перешелъ отъ этого къ бѣдности народной (ему вспомнились голодныя дѣвки), разсказалъ, какъ однодворецъ Кирила грозился убить Агаеюкла и закончилъ:

— И по дѣломъ бы, собаку!

Иванъ Ѳедотычъ слушалъ съ видомъ разсѣянности; казалось, какія-то необыкновенно важныя мысли далеко-далеко увлекали его своимъ независимымъ теченіемъ, мѣшали ему сосредоточить вниманіе на словахъ Николая. Но Иванъ Ѳедотычъ серьезными, затуманенными глазами поглядѣлъ на него и тихо произнесъ:

— Экое слово выговорилъ... Человѣка, дружокъ, убить никакъ невозможно. Не только убить — обидѣть страшно. Что есть всему держава? Богъ, Никулушка, всему держава. А Богъ есть любовь, — возвѣщаетъ сладчайшій апостолъ. Что же означаетъ обида? Ой, врядъ ли любовь, душенька, а наипаче погасаніе любви... И вотъ ты обидѣлъ, и сдвинулъ державу, и развалиться тому дому!... Пстой, пстой, другъ!... Ты скажешь — съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ земля, не переставала обида... Пусть такъ! Пусть и процвѣло Каиново дѣло... Аль не видимъ?... Можетъ, процвѣтетъ и еще того больше, а держава все-жь-таки тверда, Николай Мартиничъ... Чѣмъ же тверда? Чѣмъ держится?... Только однимъ, душенька, держится — покаяніемъ. Ахъ, какое ты слово выговорилъ... Коли убить возможно, значить, и грѣха нѣту, значить, и каяться не въ чемъ?... А я вотъ что, дружокъ, скажу: ѳтимъ и сдвинется держава! — и, снова впадая въ задумчивость, нѣсколько разъ повторилъ: — И сдвинется... и сдвинется.

Тѣмъ временемъ Николай улегся на травѣ и закурилъ. Съ нѣкоторыхъ поръ разрядъ словъ, которыя онъ называлъ по примѣру Космы Васильича «метафизическими словами», то - есть: душа, грѣхъ, покаяніе, адъ, рай и т. п., начиналъ утрачивать для него всякое значеніе. Эти слова какъ-то праздно и бездѣйственно звучали теперь въ его ушахъ, вяло прикасаясь къ сознанию, не возбуждая въ головѣ соотвѣствующихъ мыслей. Они даже причиняли ему особый родъ физической усталости, — въ его челюстяхъ, чуть-чуть пониже уха, появлялось досадное ощущеніе, похожее на оскомину... Онъ вслушивался, какъ поетъ соловей въ густыхъ вѣтвяхъ калины, какъ рокочетъ далекій громъ; посмотрѣлъ туда, гдѣ закатилось солнце, гдѣ туманилась степь, убѣгающая безъ конца; взглянулъ на Татьяну... и вдругъ почувствовалъ, что ему страшно не хочется спорить съ Иваномъ Ѳедотычемъ, что глупъ и ничтоженъ предметъ спора. То настроеніе, которое онъ принесъ съ собою, измѣнилось рѣзко, съ странною легкостью... Сдвинется или не сдвинется «держава»? А, какіе это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что повелительно вторгается въ душу, беспокоитъ и волнуетъ ее на новый ладъ! Гораздо важнѣйшее представлялось Николаю въ красивомъ лицѣ

Татьяны, въ томъ, что надвигается гроза, и такъ грустно поеть соловей, и сладко пахнетъ липа, и широкая даль зоветъ куда-то...

— Я и не говорю, — сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія, — я понимаю, что гуманность противъ насилія, — и добавилъ: — А съ другой стороны, что-жь, Иванъ Ѳедотычъ, вонъ въ газетахъ пишутъ: холера появилась, сколько народу погибнетъ... А за что?

Иванъ Ѳедотычъ не замѣтилъ внезапной уступчивости Николая, — да онъ и не смотрѣлъ на него, — и сказалъ:

— Особое дѣло, душенька. Онъ далъ, онъ и взялъ, буди имя Его благословенно! Мы же по человѣчеству судимъ... Я такъ тебѣ скажу, Николушка: считай ты чужую жизнь выше всего, а свою — ниже всего. Только тогда будешь настоящей человѣкъ. И какъ пораздумашь, дружокъ, что есть смерть... Вотъ шелъ человѣкъ, зазѣвался, упалъ въ яму. И торчалъ кустъ на краю ямы. Ухватился человѣкъ за кустъ, посинѣли руки, вопить неистовымъ голосомъ, зоветъ на помощь. Прибѣжали на голосъ люди, заглянули въ яму, засмѣялись. «Ты бы чѣмъ вопить, — говорятъ человѣку, — подъ ноги себѣ посмотрѣлъ!» Взглянулъ человѣкъ подъ ноги, видитъ — на пядень мѣста твердая земля. И тому человѣку, душенька, сдѣлалось стыдно. Вотъ тебѣ и смерть.

— Съ этимъ-то я совершенно согласенъ, — сказалъ Николай, — собственно говоря, жизнь — копейка, Иванъ Ѳедотычъ, — и, дерзко посмотрѣвъ на Татьяну, съ особеннымъ выраженіемъ добавилъ: — Весь вопросъ въ томъ, лишь бы она зря не прошла, было бы ее чѣмъ помянуть. Нечѣмъ помянуть, такъ это положительное преступленіе!

Татьяна повернулась къ нему... Онъ съ трепетомъ почувствовалъ на себѣ ея пристальный, тусклый, странно съузившійся взглядъ, услышалъ глухой, взволнованный голосъ:

— Всѣмъ можно помянуть... бываетъ и горькое слаще меду. Какъ кому!

— Какъ кому? — повторилъ Николай, не сводя глазъ съ Татьяны. Она покраснѣла и отвернулась.

Иванъ Ѳедотычъ не слушалъ. Онъ сидѣлъ, странно выпрямившись, согнувши колѣни прямымъ угломъ и положивъ на нихъ ладони вытянутыхъ рукъ. Онъ смотрѣлъ и будто ничего не видѣлъ передъ собою, — видѣлъ что-то иное, и прислушивался, казалось, къ чему-то иному... Умиленіе проступало на его морщинистомъ, гладко-выбритомъ лицѣ, старческіе глаза загорались восторгомъ. На водѣ алѣли послѣдніе прощальные лучи, громъ раскатывался ближе. Деревья стояли точно околдованныя, точно прислушивались,

думали, соображали, — до такой неподвижности сгустился воздух, такъ было тихо, такъ все казалось таинственнымъ.

— А не рассказывалъ я тебѣ, душенька, Николай Мартынычъ, о Фаустинѣ Премудромъ? — выговорилъ Иванъ Ѳедотычъ, радостнымъ, растроганнымъ голосомъ. — Вотъ, дружокъ, пріятная исторія!

— Нѣтъ, Иванъ Ѳедотычъ, я не слышалъ, — безучастно отзывался Николай.

Иванъ Ѳедотычъ пронзительно высморчался и началъ:

«Давно это было... въ незапамятные времена. Жилъ мудрецъ, ученѣйшей человекъ, звали его Фаустинъ Премудрый. Съ юныхъ лѣтъ Фаустинъ Премудрый возимѣлъ дерзновеніе къ наукамъ, къ познанію всякихъ тайнъ. Обучился на языки, произошелъ, какъ прозябаютъ былинки въ полѣ, какъ живутъ промежь себя звѣри, какъ растутъ и множится воздушная, водяная и земная тварь. Мало этого, составъ человѣческой разобралъ: чѣмъ бываетъ хворь и отъ чего исцѣляется человекъ; узналъ, какъ жили и какъ живутъ люди... Народы, царства и царей, — все проникъ, все изслѣдовалъ до послѣдней ниточки. И сдѣлался старъ...

«И какъ сдѣлался, душенька, старъ, сказалъ самъ себѣ: что изъ этого, что узналъ я всё дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ? Что мнѣ изъ того, что быліе прозябаютъ такъ-то, а звѣри сопрягаются и плодятся вотъ эдакъ-то? Какая мнѣ прибыль, что знаю, какіе народы, царства и цари были, и прошли, и будутъ? Вотъ мнѣ скучно и я старъ. Къ чему учился? Къ чему загубилъ годы? Все узналъ, все изслѣдовалъ... видно, одного только не узналъ: въ чемъ счастье для человека. Дай узнаю... — и опять зарылся въ книги Фаустинъ Премудрый, сталъ доискиваться, въ чемъ счастье.

«Вотъ, душенька, сидитъ онъ этакъ... — Иванъ Ѳедотычъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ. — Этакъ книги вокругъ него, эдакъ всякая тамъ снасть: коренья выкапывать, составъ человѣческой разнимать, изловлять и разбирать самадѣйшую тварь, живущую подъ солнцемъ... Все - то въ паутинѣ, да въ пыли, да раскидано: одинокій былъ человекъ, ни жены, ни дѣтокъ, какъ перстъ. И сидитъ, склонился надъ книгой и думаетъ... Вотъ, думаетъ, люди сходятся другъ съ дружкой, общаются, бесѣдуютъ, сводятъ дружбу. И въ этомъ обрѣтаютъ веселіе. Вотъ люди обучаютъ людей наукамъ, исцѣляютъ болѣзни, бывають ходатаями въ судахъ, сражаются на войнѣ, торгуютъ, наживаютъ имѣніе... И въ этомъ обрѣтаютъ веселіе. Вотъ люди возгораются плотскою любовью, женятся, плодятся, подростаютъ у нихъ дѣти... великія имъ скор-

би, великія радости отъ дѣтей... И въ этомъ обрѣтають веселіе. Но я, Фаустинъ Премудрый... взвѣсилъ все, чѣмъ веселятся люди, и нѣтъ мнѣ въ этомъ приманки... Въ бесѣдахъ человѣческихъ — глупость, и въ дружбѣ — лесть, въ брачномъ сожитіи — горести, обманъ, вѣроломство, дѣти — наказаніе родителей, въ наукахъ — ложь, въ судахъ — сильный пожираетъ слабого, на войнѣ — звѣрье, пущенное съ цѣпи, въ торговлѣ — суета и дневной грабѣжъ... Чтѣсть есть пріятнѣе смерти, чтѣсть выше счастья — не родиться во вѣкъ? И посмотрѣлъ Фаустинъ Премудрый и съ той, и съ другой стороны на жизнь человѣческую и сказалъ: «Да, воистину счастье есть — смерть!»

«А была, дружокъ Николушка, ночь подъ свѣтлый праздникъ. Ну, всталъ съ мѣста Фаустинъ Премудрый, взялъ хрустальную чашу, налилъ виномъ, насыпалъ яду въ вино, поднялъ въ рукѣ высоко — высоко... Прощай, говоритъ, распостылая жизнь! — и съ этимъ богомерзкимъ словомъ приникъ устами къ чашѣ... Вдругъ слышитъ — загудѣлъ колоколь. Точно кто толкнулъ его подъ руку — выпала чаша, расшиблась въ дребезги. Отошелъ Фаустинъ Премудрый къ окну, распахнулъ окно, видитъ — занимается зорька, звонять къ заутрени, идутъ люди въ храмъ Божій... Палъ Фаустинъ Премудрый на встрѣчу солнышку, заслонился руками, захлпалъ, какъ малый ребенокъ, и восклицаетъ про себя: «Гдѣ мои младыя лѣта? Гдѣ вѣра? Гдѣ простота? Нѣтъ мнѣ радости и въ звонѣ колокольномъ, потому что я искуссился въ познаніи» и впалъ въ великую скорбь и плакалъ»...

— И плакалъ, душенька... — повторилъ Иванъ Федотычъ, понижая голосъ, усиливаясь сдержатъ дрожаніе подбородка. Затѣмъ помолчалъ, оправился, прислушался, что дѣлалось въ темнѣющемъ пространствѣ, и, какъ будто всѣмъ этимъ оставшись доволенъ, продолжалъ:

«Вотъ, душенька, и покинулъ свои книги Фаустинъ Премудрый. Отчаялся. И пошелъ съ учениками разгуляться за городъ. А было это на Святой недѣлѣ. Много народу сбилось на гуляньи. И видитъ Фаустинъ Премудрый, какъ веселятся люди: тамъ хороводы водятъ, тамъ пѣсни играютъ, тамъ пьютъ вино, забавляются съ дѣвками. И всюду переливается радугой жизнь человѣческая. И ходитъ Фаустинъ Премудрый по народу. Народъ сторонится передъ нимъ, шапки скидаютъ, бьютъ поклоны... Тотъ вспоминаетъ, тогда-то, молъ, Фаустинъ Премудрый научилъ меня червей согнать съ хлѣбнаго злака, тотъ — ключа студенаго доискаться въ бесплодномъ полѣ, тотъ — ногу залечить, — бревномъ отравило въ лѣсу. А Пре-

мудрому противно слушать, противно смотрѣть, какъ его величаютъ... Ненавистенъ сдѣлался ему человѣческій родъ, омерзѣла жизнь человѣческая. И вошло въ него зло, другъ Ни́колушка, — искривилъ уста, усмѣхнулся, говорить ученикамъ: «Что слѣдуете за мною? Чего ожидаете отъ моей премудрости? Нѣтъ выше той премудрости—въ веселіи проводить дни, пить, ѣсть и наслаждаться. Вотъ я старъ и знаю все, что свершается въ подлунной, и мнѣ прискорбно жить. Потому что кровь моя остыла, побѣлѣли виски, ввалились глаза, какъ бываетъ у стариковъ. Напрасно ходите за мной, напрасно учитесь: во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь». И спросили ученики: «Какая же печаль и какая скорбь?» Отвѣчаетъ Фаустинъ Премудрый: «Потому что вся истина въ этихъ словахъ: ничего нѣтъ пріятнѣе смерти, нѣтъ выше счастья — не родиться во вѣкъ». И послушались ученики, и отхлынули отъ него, смѣшались съ народомъ, стали пить, ѣсть, забавляться играми. А тѣмъ мѣстомъ, дружокъ Ни́колушка, привязался къ Фаустину Премудрому злой духъ во образѣ чернаго пса. Идетъ Фаустинъ Премудрый вдоль площади — и песъ за нимъ, пришелъ въ свою уединенную келью — и песъ въ келью. И уразумѣлъ Фаустинъ Премудрый, что это злой духъ, заклалъ страшными словами пса, — всталъ передъ нимъ Велиаръ... И сказалъ Велиаръ Премудрому: «Вотъ ты разогналъ учениковъ своихъ на путь игры и смѣха; ты осрамилъ въ ихъ глазахъ всю премудрость свою, — все, чѣмъ жилъ, чего достигъ превозвышеннымъ разумомъ; и ты правильно поступилъ, потому что въ этомъ и состоитъ высшая премудрость. Почему же самъ не послѣдуешь трезвенному слову?» — «Я старъ, — отвѣчаетъ Фаустинъ Премудрый, — виски мои побѣлѣли, кровь остыла, глаза ввалились, какъ бываетъ у стариковъ». И еще сказалъ Велиаръ: «Вотъ ты такъ и этакъ разсмотрѣлъ жизнь человѣческую, нашелъ — ничего нѣтъ пріятнѣе смерти, нѣтъ выше счастья—не родиться во вѣкъ. И это истина. Но ты вкусилъ истину и остался жить, не набралъ дерзновенія выпить яду. Отчего?» Отвѣчаетъ Фаустинъ Премудрый: «Оттого я не набралъ дерзновенія выпить яду—есть во мнѣ что-то крѣпче разума, и ударилъ колоколъ въ церкви, и крѣпкое пробудилось, вытолкнуло чашу съ ядомъ. И я живу теперь, какъ ходячій мертвецъ: противно жить, нѣтъ силы предать себя смерти. Оттого я и учениковъ своихъ разогналъ на путь игры и смѣха, что разумнѣе ждать смерти какъ свинья, нежели влачить дни живымъ покойникомъ». — «Это можно поправить, — говоритъ искуситель. — Войди въ согласіе со мной и будешь младъ, пригожъ лицомъ, пей, ѣшь и наслаждай-

ся жизнью. Буду рабски служить тебѣ, буду преломлять естество въ твою угодю... Всего достигнешь, чего не достигъ; все современное узнаешь, все тайное сдѣлается явнымъ въ твоихъ глазахъ... И будетъ твоя жизнь какъ хмѣльное вино». Вопросы Фаустинъ Премудрый: «Какою же цѣной совершится столь неестественное дѣло?» — «А вотъ какою, — отвѣчаетъ Веліаръ. — Станешь ты жить, и дни и часы твои станутъ протекать, какъ и у всѣхъ живущихъ. Но вотъ вкусишь ты великую радость отъ земной жизни, и покажутся тебѣ день твой и часъ твой коротки, и ты взмолишься Вышнему: продли день мой и часъ мой! И какъ только взмолишься — истреблю тебя и выну духъ твой и овладѣю твоимъ духомъ». Усмѣхнулся Фаустинъ Премудрый, ни слова не сказавъ, взявъ перо, подписалъ договоръ съ Веліаромъ. Ну, душенька, и превратился Фаустинъ Премудрый...»

Иванъ Ѳедотычъ тѣмъ же медленнымъ, глубоко-сочувствующимъ голосомъ сталъ рассказывать дальше, какъ Премудрый тѣшился властью надъ Веліаромъ, «указывалъ ему дѣлать то, другое изъ неестественнаго», какъ «Веліаръ раскрывалъ свои богомерзкія тайны, выворачивалъ сокровенное на изнанку».

«Вотъ сдернетъ покровъ съ добрыхъ дѣлъ, — говорилъ Иванъ Ѳедотычъ съ такою скорбью, какъ будто самъ сдергивалъ этотъ покровъ, — за добрыми дѣлами корысть скрывается, вождѣніе мірской славы, алчность... Вотъ покажетъ измѣнчивость счастья, въ любви — коварство, въ дружбѣ — ненависть, — и съ печальною усмѣшкой произносилъ слова Премудраго: — «Безъ тебя давно знаю это, о, Веліаръ! Ты мнѣ въявь показываешь, — я провидѣлъ разумомъ суету и тлѣнъ здѣшняго міра. Тутъ ничего для меня нѣтъ новаго. Лучше забавляй меня, потѣшай бѣсовскими штуками, пусть играетъ жизнь, какъ молодое вино въ бутылкѣ!» А другой разъ задумается, скажетъ: «Ахъ, скучно, сатана! Чтой-то сколь лѣниво влачатся дни». И Веліаръ бьется, выходитъ изъ себя, лишь бы прельстить Премудраго, понудить къ роковому слову».

Дальше шелъ рассказъ, какъ «по нѣкоторомъ времени встрѣтилъ Фаустинъ юницу, Маргариту Прекрасную. Идетъ Маргарита къ обѣднѣ, о Богѣ думаетъ», и какъ «распалился Фаустинъ Премудрый красотою юницы, ея голубиною невинностью», и сказалъ Веліару: «Вотъ ты бьешься, выходишь изъ себя; изъ-за пустяковъ землю роешь; соврати юницу — и мнѣ будетъ пріятно»:

Исторія этого совращенія, — любовь и несчастье Маргариты, — вызвали необыкновенную жалость въ Иванѣ Ѳедотычѣ; онъ нѣсколько разъ умолкалъ, прерывалъ себя на полусловъ, шумно сморкался.

Но до такой странной восприимчивости жалѣя Маргариту, Иванъ Ѳедотычъ не обнаруживалъ враждебнаго чувства ни къ Фаустину, ни даже къ Веліару. Къ Веліару его отношеніе было сдержанное, строгое; въ Фаустинѣ онъ съ особенною выразительностью выстав- лялъ черту глубокаго разочарованія.

«Прельстили они ее, обморочили, — говорилъ онъ, — возго- рѣлась она любовью къ пригожему господину, отдалась въ его ру- ки... А Веліаръ тому радъ: вотъ, думаетъ, теперь-то онъ взмолит- ся, чтобъ продлился день, теперь-то познаетъ земную радость! Но не такъ вышло... Встрѣчаетъ Веліаръ Фаустина Премудраго, ви- дить: мраченъ изъ лица Фаустинъ, не веселъ. И говоритъ Веліару: «Ахъ, скучно, сатана! нонѣшнее подобно вчерашнему, все то же, да то же, ничего-то нѣтъ новаго подъ солнцемъ... Вотъ чаша съ питьемъ и манить сладостью, а приникнешь устами — какая го- речь!...»

Пока въ «исторіи» не появлялось Маргариты, Татьяна и слу- шала, и не слушала. Она, также какъ и Николай, любила рассказы Ивана Ѳедотыча, любила переплетать съ содержаніемъ этихъ раз- сказовъ свои тайныя мечты и мысли; но теперь то, что говорилъ Иванъ Ѳедотычъ, казалось ей такимъ ненужнымъ... И только со словъ: «по нѣкоторомъ времени встрѣтилъ Фаустинъ юницу» въ ней что-то встрепенулось, она жадно стала слушать. И опять засно- вали нити ея собственныхъ мыслей и мечтаній по «основѣ» раз- сказа, — «исторія» начала переплетаться съ тѣмъ, что она ду- мала о себѣ, о Николаѣ, о томъ, что ей нестерпимо-душно и тоск- ливо, и хочется какого-то неиспытаннаго, невиданнаго счастья...

А Николай все болѣе и болѣе отвлекался безотчетнымъ подъ- момъ, бессознательнымъ сцѣпленіемъ странныхъ мыслей, смут- ныхъ представленій... Переливы тоски и раздраженія, восторга и нѣжности, точно зыбь, когда «вертить» вѣтеръ, то-есть дуетъ не разберешь съ какой стороны, — такіе переливы появлялись и про- падали въ немъ, внушали ему безпокойство. Душа его вяло отзывалась на тѣ важные вопросы жизни, которые двигали «Премудрымъ Фаустиномъ», отъ которыхъ умилялся и плакалъ Иванъ Ѳедотычъ. Съ удивительною остротой впечатлѣній, онъ впитывалъ въ себя все, чѣмъ былъ полонъ этотъ тревожный вечеръ, эта изнемогающая при- рода. Онъ прозрѣвалъ, о чемъ въ такой истомѣ поетъ соловей, че- го заслушалась будто заколдованная липа, что дѣлается въ душѣ Татьяны... то-есть онъ былъ увѣренъ, что знаетъ это, потому что никогда не чувствовалъ за собой такой странной отзывчивости къ

звукамъ, къ движенію, къ свѣту и тѣнямъ, къ тому, что совершалось въ природѣ, что происходило съ Татьяной. Это было какое-то очарованное состояніе, какое-то восхищеніе духа. И то, что онъ подумалъ о Татьянѣ раннею весной, послѣ соблазнительныхъ словъ Агапокла, и что думалъ о ней, когда ему вообще приходилось мечтать о женщинахъ, — не то, что возвратилось къ нему со всѣми подробностями, а возвратилось преобразенное въ какое-то чувство радости и страха, — въ чувство трепетнаго ожиданія. Съ того мгновенія, какъ Татьяна посмотрѣла на него и отвѣтила ему, и покраснѣла подъ его восторженнымъ взглядомъ, Николай зналъ, что *это* непременно должно случиться, и это-то и было «дѣйствительно важное»... И онъ оставался холоденъ къ «исторіи», не понималъ, отчего такъ волнуется Иванъ Федотычъ.

«И говорить Веліаръ Фаустину Премудрому, — продолжалъ Иванъ Федотычъ, ничего не замѣчая вокругъ себя: — горе Маргаритѣ Прекрасной: понесла она отъ тебя ребенка, загаяли, запозорили ее въ деревнѣ, задушила она ребенка; сидитъ теперь въ крѣпкой темницѣ, дожидается казни...» Загорѣлась душа Фаустина Премудраго, говоритъ онъ Веліару: «Надо мнѣ быть въ той крѣпкой темницѣ, надо повидать Маргариту». А было это, душенька, можетъ, за тысячу верстъ отъ того мѣста. Нечего дѣлать, досталъ дьяволъ коней, помчались. И достигли того мѣста, была ночь. Пришли къ темницѣ... пали затворы властью Веліара, заснула стража. И указалъ Веліаръ куда идти, остался за дверями. Спустился Фаустинъ Премудрый въ подземелье, раскрылся передъ нимъ входъ, видитъ — вродѣ погреба казематъ, сочится вода, ползають склизкіе гады... И видитъ — горитъ огонь, брошена на полъ гнилая солома... Остолбенѣлъ Фаустинъ Премудрый, не вѣритъ глазамъ: сидитъ женщина, на рукахъ, на ногахъ цѣпи, баюкаетъ пучокъ соломы, поетъ колыбельную пѣсню тихо, тихо... «О, Маргарита!» — вскрикнулъ Премудрый... И что же, душенька? — улыбнулась Маргарита, приложила палецъ къ устамъ, шепчетъ: «Тихе, о, мой Фаустинъ! спать нашъ младенецъ, а ты его пробудишь». Содрогнулся Фаустинъ Премудрый, точно кто ножомъ полыснулъ его въ сердце. И подошелъ къ Маргаритѣ, палъ ей въ ноги, сталъ лобызать цѣпи, плакалъ — не могъ стерпѣть. А она... А она, — всхлипывая, повторилъ Иванъ Федотычъ, — она, голубка, не удивляется, что вотъ затворы, крѣпкая стража, желѣзныя двери не удержали Фаустина... Будто такъ и надо. Мерещится ей вешнее время, слова его прелестныя, цвѣты-ароматы въ саду, сладостный соловьиный голосъ... вотъ вспомнить

игры дѣвичьи, хороводы, пляски, заведеть любимую свою пѣсню. И бросить вспоминать—баюкаетъ пучокъ соломы, грозитъ Фаустину, чтобъ не пробудилъ... И обратилъ къ ней лицо Фаустинъ Премудрый: гдѣ красота? гдѣ юность? гдѣ тихій разумъ?... И пьетъ несказанную горечь, смотритъ-слушаетъ безумную Маргариту...

«А на утро ей казнь, дружочекъ... И вотъ загорѣлась заря, прибѣжалъ Велиаръ, распахнулъ двери, кричитъ Премудрому: «Что ты дѣлаешь? Занимается бѣлый день, просыпается стража, идутъ палачи... Покинь безумную! Сядемъ на коней, бѣжимъ отсель!» И увидала Маргарита лицо сатаны, вскрикнула страшнымъ голосомъ, пришла въ разумъ. И видитъ—схватилъ сатана Фаустина, тащить къ дверямъ, забыла Маргарита про себя, вспылала жалостью къ Фаустину, вѣспилась въ его одежды, волочится, бьется о каменные плиты, молитъ: «О, Фаустинъ! отгони Велиара, примиришь съ Господомъ Богомъ!» И пьетъ Премудрый горечь страданія, не сводитъ глазъ съ Маргариты... И вотъ, душенька, встревожилась стража, загремѣли затворы, ударили въ колоколъ, подходятъ палачи... И прослезился Фаустинъ Премудрый, поглядѣлъ въ высь, взмолился: «Продли день и часъ... ибо желаю выпить до дна несказанную горечь страданія человѣческаго!»

«И возликовалъ Велиаръ, истребилъ Фаустина, взялъ его душу».

Иванъ Ѳетотычъ отвернулся, всхлипнулъ, торопливо вытеръ залитыя слезами щеки и вдругъ закончилъ крикливымъ, дребезжащимъ отъ необыкновенной радости голосомъ:

— И что-жь ты думаешь?... Тутъ-то и оказалась сладчайшая благодать Божія... посрамилъ Господь сатану, отнявъ у него душу, потому не отъ пустой приманки взмолился Фаустинъ Премудрый Господу Богу, а растворилось его сердце, возсіяла въ немъ искра Божія—любовь... Такъ-тося!

Изъ окна слышались заглушенные рыданія: Татьяна упала на руки, спрятала лицо въ ладони.

— Танюша, а?—тревожно проговорилъ Иванъ Ѳетотычъ,—что ты, что ты, душенька? Вѣдь, это басня... Ну, дружокъ, оправься, возьми себя въ руки... Эка какъ передъ грозой разнимаешь, подумаешь!—Татьяна быстро выпрямилась, провела рукою по лицу и сказала:

— Ужь больно вы жалостливо рассказываете, Иванъ Ѳетотычъ.

И, точно въ подтвержденіе этихъ словъ, печально забормотала липа, заволновалась дружнымъ шорохомъ сирень, наклонился густой кустъ калины. Громъ проворчалъ совсѣмъ недалеко, поднялся

вѣтеръ. Изъ садика еще не было видно, какъ омрачались небеса, надвигались тучи съ угрожающею поспѣшностью, блистала молнія... Все это происходило на другой сторонѣ, къ востоку, за деревней. И тѣмъ было страннѣе смотрѣть и слушать, какъ все затревожилось, заволновалось, какъ, въ отвѣтъ тихо и внятно погасавшей зарѣ, зашумѣлъ барскій садъ, зашаталась вершинами роща въ яру, потускнѣлъ и покрылся мелкою зыбью широкой прудъ, понеслись въ воздухъ цвѣты съ липы, закружились оторванные листья. Дерзко и звонко защелкалъ соловей, качаясь на вѣткѣ калины, — онъ будто обрадовался, что двинулся знойный воздухъ, приблизилась гроза, повѣяло сыростью и прохладой.

Когда Татьяна заплакала, Николай почувствовалъ, какъ что-то до боли натянулось и надрѣло въ его душѣ. Онъ вдругъ замѣтилъ въ себѣ какую-то опрометчивую готовность на самые дикіе и невѣроятные поступки. И испугался этого настроенія, — приподнялся съ травы, насильственно засмѣялся и сказалъ:

— А что я припомнилъ, Иванъ Ѳедотычъ!... Иду я къ вамъ, а поваръ Лукичъ сидитъ на крыльцѣ, хмурый, прехмурый. Что это, Ѳома Лукичъ? А Пароентьевна говоритъ: «Полюбуйтесь, добрые люди, на сокровище: налилъ глаза, спяну съ Иваномъ Ѳедотычемъ поругался; хмѣль-то соскочилъ, сидитъ теперь — кается. А кто виновать? Съ кѣмъ, говоритъ, ты не лаялся въ дворѣ? Бого не поносишь? Погоди ужь, дождешься, всѣ будутъ гнущаться нами...» Или и вправду, Иванъ Ѳедотычъ, онъ тутъ съ вами полемику затѣялъ? — Но то, что сказалъ одинъ съ цѣлью нарушить свое настроеніе, какъ разъ совпало съ настроеніемъ другаго.

Иванъ Ѳедотычъ быстро поднялся съ мѣста и, застыдившись отъ того, что готовился сдѣлать, съ несвойственною ему суетливостью сказалъ:

— Вотъ, вотъ, душенька... такъ я и зналъ... Экая крапива, окій банный листъ!... Напьется — на стѣну лѣзетъ, проспится — казнится. Ты вотъ что, дружокъ, ты останешься чайку попить?... Танюша, изготовь-ка, душенька, самоварчикъ, а я добѣгу... я мигомъ къ нему слетаю... я, вѣдь, его знаю... двадцать лѣтъ знаю! Онъ теперь не заснетъ, ужь знаю!...

И, не дожидаясь, что скажетъ Николай, схвативъ шляпенку, Иванъ Ѳедотычъ поспѣшно пошелъ къ яру. Туча чернымъ, зазубреннымъ краемъ показала изъ-за избы, быстро захватывая прозрачно-золотистый западъ.

Вдругъ Татьяна точно кто толкнулъ. Съ видомъ необыкновеннаго страха она высунулась въ окно и закричала:

— Иванъ Ѳедотычъ, Иванъ Ѳедотычъ, воротись!...—но тотъ не оглянулся.—Воротись же!—съ угрозою повторила Татьяна. Иванъ Ѳедотычъ только махнулъ рукою и прибавилъ шагу. Онъ подумалъ, что Татьяна боится, какъ бы его не замочило дождемъ. Въ вышинѣ бѣглымъ изломомъ вспыхнула молнія, раздался трескъ, запахло гарью. Крупныя капли дождя рѣдко и неровно забарабанили по деревьямъ. Изъ-подъ густыхъ, утрюмо столпившихся тучъ сиротливо свѣтлѣлась полоска чистаго неба. Въ этомъ неувѣренномъ, желтоватомъ свѣтѣ было что-то похожее на кроткую, неизъяснимо-грустную улыбку.

Николай сидѣлъ, потупивъ голову, чувствуя, какъ весь холодѣеть, какъ его сердце мучительно обмираетъ и падаетъ. Вдругъ что-то сильное, сильнѣе его воли, сильнѣе застѣнчивости, овладѣвшей имъ съ ухода Ивана Ѳедотыча, сильнѣе торопливыхъ и безвязныхъ мыслей о томъ, что *это* нечестно, гадко, заставило его поднять глаза на Татьяну. Въ лицѣ Татьяны не было страха, не было печали и недоумѣнія; рѣсницы не закрывали суженныхъ, растерянно усмѣхающихся глазъ. Вся она, до странности, до неузнаваемости, измѣнилась какимъ-то страдальческимъ выраженіемъ счастья.

— Я войду, а?...—безмысленно улыбаясь, пробормоталъ Николай.

Она невнятно шевельнула губами.

Сдѣлалось совсѣмъ темно. Шумъ вѣтра въ барскомъ саду и другой, поглуше, въ роцѣ смѣнился какимъ-то сплошнымъ, кипящимъ шумомъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Яростный вѣтеръ трепалъ мокрыя вѣтви, срывалъ листья, гнулъ до земли кустарники. Гнилуша вздулась, выступила изъ береговъ, неслась стремглавъ, подхватывая плоты, доски, жерди, выворачивая глину и рыхлую землю, унося все это въ Битюкъ. Ослѣпительный блескъ безпрестанно разрывалъ тучи; мгновеніями видно было, какъ онѣ клубились подобно дыму или выставляли свои зазубренные края, или ичались, растрепанные, косматыя, изодранные въ лохмотья. И въ этомъ же зеленоватомъ блескѣ внезапно обозначались деревья, плотина, мосточекъ въ яру, бѣлѣлись постройки, зловѣщимъ свѣтомъ загорались волны на прудѣ. Непрерывно раздавался трескъ, точно что разваливалось, и грохотало, какъ будто что тяжелое катилось по желѣзу, и гремѣло твердымъ, увѣреннымъ, угрожающимъ звукомъ.

— Святъ, святъ Господь Саваоѣ!—шепталъ Иванъ Ѳедо-

тычь, спускаясь чуть не ощупью отъ усадьбы въ яръ,—экая сила, экое могущество... Истинно, что вострепещеть всякая тварь предъ лицомъ Бога!

Иванъ Ѳедотычь не такъ скоро, какъ думалъ, управился съ своимъ дѣломъ. Правда, онъ угадалъ, что Лукичъ не спитъ: по-прежнему, хмурый и сердитый, Лукичъ сидѣлъ на крылечѣ своей кѣлѣти и ворчалъ себѣ подъ носъ. Но, увидавъ Ивана Ѳедотыча, онъ еще болѣе нахмурился, разсердился и сказалъ:

— Это еще чего припелся?... Не видали!

Иванъ Ѳедотычь засмѣялся, сѣлъ около него, тихо проговорилъ:

— Не гнѣвайся, пожалуйста, Ѳома Лукичъ, самъ не знаю какъ съ языка сорвалось.

— Ты все такъ-то,—угрюмо проворчалъ Лукичъ,—ты, Иванъ Ѳедотовъ, всякому норовишь глаза уколоть. Я что сказалъ? Я правду сказалъ. Развѣ не правда, что не пара тебѣ Татьяна?... Такого ли ей мужа надо? Вонъ хуторской прикащикъ болтаетъ, управитель въ сынъ къ тебѣ повадился... А отчего болтаетъ? Оттого, что она тебѣ не пара... А ты лаешься! Видно забылъ: сучецъ въ чужомъ глазу, бревно—въ своемъ.

У Ивана Ѳедотыча тоскливо стѣснилось сердце. Тѣмъ не менѣе, онъ подхватилъ:

— Забылъ, забылъ, душенька... прости ради Христа!

Лукичъ помолчалъ, смыгнувъ носомъ и, не переставая хмурить брови, сказалъ:

— То-то вы, праведники... Тутъ, братъ, не меньше твоего прочитано!—и закричалъ, пріотворивъ кѣлѣть:—Пароентьевна! самоваръ-то не остылъ еще? Вотъ Иванъ Ѳедотовъ пришелъ.

Никакъ нельзя было отказаться и Иванъ, Ѳедотычь вошелъ въ кѣлѣть, посидѣлъ, выпилъ двѣ чашки чаю.

— Праведники! — презрительно бормоталъ Лукичъ, подавляя улыбку. И, желая скрыть отъ жены, зачѣмъ приходилъ Иванъ Ѳедотычь, сказалъ:

— Ишь, выбралъ время! Ѳекла, подай вонъ кивотикъ-то, расклеился... вонъ отъ святителя Митрофана-то... Ишь, нашелъ время! Небось, поспѣлъ бы, не на пожаръ!—и, не подымая глазъ, съ дѣловымъ, брюзгливымъ видомъ, завернулъ расклеившійся кивотикъ и положилъ его передъ Иваномъ Ѳедотычемъ. Ивана Ѳедотыча до такой степени растрогало это поведеніе, такъ умилило, что и Пароентьевна притворялась ничего не понимающей и только украдкой взглядывала на него сіяющими, благодарными глазами, что онъ совершенно забылъ жестокія Лукичевы слова.

Однако, благодаря неожиданной задержкѣ, пришлось возвращаться въ самую грозу. Иванъ Ѳедотычъ напялилъ пальтишко Лукича, — совсѣмъ не по росту, онъ былъ на голову выше повара, — захватилъ подъ мышку кивотикъ, простился. Лукичъ вышелъ было со свѣчкой на крыльцо, но вѣтеръ тотчасъ же задулъ ее.

— Эка, нужно было тащиться! — крикнулъ онъ въ темноту.

Иванъ Ѳедотычъ разсмѣялся про себя. На душѣ онъ все еще чувствовалъ радость. Шагая вдоль флигелей, онъ глядѣлъ, какъ кое-гдѣ свѣтились огоньки, — у Капитона Аверьяныча, у Агея Данилыча, въ застойной, — и прорѣзали мракъ, падали на лужи, на скользкую тропинку, на бѣлый стволъ березы около застойной, — и эти огоньки оживляли радостное чувство Ивана Ѳедотыча, говорили ему, что вездѣ есть люди, жилье, затишье. Но когда онъ спустился въ яръ и бурная темнота стала разступаться передъ нимъ только при мимолетномъ блескѣ молніи, когда надъ его головою съ какимъ-то стонущимъ и ревушимъ шумомъ закачались вершины роци, загрохоталъ громъ, — его радостное чувство тотчасъ же смѣнилось жалкимъ и тоскливымъ чувствомъ одиночества. Онъ забылъ, что примирился съ Лукичемъ, но вспомнилъ его слова: «управителевъ сынъ къ тебѣ повадился», и вспомнилъ, изъ-за чего поссорились. И мысли его опять обратились къ Татьянѣ, и вдругъ что-то засосало у него въ груди, что-то безпокойное имъ овладѣло... Съ живѣйшею ясностью разслышалъ онъ въ шумѣ деревьевъ сильный, раздражительный голосъ Лукича: «Дуракъ, дуракъ, въ твои ли года жениться?...» И когда разслышалъ это, въ его ухахъ точно повторился крикъ Татьяны, когда она увидала Николая, повторился съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ внезапной радости. И будто какая пелена сдернулась съ того, что до сихъ поръ было скрыто отъ Ивана Ѳедотыча, — та пелена, которая заслоняла отъ него душу Татьяны, мѣшала ему понять, отчего неожиданно заплакала Татьяна, отчего такъ смотрѣла, отчего съ такою угрозой крикнула «воротись!» Мельчайшіе случаи, ничтожнѣйшія черточки, въ свое время едва замѣченные Иваномъ Ѳедотычемъ, теперь невольно всплывали въ его памяти, представлялись ему въ какомъ-то страшномъ и волнующемъ значеніи. *Это* началось съ зимы. На святкахъ, вечеромъ, пришелъ Николай, и Татьяна, угадавъ, когда онъ стукнулъ наружною дверью, началъ обивать снѣгъ въ сѣняхъ, странно встревожилась и покраснѣла. Въ другой разъ она украдкой посмотрѣла на Николая и смѣшалась, встрѣтивъ нечаянный взглядъ Ивана Ѳедотыча. И по мѣрѣ того, какъ Иванъ Ѳедотычъ вспоминалъ это, передъ нимъ обнажалось что-то дикое, нелѣпое, несо-

образное съ тѣмъ, что онъ до сихъ поръ думалъ о «Танюшѣ и Николушкѣ», несообразное съ его мыслями о правдѣ, о Богѣ, о любви.

Онъ ускорилъ шаги, побѣждалъ почти рысью, придерживая кивотиѣ подѣ мышкой. И услышалъ, что на встрѣчу ему, съ той стороны яра, тоже бѣжало что-то, стуча по колеблющимся доскамъ мостика, и съ боязливою жадностью впился глазами въ сторону того, что бѣжало невидное въ темномъ, какъ вдругъ вспыхнулъ синій, ослѣпительно яркій свѣтъ. Какой-то человѣкъ едва не столкнулся съ Иваномъ Ѳедотычемъ, взглянулъ—и въ то же мгновение исказилось его молодое лицо, въ глазахъ мелькнуло выраженіе ужаса, стыда, растерянности. «Николушка!»—вскрикнулъ Иванъ Ѳедотычъ. Все потонуло во мракѣ, слышно было, какъ удалялись торопливо шлепающіе шаги. Иванъ Ѳедотычъ охнулъ, схватился за перила. При быстромъ блескѣ молніи долго можно было видѣть безпомощно согнутую фигуру стараго, высокаго человѣка, съ копною растрепанныхъ волосъ на головѣ, въ кургузомъ пальтишкѣ, съ кивотикомъ подѣ мышкой. Онъ точно прислушивался, какъ подѣ мостомъ ревѣла и клокотала разъяренная Гнилуша.

Въ избѣ было темно. Вѣтеръ безпрепятственно врывается въ незатворенное окошко, гремѣлъ коленкоровою занавѣской, вздувалъ ее парусомъ. Косой дождикъ какими-то ожесточенными порывами царапалъ стекла... Стукнула дверь, кто-то медленными и тяжелыми шагами вошелъ въ избу, слышно было, какъ съ одежды стекала вода. За перегородкой раздался невнятный шорохъ. Вошедшій, смыгая грязными сапогами, ощупью, неувѣренно, достигъ перегородки и остановился у входа.

— Танюша-а?—тихо выговорилъ онъ,—ты здѣсь, душенька, а?

Нѣсколько секундъ продолжалось мертвое молчаніе. Тогда слышался старчески - дребезжащій, требовательный, крикливый голосъ:

— Ты вотъ что... вотъ что, Татьяна Емельяновна... ты снажи, правда ли?

Немного спустя изъ темноты отозвался страдальческій шепотъ Татьяны:

— Иванъ Ѳедотычъ, убей ты меня, ради Создателя...

Иванъ Ѳедотычъ постоялъ, повернулся, молча вышелъ изъ избы, подошелъ къ тому мѣсту въ сѣняхъ, гдѣ помѣщалась его кровать, одну минуту усиливался что-то вспомнить, приложилъ руку ко лбу, —надъ бровями сильно лопило, —и, не раздвѣаясь, не снимая грязныхъ сапогъ, легъ навзничь. И, какъ только легъ, опять почувствовалъ, что ему ужасно нужно вспомнить. Но боль надѣ

бровями мѣшала вспоминать, причиняла ему досаду. Вдругъ онъ явственно услышалъ стукъ. Въ стѣну какъ-будто барабанили костяжками пальцевъ. Иванъ Ѳедотычъ поднялся съ кровати, открылъ дверь на улицу, взглянулъ — отъ стѣны отдѣлилось что-то похожее на человѣка. Несмотря на темноту, Иванъ Ѳедотычъ сразу узналъ этого человѣка и спокойно спросилъ: «Что тебѣ, Емельянъ Петровичъ?» Тотъ сдѣлалъ знакъ, какъ бы приглашая слѣдовать за собой, и направился въ поле. Иванъ Ѳедотычъ догналъ его, пошелъ съ нимъ нога въ ногу. Гроза стихла, дождь едва накрапывалъ, изъ-за быстро бѣгущихъ тучъ тамъ и сямъ виднѣлись звѣзды.

Вышли въ поле. Иванъ Ѳедотычъ шагалъ широко, серьезно, заботливо, не обращая ни малѣйшаго вниманія на высокую и мокрую траву, засунувши руки въ рукава, съ опущенными глазами.

— Что, другъ, видно, правда; сказано у Сираха: «Отъ жены начало грѣха и тою умираемъ вси»? — насмѣшливо выговорилъ тотъ.

— Мой грѣхъ, Емельянъ Петровичъ, — отвѣтилъ столяръ.

— Чудакъ ты! Бавой же грѣхъ, коли охотою за тебя шла, съ тебя, стараго, глазъ не сводила, говорила тебѣ прѣлестныя слова?... Помнишь, на Троицынъ день вы въ барскій садъ ходили, ты ей исторію о Русланѣ-Людмигѣ рассказывалъ?

— Помню... — прошепталъ Иванъ Ѳедотычъ.

— Помнишь, говорилъ ей о своей старости, и она засмѣялась, подшутила надъ тобою: нарвала черемухи, кинула тебѣ въ лицо?

Ивану Ѳедотычу сдѣлалось ужасно стыдно и грустно.

— Помню, другъ, — сказалъ онъ, — ты мнѣ этого не напоминай. Тотъ отрывисто засмѣялся.

— А говоришь — грѣхъ! — сказалъ онъ и, помолчавъ, неожиданно добавилъ: — Убить ее надо.

Долго шли молча. Ивана Ѳедотыча все назойливѣе и назойливѣе дразнила мысль убить Татьяну; онъ сталъ дрожать съ головы до ногъ, точно въ лихорадочномъ ознобѣ.

— Возьми ножикъ и зарѣжь; у тебя есть ловкій для этого дѣла, какимъ ты сучья обрѣзаешь, — продолжалъ тотъ. — У ней моя кровь, порченная, безстыдная. Ей теперь удержу не будетъ... Она теперь отвѣдала сладость распутства: повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить... Эге! ты это чего трясешься?

— Бога боюсь, — прошепталъ Иванъ Ѳедотычъ. И, поднявъ глаза, явственно увидалъ «Емельяна», — будто скосоротился, прищурился «Емельянъ», засмѣялся мелкимъ, язвительнымъ смѣшкомъ и сказалъ:

— Ну, ладно, будь по-твоему. Какъ вѣруешь — Богъ всемогущъ?

— Да.

— И всевѣдущъ?

— И всевѣдущъ.

— И безъ Его воли ни одинъ волосокъ не спадеть съ человѣка?

— Ни одинъ не спадеть.

— Ну, значить, по Его волѣ ты и Татьяну зарѣжешь.

Иванъ Ѳедотычъ смѣшался, и, не зная что возразить, сказалъ:

— Держава сдвинется...

— Такъ, такъ. Ты вотъ Николая-то вразумлялъ, а онъ взялъ да надругался надъ тобой, пуще чѣмъ ножомъ тебя зарѣзалъ. — И съ какою-то злобною радостью «Емельянь» сталъ глумиться надъ Иваномъ Ѳедотычемъ, поносить его непристойными словами, давать ему насмѣшливыя прозвища.

— Другъ! вѣдь, держава эдакъ-то сдвинется, — тоскливо прошепталъ Иванъ Ѳедотычъ.

— А ты почему знаешь, можетъ, ей и надо сдвинуться? Кто ты такой, чтобъ услѣдить Господа?

— А, все-таки, я несогласенъ Татьяну убивать, — съ неожиданнымъ упрямствомъ заявилъ Иванъ Ѳедотычъ и прибавилъ шагу, стараясь попадать нога въ ногу съ быстро идущимъ «Емельяномъ». Опять долго не прерывали молчанія.

— А несогласенъ, еще того проще, — заговорилъ «Емельянь» искреннимъ, растроганнымъ голосомъ. — Чего тебѣ зря мучиться? Знаешь Черничкинъ омутъ? Пойдемъ туда... Бинешься съ обрыва, какъ ключъ ко дну, смерть легкая, покойная... Другъ, другъ! ничего нѣтъ пріятнѣе смерти... Ну, какая теперь твоя жизнь? Толи ты супругъ, то ли ты злодѣй Татьянинъ... Что ей остается? Ей остается одно: либо обманывать тебя на каждомъ шагу, либо мышьяку подсыпать... «Надъ дочерію безстудною утверди стражу», сказано. И еще: «не даждь водѣ прохода, ни женѣ лукавѣ дерзновенія». Ахъ, сколь это горько, искренній мой, сколь постыло!... Вѣдь, ей жить хочется, вѣдь, въ головѣ-то у ней молодой хмель играетъ... А ты что? — ты не человѣкъ, ты — бѣльмо на Татьяниномъ глазу. Не будь тебя, глядишь, честно выйдетъ замужъ, обрѣтетъ счастье. Обманывать никого тогда не придется, кровь моя дурная уляжется, бабьи увертки на умъ не взбредутъ... А, другъ?... Да и любопытно же, я тебѣ скажу, умереть! Тутъ два конца: либо ничего не будетъ, либо все сокровенное постигнешъ. Оба конца на выигрышь. А? какъ думаешь?

Иванъ Ѳедотычъ не отвѣтилъ. Онъ заплакалъ; какая-то сладкая грусть имъ овладѣла... Все шло. Стало разсвѣтать. Вѣтеръ дулъ порывами. Косматая туча мчалась разрозненными стадами. Небо все болѣе очищалось. Въ бѣлесоватомъ сумрагѣ уныло начинали выступать окрестности; видно было, какъ вздымались сѣдыми волнами примятыя хлѣба, чернѣли зубчатая вершины лѣса... Совсѣмъ близко, мрачнымъ, свинцовымъ отливомъ, блеснула рѣка, зашумѣлъ камышъ. Изрытые холмы нависли надъ водою.

Это и былъ «Черничинъ омутъ». Иванъ Ѳедотычъ подошелъ къ обрыву, заглянулъ туда. Сердце его тоскливо сжалось, ему сдѣлалось странно этого дикаго и пустыннаго мѣста. Онъ отступилъ, осмотрѣлся... Никого не было. На той сторонѣ рѣки раздался плескъ, стукнуло весло о корму, охрипшій со сна голосъ крикнуть: «Савка, а Савка!... шутъ тебя знаетъ, куда ты ихъ поставилъ... полѣзай въ воду—ничего, тутъ не глыбо... Вотъ, братъ ты мой, кабы полныя вентеря вытащить!» Внезапно точно кто отпустилъ не въ мѣру натянутыя струны въ душѣ Ивана Ѳедотыча. Онъ какъ будто видѣлъ мучительный сонъ и, проснувшись, настолько овладѣлъ сбитымъ съ толку и все еще дремлющимъ сознаниемъ, что понялъ, что это былъ сонъ. Пріятное чувство облегченія разлилось по всему его тѣлу. Но такое чувство не успѣло вызвать въ немъ ни одной соотвѣтствующей мысли, ни одного связаннаго представленія; оно только вспыхнуло, освѣтило тягостную путаницу сознанія и не то что погасло, а тотчасъ же смѣнилось глубокою усталостью. Онъ легъ, гдѣ стоялъ, прямо на мокрую траву, и крѣпко заснулъ.

Горячій блескъ пробудилъ его... Заливы, плесы, омутъ, столь угрюмый ночью, ближніе и дальніе извивы рѣки, поля и степь, обрызганныя росой, удивительно прозрачное небо,—все сверкало на встрѣчу восходящему солнцу. Вѣтерокъ едва тянулъ... Серебристый звонъ жаворонковъ радостными и нѣжными переливами разсыпался въ воздухѣ. Изъ ближняго лѣса доносилось разноголосое щебетанье. Иванъ Ѳедотычъ открылъ глаза, быстро зажмурился отъ сильнаго блеска, потомъ опять взглянулъ... пришелъ въ себя, узналъ мѣсто,— это было верстахъ въ десяти отъ Гарденина, — и пробормоталъ: «Господи, Господи, куда это я попалъ?..» Вдругъ восторженная, дѣтская радость имъ овладѣла. Его душа какъ будто отозвалась согласными тонами на все, что дѣлалось кругомъ него; въ ней точно зашѣло и засверкало, повѣяло бодрою утреннею свѣжестью... Все происшедшее онъ припомнилъ до мельчайшихъ подробностей; но ни одно изъ прежнихъ ощущеній не возвраща-

лось къ нему, прежнія мысли казались несообразными. Все теперь представлялось ему въ иномъ свѣтѣ. Мысли съ какою-то даже то-ропливостью подлаживались къ новому, *утреннему* настроенію Ивана Федотыча, оживляли его бессознательную радость. «Что же это я?... Надо идти,—сказалъ онъ громко.—Танюша теперь не-вѣсть что подумаетъ... Ахъ, ты, горюшечка моя милая!»—и бы-стро зашагалъ по межѣ къ Гарденину.

Окрестности, вчера еще тусклыя и печальныя, истомленныя за-сухой, съ неясною и скучною далью, казались преобращенными. Онѣ точно раздвинулись, сдѣлались шире, просторнѣе, свѣтлѣе; заиграли свѣжими и сочными красками, оживотворились какимъ-то ликующимъ выраженіемъ. Потому что это было послѣ грозы.

ХІІ.

Какъ ждали и какъ встрѣтили холеру въ народѣ и въ застольной.—Николай являетъ изъ себя отиѣтаго человѣка.—Чѣмъ занимается Иванъ Федотычъ.—Татьяна.—Страхъ Агаюла.—Понурал женщина въ черномъ.—Мысли старца, какъ мѣръ.—Убийство.—Смерть „аеенота“.—Стаковой Оома Оомичъ и слѣдственное производство.—Встрѣча.

Бъ Битюку приближалась холера. Какъ всегда передъ какимъ-нибудь дѣйствительно крупнымъ событіемъ, въ народѣ ходили странные слухи, рассказы и легенды. Гдѣ-то упалъ камень на поверхность воды и возмутилъ воду. И около мѣста, гдѣ упалъ, дрогнула ясная поверхность воды, заколыхались въ перебивку сильныя волны и, все уменьшаясь и уменьшаясь, раздробились въ мелкую, едва замѣтную зыбь. Упалъ камень гдѣ-то ужасно далеко, но еще весною въ окрестностяхъ Гарденина можно было примѣтить тихую зыбь слуховъ и ожиданій. Въ половинѣ іюня эта зыбь поднялась, въ концѣ—превратилась въ тревожное и сумрачное волненіе; въ началѣ іюля появились рассказы очевидцевъ, какъ «валомъ валить» народъ въ Царицынѣ, Борисоглѣбскѣ и еще ближе къ Битюку. Погода стояла знойная, сухая, благопріятная для созрѣванія хлѣба. Урожай предвидѣлся изобильный. Тѣмъ не менѣе, даже по внѣшнему виду тѣхъ, для кого урожай больше всего былъ важенъ, чувствовалась бѣда. Въ началѣ покоса еще слышались пѣсни; затѣмъ ихъ смѣнили серьезные разговоры, вздохи, тревожное настроеніе духа. Шутки, смѣхъ, желейки, пляска,—все исчезло. Бое-гдѣ на бабахъ и на дѣвкахъ появились темныя платки. То, что называется «междунарѣемъ»—время отъ первой пахоты до того, какъ начинаютъ косить рожь,—обыкновенно проходитъ весело въ деревнѣ; вмѣсто хороводовъ, конецъ которымъ на Троицу, собирается «улица», отъ вечерней зари до утренней поются пѣсни,

а днем—бабы и дѣвки сидятъ гдѣ-нибудь въ тѣни: шьютъ грубое платье къ страдѣ, сучать «свясла», вяжутъ, чинятъ или копаются въ огородѣ, поливаютъ капусту, выбираютъ «посконь» изъ конопли; мужики отбиваютъ косы, прилаживаютъ къ нимъ грабли, готовятъ телѣги. Все работа легкая, которая дѣлается «спрохвалѣ». Но теперь именно въ «междунарѣ» особенно поднялась зыбь, потому что работа не мѣшала сходиться, говорить, передавать слухи, потолковать съ прохожимъ человѣкомъ, думать о томъ, что неотвратимо надвигалось откуда-то. «Улица» сначала собиралась, пробовали даже затягивать дѣсны, но не доканчивали. Дѣвки жались другъ къ другу, старались держаться потѣснѣе и до зари говорили въ полголоса о томъ, что узнали за день отъ отцовъ, отъ братьевъ, отъ какой-нибудь странницы. А потомъ и совсѣмъ перестали собираться, потому что было жутко. И отъ того ли, что было жутко, или отъ другихъ причинъ, хворали болѣе обыкновеннаго. И хворь приходила странная: внезапно схватить, внезапно отпустить. Иногда случалось, что ужь думали—съ человѣкомъ холера, посылали за попомъ, бѣжали къ знахаркѣ, если была подъ рукою. Однако, проходило нѣсколько часовъ и человѣкъ выздоравливалъ.

Въ усадьбѣ принимались мѣры. Когда появились слухи, что холера недалеко, Мартинъ Лукьянычъ тотчасъ же послалъ телеграмму во Флоренцію, гдѣ въ то время пребывала Татьяна Ивановна. Былъ полученъ отвѣтъ: немедленно купить на двѣсти рублей лѣкарствъ и раздавать бѣднымъ. Какихъ лѣкарствъ—это былъ вопросъ. Управитель снарядилъ Агея Данилыча въ городъ спросить въ аптекѣ и купить. Агей Данилычъ возвратился нагруженный каплями, порошками, микстурами, опіемъ, горчичнымъ и нашатырнымъ спиртомъ. Къ сему аптекарь присовокупилъ наставленіе, какъ употреблять.

Рожь поспѣла, началась уборка; дозрѣвала озимая пшеница. Пшеница родилась несмыханной густоты, такъ что приходилось не косить, а жать ее. Десятаго іюля Мартинъ Лукьянычъ поѣхалъ на базаръ нанимать жнецовъ. Обыкновенно съ базара онъ возвращался поздно и всегда на-веселѣ, потому что съѣзжалось много знакомыхъ—прикащики съ купеческихъ хуторовъ, торговцы, управители,—кончали свои дѣла и шли. На этотъ разъ случилось не такъ. Еще раньше обѣда Николай увидѣлъ быстро подѣзжавшую, взмыленную тройку и блѣдное, безпокойное лицо отца. Онъ испугался, выбѣжалъ на крыльцо, крикнулъ:

— Что съ вами, папенька?

Мартинъ Лукьянычъ, не отвѣчая, вымѣзъ изъ тарантаса, — движенія его были необыкновенно медленны, — вошелъ, не снимая верхней одежды, въ контору, сѣлъ и сказалъ:

— Ну, на базаръ неблагополучно.

— Неужели холера?

— Она. Схватила однодворца изъ Боровой, не прошло часа — померъ.

Агей Данилычъ повернулся на своемъ стулѣ, заложилъ перо за ухо, оправилъ пальцами височки и спокойно проговорилъ:

— Теперь, сударь мой, зачнетъ косить, теперь чернядь держись...

— Что ты толкуешь, Дымкинъ? — сердито проворчалъ Мартинъ Лукьянычъ. — Вонъ въ Борисоглѣбскѣ купцы мрутъ... да еще какіе — первогильдейскіе!

Агей Данилычъ недовѣрчиво ухмыльнулся и опять углубился въ свои бумаги.

— Базаръ-то въ мигъ разбѣжался, — кто куда, — добавилъ Мартинъ Лукьянычъ, потомъ всталъ и пошелъ къ себѣ.

Немного погодя Николай пошелъ за нимъ. Мартинъ Лукьянычъ стоялъ у раствореннаго шкапа и капалъ на сахаръ изъ темнаго пузырька.

— Чтой-то будто покалываетъ, — сказалъ онъ сыну, бросая въ ротъ пропитанный рыжеватую жидкостью сахаръ, и добавилъ, какъ бы оправдываясь: — Все лучше.

Николаю былъ смѣшонъ этотъ страхъ. До него не достигали тревожные слухи о холерѣ въ томъ видѣ и съ тѣмъ трепетно-таинственнымъ выраженіемъ, съ которымъ они ходили въ народѣ. Раза два ему случилось быть въ застольной, когда тамъ разсказывали о холерѣ. Говорили о томъ, что холера — женщина, что она — безъ носа, понурая, въ черномъ, что гдѣ-то было видѣніе: явился старецъ въ алтарѣ, сказалъ попу, чтобы подъ престолъ посадили на ночь отрока, и въ ночи опять явился и сказалъ отроку, что моръ будетъ три полнолунія. Все это до такой степени было глупо и суевѣрно, что не сдѣлало ни малѣйшаго впечатлѣнія на Николая. Но, главнымъ-то образомъ, настроеніе въ застольной совсѣмъ не походило на то настроеніе, въ которомъ находилась деревня. Народъ здѣсь собирался все молодой, — или изъ дворни, или какъ-нибудь иначе оторванный отъ того, чѣмъ жила деревня; у всякаго было свое, изо-дня въ день одинаковое дѣло; были весьма опредѣленные заботы, — и дѣла, и заботы, потому имѣющія великую важность, что либо конюшій, либо управитель считали ихъ важными

и строго взыскивали за малѣйшую неисправность. Тутъ отчасти повторялось то же самое, что и въ полку во время войны: твердо натянутая узда власти какъ бы снимала съ отдѣльныхъ лицъ заботу о завтрашнемъ днѣ, о дѣйствительно важныхъ вопросахъ жизни; внезапная и мучительная смерть, бѣдствие, страданіе, — все это было пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что скажетъ вахмистръ Свириденко, если увидитъ надорванную подпругу у сѣдла, или фельдфебель Горихвостовъ примѣтитъ ржавчину на ружейномъ замкѣ, или Капитонъ Аверьянычъ найдетъ, что плохо вычищена лошадь. Зимой въ застольную заходили коротать вечера семейные, немолодые люди, не такъ зависимые отъ начальства; эти люди могли бы теперь приподнять настроеніе застольной, придать ему болѣе серьезности, вдумчивости, — и болѣе страха, разумѣется, — но лѣтомъ они почти не появлялись въ застольной. Такимъ образомъ, когда Николай оборвалъ разговоръ о видѣніи и сказалъ, что это ерунда и что холера — тоже ерунда, то-есть что она баба, и что если придется умирать, такъ, чортъ ее побери: двухъ смертей не бывать, одной не миновать, — то такое невозможное въ деревнѣ поведеніе встрѣтило въ застольной самое полное сочувствіе, и рассказы о холерѣ живо смѣнились смѣхомъ и шутками.

Гораздо важнѣйшее занимало Николая. Онъ не переставалъ думать, какъ бы повидаться съ Татьяной. Послѣ того, какъ онъ не посмѣлъ дожидаться возвращенія Ивана Федотыча и, все-таки, встрѣтился съ нимъ и понялъ, что тотъ все знаетъ; послѣ того, какъ онъ думалъ, что умреть отъ стыда и отчаянія, позорилъ и срамилъ себя самыми отборными словами, — послѣ того, какъ стихла гроза и часы пробили полночь, онъ бросился въ постель, отлично выспался, съ радостью вскочилъ, когда яркій солнечный лучъ упалъ ему на лицо, съ аппетитомъ наѣлся слобныхъ лепешекъ, напился чаю и на отдохнувшемъ Козачкѣ во всю прыть помчался на хуторъ, и всю дорогу думалъ только о томъ, какъ красива Татьяна, какъ весело блеститъ солнце, блеститъ мокрая трава, колышется освѣженные нивы, звенятъ жаворонки въ синемъ небѣ... какъ весело и пріятно жить. Послѣ, на другой, на третій день, спустя недѣлю, къ нему опять приходили прискорбныя мысли, припадки самообличенія, упреки совѣсти, но... какъ тучки на лазури: покажутся и въ горячихъ солнечныхъ лучахъ растаютъ. Потому что то, что казалась ему счастьемъ, подобно солнцу разгоняло то, что казалось ему зломъ. Онъ зналъ, что теперь ужъ *не можетъ* показаться на глаза Ивану Федотычу, — ну, что же, жалко, да, вѣдь, дѣлать нечего. Мало-по-малу онъ даже такъ подстроилъ

свои мысли, что *не хочет* встрѣчаться съ Иваномъ Ѳедотычемъ: нестерпимо-де видѣть старика, который сознательно губить молодую женщину, мѣшаетъ ей любить кого она захочетъ, мѣшаетъ ихъ счастью. Мало-по-малу Николай, когда ему случалось думать объ Иванѣ Ѳедотычѣ, началъ его называть про себя «Бащею», сталъ питать къ нему что-то вродѣ ненависти. И тѣмъ съ большими зазоромъ, возвратившись въ Гарденино, началъ искать повидаться съ Татьяной. Долго ему не удавалось это. Ближе подходить къ столярной избѣ онъ не рѣшался, а далеко—Татьяна не показывалась. Случалось, онъ по цѣлымъ часамъ слонялся около овчарень и амбаровъ, откуда было видно, что дѣлалось въ садикѣ Ивана Ѳедотыча, но обычная Татьянина повязка не алѣлась между деревьями. Иногда Николай проѣзжалъ верхомъ, стараясь держаться ближе къ столярной избѣ, разгорячалъ Козачка, скручивалъ ему шею по-лебединому, принималъ живописныя позы, но не замѣтилъ, чтобы Татьяна на него глядѣла. Разъ только, когда онъ гарцевалъ во ста саженьяхъ отъ избы, что-то высунулось въ окно, но тотчасъ же и скрылось. Другой разъ, въ садикѣ стоялъ самъ «Бащей» и, приложивъ ладонь къ глазамъ, чтобы лучше рассмотреть, повернулся въ сторону Николая. Николай внезапно побагровѣлъ, ударилъ Козачка, погналъ въ поле, и тамъ добрые четверть часа громко ругалъ Ивана Ѳедотыча, успокоивая тѣмъ себя и оправдывая свое малодушное бѣгство. Воображеніе его раздражалось отъ этихъ неудачъ, мысли начинали принимать фантастическій характеръ. Ему стало приходиться въ голову, что «Бащей» держитъ Татьяну взаперти, на привязи, и бьетъ ее. И это до такой степени овладѣло Николаемъ, что иногда, вечерами, онъ ясно слышалъ, стоя у конторы, болѣзненные стоны на той сторонѣ яра.

Столь возмутительной жестокости никакъ нельзя было стерпѣть. Темнымъ вечеромъ,—это было въ половинѣ іюля, когда во многихъ селахъ по Битюку уже свирѣпствовала холера,—Николай, сжимая пугливо колотившееся сердце, подкрался къ садику Ивана Ѳедотыча, притаился въ густыхъ кустахъ сирени, раздвинулъ листву, взглянулъ въ открытое окно и обмеръ: на верстахъ стоялъ гробъ. Иванъ Ѳедотычъ что-то возился надъ нимъ, не то съ стамеской, не то съ долотомъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ свойственнымъ ему ласково-важнымъ видомъ напѣвалъ: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое...—и пересталъ пѣть, сказавъ:—«Танюшка-а! ты не видала, душенька, аглицкаго буравчика?... Будато дѣлъ и самъ не знаю». Къ верстаку подошла женщина: Николай увидѣлъ ту же и не ту Татьяну; лицо у этой было блѣдное и

худое, какъ послѣ долгой болѣзни, но красивѣе, чѣмъ у той; повязки не было, густыя косы небрежно были свернуты на затылкѣ, въ открытыхъ глазахъ свѣтилось спокойное и строгое выраженіе. Она порылась около верстака, нашла буравчикъ, улыбнулась кончиками губъ и сказала:

— Тутъ онъ и лежалъ, Иванъ Ѳедотычъ, — вы все забываете. — Потомъ спросила, показывая подбородкомъ на гробъ: — третій?

— Третій, дружокъ. Надо будетъ завтра къ Ареюю отвезть. Ты, душенька, не сбѣгаешь утречкомъ на деревню?... Лошаденку бы. Гляди, Арсеній Гомозковъ не откажетъ. Ты бы сбѣгала, а я тѣмъ мѣстомъ крышечку прилажу. Экая, подумаешь, бѣднота есть на свѣтѣ, Танюшка! Ну, что тесина, и цѣна то ей двугривенный, — тесины купить не могутъ, не на что.

Татьяна вздохнула.

— Утромъ добѣгу, — сказала она.

— А подбираетъ, шибко подбираетъ, — проговорилъ Иванъ Ѳедотычъ, — вчерась Ареюю сказывалъ: въ Боровой сорокъ двѣ души Богъ прибралъ... Легкое ли дѣло!

— Избави Господи! — воскликнула Татьяна.

Иванъ Ѳедотычъ ничего на это не замѣтилъ и опять запѣлъ въ полголоса. И немного погода спросилъ:

— Деньжонки-то у насъ водятся, Танюша?

— Три рубля семь гривенъ осталось, Иванъ Ѳедотычъ.

Иванъ Ѳедотычъ съ сожалѣніемъ поцокалъ губами.

— Ахъ, ты горе! Какъ же быть-то, дружокъ?... Охъ, тяжело бѣднотѣ-то, Танюшка!

— Что-жь, Иванъ Ѳедотычъ, сбѣгаю завтра у Пареевны попрошу. Бывало, не отказывала.

— Сходи, сходи, душенька. Завтра, Богъ дастъ, и отвезу. Ареюю Кузьмичъ свою линію ведетъ... Грѣха въ этомъ не вижу: въ горькія времена одно прибѣжище — Господь да святое писаніе... Убѣждать убѣждай, на то и разумъ даденъ, а подсобить, все-таки, надо. Сходи, сходи, дружокъ, къ Пареевнѣ.

Николай возвратился домой въ недоумѣніи. Разобраться въ этомъ недоумѣніи, пристально подумать о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, помѣшало ему то обстоятельство, что завтра Иванъ Ѳедотычъ уѣдетъ въ Боровую и, слѣдовательно, Татьяна останется одна. И онъ всю ночь проворочался съ боку на бокъ, мечталъ о завтрашнемъ днѣ, о свиданіи съ Татьяной.

На другой день, улучивъ часъ, въ который, по его расчетамъ, Иванъ Ѳедотычъ уже долженъ былъ уѣхать, Николай такимъ же

воровскимъ обычаемъ подкрался къ садику, спрятался за кустами и увидѣлъ изъ-за нихъ, что Татьяна дѣйствительно одна. Она сидѣла у раскрытаго окна и, низко наклонившись, что-то пила. Николай собралъ все свое мужество и съ напускною развязностью, съ полу-смущенной, полу-торжествующею улыбкой появился у окна; подъ его ногою хрустнулъ сучекъ... Татьяна быстро подняла голову, вскрикнула и вдругъ ея красивое лицо обезобразилось выраженіемъ ужаса и глубокаго отвращенія. «Уйди, — проговорила она побѣлѣвшими губами, — уйди, постылый!» — «Таня!...» — воскрикнулъ Николай, растерянно протягивая руки. Она вскочила, захлопнула окно, — Николай видѣлъ, какъ тряслись ея нѣжныя, не рабочія руки, — и скрылась. Виѣ себя отъ стыда, отъ столь неожиданно уязвленнаго самолюбія, Николай бросился изъ сада, миновалъ гумно, овчарни и, выбравши пустынное мѣсто за овчарнями, долго ходилъ тамъ торопливыми, разгоряченными шагами, говоря самъ съ собою, безсвязно восклицая, проклиная себя, Ивана Федотыча, Татьяну и женщинъ вообще. О, женщины! всѣ онѣ казались теперь Николаю такъ же «низки, подлы, измѣнчивы и двоедушны», какъ «эта... мерзкая святоша, чортъ, чортъ, чортъ ее побери!»

Съ этого случая Николай почувствовалъ еще большее презрѣніе къ смерти и презрѣніе къ тѣмъ, кто боялся смерти. И почувствовалъ сладостную потребность вездѣ, гдѣ можно, выказывать это, напустилъ на себя отчаянность, удивлялъ конюховъ и прочій народъ своими дерзкими словами и глумленіемъ. Въ глубинѣ души ему хотѣлось, чтобы поняли, что онъ недаромъ сдѣлался такой отпѣтый, что на это есть свои тайныя причины, что онъ носить въ своей груди рану, что у него есть горе куда поважнѣе какой-то холеры. Иногда онъ и дѣлалъ такое впечатлѣніе, особливо на женскій полъ. Обѣ кухарки въ застойной, Марья и Дарья, испытывали къ нему даже какую-то жалостливую нѣжность, пригорюнивались, когда онъ начиналъ извергать «неподобныя слова», провидѣли за этими словами то самое, что ему и хотѣлось, догадывались вслухъ, отъ чего онъ сталъ такимъ отчаяннымъ. Николай отвѣтствовалъ на такія догадки горькою усмѣшкой, многозначительнымъ умолчаніемъ или злобынымъ и презрительнымъ отзвонкомъ «объ ихъ сестрѣ». Что касается молодыхъ конюховъ, они мало старались проникать въ истерзанную Николаеву душу, но его дерзость внушила имъ нѣкоторое уваженіе. Федотка такъ даже прельстился этою дерзостью, что и самъ захотѣлъ явить видъ отпѣтаго человѣка. Случилось, что старшій конюхъ Василій Иванычъ зашелъ во время обѣда въ застойную. И хотя обѣдалъ дома, но соблазнился хоро-

шими щами, взялъ ложку и стал ѣсть. И Ѳедотѣ пришло въ голову сказать, что ежели на томъ свѣтѣ будутъ кормить такими же щами, то, чортъ ее побери, хоть сейчасъ приходи холера. Тогда Василій Иванычъ, ни слова не говоря, размахнулся ложкой и звонко ударилъ Ѳедотку прямо въ лобъ. Вся застольная такъ и застонала отъ дружнаго хохота. А Василій Иванычъ, въ видѣ правоученія, добавилъ: «Неумытое рыло! пристойно ли тебѣ съ управителя сына примѣръ брать? У него-то копыто, а у тебя—клевня, дуракъ!»

Когда стали жать пшеницу, оказалось, что начальства въ Гарденинѣ недостаточно. По полямъ ѣздили и ходили, съ бирками, съ саженьями, съ реестриками въ рукахъ, Николай, староста Ивлій, конторщикъ Агей Данилычъ, старшій ключникъ Дмитрій и, взятый на время, сельскій староста Веденей. Самъ Мартинъ Лубьянычъ раза два въ день объѣзжалъ поля. Тѣмъ не менѣе, этого было недостаточно и Николая послали, чтобъ приказалъ Агаеоклу явиться въ Гарденино. Было воскресенье, когда Николай поѣхалъ на хуторъ. Полдневный жаръ свалилъ, жгучее июльское солнце склонилось къ западу. Табуны уже выгнали въ степь и ворота опустѣлыхъ варковъ стояли отворенныя настешъ. Обогнувши ракиту, Николай увидалъ Агаеокла: онъ сидѣлъ на заваленкѣ босикомъ, распоясанный, съ растегнутымъ воротомъ, и, понурившись въ землю, тяжело сопитъ. И вдругъ поднялъ голову на стукъ подковъ и быстро скользнулъ въ избу. И снова появился уже въ окнѣ. Николай не узналъ его: такъ поблѣднѣли и осунулись его румяныя щеки, такимъ казалось встревоженнымъ его нѣкогда веселое, вѣчно подмигивающее и смѣющееся лицо.

— Аль, холера?—крикнулъ онъ Николаю.—Другъ! Христомъ Богомъ прошу: не подходи ты ко мнѣ, ради Создателя не подходи!

— Бакая, гдѣ холера?—сказалъ удивленный Николай, — что съ тобой, Агаеоклъ Иванычъ?

— Да въ Гарденинѣ.

— Никакой нѣтъ холеры.

— Ой ли? Побожись, милячѣкъ, побожись, желанненькій!

— Право, нѣтъ.

— И на жнитвѣ никто не помиралъ?

— Пока еще никто.

Агаеоклъ нѣсколько успокоился, вышелъ изъ избы, привязалъ Николаеву лошадь.

— Велѣно тебѣ, Агаеоклъ Иванычъ, прїѣзжать на жнитво,—сказалъ Николай.

— Какъ такъ велѣно?—пролепеталъ Агаеоклѣ, опускаясь на заваленку.

Николай пояснилъ и добавилъ:

— Чтобъ завтра же явиться.

Лицо Агаеокла исказилось отчаяніемъ.

— Не поѣду!—закричалъ онъ плачущимъ голоскомъ,—такъ и скажи: не поѣду. Пушай расчитываютъ! Чтой-то въ самомъ дѣлѣ: мнѣ жизнь не надоѣла. Согнали народъ... съ самыхъ заразныхъ мѣстъ. Бъ чему это? Да пусть она пропадетъ, пшеница... Бъ чему? Я и тутъ-то того только и гляжу, чтобы съ заразныхъ мѣстъ какой не проявился, а то, накося, въ самое пекло! Аль у меня двѣ головы?... Не поѣду!

Николаю было и смѣшно, и омерзительно смотрѣть на Агаеокла.

— Какъ же такъ, не поѣдешь,—сказалъ онъ,—какой же ты послѣ этого прикащикъ?

— Другъ! Миколушка!—жалобно заголосилъ Агаеоклѣ,—увольты меня, старика... Соври папашенькѣ, скажи—невозможно отлучиться съ хутора. Соври, анделочекъ! Я не отрекаюсь, я прямо тебѣ говорю: боюсь... Меня съ утра до ночи лихоманка трясеть. Что-жь, я не отрекаюсь.

— Вотъ какой ты трусъ. Уже не говоря о томъ, что это вообще вздоръ—не двадцать разъ умирать!—но холера не заразительна. Это уже доказано.

Николай чувствовалъ, что ему было ужасно жалко Агаеокла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва преодолевая въ себѣ все больше и больше нарастающее отвращеніе къ Агаеоклу, какую-то дикую, необъяснимую злобу. Онъ, на примѣръ, не только тотчасъ бы уѣхалъ, чтобъ не смотрѣть на Агаеокла, но съ живѣйшимъ наслажденіемъ плюнулъ бы ему въ лицо, прибилъ бы его по этимъ противнымъ, женоподобнымъ, трясущимся щекамъ... Но это необъяснимое чувство, все-таки, не срывалось съ какой-то зарубки, и, чтобы оно какъ-нибудь не сорвалось, Николай старался не глядѣть на Агаеокла, старался какъ можно больше разжалобить себя состояніемъ Агаеокла. Это оказалось легче, когда тотъ пересталъ всхлипывать и вытеръ слезы.

— Ну, что же, гдѣ баба-то твоя, Агаеоклѣ Иванычъ? Какая теперь у тебя?—дѣланно-шутливымъ голосомъ спросилъ Николай.

— Что ты, что ты, матушка! Такия ли теперь времена!—воскликнулъ Агаеоклѣ и тоненькимъ, благочестивымъ голоскомъ позвалъ:—Ираида Васильевна, а Ираида Васильевна, поставь-ка, радильница, самоварчикъ.

На этотъ зовъ, крихтя и охая, выльзла изъ кухни древняя, сгорбленная старушка и, съ ведромъ въ рукахъ, пошла къ Битюку за водой.

Однако, за чаемъ Агаеокль мало-по-малу развеселился, и до такой даже степени, что съ бывалою игривостью подмигнуть и сказалъ Николаю:

— Ну, какъ, другъ, твои дѣлишки съ Танюшей? Охъ, вы каверзники, каверзники, Богъ васъ прости!

Но Николай вспыхнулъ, разсердился и грубо отвѣтилъ:

— Чортъ знаетъ что выдумываешь!... Какъ тебѣ не стыдно говорить такія мерзости?

— О, аль не надо? Ну, что-жь, и замолчу, голубенокъ, и замолчу. Я, вѣдь, это такъ, къ слову... А рассказать тебѣ, соколъ мой ясный, какъ я Акулинушку спровадилъ? Ну, то-то умора съ эстими бабочками. Я ее, курочку эдакую, опять возьму, хе, хе, хе... безпремѣнно возьму, какъ только вотъ времена-то лихія пройдутъ. Не сыщешь, Миколушка, другой такой сударки! Чтò умильна, чтò весела...

Вдругъ Агаеокль глянулъ въ степь, поблѣднѣлъ и торопливо отставилъ блюдечко съ чаемъ.

— Что съ тобой, Агаеокль Иванычъ?— вскрикнулъ Николай.

Агаеокль нѣсколько мгновеній молча поводитъ глазами и, наконецъ, прошепталъ:

— Мелькнула... она мелькнула...

— Кто?

— Она... она...— лепеталъ Агаеокль, не осмѣливаясь назвать болѣе опредѣленнымъ именемъ того, что ему померещилось,—тамъ... за ракитой... за ракитой промаячила...

Николай съ нахмуренными бровями поглядѣлъ на ракиту: тамъ никого не было. Онъ только что хотѣлъ крикнуть на Агаеокла: «Да ты съ ума сошелъ, старый чортъ!»—крикнуть тѣмъ сердитѣе, что и самъ почувствовалъ какой-то суевѣрный ужасъ, какъ вдругъ изъ-за кургана показалась понурая женщина, въ черномъ, съ обвязаннымъ до самыхъ глазъ лицомъ, съ котомкой за плечами... По спинѣ Николая проползла холодная струя; Агаеокль въ мгновеніе ока убѣжалъ съ крыльца въ избу и, высунувшись въ окно, изступленнымъ голосомъ закричалъ женщинѣ:

— Не подходи, застрѣлю... провалиться на сѣмъ мѣстѣ, изъ ружья застрѣлю!

Женщина круто остановилась.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ Николай, не подымаясь съ мѣста.

Женщина сдвинула платокъ съ лица, чтобы легче говорить.

Агаѳокль свободно перевелъ дыханіе: на измученномъ, усталомъ и запыленномъ лицѣ видѣлся носъ.

— Гдѣ мнѣ тутъ, батюшки вы мои, на Щучье пройти?

Николай растолковалъ съ особенною подробностью; ему ужъ стало стыдно, что онъ поддался столь нелѣпому страху. Женщина постояла въ нерѣшительности:

— Къ угоднику иду,—сказала она и неожиданно всхлинула,—мужа, дѣтокъ, невѣстусежъ, деверьевъ, всѣхъ Господь прибралъ... ржица осыпалась... убирать было некому. Я изъ Колѣна. Испить бы мнѣ, батюшки вы мои, да хлѣбушка, коли милость ваша будетъ...

— Ахъ ты, такая-сякая,—заревѣлъ изъ окна Агаѳокль,—шляешься изъ самаго заразнаго мѣста, да еще корми тебя. Духу твоего чтобъ здѣсь не пахло! Сейчасъ пристрѣлю, какъ собаку!... Ахъ, Ты, Создатель милостивый... Крикни на нее, Миколушка!... Гони ее, шельму!... Что-жь это такое будетъ? Бережешься, бережешься, а тутъ—на поди!... Управителейъ сынъ, управителейъ сынъ, шатунья проклятая... Онъ тебя сейчасъ въ станъ представить!...

Баба испуганно повернулась и мелкими, кропотливыми шажками потрусилла за курганъ. Николай одно время хотѣлъ было остановить ее, дать ей денегъ, но не рѣшился такъ жестоко обезпозитить Агаѳокла.

— Ну, прощай, Агаѳокль Иванычъ,—сказалъ онъ, быстро подымаясь съ мѣста,—хорошо, я скажу папенькѣ, что тебѣ нелзя быть на жнитвѣ. Куда тебѣ къ чорту!... ты и на хуторѣ-то скоро съ ума сойдешь... За что бабу обидѣлъ?

И, не слушая, что говорилъ ему Агаѳокль, вновь появившійся на крыльцѣ, онъ отвязалъ Бозачка, вскочилъ на сѣдло и крупною рысью погнался за богомолкой. Та шла вдоль стени, также понурившись, тѣми же торопливыми, мелкими шажками. Услыхавъ за собою стукъ копытъ, она какъ-то безпомощно пригнулась, точно ожидая удара, свернула съ дороги и остановилась, и робкими, покорно-боязливими глазами взглянула на подѣзжавшаго Николая. Николай былъ объятъ смущеніемъ; онъ дрожащими руками вынулъ изъ кошелька рублевую бумажку и молча подаль богомолкѣ. Та сначала не поняла, зачѣмъ это, потомъ лицо ее перекошилось, она припала къ рукѣ Николая и глухо зарыдала. Николай почувство-

важь прикосновение шероховатыхъ, истрескавшихся на солнечномъ зноѣ губъ, теплоту слезъ, лившихся на его пальцы, и готовъ былъ самъ заплакать.

— Ну, полно, полно, голубушка... всё умремъ, — сказалъ онъ пресвѣгающимъ голосомъ.

— Родименькій ты мой... — вскригивала женщина, — желанненькій ты мой... Охъ, горько мнѣ!... охъ, дѣточекъ мнѣ моихъ жалко... старшенькій... старшенькій-то... Петю... Пет-ю-шка-то!... пятнадцатый годочекъ... Радость ты моя... друженька ты мой, Архипъ Сергѣичъ... Дѣтушки вы мои... О-охъ...

И она повалилась на выжженную солнцемъ траву. Николай постоялъ, посмотрѣлъ, прикусилъ до крови губы и, пребольно ударивъ Бозачка, помчался назадъ къ гарденинской дорогѣ. Проскакавъ съ полверсты, онъ оглянулся: среди голой степной рывины, озаренной странно-багровыми лучами, попрежнему, чернѣлась крестообразно распластанная богомолка. И эта одинокая черная фигура придавала какое-то особенное выраженіе пустынной окрестности, — такое выраженіе, отъ котораго Николаю стало жутко. И, оглянувшись въ другую сторону, онъ увидалъ Агаеокла, направляющагося на своей пѣгашкѣ, запряженной въ дрожки, осматривать степь. «Вотъ испугается, подлый трусъ, если найдетъ на женщину», — подумалъ Николай и прослѣдилъ глазами за Агаеокломъ, пока тотъ не скрылся въ лощинѣ, въ противоположной сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ все еще лежала богомолка. Въ это время густымъ, протяжнымъ звукомъ загудѣлъ колоколъ въ ближнемъ селѣ, потомъ еще и еще, медленно, мѣрно, печально... Видно было, какъ женщина поднялась съ земли, перекрестилась по тому направленію, гдѣ раздавался похоронный звонъ, подобрала палочку, поправила котомку на спинѣ и, быстро перебирая ногами, точно спѣша куда-то, пошла вдоль степи, на встрѣчу раскаленному западу. Николай вздохнулъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ въ Гарденино.

Мартинъ Лукьянычъ съ несвойственною ему кротостью выслушалъ отъ Николая, что Агаеоклъ совсѣмъ виѣ себя отъ страха и никакъ не можетъ быть на жнитвѣ. Онъ только легонько вздохнулъ.

— Всё подъ Богомъ ходимъ, всё подъ Богомъ ходимъ, — сказалъ онъ и, заложивъ руки за спину, держа въ углу рта дымящуюся папиросу, задумчиво сталъ ходить по комнатѣ.

Вообще онъ часто впадалъ теперь въ задумчивость, почти не кричалъ на рабочихъ, не говоря уже о томъ, чтобы драться, и сталъ гораздо нѣжнѣе и разговорчивѣе съ сыномъ.

— Какъ можно раньше вставай, Николя, — сказалъ онъ, на

мгновеніе останавливаясь среди комнаты,—и если что, Боже сохрани, случится въ полѣ, всячески берегись подъѣзжать къ тому, съ кѣмъ случится, — и еще походилъ и, опять остановившись, сказалъ: —Будешь умываться—укусомъ оботрись... да иноземцевыхъ капель прими. Такъ каждое утро и принимай по пятнадцати капель. Береженаго Богъ бережетъ.

Николай все время молчалъ, приблизивши къ самому окну книгу, чтобы виднѣе было читать: дѣло происходило въ сумерки.

— Что съ Иваномъ Ѳедотычемъ сотворилось?—спросилъ Мартинъ Лукьянычъ. — Положимъ, христіанская черта, но, все-таки, достаточно глупо эдакимъ манеромъ избытка лишаться.

— Что такое, папенька? Я ничего не слыхалъ.

— Да вотъ часа три тому приходилъ ко мнѣ. Купите, говорить, въ экономію и домъ, и землю. Какъ такъ, говорю, Иванъ Ѳедотычъ, лишаешься усадьбы, прекрасной сосновой избы, есть садикъ, огородъ, и ты лишаешься? Стоитъ на одномъ: если де не купите, продамъ на сторону, будетъ ли пріятно господамъ въ случаѣ поселится чужой человекъ? Какой—пріятно! Я, конечно, не доущу до этого, еще найдется шельма—кабакъ откроетъ, станетъ краденое принимать. Но ты - то, говорю, гдѣ жить будешь? А мы, говорить, на квартиру съѣдемъ; гдѣ Господь укажетъ, тамъ и будемъ имѣть уголъ. Прошу покорно! И вижу—очень серьезень, выложилъ довѣренность отъ жены, все какъ слѣдуетъ. Нечего дѣлать, купилъ у него за двѣсти двадцать рублей. Надѣюсь, генеральша не разгнѣвается. Но зачѣмъ продавать? Мнѣ еще прежде говорили, будто онъ ѣздитъ въ заразные села, поставляетъ на свой счетъ гробы, помогаетъ деньгами. Положимъ, христіанская черта, но глупо!... Про тебя спрашивалъ. Что, ты не ходишь, что ль, къ нему? Я, братъ, не запрещаю тебѣ ходить къ такимъ людямъ. Да ты брось книгу, глаза испортишь.

Но Николай давно уже держалъ книгу только для того, чтобы закрывать лицо.

— Какая же, панаша, лѣтомъ ходьба, — отвѣтилъ онъ, — некогда.

— Гм... да, да, вставай, братъ, пораньше. Слѣди, чтобъ жали поаккуратиѣе. Я вчера съ посмотрѣлъ — отвратительно жнуть прекуровскіе однодворцы. Вотъ время - то страшное, а то за эдакое жнитво прямо слѣдуетъ нагайкой анафемовъ лупить. — И, сплехватившись, добавилъ:—но ты всячески остерегайся грубо обращаться съ народомъ. Не такое время. Какъ-нибудь, лишь бы какъ-нибудь.

Зажгли свѣчи, явились начальники, Агей Данилычъ записалъ,

что слѣдовало, въ книги, Мартинъ Лукьянычъ, между прочимъ, спросилъ, не случилось ли «несчастья» въ полѣ или въ деревнѣ, — степенные люди уже избѣгали называть болѣзнь настоящимъ именемъ, — и на докладъ: «пока еще все, слава Богу, благополучно», съ облегченіемъ вздохнулъ и произнесъ: «Ну, слава Богу!» Потомъ всѣ были отпущены съ приказаніемъ, что дѣлать завтра, Мартинъ Лукьянычъ и Николай поужинали и разошлись спать. Были душныя ночи и Николай спалъ съ раскрытымъ огнемъ. Простившись съ отцомъ, онъ потушилъ свѣчку и долго сидѣлъ у окна, безцѣльно смотря въ пространство. Ночь была молчаливая, даже перепела не кричали, слышно было только, какъ гдѣ-то вдали скрипѣли тяжело нагруженные телѣги, да изрѣдка гудѣла на красномъ дворѣ чугунная доска и съ той стороны яра, отъ амбаровъ, доносился протяжный голосъ гуменнаго сторожа: «Пос-ма-а-три-ва-а-ай!» Николаю сдѣлалось нестерпимо грустно. Онъ думалъ о томъ, что теперь уже не будетъ въ Гарденинѣ Ивана Ѳедотыча, — изъ словъ отца ему было ясно, что не одна «христіанская черта» понудила Ивана Ѳедотыча продать домъ, а и нѣчто иное, и, слѣдовательно, продавая домъ, Иванъ Ѳедотычъ хочетъ совсѣмъ уѣхать отсюда. И, думая объ этомъ, Николай чувствовалъ, что ему жалко Ивана Ѳедотыча больше, нежели Татьяну, что если Иванъ Ѳедотычъ уѣдетъ, что - то важное и необходимое исключится изъ гарденинской жизни... «Зачѣмъ онъ меня спрашивалъ? — размышлялъ Николай, — или все добивается за Татьяну поругать? Что - жь, я и самъ себя ругаю. Подлость, подлость и больше ничего! Да нѣтъ, не похоже на него, чтобъ за этимъ спрашивалъ... Зачѣмъ же? Не сходитъ ли къ нему?... Не сходитъ ли?» — повторилъ онъ и тотчасъ же понялъ, что праздно пришло ему въ голову это слово, потому что если бы даже силой стали тащить его къ Ивану Ѳедотычу, то онъ скорѣе бы умеръ, а не пошелъ. И не только самъ не пошелъ бы, но явись передъ нимъ вотъ сейчасъ Иванъ Ѳедотычъ, онъ бросился бы отъ него и побѣжалъ куда глаза глядятъ, лишь бы не говорить съ Иваномъ Ѳедотычемъ, не смотрѣть ему въ глаза. И сталъ думать дальше, по-пробовалъ помечтать о Татьянѣ, о ея красотѣ, о томъ, какъ странно прервался ихъ романъ, о томъ, какъ это горько и оскорбительно, что прервался романъ.

Но какъ ни безотрадны были эти мысли, Николай понималъ, что не отъ нихъ ему такъ нестерпимо грустно. Изъ-за нихъ свозило что-то иное, не въ примѣръ болѣе значительное и тоскливое. Это значительное подымалось изъ глубины его души, какъ подымается вода въ половодье, мѣшало. ему долго останавливаться на одномъ,

точно понуждало, чтобы онъ поскорѣе отставалъ отъ тѣхъ мыслей, которыми былъ занятъ, чтобы не очень волновался ими, потому что на очереди есть что-то очень серьезное, о чемъ предстоитъ пристально подумать. О чемъ же? О томъ ли, что нужно прочесть вотъ это и еще вотъ это, и нужно потолковать съ Косьмой Васильичемъ о такихъ-то вопросахъ? И Николай обо всемъ этомъ пробовалъ размышлять, и прислушивался внутри себя, и какой-то внутренней голосъ подсказывалъ ему, что онъ опять размышляетъ не о самомъ важномъ, потому что съ нѣкоторыхъ поръ это перестало быть самымъ важнымъ въ его жизни. И вдругъ онъ вспомнилъ странно-багровый закатъ въ степи, унылую, выжженную солнцемъ равнину, женщину въ черномъ, торопливо шагающую вдаль... И какъ только вспомнилъ, тотчасъ же понялъ, что это-то и есть самое серьезное, и что оно совсѣмъ недавно возникло въ немъ и вотъ требуетъ къ себѣ вниманія. Въ первый же разъ представилось ему, что не всегда будетъ, какъ теперь, что можетъ умереть отецъ, что легко и неожиданно умрутъ люди, о которыхъ онъ привыкъ думать, что они никогда не умрутъ, что, наконецъ, и самъ онъ перестанетъ думать, чувствовать, двигаться, будетъ лежать въ могилѣ и гнить. Мысли старыя, какъ мѣръ; но Николай въ первый еще разъ подумалъ объ этомъ, — не внѣшнимъ образомъ, какъ ему и прежде случалось думать, а всѣмъ своимъ существомъ, потому что назрѣлъ въ немъ тотъ рядъ впечатлѣній и влiяній, который, какъ почва для растенія, необходимъ для старыхъ, какъ мѣръ, мыслей о жизни и смерти. Было похоже на то, если бы горѣлъ огонь позади стеклянной призмы и все, что освѣщалось этимъ огнемъ, переливало бы фантастическими красками и очертаніями, и вдругъ унесли бы призму... Въ душѣ Николая свершалась именно такая перемѣна того, чѣмъ освѣщается жизнь, перемѣна сознанія. Пологъ не весь былъ отдернутъ, отворотился только край полога, юность еще не кончила свою игру, не закрыла свои чѣмъ-то сказочнымъ дразнящія перспективы, но за всѣмъ этимъ уже вставало что-то суровое, внушающее заботы и безпокойство, внушающее глубокую грусть.

Просидѣвши у окна до того времени, когда часы зашипѣли, закуковали и пробили полночь, Николай уже хотѣлъ было ложиться спать, какъ услышалъ, что къ едва уловимому, равномерному скрипу телегъ присоединился новый звукъ: будто во весь духъ мчалась лошадь по твердой дорогѣ. Николай высунулся въ окно, прислушался... звонкій топотъ приближался къ усадьбѣ. У Николая такъ и упало сердце: «Непремѣнно что-нибудь случилось, — подумалъ онъ, — случутъ на барской лошади». Немного спустя изъ-за

угла конюшни стремительно вылетѣло что-то черное, раздался удушливый лошадиный храпъ, у самаго окна кто-то проворно соскочилъ съ сѣдла, подбѣжалъ къ Николаю и выговорилъ возбужденнымъ голосомъ:

— Это ты, Николай?

Николай узналъ Ларьку.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Бѣда! Буди отца... Агаеокла убили.

— Какъ убили? Бто? За что?

— Убили... Гоню я табунъ мимо Пьянаго лога, а ужь темно. Слышу, будто лошадь ржетъ. Я туда... Агаеоклова пѣгашка стоитъ. По ногамъ спутана, морда прикручена къ оглоблѣ. Гляжу, у задняго колеса чернѣется чтой-то. Я къ колесу... глядъ—Агаеоклъ Иванычъ. Уткнулся лицомъ въ землю, за ноги возжами привязанъ. Кричу: Агаеоклъ Иванычъ! Агаеоклъ Иванычъ!... Молчить. Испужался я—страсть! Бросилъ табунъ, на хуторъ. Взяли фонарь, запрягли телѣгу, глядимъ—зарѣзанъ! Глотка перехвачена—ужасно посмотриѣтъ, брюхо распорото, кровища такъ и стоитъ лужей. Щеки, щеки, Миколушка... — Ларька всхлипнулъ,—всѣ щеки, злодѣй, ножомъ исковырялъ. Нѣтъ лица.

— Господи!... за что же?—пролепеталъ Николай, не попадая зубъ на зубъ: его била лихорадка.

— Не придумаемъ. Нешто изъ-за денегъ? Барскія деньги покойникъ при себѣ держалъ? Но поношаться-то, поношаться-то зачѣмъ?

— А деньги пропали?

— Богъ его знаетъ. Мы и не дотрогивались. Буди отца скорѣй.

Николай разбудилъ Мартина Лукьяныча, зажгли огонь. Ларька былъ позванъ въ комнаты для допроса, полусонная кухарка побѣжала за Банитономъ Аверьянычемъ,—во всѣхъ важныхъ случаяхъ управитель непременно совѣщался съ конюшимъ. Скоро на конномъ дворѣ замелькали фонари, кучеръ Захаръ запрягалъ управительскую тройку, встревоженные люди сходились со всѣхъ сторонъ. Фелицата Никаноровна прислала дѣвчонку Агашку узнать, что случилось, нарочный бѣжалъ въ деревню съ приказомъ старостѣ тотчасъ же нарядить понятыхъ. Мартинъ Лукьянычъ, не дожидаясь разсвѣта, покатылъ къ становому. Въ застольную собрались конюха, наѣздники, кучера,— всѣ, кто только узналъ о страшномъ дѣлѣ и кому можно было отлучиться хоть на полчаса. Въ окнахъ, тамъ и сямъ, засвѣтились огни. Никому не хотѣлось спать, и всѣмъ хотѣлось побыть на народѣ. Самымъ степеннымъ, самымъ самосто-

ятельнымъ людямъ было не по себѣ, было жутко. Николай тоже сидѣлъ въ застойной. Онъ смотрѣлъ на возбужденное, безпрестанно подергивающееся лицо Ларьки, въ десятый разъ рассказывавшаго о томъ, какъ онъ натолкнулся на Агаѳокла; смотрѣлъ, какъ на бѣлыхъ стѣнахъ прихотливо двигались вскосмаченныя головы, нелѣпо огромныя тѣни; слушалъ неописуемыя подробности истязанія, которому подвергся несчастный Агаѳоклъ, — и дрожалъ съ головы до ногъ. Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ тому, что чело-вѣкъ, съ которымъ онъ такъ недавно говорилъ и пилъ чай, лежитъ теперь въ стени и его нужно караулить, потому что онъ — *мертвое тѣло*.

Въ то время, когда Ларька въ одиннадцатый разъ рассказывала объ убійствѣ, и съ новою, только что выдуманною имъ подробностью, что когда онъ подошелъ къ Агаѳоклу, вдругъ что-то взвинуло около тѣла и влуккомъ покатилося въ стень, — фантазія, внослѣдствіи не дешево стоившая Ларькѣ, но за то теперь несказанно усугубившая жуткое настроеніе слушателей, — въ это время вошла въ застойную въ одномъ бѣльѣ, въ своемъ долгополомъ камотовомъ пальто въ накидку Агей Данилычъ. Видъ его былъ угрюмъ болѣе обыкновеннаго. Не проронивъ ни слова, выслушалъ онъ рассказъ, неприятно поморщился и ушелъ; затѣмъ опять воротился и еще послушалъ, что говорили объ убійствѣ. Наконецъ, не выдержавъ, презрительно фыркнулъ и произнесъ своимъ пискливымъ, на этотъ разъ точно сдавленнымъ голосомъ:

— Невѣжество-съ!... Всѣ, сударь мой, поколѣемъ. Что же касательно звѣрства — каждый суть отиѣнный людоѣдъ и звѣрь-съ. Глупости! — и, не давши себѣ труда выслушать дружно поднявшійся ропоть, сердито хлопнулъ дверью и ушелъ.

Николай позвалъ къ себѣ спать Фодотку, — одному было страшно спать. Когда они вышли изъ застойной, небо на востокъ уже бѣлѣло. Огонь свѣтился только въ застойной, да въ комнатѣ Агея Данилыча. Проходя мимо послѣдней, Николай взглянулъ въ окно: на тускло-освѣщенныхъ стеклахъ, завѣшанныхъ изнутри зеленою тафтой, какъ-то странно металась угловатая тѣнь конторщика. Что онъ дѣлалъ, нельзя было разобрать, да, притомъ, Николай, чрезмѣрно поглощенный другимъ, и не подумалъ полюбопытствовать, что онъ дѣлаетъ; но Фодотка не утерпѣлъ, приложилъ ухо къ маленькой скважинѣ въ рамѣ, разсмывалъ, что Агей Данилычъ неровными шагами бѣгаетъ по комнатѣ и шипитъ кому-то:

— Дурачье-съ!... Идіоты-съ!... Прозябать не свѣдуци, какъ предписано тварямъ, а издыхать бояться!... Врешь, сударь мой,

Агей Дымкинъ не побойтся. Изрядно готовъ! Съ отмѣннымъ усердіемъ готовъ окольтъ-съ!... Ты думаешь, унижу себя, взмолюсь? Никакъ, сударь мой, никакъ не взмолюсь! Ошибаешься!... Ничего, ничего-съ... Нарочито станемъ противоборствовать!

Иногда тѣнь пропадала, слышно было, какъ что-то тяжелое падало на скрипящую кровать, слышно было прерывистое, торопливое дыханіе, затѣмъ раздавался шорохъ, будто изо всей силы растирали суконкой или щеткой, и опять вырывалось полузадушенное шипѣніе: «Оши-ба-а-ешься, государь мой... не... испугаюсь! Нарочито... нарочито отвергаю!... А невѣжественныя твари сколь запуганы выдумкой!»

— Николай, чтой-то неладно съ конторщикомъ, — прошепталъ Федотка, — чтой-то страшно!

— Брось, пойдемъ, — презрительно сказалъ Николай, — какого ему чорта дѣлается! — и добавилъ глухимъ голосомъ: — человѣка убили, вотъ что страшно.

Не успѣлъ Николай заснуть, — такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось, — какъ онъ почувствовалъ, что его будятъ. Онъ съ усиленіемъ продралъ глаза, увидалъ, что еще очень рано, и, только что хотѣлъ выругать того, кто будилъ, какъ разсмотрѣлъ, что надъ нимъ наклонилась Фелицата Никаноровна и что-то говорить ему.

— Что такое, что такое? — забормоталъ онъ, вскакивая съ постели и съ испугомъ вглядываясь въ осунувшееся, измученное лицо экономки.

— Вставай, Николушка... Дай ключи отъ лѣкарства. Гдѣ ключи?

— Какъ, что? Зачѣмъ, Фелицата Никаноровна?

— Скорѣй, голубчикъ, Данилычъ захворалъ.

— Господи Боже мой! Что съ нимъ, Фелицата Никаноровна?

Фелицата Никаноровна хотѣла отвѣтить, но, вмѣсто того, губы ея жалобно сморщились и изъ выцвѣтшихъ, глубоко впалыхъ глазъ такъ и брызнули мелкія слезинки. Она отвернулась и проворно утерлась свернутымъ въ комочекъ платкомъ. Николай, уже ни о чемъ не спрашивая, бросился къ шкапу и отомкнулъ его. Фелицата Никаноровна трясущимися руками набрала пузырьковъ, стекляночекъ, бутылокъ и побѣжала. Николай торопливо одѣлся, хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за нею, но вдругъ подумалъ, что теперь все равно, что для всѣхъ, очевидно, наступаетъ одинъ конецъ и, вмѣсто того, чтобы бѣжать за Фелицатой Никаноровной, склонился отяжелѣвшею головой на подушки и крѣпко заснулъ.

Все произошло такимъ образомъ. На восходѣ солнца жена коныха Полуекта, Лукьяниха, проснулась и услышала через пере-

городку тѣ же странные звуки, тѣ же безсвязные и нетвердые шаги и полузадушенное шипѣніе въ комнатѣ Агея Данилыча, которые такъ поразили Ѳедотку. Лукьяниха встревожилась, постучала въ перегородку, спросила, здоровъ ли Агей Данилычъ. Въ отвѣтъ послышался глухой, точно изъ подземелья выходившій голосъ: «Ого-лѣ-вать надо-съ!» Лукьяниха бросилась къ дверямъ Агея Данилыча, — ей еще и въ голову не приходило, что это — холера. Двери были заперты изнутри. «Отворите, Агей Данилычъ, это я!» — крикнула она. Долго продолжалось молчаніе; наконецъ, что-то болѣзненно простонало и тотъ же странно-беззвучный голосъ, ни мало не похожій на раздражительно-отчетливый пискъ Агея Данилыча, произнесъ: «Холера, холера-съ... Непристойно видѣть женскому полу». Лукьяниха такъ и отшатнулась отъ дверей. Въ это самое время изъ управительскаго флигеля вышелъ Ѳедотка, поспѣвая къ своей должности. Узнавъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же заразившись неописаннымъ страхомъ, онъ побѣжалъ къ Капитону Аверьянычу.

Спустя десять минутъ тотъ же Ѳедотка, засучивъ по локоть рукава, изо всѣхъ силъ растиралъ Агея Данилыча щетками; сестры Лукьянихи лили кипятокъ въ бутылки; сама Лукьяниха готовила горчичники, безпрестанно отрываясь, чтобы поднести чашку съ водой къ запекшимся, вдавленнымъ, испускающимъ холодное дыханіе губамъ больнаго. А Капитонъ Аверьянычъ сидѣлъ у изголовья, опираясь на свой суковатый костыль, и, мрачно свинувши брови, говорилъ притворно-насмѣшливымъ голосомъ:

— Что, фармазонъ, попался? Батай, катая его, Ѳедотка!... по животу-то!... Икры, икры-то ловчѣй раздѣлывай. Дѣвки, кипятокъ проворнѣе... Это тебѣ, аексту, не зубы скалить!

Видъ Агея Данилыча былъ ужасенъ. Когда мучительныя судороги отпускали его и лицо переставало искажаться ощущеніемъ нестерпимой боли, онъ становился похожимъ на трупъ. Тѣмъ же менѣе, сознаніе не потухало. На слова Капитона Аверьяныча долго спустя послѣдовалъ шипящій шепотъ: «Изрядно прожилъ, сударь мой». Послѣ этого Агей Данилычъ еще что-то сказалъ, но Капитонъ Аверьянычъ не разслышалъ и наклонилъ ухо къ самому лицу больнаго, чтобы лучше разслышать. Тогда Агей Данилычъ сдѣлалъ необыкновенное усиліе. Мертвое лицо дрогнуло, губы шевельнулись, послышался деревянный, туцой, точно сломанный звукъ: «Невѣжество-съ... Нарочито утверждаю, что ничего не будетъ-съ... Баснями дурачитесь, сударь мой!» — и вслѣдъ за этими словами въ его глазахъ мелькнуло что-то вродѣ прежняго язвительнаго выраженія. Капитонъ Аверьянычъ круто отвернулся, нервически скрип-

нугъ зубами и измѣнившимся, жалобно зазвенѣвшимъ голосомъ бркнулъ:

— Лукьяника, проворнѣй клади горчичники!

Тѣло больного замѣтно холодѣло, пульсъ ослабѣвалъ, черты лица все болѣе и болѣе распадались. Онъ лежалъ, какъ пласть, устремивъ глаза куда-то въ пространство... Изъ его губъ вырывалось теперь только одно слово: «Пить, пить...» Одно время Бапитонъ Аверьянычъ увидалъ, что глаза его совсѣмъ смежаются, схватилъ его за руки и не ощутилъ пульса, и только что хотѣлъ сказать: «Померъ», какъ вдругъ вѣки Агея Данилыча приподнялись, въ глазахъ пробѣжало что-то живое и одинокая слезинка повисла на рѣсницѣ. «Фе... Фе... Фелицатушка...» — произнесъ онъ съ неожиданною ясностью. Бапитонъ Аверьянычъ оглянулся: въ дверяхъ, съ пузырьками, со стекляночками въ рукахъ, стояла Фелицата Никаноровна. Она смотрѣла на Агея Данилыча; ея крошечное личико, покрытое безчисленными морщинками, смѣшно и жалко собралось въ кулачокъ, увядшія губы затряслись... Еще мгновение, и она, казалось, вся превратится въ живое олицетвореніе отчаянія... Но, какимъ-то непонятнымъ усиленіемъ воли, она точно озарилась ласковою и нѣжною улыбкой, съ заботливымъ видомъ подошла къ столу, выложила пузырьки и бутылки, и затѣмъ уже опустилась на колѣни, стала гладить холодныя руки Агея Данилыча, цѣловать его ужасное лицо. Къ лѣкарствамъ никто не дотронулся; перестали растирать, ставить горчичники, класть горячія бутылки; всѣ понимали, что сейчасъ паступить смерть.

— Старый безстыдникъ, — притворно-ворчливымъ голосомъ говорила Фелицата Никаноровна, — можно ли такъ скрыватьсь?... Вѣдь, тебя съ самаго вечера схватывало... Какъ жилъ сиротою, такъ и помирать собрался сиротою... — и вдругъ сухія рыданія вырвались у ней.

Въ глазахъ больного опять что-то засвѣтилось, другая слезинка показалась на рѣсницѣ, онъ пошевелилъ губами. Фелицата Никаноровна жадно вслушивалась.

— Не слышу, Агеюшко. Скажи еще... что? — спросила она.

— Пи-ить... — произнесъ Агей Данилычъ, — душно... горить...

Ему дали воды.

— Агеюшко! голубчикъ ты мой ненаглядный, — заговорила Фелицата Никаноровна, съ робкою и молящею нѣжностью заглядывая ему въ глаза, — послушай меня, старуху. Ради прежняго времячка, послушай. Слышишь, родненькій?... Вотъ отецъ Григорій сейчасъ прійдетъ... прими ты его!... отойди съ благодатью!... Здѣсь

не привелось, пошлетъ Господь милостивый, тамъ встрѣтима... А, Агеюшко?

Опять шевельнулись губы «аеиста». Но никто не разслышалъ его словъ. И онъ понялъ это, задвигалъ пальцами, провелъ ими по рукѣ Фелицаты Никаноровны, какъ будто хотѣлъ погладить, и внятно, такъ что на этотъ разъ всѣ слышали, произнесъ: «Отчетъ-съ... юльскій отчетъ провѣрить... въ балансѣ изрядная... ошибка!...» — и съ необыкновеннымъ выраженіемъ тоски добавилъ: — «Пить...» Но когда поднесли воду, губы его не раскрылись; лицо исказилось мелкими судорогами, дрогнули руки, быстро согнулось колѣно на правой ногѣ, взглядъ сдѣлался стекляннымъ... Всѣ разомъ вздохнули и перекрестились.

Дѣло объ убійствѣ Агаѳокла велось съ удивительною рѣшительностью. На другой день послѣ убійства уже вскрыли «мертвое тѣло», и становой Тома Томичъ допросилъ конюховъ. Ларька сгоряча и ему показала, что около убитаго что-то взвизгнуло и покатилося въ степь. Потомъ струсилъ и сказалъ, что это онъ выдумалъ. Томъ Томичу представилось подозрительнымъ такое поведеніе Ларьки; онъ затопалъ на него, закричалъ, ударилъ кулакомъ по щежѣ и приказалъ заковать и отвезти въ станъ. Тѣмъ не менѣе, являлась загадочная черта въ убійствѣ: въ одеждѣ Агаѳокла барскихъ денегъ нашлось именно столько, сколько и должно было быть: сорокъ два рубля съ мелочью. Кроме того, въ особомъ пакетцѣ оказались завернутыми новый, огненно-желтаго цвѣта, платокъ, — очевидно, приготовленный покойникомъ для подарка, — и двѣ ветхія трехрублевья бумажки. Такимъ образомъ, убійство было совершенно не съ цѣлью отнять деньги.

Ларька сидѣлъ не болѣе двухъ дней, на третій день его выпустили. На пятый день Тома Томичъ прислалъ съ десятскимъ писемцо Мартину Лукьянычу, въ которомъ извѣщалъ, что предварительное дознаніе закончено и препровождается къ судебному слѣдователю, что пусть Мартинъ Лукьянычъ пришлетъ получить деньги и выдать росписку.

— Что же, убійца-то найденъ?—спросилъ Мартинъ Лукьянычъ десятскаго.

— Надо быть найденъ, ваше благородіе, — отвѣтилъ десятскій, учащенно моргая и вытягиваясь; это былъ плюгавенькій мужичекъ въ сѣромъ армякѣ и въ лаптишкахъ, съ выраженіемъ необыкновенной тупости и испуга на лицѣ.

— Кто же такой?

- Не могу знать, ваше благородіе.
- Какъ же ты не знаешь? Какой же ты десятскій послѣ этого?
- Мы состоимъ при ихъ благородіи.
- Что же ты дѣлаешь?
- Сапожки чистимъ, самовары, въ кучерахъ-съ, барышнямъ

ащипцы накаливаемъ.

Мартинъ Лукьянычъ обратился къ Николаю:

— Шестъ дочерей у Ѳомы Ѳомича,—пояснилъ онъ.

Десятскій вздохнулъ.

Мартинъ Лукьянычъ отослалъ его и сталъ дочитывать письмо; въ концѣ было слѣдующее загадочное мѣсто: «... Изъ дѣла выяснилось, добрѣйшій, что передъ тѣмъ, какъ выѣхать въ степь, оный Агаюкль Ивановъ пилъ чай и имѣлъ разговоръ съ вашимъ сыномъ. Для вѣщаго дознанія, надо бы по-настоящему привлечь къ оной процедурѣ и сына вашего въ качествѣ чрезмѣрно важнаго свидѣтеля, но г-нъ становой приставъ, памятуя вашу всегдашнюю благосклонность, сего избѣгъ и даже строжайше приказали другимъ свидѣтелямъ молчать, а потому надѣются, что и вы, достойнѣйшій, поспѣшите съ своей стороны немедля прислать для полученія денегъ и на предметъ выдачи г-ну становому приставу узаконенной росписки». Впрочемъ, для Мартина Лукьяныча тутъ ничего не было загадочнаго; прочитавши вслухъ это мѣсто, онъ шумно вздохнулъ, поскребъ затылокъ, прошепталъ: «Ахъ, народецъ, чортъ бы васъ подрагъ!»—и сказалъ Николаю:

— Напишу тебѣ довѣренность, съѣзди къ становому. Бстати, узнаешь кто убійца: я увѣренъ, покойникъ изъ-за бабъ пострадалъ,—и съ грустью добавилъ:—Вотъ ты все не чувствуешь, Никола: черезъ тебя приходится сорокъ два пѣльковыхъ въ печку бросить... А почему? Потому что ты мой сынъ. Ты тамъ съ Агаюкломъ какіе-то разговоры разговаривалъ, а я плати.

— Но зачѣмъ же, папенька, платить? Самъ же онъ пишетъ, чтобы прислали за деньгами.

— Мало ли что онъ пишетъ! Да, во-первыхъ, и не самъ: развѣ не видишь?—не его рука и не подписано... Не безпокойся, не дуракъ. Прямо, чтобы тебя не допрашивать, желаетъ прикарманить сорокъ два рубля. Извѣстная анаеема.

Это было утромъ. Николай очень скоро доѣхалъ на своемъ Козачкѣ до базарнаго села Х., гдѣ имѣлъ резиденцію Ѳома Ѳомичъ. Первый появившійся мужикъ указалъ Николаю домикъ становаго. Николай не только не зналъ его квартиры, но ему не случилось видѣть и самого Ѳому Ѳомича: становой заѣзжалъ въ Гарденино весь

ма рѣдко, а за послѣдній годъ ни разу не заѣзжалъ. Приблизившись къ дому, Николай увидалъ, что въ пять или шесть оконъ, выходящихъ на улицу, разомъ высунулись и съ дружнымъ взвизгиваніемъ опять исчезли молодыя дѣвицы. Всѣ были прехорошенькія, пухленькія, розовенькія, въ папильоткахъ, въ бѣлыхъ ночныхъ кофточкахъ, — только одна въ чемъ-то темненькомъ. Несмотря на новыя серьезныя мысли и впечатлѣнія, Николай пріосанился, погладилъ усики, искоса посмотрѣлъ на окна: изъ-за кисейныхъ занавѣсокъ, изъ-за горшковъ съ геранью и восковымъ плющемъ, свѣтились смѣющіеся, жадно любопытствующіе глаза. Николай привязалъ лошадь, вошелъ въ чистенькую, недавно выкрашенную переднюю и громко спросилъ:

— Дома господинъ становой приставъ?

За дверями послышался шумъ, точно отъ безчисленнаго множества накрамеленныхъ юбокъ, затѣмъ какая-то возня, взвизги, задушаемый смѣхъ, шепотъ; наконецъ, дверь быстро распахнулась и на порогъ въ свѣтленькое, тоже недавно выкрашенное зальце появилась густо-румяная, хорошенькая дѣвушка, съ бойкими сѣрыми глазками, съ толстою свѣтло-русою косой ниже пояса, въ коричневомъ платицѣ и въ черномъ передничкѣ.

— Вамъ отца нужно? Онъ въ кабинетѣ, — сказала она, стараясь быть серьезной.

Гдѣ-то послышался топотъ множества ногъ, звонкій хохотъ. Дѣвушка нахмурилась, прикусила губы и строго взглянула на Николая. Николай сдѣлался малиновымъ.

— Точно такъ-съ, — сказалъ онъ, — я сынъ гарденинскаго управляющаго... Рахманный-съ.

— Вѣра Турчанинова, — выговорила она съ необыкновенною серьезностью и крѣпко, по-мужски, потрясла Николаю руку. — Идите, я провожу васъ.

«Какая прелестная особа!» — думалъ Николай, слѣдуя за Вѣрой и съ восхищеніемъ всматриваясь, какъ граціозно колеблется ея тонкій станъ, какъ густая коса красиво отбѣиваетъ бѣленькую, точно выточенную шейку. Она бѣгича была еще въ халатѣ. Онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ передъ столомъ, прихлебывалъ чай, курилъ изъ длиннѣйшаго чубука трубку и внимательно просматривалъ какія-то бумаги. Это былъ тучный, большаго роста человѣкъ, на взглядъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣрыми волосами и приглаженными височками на круглой, огромной головѣ, съ расплывшимся геморроидальнаго цвѣта лицомъ, съ живыми, пронзательными глазами.

— Мосье Рахманный, — объявила Вѣра, вводя Николая въ кабинетъ.

Ома Омичъ сдѣлалъ видъ, что чрезвычайно обрадовался; потомъ сдѣлалъ видъ, что вотъ сейчасъ вскочить съ мѣста, бросить трубку и обѣими руками потрясетъ руку Николая; но ничего этого, однако, не произошло и онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Приятно, приятно, добрыйшій. Съ вашимъ родителемъ вотъ уже лѣтъ двадцать знаемся. Хотя и рѣдко вижу, но безъ лести скажу: достойныйшій человекъ. Прошу покорно, — и онъ сдѣлалъ видъ, что подвигаетъ стулъ для Николая. — Вѣруся, пришли намъ чаю.

Николай, какъ только увидалъ Ому Омича и особливо его радость и радушіе, такъ сразу же и расстался съ тѣмъ представленіемъ о грязномъ и грубомъ взяточникѣ, которое составилъ прежде. Онъ сразу почувствовалъ, что ему въ высшей степени приятно и легко въ присутствіи этого благодушнаго толстяка, и съ удовольствіемъ подумалъ: какъ это хорошо, что у такой прелестной дѣвушки такой, повидимому, беззавѣтный добрякъ отецъ.

Ома Омичъ, посасывая трубку и благодушно улыбаясь, началъ съ необыкновенною подробностью разспрашивать Николая: сколько десятинъ земли у Гардениныхъ и въ какихъ мѣстахъ, много ли они получаютъ дохода со всѣхъ имѣній, велико ли жалованье Мартина Лукьяныча, получаетъ ли онъ содержаніе, подарки и тому подобное. А когда обо всемъ разспросилъ, глубоко вздохнулъ, выпустилъ густое облако дыма и, какъ будто объятый внезапною меланхоліей, сказалъ:

— Да, добрыйшій, вамъ съ папашенькой не въ примѣръ лучше нашего брата. Отвѣтственность, строгость, неусыпные труды, а велико ли жалованье, спрошу васъ? Вотъ Вѣрусю въ гимназію опредѣлилъ, развивается, преуспѣваетъ, — но что это стоитъ? Тамъ экипировка, тамъ книжки, квартира, тамъ удовольствіе какое-нибудь — театръ, конфетки. Нельзя же!

— О, разумѣется, нельзя! — съ величайшею готовностью согласился Николай.

— Ась? А ихъ еще у меня пять штукекъ, добрыйшій. Покорно прошу тянуться! Положимъ, двѣ въ благородномъ институтѣ на счетъ дворянства воспитываются... Но откуда взять? — Ома Омичъ вздохнулъ еще глубже и проницательно посмотрѣлъ на Николая. Тотъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ; ему такъ и хотѣлось крикнуть: «Ома Омичъ! папенька приказали денегъ отъ васъ не брать», — но онъ не смѣлъ этого сдѣлать, боялся оскорбить Ому Омича, и только втайнѣ наслаждался возможностью оставить деньги въ рас-

пораженіи отца Вѣруси, наслаждался мыслью, что, можетъ быть, именно эти сорокъ два рубля пойдутъ на удовольствіе «прелестной дѣвушки». Ома Омичъ помолчалъ, досталъ ключикъ, не слыша отомкнулъ столъ и, вынимая оттуда пачку кредитокъ, съ грустью и съ официальнымъ выраженіемъ спросилъ:

— Вы уполномочены получить, молодой человекъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, — быстро выговорялъ Николай, — папаша приказали кланяться и благодарить. Позвольте написать росписку.

Ома Омичъ бросилъ назадъ деньги, проворно повернулъ ключъ и, съ повеселѣвшимъ лицомъ, подвинулъ Николаю четвертушку бумаги. «Отсюда, добрыйшій, — говорилъ онъ, указывая жирнымъ пальцемъ гдѣ писать, — такого-то года, мѣсяца и числа...» — Передайте папашенькѣ — очень чувствую. — «По довѣренности родителя моего, мценскаго мѣщанина...» — Дѣло пустяковое, но, во всякомъ случаѣ, очень неприятное. — «Мценскаго мѣщанина Мартина Лукьянова Рахманнаго...» — Другой бы и съ той, и съ этой стороны придрался, но я, добрыйшій, не изъ такихъ... Ну, теперь, пишите...

Николай написалъ росписку и, не подымая глазъ на Ому Омича, сказалъ:

— Какое ужасное происшествіе, Ома Омичъ! Но кто же убійца, позвольте узнать?

— Ась? Возмусь теперь съ однимъ мерзавцемъ. Отпирается, прикинулся дурачкомъ, но, надѣюсь, не на того попалъ. А позвольте, добрыйшій, полюбопытствовать, такъ; между нами, — вы тамъ слышите, наблюдаете, эдакъ въ разговоръ какъ-нибудь, — не имѣете подозрѣнія на кого-нибудь?

— Нѣтъ, Ома Омичъ, рѣшительно не догадываюсь.

— Гм... конечно, конечно, трудно догадаться. Ну, а позвольте полюбопытствовать, такъ, между нами, какой вы имѣли разговоръ съ Агаеокломъ? Не высказывалъ ли онъ, что замышляютъ на его жизнь?

Въ голосѣ и въ обращеніи Омы Омича Николаю почудилась какая-то неприятная переменна, тѣмъ не менѣе, онъ рассказалъ, что зналъ. Тогда Ома Омичъ спросилъ, почему Агаеокла Иванова звали «козломъ» и съ какими именно бабами онъ водился. Николай и на это далъ подробныя объясненія.

— Гм... Вамъ желательно знать, кто обвиняется въ убійствѣ? — Ома Омичъ заглянулъ однимъ глазомъ въ развернутыя передъ нимъ бумаги. — Государственный крестьянинъ села Боровой, Бири-ла Ферапонтовъ Косыхъ.

Николай такъ и привскочилъ на мѣстѣ: «Биришка!» — крикнулъ онъ. Ома Омичъ круто повернулся въ своемъ глубокомъ креслѣ

и пристальными, острыми, внезапно потерявшими добродушное выражение глазами взглянул на Николая. «Знаете?» — сказалъ онъ. — Позвольте полюбопытствовать, добрыйшій?

— Но онъ уже уличенъ, Ома Омичъ? — спросилъ Николай, начиная испытывать какую-то робость въ присутствіи Омы Омича.

— Ась? Вполнѣ. Расскажите-ка, достойныйшій!

Николай рассказалъ, какъ Киришка, ни съ того, ни съ сего, угрожалъ Агаеоклу и вообще постарался описать свое странное, врѣзавшееся ему въ память впечатлѣніе отъ Киришкиныхъ словъ и отъ выраженія его глазъ и лица. Ома Омичъ о чемъ-то подумалъ, побарабанилъ пальцами.

— Ну, добрыйшій... — началъ было онъ и вдругъ спросилъ: — А не случилось вамъ эдакъ примѣтить, чтобъ Агаеоклъ Ивановъ о вѣрѣ толковалъ... ну, о разныхъ тамъ божественныхъ предметахъ? Не случилось встрѣчать у него — тоже изъ боровскихъ однодворцевъ — Арею Сукновала?

— Никакъ вѣтъ-съ, — съ внутреннимъ трепетомъ солгалъ Николай и подумалъ, что правдоподобно будетъ спросить: — «А изъ какихъ онъ?» — и спросилъ.

— Ась? Изъ однодворцевъ, добрыйшій, изъ однодворцевъ, — сухо отвѣтствовалъ Ома Омичъ и, приподнявши свое грузное тѣло, безцеремонно скинулъ халатъ, началъ облекаться въ затасканный вицъ-мундиръ.

Николай все болѣе и болѣе робѣлъ, нетерпѣливо вертѣлся на мѣстѣ и, наконецъ, всталъ.

— Позвольте проститься, Ома Омичъ, — сказалъ онъ.

— Ась? Извольте подождать: имѣю маленькое дѣльце.

Въ это время дверь опять отворилась и вкрадчивый голосокъ позвалъ:

— Подите сюда, папаша...

Ома Омичъ безпрекословно вышелъ изъ кабинета. Николай тоскливо поглядѣлъ по сторонамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ома Омичъ приказалъ ему остаться, невѣжливо заставилъ повторить два раза однѣ и тѣ же слова и, особенно, подать отвратительный, засморканный платокъ, Николай окончательно почувствовалъ къ нему страхъ и теперь только о томъ и думалъ, какъ бы поскорѣе уѣхать. Но Ома Омичъ возвратился опять съ прежнимъ выраженіемъ несказаннаго благодушія; онъ смѣялся своимъ беззвучнымъ смѣхомъ и весело смотрѣлъ на Николая.

— Дѣвчонки просятъ, чтобъ васъ обѣдать оставить, добрыйшій, — сказалъ онъ.

— Я съ удовольствіемъ,—пробормоталъ Николай,—но у насъ жнитво.

— Ась?—переспросилъ Ома Омичъ, внезапно переставая смѣяться.

— У насъ жнитво-съ...

— Конечно, конечно... ничего, пообѣдите. Ну, а теперь про-шу на минутку въ канцелярію.

Николай не осмѣлился возразить, хотя при словѣ «канцелярія» даже измѣнился въ лицѣ и покорно послѣдовалъ за Омой Омичемъ.

Канцелярія помѣщалась довольно далеко. Съ широкой, безлюдной площади, гдѣ по воскресеньямъ собирався базаръ, а теперь рылись куры въ кучахъ навоза и уныло бродили сабаки, нужно было свернуть въ узенькій, кривой переулочекъ, миновать никогда не просыхающую лужу и съ десятокъ хилыхъ, закоптѣлыхъ избушекъ съ подслѣповатыми оконцами. Вошли въ большія, прохладныя сѣни; направо видѣлась захватанная, обшита грязною, измочаленною рогожей дверь въ канцелярію, налѣво—въ избу. Переступивъ порогъ, Николай невольно схватился за носъ: въ сѣняхъ отвратительно воняло. Запахъ исходилъ изъ крошечнаго чулана въ дальнемъ углу сѣней. Около узенькой, замкнутой двери этого чулана сидѣли два мужика съ дубинками. Когда показался Ома Омичъ, они вскочили и сняли шапки.

— Просилъ пить?—освѣдомился Ома Омичъ.

— Не спрашивалъ, ваше благородіе.

Ома Омичъ побагровѣлъ.

— Ась?—крикнулъ онъ,—какъ не спрашивалъ? Сколько се-ледокъ давали?

— Пять штукъ сожралъ, ваше благородіе. Намъ самимъ въ диковину, съ чего не просить.

Странный шумъ поднялся въ чуланѣ; зазвенѣло желѣзо, кто-то завозился, застучалъ въ тонкую перегородку, закричалъ хриплымъ, надорваннымъ голосомъ: «Изжену!... изжену!... изжену!...» Одинъ изъ мужиковъ улыбнулся. «Ночью эдакъ разъ десять принимался орать, ваше благородіе»,—сказалъ онъ.—«Я его поору, мерзавца!»—проворчалъ Ома Омичъ и вошелъ въ канцелярію. Николай рѣшительно не понималъ, зачѣмъ тому, кто сидитъ тамъ, давали такъ много сеledокъ, почему разсердился Ома Омичъ, что тотъ не просилъ пить, но онъ не осмѣливался спросить объ этомъ, потому что теперь уже положительно трепеталъ предъ Омой Омичемъ, начиналъ считать самого себя какимъ-то подсудимымъ. Кромѣ того, дивій крикъ изъ чулана до боли стѣснилъ ему сердце, какъ-то сразу

отбилъ всякую охоту соображать, любопытствовать и думать; изъ всѣхъ душевныхъ способностей у него, казалось, сохранилась только одна: покоряться, дѣлать то, что уважаетъ страшный Тома Томичь.

Въ огромной комнатѣ, пропитанной запахомъ махорки и овчинъ и затхлостью старыхъ бумагъ, съ облупленными стѣнами, съ заплеваннымъ и засореннымъ поломъ, съ безчисленными циркулярами въ черныхъ, засиженныхъ мухами рамахъ, съ пыльными шкапами, сидѣлъ за столомъ благообразный старичокъ въ очкахъ и что-то поспѣшно строчилъ. При входѣ Тома Томича онъ всталъ, заложилъ перо за ухо и низко поклонился, потирая руки.

— Распорядись-ка, Орестычь, — сказалъ Тома Томичь, помѣщаясь около стола на просиженное, обтертое до глянца кресло, и небрежно кинулъ въ сторону Николая: — Садитесь, добрыйшій.

Старичокъ высунулся въ дверь, что-то приказалъ, — тотчасъ же явился здоровый малый въ красной рубахѣ, съ черною, какъ смоль, бородой, съ мѣдно-краснымъ лицомъ. Онъ подалъ Томѣ Томичу раскуренную длинную трубку, поставилъ на столъ стаканъ чаю, ухмыльнулся въ видѣ привѣтствія и отошелъ къ дверямъ. «Это непременно палачъ», — подумалъ Николай, съѣживаясь на стулѣ. Тома Томичь затынулся, прихлебнулъ, разстегнулъ жилетку, распустилъ галстукъ и сказалъ старичку:

— Прошу покорно: мерзавецъ-то ни разу не спрашивалъ воды! Старичокъ пожалъ плечами.

— Закаменѣлый! — проговорилъ онъ.

— Гм... Эти подлецы не давали ему потихоньку? Архипка! ты надсматривалъ за караульными?

«Палачъ» усмѣхнулся во весь ротъ.

— Никакъ того не могли, — сказалъ онъ, — ключъ-то, чай, у меня.

— Никакъ не могли, Тома Томичь, — повторилъ старичокъ, — ключъ у него.

Тома Томичь задумчиво побарабанилъ пальцами.

— Ужель отсылать? — сказалъ онъ.

— Можно еще попробовать... — пробормоталъ старичокъ.

— Ась? Смѣхъ сказать: рубаха въ крови, коса въ крови, гдѣ находился — не можетъ объяснить, и вдругъ не сознается, каналья! — сказалъ Тома Томичь, раздражительно взглянувъ на Николая. — Попржнему, куда такого мерзавца, ась?... Попржнему, безъ всякихъ разговоровъ — въ каторгу! — и обратился къ Николаю: — Сядьте-ка вотъ эдакъ, лицомъ къ двери... вотъ эдакъ.

Николай повиновался.

Старичокъ вопросительно посмотрѣлъ на Тому Томича и обмакнулъ перо въ чернильницу.

— Допросишь?—сказалъ онъ.

— Не надо. Архиппа, ну-ка, распорядись...

«Палачъ» юркнулъ въ сѣни.

У Николая сперлось дыханіе, дикая мысль пришла ему въ голову: «ну-ка, выпорючь?...»

Въ сѣняхъ послышались голоса, шерокъ, торопливое ляганье желѣза, дверь въ канцелярію широко распахнулась и на порогъ, въ сопровожденіи Архиппа и двухъ караульныхъ, появился человѣкъ. Николай содрогнулся: это былъ Кирюшка, но въ какомъ видѣ! Закованный по рукамъ и ногамъ, въ изорванной рубахѣ, съ какими-то подозрительными пятнами, босой; онъ выступалъ, какъ-то выпячивая грудь, откинувъ голову, безпокойно перебѣгая воспаленными, неестественно-свѣтлыми глазами. Лицо его было ужасно. Бѣлое, какъ снѣгъ, съ глубоко ввалившимися щеками, оно безпрестанно подергивалось мелкими, неприятными судорогами. Онъ какъ вошелъ, такъ тотчасъ же и закричалъ какимъ-то сухимъ, однообразно-скрипучимъ голосомъ: «Ликуй, серафимы! Ликуй, серафимы!... Ликуй, господства!... Изжену!... Изжену!»—«Господи, да развѣ же они не видятъ, что онъ больной?!»—внутренно вскрикнулъ Николай. Но никто не считалъ Кирюшку больнымъ. Какъ только онъ вошелъ и закричалъ нелѣпыя слова, Тома Томичъ сначала побагровѣлъ, затѣмъ потемнѣлъ, лицо его исказилось необыкновенною злобой.

— Узнаешь ты, такой-сякой, этого человѣка?—выговорилъ онъ глухимъ голосомъ, указывая Кирюшкѣ на Николая.

Николай на мгновеніе почувствовалъ на себѣ страшный взглядъ Кирюшки.

— Онъ меня не узнаётъ, Тома Томичъ,—сказалъ онъ, вставъ и тщетно усиливаясь сдержать дрожаніе нижней челюсти.

— Ась? Не ваше дѣло. Расскажите-ка, какъ онъ при васъ угрожалъ Агаеву Ивану.

Николай, путаясь и сбиваясь, началъ рассказывать. Становой впивался въ лицо Кирюшки. Тотъ, очевидно, не слушалъ Николая; стоя среди избы, онъ съ неуловимою быстротой шевелилъ губами, что-то беззвучно шепталъ, поводилъ плечомъ, переступалъ съ ноги на ногу, насколько позволяли кандалы. И лицо, и особенно-тревожно бѣгающій взглядъ его являли теперь видъ какого-то мучительнѣйшаго напряженія; онъ будто искалъ чего, будто усиливался вспомнить что-то, и не могъ. Николай кончилъ рассказывать, замолчалъ. Всѣ ждали. Вдругъ Тома Томичъ измѣнился до неузнаваемости; съ перекосившимся лицомъ онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ

Бирюшкѣ, затопалъ ногами, закричалъ яростнымъ, визгливымъ голосомъ:

— Бого ты дурачишь, мерзавецъ?... Ты убилъ, ты, ты!... Запорю!... сгною!... въ дребезги расшибу, рракалія!... Сознавайся сейчасъ... сейчасъ!...

Бирюшка продолжалъ шевелить губами съ тѣмъ же видомъ мучительнаго напряженія. Тогда Тома Томичъ съ размаху ударилъ его чубукомъ по лицу. «А!...» — жалобно крикнулъ Николай, срываясь съ мѣста, и въ то же мгновеніе въ глазахъ Бирюшки вспыхнулъ сосредоточенный блескъ, окровавленное лицо освѣтилось какимъ-то восторженнымъ изступленіемъ. Онъ загремѣлъ цѣпями, высоко взметнулъ руки и съ дикимъ, пронзительно-звенящимъ ревомъ бросился на становаго. Все смѣшалось. Архипка, старичокъ въ очкахъ, караульные со всѣхъ сторонъ навалились на Бирюшку, сшибли съ ногъ, стали бить, душить его, тискать колѣнами. Пыль поднялась въ канцеляріи. «Веревокъ!» — хрипѣлъ чей-то хриплый голосъ. Николай опрометью выскочилъ на улицу.

Спотыкаясь, всхлипывая, ничего не видя вокругъ себя, онъ подбѣжалъ къ своей лошади и началъ трясущимися руками отвязывать ее. И увидалъ, что у окна столпились хорошенькія дѣвицы, въ пышныхъ кисейныхъ платьицахъ, съ бантиками нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ, всѣ въ кудряшкахъ, точно херувимы. Онѣ на-перерывъ высовывались въ окно и, перебивая другъ друга, нестерпимо звонко восклицали: «Мосье Рахманный! Мосье Рахманный!... Куда же вы, мосье Рахманный?... Обѣдать!... Мы ждемъ васъ обѣдать, мосье Рахманный!» Николай вложилъ ногу въ стремя... и злоба, и стыдъ, и чувство неопишуемаго ужаса душили его, — съ ненавистью взглянулъ онъ на дѣвицъ и, самъ не зная какъ, не отдавая себѣ отчета, что дѣлаетъ, заоралъ нелѣпнымъ, не своимъ голосомъ: «Отстаньте вы отъ меня! Наплевалъ бы я на вашъ подлый обѣдъ!» — и что есть духу помчался изъ села.

Солнце палило нещадно. Ни малѣйшимъ движеніемъ не колебался горячій воздухъ. Былъ тотъ часъ іюльскаго дня, когда въ открытомъ полѣ невозможно найти сколько-нибудь прохладной тѣни. Подъ жгучими, отвѣсными лучами неясно различались краски, очертанія казались тусклыми. Степь, курганы, лѣса, нивы, деревни, барскія усадьбы съ своими садами и далеко бѣлѣющими постройками, — все будто омертвѣло, отъ всего вѣяло уныніемъ. Зной былъ разлитъ, какъ мутная вода на свѣже-написанной картинѣ, наводилъ линючіе, однообразные, сухіе тоны. Пахло гарью, пылью и спѣлымъ хлѣбомъ. Тишина стояла до странности глубо-

жая, точно все способное издавать звуки оцѣпенѣло. Молчали куда-то попрятавшіяся птицы, не слышно было кузнечиковъ съ ихъ назойливымъ стрекотаньемъ, не шевелились сонные колосья. Съ поблекшими листьями, печальныя, одинокія, недвижно поникли равиты близъ дороги.

По этой дорогѣ, поскрипывая немазанными колесами, медленно тащилась телѣга. Вслѣдъ за нею, опустивъ голову на грудь, плелась баба въ бѣломъ платкѣ. Высокій, сторбленный, съдой, какъ лунь, старикъ, съ огромною лысиной, дергалъ веревочными возжами жалкую клячку, мѣрно выступая около передняго колеса и что-то безъ умолку говорилъ. Баба безпрестанно вытирала опухшіе глаза, невнятно всхлипывала и причитала.

Николай давно ѣхалъ шагомъ. Увидавъ телѣгу, онъ свернулъ съ дороги, покосился... въ телѣгѣ лежало что-то длинное, съ угловатыми очертаніями, накрытое полотномъ. Николай остановился, обнажилъ голову.

— Дѣдушка, — сказалъ онъ, — откуда везете?

— Съ гарденинской, родимый, съ гарденинской, — отвѣтилъ старикъ, не поворачивая головы, — все на жнитвѣ валить, все на жнитвѣ... Н-но! сердешная, но-о!... — и опять заговорилъ, обращаясь къ бабѣ: — Такъ-то, касатка, такъ-тося... Значить, наказанье Господне... значить, претерпи... Чего тутъ?... э!... Я самъ старуху схоронилъ, а позавчера сынъ, болѣзная, сынъ Богу душу отдалъ... Чего?... Недосугъ плакать-то, радѣльница... Смерть, что солнце, называютъ, — въ глаза не взглянешь... э! и не гляди, и пуцай ее... Ничаво-о-о!... Мы жнемъ и смертушка, видно, жнетъ... чего тутъ?... Божья нива, Божья нива, касатка... видно, поспѣла, что насралъ жнецовъ... Нича-а-во-о!... Но!... Н-но!... переводи ногами-то, дурочка, упирайся!

Николай стоялъ у дороги, забывая надѣть картузь и не сводя глазъ съ печально поникшихъ равитъ, вдоль безконечнаго ряда которыхъ медленно тащилась телѣга. Онъ прислушивался, какъ скрипѣли колеса, какъ убѣдительно-ласковымъ голосомъ говорилъ старикъ, какъ причитала и невнятно всхлипывала баба въ бѣломъ платкѣ, — звуки странныя въ этой сосредоточенно-молчаливой равнинѣ, подъ этимъ равнодушно-жестокимъ небомъ... И вдругъ губы его сморщились, лицо исказилось жалкою гримасой... онъ зарывся руками и заревѣлъ, какъ маленькій: «Уу... уу... уу!...»

А. Эртель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Х А М Ъ *).

Повѣсть Элизы Ожешковой.

У.

Пора косовицы и жатвы прошла; многое измѣнилось во взаимныхъ отношеніяхъ жителей двухъ сосѣднихъ хатъ. Однажды утромъ Павелъ вышелъ изъ дому, посмотрѣлъ на небо и крикнулъ шурину, который въ это время несъ охапку соломы въ сарай:

— Слушай-ка, Филиппъ, собирай поскорѣй сѣно со своего лужка, что около деревни, а то не завтра, такъ послѣ завтра Богъ дождичекъ пошлетъ и, какъ миѣ по вѣтру сдается, надолго.

Въ предсказанія Павла Филиппъ вѣрилъ безусловно, а потому немедленно началъ запрягать лошадь въ телѣгу, а Данилкѣ приказалъ поскорѣе приготовить грабли и вилы. Уляна останется дома и, въ случаѣ надобности, одна справится съ паромомъ. Теперь рѣка спала и еле-еле катила свои тихія воды. Въ случаѣ же чего-нибудь особеннаго, — если придется переправлять двухконную бричку или тяжелую фуру, — то Павелъ можетъ помочь сестрѣ, — онъ будетъ недалеко ловить рыбу, возлѣ самаго берега.

Когда всѣ переговоры были окончены и Филиппъ окончательно снарядился въ дорогу, изъ-за спины Павла появилась Франка и заявила, что и она поѣдетъ на лугъ сгребать сѣно: Дома она все что нужно сдѣлала, ѣды на цѣлый день наварила, корову подоила и теперь хочетъ помочь Филиппу. На Франкѣ была бѣлоснѣжная рубашка, голубая ситцевая юбка и розовый фартукъ; черныя волосы изъ-подъ пестраго платочка непослушно падали на ея лобъ и плечи, глаза весело смѣялись, бѣлые зубы такъ и сверкали. Филиппъ сначала было презрительно засмѣялся:

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

— Ну, отъ такой помощи развѣ только чорту одному потѣха будетъ!—но Данилка вступился:

— Пускай ѣдетъ. Все-таки, втроемъ скорѣе управимся.

— Пускай ѣдетъ. Покажете ей разъ, другой, какъ съ граблями обращаться надо, а на третій она сама пойметъ. Пу, и помочь когда-нибудь можетъ,—прибавилъ Павелъ.

Данилка пошелъ пѣшкомъ болѣе короткою дорогой, Франка съ-ла было вмѣстѣ съ Филиппомъ, но едва только возъ двинулся съ мѣста, какъ соскочила на землю и побѣжала вслѣдъ за парнемъ.

— Мы туда дойдемъ скорѣе, чѣмъ ты доѣдешь,—кригнула она, оборачиваясь назадъ.

Возвратившись домой, Филиппъ съ удивленіемъ рассказывалъ женѣ, что эта взбалмошная Франка довольно сносно сгребала сѣно и, дѣйствительно, помогла имъ немного.

— Еслибъ не лѣнь ея, все бы могла дѣлать,—договорилъ онъ.

— Если захочетъ, все сдѣлаетъ, такая она ловкая,—вставилъ свое слово Данилка, запихивая въ ротъ огромный кусокъ хлѣба и искоса посматривая черезъ окошко на вертѣвшуюся на своемъ дворѣ Франку, причемъ глаза его засвѣтились, какъ кошачьи.

Подобные случаи стали повторяться нерѣдко. Франка ходила съ серпомъ на поле Бозлюковъ и хотя не могла жать такъ долго и неутомимо, какъ Уляна,—ей не хватало настолько ни силъ, ни умѣнья,—но кое-какую помощь, все-таки, приносила. Филиппъ тогда или вспахивалъ другой участокъ своего поля, или оставался у парона, а Данилка съ двумя женщинами жалъ и возилъ домой снопы. Франка часто садилась рядомъ съ нимъ на телѣгу и потомъ опять возвращалась въ поле. Хотя по временамъ она и жаловалась на жару и боль въ спинѣ, но это ни чуть не мѣшало ей быть веселой, подвижной и дѣятельной. Уляну она осыпала любезностями, называла золотой, брилліантовой, дѣтей ея цѣловала и няньчила на рукахъ, а къ Данилкѣ такъ и льнула, какъ муха къ меду. На это долго никто не обращалъ никакого вниманія,—что тутъ удивительнаго? Данилку всѣ считали мальчишкой. Хотя Франка и опомнилась, принялась за дѣло и перестала добрымъ людямъ глаза мозолить, а, все-таки, старая дурь не сразу изъ головы вылетитъ. Хотя она почти старуха, а подурачиться порою не прочь; Данилка еще мальчишка,—ну, вотъ она какъ разъ ему подъ пару. И то хорошо, что хоть опомнилась, работаетъ, людямъ помогаетъ, не злится на всѣхъ. Жить въ близкомъ сосѣдствѣ съ вѣдьмой не Богъ вѣсть какая радость. Пусть ужъ она и дуритъ немного, только бы

на людей не кидалась. И Уляна снова начала ласково обращаться съ невѣсткой и въ свою очередь помогала ей: то хлѣбы для нея испечеть, то бѣлье на рѣкѣ выполоскаетъ, то воды принесеть, — одно ведро для себя, другое для Франки. Такъ въ теченіе долгихъ трехъ мѣсяцевъ, посреди тяжелой работы, эти люди прожили въ полномъ спокойствіи, несмущаемые никакими подозрѣніями. Ни малѣйшая тѣнь грѣха и преступленія не промелькнула передъ ихъ глазами, никакая грѣшная мысль не мѣшала имъ крѣпко и безмятежно засыпать послѣ трудового дня. Павелъ въ это время пускался въ самыя отдаленныя плаванія, а когда возвращался домой, то заставлялъ Франку за работой, веселою, одѣтою въ бѣлую рубаху и голубую юбку. Хотя она часто грубо отвѣчала на его слова, а по временамъ и отталкивала отъ себя съ нескрываемымъ отвращеніемъ, Павелъ приписывалъ это остаткамъ дьявольскихъ искушеній, съ которыми не могли еще справиться молитвы и добрыя увѣщанія. «Пускай будетъ, какою хочетъ, только вела бы себя какъ слѣдуетъ», — думалъ про себя Павелъ, бралъ Хтавъяна на руки и одѣлялъ его баранками, привезенными изъ сосѣдняго города. Бѣ ребенку онъ привязывался все болѣе и болѣе и не обращалъ вниманія на ворчанье Франки, тѣмъ болѣе, что та вскорѣ приходила въ хорошее настроеніе духа и начинала смѣяться своимъ серебристымъ, беззаботнымъ смѣхомъ, который такъ нравился Павлу. И передъ глазами Павла разстилалось безоблачное небо, и его спокойствіе не нарушала ни малѣйшая тѣнь тревоги.

Вдругъ, подъ вечеръ одного изъ августовскихъ дней, въ хатѣ Бозлюва поднялась страшная суматоха, слышались крики и дѣтей, и людей взрослыхъ. Филиппъ билъ брата. Было это въ сумерки. Неизвѣстно гдѣ и какимъ образомъ онъ узналъ то, что послужило поводомъ къ семейной ссорѣ, но открытіе это произошло при такихъ обстоятельствахъ, сопровождалось такими подробностями, что вся душа сильнаго, грубаго мужика была взволнована до самой крайней степени. Никогда еще особенно сильно Филиппъ не обижалъ младшаго брата, но теперь можно было подумать, что онъ сошелъ съ ума, — такъ исказилось его лицо, такъ тяжело опустился его дюжій кулакъ на плечи Данилки.

— Содомъ и Гоморра! — кричалъ онъ. — Да, вѣдь, за это громъ небесный разразитъ! Онъ, вѣдь, почти отцомъ твоимъ былъ, на рукахъ носилъ, добру училъ, уму-разуму! А ты вотъ чѣмъ отплатилъ ему! Ты съ его женой... Работать тебѣ нужно, а не за шлюхами гоняться! Или ты кару Вожію призвать хочешь на насъ и на дѣтей нашихъ? Вонъ изъ хаты!... Слышишь? Чтобъ ноги твоей здѣсь

не было! Иди куда хочешь, съ рукой ходи... хоть къ самому дьяволу убирайся, только вонъ изъ моей хаты! вонъ, вонъ!...

Онъ напрягалъ всё усилія, чтобъ выпихнуть Данилку за дверь хаты; Уляна съ громкимъ рыданіемъ ломала руки, дѣти кричали. Данилка у самыхъ дверей изловчился вырваться изъ рукъ брата, и, красный, какъ пюнь, съ разгорѣвшимися глазами, съ разорваннымъ воротомъ рубахи, злобно прокричалъ:

— Какое такое право ты имѣешь выгнать меня изъ хаты? Такая же она моя, какъ и твоя! Чай, одного отца мы дѣти.

— Да кто твоимъ отцомъ-то былъ?—загрозилъ Филиппъ, идаясь къ Данилкѣ.—Я, я твоимъ отцомъ былъ, когда ты сиротой на рукахъ моихъ остался! На то я вскормилъ, воспиталъ тебя, чтобъ ты осрамилъ всѣхъ насъ въ конецъ? Ну, попомнишь же ты меня! ну, будешь ты...

И, съ потокомъ грубыхъ ругательствъ, на голову Данилки вновь посыпался градъ ударовъ. Тщетно Уляна силилась разнять ихъ, тщетно Бурта, отъ страха забившійся подъ лавку, заливался протяжнымъ воемъ,—ничего не помогало.

Вдругъ дверь отворилась и въ хату вошелъ Павелъ. Возвращаясь съ рѣки, онъ услышалъ, что въ хатѣ Бозлюковъ творится что-то неладное, и поспѣшилъ разузнать, въ чемъ дѣло. При видѣ брата, Уляна, съ смутнымъ предчувствіемъ приближающейся грозы, съ рыданіемъ упала къ его ногамъ; Данилка, вырвавшійся изъ рукъ Филиппа, какъ шальной, выскочилъ въ открытую дверь, а самъ Филиппъ, съ всклокоченными волосами, съ лицомъ, искаженнымъ бѣшенствомъ, повернулся къ Павлу, и, не понижая тона, въ грубыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ передалъ все, что произошло за последнее время. Разсказъ его длился двѣ-три минуты, и прежде чѣмъ Уляна успѣла поднять отъ пола свое заплаканное лицо и прокричать: «Молчи, молчи! Что ты дѣлаешь, Филиппъ? Молчи!»—Филиппъ передалъ уже все, что зналъ, а Павелъ вышелъ изъ хаты.

Павелъ пошелъ напрямикъ и перелѣзъ черезъ плетень, не обращая вниманія на гряды съ овощами. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, а глаза его свѣтились зловѣщимъ свѣтомъ. Все, что возбуждаетъ въ человѣкѣ бурю страстей и ревности,—все поднялось въ его мозгу, нервахъ, въ томъ органѣ, лежащемъ на лѣвой сторонѣ груди, который называется сердцемъ, волновало его кровь, путало его мысли. Шатаясь, какъ пьяный, онъ прошелъ вдоль своихъ сѣней и со стукомъ отворилъ дверь.

Въ хатѣ, передъ печью, въ которой весело трещала оханка щепокъ, стояла Францишка. Стояла она какъ-то скорчившись, сильно

прижавъ къ груди руки, съ разгорѣвшимися щеками, съ глазами, потупленными въ землю. Она хорошо знала, что произошло въ хатѣ Бозлюковъ, видѣла, какъ Павелъ вошелъ туда и въ какомъ видѣ возвращается домой. Франка была испугана, и еще болѣе, — она стыдилась. Тотъ стыдъ, который испытывала она, возвращаясь сюда послѣ трехлѣтняго шатанія по бѣлу свѣту, казался вздорнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, который овладѣлъ ею сейчасъ, жгучимъ и тягостнымъ стыдомъ. Поэтому-то она такъ и скорчилась, и щеки ея горѣли такимъ огнемъ... а когда Павелъ остановился на порогѣ, она протянула къ нему руки и закричала:

— Не вѣрь ты имъ! Это неправда... они нарочно...

Первый разъ въ жизни она лгала, но не отъ страха, а отъ стыда; половину своей жизни она отдала бы, чтобъ онъ повѣрилъ ей лжи. Но Павелъ двумя широкими шагами очутился возлѣ нея, и, не говоря ни слова, даже не переводя духа, схватилъ ее за плечи своими желѣзными пальцами. Франка пронзительно вскрикнула и упала на землю подъ ударомъ обрушившагося на ея спину тяжелаго кулака. Минуту спустя, она опомнилась, — ея плечо освободилось отъ охватившаго его желѣзнаго тиска, — въ хатѣ никого не было. Такими же невѣрными, широкими шагами Павелъ вышелъ, припалъ горячимъ лбомъ къ наружной стѣнѣ хаты и зарыдалъ. Взрывъ гнѣва и ревности, который тамъ, въ полусвѣщенной хатѣ, поднялъ его руку надъ головой упавшей къ его ногамъ женщины, теперь утихъ и смѣнился невыразимо горькимъ, надрывающимъ душу сожалѣніемъ надъ самимъ собою, надъ нею, надъ тою великою, святою задачей спасенія и избавленія ближняго, которая два раза такъ близка была къ разрѣшенію и которая теперь вновь затемнялась передъ его глазами.

— Нѣтъ, видно, для нея ни спасенія, ни избавленія... Нѣтъ и мнѣ счастья на свѣтѣ! Что мнѣ теперь дѣлать? Боже милосердый, что мнѣ теперь дѣлать?

Онъ спустился къ рѣкѣ, сѣлъ въ челнокъ и поплылъ, куда глаза глядятъ, машинально прислушиваясь къ монотонному шуму бѣгущей за нимъ струи.

А въ хатѣ, спустя часа два послѣ ухода Павла, происходило совсѣмъ другое.

— А, — шептала Франка, — побилъ! Смотрите, люди добрые, побилъ... Значитъ, очень ревнивъ, коли побилъ! Еще никого до сихъ поръ не билъ, такой спокойный, такой... а меня побилъ!... Чтобъ ему Господь Богъ никогда не простилъ этого, какъ я не прошу, — слышался немного спустя ея визгливый крикъ. — Не прошу... не

прошу... до смерти буду помнить такую обиду... такой позорь... охъ, позоръ, позорь!... Боже Ты мой, до чего я дежила, чего дождалась! Ни то ли меня мать родила, чтобъ хамскіе кулаки по моей спинѣ прохаживались? Изъ хорошаго семейства, у дѣдушки своимъ дома были, двоюродный братъ живетъ баринкомъ... а со мной вотъ что дѣлается! Чтобъ его Богъ за мою обиду покаралъ, чтобъ ему ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ добра не было!...

Франка то проклинала, то плакала, то въ бѣшенствѣ вскакивала съ постели, рвала волосы и била кулакомъ объ стѣну.

— Довольно ужъ я ему за доброту его заплатила... плечами своими и своимъ позоромъ заплатила. Вотъ потому-то, что онъ былъ добръ ко мнѣ, мнѣ и стыдно такъ сдѣлалось... такъ стыдно, что, нажется, скорѣе бы сквозъ землю провалилась, чѣмъ въ глаза ему смотрѣть. А теперь я ужъ ничего не стыжусь, ничего, ничего! Если ему можно бить меня, то и мнѣ можно дѣлать, что угодно. Еслибъ мнѣ Данилки жалко не было, то я сейчасъ же убѣжала бы. Да я и убѣгу, можетъ быть. Ей-Богу, убѣгу!

— А Хтавянъ?—послышался изъ-за угла чей-то грубый, охрипшій голосъ.

— И его пусть черти возьмутъ! Всѣхъ пусть черти возьмутъ!— злобно закричала было лежавшая на кровати женщина, но тотчасъ же смогла и черезъ минуту нерѣшительно прибавила:— Ну, что-жь? Здѣсь оставлю...

Ребенокъ, спавшій у ея ногъ, зашевелился. Нерѣшимость Франки все возростала.

— Да, да...—прошептала она,—ни здѣсь его оставить нельзя, ни съ собою взять! А, къ тому же, и Данилку жалъ... ахъ, еслибъ ты, Марцела, знала, какъ я его люблю, какой онъ милый! А ты не видала его, какъ шла сюда, а?

— Какъ не видать, видѣла. Нарочно зашла къ нимъ, чтобъ узнать, что съ нимъ, бѣднягой, дѣется.

— Ну, и что-жь, что?—зашептала Франка,—говорилъ онъ тебѣ что-нибудь? мнѣ передать ничего не приказалъ?

— Ничего онъ мнѣ не говорилъ и тебѣ передавать ничего не приказывалъ;—отвѣтила Марцела.—Извѣстное дѣло, мальчишка! Братъ поколотилъ; онъ сидитъ и плачетъ,—что-жь ему дѣлать больше?

Франка прерывисто вздохнула.

— Да,—замѣтила она,—вотъ тебѣ: тоже хамъ, а не такой, какъ всѣ другіе... молоденькій, хорошенькій и грубости мужичьей еще не обучился...

— Ты прежде то же самое и о Павлѣ говорила, что онъ тоже хамъ, но не такой, какъ другіе...

— Пусть его Богъ накажетъ за то, что онъ меня такъ обманулъ: Притворился добрымъ и деликатнымъ, а какъ до дѣла дошло, то и оказался... Еслибъ тогда я съ ума не спятила, то теперь бы за Данилку вышла замужъ.

Марцела даже вскрикнула отъ удивленія:

— Красавица моя, подумай только, что ты говоришь! Вѣдь, онъ ребенокъ въ сравненіи съ тобой! Ты ему въ матери годишься. Выдумала что! Э, ну тебя къ Богу, на сороковомъ-то году за такого малокосеса выходить!

Франка немного обидѣлась и заговорила съ оттѣннымъ неудовольствіемъ:

— Ну, и что-жъ, что я старше его? Я видѣла, какъ одна барыня еще старше меня за молодаго мужа вышла, и какъ онъ выплясывалъ передъ нею и всё ея капризы исполнялъ. Охъ, охъ, охъ! чего только на свѣтѣ не бываетъ!... Кому какое счастье на роду написано! Мнѣ вотъ такъ, видно, и придется загубить свой вѣкъ съ этимъ кровопійцемъ, съ этимъ разбойникомъ!—Она вскочила на постели и запустила тонкіе пальцы въ свои густые волосы. Теперь въ голосъ ея слышалась нескрываемая, ничѣмъ непобѣдимая злоба.

— Я и раньше его не любила... Это какой-то волкъ, медвѣдь, скучный, старый... но теперь, когда онъ осмѣлился на меня руку поднять, возненавидѣла во сто разъ больше, —ненавижу, такъ ненавижу, что, кажется, сама со злости удавиться готова.

— Тише!—испуганно прошептала Марцела, —еще, храни Богъ, придетъ и услышитъ...

— Не придетъ, не придетъ! Черти его пѣлюю ночь по рѣкѣ носить будутъ! Я его повадки знаю хорошо. Да еслибъ и услышалъ? Я и сама скажу ему напрямки. Пусть онъ знаетъ, какъ обижать женщину изъ хорошаго семейства... Охъ, Господи! какъ голова разболѣлась! Поди, пожалуйста, намочи платокъ въ холодной водѣ и подай мнѣ сюда...

Нѣсколько дней Франка ходила съ обвязанною головой. Она страшно похудѣла, пожелтѣла, вставая съ постели дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и только во время припадковъ гнѣва чувствовала прежнюю силу и ловкость. Болѣзнь, задатки которой проявлялись еще въ ея дѣтствѣ, болѣзнь, которая развивалась во время ея бурной молодости, теперь охватила почти весь ея организмъ. Это была одна изъ тѣхъ странныхъ, таинственныхъ болѣзней, которыя рождаются на свѣтѣ вмѣстѣ съ человѣкомъ и пропадаютъ въ чи-

стой атмосферѣ или развиваются и окончательно подавляютъ умъ и волю человѣка въ затхлои атмосферѣ нужды и грѣха. Умъ и воля Франки дѣйствовали съ прежнею силой, но направлялись исключительно только въ одну сторону. Она только и думала о томъ, какъ ее страшно, несправедливо обидѣли и унизили, жаждала если не тѣмъ, то другимъ способомъ отомстить за эту обиду, во что бы то ни стало насолить своимъ врагамъ. Но еще больше мщениа она стремилась къ свободѣ, къ полной, неограниченной, дикой свободѣ. Зависимость всегда стѣсняла ее, была для ней нестерпимой, и Франка переносила ее кое-какъ, ворча и ругаясь, но теперь ей стало просто не подъ силу. Ея обычная нетерпѣливость, отъ времени до времени вырывавшаяся наружу, теперь смѣнилась постоянною, ноющею тревогой, ворчливость перешла въ крикъ. Препяды, которыя приходилось ей преодолевать для того, чтобъ видѣться съ Данилкой, приводили въ бѣшенство женщину, не привыкшую считаться съ мелочными требованіями общечитія, а воспоминаніе о побояхъ, нанесенныхъ ей Павломъ, распалило до крайней степени и безъ того преувеличенное понятіе о разницѣ ихъ положенія.

На узкой полоскѣ земли, раздѣлявшей дома близкихъ родственниковъ, каждый день происходили возмутительныя сцены. Спокойная и хладнокровная Уляна съ своей стороны страшно разъярилась на невѣстку, которой не могла простить ни несчастія брата, ни постоянныхъ ея ругательствъ. Все существо Франки представлялось Улянѣ кучей грязи, сплоченной въ одно цѣлое какимъ-то грѣховнымъ цементомъ. Взрощенная въ прадѣдовскихъ понятіяхъ о нравственности, Уляна опредѣлила эротическія побужденія Франки только двумя выраженіями: развратъ и Содомъ и Гоморра, причемъ краснѣла, какъ дѣвушка, и съ отвращеніемъ сплевывала на сторону. Съ другой стороны, она страшно боялась своей сосѣдки: кто знаетъ? Эта полусумасшедшая на все способна, — и хату подпалить, и шею невинному младенцу свернуть. Да развѣ она и сама не говорила объ этомъ? Развѣ, на утро послѣ того достопамятнаго вечера, выбѣжавъ на дворъ, не грозила Филиппу и Улянѣ, что подпалить ихъ хату за то, что они оболгали ее передъ мужемъ, что, благодаря имъ, она, Франка, дочь благородныхъ родителей, была побита хамскою рукой? Да это еще бы ничего! А то, въ другой разъ, когда она, завидѣвъ вдали Данилку, кинулась было бѣжать за нимъ, свалила съ ногъ Мариську, и когда ребенка, падая, ухватился за ея юбку, то Франка отбросила ее такъ далеко, что Мариська изо всей силы ударилась о плетень, — синяки и до сихъ поръ

еще не прошли. Тогда Филиппъ и Уляна бросились было за ней, хотѣли поколотить, но она убѣжала въ свою хату и заперлась на ключъ. На другой день, при свиданіи съ невѣсткой, Франка ни слова не отвѣтила на ея ругательства, схватила топоръ и побѣжала внизъ къ рѣкѣ.

— Можетъ быть, Богъ дастъ, утопится! — сказалъ Филиппъ.

Но Франка не думала топиться. Войдя по колаѣна въ воду, она начала рубить топоромъ паромъ Филиппа. Худая, какъ щепка, желтая, какъ воскъ, съ головою, обернутою мокрою тряпкой, она теперь была сильна, какъ мужчина; щепки такъ и летѣли вокругъ отъ ея ударовъ. Къ счастью, на этотъ разъ Павелъ ловилъ рыбу недалеко, успѣвши къ женѣ, втащилъ ее на гору и заперъ дома. Онъ даже заложилъ окно рогожей и подперъ шестомъ снаружи, чтобъ Франкѣ нельзя было уйти. Послѣ ухода Павла Филиппъ, по просьбѣ жены, тихонько подошелъ къ окну, отвернулъ край рогожи и осторожно заглянулъ внутрь хаты. Франка сидѣла въ углу, держась обѣими руками за голову и спазмодически рыдала.

— Пусть плачетъ! Можетъ быть, дастъ Богъ, вся слезами изойдетъ! — пробормоталъ Филиппъ.

Уляна выслушала рассказъ мужа, задумалась, вздохнула и пошла было домой, какъ вдругъ ея взоръ упалъ на Хтавьяна. Часъ тому назадъ она обругала ребенка и прогнала его со своего двора. Теперь Хтавьянъ печально и одиноко сидѣлъ у двора дома Павла.

— Поди-ка сюда! — оклинула его Уляна и, ласково погладивъ по головѣ мальчика, послала его играть съ своими дѣтьми. Несмотря на ненависть и отвращеніе къ Франкѣ, образъ женщины, сидящей въ солнечный Божій день въ темной, запертой комнатѣ, навелъ Уляну на грустные размышленія. Ей стало жаль эту несчастную, ополоумѣвшую женщину, и жалость вылилась въ формѣ ласки къ ея ребенку.

Въ тотъ же самый день вечеромъ Павелъ на берегу рѣки разговаривалъ съ Авдотьей. Онъ казался измученнымъ, почти больнымъ, спина его сгорбилась, глаза угрюмо уставились въ землю.

— Что мнѣ дѣлать? Боже всемилосердый, что мнѣ дѣлать? — тихо повторялъ Павелъ.

Авдотья стояла передъ нимъ съ коромысломъ, на которомъ качались два ведра воды. Какой отвѣтъ дать ему, она и сама не знала, — вся деревня толкуетъ о недавнихъ происшествіяхъ и никто не приходитъ къ какому-нибудь положительному рѣшенію. Павелъ тоже понялъ, что и ему нечего скрывать свою бѣду, — и безъ того всѣ ее знаютъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—опять уныло проговорилъ Павелъ.

Вокругъ нихъ было тихо, только вода неустанно плескалась о песчаный берегъ, да изъ деревни доносилось отдаленное мычаніе скота. Авдотья приложила руку къ щежѣ, помолчала съ минуту и потомъ вдругъ энергично воскликнула:

— Бей!

Она переступила съ ноги на ногу и съ искриющимися глазами продолжала:

— Бей, Павелъ, бей безъ милосердія! За все бей, и за злость, и за распутство, и за гулящую жизнь. Ласка не помогла, молитва святая не помогла, работа не помогла, авось битье поможетъ. Можетъ, будетъ бояться, можетъ быть, страхъ на нее навести надо. Видно, другаго средства нѣтъ,—бей!

— Видно, другаго средства нѣтъ,—машинально повторилъ Павелъ и вдругъ всплеснулъ руками. — Что мнѣ дѣлать? Если бы она меня одного несчастнымъ дѣлала, то пускай ужь... да, вѣдь, тѣхъ-то жаль. За что они ея брань сносятъ? Можетъ быть, деньги ей дать, все отдать и изъ хаты выгнать? Кажется, я такъ бы и сдѣлалъ, кажется, что я не люблю ея теперь... а, все-таки, не хочется мнѣ ее прогнать въ свѣтъ на погибель. И грѣхъ боюсь на душу брать. Передъ святымъ алтаремъ клялся не оставить ее во всю жизнь. И такъ плохо, и эдакъ, куда ни посмотри. Что мнѣ дѣлать?

— Бей!—повторила Авдотья.

— Охъ! да это битье самому мнѣ...

— Для ея спасенія бей! Можетъ быть, испугается и опомнится...

— Для ея спасенія... можетъ быть, и опомнится, — не поднимая глазъ съ земли, повторилъ Павелъ.

Часъ спустя онъ вошелъ въ хату, ощупью нашелъ лампу, зажегъ огонь и осмотрѣлся вокругъ.

— Франка, давай ѣсть! Слышишь? Живо, поворачивайся!

Голосъ его звучалъ грубо и сурово. Франка выскочила изъ своего угла и, отчаянно размахивая руками, закричала:

— А ты не смѣй своимъ хамскимъ языкомъ разговаривать! И приказывать не смѣй! Я не слуга тебѣ! Я хоть и сошла съ ума, вышла за тебя замужъ, а все-таки, въ сравненіи съ тобой я барыня,—да, барыня! Ты мнѣ прислуживать долженъ, а не я тебѣ.

Франка говорила долго: она была внѣ себя отъ злобы послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ запертой хатѣ. Павелъ молча выслушалъ ее и повторилъ:

— Давай ѣсть.

— Нѣтъ у меня для тебя ничего!—опять крикнула Франка.

— Чтобъ сейчасъ же было готово!—возвысилъ голосъ Павелъ.

Проголодалась ли Франка сама, хотѣлось ли ей согрѣться у огня, только съ сердитымъ выраженіемъ она принесла изъ сѣней дровъ и затопила печку. Павелъ видѣлъ, какъ она налила воды въ горшокъ, засыпала крупъ, потомъ придвинулъ къ себѣ книжку и раскрылъ ее посерединѣ. Ему просто хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь отогнать отъ себя мысли, которыя безотвѣдно лѣзли въ его голову.

— Да о...пла...ки...ваю вины мо...и... — заикаясь на каждомъ словѣ, читалъ Павелъ.

У разгорѣвшейся печки послышался острый, пронзительный смѣхъ:

— Вотъ такъ чтеніе! Вотъ такъ прекрасное чтеніе! Сейчасъ видно образованнаго человѣка! Дрова тебѣ возить, мужичина, а не книжки читать!

— Да сми...рю... страсти... ст...расти мои... — продолжалъ Павелъ, не поднимая опущенной книзу головы.

— Ну, скоро ты перестанешь? — крикнула Франка. — Лучше лягушачье кваканье слушать, чѣмъ твое чтеніе! Тоже, читать захотѣлось, пришла охота!

Дрожащая, маленькая, пожелтѣвшая рука вырвала книгу изъ-подъ самаго носа Павла.

— Не твоя книжка, моя!—зазвенѣлъ у него надъ ухомъ рѣзкій голосъ. — Не смѣй прикасаться къ моей собственности. Захочу сжечь книжку—и сожгу. На томъ свѣтъ черти изъ нея тебѣ читать будутъ!

— Франка, отдай! Слышишь? Бить буду! — сквозь стиснутые зубы проговорилъ Павелъ. Было видно, что онъ едва сдерживалъ свой гнѣвъ, — гнѣвъ снокойнаго снаружи, но страстнаго внутри человѣка.

— Бей! а я книжку сожгу.

Она замахнулась, чтобы бросить книжку въ огонь, но вдругъ почувствовала, какъ ея руку охватилъ какой-то желѣзный обручъ. Павелъ вырвалъ книжку изъ рукъ жены и, блѣдный, какъ полотно, тяжело задыхающійся, упалъ на лавку.

— Адъ, адъ! настоящій адъ!—тихо проговорилъ онъ.

На этотъ разъ онъ не побилъ ее, напротивъ, началъ уговаривать, путаясь въ словахъ и подыскивая выраженія:

— Франка! опомнись! Ради Бога опомнись, душу свою пожа-
лѣй... Помнишь, тогда... на кладбищѣ... ты клялась мнѣ... и потомъ

еще въ другой разъ глялась... въ костѣль?... Вѣдь, я тебѣ ничего дурнаго не сдѣлала... за что ты меня мучаешь? За что сама себя губишь?

Франка молчала и дрожащею рукой жѣшала въ горшкѣ. По ея лицу, облитому красноватымъ отблескомъ огня, пробѣгали какіе-то отбѣнки разнообразныхъ мыслей. Фурія, терзающія ея душу, начинали, кажется, успокоиваться, когда Павелъ проговорилъ: «Вѣдь, я тебѣ ничего дурнаго не сдѣлала... за что ты меня мучаешь?» Щеки ея вспыхнули и глаза опустились внизъ. Казалось, стыдъ вновь заговорилъ въ ней. Въ эту минуту двери отворились и на порогѣ показался Хтавьянъ въ сопровожденіи Уляны.

— Возьми своего пащенка, — презрительно и грубо кричала Уляна, — можно было бы и самой за нимъ присматривать! Если бы не я, отъ него бы только горсть косточекъ осталась. По дорогѣ бѣгаетъ... я его едва изъ-подъ телѣги вытащила. Нечего сказать, хороша мать! Вотъ ужъ именно Содомъ и Гоморра!

Она со стукомъ захлопнула дверь; перепуганный Хтавьянъ заплакалъ; Франка съ вновь загорѣвшимися глазами и вновь вспыхнувшею ненавистью бросилась за своимъ врагомъ, по милости котораго она должна была разстаться съ Данилкой и, кромѣ того, перенести побои мужа.

— Убью, — крикнула она, — ей-Богу, убью... схвачу за горло и задущу, какъ собаку...

Было видно, что Франка не шутитъ; и настигни она Уляну... Но вдругъ она почувствовала, какъ ея плечо опять очутилось въ желѣзныхъ клещахъ, и съ визгомъ присѣла на землю. Другая рука Павла нѣсколько разъ поднялась и тяжело опустилась на спину припавшей къ его ногамъ женщины.

— Не убьешь! — глухо шепталъ онъ сквозь стиснутые зубы, — не убьешь! Прежде я тебя... Мучайся! кайся! опомнись! за грѣхи мучайся!

Наконецъ, стихло все, — и пронзительный крикъ женщины, и плачь испуганнаго ребенка. Павелъ, весь блѣдный, съ лицомъ, облитымъ потомъ, съ высоко поднимающеюся грудью, вышелъ вонъ изъ хаты, сѣлъ и закрылъ лицо руками. Долго сидѣлъ онъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, переполненный горемъ и страданіемъ, наконецъ, точно вспомнилъ о чемъ-то, всталъ и вошелъ въ хату. Что-то дѣлается съ ребенкомъ? Онъ оглянулся кругомъ, — Франки нигдѣ не было видно. Она спряталась куда-то въ уголъ, за то Хтавьянъ сидѣлъ передъ печкой и пробовалъ строить изъ щепокъ домъ, то и дѣло поглядывая слепящими отъ сна глазами на гор-

щожь съ вашей. При видѣ Павла онъ выронилъ изъ рукъ щепки и жалобно запищалъ:

— Тятка! есть хочу!

Баша не была еще готова. Павелъ отрѣзалъ кусокъ хлѣба ребенку и посадилъ его на постель.

— Какъ съѣшь, ложись и спи,—промолвилъ онъ, наклонившись надъ мальчикомъ.

Изъ самаго темнаго угла хаты, оттуда, гдѣ обыкновенно хранились рыбацки принадлежности, послышался гнѣвный, раздраженный голосъ:

— Не трогай моего ребенка! Слышишь? Это мой ребенокъ... господскій... а ты разбойникъ, кровопійца... хамъ! подлый хамъ! Слышишь?

Павелъ, не говоря ни слова, загасилъ лампу и опять вышелъ изъ хаты.

Прошло нѣсколько дней и наступилъ тотъ вечеръ, когда обитатели двухъ сосѣднихъ хатъ пришли къ убѣжденію, что Франка окончательно сошла съ ума. Возлюкамъ тѣмъ ужаснѣе и противнѣе было слушать объ этомъ, что они хорошо знали главную причину безумія Франки. Вчера въ сумеркахъ Данилка, какъ угорѣлый, ввалился въ хату и чуть не плача закричалъ:

— Что-жь я подѣлаю? Потому опять вся бѣда на меня свалится? Лхнетъ, точно смола... И сегодня на гумно пришла... Обнимаетъ... просить...

— А ты что сдѣлалъ?—спросилъ Филиппъ, отрываясь на минутку отъ починки поломанной бороны.

— Толкнулъ ее въ шею и убѣжалъ,—отвѣтилъ Данилка.

— Не врешь?

— Да ей-Богу же!

— Ну, смотри! ежели что замѣчу... шкуру со спины спущу.

Ульяна выругалась и съ презрѣніемъ сплонула на сторону.

Данилка говорилъ правду. Мысль о свиданіи съ нимъ наединѣ гвоздемъ засѣла въ головѣ Франки и до послѣдней степени распяла ее кровь. Тутъ не любовь играла главную роль, а желаніе поставить на своемъ, отомстить всѣмъ и каждому, а въ особенности тому, кто осмѣлился побить ее. Чѣмъ больше разгоралась ее ненависть къ Павлу, тѣмъ пламеннѣе хотѣлось Франкѣ хоть въ чемъ-нибудь проявить свою независимость, повидаться съ красивымъ парнемъ, забыть хоть на минутку о томъ, что томило, терзало, жгло ее сердце. Кромѣ того, она была совершенно увѣрена, что Данилка любитъ ее, сохнетъ по ней и избѣгаетъ только изъ бояз-

ни Павла. А Данилка дѣйствительно избѣгалъ ея. Ослѣпленный и отуманенный первою любовью, онъ сначала легко поддавался на шептыванью Марцеллы и Франки, но потомъ испугался, — больше грѣха, чѣмъ побоевъ брата, — устыдился, немного поостылъ и, махнувъ рукою, рѣшительно сказалъ самому себѣ:

— И знать я ее не хочу!

И вотъ, когда Франка, улучивъ удобную минуту, прибѣжала на гумно и начала увиваться около Данилки, онъ сначала хотѣлъ прогнать ее, но, видя всю безуспѣшность своихъ словъ, толкнулъ ее въ спину и убѣжалъ домой.

Это превосходило уже всякую мѣру терпѣнія Франки. Какъ! развѣ она для того родилась, чтобы рука всякаго хама безнаказанно прогуливалась по ея спинѣ? Да что-жь она-то такое, чтобы выносить подобное надругательство? Покажетъ она имъ! Долго будутъ они помнить! Все это она причитывала, плача и рассказывая вдоль плетня, раздѣлявшаго два сосѣднихъ дома. Было еще раннее утро; Павелъ съ разсвѣтомъ отправился на рѣку, а Филиппъ и Уляна стояли у дверей своей хаты, не зная, что дѣлать, что сказать.

Въ воротахъ толпилась кучка людей, привлеченныхъ необычнымъ крикомъ. Была тутъ же и Авдотья.

— Я вамъ, хамы, покажу, кто я такая! — кричала Франка, — я васъ научу уважать себя! Я барыня! Мой отецъ въ канцеляріи служилъ, у дѣдушки было два дома собственныхъ, мать на фортепьянахъ играла... Слышишь? Вотъ кто я такая! Въ Бучкевичу напишу! А знаете вы, кто онъ? Адвокатъ; я ему все напишу, а онъ всѣхъ васъ за мои обиды въ Сибирь посошлетъ! Онъ богатый, всѣ передъ нимъ шапку снимаютъ... всѣ суды въ своей рукѣ держитъ, что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Онъ мнѣ двоюроднымъ братомъ приходится, онъ заступится за меня... всѣхъ васъ въ Сибирь сошлетъ... всѣхъ... всѣхъ... на каторгу... на всю жизнь... чтобы здѣсь и духомъ вашимъ не пахло.

Съ языка Франки лился цѣлый потокъ брани, проклятій и угрозъ. Иногда она замолкала на время, не переставая метаться взадъ и впередъ по узкому пространству огорода. И вотъ въ эти минуты она казалось поистинѣ страшной. Въ грязной рубахѣ, едва прикрытой дырявымъ платкомъ, съ босыми ногами, съ головой, обернутой мокрою тряпкой, она напоминала дикаго звѣря, стосковавшагося по свободѣ и бессильно бѣснующагося за желѣзными прутьями своей кѣтки.

Долго длилась бы эта сцена, еслибъ изъ-за угла хаты не по-

казался Павелъ. Кто-то поспѣшилъ сообщить ему о томъ, что происходитъ, и Павелъ шелъ теперь домой съ низко, на самые глаза нахлобученною шапкой, съ горящими отъ стыда щеками. Не говоря ни слова, онъ взялъ Франку за руку и исчезъ за дверями своей хаты. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда слышались крики, затѣмъ все стихло и жители мирной деревушки разбрелись по своимъ мѣстамъ.

Прошелъ часъ и Павелъ опять показался на порогѣ. Не обращаясь назадъ, онъ сурово проговорилъ:

— Затопи печку, да обѣдь свари, чтобы былъ готовъ, когда я вернусь съ рѣки. Коли не будетъ, опять побью.

Франка, сидѣвшая въ углу, на полу, вскочила на ноги и поспѣшно, торопливо начала разводить огонь. Дрожащими руками кладя въ печь сухія щепки, она шептала своими поблѣвшими губами:

— Приготовлю я тебѣ обѣдь, увидишь, какъ онъ вкусенъ тебѣ покажется! Отблагодарю я тебя... Покажу я вамъ всѣмъ... доволенъ останешься. Подожди, подожди! на томъ свѣтѣ развѣ будешь на меня свои кулаки хамскіе сучить!

Можно было предположить, что Франка чувствовала себя разбитою и утомленною послѣ всего, что произошло раньше. Ничуть не бывало. Быстро и легко налила она въ горшокъ воды, засыпала крупъ, бросила нѣсколько картофелинъ и принесла изъ сѣней крынку съ молокомъ. Какая-то мысль, какое-то чувство придавали ей силы и ловкости, казалось, ей во что бы то ни стало хочется приготовить пищу какъ можно вкуснѣе. И, помѣшивая ложкой въ горшкѣ, подбавляя то соли, то крупъ, Франка не переставала шептать сквозь плотно стиснутые зубы:

— Ну, вотъ ты и покушаешь, и сытъ будешь... такъ сытъ, что больше никогда и ѣсть не захочешь! И бить меня не захочешь! Поблагодаришь ты меня! Когда издыхать будешь, тогда узнаешь, каково меня бить!

Но по временамъ ея злобный, торжествующій шепотъ переходилъ въ унылый, почти отчаянный вопль:

— Господи, Господи! наказалъ меня Богъ за то, что я уважать себя не умѣла и въ мужичью хату залѣзла! Вотъ до чего теперь дошло! Кара Божія! кара Божія!

Когда каша была почти совсѣмъ готова, Франка отперла свой сундучокъ, порылась въ немъ, вынула маленькій бумажный пакетикъ и всыпала въ горшокъ щепотку бѣловатаго порошка. Все это сдѣлала она быстро, но споконно, не проронивъ ни слова.

За два часа до ранних осенних сумерок Павелъ заглянулъ въ окно своей хаты. Устье печи было прикрыто доской, Франка сидѣла на постели, сторбившись и положивъ голову на руки. Павелъ вспомнилъ, что со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ.

— Сварила что-нибудь? — спросилъ онъ, и голосъ его звучалъ гораздо спокойнѣе и мягче, чѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Это былъ голосъ человѣка, въ которомъ послѣ вспышки снова заговорило чувство сожалѣнія, которое тянетъ опять въ привычную ему атмосферу любви и согласія. — Сварила что-нибудь, Франка? — спросилъ онъ въ другой разъ.

— Сварила, — не поднимая головы, отвѣтила Франка.

— Налей въ миску и подай.

— Возьми самъ.

Павелъ отнялъ заслонку, вытащилъ горшокъ и отрѣзалъ себѣ кусокъ хлѣба. Ълъ онъ очень медленно. Минуту назадъ онъ чувствовалъ себя голоднымъ, теперь пища съ трудомъ проходила въ его горло. Горчитъ какъ будто немного эта каша. Нѣтъ, это горечь, поднимающаяся съ дна его души. Это она отбиваетъ у него охоту ѣсть и придаетъ горькій вкусъ всему, къ чему онъ ни прикоснется. Павелъ съѣлъ нѣсколько ложекъ, снялъ сермягу и растянулся на лавкѣ съ тяжелымъ вздохомъ измученнаго нравственно человѣка. Франка шила что-то, — когда Павелъ ѣлъ, она не спускала съ него глазъ, — но теперь отбросила въ сторону свои тряпки и опять закрыла глаза руками. Глубокая тишина, прерываемая только дыханіемъ спящаго человѣка, долго царствовала въ хатѣ, только снаружи доносился веселый смѣхъ и крики дѣтей, между прочимъ, и Хтавьяна. Начинало темнѣть, день видимо клонился къ вечеру. Павелъ во снѣ раза два повернулся и тихо застоналъ. Губы его искривились точно отъ боли. Франка подняла голову, съ минуту посмотрѣла на мужа и торопливо вышла изъ хаты. Тихо, крадучись, она прошла мимо окна и зашагала вдоль по дорогѣ. На встрѣчу ей медленно подвигалась какая-то неуклюжая фигура, окутанная лохмотьями, съ посохомъ въ рукахъ.

— Марцела! — крикнула Франка голосомъ, какимъ кричатъ люди, вырвавшіеся изъ плѣна, при видѣ своего естественнаго союзника.

Давно уже не видала она нищенки. Марцела, какъ и раньше, послѣ исторіи съ лакеемъ Каролемъ, не считала себя совершенно правою и предпочитала нѣкоторое время просидѣть дома, чѣмъ лѣзть въ глаза Павла и Бозлюковъ, которыхъ боялась, какъ огня. Но любопытство, все-таки, брало свое (кое-что она успѣла услышать

о ссорѣ Франки съ мужемъ) и Марцела осторожно вышла на развѣдки. Франка припала на грудь нищенки и зарыдала. Базалось, все горе, которое тяжелымъ камнемъ налегло на ея сердце, теперь растаяло и выливается вмѣстѣ съ потокомъ слезъ.

— Что, бьетъ тебя мужъ?—хриплымъ шепотомъ начала разспрашивать Марцела.—Такой добрый казался, а теперь поди-жь ты! Бѣдняжка ты моя! Не на то ты создана на бѣлый свѣтъ! Барыней тебѣ быть, а не такое поношеніе терпѣть... Ой, Боже ты мой, Боже! а я и придти къ тебѣ боялась... думаю, а ну, какъ и меня побьетъ?

Франка вдругъ перестала плакать.

— Теперь онъ меня никогда ужъ больше бить не станеть,—прошептала она.

— Отчего?

— Я такъ устроила, что не будетъ.

— Голубушка ты моя!... да что-жь ты устроила такое?

— Отравила!—отрывисто прошептала Франка.

— Господи, Царь небесный!... Съ ума ты сошла, что ли, чтобъ говорить такія вещи?—крикнула Марцела.

— Можетъ быть, и съ ума сошла, только не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ.

Марцела вздрогнула подъ своими лохмотьями.

— Франка! ты не лжешь?

— Ей-Богу,—побожилась Франка и ударила себя кулакомъ въ грудь.

— Господи, Иисусе Христе, Матерь Пресвятая! Святой Антоній Падуанскій!...—бормотала Марцела заплетающимся языкомъ.—Ахъ ты злодѣйка, ахъ ты обаянная! Головушка моя бѣдная! Зачѣмъ ты сказала мнѣ это?... Какъ бы и мнѣ въ отвѣтъ не попасть!... Души въ тебѣ человѣческой нѣтъ!

Въ это время изъ хаты Павла послышался голосъ.

— Уляна, Уляна!

То былъ крикъ громкій, но какой-то странный, искаженный болью, зовущій на помощь. Франка пустилась бѣжать назадъ, притаилась за стѣнной хаты и осторожно заглянула во дворъ. Павелъ стоялъ въ дверяхъ и звалъ сестру. Наконецъ, Уляна откликнулась изъ глубины сарая.

— Чего тебѣ?

— Иди сюда!—ослабѣвшимъ голосомъ отвѣтилъ Павелъ,—ради Бога, скорѣй... спаси...—Онъ, шатаясь, вошелъ въ хату и скрылся за дверью.

Цѣлый часъ въ хатѣ рыбака царилъ страшная суматоха. Павелъ, полураздѣтый, лежалъ на лавкѣ, корчась отъ невыносимой боли, и ежеминутно просилъ пить. вмѣсто воды, ему давали отваръ травы, которую Авдотья кипятила у печки, то шепча молитвы, то браня кого-то.

— Вотъ что горе-то значить! Замучила бѣднягу эта шельма, въ могилу свела... Авось, Богъ дастъ, можетъ быть, и отдышется... авось эти травы помогутъ.

Она насыпала горячей золы въ мѣшочекъ и учила Уляну, какъ это нужно приложить, къ какому мѣсту. Уляна, несмотря на слезы, обильно текущія по ея краснымъ щекамъ, безпрекословно исполняла всѣ приказанія знахарки, отъ времени до времени выбѣгая изъ хаты посмотрѣть, что дѣлаютъ дѣти. Филиппъ, совершенно растерянный и огорченный, сидѣлъ на лавкѣ, не зная, что дѣлать. Въ хату набралось много сосѣдокъ. Пришла и Франка, проскользнула, какъ тѣнь, вдоль стѣны и забила въ самый дальнѣй и темный уголъ. Никто не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія, только Уляна грубо оттолкнула ее, когда нужно было зачерпнуть воды изъ ведра, стоящаго возлѣ Франки.

Франка еще глубже забила въ уголъ и закрыла лицо руками. Она не поднимала головы ни тогда, когда Павелъ начиналъ стонать громче, а женщины владывали ему въ руки зажженную вращенскую свѣчу, ни тогда, когда Данила вошелъ въ хату и, перемолвившись съ кѣмъ-то, вышелъ обратно. Прошелъ еще часъ. Больной начиналъ стонать рѣже, успокоивался; его изсиня-блѣдное лицо, искаженное муками, начинало принимать обычное выраженіе.

— Легче тебѣ?—наклонясь надъ нимъ, спросила Авдотья.

— Легче,—слабымъ голосомъ отвѣтилъ Павелъ.

Тутъ Уляна снова вспомнила о дѣтяхъ.

— Филиппъ,—шепнула она мужу,—поди посмотри, что дѣти... да и огонь погаси въ хатѣ, какъ бы бѣды какой не надѣлали.

На дворѣ стоялъ уже вечеръ, настоящій осенній вечеръ,—свѣжій, ясный, звѣздный. Подходя къ воротамъ, Филиппъ увидалъ какую-то неясную фигуру, а до ушей его долетѣлъ хриплый шепотъ:

— Боже милосердый, смилуйся надъ нами! Боже милосердый, смилуйся надъ нами!

То была Марцела. Вотъ уже три часа блуждала она около хаты Павла, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться. Она и сказать боялась о томъ, что знаетъ, и боялась скрыть тайну. Въ первую минуту ей пришла въ голову мысль о подозрѣніи, которое могутъ взвести на нее же, а потомъ припомнился и страшный судъ Божій... Вотъ

тамъ каково-то будетъ отвѣчать!... Бромъ, того она искренно сожалѣла человѣка, стоны котораго доходили сюда, на дворъ, и чувствовала негодованіе на женщину, отважившуюся даже на это.

— Филиппъ!—окликнула она, наконецъ,—а Филиппъ!

Филиппъ оглянулся назадъ.

— Чего тебѣ?

— Знаешь что?... Павелъ... шуринъ-то твой... отравленъ...

— Что?—громко крикнулъ Филиппъ.

— Ей-Богу!—продолжала хрипѣть нищенка,—только ты ужь, сдѣлай милость, не говори никому, что ты это узналъ отъ меня, а то и мнѣ бѣда будетъ... Яду ему подсыпала...—Въ головѣ Филиппа все прояснѣло. Давно уже онъ думалъ, что Франна сдѣлаетъ что-нибудь ужасное. Такъ оно и вышло. Откуда же на Павла сразу такая хворь напала? Марцела правду говорить, какъ Богъ святы, правду... Филиппъ схватился за голову. Съ одной стороны, страшно ему стало, съ другой—онъ былъ доволенъ: теперь Павелъ самъ убѣдится, какой опасности онъ подвергалъ и себя, и своихъ близкихъ... Передъ глазами Филиппа, какъ молнія, промелькнули тюрьма, судъ, Сибирь. Возьмутъ Франку, въ Сибирь ее сошлютъ и всѣхъ отъ нея избавятъ... Онъ оттолкнулъ Марцелу и, задыхаясь, вбѣжалъ въ хату Павла..

— Вотъ оно что, Павелъ! знаешь?—ты отравленъ, жена тебѣ яду подсыпала.

Павелъ хорошо слышалъ. Словно ужаленный, онъ приподнялся на лавкѣ, сѣлъ и протяжно спросилъ:

— Что?

— Отравила,—повторилъ Филиппъ,—яду подсыпала...

Уляна вскрикнула и задомила руки; Авдотья поспѣшно подскочила къ большому.

— Ъль ты сегодня что-нибудь?

Павелъ бессильно опустился на лавку.

— Ъль... кашу,—тихо отвѣтилъ онъ.

— А гдѣ эта каша?—заметалась по хатѣ Авдотья. Уляна, блѣдная и дрожащая отъ слышаннаго, нагнулась и подала съ полу глиняный горшокъ.

— Я его сюда поставила... онъ мнѣ мѣшалъ огонь разводить.

— Такъ ты эту кашу ѣль?—Авдотья поднесла горшокъ къ самому лицу Павла.

Но Павелъ ничего не отвѣчалъ. Безсмысленными, дикими глазами онъ водилъ по хатѣ. Онъ увидалъ въ углу открытый сундучокъ Франки и тутъ же, рядомъ, на полу юбку съ вывороченнымъ

карманомъ, увидалъ помятую бѣлую бумажку посрединѣ хаты, вспомнилъ что-то и закрылъ глаза. Грудь его тяжело поднималась, но сквозь крѣпко стиснутые зубы не вырывалось ни звука.

— Паромъ! Паромъ! Паро-о-омъ! — послышался протяжный крикъ, доносящійся съ противоположнаго берега рѣки.

Филиппъ не обратилъ на этотъ крикъ никакого вниманія, за то Данилка, рывшійся въ столѣ, выскочилъ на дворъ, вернулся черезъ минуту и громко прошепталъ, наклонившись къ брату.

— Филиппъ! иди скорѣй! Урядникъ!

Филиппъ вскочилъ съ мѣста и вскорѣ уже сбѣгалъ съ горы съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ.

— Вотъ Богъ во время послалъ его! — думалъ Филиппъ. — Въ самый разъ!

Удивительнаго здѣсь ничего не было: уряднику по дѣламъ службы нерѣдко приходилось переѣзжать черезъ Нѣманъ, но Филиппъ теперь приписывалъ это персту Божію.

Хата Павла на минуту опустѣла. Уляна побѣжала къ себѣ провѣдать дѣтей, Авдотья поплелась пополнить истощавшійся запасъ дровъ. Павелъ медленно открылъ глаза.

— Франка! — слабымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Въ углу между ведромъ съ водой и ворохомъ рыбацкихъ принадлежностей послышался легкій шорохъ и изъ мрака появилась сгорбленная фигура Франки. Она ступила два шага впередъ и остановилась съ руками, крѣпко прижатыми къ груди, съ низко опущенною головой.

— Франка, — тихо, какъ бы съ усиліемъ, спросила Павелъ, — это правда?

Она молчала.

— Франка, ты никогда не лгала... Скажи и теперь по совѣсти: правда это?

— Правда.

Павелъ опять закрылъ глаза. Онъ не сказалъ ни слова, даже не застоналъ, только на его лобъ выступили крупныя капли пота, а губы сжались еще крѣпче. Франка все стояла на одномъ мѣстѣ, безцѣльно глядя на огонь потухающей печки. Вотъ въ сѣняхъ послышались чьи-то шаги, и Филиппъ, безъ шапки, задыхающійся, съ беспорядочно-спутанными волосами, переступилъ черезъ порогъ:

— Не сердись, Павелъ, — рѣшительнымъ голосомъ заговорилъ онъ, — сейчасъ сюда придетъ урядникъ, эту злодѣйку арестуетъ.

При этихъ словахъ Франка точно пробудилась отъ тяжелаго сна и бросилась было къ выходу, но въ это самое время въ дверь

уже входила Уляна съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и урядникъ въ мундирѣ съ блестящими пуговицами, — тотъ самый урядникъ, который три года тому назадъ, сидя въ бричкѣ, разговаривалъ съ Павломъ объ исчезновеніи Франки.

— Ну, одѣвайся, — скомандовалъ Франкѣ урядникъ, — да живо... гулять пойдёмъ! — и тутъ же обратился къ Филиппу, сказавъ, что сегодня уже поздно везти ее къ слѣдователю, значить, пташка у него на квартирѣ переночуетъ. До деревни, гдѣ онъ живетъ, не далеко — версты четыре, а онъ, урядникъ, просто съ ногъ сваливается отъ усталости. А завтра Франку онъ непременно повезетъ дальше.

— Только отсюда-то ее возьмите. Ради Бога, возьмите! — взмолился Филиппъ.

Павель, не двигаясь съ мѣста, все время слѣдилъ за Франгой. Она, дрожа всѣмъ тѣломъ, одѣвалась, не обращая вниманія на мужчинъ, сняла деревенскую юбку, одѣла городскую, съ обтрепаннымъ подоломъ, надѣла кофту, бурнусъ и смѣнила мокрую тряпичу на головѣ шерстянымъ платкомъ. Тогда урядникъ взялъ ее за руку и повелъ къ двери. Павель подмѣтилъ въ глазахъ Франки только одно — выраженіе полного, безпредѣльнаго страха и отчаянія.

— Легче тебѣ? — участливо спросила Уляна.

— Почт'ь всеѣмъ прошло... — Павель молчалъ. Онъ мало принялъ я... умереть отъ него, и настолько много, чтобы скоро выздо... Гсперь ничего, только спать мнѣ хочется.

Авдотья... минуту передъ тѣмъ возвратилась съ новымъ запасомъ... заявила, что она останется на ночь сторожить больна.

— Не надо, кума, — ласково, но рѣшительно отвѣтилъ Павель, — никого мнѣ не надо... Погасите огонь и идите спать, — вы и такъ всё намучились достаточно. А меня одного оставьте, ничего.

Авдотья зажгла лампочку, залила огонь въ печкѣ и со спокойнымъ духомъ направилась домой. Минуту спустя Павель приподнялся на лавкѣ, свѣсилъ ноги внизъ и долго просидѣлъ, тяжело свѣсивъ голову на грудь. Зачѣмъ отъ такъ настойчиво выгонялъ всѣхъ изъ комнаты? Для того, чтобы въ одиночествѣ и тиши разрѣшить вопросъ, почему въ глазахъ Франки видѣлся такой страхъ, такое отчаяніе, когда она пошла за урядникомъ; наконецъ, почему она шла такъ покорно, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія? «Да, — промелькнуло въ головѣ Павла, — погибла на вѣки! Въ тюрьму, въ Сибирь... и нѣтъ уже ей спасенія ни въ семь свѣтѣ, ни въ

будущемъ». А потомъ, какъ отзвугъ давно прошедшаго, донеслись къ нему слова, которыя когда-то онъ произнесъ передъ святымъ алтаремъ: «не оставляю тебя до смерти!» Долго въ темнотѣ, царившей въ хатѣ, было тихо, затѣмъ послышался слабый голосъ:

— И не оставляю тебя до смерти!

Вотъ вспыхнуло синеватое пламя сѣрной спички; Павелъ, шатаясь, подошелъ къ столу и зажегъ лампочку.

Въ окнахъ хаты Козлюковъ было совершенно темно, — вся деревня спала мертвымъ сномъ. Павелъ сталъ на колѣни передъ кроватью и началъ вытаскивать изъ-подъ нея что-то очень тяжелое. Трудно ему было, но въ немъ совершался тотъ же самый процессъ, какой полдня тому назадъ испытывала Франка: одна неотвязная мысль укрѣпляла его нервы, заглушала боль, удваивала силы.

Черезъ нѣсколько минутъ Павелъ вытащилъ изъ-подъ кровати сундучокъ, окованный желѣзомъ и отперъ замокъ. Движенія его становились все болѣе порывистыми и нетерпѣливыми. Медлить ему было некогда. Или сегодня, въ эту же ночь, или никогда!

Онъ торопливо, кое-какъ обулся, напялилъ на себя сермягу. Правда, ночи оставалось еще не мало, но ему нужно было пробѣжать четыре версты. Да на чемъ ѣхать? Развѣ вывести потихоньку изъ конюшни Филиппову лошадь и запречь въ телѣгу? Конюшня не запиралась никогда, — ее стерегла только Курта, а Курта на него не залаетъ. Но что-то удерживало Павла, ему было противно для такого дѣла пользоваться лошадью Козлюка. «Какъ жида на Амона, такъ и они на нее обозлились, — думалъ онъ. — Правда, есть за что, а кому она больше всего вреда нанесла? Мнѣ. А свѣдѣнью я всегда и самъ простить могу. Да и что-жъ сдѣлалось со мнѣ? Въдѣ, живъ остался?» Павелъ чувствовалъ, что останется живъ. Ну, хорошо... онъ поплыветъ въ челнокъ, — не Богъ вѣсть, какое разстоянiе, а отъ берега до квартиры урядника всего четверть версты.

Прошло нѣсколько часовъ; поздній осенній разсвѣтъ загасилъ звѣзды на сѣроватомъ небѣ, а надъ рѣкою клубился густой туманъ и совершенно закутывалъ свою пеленой лодку съ двумя сѣдоками, приближающуюся къ берегу.

Павелъ возвращался не одинъ: за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, шла женщина въ бурнусѣ, съ низко наклоненною головою. Когда Павелъ толкнулъ дверь своей хаты и вошелъ въ сѣни, она остановилась. Онъ обернулся назадъ.

— Иди!

Женщина переступила порогъ и остановилась у дверей, точно

сразу ослѣпла или не знала, куда ей идти и что дѣлать. Павелъ тяжело опустился на лавку и опять сказалъ:

— Раздѣнься!

Она медленно сняла съ головы платокъ и руки ея вновь тяжело упали вдоль тѣла. Теперь она казалась преступницей, стоящей передъ судилищемъ, — вся подавленная страшнымъ бременемъ стыда и грѣха. Минуту спустя рѣсницы ея дрогнули и приподнялись, а глаза, встрѣтившись съ глазами Павла, наполнились слезами. Безъ словъ, тихо она сдѣлала два шага впередъ и, не приближаясь къ Павлу, вдругъ поклонила голову такъ низко, что концы ея распущенныхъ волосъ коснулись самого пола. Такъ низко и униженно обыкновенно кланяются крестьяне, когда просятъ о какой-нибудь милости. Франка видала это не разъ, и теперь, нарочно такъ поклонившись Павлу, быстро повернулась къ дверямъ и вышла въ сѣни. Онъ провелъ рукою по влажнымъ глазамъ и понижъ головою. Такъ прошло нѣсколько минутъ; Франка не возвращалась. Павелъ всталъ, отворилъ дверь и кликнулъ:

— Иди!

Она послушно вошла и остановилась лицомъ къ печкѣ. Павелъ, усѣвшись на лавку, заговорилъ слабымъ голосомъ:

— И еще разъ я спасъ тебя, хотя теперь ты покусилась... Но еслибъ ты осталась тамъ, то погибла бы на вѣки, а тутъ, можетъ быть, еще и опомнишься, злобу свою окаянную проклянешь и покаешься... Съ перваго раза, когда я увидалъ тебя, жалко мнѣ стало, — охъ! какъ жалко! — поэтому я и поклялся, что до смерти тебя не оставлю. Клятва — не шутка. Я поклялся, что не оставлю тебя, и не оставлялъ, и до смерти не оставлю.

Трудно было ему говорить, но, видя, что Франка стоитъ, какъ окаменѣлая, онъ прибавилъ:

— Ну, чего-жь ты такъ стоишь?... Затопи печку, въ хатѣ холодно, чаю завари себѣ и мнѣ дай... Дѣлай, что хочешь, что тебѣ надобно. Ты такая же хозяйка, какъ и раньше была.

Неизвѣстно, что послышалось Франкѣ въ словахъ Павла; она зашаталась, изъ глазъ ея ручьемъ хлынули слезы, и она упала на колѣни. Франка не кричала, не плакала, не стонала, только плечи ея подергивались отъ глухихъ, сдержанныхъ рыданій. Но прошло нѣсколько минутъ, она торопливо вскочила на ноги и начала растапливать печь. Павелъ лежалъ на постели съ закрытыми глазами; на лавкѣ, ничѣмъ не прикрытый, въ грубой холстинной рубашкѣ, съ обнаженною грудью и руками, безмятежно спалъ Хтавьянъ. Франка замѣтила его и прикрыла своимъ платкомъ, — она несла

Павлу стаканъ чаю, но остановилась по срединѣ хаты, охваченная одною мыслію. Да станетъ ли онъ пить то, что она подаетъ ему... послѣ вчерашняго? Но Павелъ не испугался, взявъ стаканъ и жадно припалъ къ нему своими блѣдными губами. Франка долго, долго смотрѣла на него и, наконецъ, крѣпко прижала къ лицу обѣ руки.

— Напейся чаю и спать ложись... подушку возьми... — проговорилъ Павелъ.

— Не нужно, — тихо отвѣтила Франка, — я бурнусь подъ голову... и такъ засну.

Раннимъ утромъ Уляна пришла навѣстить брата, увидала Франку и поспѣшила къ мужу. Навѣрное, тутъ какія-нибудь чары, колдовство. Но Филиппъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и рѣшительно отрѣзалъ:

— Твой братъ просто съ ума сошелъ!

Уляна заголосила:

— Конечно, съ ума сошелъ: развѣ здоровый человѣкъ рѣшится на это?

Другаго названія для опредѣленія поступка Павла не было. Филиппъ собрался даже ѣхать въ городъ, обвинять Франку въ покушеніи на убійство, а урядника—въ попусценіи слабости въ исполненіи своихъ обязанностей, но прошло дня два-три, Уляна вспомнила, какъ братъ нянчилъ ее на рукахъ, отдалъ ей въ приданое половину своего огорода, да и потомъ помогалъ, чѣмъ могъ... Все-таки, и это надо принять въ соображеніе!

— А, можетъ быть, Филиппъ, лучше ихъ не трогать? Пусть они живутъ какъ хотятъ. Зачѣмъ намъ ее преслѣдовать? Будемъ смотрѣть за своею хатой и за дѣтьми, а Павелъ... пусть дѣлаетъ, что хочетъ...

Филиппъ ругался, хмурился, каждый день собирался ѣхать въ городъ, но дѣло кончалось только однѣми угрозами. Павелъ всегда былъ такъ добръ къ нимъ, а Франка теперь совѣмъ не показывалась имъ на глаза.

Авдотья не выдержала, — пошла провѣдать стараго пріятеля. Павелъ выздоравливаетъ, но блѣднѣлъ, похудѣлъ страшно; Франка спряталась въ самый темный уголокъ сѣней, такъ что Авдотья ее и не видала какъ слѣдуетъ. Павелъ говорилъ, что отдохнетъ дня два-три и отправится на рѣку, а то вскорѣ начнутся дожди. Когда Авдотья упомянула о Франкѣ, онъ покачалъ головою и проговорилъ:

— Теперь ужъ она не такая, какъ была. Опомнилась, добрѣе стала... ей-Богу!

Павелъ былъ искренно увѣренъ въ этомъ: недаромъ онъ такъ

долго, лежа на лавкѣ, наблюдалъ за робкими движеніями Франки. Она никогда не приближалась къ нему; если нужно было что подать, то подавала издали, вытянувъ руку во всю длину. Первою она никогда не заговаривала, а когда Павелъ вызывалъ ее на разговоръ, отвѣчала тихо, мягко и никогда не поднимала глазъ. По возвращеніи отъ урядника, она легла спать, подложивъ себѣ бурнусъ подъ голову. Напрасно потомъ Павелъ уговаривалъ ее взять одну изъ подушекъ и лечь на кровати, Франка отвѣчала коротко, но рѣшительно:

— Не хочу, не нужно.

Павелъ не отставалъ; у Франки однажды вырвалось съ отѣнкомъ ея прежней раздражительности:

— Еще чего захотѣлъ!...

Когда Хтавьянъ однажды напрашивался спать съ нею, Франка, прежде всего, объяснила ему, что спать съ «тятей» удобнѣе, а потомъ обратилась къ Павлу съ просьбой взять къ себѣ ребенка. Казалось, что самая мысль о близкомъ сосѣдствѣ невиннаго существа наполняла ея душу страхомъ. Отъ времени до времени, тоже подъ вліяніемъ какого-то безотчетнаго страха или опасенія, лицо ея искажалось судорогами, точно передъ ея глазами мелькали страшныя привидѣнія. Дѣлала она все, что только было нужно: подметала хату, готовила обѣдъ, на разсвѣтѣ или поздно вечеромъ ходила съ кувшиномъ за водою, чтобъ не встрѣтиться къ кѣмъ-нибудь, — съ кувшиномъ потому, что полное ведро поднять ей было не подъ силу. И все это дѣлалось тихо, безшумно, точно Франка прислушивалась къ звукамъ, идущимъ откуда-то издалека. Не разъ ей приходилось останавливаться посерединѣ комнаты, съ глазами, безумно испуганными, устремленными куда-то впередъ. Иногда даже изъ ея губъ вырывался болѣзненный крикъ.

— Что такое?—спрашивалъ тогда Павелъ.

— Ничего, испугалась я очень...—неохотно отвѣчала Франка.

— Чего испугалась?

Она не отвѣчала и вновь принималась за свое дѣло.

Сердце Павла таяло отъ проявленія такой покорности. Наконецъ-то она исправилась! Наконецъ, отреклась отъ дьявола, который такъ долго держалъ ее въ своихъ когтяхъ! И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Павлу становилось жалко.

— Франка,—заговорилъ онъ однажды,—что ты, какъ побитая собака, уши поджимаешь и въ глаза мнѣ не смотришь? Я не сержусь на тебя, я очень доволенъ, что ты стала такая добрая. Говори попржнему, смѣйся... веселье—не грѣхъ.

Франка слушала его сначала съ тревогой, потомъ съ удивленіемъ, наконецъ, закрыла глаза руками и глухо зарыдала.

Павель подошелъ къ ней ближе.

— Чего ты боишься? Отчего у тебя порою въ глазахъ такой страхъ, точно ты покойника увидала? Можетъ быть, ты кары Божіей за грѣхи свои боишься? Не бойся! Ужь я тебѣ говорю это, не бойся! Покаешься, попросишь Бога, Онъ и проститъ тебѣ!

— Какой Богъ? никакого Бога нѣтъ!—горько усмѣхнулась Франка, но Павель сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и продолжалъ:

— Ты не стара еще; а чего не замолишь молитвой, чего не купишь доброю жизнью? Вотъ и я скоро выздоровлю, у Бозлюковъ за тебя прощенія попрошу... и будемъ мы всѣ жить тихо, мирно... А потомъ Хтавьянъ подростетъ... рыбу я его научу ловить...

Блѣдное и худое лицо Павла озарилось улыбкой.

Франка слушала, не проронивъ ни слова; но когда Павель протянулъ руку, чтобъ прижать ее къ себѣ, рванулась съ мѣста и выбѣжала въ сѣни, оттуда на дворъ и почти безсильно опустилась среди полузавядшихъ листьевъ лопушника. Долго сидѣла она, ничего не понимая, не сознавая окружающаго, пока надъ ея головою не раздался хриплый голосъ:

— Франка!

Она опомнилась и коротко проговорила:

— Поди сюда!

Нищенка приближалась медленными шагами. Съ одной стороны, она опасалась, не узнала ли Франка о ея предательствѣ, съ другой—ее крайне интересовало узнать, что произошло за послѣднее время.

— Какъ поживаешь, милая?—начала она.—Слава Богу, что ты здѣсь... а люди Богъ знаетъ что болтали.

— Люди ничего не знаютъ,—отрѣзала Франка,—я одна все знаю. Люди глупы, злы... подлы... только онъ одинъ добрый...

— Бто, душечка, кто добрый?—нетерпѣливо разспрашивала Марцела.

— Садись; я все расскажу.

Она усѣлась рядомъ съ Франкой, и все, что тяготило Франку, что камнемъ лежало на ея сердцѣ, — все живымъ и сбивчивымъ разговоромъ полилось изъ ея усть.

Франка рассказывала, какъ урядникъ заперъ ее въ темный чуланъ, какія страшныя видѣнія проходили передъ ея глазами. Запрутъ ее въ тюрьму, предадутъ суду, въ Сибирь сошлютъ, на ка-торгу... Мужа отравила, а за это наказаніе не маленькое, Франка

знаетъ отлично. Въ чуланѣ темно, какъ въ ямѣ... Франка ощупью искала шнурка... кажется, все на свѣтѣ отдала бы за прочный гвоздь и обрывокъ шнурка, чтобы повѣситься, скрыться и отъ злаго свѣта, и отъ злыхъ людей... ото всего, ото всего скрыться... И вотъ, когда она, измученная мракомъ и холодомъ, металась по тѣсному чулану и билась головою объ стѣну, за дверями послышался голосъ Павла. Франка не хотѣла вѣрить своимъ ушамъ, но это былъ *его* голосъ. Павелъ стучалъ въ окно и вызывалъ урядника. Урядникъ всталъ, зажегъ свѣчу, впустилъ Павла; и Франка приложила глазами къ щели, и все, рѣшительно все видѣла и слышала.

— Что-жь ты видѣла, милая моя, что слышала?—спрашивала окончательно заинтересованная Марцела.

Франка слышала, какъ, прежде всего, Павелъ началъ говорить уряднику, что она, Франка, не виновата ни въ чемъ, что тутъ только сплетни и глупости, что онъ здоровъ и никакой претензіи къ ней не имѣеть. «Выпустите ее, отдайте мнѣ». Урядникъ, довольный, что ему кланяются въ ноги, не выдержалъ и согласился. При этомъ онъ чуть не задохся отъ смѣха. «Вотъ дурень, говорить, другаго такого и на свѣтѣ не сыщешь!» А Павелъ на смѣхъ урядника рѣшительно никакого вниманія не обращалъ, все о ней, о Франкѣ, спрашивалъ. Урядникъ отперъ чуланъ и долженъ былъ искать ее со свѣчей, потому что она, заслышавъ шаги Павла, спряталась за бочку и только одного и желала, какъ бы провалиться сквозь землю. Но Павелъ отыскалъ ее, взялъ за руку и привелъ ее къ своему челноку... Вотъ какъ было дѣло! Вотъ что она видѣла и слышала!

Марцела, на время онѣмѣвшая отъ изумленія, прошептала:

— Какой онъ добрый, какъ святой какой-нибудь! И счастлива же ты, Франка...

— Пусть черти возьмутъ такое счастье!—вспыхнула Франка.

— Не знаешь ты своего счастья и не понимаешь его,—заговорила было Марцела, но Франка стремительно перебила ее.

— Убилъ онъ меня этою своею добротой, запугалъ такъ, что я жить больше на свѣтѣ не могу... страшно мнѣ жить...

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и закончила:

— Господи Ты Боже мой!... Еслибъ могла, то, кажется, взяла бы, да и убила ее, какъ бѣшеную собаку...

— Бого?—спросила перепуганная нищенка.

— Стоитъ она передъ моими глазами и стоитъ... куда ни обернусь, повсюду ее вижу... страшная такая!

— Да кто такое? Скажи, успокойся, кто передъ твоими глазами стоитъ?

Франка посмотрѣла на нее удивленными глазами.

— Да я же сама,—отвѣтила она.

— Съ нами крестная сила!... — начала было Марцела, но Франка схватила ее за руку.

— Ничего ты не знаешь и ничего не понимаешь,—замѣтила она,—самой себя я боюсь... того, что сдѣлала, боюсь... Съ той самой минуты, когда я слышала сквозь щель, какъ онъ за меня урядника просилъ, со мной сдѣлалось что-то такое, что я жить на свѣтъ не могу... Что-то грызетъ меня внутри... спать не даетъ... пугаетъ... Самою себя я боюсь и его боюсь... больше боюсь, чѣмъ тогда, когда онъ меня билъ... глазъ на него поднять не могу... такой стыдъ!

— Брось, успокойся!—уговаривала старуха.—Уважай его, люби, и будешь сидѣть, какъ у Бога за пазухой... все хорошо будетъ.

Франка отрицательно покачала головою.

— Ужь я ее знаю... она, какъ пьяница: когда трезва, то хорошо... а какъ напьется, то вновь что-нибудь надѣлаетъ...

— Кто? Что ты городишь, Франка? Кто такой?

— Да я же!—опять опомнилась Франка и тихимъ голосомъ, какимъ говорятъ очень слабые больные, начала жаловаться:—Плохо мнѣ... охъ, Марцела, такъ плохо, что и умереть я не могу... Какое ужъ теперь мнѣ житье на бѣломъ свѣтѣ? Руки и ноги мои связаны, боюсь я опять что-нибудь сдѣлать, боюсь и житья того, которое меня съ нимъ ожидаетъ, и всего боюсь... Все мнѣ не мило, ничего мнѣ не хочется... Словно въ могилу меня закопали...

Она смолкла на минуту.

— Такъ мнѣ нехорошо, Марцела... точить что-то мое сердце, сосеть...

Подулъ вѣтеръ. Франка вздрогнула и съ трудомъ приподнялась съ земли.

— Холодно...

— Да,—подтвердила Марцела,—осень уже на дворѣ... А ты, красавица моя, солонинки дай, а то мнѣ и въ похлебку положить нечего.

— Люди говорятъ,—глядя куда-то далеко, за рѣку, начала Франка,—что когда какой-нибудь человѣкъ вѣшается, то всегда такой сильный вѣтеръ поднимается...

— Да, болтають!— сказала Марцела.— Можетъ быть, завтра Павелъ пойдетъ на рѣку... такъ я, миленькая моя, приду къ тебѣ...

— О, да, завтра...

— А ты солонинки мнѣ дашь?

— Завтра!— протяжно повторила Франка и, не говоря больше ни слова, пошла домой, пробираясь сквозь чащу засохшаго бурьяна.

Павелъ сидѣлъ за столомъ на лавкѣ и слушалъ, какъ Хтавьянъ, сидящій у него на колѣняхъ, что-то очень горячо и съ большимъ оживленіемъ рассказывалъ.

— Гдѣ была?— спросилъ Павелъ. Франка отвѣтила, что сидѣла около хаты, что на дворѣ поднимается вѣтеръ.

— Осень,— промолвилъ Павелъ,— но это ничего. Завтра я пойду на рѣку, хоть и волна будетъ; теперь налимовъ страхъ сколько наловить можно.

Франка сидѣла за ужиномъ молча и молча кормила Хтавьяна. Еслибъ въ эту минуту на нее поглядѣлъ какой-нибудь психіатръ, увидалъ бы, какое глухое, беспредѣльное отчаяніе виднѣется въ ея глазахъ, то понялъ бы, что ея душа, какъ мотылекъ съ оборванными крыльями, опять изнываетъ на той линіи, которая отдѣляетъ здравый умъ отъ безумія, спокойствіе отъ бѣшенства. Но Павелъ видѣлъ передъ собою только тихую, покорную женщину и думалъ о томъ, какъ бы завтра помирить ее съ Козлюками.

Сейчасъ же послѣ ужина Франка наклонилась надъ своимъ сундучкомъ, достала оттуда толстый красный шнурокъ и подпоясалась имъ поверхъ своего городского бурнуса. Павелъ не обратилъ на это никакого вниманія. Сидя на постели, онъ начиналъ раздѣваться и снялъ было уже одинъ сапогъ, когда Франка приблизилась къ нему со спящимъ Хтавьяномъ на рукахъ. Она крѣпко поцѣловала спящаго ребенка и положила его на постель рядомъ съ Павломъ.

— Будь добръ къ нему, какъ и ко мнѣ былъ добръ... — шепнула она.— Онъ ни въ чемъ не виноватъ!

Павелъ удивился.

— Что ты, одурѣла, что ли? Да развѣ я его не люблю и не жалѣю?

Но Франка, не говоря ни слова, поклонилась ему до земли тѣмъ самымъ глубокимъ поклономъ, какимъ кланялась послѣ своего изъбавленія изъ-подъ ареста. Павелъ тоже не сказалъ ни слова. Опустивъ голову на подушку, онъ думалъ:

«Стыдится еще! Забыть еще не может о томъ, что сдѣлала! Ну, и слава Богу! Видно, теперь совсѣмъ опомнилась».

И Павелъ заснулъ. Не слыхалъ онъ шума все болѣе и болѣе вѣрпчавшаго вѣтра, не слыхалъ, какъ среди ночи тихо скрипнули двери его хаты.

Утромъ, очень рано, его разбудилъ шумъ людскихъ голосовъ. Имя Франки поминалось то и дѣло. Павелъ вскочилъ и, не одѣваясь, босикомъ выбѣжалъ на дворъ. Тамъ, гдѣ кончался заборъ Козлюковъ, недалеко отъ сосновой рощицы, стояла кучка мужчинъ и женщинъ. Всѣ громко кричали, спорили и показывали пальцами на ту лужайку, гдѣ между двухъ старыхъ сосенъ поднимался тонкій, высокій крестъ. Павелъ уловилъ на-лету нѣсколько словъ и, какъ сумасшедшій, побѣжалъ къ галдѣвшей кучкѣ. Но прежде чѣмъ онъ добѣжалъ, вѣтеръ подулъ сильнѣе и изъ-за сосенъ показался, аршинахъ въ двухъ надъ землей, развѣвающийся розовый фартукъ Франки. Кромѣ этого розоваго лоскута, Павелъ ничего не видалъ, но понялъ все. Теперь уже и онъ ее не спасетъ... Онъ схватился рукою за плетень, а на лицѣ его появилось, должно быть, что-то очень страшное, потому что Авдотья и Уляна крикнули разомъ:

— Спасите, люди добрые! Держите его, онъ умираетъ!

Но Павелъ не умеръ. Неправда, что люди здоровые, сильные, вѣрпкіе по природѣ умираютъ отъ моральныхъ страданій. Сильный, здоровый мужчиный организмъ Павла Кобыцкаго не разбѣжился и даже не ослабѣлъ въ томъ многолѣтнемъ эпизодѣ, который огненною полосой перерѣзалъ сѣрую однообразную ленту его жизни. Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но и теперь еще можно видѣть принѣманскаго рыбака, плывущаго по рѣкѣ на встрѣчу розовому разсвѣту или возвращающагося домой позднимъ вечеромъ. Когда онъ выходитъ на песчаный берегъ или пристаеетъ къ островку, сплошь заросшему бѣлою гвоздикой и царскими свѣчами, его почти всегда сопровождаетъ мальчикъ, ребенокъ лѣтъ десяти, бѣлокурый, съ черными глазами, осѣненными длинными рѣсницами. Старый рыбакъ немного сторбился, посѣдѣлъ; онъ очень задумчивъ, молчаливъ; ребенокъ, румяный и здоровый, всегда веселъ и щебечетъ, какъ птица. Видно, что между ними царствуетъ полнѣйшее согласіе. Порою, когда мальчикъ надолго скроется въ лѣсу царскихъ свѣчей, вдоль по рѣкѣ раздается громкій крикъ:

— Хтавьянъ!... А, Хтавьянъ!

А изъ-за высокихъ стеблей, покрытыхъ косматыми листьями, откликается звонкій дѣтскій голосокъ:

— Бу-ку! тятя!... ку-ку!

Тогда на суровыхъ устахъ рыбака появляется улыбка, и онъ громко приказываетъ мальчику налить воды въ горшокъ съ наловленною рыбой. Хтавьянъ появляется съ пугомъ гвоздики въ рукахъ и весело смѣется. Очевидно, ему весело живется.

А о чемъ думаетъ въ это время его старый спутникъ? Никто не знаетъ этого, — онъ ни съ кѣмъ не дѣлится своими мыслями. Люди говорятъ, что онъ ни разу не вспомнилъ о своей удавленницѣ жёнѣ со дня ея похоронъ, что онъ, попрежнему, избѣгаетъ людскаго общества, но лѣтомъ и весною большую часть своего времени проводитъ на рѣкѣ.

Но въ длинныя зимнія вечера окно принѣманскаго рыбака долго свѣтится, а парни и дѣвки, идущіе на посидѣлки въ хату Бозлюковъ, остановившись подъ окномъ, слышатъ протяжное, монотонное чтеніе. На столѣ виднѣется разложенный молитвенникъ, а надъ нимъ, склонившись, сидитъ высокій, сильный человекъ, съ сѣдою бородой, со лбомъ, изборожденнымъ морщинами, и медленно читаетъ молитвы. Другой книжки Павелъ Бобыцкій не знаетъ, и, должно быть, не узнаетъ никогда, потому что въ сосѣднемъ городѣ книжекъ не продаютъ, а у сосѣдей достать ихъ или очень трудно, или совсѣмъ невозможно. Свою книжку онъ прочелъ уже отъ доски до доски три раза, теперь начинаетъ читать въ четвертый. Впрочемъ, за послѣдніе два года на чтеніе молитвенника ему выпадаетъ меньше времени, потому что на столѣ часто красуется старая, изорванная азбука, а около нея сидитъ на высокому стулѣ Хтавьянъ и, запустивъ пальцы въ свои льняные волосы, бормочетъ:

— Б-а—ба; б-е—бе...

Прошлую зиму онъ дошелъ уже до буквы *и*, но за лѣто успѣлъ почти все перезабуть. Теперь Павелъ опять началъ его учить съ *б*. Бормотанье Хтавьяна продолжается довольно долго, затѣмъ мальчикъ засыпаетъ, а Павелъ въ полголоса начинаетъ читать свой молитвенникъ. Потомъ огонекъ въ окнѣ рыбака гаснетъ и вся маленькая деревушка погружается въ глубокой сонъ. Бромъ рѣдкаго лая псовъ, ни одинъ живой голосъ не нарушаетъ тишины глухой ночи, за то тѣмъ яснѣе слышатся другіе звуки.

Иногда морозъ вздумаетъ пройтись дозоромъ по своимъ владѣніямъ и стучить ледяною рукой то въ одно, то въ другое окошко, иногда разыгрывается бѣшеная буря и со свистомъ и ревомъ, взметая сугробы снѣга, мчится взадъ и впередъ по улицѣ деревушки.

Жители, привыкшіе къ этимъ звукамъ, спятъ мирнымъ, нетревожнымъ сномъ, только одинъ человѣкъ долго не можетъ сомкнуть своихъ усталыхъ глазъ.

Около него, на той же самой постели, раздается спокойное дыханіе спящаго ребенка, а онъ всматривается въ окружающій его мракъ и вслушивается въ дикіе голоса разыгравшейся бури. И вотъ къ этимъ голосамъ примѣшивается порою и его горячій, умоляющій шепотъ:

— Боже! милостивъ буди къ ней грѣшной! Боже! милостивъ буди къ ней грѣшной! Боже! прости ее по великой милости Твоей!

В. Л.

Т р и д у ш и.

(Древнее сказаніе).

Три блѣдныхъ тѣни чередой
Стучатся робко въ двери рая:
— «Открой, святой ключарь, открой!» —
Съ мольбою тихою взывая.

И вопрошающій вдали
Онѣ внимають голосъ: — «Кто вы,
Во тьмѣ грядущіе съ земли
Подъ эти благодные кровы?
Чѣмъ были вы? Въ какой борьбѣ
Какіе подвиги свершали?
Какъ жили вы и чѣмъ себѣ
Блаженство райское стяжали?»

И говоритъ изъ нихъ одна:
— «Мнѣ чуждъ былъ громъ житейской битвы:
Вся жизнь моя была полна
Благоговѣнья и молитвы.
Я былъ жрецомъ всю жизнь, людей
Добру и правдѣ поучая,
Гася постыдный пылъ страстей
И свѣточъ вѣры возжигая...»

— «Съ мечомъ въ рукѣ я міръ земной
Прошелъ, — отвѣтила вторая, —
Широкой, пламенной волной
И страхъ, и гибель разливая.
Вся жизнь прошла средь буйныхъ сѣчь,
Но лишь за немощныхъ и правыхъ

Я поднималъ и стягъ, и мечъ
 Въ бояхъ кипучихъ и кровавыхъ...»

— «А твой путь чѣмъ былъ освященъ?» —
 Апостолъ третью вопрошаетъ.
 Глубокій, долгій, тяжкій стонъ
 Звучить въ отвѣтъ и замираетъ...
 И голосъ тихій и больной
 Пугливо шепчетъ: — «Я?... Не знаю...
 Не помню... что-то... мракъ сырой...
 Пустыня... холодъ... ночь глухая...
 Чужія окна, въ нихъ огни...
 Чужія двери на запорѣ...
 И такъ вся жизнь, вся жизнь — и дни,
 И ночи... голодъ, стыдъ и горе...
 Молилась... нѣтъ, я не могла
 Я не умѣла... Богъ... не знаю,
 Не помню... Голодъ, стужа, мгла...
 О, посмотри, какъ я страдаю!...
 Какъ страстно жаждала я дня
 И часа благостной кончины!...
 Открой, открой, вступи меня...
 Прилечь, согрѣться разъ единый,
 Уснуть, уснуть... А тамъ — конецъ...
 Покой и миръ, и тишь нѣмая...»

— «Посторонитесь, вождь и жрецъ!» —
 Раздался гласъ у двери рая.

С. Фругъ.

По поводу двадцатипятилѣтія Женевской конвенціи (1864—1889).

I.

Въ августъ (10/22) настоящаго года исполнится двадцать пять лѣтъ со дня подписанія европейскими государствами *Женевской конвенціи*, — этого благороднѣйшаго изъ всѣхъ международныхъ актовъ, открывающаго новую эру въ современномъ правѣ войны. За это время его существованія не мало было голосовъ, ему враждебныхъ, особенно среди военныхъ и тѣхъ, которые преклоняются только предъ «военными» интересами, а, съ другой стороны, опытъ послѣднихъ войнъ указалъ и на нѣкоторые его недостатки, объ устраненіи которыхъ надо дѣйствительно позаботиться, но все это, касаясь тѣхъ или иныхъ деталей Женевской конвенціи, не въ состояніи подорвать ни основнаго ея принципа, ни многочисленныхъ и плодотворныхъ, вытекающихъ изъ нея, послѣдствій.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно внимнуть, прежде всего, въ *причины ея возникновенія*. Великій филантропъ Женевы, такъ много сдѣлавшій для осуществленія конвенціи и для распространенія въ обществѣ ея идей, Густавъ Муанье, недавно представилъ объ этомъ французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ любопытный докладъ *). Будучи какъ бы примѣненіемъ и расширеніемъ заповѣди Христа о любви къ врагамъ, Женевская конвенція является ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ всего современнаго общественнаго строя и новѣйшихъ военныхъ порядковъ въ частности.

Можно найти не мало соглашеній между воевавшими объ облегченіи участи раненыхъ и въ вѣка, предшествовавшіе нашему **), но это были соглашенія частныя и временныя, не переживавшія отдѣльныхъ войнъ и лишеныя какой-либо прочной организаціи. Пока въ Европѣ общественный строй, въ періодъ абсолютизма, покоился на сословной розни, глубоко отчуждавшей другъ отъ друга отдѣльныя общественныя группы, и пока, съ

*) *Gustave Moynier*: „Les causes du succès de la Croix-Rouge“, въ отчетахъ академіи за 1888 г.

**) Ихъ насчитываютъ между европейскими государствами, съ конца XVI до начала нынѣшняго столѣтія, около 300.

другой стороны, государства въ своей внѣшней политикѣ держались однихъ традицій макиавеллизма, естественно не могла возникнуть и Женевская конвенція. Но съ половины прошлаго столѣтія повѣяло новымъ духомъ, благодаря отчасти Руссо, энциклопедистамъ и экономистамъ. Они стали энергично распространять идеи о братствѣ и взаимной солидарности народовъ. На этихъ принципахъ современной этики покоятся все дѣло «Краснаго Креста». Глубокое преобразованіе совершается одновременно и въ военномъ стрѣ. Солдаты прежнихъ армій, даже въ мирное время, не безъ основанія считались врагами остальнаго населенія. Своими насиліями и грабежами они отвращали отъ себя всякое сочувствіе. Введеніе общей воинской повинности измѣняетъ все дѣло, тѣмъ болѣе, что Европа переживаетъ, со второй половины настоящаго столѣтія, цѣлый рядъ войнъ. Теперь каждая почти семья имѣетъ членовъ въ рядахъ армій. Непрестанный усовершенствованія въ орудіяхъ истребленія дѣлаютъ войны, при всей ихъ краткости, несравненно убійственнѣе и болѣе тяжкими для раненыхъ, тѣмъ прежде, а телеграфъ и періодическая печать, столь разросшаяся въ наши дни, быстро разносятъ повсюду свѣдѣнія о жертвахъ войны, вызывая къ нимъ сочувствіе.

Таковы *реальныя данныя*, а не фантазіи утопистовъ, которыя призвали къ жизни Женевскую конвенцію и оберегаемыя ею учрежденія «Краснаго Креста». Достоинно вниманія, что, въ то же самое время, однородныя условія повели и за Атлантическимъ океаномъ къ совершенно сходнымъ явленіямъ. Въ 1863 г. *Полевая инструкция Либера войскамъ С. Штатовъ* дѣлала первую смѣлую попытку выразить обычай войны въ формѣ закона, а *Санитарная коммиссія* стремилась въ обширныхъ размѣрахъ оказать помощь жертвамъ тогдашней междоусобной брани.

По *содержанію* десять статей женевского акта касаются слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: раненые и больные войны должны быть принимаемы и пользуемы, къ какому бы народу они ни принадлежали. Въ этихъ видахъ устанавливается особая, усиленная охрана (нейтралитетъ) для лицъ и вещей, предназначаемыхъ для этого ухода. Особые флаги и знаки (нарукавники для врачей и санитаровъ) отмѣчаютъ все, связанное съ этимъ святымъ дѣломъ. Что можетъ быть проще этихъ немногихъ статей? Но, чтобы судить, какъ должно, о значеніи извѣстныхъ принциповъ, надо ознакомиться съ ихъ проведеніемъ въ жизнь и съ тѣми практическими послѣдствіями, которыя они на нее оказали.

Въ этомъ отношеніи, съ точки зрѣнія не *буквы*, а *духа* Женевской конвенціи, мы, прежде всего, видимъ, что она чужда какой бы то ни было исключительности религіозной или политической. Подписанная вначалѣ делегатами девяти европейскихъ правительствъ, она въ настоящее время принята 29 государствами *). Каждая война увеличивала число пристунав-

*) Именно: восемью (19) въ Европѣ, шестью въ Америкѣ (С. Штаты, Аргент. респ., Перу, Боливія, Чили, Сальвадоръ), тремя въ Азій (Турція, Персія и Японія) и однимъ въ Африкѣ (Конго). См. *Archives Diplomat.* 1889, Janv., p. 19; Fevr., p. 247.

шихъ къ ней сторонъ. Между ними мы видимъ не только большинство странъ христіанскихъ, но и двѣ державы магометанскія и даже одну языческую. Будь присоединеніе послѣднихъ пока только номинальнымъ (какъ это показалъ, къ сожалѣнію, примѣръ Турціи въ 1877 г.), но, все-таки, въ этомъ нельзя не видѣть признанія за нѣкоторыми международными нормами міроваго, универсальнаго характера, по природѣ присущаго и Яненвской конвенци. Въ этомъ отношеніи она является какъ бы первою блестящею предвозвѣстницею и прототипомъ будущаго.

Въ качествѣ международного договора, Яненвская конвенци и связанная съ нею учрежденія призваны дѣйствовать по отношенію къ войнамъ внѣшнимъ, т. е. тѣмъ, которыя ведутъ между собою государства, но, по природѣ и по духу «Краснаго Креста», онъ долженъ, какъ справедливо говоритъ Муанье, распространять свою помощь и на жертвы войнъ внутреннихъ, т. е. междоусобныхъ. Чуждаясь, по возможности, политическихъ симпатій или антипатій, служители его обязаны помогать страждущимъ отъ войны, гдѣ бы ни потребовалась ихъ помощь. «Преграды антагонизма между государствами, — замѣчаетъ Муанье, — постепенно устраняются. Любовь къ ближнему, опираясь на идею братства людей, уже не заботится болѣе о границахъ географическихъ, политическихъ или религіозныхъ и высшимъ проявленіемъ этого служить «Красный Крестъ». Послѣдователи его не довольствуются служеніемъ согражданамъ и даже иностранцамъ, но считаютъ долгомъ жертвовать собою даже для своихъ враговъ» *). Золотыя слова, которыя должно часто приводить себѣ на умъ, особенно въ наши дни обостренія національной вражды почти во всѣхъ странахъ и когда многіе писатели, увлекшись національною идеею, доводятъ ее иногда до безучастія или непріязни къ остальному человѣчеству.

Между обстоятельствами, вызвавшими Яненвскую конвенци, мы не упомянули о главномъ: о крайне плохомъ официальном положеніи санитарнаго и врачебнаго дѣла въ европейскихъ арміяхъ до ея появленія. Не было достаточно людей, которые могли бы ухаживать за ранеными; не существовало необходимыхъ для этого денежныхъ и иныхъ матеріальныхъ средствъ.

Дюнанъ въ своемъ сочиненіи *Souvenir de Solferino* (1859), — подавшемъ болѣе всего толчокъ къ движенію, которое привело къ Яненвской конвенци, — какъ очевидецъ сольферинской битвы, изображаетъ въ яркихъ краскахъ несчастное положеніе раненыхъ, умиравшихъ тысячами, только вслѣдствіе крайне недостаточнаго за ними ухода и отсутствія врачебной помощи. Имъ приходилось часы, а то и дни переносить всѣ мученія отъ голода и жажды, отъ стужи и зноя, не говоря уже объ ихъ ранахъ. Яненвская конвенци, хотя сама ни единымъ словомъ не упоминаетъ объ обществахъ «Краснаго Креста», болѣе всего, однако, на дѣлѣ содѣйствовала ихъ возникновенію и быстрому повсюду распространенію, благодаря, между прочимъ, той косвенной охранѣ, которую она для нихъ установила. Рядомъ съ

*) Назв. брошюра, стр. 11.

официальнымъ и военнымъ врачевнымъ персоналомъ теперь возникаютъ, подъ сѣнію женеваго знака, многочисленныя *частныя общества*, которыя, чтобы выполнить свою задачу вспомошествованія раненымъ и больнымъ, готовятъ во время мира нужный для этого громадный матеріальный и личный составъ. Общества «Краснаго Креста» *) большею частью частныя и національныя въ томъ смыслѣ, что они, прежде всего, должны работать на пользу своихъ соотечественниковъ. Но если средства и обстоятельства имъ дозволяютъ, они призваны, какъ замѣчено, не отказывать въ содѣйствіи тѣмъ, кто истинно въ томъ нуждается. Въ виду такой, общей имъ всѣмъ цѣли, необходимо и установленіе между ними известной солидарности и общей организаціи. Существующій въ Женевѣ международный комитетъ «Краснаго Креста», предсѣдательствуемый Муанье, хотя и пользуется нѣкоторымъ нравственнымъ авторитетомъ въ другихъ странахъ и является какъ бы связью между отдѣльными національными комитетами или обществами того же рода, но современемъ надо будетъ преобразовать его въ *настоящее международное учрежденіе* (или бюро) съ делегатами отъ всѣхъ государствъ, присоединившихся къ Женевской конвенціи. Цѣлью его должны быть — *контроль* и однообразное *направленіе* (когда нужно, и цѣлесообразное *распределеніе*) всего дѣла помощи. Это не подорвало бы самостоятельности національных комитетовъ, но высшею организаціей связало бы ихъ въ одно прочное и живое цѣлое.

Этою стороною — *вмѣняя нейтральнымъ правительствамъ и гражданамъ* какъ бы въ правило спѣшить къ воюющимъ съ своею помощію — Женевская конвенція содѣйствуетъ укрѣпленію между народами идеи общенія и солидарности. Помощь нейтральныхъ, краснорѣчиво проявившаяся въ послѣднихъ войнахъ, стала возможною благодаря особенно телеграфу и желѣзнымъ дорогамъ, быстро сообщаящимъ обо всемъ и быстро передвигающимъ лица и вещи. Она можетъ имѣть только благотворное значеніе, если она оказывается внѣ собственно политическихъ интересовъ, а лишь по мотивамъ челоуколюбія. Но если нейтральные являются съ этимъ содѣйствіемъ, они, съ другой стороны, призваны и наблюдать за исполненіемъ воюющими женевакихъ постановленій. Такимъ образомъ расширяется и на основаніи возможно-твердыхъ и однообразныхъ нормъ регулируется дѣло вспоможенія больнымъ и раненымъ войнамъ. Въ немъ, очевидно, равно заинтересованы какъ воюющіе, такъ и нейтральные, какъ военныя сословія, такъ и все мирное населеніе. Ревниво его оберегая, должно слѣдить за всѣми указаціями опыта, чтобы дѣлать въ немъ тѣ улучшенія и расширения, которыя представляются необходимыми. Задача очень деликатная и трудная, браться за которую можно только среди мира и послѣ тщательныхъ все-

*) Недавно международный комитетъ „Краснаго Креста“ въ Женевѣ издалъ обзоръ ихъ дѣятельности за истекшее двадцатипятилѣтіе: *Memorial des vingt cinq premières années de la Croix-Rouge. 1863—1888*. Отчеты присланы центральными комитетами отдѣльныхъ странъ. Къ нимъ составляетъ введеніе вышеназваннаго брошюра Муанье. Ср. еще: *Maxime Discamp: „La Croix-Rouge de France“*. 1889.

стороннихъ къ ней приготовленій. Но однимъ правительствамъ она не подъ силу, а для этого имъ нужно содѣйствіе самихъ обществъ вспоможенія, этихъ прямыхъ органовъ Женевской конвенціи *).

II.

Во главѣ *реформы* женевскаго дѣла должно быть поставлено исправленіе и дополненіе самой конвенціи. Относительно ея *текста* нельзя не согласиться съ Блунчи въ томъ, что онъ носитъ болѣе характеръ работы филантроповъ и врачей, а не юристовъ. Нѣкоторыя ея статьи требуютъ болѣе точной и измѣненной редакціи, конечно, не въ ущербъ, какъ мы уже говорили, ея основному принципу. Не менѣе важны дополненія ихъ тѣми *новыми постановленіями*, которыя либо прямо изъ нихъ вытекаютъ, какъ дальнѣйшіе естественные выводы, либо стоятъ съ ними, по предмету, во внутреннемъ средствѣ.

Укажемъ на главнѣйшіе пункты.

Строгая логика конвенціи требуетъ распространенія нейтрализаціи съ лазаретовъ и лицъ врачебнаго вѣдомства на самихъ больныхъ и раненыхъ. Послѣднимъ должно быть предоставлено право, по излеченіи, возвращаться въ отечество. Это право, само по себѣ весьма гуманное, съ военной точки зрѣнія, можетъ быть даруемо только лицамъ, неспособнымъ къ продолженію военной службы. Что же касается остальныхъ, то оно можетъ простираться только на тѣхъ, которые формально обязуются впредь не принимать никакого активнаго участія въ данной войнѣ. Давать же подобныя обязательства они могутъ лишь съ дозволенія отечественныхъ законовъ, съ согласія противника, въ руки котораго они впали, и по убѣжденію собственной ихъ совѣсти **).

Въ силу того же принципа, вывозъ больныхъ и раненыхъ изъ городовъ осаждаемыхъ долженъ быть объявленъ свободнымъ и совершаться въ поѣздахъ нейтральныхъ или, по крайней мѣрѣ, въ вагонахъ нейтрализованныхъ, подъ контролемъ воюющихъ. Непріятель, держащій городъ въ осадѣ, будетъ обыкновенно противиться такому выѣзду, ибо вслѣдствіе него увеличится сила сопротивленія осажденнаго, но примѣры предпочтенія военнымъ требованіямъ интересовъ человеколюбія встрѣчаются въ новѣйшихъ войнахъ ***).

*) Такъ формулируетъ этотъ вопросъ *Законы сухопутной войны*, изд. Института въ ст. 76—78. Неопредѣленіе говоритъ объ этомъ вторая Женевская конвенція 1868 г.: „Взятые непріятелемъ раненые, если бы даже они были призваны способными къ службѣ, должны быть, послѣ ихъ выздоровленія или, если можно, ранѣе, отпущены въ ихъ страну, но подъ условіемъ не братья болѣе за оружіе во время войны“ (ст. 5).

**) Какъ извѣстно, въ 1870 г. изъ Страсбурга, во время его осады, благодаря стараніямъ Швейцаріи, многимъ старикамъ, женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ было дозволено укрыться на ея территоріи.

***) Съ 1864 г. эти общества посылали своихъ представителей на четыре междунациональныя конвенціи: въ Парижѣ (1867), Берлинѣ (1869), Женевѣ (1884) и Карлсруѣ (1887).

Не менѣ важны были бы постановленія объ охранѣ полей сраженія отъ грабителей различнаго рода и о погребеніи мертвыхъ. Воюющимъ часто некогда это дѣлать или они относятся къ этому небрежно. Вторая дипломатическая конференція въ Женевѣ 1868 г. въ принципѣ одобрила принятіе подобныхъ мѣръ, а законы сухопутной войны, изданные Институтомъ международного права, въ ст. 19 и 20 специально говорятъ объ охранѣ и погребеніи убитыхъ.

Было бы хорошо распространить нейтрализацію на нѣкоторыя для раненыхъ воиновъ особенно признаваемые цѣлебными лечебныя станиціи для того, чтобы дать имъ возможность и во время войны лечиться *). Собственно военные интересы отъ этого мало страдаютъ, а во имя страждущаго человечества слѣдовало бы хотя главные лечебные пункты въ Европѣ признать навсегда замиренными и недоступными для военныхъ операцій. Это было бы только расширеніемъ нейтралитета самихъ лазаретовъ и госпиталей, а также ст. 17 Брюссельской деклараціи, предписывающей, даже во время бомбардированія, «щадить, насколько возможно, зданія, посвященныя религіи, наукамъ, искусствамъ и человеколюбію (госпитали и другіе пункты, назначаемые для сбора больныхъ и раненыхъ)».

Общества «Краснаго Креста» заслуживаютъ упоминанія въ самой конвенціи и полученія отъ нея прямой, формальной, т.-е. вездѣ равной юридической охраны **). На этотъ пробѣлъ указала еще частная парижская конференція въ 1867 г. Право ношенія отличительныхъ знаковъ конвенціи требуетъ подчиненія болѣе строгому контролю. Поэтому нельзя не одобрить назначенія международнымъ комитетомъ въ Женевѣ преміи въ 500 франковъ за лучшее сочиненіе о мѣрахъ предупрежденія и пресѣченія злоупотребленій именемъ и знакомъ «Краснаго Креста» ***).

Конвенція устанавливаетъ различіе между движимымъ имуществомъ лазаретовъ, признаваемымъ неприкосновеннымъ, и имуществомъ госпиталей, которое подчиняется дѣйствию законовъ войны, т.-е. становится собственностью побѣдителя. Одинаковая природа того и другаго имущества (движимое) и одинаковое ихъ назначеніе—служить врачевнымъ цѣлямъ—требуютъ и равной ихъ неприкосновенности. Аргументъ, выставляемый противъ этого и состоящій въ томъ, что имущество госпиталей, какъ учреждений прочныхъ, болѣе цѣнно и важно для воюющихъ,—этотъ доводъ теряетъ свою силу, если вспомнить, что учрежденія «Краснаго Креста» равно открыты для воюющихъ во время войны и призваны оказывать помощь вездѣ, когда они только въ состояніи это сдѣлать.

Необходимо установить юридическую санкцію взысканій за нарушеніе конвенціи. Эта санкція, по существу дѣла, двоякая: уголовные законы от-

*) Постановленіе этого рода рекомендовано правительствамъ берлинскою конференціею 1869 г. (созванною обществами вспомошествованія).

***) О нихъ упоминается въ ст. 18 *Второй Женевской конвенціи* 1868 г.

***) Условія этого конкурса напечатаны въ *Revue de Droit intern.* 1889, p. 109.

дѣльныхъ государствъ призваны, прежде всего, оберегать ея постановленїя отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ. Затѣмъ нейтральнымъ правительствамъ или обществамъ (лучше всего делегатамъ международнаго комитета въ Женевѣ) слѣдовало бы поручить надзоръ за соблюденїемъ конвенци воюющими. По возможности слѣдуя за арміями, эти лица констатировали бы факты и ходатайствовали передъ властями государства, которому принадлежатъ нарушители, объ устраненїи всякихъ, ими удостовѣренныхъ нарушенїй конвенци. Въ случаѣ отказа въ правосудїи уже со стороны виновнаго правительства или непрекращающихся о томъ пререканїй, особая международная инстанція должна бы разсматривать и рѣшать эти споры. Въ качествѣ такой инстанци Мунанъ рекомендовалъ прежде международный третейскїй судъ. Позднѣе онъ высказался за установленїе для этого нѣкоего суда чести (*jury d'honneur*). Первая мысль намъ кажется вѣрнѣе въ виду особенно того, что третейскимъ судамъ вообще слѣдовало бы предоставить разсмотрѣніе всѣхъ споровъ, возникающихъ изъ нарушенїя нейтралитета и которые не удастся уладить дипломатїи.

Болѣе всего, въ видахъ практической дѣйствительности конвенци, необходимо распространять знакомство съ нею во всѣхъ слояхъ населенїя. Особенно каждый рядовой долженъ бы твердо ее знать, для чего носить съ собою по экземпляру ея, съ краткимъ общепонятнымъ толкованїемъ. Вообще эту же мѣру слѣдовало бы практиковать относительно обычаевъ и законовъ войны, изложенныхъ сообразно съ Брюссельскою деклараціею 1874 г. или съ указомъ правительствующаго сената отъ 12 мая 1877 г. *). Нормы военнаго права должны быть знакомы для солдатъ, но и для большинства мирнаго населенїя, ибо онѣ въ равной степени касаются правъ и обязанностей тѣхъ и другихъ.

Наконецъ, постановленїя Женевской конвенци должны быть распространены и на морскїя войны, въ духѣ договора 1868 г., не утвержденного правительствами Европы.

Таковы, въ немногихъ словахъ, главныя добавленїя къ занимающему насъ акту. Конечно, и они не исчерпываютъ дѣла, но всякія законодательныя нормы, чтобы оставаться жизнеспособными, нуждаются въ своевременныхъ просмотрахъ и исправленїяхъ, согласно съ указанїями самой жизни, вѣчно измѣняющейся и нарождающей новыя потребности.

Мы хорошо понимаемъ, что добавленїя, о которыхъ мы говоримъ, не могутъ быть сдѣланы всѣ за одинъ разъ, ни выражены, быть можетъ, въ какомъ-либо одномъ актѣ, но правительства, подписавшія Женевскую конвенцию, приняли на себя какъ бы нравственную обязанность объ ея дальнѣйшемъ усовершенствованїи, въ духѣ ея основнаго принципа.

*) Документы эти, равно и объ Женевскїи конвенци 1864 и 68 г. (для морской войны) залпчатаны бар. Таубе въ переводѣ его соч. *Гейтнера*: „Европейское международное право“ (1880 г.)

III.

Женевская конвенція важна для насъ не только по своему *содержанию*, но и какъ *первый опытъ кодификаціи* военнаго права со стороны европейскихъ правительствъ. За нею, по почину русскаго правительства, послѣдовала въ 1868 г. Петербургская конференція о разрывныхъ пуляхъ, а въ 1874 г., также благодаря стараніямъ Россіи, конференція въ Брюссель, выработавшая известную декларацію о законахъ и обычаяхъ войны *). Въ сожалѣнію, послѣдняя не получила утвержденія правительствъ, но, отличаясь тщательною редакціей и благородными идеями, она не прошла безслѣдно. Начала, ею высказанныя, легли съ тѣхъ поръ въ основаніе научныхъ обработокъ права войны и воспроизводятся въ различныхъ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ. Спеціально Россія подтвердила обязательность ихъ для своихъ войскъ въ вышеупомянутомъ указѣ сената 1877 г.

Мы полагаемъ, что пора было бы правительствамъ придать этой примѣчательной деклараціи окончательную и обязательную форму. Мотивы, побудившіе ихъ послать своихъ делегатовъ въ Брюссель, существуютъ и теперь въ полной силѣ. Они весьма хорошо резюмированы въ заключительномъ протоколѣ самой брюссельской конференціи: «Еще въ 1868 г., по поводу Петербургской конвенціи, было единодушно высказано то мнѣніе, что развитіе цивилизаціи должно вліять, насколько возможно, на уменьшеніе бѣдствій, приносимыхъ войною, и что *единственною законною цѣлью юсударствъ во время войны можетъ быть стремленіе къ ослабленію непріятели безъ причиненія ему ненужныхъ страданій*. Конференція, проникнутая тою же идеей, пришла къ убѣжденію, что необходимо сдѣлать еще шагъ далѣе и попытаться болѣе точно опредѣлить обычай и законы войны въ видахъ *указанія, съ общаго согласія, известныхъ предметовъ, ограничивающихъ суровости войны*. Подчиненная такимъ условіямъ, война повлечетъ за собою менѣе бѣдствій и предотвратитъ усиленіе жестокостей, порождаемыхъ отсутствіемъ твердыхъ правилъ, случайностями и страстями, которыя возбуждаются борьбой; указаннымъ же путемъ война можетъ успѣшнѣе достигъ своей *конечной цѣли, т.-е. возстановленія между союющими добрыхъ отношеній и мира болѣе прочнаго и продолжительнаго*.

«Конференція представляетъ на благоусмотрѣніе правительствъ свой трудъ, какъ добросовѣстное изслѣдованіе, могущее послужить къ развитію постановленій Женевской конвенціи 1864 г. и Петербургской деклараціи 1868 г. Въ заключеніе она считаетъ нужнымъ высказать свое убѣжденіе, что, во всякомъ случаѣ, ея пренія бросили свѣтъ на эти важные вопросы, разрѣшеніе которыхъ, еслибъ оно соотоялось посредствомъ общаго соглашенія, составило бы дѣйствительное преуспѣяніе для человѣчества».

Нельзя допустить мысли, чтобы правительства *тринадцати юсударствъ* **), пославшія своихъ уполномоченныхъ въ Брюссель, не были

*) Почти всей Европы, за исключеніемъ Португаліи и славянскихъ земель.

***) И эти документы напечатаны у бар. Таубе въ названномъ переводѣ.

одушевлены искреннимъ и серьезнымъ желаніемъ совершить эту реформу военнаго права, неотложность которой они сами признали. Въ то время дѣло это встрѣтило себѣ преграды частью въ его новизнѣ и трудности, частью же въ политическомъ антагонизмѣ между нѣкоторыми державами, обострившемся вслѣдствіе событій, которыя затѣмъ послѣдовали на Балканскомъ полуостровѣ.

Нынѣ эти препятствія въ значительной части устранены: научная критика, съ одной стороны, успѣла разъяснить и сгладить многія возрѣнія на права и обязанности воюющихъ, рѣзко между собою сталкивавшіяся въ Брюсселѣ; съ другой стороны, всѣ правительства въ Европѣ, судя по ихъ официальнымъ заявленіямъ, одушевлены горячею любовью къ миру и вѣрою въ нѣкоторую его обеспеченность, ибо, повторяютъ они на всѣ лады, никто не помышляетъ о нападеніяхъ или завоеваніяхъ *), а всѣ только и заботятся объ охранѣ принадлежащихъ имъ правъ и интересовъ. Этой же высокой цѣли—поддержанію между народами согласія и права—содѣйствуетъ и кодификація международныхъ нормъ, относящихся до войны, — дѣло, могущее подвигаться впередъ только во время мира. Указанныя нами выше исправленія Женевской конвенци составляютъ только часть обширной программы этой кодификаціи и правительства, которыя принялись бы хотя за частичное ея выполненіе, тѣмъ болѣе всего почтили бы тотъ славный актъ, двадцатипятилѣтіе котораго празднуется въ нынѣшнемъ году.

Гр. Л. Намаровскій.

*) Ср. объ этомъ заявленія, наприм., германскаго императора Вильгельма II при вступленіи его на престолъ, рѣчь Гобле 14 ноября 1888 г. во французской палатѣ депутатовъ и вообще интересную статью Ролень-Жакмена о политическомъ положеніи Европы въ 1888 г. (назв. *Revue* 1889 г., p. 77—108).

Очеркъ исторіи русскаго театра до 1812 г. *).

На ряду съ царскою семьей страсть къ театру заразила и близко стоявшее боярство. Кромѣ боярина Матвѣева, зачинщика театральнаго дѣла, устроившаго въ своемъ домѣ организованный театръ вродѣ царскаго, театральныя зрѣлища устраивались въ домѣ боярина Милославскаго, получившаго оттого, по словамъ Малиновскаго, названіе *поттшинаго*, кн. Ян. И. Одоевского и любимца царевны Софьи, кн. В. В. Голицына. Даже она изъ приближенныхъ боярынь царевны Софьи, Тат. Ив. Арсеньева, устраивала у себя въ домѣ театральныя зрѣлища, на которыхъ представляли ся барскіе люди и барскія барыни. Когда царь Петръ выписалъ нѣмецкихъ комедіантовъ, до постройки особаго театра, сдѣлано было временное приспособленіе въ домѣ Лефорта, въ нѣмецкой слободѣ; кромѣ того, въ Москвѣ существовалъ театръ въ домахъ гр. Брюса. Въ Петербургѣ уже во времена Елизаветы существовали театры въ домѣ гр. Ягужинскаго и гр. Б. П. Шереметева, при Императрицѣ Екатеринѣ у кн. Голицына, гр. Воронцова. Этотъ обычай богатыхъ вельможъ заводить у себя постоянные домашніе театры сохранялся очень долго. Въ концѣ девяностыхъ годовъ въ Москвѣ было до двадцати домовыхъ театровъ, при которыхъ были оркестры музыки, оперныя и даже балетныя труппы изъ своихъ крѣпостныхъ, находившихся подъ руководствомъ лучшихъ артистовъ по своей части. Балетъ, представленіе, говорившее не уму, а одной чувственности, получилъ у насъ важное значеніе въ театральномъ искусствѣ съ самаго начала и отчасти удержалъ его до сихъ поръ. Въ 1736 году вмѣстѣ съ первою итальянскою труппой, положившею у насъ начало итальянской камерной музыкѣ, прибылъ итальянскій комическій танцоръ Фузано, съ большимъ успѣхомъ танцовавшій на итальянской и лондонской сценахъ, впервые познакомившій дворъ и знатное дворянство съ балетнымъ искусствомъ. Фузано на второй же годъ вернулся въ Италію, но слѣды его пребыванія оказались прочными и послужили первымъ поводомъ къ подневольному привлеченію лицъ изъ низшаго сословія къ театральному поприщу на потѣху двора и бога-

*). *Русская Мысль*, кн. V.

таго дворянства. Французъ Ланде, выписанный изъ Парижа и назначенный въ 1738 г. придворнымъ балетмейстеромъ, выбралъ, прежде всего, 12 молодыхъ, взрослыхъ, молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, преимущественно изъ низшихъ классовъ (*meist gemeinster Leute Kinder*), изъ дворцовой прислуги, какъ передаетъ Араповъ, воспитывавшихся и обучавшихся на счетъ двора. Изъ нихъ отличались дѣвцы: Аксинья, Елизавета и Авдотья, а изъ учениковъ: Аванасій, Андрей и Андрушка; остальные поступили въ фигуранты и фигурантки. Изъ нихъ въ особенности отличалась Аксинья, которою гордился Ланде. Въ *Запискѣ о жалованьяхъ служителей итальянской компании*, помѣщенной въ *Чтеніяхъ общ. ист. и древностей* за 1860 г. (кн. 3), показано, что русская танцовальщица Аксинья Сергѣева умерла 24 апрѣля 1746 г.; она получала жалованья 350 р., больше многихъ иностранцевъ музыкантовъ; наравнѣ съ ней изъ русскихъ только получали танцующихъ Аванасій Топорковъ, всѣ остальные—гораздо меньше. Далѣе встречаемся съ русскими танцорами и танцовщицами на ораніенбаумскомъ придворномъ театрѣ, выстроенномъ для себя великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ, по образцу берлинскаго, гдѣ балетмейстеромъ былъ Кальцеваро изъ труппы Локателли. Изъ танцоровъ отличались Вавило и Петрушка, изъ танцовщицъ: Авдотья и Варвара, изъ фигурантокъ: Анисья, Аграфена, Парасковья и Францина (?). Въ спискѣ принадлежащихъ къ придворной сценѣ танцоровъ и танцовщицъ въ 1768 году поименованы: танцующихъ Тимошей Бубликовъ, а затѣмъ фигуранты и фигурантки—всѣ русскіе. Тимошей Бубликовъ, называвшійся Тимошкой, ученикъ вѣнскаго балетмейстера Гильфердинга, прибывшаго въ Россію въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы (1759—1761), вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ въ Вѣну (*Stählin's Nachrichten von der Tanzkunst in Russland* въ *Haigold's Beilagen zum neueränderten Russland*). Хроника Носова въ этомъ извѣстіямъ, сообщеннымъ Штелинымъ, дополняетъ слѣдующее: въ одной изъ афишъ французской труппы Сериньи при Императрицѣ Елизаветѣ до начала спектаклей въ русскомъ театрѣ участвуютъ танцовщики: двое Бомбовыхъ, Дружининъ, Лазаревъ и танцовщицы Жемчужникова, Цвѣткова, Яхонтова и Лазарева, кромѣ того, 12 фигурантовъ и 12 фигурантокъ, конечно, изъ русскихъ (стр. 66). Вскорѣ послѣ того въ балетѣ *Пималонъ и Галатея*, поставленномъ придворнымъ танцовщикомъ Лебрюномъ, кромѣ самого Лебрюна, г-жи Фассано и дѣвцы Розмарень, исполнители все русскіе и въ томъ числѣ дѣвица Лазарева и г-жа Лабзина (стр. 75). Затѣмъ въ балетѣ, поставленномъ Фассано, *Лекса или европейцы въ плыну у дикихъ*, участвуетъ вмѣстѣ съ четырьмя русскими танцорами г-жа Лазарева (стр. 86), въ другомъ балетѣ *Диана на охотѣ*—дѣвица Озерова, г-жи Цвѣткова и Яхонтова (стр. 88). Замѣчательно, что въ приведенной мною запискѣ имена танцовщиковъ и танцовщицъ другія, нежели въ афишахъ, помѣщенныхъ въ *Хронику* Носова и въ показаніяхъ Штелина: очевидно, что балетный персоналъ оставался на сценѣ не долго и постоянно возобновлялся выученными вновь. Слѣдовательно, преж-

де невели возникъ постоянный русскій театръ въ Москвѣ, сформированъ уже былъ для *публичнаго театра* подный кордебалетъ не только изъ мужчинъ, но и изъ женщинъ. Превнне помѣщики на своихъ домашнихъ театрахъ преимущественно ставили балеты, и до сихъ поръ они поглощаютъ такія громадныя суммы въ театральной дирекціи, какихъ, сравнительно, не тратится нигдѣ. Въ эти театры знакомые приглашались бесплатно и послѣ театра открывался балъ. Разуѣтается, это отвлекало публику отъ вольнаго театра. Такими домашними театрами отличались: гр. П. Б. Шереметевъ, кн. Вл. И. Щербатовъ, Д. Е. Столыпинъ, Н. Е. Мясоѣдовъ, кн. Б. Гр. Шаховской, кн. М. П. Волхонскій, В. П. Салтыковъ, И. Я. Блудовъ, А. Н. Зиновьевъ и друг. Въ позднѣйшее время, въ восьмисотыхъ годахъ, были домашніе театры у Ст. Ст. Апраксина, Н. А. Дурасова и П. А. Познякова; послѣдній продолжался еще въ первой половинѣ 1814 г., до открытія послѣ пожара Москвы императорскаго театра. «Прекраснѣйшій театръ Познякова открытъ, и каждое воскресенье какая-нибудь новая опера, съ искусствомъ расположенная и разыгранная, прогоняетъ и послѣднюю мысль о безчисленныхъ бѣдствіяхъ», — писалъ въ *Свѣтъ Отечества* М. Макаровъ въ 1814 г. Сборъ съ театра поступалъ въ пользу пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія. Французъ Арманъ Домергъ, посланный въ 1805 году Нарышкинымъ въ Германію для набора французской труппы въ Москву и бывшій, какъ онъ себя называетъ, главнымъ режиссеромъ французскаго придворнаго театра въ Москвѣ передъ 1812 г., говорилъ, что въ то время у большинства русскихъ баръ устроены были домашніе театры въ ихъ домахъ. На театрѣ въ домѣ Познякова, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, Наполеонъ заставилъ давать представленія французскихъ актеровъ, оставшихся въ Москвѣ, во время его тамъ пребыванія (*La Russie pendant les guerres de l'empire, souvenirs historiques* par. M. Artn. Domergue, publiés par. M. Tigan. Paris, 1839, II, стр. 96 и слѣд.).

Эти домашніе театры при дворѣ и у знатныхъ бояръ, кромѣ того, что они служили преимущественно къ распространенію въ обществѣ любви къ драматическому искусству, важны еще тѣмъ, что они способствовали появленію женщинъ на сценѣ. Это появленіе впервые нашло себѣ мѣсто въ теремахъ царевны Софьи, откуда распространился обычай участія женщины на *домашнихъ спектакляхъ*. Я уже говорилъ, что домашніе спектакли кромѣ самихъ господъ разыгрывались и проживавшими у нихъ барскими людьми и барскими барынями. Само собою разуѣтается, что у себя дома барскія барыни не стѣснялись появляться на сценѣ, коль скоро обычай этотъ приняли и сами господа. На публичномъ театрѣ женскія роли занимались мужчинами, и женщины появились уже съ 1757 года, вскорѣ послѣ учрежденія постоянного русскаго театра при Императрицѣ Елизаветѣ. Исторія появленія этого перваго кружка русскихъ актрисъ, рѣшившихся явиться передъ публикою на сценическихъ подмосткахъ въ то время, когда еще званіе комедіанта не пользовалось уваженіемъ въ публикѣ и когда еще существовало предубѣжденіе противъ театра и лицъ, ему себя посвятившихъ,

весьма интересна. Петръ I при прїѣздѣ нѣмецкихъ комедіантовъ привлекъ къ театральному дѣлу подьячихъ. Есть указанія, что подьячіе не погнушались навязанною имъ новою службой и что въ ихъ средѣ театръ постоянно находилъ новыхъ любителей уже съ воли. Театральное дѣло спустилось еще ниже: комедіанты являлись въ средѣ мастераго люда разныхъ профессій, между царскими конюхами, дававшими представленія балаганнаго типа задолго до появленія русскаго театра. Всѣ эти любители были, безъ сомнѣнія, мужчины. Но съ открытіемъ публичнаго театра этотъ контингентъ мелкихъ чиновниковъ далъ первыхъ актрисъ. Кто были эти первыя актрисы — до сихъ поръ обстоятельно не изложено. Штелинь называетъ первыми русскими актрисами Пушкину и двухъ Ананьиныхъ; обѣ послѣднія, по его словамъ, были дочери чиновниковъ. Пушкину онъ называетъ m-ше, слѣд., указываетъ на болѣе высокое ея происхождение; кто же она была на самомъ дѣлѣ, остается въ неизвѣстности, хотя г. Сиротинкинъ въ своей біографіи Троепольской указываетъ, что обѣ Ананьины и Пушкина были офицерскія дочери (*Рус. Арх.* 1887 г., № 11). Рядомъ съ этимъ Карабановъ передаетъ извѣстіе, что въ 1754 году поступили на петербургскую сцену Зорина и Авдотья Михайлова, которыхъ совершенно неосновательно онъ считаетъ *первыми* русскими актрисами. Лонгиновъ сообщаетъ, что съ открытіемъ въ Петербургѣ постояннаго русскаго театра въ 1756 г. Мусина - Пушкина вмѣстѣ съ Ананьиными поступила на эту сцену, и онѣ вышли замужъ: Марья Ананьина за Григорія Волкова, Ольга — за Шумскаго, Мусина - Пушкина — за Дмитревскаго. Это именно поступленіе на казенную сцену и подало поводъ Штелину назвать ихъ *первыми русскими актрисами*. Самая знаменитая изъ кружка русскихъ актрисъ была Троепольская, петербургская уроженка; мужъ ея служилъ регистраторомъ въ сенатской типографіи и вслѣдъ за ней дебютировалъ на сценѣ. Время и мѣсто поступленія на сцену Троепольской также показывалось сбивчиво. Эта неясность и противорѣчіе вполне разрѣшаются *Хроникой* Носова. Въ первыхъ афишахъ спектаклей, дававшихся ярославцами, женскія роли еще замѣняютъ мужчины (стр. 81, 89, 92, 107). Но въ 1757 году въ афишахъ уже появляются М. Волкова, Пушкина, Голубева, Михайлова, которыхъ и были, безъ сомнѣнія, *первыя актрисы, дебютировавшія на сценѣ постояннаго казеннаго театра въ С.-Петербурѣ* (стр. 96). Въ томъ же году показанъ первый дебютъ г-жи Троепольской въ *Семирѣ* Сумарокова (стр. 98, 101) и появляется на афишѣ новая актриса Бахметьева; въ слѣдующихъ афишахъ значатся: Ольга Ананьина (стр. 98), Логинова (стр. 100), Анна Попова (стр. 103), Драницына, Демидова, Паралова (106), Зорина (109), Караулова (115), Иванова (116), М. Попова (стр. 117), Александрова (стр. 119), участвовавшая также и въ балетахъ (стр. 132). На стр. 109 Марья Ананьина уже является подъ именемъ г-жи Волковой. Замѣчательно, что Ольги Ананьинной вовсе не встрѣчается въ афишахъ, помѣщенныхъ въ *Хронику*, а прямо появляется г-жа Шумская (стр. 141). Всѣ эти актрисы играли на петербургскомъ театрѣ до открытія московскаго, и,

слѣдовательно, театръ уже тогда располагалъ довольно многочисленнымъ женскимъ персоналомъ. При открытіи московскаго театра въ него поступили на женскія роли: Троепольская, Ольга Шумская, Анна Попова, Голова и Новикова, съ мужьями. Шумская и Анна Попова были жены принятыхъ на сцену Шумскаго и Ал. Попова, Голова была женою одного изъ придворныхъ пѣвчихъ, обучавшагося въ корпусѣ, Новикова—жена одного изъ корпусныхъ офицеровъ, поступившихъ въ актеры, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 149). Замѣчательно, что на всѣхъ московскихъ афишахъ, приведенныхъ въ *Хроникъ*, обозначается именно этотъ женскій персоналъ, причемъ иногда Шумская появляется въ афишахъ разомъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ (стр. 198), что происходитъ отъ того, что порядокъ спектаклей означенъ невѣрно. 13 октября 1762 г. означенъ дебютъ въ московскомъ театрѣ г-жи Авдотьи Михайловны Михайловой, и въ примѣчаніи сказано, что Михайлова нарочито принята на роли служащихъ для *петербургскаго театра* (стр. 217). Это кажущееся противорѣчіе совершенно вѣрно. Московскій театръ закрытъ въ іюнь 1761 года, а Михайлова принята была въ Москвѣ для петербургскаго театра во время коронаціи, когда въ теченіе всего пребывания императрицы съ 3 сентября 1762 года по 19 іюня 1763 г. были открыты представленія въ Москвѣ на театрѣ у Краснаго пруда, гдѣ помѣщался и прежде казенный театръ. Авд. Мих. Михайлова съ перваго же раза обнаружила замѣчательный талантъ, играя все время въ Москвѣ, пока тамъ продолжались временныя представленія, и затѣмъ перешла въ Петербургъ, куда еще ранѣе Волковъ увезъ часть московской труппы, въ томъ числѣ Троепольскую, вслѣдствіе чего театръ въ Москвѣ закрылся.

На домашнихъ барскихъ театрахъ давали впоследствии представленія заѣзжіе иностранцы-комедіанты и сами господа любители, но заведены они были первоначально собственно для своихъ дворовыхъ и потомъ предназначались для нихъ, причемъ домашніе театры обращались иногда въ публичныя, куда допускались зрители за деньги. Образцомъ для всѣхъ служилъ театръ Матвѣева. Матвѣевъ выбралъ молодежь изъ своихъ дворовыхъ, исключительно мужчинъ, и отдалъ въ науку нѣмцамъ-комедіантамъ, обучившимъ ихъ музыкѣ, танцамъ и театральному искусству. Выученные актеры въ театрѣ боярина въ присутствіи царя и знати разыгрывали духовныя мистеріи и нѣмецкія комедіи изъ репертуара своихъ учителей. Въ *Хроникѣ* Носова есть извѣстіе, что нѣкоторые изъ выученныхъ даже переводили нѣмецкія пьесы на славянскій языкъ, тогда исключительно господствовавшій въ литературѣ. Замѣчательно, что на первыхъ порахъ, какъ скоро театръ изъ домашняго развлеченія въ тѣсномъ кружкѣ своихъ и близкихъ знакомыхъ выходилъ на болѣе обширное поприще и дѣлался особою, опредѣленною потѣхой для болѣе обширнаго круга зрителей, бояринъ Матвѣевъ не рискнулъ идти совершенно наперекоръ общественнымъ нравамъ и отдать въ науку нѣмецкимъ комедіантамъ, въ числѣ которыхъ были и женщины, дѣвочки изъ своихъ дворовыхъ, несмотря на свое неограниченное надъ ни-

ми право. Такимъ образомъ, домашнія потѣхи, которыя въ прежнее время разыгрывали дворовые добровольно для забавы господъ и собственной потѣхи; обратились для нихъ въ подневольную науку. Чѣмъ дальше распространялась цивилизація, чѣмъ больше стирала она мягкость патриархальныхъ отношеній между господами и слугами, тѣмъ болѣе эстетическія стремленія богатаго дворянства получали свою возмутительную сторону, когда помѣщикъ,

Согнавъ на многихъ фурахъ

Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,

страданіями своихъ подвластныхъ разгонялъ скуку праздныхъ зрителей. Но и эта возмутительная сторона тогдашняго театральнаго искусства принесла нѣкоторую пользу общему развитію: эти труппы иногда давали на столичные театры замѣчательныхъ артистовъ. Прежде всего, артистами изъ дворовыхъ появились музыканты, такъ какъ со времени появленія у насъ итальянской музыки страсть къ заведенію домашнихъ оркестровъ распространилась вообще между дворянствомъ. Домашніе оркестры начали заводиться съ царствованія Анны Іоанновны, преимущественно изъ волторнистовъ. Первый примѣръ замѣчательной частной капеллы подалъ при Елизаветѣ малороссійскій гетманъ Кир. Григ. Разумовскій, который у себя въ Глуховѣ собралъ до 40 музыкантовъ, преимущественно изъ русскихъ, и только нѣкоторые были изъ иностранцевъ. Въ хорѣ Разумовскаго музыканты были настолько хороши, что каждый изъ нихъ могъ быть солистомъ. Хоръ этотъ организованъ былъ при содѣйствіи Г. Н. Теплова, который самъ замѣчательно игралъ на скрипкѣ, пѣлъ итальянскія арии и первый переложилъ на музыку русскія пѣсни, придавъ имъ итальянскій характеръ. Г. Н. Тепловъ, сынъ истопника въ псковскомъ архіерейскомъ домѣ и воспитанникъ Теофана Прокоповича, сопровождалъ К. Г. Разумовскаго во время путешествія его за границу; во время его гетманства, въ качествѣ правителя гетмановой канцеляріи, Тепловъ продолжалъ свое менторство при Кириллѣ Григорьевичѣ и вмѣсто него управлялъ Малороссією. Въ Батуринѣ, подаренномъ ему Екатериной, фельдмаршалъ К. Г. Разумовскій, бывшій не на дѣйствительной службѣ, тоже имѣлъ оркестръ изъ 14 музыкантовъ и 18 человекъ пѣвчихъ. Разумовскій былъ страстный любитель малороссійскихъ пѣсенъ. При Аннѣ Іоанновнѣ извѣстенъ былъ артистъ на лютиѣ и пѣвецъ Бѣлоградскій, украинскій уроженецъ, котораго вывезъ съ собою въ Дрезденъ посланникъ нашъ при Саксонскомъ дворѣ гр. Кайзерлингъ и отдалъ на нѣсколько лѣтъ въ ученые знаменитому Вейзе. Бѣлоградскій пѣлъ soprano самые трудные концерты и арии, самъ себя аккомпанируя, и подражалъ въ совершенствѣ тогдашнимъ дрезденскимъ виртуозамъ (Аннибалу, Фаускино и др.), въ обществѣ которыхъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ практиковался въ Дрезденѣ. Послѣ смерти Императрицы Анны Бѣлоградскій вмѣстѣ со многими итальянскими музыкантами отправился въ Дрезденъ и поступилъ на службу перваго саксонскаго министра гр. Брюля. Затѣмъ Штелинъ упоминаетъ уже при Елизаветѣ какого-то Гаврилу, также пѣвца изъ

украинцевъ, который пѣлъ soprano труднѣйшія итальянскія оперныя арии, въ совершенствѣ исполняя самыя трудныя пассажи. Этотъ пѣвецъ появлялся постоянно при дворѣ во время музыкальныхъ интермедій на придворныхъ балахъ и обѣдахъ и заслуживалъ общее одобреніе. Внутренію этого пѣвца и другихъ украинцевъ, отличавшихся въ пѣніи,—внутренію, которое дошло до Императрицы Елизаветы, обязаны мы происхожденіемъ дѣльной оперы на русскомъ языкѣ. Здѣсь Штелинь, очевидно, впалъ въ ошибку, принявъ одно и то же лицо за двухъ различныхъ: о Гаврилѣ и о Бѣлоградскомъ Штелинь сообщаетъ одно и то же, только въ разное время, и, притомъ, весьма близкое: конецъ царствованія Импер. Анны и начало царствованія Елизаветы; между тѣмъ, Бѣлоградскаго звали Гаврилой и, по всей вѣроятности, онъ изъ Саксоніи при Императрицѣ Елизаветѣ вернулся въ Россію. Русская опера, написанная Сумароковымъ, *Цефалъ и Прокриса*, положена на музыку капельмейстеромъ Араія и дана была въ первый разъ на масляницѣ въ 1755 году. Она исполнена была впервые молодыми воспитанниками, изъ которыхъ старшей—дѣв. Бѣлоградской, меньшей дочери упомянутаго придворнаго пѣвца Бѣлоградскаго, артистѣ на фортепиано, было 14 лѣтъ отъ роду, а остальные—Гаврила Марциновичъ, извѣстный подъ именемъ Гаврилушки, Николай Блючаревъ, Степанъ Рошевскій и Степанъ Евстафьевъ были еще моложе. По свѣдѣніямъ *Хроники* Носова, при Аннѣ Іоанновнѣ въ операхъ *Незрячій Велизарій* и *Птицеловъ*, сочиненныхъ капельмейстеромъ Араія, вмѣстѣ съ итальянскими пѣвцами принимала участіе Елизавета Бѣлоградская (стр. 79 и 94). Поэтому извѣстіе Штелиня, что первый разъ опера Сумарокова была исполнена малолѣтними пѣвцами, несправедливо, да и вообще оно мало вѣроятно. По другимъ извѣстіямъ, исполнители первой русской оперы были артисты изъ хора Разумовскаго. При Екатеринѣ отправленъ былъ въ Италію крѣпостной человекъ гр. Ягулинскаго Машинскій, композиторъ и сочинитель оперъ. Въ *Хроникѣ* упоминаются его оперы: *С.-Петербургскій гостинный дворъ*, комич. опера, музыка его же (стр. 367); *Паша Тунисскій*, комич. опера въ 2 дѣйствіяхъ, музыка придворнаго камеръ-музыканта Паскевича,—обѣ онѣ въ свое время имѣли блестящій успѣхъ и постоянно давались на сценѣ (стр. 324); *Горбатые*, большая комическая опера въ 2 д., музыка Машинскаго (стр. 323, обозначено М—го). Кромѣ того, Машинскій перевелъ комедію Гиллерта *Богомолка* (Спб., 1774 г.). Вообще до самаго освобожденія крестьянъ рѣдкій изъ сколько-нибудь состоятельныхъ помѣщиковъ не имѣлъ своего домашняго оркестра. Въ отдаленныхъ захолустьяхъ иногда эти оркестры доводились до замѣчательнаго совершенства. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, дядя мой П. А. Межаковъ, выступившій въ 1817 г. на поприще поэзіи подъ именемъ «уединеннаго пѣсопѣвца» и заслужившій похвальный отзывъ Греча въ *Сынѣ Отечества* (61), имѣлъ оркестръ изъ 30 человекъ, не уступавшій Тепловскому: способные дворовые мальчики отдавались въ ученіе въ Петербургъ первымъ знаменитостямъ, и капельмейстеромъ былъ вольнонаемный полякъ Дежбинскій, замѣчательный музыкантъ и компози-

торь. Оркестръ этотъ окончилъ свое существованіе трагически: вълѣдствіе семейной исторіи, большинство музыкантовъ было отдано въ солдаты. Позднѣйшій московскій театръ пополнился изъ барскихъ домашнихъ театровъ. Въ началѣ 1806 г. образована была особая театральная контора въ Москвѣ съ отдѣльнымъ директоромъ, находившаяся въ непосредственномъ завѣдываніи московскаго генералъ-губернатора. Труппа этого новаго императорскаго театра составила, главнымъ образомъ, изъ скупленныхъ помѣщичьихъ труппъ. Тогда труппа актеровъ кн. Волконскаго была куплена въ казну, и актерамъ зачтена была вся прежняя ихъ служба въ частномъ русскомъ театрѣ. Перешедшіе въ императорскій публичный театръ бывшіе актеры изъ крѣпостныхъ труппъ Волконскаго—Уваровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына—были на особомъ положеніи, и когда они *зашибались*, что случилось нерѣдко, то имъ дѣлали выговоръ *особою рода*. Актриса Бутенброкъ, хорошая пѣвица, была высѣчена розгами передъ самымъ вѣнчаніемъ (*Зап. совр.* I, 178). Загряжскій, пріѣхавши въ 1805 г. въ Москву, привезъ собственную свою балетную труппу и чрезъ балетмейстера своего, итальянца Стеллера, поладилъ съ антрепренеромъ Муромцевымъ насчетъ опредѣленія своихъ танцоровъ къ нѣмецкому театру за извѣстную плату, съ тѣмъ, чтобы первая его танцовщица Наташа и славный «прыгунъ» Иваницынъ, отпущенные на волю, получали особое жалованье (*Зап. совр.* I, 250). Последняя такая покупка сдѣлана была уже Кокоскинымъ, который во время своего директорства купилъ крѣпостной балетъ у помѣщика Ржевскаго, причемъ солистокъ и фигурантокъ публики нашла не хуже присяжныхъ танцоровъ и отлично принимала (театр. восп. Н. И. Буликowa; *Искусство*, № 3, стр. 30). Въ послѣдній годъ XVIII столѣтія актриса домашняго театра Столыпина пѣвица Варьяшка Новикова поступила на императорскую сцену и замѣнила Ел. Сандунову, перешедшую, вслѣдствіе амурныхъ преслѣдованій Безбородко, на московскую сцену (стр. 108). Н. А. Полевой въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ передаетъ, что изъ труппы Познякова вышло нѣсколько хорошихъ актеровъ (*Реперт.* 1840 г.). Самъ Щепкинъ такимъ путемъ попалъ сначала на провинціальную, а потомъ на московскую сцену. Но при этомъ слѣдуетъ оговориться, что крѣпостное право, конечно, не было само по себѣ явленіемъ, вызывающимъ и развивающимъ художественные задатки въ русскомъ обществѣ. Если они появлялись и поддерживались въ такой средѣ, то большею частью и погибали подъ давленіемъ помѣщичьяго произвола; не многимъ личностямъ, и то случайно, удавалось благополучно окончить свою артистическую карьеру въ этой суровой и опасной школѣ.

Возвращаемся къ исторіи у насъ *настоящаго театра съ актерами по профессіи*, возникшаго при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Театральное дѣло, законченное съ кончиною Алексѣя Михайловича, возобновилъ Петръ. Великій преобразователь и въ этомъ случаѣ оказался далеко впереди своихъ современниковъ. Прежде всего, Петръ обратилъ театръ изъ придворнаго въ народный, для всѣхъ «охотныхъ смотрѣльщиковъ». Съ этою цѣлью театръ Петра перешелъ изъ царскихъ хорошъ на

Красную площадь, гдѣ близъ триумфальныхъ извѣ воздвигнута была особая «комедійная храмина». Указомъ 5 января 1705 г. Петръ дозволялъ «смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ российскаго народа и иностранцамъ ходить повольно и свободно, безъ всякаго опасенія, а въ тѣ дни (представленія) воротъ городовыхъ по Кремлю, по Бѣлаю-городу и по Бѣлому городу въ ночное время до 9 часу ночи не заирать и съ прїѣзжихъ указной по воротамъ пошлины не имать для того, чтобы смотрящіе того дѣйствія вѣдали въ комедію охотно». Петръ требовалъ, чтобы комедіи непременно играны были на рускомъ языкѣ, и потому желалъ имѣть комедіантовъ преимущественно изъ Польши, а не изъ Германіи. Оставляя въ сторонѣ то неудобство, что нѣмецкіе комедіанты не умѣли сослужить ему службу при обнародованіи его подвиговъ въ триумфальныхъ комедіяхъ, Петръ, не лишенный художественнаго чувства, вообще недоволенъ былъ современнымъ ему нѣмецкимъ репертуаромъ. Берхгольцъ рассказываетъ, что Петръ требовалъ отъ актеровъ пьесъ, которыя имѣли бы не болѣе трехъ дѣйствій, не заключали въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ и были бы не слишкомъ грустны, не слишкомъ серьезны, не слишкомъ веселы (IV, 9; тоже *Бассевичъ*, стр. 153).

Въ іюнѣ 1702 г. прибыла одна изъ странствующихъ нѣмецкихъ труппъ съ Яганомъ Кунштомъ во главѣ и открыла свои представленія въ театрѣ на Красной площади. Расчетливый вообще и скупой въ особенности на прихоти, Петръ не щадилъ денегъ на театральное дѣло, которое въ его глазахъ было дѣло общественное. Въ началѣ октября взяты въ посольскій приказъ для ученія комедійныхъ дѣйствъ разныхъ приказовъ подьячіе и сказано имъ его, великаго государя, указъ, чтобы они комедіямъ учились у комедіанта Ягана Куншта и были бы ему, комедіанту, въ томъ ученіи послушны. Кунштъ былъ и актеромъ, и авторомъ: репертуаръ его, созданный среди труппъ странствующихъ нѣмецкихъ актеровъ въ періодъ разработки нѣмецкаго національнаго театра Фельтеномъ, заключалъ пьесы, обязанныя своимъ происхожденіемъ литературѣ французской, нѣмецкой, итальянской, но въ видѣ свободной обработки нѣмецкими актерами. Исторія античнаго и христіанскаго міра, бытовые происшествія и любовныя похождения давали сюжеты этимъ дѣйствамъ; но среди экзальтированнаго паэоса выставленныхъ на сценѣ героевъ являлся неизбѣжно нѣмецкій шутъ Гансвурстъ и вносилъ элементъ самаго вульгарнаго комизма, грязнаго и неприличнаго шутовства, такъ что дѣяки посольскаго приказа были правы, находя въ комедіяхъ Куншта «мало пристойства». Но неудивительно, что среди тяжелыхъ и скучныхъ мистерій съ духовно-назидательнымъ содержаніемъ *потышныя и радостныя* комедіи странствующаго нѣмецкаго театра пришлись по вкусу зрителямъ. Въ репертуарѣ Куншта показаны, между прочимъ: *Докторъ принужденный*, передѣлка комедіи Мольера *Le médecin malgré lui*; *Тюръмовый заключенникъ или принцъ Пикель Геринъ*, заимствованный изъ комедіи младшаго Корнеля *Le geôlier de soi même ou Jodelet prince*, въ свою очередь передѣланной изъ знаме-

нитой комедіи Кальдерона *El Alcaide de se mismo*; *Постоянный Папаниланусъ*, трагедія Грофіуса; *Честный измѣнникъ или Фридерикъ фонъ-Поплей и Алоизія*, супруга его, трагедія Чиконьени. Кроме того, указана комедія о *Донъ-Педрѣ и Донъ-Янѣ*, довольно близкій переводъ старой итальянской траги-комедіи, которая представлена была въ Парижѣ итальянскими комедіантами за нѣсколько лѣтъ до появленія Мольеровскаго *Донъ-Жуана* и переведена на французскій языкъ де-Виллье. Переводъ де-Виллье совершенно совпадаетъ съ текстомъ Кунштовой комедіи (*Тихонравовъ*). Изъ переводовъ Мольера въ петровскую эпоху извѣстна еще комедія *Дразія смѣянная*, переводъ съ дополненіями комедіи *Les précieuses ridicules*, сдѣланный въ 1703 году, по предположенію Пекарскаго, полякомъ, проживавшимъ въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго шута, извѣстнымъ подъ именемъ самоѣдскаго короля. Въ рукописи Публичной бібліотеки Пекарскій нашелъ Мольеровскаго *Амфитріона*; хотя на переплетѣ рукописи означенъ 1755 годъ, но самый переводъ г. Тихонравовъ относитъ къ концу XVII вѣка.

Въ концѣ 1703 г. Кунштъ умеръ. Петръ Великій тотчасъ по смерти Куншта указалъ нѣмецкимъ комедіантамъ впредь больше не играть. Труппа нѣмецкихъ актеровъ была отпущена назадъ; въ Москвѣ изъ нея были оставлены жена Куншта и комедіантъ Бендлеръ, котораго вскорѣ замѣнилъ золотого дѣла мастеръ Артемій Фирштъ, «чтобы русскихъ комедіантовъ въ ученіи совершать». Новый директоръ, повидимому, былъ мало опытенъ. Ученики Фиршта жаловались, что не могутъ дѣйствовать выученныхъ комедій въ твердости за нерадѣніемъ иноземца въ комплиментахъ (тогдашнихъ сценическихъ приемахъ) и за недознаніемъ въ рѣчахъ; жаловались, что иноземецъ ихъ русскаго поведенія не знаетъ, и просили выбрать изъ нихъ же, русскихъ комедіантовъ, одного человѣка или двухъ, по разсмотрѣнію, вмѣсто Фиршта. Комедіанты были люди буйные и непослушные, ходили всегда со шпагами на-голо, пили и бражничали по ночамъ, обирали и задирали куцовъ; ихъ смиряли батогами. Но это не вѣшало русскимъ ученикамъ изъ приказныхъ людей освоиться съ театральными дѣлами. Одинъ изъ этихъ учениковъ, Семенъ Смирновъ, приказный изъ ратуши, написалъ между 1702 — 1709 годами двѣ комедіи: *О Генерѣ*, *Лизетинъ отцъ*, *винопродавецъ* и *О Гонвуртинѣ*, *старомъ шляхтичѣ*, напечатанныя въ сборникѣ г. Тихонравова.

Кто именно былъ этотъ Фирштъ и какая была дальнѣйшая его судьба, въ точности мало извѣстно. Въ *Хроникѣ* Носова помѣщено извѣстіе, что послѣ отъѣзда труппы Куншта въ 1704 году явилась новая труппа Отто Фиршта, такъ что на театрѣ Красной площади давались по очереди представленія: по воскресеньямъ и вторникамъ — русскіе ученики Ягана Куншта, а по понедѣльникамъ и четвергамъ — нѣмецкая труппа Фиршта. Обѣ труппы состояли въ управленіи Фиршта. Это подтверждаетъ напечатанный г. Барсовымъ указъ 5 января 1705 г., т.е. уже послѣ отъѣзда за границу труппы Куншта, гдѣ сказано: «Государь указалъ комедіи на

русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ дѣйствовать и при тѣхъ комедіяхъ музыкантамъ на разныхъ инструментахъ играть въ указные дни въ недѣль: въ понедѣльникъ и въ четвергъ». Въ 1707 году «комедійная хранина» на Красной площади была разобрана и театр въ Москвѣ прекратился, за исключеніемъ ученическихъ въ Заиконоспасской академіи и при госпиталѣ до царствованія Императрицы Елизаветы. Придворный театръ являлся въ Москвѣ только при долговременномъ туда переселеніи двора, какъ, напримеръ, при Елизаветѣ Петровнѣ съ 16 декабря 1752 г. по 19 мая 1754 года представленія давались тогда въ Кремлевскомъ дворцѣ.

За то театръ появился въ Петербургѣ. Объ его тамъ учрежденіи *Хроника* Носова содержитъ слѣдующія интересныя подробности: «Въ 14 году по основаніи Петербурга, на Петербургскомъ островѣ, въ Никольской улицѣ, въ частномъ домѣ начали свои представленія «россійскіе комедіанты». Комедіанты эти были охотники, подъячіе, типографщики и проч. Въ домѣ, болѣе похожемъ на сарай, выломали стѣны, полъ, углубили землю для партера, сколотили изъ досокъ ярко-размалеванный ярусъ ложъ—и театръ готовъ. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала сей неожиданной новинки. Успѣхъ первоначальнаго представленія понравился публикѣ и царевна Наталья Алексѣевна приказала выписать изъ Москвы въ С.-Петербургъ труппу актеровъ, въ числѣ которыхъ находился 1-й актеръ, сынъ содержателя нѣмецкой и русской труппы въ Москвѣ Отто Фиршта, Францъ Фирштъ, который и назначенъ главнымъ директоромъ надъ петербургскимъ театромъ. Актеры - охотники сами сочиняли комедіи, трагедіи и разыгрывали оныя; представленія иной разъ продолжались до 7 вечеровъ, въ дѣйствіи рѣдко былъ планъ, актеры выходили и уходили часто безъ всякой надобности, а въ антрактахъ собирались на сценѣ толпами, кривлялись, бранились, разговаривали съ зрителями и даже давали другъ другу пощечины. Такія неблагопристойныя трагедіи и комедіи царевна Наталья Алексѣевна приказала уничтожить, а директору Францу Фиршту ѣхать въ Германію для приглашенія комедіантовъ, и по возвращеніи его изъ Германіи въ Петербургъ съ труппою актеровъ, состоящею изъ 12 человекъ, начались представленія. Отъ 1716 г. до 1720 г. играли пьесы стараго репертуара. Въ 1720 году устроенъ для этой вновь прибывшей труппы театръ у Зеленаго (Полицейскаго) моста. Съ 1721 по 1725 годъ на этомъ театрѣ нѣмецкіе комедіанты играли пьесы стараго репертуара, но, несмотря на то, театръ Франца Фиршта былъ посѣщаемъ нѣмцами, поселившимися въ Петербургѣ; стеченіе народа было такъ велико, что болѣе половины не могли достать билетовъ, между тѣмъ какъ русскій театръ (на Петровскомъ островѣ) пустѣлъ; несмотря на желаніе царевны Натальи Алексѣевны, вкусъ къ театральнымъ представленіямъ не пробуждался. При Императрицѣ Екатеринѣ I до восшествія на престолъ Петра II, въ 1728 году, театральныя представленія ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не было. 3 марта 1731 года при Аннѣ Іоанновнѣ отнѣчено: театръ у Полицейскаго моста былъ разрушенъ разлитіемъ рѣки Мойки, которая не была еще укрѣплена берегами.

По сему случаю Францъ Фирштъ съ труппой выѣхалъ изъ Россіи, а русскіе его ученики перешли въ амфитеатръ стараго развалившагося каруселя на потѣшной площади большаго театра. Весь этотъ разсказъ чрезвычайно запутанный и, очевидно, какъ во всей *Хроникѣ*, выдумки и недоразумѣнія перемѣшаны съ достовѣрнымъ преданіемъ. Даже въ самой *Хроникѣ* есть очевидныя и необъяснимыя противорѣчія (ср. стр. 50, 51 и 52, прим., и стр. 54, прим.). Но изъ этого разсказа можно вывести безошибочное заключеніе, что еще въ царствованіе Петра I въ Петербургѣ существовалъ вольный русскій театръ балаганнаго типа, который дворъ хотѣлъ, но неудачно, обратить въ придворный, и рядомъ съ этимъ отдѣльный нѣмецкій театръ, процвѣтавшій подъ управленіемъ Франца Фиршта. Берхгольцъ (ч. III, стр. 193 и 194) сообщаетъ, что 21 августа 1723 г. императоръ, принцессы и герцогъ Голштинскій посѣтили театръ, гдѣ нѣмецкіе актеры давали комедію *Возможность, сдѣланная невозможностью* (*Die unmöglich gemachte Möglichkeit*); труппа состояла изъ 10—11 человекъ и еще очень плохо снабжена была костюмами. Представленія больше всего посѣщаются дворомъ, а безъ него актеры умерли бы съ голоду, потому что изъ русскихъ никто не ходитъ смотрѣть ихъ, и изъ иностранцевъ также бывають у нихъ немногіе. Берхгольцъ при этомъ замѣчаетъ, что строили новый театръ. Извѣстія о комедіи продолжаются и въ 1725 г., между прочимъ, о постановкѣ пьесы о *Бѣдномъ Юрктѣ* (*Бѣдный Юрка* Отто Фиршта; *Хрон.*, стр. 49), передѣланный изъ испанской комедіи (стр. 67, 76). Вѣроятно, это и была труппа Франца Фиршта, о которой говоритъ Носовъ.

Театральное дѣло въ Петербургѣ нѣсколько оживилось съ воцареніемъ Анны Іоанновны. Въ Аннѣ Іоанновнѣ, какъ во всей семьѣ Алексѣя Михайловича, сказывалась живая и склонная къ увеселеніямъ натура ея дѣда. Анна Іоанновна очень любила русскую пляску и танцы. Тогда русскою пляскою въ особенности отличались гвардейскіе унтеръ-офицеры изъ дворянъ, съ ихъ молодыми женами. Поэтому императрица повелѣла, чтобы они являлись на каждомъ придворномъ балѣ для русской пляски. Въ коронаціи императрицы король Августъ прислалъ славившихся тамъ актеровъ и они играли при дворѣ итальянскія интермедіи. Это понравилось, и въ 1735 г. вызвана была итальянская труппа подъ дирекціей извѣстнаго капельмейстера и композитора Франческо Арайя и комическій балетъ итальянца Фассано. Театры устроены были деревянные, въ Лѣтнемъ саду и въ Зимнемъ дворцѣ во флигелѣ, мѣста раздавались безденежно придворнымъ по чинамъ. Въ балетѣ, въ 1736 году, въ танцахъ участвовали воспитанники Шляхетнаго корпуса, подъ руководствомъ придворнаго балетмейстера изъ Парижа Ланде, здѣсь же обратилъ на себя вниманіе ученикъ Ланде—кадетъ Чоглоковъ, впоследствии сдѣлавшійся камергеромъ. Благодаря этому появленію у насъ итальянцевъ, развилась, какъ мы видѣли, въ обществѣ страсть къ музыкѣ, и драматическая наша литература, прежде всего, обогатилась переводами оперъ итальянскихъ композиторовъ: Бертати, Бонекки, Лазарони и преимущественно Метастазіо; переводы послѣдняго издавались отъ акаде-

мин наукъ. Въ 1739 г. прибыла странствующая нѣмецкая группа изъ Лейпцига. Императрица Анна, не знавшая ни французскаго, ни итальянскаго языка, была въ особенности расположена къ этой группѣ; группа раздѣлила судьбу побѣжденной нѣмецкой партіи при дворѣ, и со смертью Анны Иоанновны нѣмецкіе актеры были выгнаны, даже не получивши расчета. Кромѣ официального театра при Аннѣ Иоанновнѣ, есть въ извѣстіи о русскомъ театрѣ Штелина указаніе, что въ то время придворные играли русскія пьесы и въ томъ числѣ сказку въ лицахъ о Ягѣ - Бабѣ, въ которой главную роль игралъ оберъ-гофмаршалъ Дм. Андр. Шепелевъ. Это же подтверждаетъ и *Хроника Носова*. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ дана была, вновь сочиненная Дм. Андр. Шепелевымъ, комедія-сказка съ пѣснями и танцами *Баба - Яа*; тутъ же сообщена и афиша, по которой роль Ивана-Царевича игралъ Шепелевъ, Яги-Бабы—П. И. Ермаковъ, а Любаши, невѣсты Ивана-Царевича,—графъ Воронцова. Кромѣ того, въ томъ же Кремлевскомъ дворцѣ указано исполненіе придворными слѣдующихъ пьесъ: *Ясная соколиная пирушка*, *Соколы съ мѣста*, *ворона на мѣсто*, *Лькаръ поневолю* Мольера. Въ исторіи академіи Пекарскаго есть указаніе, что Императрица Анна, по прибытіи въ Петербургъ, придумала устроить при дворѣ домашній театръ, гдѣ поставлена была пьеса изъ приключеній Иосифа, проданнаго братьями въ Египетъ, въ постановкѣ или сочиненіи которой принималъ участіе Тредьяковскій. Изъ росписанія, отнесеннаго къ 1732 году, видно, что дѣйствующими лицами были: кадеты, пажы, карлы, калмыки и пѣвчіе. Театръ, значить, сыгранъ былъ въ самый годъ основанія корпуса.

Въ 1741 году на престолъ взошла другая внучка Алексѣя Михайловича: внѣшняя сторона ея царствованія, связанная неразрывно съ замѣчательнымъ пробужденіемъ умственной жизни въ высшихъ слояхъ, преимущественно въ молодомъ поколѣніи, до сихъ поръ какъ-то мало оцѣнена. Музыкальное и театральное дѣло при Елизаветѣ очень выросло и стало на ноги. Никогда до тѣхъ поръ Петербургъ не представлялъ такого изобилія и разнообразія зрѣлищъ. Итальянцы процвѣтали: къ талантливому Араиіи присоединился придворный пѣта докторъ Бенени, декораторъ Валерьяни и балетмейстеръ Фоссано. Императрица Елизавета сама была ученица Ланде, прекрасно танцевала и была охотница до танцевъ: при ней Ланде сдѣланъ былъ учителемъ танцованія въ корпусѣ. Елизавета, кромѣ того, была большая любительница церковнаго пѣнія и положила начало придворной пѣвческой капеллы, которая съ самаго начала достигла такого совершенства, что въ царствованіе Екатерины, пріѣхавшій изъ Венеціи, знаменитый капелмейстеръ, старикъ Галуцци, сказалъ: «такого великолѣпнаго хора еще не слыхала Италия». Подъ вліяніемъ господствовавшей при дворѣ музыки церковное пѣніе преобразилось въ придворномъ хорѣ и начало этому преобразованію, еще до Бортиянскаго, положилъ композиторъ Березовскій. Березовскій (1745—1777) уроженецъ, также какъ и Бортиянскій, города Глухова, поступилъ изъ Кіевской духовной академіи въ придворную капел-

жу, гдѣ образовался подъ руководствомъ Пописа, и въ 1765 г. отправленъ былъ въ Болонью, къ одному изъ отличнѣйшихъ тогда профессоровъ, старшему Мартини. Отъ Болонской академіи Березовскій получилъ званіе капельмейстера и титулъ академика. По возвращеніи въ Россію въ 1774 г., онъ не получилъ мѣста въ придворной пѣвческой капеллѣ и, не имѣвъ возможности заявить свои дарованія, окончилъ жизнь самоубійствомъ на тридцать третьемъ году отъ роду. Березовскій первый ввелъ расположеніе церковныхъ нашихъ концертовъ по плану концерто-гроссо и симфоніи въ томъ видѣ, какъ впоследствии писалъ ихъ Бортнянскій, и двухголосные или двухорные концерты; его духовная музыка замѣчательна сравнительною живостью и отчасти страстностью мотивовъ и носить болѣе складъ итальянской композиціи, нежели музыка Бортнянскаго, болѣе самобытная и близкая къ прежнему духовному пѣнью. При Елизаветѣ, въ первый разъ во всей Европѣ, а не только въ Россіи, введены усиленные хоры въ итальянскихъ операхъ, съ участіемъ въ нихъ всей придворной капеллы. Въ 1751 году оберъ-егермейстеръ С. Бир. Нарышкинъ ввелъ роговую музыку, изобрѣтенную придворнымъ волторнистомъ, чехомъ Маршемъ (Marach), составившимъ оркестръ изъ служителей придворной охоты. Въ 1757 г. принять на императорскую службу прибывшій содержатель итальянской оперы и балетной труппы Баптисто Локателли, а Арайя въ 1759 г. возвратился въ Италію. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Елизаветы (1772) прибыла изъ Касселя французская труппа Дюкло и Сериньи и подъ управленіемъ послѣдняго принята на службу. Въ 1748 и 1749 гг. въ Петербургъ давалъ представленія извѣстный въ Гамбургѣ и Берлинѣ нѣмецкій актеръ Аккерманъ съ своею труппой, а въ 1751 г. его замѣнилъ нѣмецкій антрепренеръ Панталонъ Гельфертингъ и съ нимъ акробатъ (балатанщикъ) Сколари, ходившій, къ удивленію зрителей, необычайно высоко по канату. Представленія Гельфертинга посѣщались только лакеями и чернью, — вѣроятно, вслѣдствіе плохо выбраннаго репертуара; его замѣнилъ англичанинъ-акробатъ, удивившій своими необыкновенными скачками. Всѣ эти свѣдѣнія сообщаетъ Штелингъ и съ нимъ совершенно согласенъ Носовъ, — разумѣется, не принимая въ расчетъ хронологію. Кромѣ того, Носовъ одновременно съ Гельфертингомъ упоминаетъ еще труппу изъ Стокгольма, Сигмунда. Выдумать такой труппы Носовъ не могъ, но одновременное въ то время существованіе двухъ нѣмецкихъ труппъ въ Петербургѣ немислимо, и потому остается предположить, что труппа Сигмунда была позднѣйшая, въ Елизаветинское царствованіе. Это невниманіе публики къ разнообразнымъ зрѣлищамъ показываетъ, что вкусъ ея не удовлетворялся иноземнымъ и жаждалъ представленій на русскомъ языкѣ. Поэтому понятно, съ какою радостью императрица схватилась за кадетскій театръ и какъ энергически она взялась за отечественное театральное дѣло, когда открылась къ тому возможность. Трагедіи Сумаронова настолько удовлетворили стремленіе къ русскому и вкусъ современнаго общества, что при Екатеринѣ воспитанницы Смольнаго монастыря разыгрывали ихъ на своемъ домашнемъ театрѣ.

Умственное движеніе между молодежью Елизаветинской эпохи началось съ Шляхетнаго корпуса, самаго старшаго изъ свѣтскихъ высшихъ учреждений для дворянства. Карабановъ передаетъ, что кадеты составили между собою общество любителей русской словесности и читали другъ другу первые опыты своихъ сочиненій и переводовъ. На первыхъ порахъ въ корпусъ товарищами Сумарокова были: кн. Рѣпинъ, кн. Прозоровскій, гр. П. И. Панинъ, М. Ф. Каменскій, Румянцевъ, Херасковъ, Елагинъ, Свистуновъ, Мелиссино. Общество состояло изъ офицеровъ корпуса, гвардіи и кадетъ; туда ходилъ читать свои переводы А. В. Суворовъ, напечатавшій, между прочимъ, въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ *Разговоры: Кортеса съ Монтесумою* и *Александра Великаго съ Геростратомъ*, приписанные Новиковымъ Сумарокову единственно потому, что обозначены были буквами А. С. Корпусное общество, въ хронологическомъ порядкѣ первое, предшествовавшее собраніямъ университетскихъ студентовъ и воспитанниковъ благороднаго пансіона, о которомъ мы уже говорили, было однимъ изъ тѣхъ скромныхъ центровъ, изъ которыхъ образованіе разливалось болѣе или менѣе широко въ Россіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда судьба забрасывала немногочисленныхъ питомцевъ только что возникающихъ учреждений. Въ корпусѣ, точно также какъ въ университетѣ и пансіонѣ, досуги воспитанниковъ посвящены были театру. Въ *Хроникѣ* Носова объ этомъ предметѣ существуетъ очень интересное указаніе. Подъ 1751 г. перечисляются директоры домашнихъ петербургскихъ театровъ и въ томъ числѣ 1-го Шляхетнаго кадетскаго корпуса, оберъ-штабмейстеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ 1750 г., января 1 (стр. 65 и 66). На стр. 128 (примѣч.) означены переводы комедіи Мольера *Лькаръ поневою* (*Le medecin malgre lui*) въ такомъ порядкѣ: 1) Царицы Софіи Алексѣевны, 2) Петра Сумарокова, отца Александра П. Сумарокова, 1751 г., 3) актера Ив. Ав. Дмитревскаго, 1758 г. У Карабанова есть также извѣстіе, что въ корпусѣ въ 1752 г. былъ оберъ-штабмейстеромъ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ. Отца Ал. Петр. Сумарокова звали Петромъ Панкратъевичемъ; а Петръ Спиридоновичъ, упоминаемый въ запискахъ Нащокина, былъ камергеромъ герцога Голштинскаго Петра Ульриха (Петра III) и послѣ уже смерти Ал. П. Сумарокова жилъ въ Москвѣ въ чинѣ генераль-аншефа (*Бумичъ: «Сумароковъ и современная ему критика»*, стр. 10, прим.). Остается опредѣлить, дѣйствительно ли отецъ Ал. П. Сумарокова былъ переводчикомъ Мольера. Если это правда, то прибавляется очень важный фактъ къ малоизвѣстной біографіи знаменитаго драматурга: отсюда видно, что страсть къ театру усвоена была Сумароковымъ, между прочимъ, и въ семейной его обстановкѣ, отъ отца, тоже любителя театра. Въ 1749 году кадеты на своемъ театрѣ представили первую трагедію Сумарокова *Хоревъ*, и 8 февраля 1750 г. повторили ее во дворцѣ. По извѣстіямъ въ *Хроникѣ*, спектакли въ корпусномъ театрѣ давались и на французскомъ языкѣ, причемъ приводятся трагедіи—*Эдипъ* Вольтера и *Ифигенія въ Авлидѣ* де-ла Туша; а Штелинь утверждаетъ, что представленія на французскомъ языкѣ предшествовали

русскими. Это очень вѣроятно потому, что въ то время въ корпусѣ на изученіе французскаго языка было обращено главное вниманіе и кадеты выходили изъ корпуса, владея имъ въ совершенствѣ. Французскіе спектакли продолжались въ корпусѣ и въ царствованіе Императрицы Екатерины, подъ руководствомъ знаменитаго въ то время актера французской труппы Оффена (*Арап.*, стр. 113, примѣч.); въ корпусѣ, повидимому, существовалъ въ то время особый, хорошо приспособленный домашній театръ, такъ какъ въ первомъ десятилѣтіи царствованія Императрицы Екатерины частный антрепренеръ Маттеи учредилъ тамъ оперу-буффъ, но, за недостаткомъ средствъ, опера эта скоро разрушилась (тамъ же, стр. 86). Пьесы, разыгрываемыя кадетами на своемъ театрѣ при Елизаветѣ, повторены были и на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ присутствіи императрицы, принимавшей живѣйшее участіе въ кадетскихъ спектакляхъ: она велѣла выдать изъ царской кладовой все необходимое для костюмовъ и сама убирала къ представленію Свистунова, игравшаго роль Осельды. По показанію Лонгинова, съ 8 февраля 1750 года по 21 декабря 1751 года кадеты постоянно играли на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ, подъ руководствомъ самого Сумарокова, и давали, по мѣрѣ ихъ появленія, трагедіи Сумарокова: *Гамлетъ*, *Синеусъ и Труворъ*, *Аристана*, *Семира*; его же комедіи: *Трисоттинусъ*, *Чудовище*, *Пустая ссора* и трагедію Ломоносова—*Тамира и Селимъ*. Въ показаніяхъ объ именахъ кадетъ-актеровъ есть значительная разница. Въ *Хроникѣ* помѣщены двѣ афиши съ именами кадетъ, участвовавшихъ во французскихъ спектакляхъ (стр. 78 и 87), гдѣ поименованы: Ив. Ив. Мелиссино, Сухомлиновъ, Татищевъ, гр. Бутурлинъ, Щербатовъ, Свистуновъ, Остервальдъ, Ник. Ан. Бекетовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Ефимовичъ, Лихаревъ, Новиковъ, Лобазевъ. Лонгиновъ, на основаніи показанія Сумарокова, кромѣ Бекетова, Свистунова, Мелиссино и Остервальда, называетъ Разумовскаго, Бухвостова, Рубановскаго, Гиршендена, Гельмерсена, Каница и Гоха. Можетъ быть, кадеты мѣнялись и для французскаго спектакля были одни актеры, для русскаго другіе. Успѣхъ кадетскихъ представленій далъ мысль учредить въ корпусѣ школу для образованія актеровъ: 14 марта 1752 года въ корпусѣ опредѣлены 7 придворныхъ пѣвчихъ, предназначенныхъ въ актеры. Передъ этимъ въ томъ же 1752 г. изъ Ярославля привезена, нарочно за ней отправленнымъ сенатскимъ экзекуторомъ Дашковымъ, труппа Ф. Г. Волкова, и 18 марта, въ присутствіи Государыни и нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, а не публично, она дебютировала въ мистеріи Св. Димитрія Ростовскаго *О покаяніи грѣшнаго челоука*. Затѣмъ уже начали представлять ярославцы пьесы современнаго репертуара. Изъ нихъ оставлены были въ Петербургѣ двое Волковыхъ, Нарыковъ, переименованный императрицею въ Дмитревскаго, и Поповъ. О числѣ оставленныхъ въ Петербургѣ ярославцевъ существуетъ разнорѣчіе. Штелинъ наименовываетъ вышеуказанныхъ четырехъ; Карабановъ прибавлялъ къ нимъ Шумскаго, и ту же ошибку, вслѣдъ за Шаховскимъ, повторяетъ Араповъ, помѣщая Шумскаго въ корпусѣ, гдѣ онъ никогда не былъ. Между тѣмъ, у Штелина въ

числѣ первыхъ русскихъ актеровъ поименованы Шумскій и Сѣчкаревъ, оба родомъ украинцы. Въ перечнѣ состава театральной дирекціи, во время за-вѣдыванія театрами кн. Юсупова, назначеннаго въ 1791 г., приведенномъ Араповымъ изъ журнала Анд. В. Баратыгина, поименовано: старшій послѣ Дмитревскаго актеръ, украинецъ Шумскій, происходилъ изъ цирюльниковъ, отличаемиъ былъ всегда фонъ-Визинимъ (стр. 104). Сѣчкарева Носовъ помѣщаетъ въ числѣ офицеровъ, выпущенныхъ изъ кадетскаго корпуса въ 1752 г. и игравшихъ на театрѣ въ качествѣ любителей. Какъ бы ни разрѣшились эти недоразумѣнія, ясно одно, что, при открытіи первого и постоянного общедоступнаго русскаго театра въ 1756 г., въ него, кромѣ ярославцевъ, вошли со стороны и не стѣснясь званіемъ люди, чувствовавшіе истинное призваніе къ сценическому искусству, не исключая, какъ мы видѣли, и женщинъ; этимъ именно и замѣчательнъ этотъ первый кружокъ актеровъ, незабвенный въ исторіи русскаго театра. Десятаго сентября 1752 г. Дмитревскій и Поповъ опредѣлены были въ корпусъ для обученія словесности, языкамъ и гимнастикѣ; а въ 1754 году туда же помѣщены Григорій и Федоръ Волковы и придворный пѣвчій Приказный. Эти воспитанники находились особо, носили особое форменное платье и обѣдали сначала вмѣстѣ съ кадетами, а потомъ отдѣльно. Сверхъ обыкновеннаго курса наукъ, преподаваемыхъ кадетамъ, обучали ихъ правиламъ декламации корпусные офицеры: капитанъ-поручикъ Мелиссино, кап.-пор. Остервальдъ и прап. Свистуновъ. Помѣщеніе въ корпусъ придворныхъ пѣвчихъ продолжалось, какъ видно, и послѣ 1754 года: такъ, упоминаются въ журналѣ Бортнянскій, Татищевъ и другіе, не поименованные въ числѣ первыхъ 8 поступившихъ. Носовъ передаетъ, что въ 1759 г., когда нѣсколько придворныхъ актеровъ отправлены были изъ Петербурга для устройства московскаго театра, взяты были вновь и помѣщены въ корпусъ пѣвчіе, по назначенію Волкова и Дмитревскаго, и, кромѣ того, изъ чиновниковъ кадетскаго корпуса, извѣстные впоследствии актеры, Вансловъ, Карауловъ и Дранцынъ съ женами (стр. 150 и 151, примѣч.). Школа декламации при корпусѣ, повидимому, вполне замѣняла приготовительную театральную школу, гдѣ всѣ желающіе и способные изъ кадетъ могли приготовляться къ сценическому искусству. Такъ, въ 1752 году выпущены были изъ корпуса кадеты, участвовавшіе въ театральныхъ представленіяхъ: Сѣчкаревъ, Ефимовичъ, Лобазевъ, Сухомлиновъ и Новиковъ, которые, послѣ выпуска, иногда играли, по просьбѣ театрального начальства, на придворномъ театрѣ безъ всякаго возмездія; а въ мартѣ 1759 г. приняты на дѣйствительную службу въ императорскій московскій театръ, съ жалованьемъ каждому по 150 р. въ годъ (Носовъ, стр. 149 и 150, примѣч.). Только уже въ 1779 году Бибиковъ, которому въ 1763 г., по увольненіи Сумарокова и назначеніи главнымъ директоромъ театровъ Ив. Перф. Елагина, поручено было управленіе русскою труппой, завелъ особое театральное училище подъ руководствомъ Дмитревскаго. Такимъ образомъ, значеніе сухопутнаго Шляхетнаго корпуса въ исторіи нашего театра очень велико; корпусъ былъ не только первымъ

школой и рассадникомъ актеровъ, но и далъ театральному искусству извѣстныхъ въ свое время драматическихъ писателей: Сумарокова, Херасова, Озерова, С. Н. Глинку, Брюловскаго, автора въ свое время знаменитой трагедіи *Пожарскій*, Ефимьева, автора въ свое время извѣстной драмы *Преступникъ отъ шуты или братомъ проданная сестра*, спасенной отъ забвенія Гречемъ, Нартова, одного изъ первыхъ у насъ переводчиковъ драматическихъ пьесъ. Въ корпусу же принадлежалъ Як. Бор. Княжнинъ, приглашенный учителемъ словесности въ корпусъ главнымъ начальникомъ его, граф. Ангальтомъ (1786—1794 гг.).

Въ 1756 году августа 30 состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи русскаго театра на Васильевскомъ острову, въ Головкинскомъ домѣ, близъ кадетскаго корпуса, гдѣ теперь академія художествъ, подъ дирекціей Сумарокова. Въ этотъ театръ поступили 8 пѣвчихъ, первоначально отданныхъ въ корпусъ, и 4 комедіанта: Григорій и Ѳедоръ Волковы, Дмитревскій и Поповъ, кромѣ того, другія неслужащія лица и актрисы, о которыхъ мы уже говорили выше. Въ декабрѣ 1757 года изъ Головкинскаго дома театръ перенесенъ былъ въ зданіе придворнаго театра, близъ Лѣтняго сада, гдѣ играли до тѣхъ поръ лишь труппы французская и итальянская; но актеры продолжали жить въ Головкинскомъ домѣ до 1761 года, когда домъ занятъ подъ академію художествъ, и давали тамъ особыя представленія, для практики и не публично. Въ томъ же 1757 г. Локатели открылъ итальянскій театръ въ Москвѣ, но обанкрутился и вернулся въ Петербургъ. Въ сентябрѣ 1759 года разрѣшено было устроить и въ Москвѣ русскій придворный театръ, для чего были посланы туда Волковъ и Шумскій. Но уже въ іюнѣ 1761 г. придворный театръ въ Москвѣ прекратился. Такимъ образомъ, исторія театра въ Петербургѣ и Москвѣ была совсѣмъ иная. Въ Петербургѣ театръ всегда сохранялъ придворный типъ: зрители сначала пускались въ него безденежно, по чинамъ. 5 мая 1757 г. разрѣшено было допущеніе на театръ Зимняго дворца вольной публики за деньги; но въ іюлѣ 1761 года разрѣшеніе это прекращено. Только уже при Екатеринѣ объявленъ былъ 9. іюня 1773 г. указъ о возвращеніи къ системѣ «публичнаго русскаго комедіанскаго зрѣлища», приведенный въ исполненіе черезъ 10 лѣтъ, съ постройкою архитекторомъ Типшбейномъ, на мѣстѣ, называвшемся «для каруселя»,—теперь площадь Большаго театра,—особаго театральнаго зданія. Передъ этимъ открытіемъ императорскаго общедоступнаго театра существовалъ въ Петербургѣ вольный театръ *изъ Москвы*. Въ 1773 г. нѣкто Книперъ собралъ въ Москвѣ труппу изъ воспитанниковъ сиротскаго дома, которую обучалъ извѣстный московскій актеръ Баляграфъ. Книперъ привезъ свою труппу въ Петербургъ и сталъ давать свои представленія въ деревянномъ театрѣ, построенномъ Бецкимъ (откр. 10 октября 1781 г.) противъ Лѣтняго сада. Лонгиновъ предполагаетъ, что труппа Книпера выписана была для этого театра и была единственною частною труппой въ Петербургѣ, подчиненною, впрочемъ, дирекціи императорскихъ театровъ. Труппа эта познакомилась, между прочимъ, петербургскую публику съ оперою *Мельникъ*

Аблесинова, данною въ первый разъ въ Москвѣ 20 января 1779 года и выдержавшею въ Петербургѣ сразу 27 представлений. *Хроника* Носова относитъ театръ Книпера къ 1779 году, и въ этомъ случаѣ показаніе ея едва ли не справедливо, потому что имѣетъ нѣкоторое основаніе. Книперъ открылъ свой представленія оперою *Мельникъ*. Роль мельника создалъ на театрѣ Книпера Крутицкій, сынъ гарнизоннаго сержанта, обучавшійся въ сиротскомъ домѣ. Его способности къ театру открылъ извѣстный московскій актеръ Калиграфъ и далъ ему образованіе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Крутицкій, по неотступной просьбѣ Книпера и по желанію Бецкаго, поступилъ на сцену. По свѣдѣніямъ *Хроники*, Крутицкій родился въ 1754 г., следовательно, въ 1773 году онъ былъ только 19 лѣтъ (стр. 336). Крутицкій приводилъ въ такой восторгъ зрителей, что разъ во время представленія Л. А. Нарышкинъ бросилъ ему на сцену кошелекъ, наполненный золотомъ и серебромъ (стр. 338). Болѣе позднее появленіе театра Книпера доказывается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что опера *Мельникъ*, прежде всего, дана въ Москвѣ и тамъ въ первый разъ въ январѣ 1779 года, следовательно, ранѣе 1779 года она не могла появиться въ Петербургѣ. Кромѣ того, въ Петербургѣ существовалъ, въ то же время, народный театръ, открытый 4 апрѣля 1765 года, на второй день Пасхи, въ балаганѣ подъ открытымъ небомъ, за Малой Морской, на пустырь, называвшемся Брумберговою площадью. Спектакли начинались въ 4 часа дня, за дешевую плату, и играли въ нихъ охотники, преимущественно мастеровые, въ переводныхъ комедіяхъ Мольера, Гольберга и пр. и въ нѣкоторыхъ оригинальныхъ. Существованіе этого театра было очень непродолжительно (соч. *Лукина*, 1868, стр. 184—186). Можетъ быть, этотъ театръ подалъ поводъ къ приведенному мною выше туманному разсказу Носова о народномъ театрѣ при Петрѣ, а, можетъ быть, народный балаганный театръ существовалъ и прежде, и послѣ, возобновляясь чрезъ болѣе или менѣе продолжительные сроки, какъ всякій балаганный театръ, пока существовало зданіе и находились охотники изъ народа. Должно, впрочемъ, замѣтить, что въ *Хроникѣ* Носова подъ 1762 годомъ сказано отдѣльно, что, по случаю коронаванія Импер. Екатерины II, простонародье на Брумберговой площади завело свой театръ, актеры назывались безымянными, — это были подъячіе, наборщики, переплетчики, портные, фабричные и прочіе мастеровые (стр. 224). Кромѣ того, театръ на Брумберговой площади изрѣдка упоминается въ *Хроникѣ* во все продолженіе Екатерининскаго царствованія. Во время коронаціи Императрицы Екатерины въ Москвѣ (съ 3 сентября 1762 г. по 17 іюня 1763 г.) временно давалъ представленія русскій петербургскій придворный театръ, въ прежнемъ помѣщеніи у Краснаго пруда, а итальянцы и французы въ зданіи, построенномъ противъ Головинскаго дворца. Затѣмъ въ 1765 году, а по другимъ свѣдѣніямъ въ 1767 году (*Носовъ*, стр. 288), полковникъ Титовъ принялъ на себя содержаніе театра въ Москвѣ, въ казенномъ театральномъ зданіи, противъ Головинскаго дворца, приготовивши для своего театра отдѣльную труппу. Послѣ Титова былъ цѣлый рядъ антрепренеровъ, содер-

жавших *частный* московскій театр. Въ 1769 году иностранцы Бельмонте и Чинти перевели театр на Знаменку, въ домъ графа Р. А. Воронцова; въ 1771 году театр въ Москвѣ прекратился вслѣдствіе чумы, отъ которой умеръ и содержатель Бельмонте; въ ноябрѣ 1772 года театр въ домѣ Воронцова возобновился и перешелъ въ завѣдываніе антрепренера Гротти, сдавшаго его въ 1776 г. своему товарищу кн. Урусову. Наконецъ, послѣднимъ частнымъ антрепренеромъ театра въ Москвѣ былъ англичанинъ М. Е. Медоксъ, сначала въ товариществѣ съ кн. Урусовымъ, а потомъ одинъ. Послѣ пожара въ 1780 году театра въ домѣ гр. Воронцова, Медоксъ приобрѣлъ домъ съ землею кн. Лобанова - Ростовскаго, на Петровской улицѣ, въ приходѣ древней церкви Спаса, что въ Бопьѣ (находящейся позади теперешняго Большаго театра, гдѣ теперь лѣстница, ведущая въ переулокъ на Большую Дмитровку) и въ пять мѣсяцевъ выстроилъ Петровскій театр, открытый въ 1781 г. Медоксъ былъ большой знатокъ своего дѣла и умѣлъ находить и цѣнить таланты: ему московскій театръ много обязанъ правильною постановкой театральнаго дѣла. Отъ Медокса театръ въ 1806 году поступилъ въ казенное завѣдываніе и сдѣлался императорскимъ.

Н. Колюпановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Англійскія сберегательныя кассы.

Сберегательныя кассы — англійскія учрежденія. Здѣсь онѣ возникли и получили оригинальное развитіе. Континентальныя кассы—болѣе или менѣе вѣрная имитация англійскихъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что сберегательныя кассы возникли въ Голландіи и сѣверныхъ германскихъ городахъ; но ни въ Голландіи, ни въ германскихъ городахъ онѣ не получили ни развитія, ни распространенія.

Сберегательныя кассы—явленіе новаго времени. Въ древности ихъ не могло быть, по экономическимъ и социальнымъ условіямъ. Сберегательныхъ кассъ не можетъ быть въ томъ періодѣ хозяйства, когда все, произведенное человѣкомъ, идетъ на удовлетвореніе его непосредственныхъ потребностей, когда трудъ еще такъ мало производителенъ, что продуктъ его едва достаточенъ для содержанія самого производителя. У дикарей не можетъ быть сберегательныхъ кассъ. Ихъ не можетъ быть и позже, когда трудъ становится настолько успѣшенъ, что у производителя остается излишекъ. Только здѣсь онѣ не могутъ возникнуть по другимъ причинамъ. Какъ только работа начинаетъ давать излишекъ, работникъ становится рабомъ, а потомъ крѣпостнымъ. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ своего имущества. Господинъ ихъ содержитъ, но весь продуктъ ихъ работы принадлежитъ ему. При такомъ хозяйственномъ устройствѣ, хотя существуетъ излишекъ отъ продукта, который могъ бы быть сбереженіемъ въ рукахъ рабочихъ, но рабочіе не могутъ имъ воспользоваться, потому что онъ имъ не принадлежитъ. Составляя часть имущества господина, онъ идетъ на содержаніе господина и его семейства. Если онъ не идетъ на содержаніе господина и его семейства, а составляетъ сбереженіе въ рукахъ господина, для этого сбереженія, все-таки, не нужно особыхъ кассъ. Господа утилизируютъ свои сбереженія помимо сберегательныхъ кассъ. По уничтоженіи рабства и потомъ крѣпостнаго права, проходитъ много времени, въ теченіе котораго недостаетъ еще одного условія, необходимаго для возникновенія и развитія сберегательныхъ кассъ,—предусмотрительности въ массѣ рабочихъ. Предусмотрительность предполагаетъ извѣстное умственное развитіе, котораго нѣтъ у примитивнаго человѣка. Одно изъ характерныхъ

свойствъ дварей—забота только о настоящемъ днѣ. Рабъ и крѣпостной, съ другой стороны, свободны отъ необходимости заботиться о будущемъ: о нихъ заботится господинъ, который ихъ содержитъ. Но неспособность думать о будущемъ продолжается долго послѣ того, какъ рабочій пересталъ быть рабомъ и крѣпостнымъ. Предусмотрительность распространяется въ массѣ очень туго.

Распространенію предусмотрительности мѣшало, конечно, невѣжество массы. Въ 1846 г., изъ трехъ мужчинъ, вступившихъ въ бракъ, въ Англіи, одинъ не могъ подписать своего имени, изъ трехъ женщинъ — двѣ. Но черезъ двадцать лѣтъ произошло измѣненіе къ лучшему: въ 1864 г. на сто вступившихъ въ бракъ только восемнадцать были безграмотны. Сильное распространеніе газетъ, облегченное уменьшеніемъ и потомъ отиѣною газетной пошлины, и превращеніе почты въ общедоступное учрежденіе, чрезъ удешевленіе корреспонденціи, помогли этому измѣненію.

Первая англійская сберегательная касса учреждена въ концѣ прошлаго вѣка (въ 1798 г.), въ дер. Тоттенгемъ, подъ руководствомъ владѣтельницы имѣнія госпожи Присциллы Векфильдъ извѣстной въ то время писательницѣ для дѣтей. Владчиками кассы были бѣднѣйшіе жители деревни. Влады возвращались кассою по достиженіи владчикомъ шестидесятилѣтняго возраста. Въ случаѣ болѣзни, владчикъ получалъ изъ своихъ взносовъ по 4 шилл. въ недѣлю. Издержки на содержаніе кассы покрывались подпискою благотворителей. Эта касса была страховою кассою, въ которой рабочій могъ обезпечить свое существованіе на старость лѣтъ, чрезъ небольшіе взносы, которые онъ дѣлалъ въ цвѣтущее время своей жизни.

Къ этой первоначальной кассѣ скорѣ присоединена была другая: для дѣтей. Родителямъ предоставлено было дѣлать взносы въ нее въ пользу дѣтей, съ тѣмъ, чтобы получить эти взносы обратно, когда наступитъ необходимость дѣлать расходы на воспитаніе и обученіе ихъ. Касса управлялась благотворителями и находилась въ ихъ полномъ распоряженіи.

Другая касса, возникшая почти въ то же время, учреждена священникомъ Смитомъ въ дер. Виндоверъ. Смитъ принималъ взносы отъ 2 пенсовъ, съ обязательствомъ возвратитъ ихъ передъ Рождествомъ съ прибавкою одной трети, въ видѣ преміи за бережливость. Эти преміи составлялись подпискою благотворителей. Влады возвращались и во всякое время, но безъ преміи. Эта касса отличалась отъ предыдущей болѣею свободой владчиковъ въ распоряженіи ихъ взносовъ; общій срокъ возвращенія взносовъ сокращенъ и возвращеніе владовъ безъ процентовъ вовсе не ограничено временемъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1808 г.), по иниціативѣ госпожи Дугласъ, учреждена касса, отличавшаяся отъ предыдущихъ тѣмъ, что она возвращала влады во всякое время съ процентами. Но она имѣла ограниченный кругъ владчиковъ—только домашнюю прислугу. Проектъ превратить эту сословную кассу въ общую не удался.

Въ 1815 г. учреждена другая касса, въ Батѣ, для всѣхъ сословій. Учредителями ея были докторъ и маркизъ Гейгартъ Лансдаунъ. Эта касса—прототипъ всѣхъ послѣдующихъ кассъ. Она возвращала вклады съ процентами, которые она получала отъ помѣщенія вкладовъ въ *государственная бумага*, тогда какъ во всѣхъ предъидущихъ кассахъ проценты получались отъ подписки благотворителей.

Въ томъ же году учреждена касса въ Соутгэмптонъ, подъ руководствомъ священника Розе. Она представляетъ дальнѣйшее усовершенствованіе кассовой техники, именно относительно собиранія вкладовъ. Оно облегчено въ этой кассѣ тѣмъ, что вкладчикамъ предоставлена возможность дѣлать взносы мѣстнымъ священникамъ. Каждый мѣстный священникъ—сборщикъ вкладовъ для кассы, въ которую онъ направляетъ собранныя имъ деньги. Но касса отвѣчаетъ за деньги только послѣ того, какъ онѣ ея достигли. Въ случаѣ утраты денегъ до этого момента, рискъ несетъ самъ вкладчикъ.

Касса въ Эксетерѣ, возникшая по инициативѣ Экланда, члена графства, въ 1816 г., есть только развитіе этого усовершенствованія. Она образовала 60 филиалей, каждая подъ руководствомъ деревенскаго священника. Мѣсто священника, простаго сборщика вкладовъ, заняли отдѣленія кассы, которыя не только принимали, но и выдавали вклады; въ этомъ состоитъ новое улучшеніе въ кассовой техникѣ. Въ 1818 г. эта касса имѣла 946 вкладчиковъ съ 14,525 ф. ст. Всѣ эти кассы держались благотворительностью. Въ этомъ ихъ существенный недостатокъ. Онѣ не могли сдѣлаться народными учреждениями, потому что не вездѣ находились благотворители, и, кромѣ того, потому, что не вездѣ рабочіе охотно пользовались благотворительностью, въ которой видѣли вмѣшательство неприванныхъ людей, въ ихъ сословные интересы.

На этотъ недостатокъ кассъ обратилъ вниманіе членъ парламента Уайтбредъ. Еще въ 1807 г. онъ сдѣлалъ предложеніе учредить «національныя» кассы для приѣма вкладовъ рабочихъ, утилизировать эти средства въ государственныхъ бумагахъ, открыть отдѣленія при этихъ кассахъ для страхованія рабочихъ и поставить кассы въ связь съ почтовыми конторами. Предложеніе не было поддержано въ парламентѣ, а въ журналистикѣ осмѣяно. Последняя настаивала на томъ, что частныя кассы въ состояніи, безъ участія правительства, удовлетворить потребности и что вмѣшательство правительства въ это дѣло отвлечетъ его отъ его прямыхъ обязанностей.

Немного позже та же мысль—устраненіе благотворительности въ устройствѣ кассъ—выразилась въ дѣятельности доктора Дуннана, пастора отдаленнаго шотландскаго мѣстечка. Дуннанъ дѣйствовалъ отчасти подъ вліяніемъ проекта Уайтбрэда, отчасти подъ вліяніемъ знакомства съ извѣстнымъ реформаторомъ Овеномъ, писателемъ Карлейлемъ и друг., которыхъ интересовалъ вопросъ о предупрежденіи введенія налога на бѣдныхъ въ Шотландіи. Они полагали, что правильное введеніе кассъ устранить вопросъ о бѣдныхъ и сдѣлаетъ излишнимъ налогъ на бѣдныхъ. Дуннанъ разослалъ свой

проектъ соединить землевладельцамъ; воззваніе осталось безъ отвѣта. Несмотря, однакожъ, на трудности, представлявшіяся въ мѣстныхъ обстоятельствахъ,—friendly societies противодѣйствовали кассамъ, видя въ нихъ своихъ конкурентовъ, отвлекающихъ рабочихъ, сосѣдніе землевладельцы не принимали участія, боясь риска и будучи бѣдны,—Дунканъ успѣлъ учредить въ 1810 г. кассу по своему проекту въ Рутвелъ, гдѣ онъ былъ настоятелемъ. Въ 1814 г. въ кассѣ было уже около 1,000 ф. вкладовъ. Проектъ Дункана встрѣтилъ успѣхъ въ другихъ частяхъ Шотландіи. Одно графство (Ротбургширъ) отпечатало его брошюру на свой счетъ. Вскорѣ потребовались три новыхъ изданія съ дополненіями и объясненіями. Стали весьма интересоваться отчетами кассы, и Дунканъ былъ заваленъ корреспонденціей, вопросами, просьбами о наставленіяхъ и проч. Въ городѣ Кельсо (того же графства) состоялся митингъ, результатомъ котораго было учрежденіе на тѣхъ же началахъ кассы (впослѣдствіи одной изъ крупнѣйшихъ въ Шотландіи) въ этомъ графствѣ.

Дунканъ первый привлекъ къ управленію кассою всѣхъ вкладчиковъ. Всѣ участники—члены общаго собранія, высшаго органа кассы. Но центромъ дѣятельности было не общее собраніе, а правленіе, и наблюдательный совѣтъ, какъ контрольное учрежденіе надъ первымъ. Члены правленія и совѣта выбирались не изъ всѣхъ участниковъ кассы, а только изъ участниковъ первыхъ двухъ, высшихъ разрядовъ вкладчиковъ, сдѣлавшихъ наибольшіе взносы. Управление кассою здѣсь было также, главнымъ образомъ, въ рукахъ благотворителей, давшихъ кассѣ свои средства ради поддержанія ея. Въ порядокъ пріема новыхъ членовъ введена тяжелая инквизиціонная метода. Относительно каждаго кандидата производилось предварительное изслѣдованіе о его семейномъ положеніи, нравственномъ поведеніи. Сообразно этимъ свѣдѣніямъ, кандидатъ не только принимался или отвергался, но отъ нихъ зависѣлъ также процентъ, назначаемый за вкладъ. Назначеніе процентовъ поставлено вообще въ зависимость отъ индивидуальности вкладчика: желающимъ жениться или достигшимъ 56-ти лѣтняго возраста дирекція платила высшій процентъ; особія семейныя обстоятельства могли также быть причиной высшаго процента. За просрочки вкладовъ назначалась пеня; за аккуратность, чрезвычайныя добродѣтели, особенную бережливость платилась премія. Средства кассы помышались въ частномъ предпріятіи—British linen company—изъ процентовъ.

Касса Дункана сдѣлала только одно нововведеніе: она поставила управленіе кассы подъ контроль — очень слабый — всѣхъ вкладчиковъ, какъ членовъ общаго собранія. Она не устранила благотворительности изъ управленія, не устранила произвола въ управленіи. Ея существованіе зависѣло также отъ благотворителей и отъ готовности пользоваться благотворительностью.

Дунканъ не достигъ предположенной цѣли въ своемъ проектѣ. Но его мыслью воспользовались другіе и, проведя ее послѣдовательно, придумали типъ кассы, независимой отъ благотворительности. Нѣсколько позже учре-

дена касса въ Единбургѣ по инициативѣ Форбса. Управление этой кассы отдано вполне въ руки вкладчиковъ. Благотворители не устранены, но они не были необходимы, и управление отъ нихъ не зависѣло. Инквизиціонный порядокъ приема новыхъ членовъ устраненъ. Всѣ получаютъ одинаковый процентъ. Взносы принимаются отъ 1 шиллинга до 10 ф. ст. По достиженіи этой суммы, вкладъ передается въ одинъ изъ частныхъ банковъ, по указанію вкладчика; въ этомъ банкѣ онъ продолжаетъ получать высшій процентъ, какъ въ кассѣ, въ которой онъ можетъ снова открыть счетъ для мелкихъ вкладовъ.

Вкладчикъ получаетъ копію изъ главной книги, въ которой открытъ ему счетъ, гдѣ обозначается каждое движеніе его вклада. Эта копія была зародышемъ книжки, замѣнившей собою первоначальную копію.

Въ это сравнительно короткое время было исчерпано все техническое развитіе старыхъ англійскихъ кассъ. Позднѣйшая исторія ихъ не прибавила ни одного новаго типа. Она состояла только въ распространеніи извѣстныхъ уже формъ. Техническое развитіе кассъ состояло въ томъ, что облегчались приемъ и выдача вкладовъ, что выдаваемые вкладчикамъ проценты превратились изъ награды, жертвуемой богатыми въ пользу бѣдныхъ для поощренія добродѣтели этихъ послѣднихъ, въ проценты, приносимые деньгами этихъ вкладчиковъ, независимо отъ благотворительности; наконецъ, въ томъ, что управление кассъ перешло изъ рукъ филантроповъ въ руки самихъ заинтересованныхъ.

Для полноты, можно еще упомянуть объ одной кассѣ, не представляющей, впрочемъ, важной особенности. Въ кассѣ, учрежденной священникомъ Ридомъ въ Ирландіи въ 1815 г., деньги каждаго вкладчика сохранялись отдѣльно, пока онъ не возростали до 1 ф. ст.; тогда онъ превращались въ государственныя бумаги; до этого момента за вкладъ процентовъ не платили.

До 1817 г. сберегательныя кассы не были регламентированы закономъ. Онѣ были частными учрежденіями, невоспрещенными только закономъ.

Первое предложеніе о необходимости регламентаціи сдѣлалъ въ парламентѣ, въ 1815 г., Розе, членъ of the committee of conseil for the affairs of Trade and foreign Plantations. Ораторъ указывалъ на обязанность правительства принять кассы подъ свое покровительство, ссылаясь на пользу, приносимую ими всей странѣ. Онъ говорилъ, что кассы возвышаютъ духъ независимости бѣдныхъ людей, освобождая ихъ отъ унижительной приходской помощи, ставя ихъ на собственныя ноги, приучая ихъ къ самопомощи, что кассы дадутъ возможность уменьшить налогъ на бѣдныхъ, что онѣ помогаютъ объединенію націи, приучая бѣдныхъ и богатыхъ общими усиліями стремиться къ общему благу страны. Предложеніе это было повторено въ слѣдующія двѣ сессіи. Въ послѣдней предложеніе поддержано было многими петиціями; только три петиціи были противъ него. Предложеніе принято и оформлено въ слѣдующемъ, очень простомъ законѣ. О внутренней организаціи кассъ законъ почти ничего не говоритъ; онъ требуетъ толь-

ко, чтобы директоры кассы (Trustees) служили безвозмездно, чтобы заведующій кассою, кассиръ и другіе (managers) представляли обезпеченіе — reasonable security; чтобы maximum каждаго вклада не превышалъ, въ первый годъ, 100 ф. ст. и чтобы прибавка въ каждый слѣдующій годъ не превышала 50 ф. ст. Вклады кассы должны быть вносимы въ англійскій банкъ на счетъ комиссіи сокращенія государственныхъ долговъ. Комиссія эта покупаетъ на эти деньги трехпроцентную ренту и платитъ кассѣ за каждыя 100 ф. ст. 4 ф. 11 ш. 3 п. Имена Trustees должны быть внесены въ списокъ при четвертномъ засѣданіи мировыхъ судей; правила кассы должны быть записаны у клерка ближайшаго мирового судьи. При обсужденіи этого закона въ парламентѣ, нѣкоторые требовали помѣщенія части вкладовъ въ ипотеки; предложеніе не принято, вслѣдствіе признанія необходимости абсолютно-вѣрнаго обезпеченія, каковое представляютъ собою только государственныйя бумаги. Нѣкоторые предлагали выдавать наиболѣе бережливымъ вкладчикамъ преміи изъ приходскаго фонда; третье предложеніе требовало лишить вкладчиковъ приходской помощи. Оба послѣднія предложенія отвергнуты. Эффектъ изданнаго закона превзошелъ самыя неумѣренныя ожиданія. Въ теченіе 12 мѣсяцевъ открыто въ Англіи и Валлисѣ 227 кассъ, столько же въ Шотландіи и Ирландіи; въ теченіе 1817—1818 гг. вообще открыто гораздо болѣе половины всѣхъ когда-либо открытыхъ въ этой странѣ кассъ. Въ теченіе 9 мѣсяцевъ внесено 657 тыс. ф. ст.; изъ одной кассы поступило въ англійскій банкъ вкладовъ на 32 тыс. ф. ст. Конечно, далеко не всѣ вклады принадлежали бѣднымъ классамъ; извѣстно, что многіе джентльмены вносили свои деньги, чтобы убѣдить другихъ въ прочности кассъ; одинъ обладатель 40-ка тыс. ф. внесъ на имя своихъ дѣтей значительныя суммы. Кромѣ того, кассы привлекли средства зажиточныхъ людей тѣмъ, что онѣ платили болѣе процентъ сравнительно съ обыкновеннымъ. Законное ограниченіе maximum'a вклада было только на бумагѣ: во многихъ уставахъ о немъ вовсе не упоминалось и въ громадномъ большинствѣ кассъ на него не обращали вниманія.

Кассы распространились весьма быстро въ короткое время. Въ 1841 г. ихъ было 555: 451 въ Англіи и Валлисѣ, 76 въ Ирландіи и 28—въ Шотландіи*). Въ нихъ было 824 тыс. вкладчиковъ и 22 милл. ф. депозитовъ. Въ Англіи 1 вкладчикъ приходился на 22 жителя, въ Шотландіи на 52, въ Ирландіи на 103. Средняя величина вклада въ Англіи—30 ф., въ Ирландіи—29, въ Шотландіи—12. вмѣстѣ съ тѣмъ, кассы становились все болѣе и болѣе демократическими учрежденіями: въ 1828 г. вкладовъ, меньшихъ, чѣмъ въ 20 ф., было всего 203 тыс., въ 1841 г.—564 тыс. Онѣ сдѣлались народнымъ учрежденіемъ. Въ Англіи по положенію кассъ можно судить о положеніи хозяйства въ странѣ. Распространеніе благосостоянія выражается увеличеніемъ вкладовъ въ кассахъ; народныя бѣдствія, кризисы

*) Небольшое число шотландскихъ кассъ объясняется тѣмъ, что Шотландія въ нихъ меньше нуждалась: ея банки принимали мелкіе вклады.

отражаются въ уменьшеніи депозитовъ въ кассахъ. Во время и послѣ громаднаго кризиса 1825 г. вклады уменьшились на половину.

Сберегательныя кассы въ Англіи имѣли много враговъ въ парламентѣ и журналистикѣ. Про нихъ говорили, что онѣ служатъ къ тому, чтобы соединить пенсы бѣдныхъ людей и «разъединить владѣльцевъ ихъ»; что онѣ самый странный проектъ, какой только приходилъ въ голову человѣка; что онѣ «дорого стоятъ странѣ и составляютъ для нея тягость»; что онѣ «родъ винта въ рукахъ правительства, при помощи котораго, т.-е. винта, люди привѣрбляются къ данной системѣ»; что негѣло учреждать кассы для людей, находящихся въ положеніи нищихъ. *Times* того времени утверждалъ, что кассы «распространяютъ скарденничество въ народѣ»; что «кассы даютъ преміи за скарденничество»; «скарденничество деградируетъ человѣческую душу». Другіе указывали на то, что кассы мѣшаютъ развитію *friendly societies*, основанныхъ на самопомощи.

Защитники кассъ указывали, что *friendly societies* не могутъ ихъ замѣнить. *Friendly societies* — общества взаимнаго страхованія отъ извѣстнаго несчастія (безденежья вслѣдствіе безработицы, болѣзни, старости и проч.), возможность котораго для многихъ весьма отдаленна. Поэтому не для всѣхъ интересно вступить въ эти общества. Кромя того, у рабочихъ остаются еще средства, помимо внесенныхъ въ *friendly societies*, и для этихъ средствъ нѣтъ мѣста въ этихъ обществахъ, рабочіе ихъ растрчиваютъ, иногда помѣщая въ невѣрныя руки, иногда вслѣдствіе искушеній со стороны членовъ семейства. Эти средства могутъ быть сбережены только въ сберегательныхъ кассахъ. *Friendly societies* держатся слишкомъ строгой практикѣ: членъ, не внесшій слѣдующей отъ него части, теряетъ всѣ предыдущіе взносы; планы страхованія часто неправильно расчитаны въ *fr. soc.*, члены ихъ тратятъ много на собранія, митинги и проч., они собираются въ кабакахъ, гдѣ тратится очень много денегъ.

Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ кассы распространились въ странѣ, и одно за другимъ начали обнаруживаться злоупотребленія и растраты.

Въ устройствѣ кассъ былъ важный недостатокъ. Деньги вкладчиковъ были совершенно обезпечены съ того момента, какъ онѣ были внесены въ англійскій банкъ. За цѣлость ихъ здѣсь отвѣчало правительство. Но до этого момента онѣ обезпечивались только добросовѣстностью управляющихъ кассами. До 1828 г. вопросъ объ отвѣтственности *Trustees* за вклады вовсе не былъ выясненъ закономъ. Судебная практика была въ пользу отвѣтственности. По закону этого года, на *Trustees* возложена отвѣтственность за злоупотребленія *managers* и клерковъ, но только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ парламентѣ поднимали этотъ вопросъ по каждому поводу безъ успѣха. Однако же, возложеніемъ строгой отвѣтственности на *Trustees* боялись разрушить сберегательныя кассы. Боялись, что строгая отвѣтственность заставитъ отказаться многихъ *Trustees*, вслѣдствіе чего вкладчики возьмутъ свои деньги.

Всѣ извѣстные случаи растраты въ общихъ чертахъ сходны между собою. Вездѣ повторяется одно и то же: неумѣренное довѣріе къ человѣку, заслужившему уваженіе, но не устоявшему противъ искушеній; отсутствіе контроля со стороны Trustees; легкомысленное отношеніе къ дѣлу; въ одной кассѣ, напримѣръ, важныя помѣтки дѣлались карандашомъ, въ другой — Trustees повѣряли суммы каждой страницы, но сложеніе этихъ суммъ предоставляли секретарю; вездѣ Trustees подписывали документы безъ повѣрки, полагаясь на секретаря. Но Trustees и платились за это. Между 1824 — 1848 г. произошло 10 случаевъ растраты, которыя Trustees покрыли вполне, уплативъ отъ 500 до 12 тыс. ф. ст. За 13 лѣтъ, отъ 1844 до 1857 г., по имѣющимся отчетамъ, растрчено 179 тыс. ф. ст., что составляетъ около 5 тыс. ф. ст. на кассу. Конечно, эти цифры далеко не выражаютъ всего вреда, причиненнаго растратами, которыя дѣйствовали очень дурно на бережливость населенія. Описываемая система англійскихъ сберегательныхъ кассъ имѣла много недостатковъ:

1) Вклады не были обезпечены, хотя во многихъ важныхъ, наиболѣе распространенныхъ сочиненіяхъ того времени и, что еще хуже, въ народныхъ изданіяхъ, напримѣръ, календаряхъ, увѣряли, что правительство гарантируетъ вклады, однако, увѣренія эти основаны были на недоразумѣніи: правительство гарантировало вклады, внесенные кассами въ англійскій банкъ, но не тѣ, которые находились въ кассахъ. Это недоразумѣніе было такъ распространено въ публикѣ, что Брайтъ имѣлъ основаніе сказать въ парламентѣ, что изъ 10 человѣкъ 9 увѣрены въ правительственной гарантіи.

2) Медленное распространеніе кассъ и даже застой. Изъ 74 кассъ, бывшихъ въ Ирландіи въ 1846 г., 21 касса закрылись къ 1851 г. Въ графствѣ Доунъ изъ 8 кассъ остались 2. Въ графствѣ Керри изъ 8 кассъ не осталось ни одной, цѣлыя графства оставались безъ кассъ. Въ Ирландіи такихъ графствъ было четыре, въ Шотландіи—9. 3,500 городовъ и мѣстечекъ не имѣли кассъ; изъ нихъ 150 съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 10 тыс.

3) Вклады сберегательныхъ кассъ постоянно увеличивались и достигли въ 1861 г. 41½ милл. ф. ст. Но въ послѣдніе годы это увеличеніе шло гораздо медленнѣе сравнительно съ прежними годами. Въ послѣднее время, несмотря на чрезвычайно благоприятное для сбереженій положеніе хозяйства, вклады увеличились только на 8%.

4) Кассы были неравномѣрно распредѣлены въ странѣ. Въ графствахъ Берксъ и Дорсетширѣ 1 касса приходилась на 17 и 18 тыс. жителей, тогда какъ въ богатыхъ графствахъ Ланкаширѣ и Йоркширѣ на 1 кассу приходилось 68 и 66 тыс. жителей. Около милліона людей, которые могли бы быть вкладчиками, были отдѣлены отъ ближайшей кассы цѣлымъ графствомъ. Иначе не могло быть. Для учрежденія кассы нужны были благотворители. Но благотворители неравномѣрно распредѣлены на территоріи страны.

5) Кассы были открыты слишком короткое и часто неудобное для публики время. Изъ 638 кассъ только 20 были открыты ежедневно, 355—одинъ разъ въ недѣлю, 54—одинъ разъ въ двѣ недѣли, 10—одинъ разъ въ мѣсяць, нѣкоторыя были открыты въ неопредѣленное время. Этотъ недостатокъ становится еще яснѣе, если обратить вниманіе на число часовъ, когда кассы были открыты. 50 кассъ были открыты 4 часа въ мѣсяць, 124 — 1 часъ въ недѣлю, 150 — 2 часа въ недѣлю. Этимиъ объясняются слѣдующія данныя: въ среднемъ приходится на кассу только 12 вкладовъ въ недѣлю; въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ, Манчестерѣ, число вкладчиковъ въ теченіе 20 лѣтъ только учетверилось. Левинсъ (*History of Saving Banks*, 1866) разсчитываетъ, что изъ 100 человѣкъ 25 не могли пользоваться кассами.

6) Операциі въ кассахъ были затруднены. Многія кассы ввели дѣленіе дней; только въ извѣстные дни можно было внести новый вкладъ, въ другіе — дополнить старый, въ третьи—взять вкладъ обратно. Для этого послѣдняго соблюдались отяготительные сроки; нужно было заявить о желаніи взять вкладъ за недѣлю, за двѣ недѣли и даже за мѣсяць.

7) Сберегательныя кассы причиняли страннъ убытокъ. Правительство вынуждено было продавать бумаги по низкой цѣнѣ и покупать ихъ по высокой, потому что увеличеніе вкладовъ въ кассахъ совпадаетъ съ спросомъ на бумаги, а извлеченіе вкладовъ совпадаетъ съ предложеніемъ бумагъ. Только въ 1847—8 гг. правительство не имѣло убытковъ.

8) Правительство имѣло небольшую выгоду отъ того, что оно пользовалось деньгами сберегательныхъ кассъ для своихъ цѣлей, избѣгая тѣмъ кратковременнаго займа или отсрочивая его.

9) Несоотвѣтствія обязательствъ и помѣщенія. Правительство обѣщаетъ кассамъ возратить деньги по первому требованію. На эти деньги оно покупаетъ бумаги. По требованію кассъ, оно можетъ быть вынуждено продать эти бумаги. Во время паники такая продажа можетъ оказаться невозможною совершенно, за отсутствіемъ покупателей, или невозможною въ финансовомъ смыслѣ, вслѣдствіе слишкомъ низкой цѣны бумагъ.

10) Растраты въ сберегательныхъ кассахъ имѣли причину въ сущности ихъ организаціи. Пока сберегательныя кассы остаются кассами, основанными, съ одной стороны, на довѣрїи бѣдныхъ, а съ другой—на благотворительности мѣстнаго духовенства и джентри, функционирующихъ въ качествѣ распорядителей безъ всякаго вознагражденія и, слѣдовательно, безъ такихъ связывающихъ обязательствъ, при которыхъ люди могутъ быть вынуждены отдать отчетъ, до тѣхъ поръ растраты будутъ повторяться.

Исполненіе человѣческихъ обязанностей обезпечивается тремя побужденіями: моральнымъ чувствомъ обязанности, страхомъ денежной потери, вслѣдствіе упущенія обязанности, и страхомъ наказанія, если неисполненіе обязанности становится преступленіемъ. Страхъ денежной потери и наказанія вовсе устраненъ или уменьшенъ до *minimum*'а ограниченою отвѣт-

ственностью Trustees, а раздѣленіе отвѣтственности между Trustees и правительствомъ, ослабивъ чувство отвѣтственности, сдѣлало остальное.

Въ сберегательныхъ кассахъ повторилось явленіе, замѣченное давно во всѣхъ благотворительныхъ обществахъ. Сначала чрезвычайно дѣятельные, инициаторы съ теченіемъ времени начинаютъ засыпать и единственнымъ активнымъ человѣкомъ въ обществѣ остается наемный человѣкъ — секретарь, кассиръ или кто-нибудь вродѣ этого.

Старыя сберегательныя кассы въ Англіи дополнялись военными и морскими кассами и Penny Banks.

Военныя кассы учреждены въ 1842 г.—военнымъ министерствомъ, морскія въ 1854 г.—министерствомъ торговли, въ портовыхъ городахъ. Вклады этихъ кассъ помѣщаются, также какъ и вклады другихъ кассъ, въ государственныя бумаги, чрезъ комитетъ о государственныхъ долгахъ. Въ 1865 г. въ военныхъ кассахъ было $\frac{1}{4}$ милл. ф. ст., въ морскихъ—около 40 тыс. ф. ст. Моряки несклонны къ сбереженіямъ. Penny Banks распространились въ Англіи въ пятидесятихъ годахъ. Сберегательныя кассы принимаютъ вклады не менѣе 1 шилл., и даже такіе вклады принимаются не охотно. Этотъ недостатокъ пополнили Penny Banks. Они принимаютъ вклады отъ 1 п. до 1 ф. ст. Первый P. bank учрежденъ въ 1857 г. Касса имѣла успѣхъ: въ первый годъ явилось 5,000 вкладчиковъ съ 1,580 ф. ст.

Въ слѣдующемъ году учреждена подобная касса въ Лондонѣ, священникомъ Кекетомъ. Приливъ вкладовъ былъ такъ силенъ, что Кекетъ ограничилъ число вкладчиковъ 2,000. Рабочіе ждали съ нетерпѣніемъ вакансій.

Наиболѣе распространены эти кассы въ Глазговѣ. Въ 1864 г. ихъ было здѣсь 68 съ 24 тыс. вкладчиковъ.

Статистики Penny Banks нѣтъ. Левинсъ говоритъ, что въ англійскихъ городахъ ихъ наберется 80 или 90. Вклады свои они помѣщаютъ въ сберегательныхъ кассахъ.

Сберегательныя кассы стоили англійскому правительству много хлопотъ. Съ 1817 до 1863 г. издано девять законовъ о кассахъ. Парламентъ назначалъ нѣсколько комиссій для изслѣдованія положенія кассъ. Не проходило почти года безъ толковъ о кассахъ въ парламентѣ.

Первый законъ былъ дополненъ черезъ годъ. Въ 1818 г. судѣ предоставлено право отказать въ принятіи устава учреждаемой кассы, указавъ основанія такого постановленія, и запрещены вклады безъимянные, т.-е. безъ обозначенія имени вкладчика на номеръ.

Въ 1820 году предоставлено благотворительнымъ обществамъ дѣлать вклады въ комитетъ о долгахъ, на одинаковыхъ съ сберегательными кассами основаніяхъ.

Въ 1824 г. изданъ новый законъ о кассахъ. Опредѣленъ максимумъ вклада въ 50 ф. въ первый годъ и въ 30 ф. въ слѣдующіе годы; съ достиженіемъ вклада 200 ф. прекращается начеть процентовъ. Отклонены

вклады friendly societies и благотворительныхъ обществъ. Отъ вкладчика требуется декларация, что онъ не имѣетъ вклада въ другихъ сберегательныхъ кассахъ *). Trustees признаны ответственными за вклады кассъ въ размѣрѣ 50 ф. каждый, т.-е. всѣ вмѣстѣ въ размѣрѣ 600 ф., при обыкновенномъ числѣ ихъ—12.

Въ сессію 1828 г. членъ парламента Юмъ обратилъ вниманіе правительства на недостатки въ устройствѣ кассъ. Онъ говорилъ о потеряхъ правительства на курсѣ при покупкѣ и продажѣ фондовъ за счетъ кассъ, о разницѣ между процентами, платимыми правительствомъ кассамъ и уплачиваемыми кассами вкладчикамъ, о *sur plus fund*; онъ требовалъ правительственного надзора за кассами, такъ какъ онѣ получаютъ въ этой формѣ субсидіи отъ казны. Министерство отвѣчало, что оно скоро представитъ новый проектъ закона о кассахъ. Дѣйствительно, этотъ проектъ представленъ въ томъ же году (1828) и принятъ. Онъ называется *governing statutes* и объединяетъ всѣ предыдущіе законы. По этому статуту, уставъ кассы долженъ быть представленъ влрку мирового судьи и занесенъ въ особую книгу; онъ разсматривается четвертнымъ засѣданіемъ мировыхъ судей и особымъ барристеромъ, назначеннымъ *National debt commissioners* **); мировые судьи могутъ отвергнуть уставъ; максимумъ вклада опредѣленъ въ 30 ф. въ годъ, всего въ 150 ф. и вмѣстѣ съ процентами, не взятыми вкладчикомъ, въ 200 ф.; допущены вклады благотворительныхъ обществъ въ размѣрѣ 100 ф. въ годъ и 300 ф. всего; вкладчикамъ предоставлена возможность переводить вклады изъ одной кассы въ другую, не вынимая вклада; вклады менѣе 50 ф. освобождены отъ штемпельнаго сбора; процентъ, уплачиваемый правительствомъ кассамъ, пониженъ съ 4 ф. 16 ш. 3 п. на 3 ф. 16 ш. 1/2 п.; Trustees признаны ответственными только за *neglect* и *default*; каждая касса должна посылать годовой отчетъ въ *National debt office*; каждый вкладчикъ имѣетъ право требовать отчетъ за 1 п.

Въ 1833 г. изданъ опять законъ, которымъ опредѣленъ срокъ выдачи вкладовъ изъ кассъ.

Въ 1838 г. Юмъ опять говорилъ въ парламентѣ о недостаткахъ сберегательныхъ кассъ. Онъ сказалъ, что 412 кассъ платятъ вкладчикамъ 3 ф. 6 ш. 8 п. процентовъ, получая отъ правительства 3 ф. 16 ш. 1/2 п., и 88 кассъ—3 ф. 8 ш.; что Trustees распоряжаются произвольно *sur plus fund*; что употребленіе вкладовъ на правительственныя цѣли опасно; долгъ превращается изъ фундированнаго въ нефундированный; правительство обязывается возратить вклады до 10 тыс. ф. ст. черезъ 5 дней отъ востребованія и большіе—черезъ 14 дней; во время паники правительство можетъ оказаться въ большомъ затрудненіи и нести большія потери. Лордъ-казначей отвѣчалъ, что правительство ошиблось относительно поощренія кассъ;

*) При обсужденіи вопроса о декларациі, нѣкоторые требовали, не довольствуясь крестами, подписи декларатора. Но въ то время грамотность была такъ рѣдка въ англійскомъ рабочемъ населеніи, что требованіе это признано невозможнымъ.

***) Назначенъ л-ръ Праттъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ знаткомъ сберегательныхъ кассъ.

оно не думало, что кассы такъ быстро распространятся. Но теперь пониженіе процентовъ, уплачиваемыхъ правительствомъ, опасно, потому что заставить кассы понизить проценты, а это поведетъ къ сильному востребованію вкладовъ: во время кризиса 1825 г. взято вкладовъ на 361 тыс. ф., въ кризисъ 1832 г. — на 550 тыс. ф. и послѣ пониженія процентовъ 1828 г. — на 1.500,000 ф.; проценты получаетъ бѣдный классъ народа, пользующійся ими очень благоразумно; большая часть процентовъ обращается въ капиталъ: со времени учрежденія кассъ только 286 тыс. ф. выдано процентовъ вкладчикамъ, тогда какъ 9.271,000 ф. причислены къ капиталу.

Законъ 1844 г. возникъ подѣ непосредственнымъ влияніемъ происшедшихъ въ это время растраты. Онъ извѣстенъ подѣ названіемъ «Goulbourn's Act». По этому закону, проектъ кассы утверждается барристеромъ, который экземпляръ устава отправляетъ въ National debt office; барристеръ признается также третейскимъ судьей въ дѣлахъ кассъ. Максимумъ вкладовъ уменьшенъ до 20 ф. въ годъ и 120 ф. всего; процентъ уменьшенъ до 2 пенс. въ день; запрещены вклады по порученію (deposits as Trustees); это запрещеніе направлено противъ злоупотребленій такими вкладами, ибо подѣ ихъ названіемъ могутъ находиться вклады одного и того же лица. Д-ръ Праттъ обнаружилъ въ одной ирландской кассѣ вкладчика съ 17 книжками по порученію; вкладчикамъ предписывается предъявлять свои книжки ежегодно въ кассу для свѣрки. Запрещено принимать вклады внѣ официалаго времени; виновные въ этомъ подвергаются отвѣтственности; отъ служащихъ въ кассѣ требуется обезпеченіе, сохраняемое въ National debt office; Trustees отвѣчаютъ только въ томъ случаѣ, когда они даютъ особую подписку въ этомъ.

Отъ 1844 до 1848 г., т. е. до новаго закона, Trustees только четырехъ кассъ, и то незначительныхъ, дали такія подписки.

Повторявшіяся растраты опять обратили вниманіе правительства на сберегательныя кассы и вызвали новый законъ 1848 г. Этому закону предшествовала назначенная парламентомъ коммиссія для изслѣдованія положенія ирландскихъ кассъ, въ которыхъ произошли новыя растраты; но коммиссія представила безсодержательный докладъ, вызвавшій въ парламентѣ насмѣшки. Законъ 1848 г. измѣнилъ отвѣтственность Trustees; они могутъ ограничить отвѣтственность, если дадутъ особую подписку объ отвѣтственности на 100 ф. каждый; безъ такой подписки они отвѣчаютъ неограниченно; для провѣрки вкладныхъ книжекъ съ кассовыми должны быть назначаемы ежегодно особые аудиторы. Проектъ этого закона принадлежитъ Вуоту.

Едва изданъ былъ законъ 1848 г., какъ въ парламентѣ снова заговорили о сберегательныхъ кассахъ. Представители Дублина просили правительственной помощи вкладчикамъ Coffee-Street v. Bank. Это было въ 1849 г. Они указывали на бѣдность вкладчиковъ (на каждаго изъ нихъ приходилось, въ среднемъ, только 27 ф.); на то, что правительство виновато въ ихъ несчастіи,—оно освободило закономъ 1844 г. Trustees отъ отвѣтствен-

ности; оно виновато и тѣмъ, что поставленный имъ барристеръ, д-ръ Праттъ, допустилъ продолженіе операций кассы послѣ того, какъ ея банкротство было констатировано, вслѣдствіе чего дефицитъ только увеличился. Парламентъ назначилъ комиссію для изслѣдованія дѣла, которая ничего не сдѣлала, и черезъ годъ другую, которая, по изслѣдованіи положенія дѣла, предложила дать вкладчикамъ 30 тыс. ф. изъ средствъ National debt committee. Субсидія дана, несмотря на оппозицію. Въ парламентѣ говорили, что если помочь вкладчикамъ этой кассы, то нужно дать вкладчикамъ и другихъ кассъ, потерпѣвшихъ отъ растраты.

Въ періодъ отъ 1850 до 1863 г. представлено было нѣсколько биллей о сберегательныхъ кассахъ, изъ которыхъ только одинъ былъ принятъ. Trustees и множество людей, заинтересованныхъ сберегательными кассами, составляли сильную оппозицію, которая имѣла своихъ представителей въ парламентѣ, на рѣшенія котораго часто вліяли, кромѣ того, петиціи. Билль 1844 г. встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны сберегательныхъ кассъ. Когда внесенъ былъ билль 1848 г., въ парламентъ представлена была петиція отъ 79 тыс. вкладчиковъ о томъ, чтобы правительство не вмѣшивалось въ дѣла кассъ. Въ пятидесятыхъ годахъ оппозиція еще усилилась. Когда обсуждался билль 1850 г., о которомъ сейчасъ будетъ сказано, Trustees Лондона составили митингъ, раскритиковали проектъ закона и резолюцию свою резолюцію во всѣ сберегательныя кассы.

Въ 1850 г., непосредственно послѣ рѣшенія дѣла о дублинской кассѣ, въ парламентъ внесенъ проектъ новаго закона. Онъ предлагалъ замѣнить филантропическихъ Trustees назначаемыми правительствомъ, на жалованіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтственность за кассы перенести на правительство, возложивъ на Trustees отвѣтственность за neglect и default; назначить въ каждую кассу аудиторовъ и, кромѣ того, предоставить Committee of National debt право посылать инспекторовъ въ кассы, въ случаѣ сомнѣнія; уменьшить максимумъ вкладовъ до 100 ф.; понизить процентъ, уплачиваемый правительствомъ кассамъ и кассами вкладчикамъ, на 5 ш.; измѣнить покупку и продажу фондовъ такъ, чтобы правительство было только маклеромъ въ этой операци, убытки и барыши которой его не касаются.

Билль не прошелъ въ парламентѣ. Оппоненты возражали, что введеніе правительственныхъ Trustees уничтожить кассы; уменьшеніе процентовъ сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе кассъ; издержки не будутъ покрываться; они согласны на улучшеніе закона о кассахъ, но только если оно будетъ основано на изслѣдованіи комиссіи, которая выслушаетъ опытныхъ въ дѣлѣ людей.

Черезъ два года въ парламентѣ опять интерпелировали правительство о положеніи дѣла. Но дѣло затянулось восточною войной. Въ 1857 г. новый запросъ министерству о сберегательныхъ кассахъ. Министерство внесло опять проектъ 1850 г. и съ тою же неудачей. Наконецъ, въ 1858 г. назначена парламентская комиссія для изслѣдованія кассъ. Работа этой ком-

миссіи составляет главный матеріалъ для изученія старыхъ англійскихъ сберегательныхъ кассъ.

Заключенія комиссіи сводятся къ предложенію болѣе дѣйствительнаго контроля надъ кассами: она рекомендуетъ учредить центральное бюро для управленія кассами; назначить цѣлый штабъ инспекторовъ для наблюденія на мѣстѣ; образовать особый резервный фондъ для покрывтія потерь.

Въ духъ доклада этой комиссіи составленъ новый проектъ закона, представленный въ парламентъ въ 1862 г. Онъ, однако же, не принятъ.

Наконецъ, въ 1863 г. представленъ опять проектъ, по соглашенію съ оппозиціею; онъ прошелъ въ парламентъ и извѣстенъ подь названіемъ «Consolidation-Act». Этотъ актъ повторяетъ болшею частью постановленія старыхъ законовъ и прибавляетъ только немного новыхъ. Но актъ этотъ былъ мертвымъ, бумажнымъ закономъ. Онъ долженъ былъ регулировать вымирающее учрежденіе. Въ это время возникли уже почтовые сберегательныя кассы, которыя совершенно вытѣснили старыя кассы.

Публика и парламентъ съ самаго начала интересовались знать, какъ правительство распоряжается деньгами кассъ, которыя по первому закону о сберегательныхъ кассахъ отдаются National debt office, для помѣщенія ихъ въ трехпроцентную ренту.

Въ 1819 г. былъ сдѣланъ запросъ въ парламентъ, правда ли, какъ увѣряютъ въ публикѣ, что правительство намѣрено затратить вклады кассъ на сокращеніе государственнаго долга? Министерство отвѣчало, что о такомъ намѣреніи не можетъ быть рѣчи и что оно не считаетъ себя вправе распоряжаться этими средствами безъ разрѣшенія парламента.

При обсужденіи перваго закона о сберегательныхъ кассахъ, нѣкоторые предлагали въ парламентъ помѣщать вклады не въ трехпроцентную ренту, а въ ипотеки. Предложеніе не было принято въ виду важности прочнаго обезпеченія вкладовъ.

Передъ комиссіею 1858 г. нѣкоторые свидѣтели рекомендовали помѣстить часть вкладовъ въ дренажъ, другіе рекомендовали для этой цѣли ипотеки, облигаціи желѣзныхъ дорогъ.

Практики установили слѣдующія отношенія сберегательныхъ кассъ, по вкладамъ, къ National debt committee, состоящей изъ Speaker of the House of commons, Master of the Rolls, chief Baron of the Etchequer, Chancellor of the Elchequer Accountant general of the Court Chancery, governor и Deputy-governor of the Bank of England. Комитетъ собирается разъ въ четверть года. Три составляютъ quorum. Comptroller-General—секретарь, исполняющій распоряженія комитета.

Сберегательная касса, желая помѣстить свои деньги въ ренту, даетъ объ этомъ знать своему агенту въ Лондонѣ, банкиру или банку. Банкиръ извѣщаетъ объ этомъ комитетъ, который даетъ ордеръ англійскому банку принять деньги отъ агента кассы. Росписку въ полученіи англійскій банкъ отправляетъ въ комитетъ на другой день, и комитетъ отсылаетъ ее въ сберегательную кассу. Подобная процедура соблюдается и при выдачѣ де-

негь. Комитетъ самъ не принимаетъ и не выдаетъ денегъ. Онъ ведетъ имъ только счетъ.

Этими деньгами комитетъ распоряжается для покупки ренты. Покупка дѣлается чрезъ короннаго маклера, по приказу генеральнаго контролера. Но, кромѣ того, и также на основаніи закона, комитету предоставлено покупать Bank annuities и Exchequer bills. Послѣдніе покупаются съ особаго разрѣшенія Maugellor of the Exchequer. Иногда они не покупаются на рынкѣ, но выпускаются, т.-е. передаются англійскому банку, который взаменъ ихъ отдаетъ въ распоряженіе правительства изъ вкладовъ сберегательныхъ кассъ соответствующую сумму. Правительство дѣлаетъ заемъ изъ вкладовъ сберегательныхъ кассъ, находящихся въ англійскомъ банкѣ, обезпечивая этотъ заемъ своими бумагами. Эти бумаги выпускаются на короткое время для покрытія временныхъ потребностей казны. Во время восточной войны такіе займы изъ вкладовъ сберегательныхъ кассъ помогли правительству.

Въ комиссіи 1858 г. въ парламентѣ сильно порицали практику правительства. Говорили, что правительство, покупая и продавая бумаги на рынкѣ, по своему произволу, является всемогущимъ агентомъ на биржѣ, отъ котораго зависятъ цѣны бумагъ и съ которымъ никакой банкиръ не можетъ равняться.

Въ 1854 г. Гладстонъ впервые предложилъ освободить правительство отъ обязанности помѣщать кассовые вклады въ извѣстныя бумаги и предоставить ему полную свободу въ распоряженіи этими деньгами. Онъ предлагалъ замѣнить сложныя отношенія, въ которыхъ находится государство къ сберегательнымъ кассамъ, по вкладамъ, простою формой, принятою каждымъ банкиромъ. Правительство принимаетъ вклады отъ сберегательныхъ кассъ и распоряжается этими деньгами, какъ ему угодно, какъ банкиръ. Вкладчикамъ, т.-е. сберегательнымъ кассамъ, дѣла нѣтъ до того, какъ распоряжается ихъ деньгами правительство, ихъ банкиръ. Оно платитъ имъ проценты; положеніе всей страны обезпечиваетъ уплату процентовъ и капитала. Предложеніе не было принято. Ту же участь испытало повторенное предложеніе въ 1860 г., но третье предложеніе, въ 1863 г., получило, наконецъ, силу закона. По закону 1863 г. о сберегательныхъ кассахъ, правительство обязуется возвращать вклады на сумму въ 10 тыс. ф. ст. въ теченіе 14 дней. Болѣе, однако, требованія въ 10 тыс. ф. ст. отъ одной кассы правительство не платитъ.

О сберегательныхъ кассахъ судили очень различно. Нѣкоторые возлагали на нихъ несбывшіяся надежды, другіе считали ихъ бесполезными, даже вредными. Одинъ ораторъ въ парламентѣ, при обсужденіи перваго закона о кассахъ, надѣялся, что онъ такъ поднимутъ благосостояніе массы населенія, что можно будетъ уничтожить налогъ на бѣдныхъ. Другой членъ парламента въ сессію 1833 г. считалъ ихъ совершенно лишними, потому что средній вкладъ въ сберегательныхъ кассахъ не менѣе 10 ф. ст., а такой вкладъ можно внести во всякій банкъ. Третій прямо заявилъ,

что правительство преслѣдуетъ въ сберегательныхъ кассахъ двѣ цѣли: под-
нять цѣну своихъ бумагъ и запустить руку въ карманъ народа.

Съ англійскими сберегательными кассами связана операція страхованія
доходовъ. Первое предложеніе о казенномъ страхованіи доходовъ сдѣлано
было еще въ 1773 г. барономъ Мазеро. Оно затеряно въ палатѣ лор-
довъ. До 1833 г. не было поминна объ этомъ вопросѣ. Въ этомъ году
лордъ - казначей, Альторпъ, внесъ въ парламентъ билль о страхованіи.
Онъ получилъ силу закона, несмотря на возраженія оппозиціи. Лордъ-
казначей предложилъ продавать, чрезъ сберегательныя кассы, казенные
страховые полисы. По плану, страхованіе состояло въ томъ, что лицо,
входящее въ договоръ съ правительствомъ чрезъ сберегательную кассу,
обязывалось до достиженія извѣстнаго возраста вносить въ извѣстные
сроки небольшія суммы денегъ. По достиженіи этого возраста, владѣлецъ
полиса получалъ извѣстный доходъ въ теченіе всей остальной своей жи-
зни. По плану этого страхованія, человекъ, платящій съ 25-ти лѣтняго воз-
раста по 6 шил. въ мѣсяць, получаетъ, по достиженіи 60 лѣтъ, ежегодный
доходъ въ 20 ф. ст. отъ правительства. Если онъ умретъ до достиженія
этого возраста или прекратитъ до срока платежи, вся уплаченная имъ сум-
ма, но безъ процентовъ, возвращается его наслѣдникамъ, ему самому или
его кредиторамъ. Минимумъ страхуемаго дохода опредѣленъ въ 20 ф. ст.,
чтобы сдѣлать операцію доступною рабочимъ. Договоръ заключается между
страхователемъ и правительствомъ. Сберегательныя кассы имѣютъ значе-
ніе въ этой операціи только удобныхъ для публики пунктовъ для заклю-
ченія договоровъ, для сбора платежей и уплаты доходовъ, впоследствии.

Альторпъ указалъ на то, что *friendly societies* не удовлетворяютъ по-
требности. Изъ 500 этихъ обществъ только 39 занимаются страхованіемъ
этого рода. Но *friendly societies* вообще не годятся для операцій этого
рода. Страхователь долженъ быть увѣренъ, что онъ платитъ не даромъ,
что, по наступленіи извѣстнаго времени, онъ будетъ получать свой доходъ,
застрахованную сумму. *Friendly societies*, по своей организаціи, не могутъ
удовлетворить этому требованію; каждое такое общество можетъ прекра-
тить свое существованіе по постановленію $\frac{2}{3}$ голосовъ. Эти общества за-
нимаются также страхованіемъ извѣстнаго дохода на время болѣзни рабо-
чаго. Въ этомъ отношеніи они полезны для рабочихъ. Но казенное стра-
хованіе не дѣлаетъ имъ конкуренціи въ этой операціи. Оно только до-
полняетъ страхованіе въ *friendly societies* тѣмъ формой, для которой они
негодны. Правительственное страхованіе не было популярно. Какъ видно
изъ предложенія дополнить старый законъ,—предложенія, сдѣланнаго 20
лѣтъ спустя,—законъ 1833 г. остался совершенно безъ примѣненія къ
практикѣ. Поэтому въ 1853 г. министерство предложило дополнить его.
Къ старой формѣ страхованія присоединена новая. По этому закону, можно
застраховать доходъ безъ права получить уплаченные деньги въ случаѣ
прекращенія договора до срока. Для страхователя этотъ договоръ болѣе

рискованъ: страхователь можетъ потерять всё уплаченныя деньги, если нарушить договоръ, прекратить, напримѣръ, платежи, хотя на время. Но за то такое страхованіе дешевле. Правительство можетъ понизить платежи, въ виду дохода, получаемого въ уплаченныхъ, но не возвращаемыхъ взносахъ другихъ страхователей. Въ преніяхъ объ этомъ биллѣ въ парламентѣ возражали, что не дѣло правительства заниматься страховыми операціями; что оно только мѣшаетъ частнымъ страховымъ обществамъ, которыя вполне удовлетворяютъ потребностямъ страны. Однако, билль принятъ.

Недостатки сберегательныхъ кассъ вызвали въ пятидесятыхъ годахъ сильное движеніе въ пользу коренной реформы. Это движеніе окончилось учрежденіемъ почтовыхъ сберегательныхъ кассъ, дѣйствующихъ теперь и послужившихъ образцомъ для подобныхъ кассъ на континентѣ.

Но идея о кассахъ, устроенныхъ по *одному плану и равномерно размѣщеннымъ* во всей странѣ, какъ сѣть, охватывающая всю территорию, принадлежитъ гораздо болѣе раннему времени.

Задолго до распространенія въ Англіи сберегательныхъ кассъ Бентамъ предлагалъ открыть при каждой церкви доступныя для народа кассы подъ названіемъ «Industry House». Но онъ думалъ осуществить этотъ планъ при помощи комиссіи. Въ 1807 г. Уайтбредъ, о которомъ упомянуто прежде, предлагалъ устроить сберегательныя кассы въ связи съ почтою. Оба проекта въ подробностяхъ не развиты и совершенно забыты. Въ *Quarterly Review* 1827 г. появилась статья, авторъ которой рекомендуетъ воспользоваться почтовыми конторами, какъ мѣстами для приѣма и выдачи вкладовъ. Въ 1850 г. выступилъ съ новымъ проектомъ Сейксъ, который имѣлъ потомъ рѣшительное вліяніе на все положеніе дѣла. Онъ предлагалъ реформировать старыя кассы: усилить центральный контроль надъ ними, ввести общую для всѣхъ кассъ регламентацію, образовать общій фондъ (general guarantee fund) на случай потерь и, главное, увеличить число кассъ, открывъ въ частныхъ банкахъ и у банкировъ отдѣленія сберегательной кассы *).

Въ 1852 г. Хенкокъ представилъ въ статистическое общество въ Дублинѣ проектъ сберегательныхъ кассъ въ связи съ почтовыми учрежденіями. Въ томъ же году священникъ Гамильтонъ составилъ планъ сберегательныхъ кассъ также въ связи съ почтою. Этотъ планъ близко подходитъ къ принятой впоследствии организаціи: при каждомъ почтовомъ отдѣленіи должно открыть сберегательную кассу, принимающую вклады отъ 1 шилл. до 10 ф.; почтовое отдѣленіе посылаетъ каждый день отчетъ въ центральный Savings Bank въ Лондонѣ; лондонская касса извѣщаетъ сама каждого вкладчика о полученномъ вкладѣ; если вкладчикъ въ теченіе известнаго времени не получаетъ отвѣта изъ Лондона, онъ самъ пишетъ въ

*) Сейксу принадлежитъ изобрѣтеніе школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Его мысль принята практикою и въ Шотландіи учреждены школьныя кассы при некоторыхъ Mechanic's institutions.

центральную кассу; авторъ указывалъ на общедоступность такихъ кассъ, потому что почтовые отдѣленія у каждаго подъ бокомъ и открыты ежедневно въ теченіе многихъ часовъ, на дешевизну управленія ими, потому что тотъ же почтовый персоналъ можетъ исполнять эту работу.

Въ 1856 г. Белларъ, будучи членомъ комитета *Penru Bank* въ Потнеѣ, заинтересовался сберегательными кассами. Онъ выработалъ проектъ, подобный предъидущему, но указалъ на то, что принципъ казенныхъ кассъ не новъ: казенныя кассы давно введены въ арміи и флотѣ; не ново также и то, что по этому проекту правительство становится народнымъ банкиромъ; въ почтовыхъ учрежденіяхъ оно уже приняло на себя эту роль; оно принимаетъ здѣсь деньги отъ каждаго для передачи ихъ въ другое мѣсто; эти деньги часто остаются нѣсколько дней въ рукахъ почты, до передачи ихъ адресату; въ предполагаемыхъ кассахъ операція эта только расширяется. Белларъ передалъ меморандумъ чрезъ своего друга, члена парламента Юма, Гиллю, директору *Money - Order - Department* при почтѣ, и Аргайлю, генералъ-почтмейстеру. Они отвѣчали, что проектъ кажется имъ фантастическимъ и что они имѣютъ въ виду другіе планы, которые они предпочитаютъ.

Въ 1859 г. Сейксъ выступилъ опять съ новымъ проектомъ, который, однако же, сравнительно съ другими почти ничего новаго не представляеть. Сейксъ рекомендуетъ открыть сберегательныя кассы при тѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ, гдѣ нѣтъ сберегательныхъ кассъ; вклады принимать отъ 1 ф. шилл. (авторъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду *Preliminary Savings Banks*, въ которыхъ собираются меньшія сбереженія); сосредоточить эти вклады въ центральной лондонской кассѣ, которая, взявъ ихъ, выдаетъ вкладчикамъ $2\frac{1}{2}$ процентныя свидѣтельства. Сейксъ указалъ на новый доходъ почты, вслѣдствіе увеличенія корреспонденціи отъ введенія этой новой операціи. Проектъ Сейкса не былъ принятъ. Но тогда какъ другіе проектанты ограничивались представленіемъ меморандумовъ, Сейксъ поднялъ на ноги всю страну. Общественное мнѣніе заставило правительство принятъ за реформу, не откладывая ея подъ канцелярское сукно. Сейксъ передалъ свой напечатанный планъ Диллю, *secretary of the Post-Office*, отослалъ Гладстону печатное открытое письмо и опубликовалъ его; въ *Social Science Association* сдѣланъ докладъ о проектѣ; торговая палата Ходдерфильда рекомендовала проектъ вниманію правительства и разослала циркуляръ всѣмъ другимъ торговымъ палатамъ (*Chambers of Commerce*). Ливерпуль, Липсъ, Юркъ подали петиціи; то же сдѣлала *Dublin Statistibul Society*; частныя люди бомбардировали правительство своими *expressions of opinions*. Сейксъ велъ непрерывную переписку съ людьми, которые обращались къ нему съ вопросами и разъясненіями. Когда дѣло поступило въ парламентъ, онъ написалъ письма каждому члену парламента. Реформа стала предметомъ обсуждения въ печати. Гладстонъ наблюдалъ, чтобы дѣло подвигалось въ *Post-Office*, куда оно было передано. Одинъ изъ служащихъ въ этомъ учрежденіи, Читуэндъ, выработалъ свой планъ, который потомъ сдѣлался закономъ,

въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Онъ передалъ свой проектъ Скодмору, Receiver and Accountant-General, который его одобрилъ и представилъ Гладстону.

Въ февралѣ 1861 года Гладстонъ просилъ парламентъ доволить «to Marge upon the consolidated Fund of the United Kingdom of great Britain and Irland the deficiency, if any such should arise, in the sums which may be held on account of Post-Office-Savings-Banks, to meet the lawful demand of depositors in such banks, in the event of their being established by law». Министръ обѣщалъ внести скоро проектъ новыхъ кассъ. Онъ указалъ при этомъ на невозможность реформировать старыя кассы, въ особенности что касается ответственности Trustees. Онъ обѣщалъ открыть новыя кассы сначала только тамъ, гдѣ нѣтъ старыхъ. Онъ говорилъ о преимуществахъ новыхъ кассъ, которыя будутъ правильно распределены въ странѣ и открыты для публики большее число часовъ; ихъ вклады будутъ обезпечены правительствомъ, потому что они будутъ приниматься агентами правительства. Онъ сказалъ, что процентъ будетъ на 10 пилл. менше, чѣмъ въ другихъ кассахъ, но онъ можетъ быть впоследствии увеличенъ, если обстоятельства позволятъ. Министръ выразилъ увѣренность, что кассы будутъ сами себя содержать.

Предложеніе Гладстона было поддержано. Одинъ ораторъ указалъ на то, что правительство снабдилъ рабочихъ пивными на каждой улицѣ, но до сихъ поръ не заботилось о доставленіи рабочимъ возможности дѣлать сбереженія; что обыкновенные банки не помогаютъ рабочимъ. Рабочіе боятся ихъ, потому что они находятся въ связи съ ихъ хозяевами, которые поэтому могутъ узнать, сколько рабочіе могутъ сберегать. Одинъ ораторъ провиически поздравилъ Гладстона съ осуществленіемъ завѣтной мечты: теперь онъ достигъ 2¹/₂ процентной ренты. Гладстонъ отвѣчалъ, что вклады будутъ утилизироваться по-старому.

Черезъ три дня билль о кассахъ внесенъ въ парламентъ формально. При второмъ чтеніи выступила оппозиція, но слабая. Говорили, что почтовый персоналъ не въ состояніи выполнить возложенной на него работы по сберегательнымъ кассамъ, что новыя кассы убьютъ старыя, отнявъ у нихъ всѣ вклады, что правительство беретъ на себя слишкомъ большой рискъ.

Гладстонъ отвѣчалъ, что кассы предполагается вводить постепенно, по мѣрѣ потребности въ нихъ публики, и, такимъ образомъ, правительство сначала испытаетъ годность почтового персонала въ маленькихъ размѣрахъ; что старыя кассы имѣютъ предпочтеніе передъ новыми въ большемъ вкладномъ процентѣ; что, поэтому, многіе оставляютъ свои вклады въ старыхъ кассахъ; что почтовые кассы должны сами себя содержать, не живя на счетъ доходовъ отъ почты; что, судя по опыту старыхъ кассъ, рискъ правительства не великъ.

При третьемъ чтеніи были опять возраженія. Говорили, что новыя кассы отвлекутъ вклады отъ friendly societies, столь полезныя народу, потому что онѣ приучаютъ народъ къ самопомощи, что онѣ уничтожатъ

старыя кассы, поддерживающія общеніе высшаго класса народа съ низшими; въ старыхъ кассахъ джентльмены жертвуютъ своимъ временемъ и своими деньгами ради низшихъ братьевъ, располагая тѣмъ самымъ послѣднихъ въ свою пользу.

Въ палатѣ лордовъ былъ также продолжительный споръ, но онъ состоялъ болѣею частью изъ повтореній уже извѣстнаго. Возраженія были также слабы. Одинъ ораторъ привелъ знаменательный фактъ, если онъ только вѣренъ: онъ утверждалъ, что $\frac{9}{10}$ владчиковъ старыхъ кассъ состояли изъ прислуги и клерковъ, что только $\frac{1}{10}$ владчиковъ были рабочіе. Одинъ оппонентъ сказалъ, что онъ противоѣдствуетъ биллю, ибо увѣренъ, что опытъ не удастся: кассы скоро приведутъ свои счета въ такой хаосъ, изъ котораго онъ не выпутаются. Онъ также полагалъ, что трансфертная операція совершенно излишня, что проще предоставить каждому владчику взять свой вкладъ и отравить его по почтѣ въ другую кассу, куда онъ хочетъ перевести свои деньги. Билль утвержденъ 17 мая 1861 г.

Три мѣсяца прошло въ приготовленіяхъ. 16 сентября открыто при Money-Order-Office 301 касса въ Англіи и Валлисѣ. Въ 1 января число ихъ возросло до 1,629. Вскорѣ открыто въ Ирландіи 300 кассъ и въ Шотландіи 299. Черезъ 6 мѣсяцевъ въ странѣ было уже 2,532 кассы, распределенныхъ въ городахъ, деревняхъ и поселкахъ. Въ 1866 г. всѣхъ кассъ было 3,369. Въ одномъ Лондонѣ ихъ было 452, въ Манчестерѣ—26, въ Ливерпулѣ—25, въ Бирмингамѣ—22, въ Единбургѣ—18, въ Глазговѣ—18, въ Дублинѣ—15. Каждое почтовое отдѣленіе, при которомъ открывалось Money-Order-Office, становилось сберегательною кассой, но, по усмотрѣнію генераль-почтмейстера, касса могла быть открыта при всякомъ почтовомъ отдѣленіи. Въ 1879 г. всѣхъ кассъ было 6,016.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ кассы приобрѣли 25,729 вкладчиковъ, внесшихъ 167 $\frac{1}{2}$ тыс. ф. ст. Въ концѣ слѣдующаго года число вкладчиковъ увеличилось до 180 тыс. съ капиталомъ въ 1,947,000 ф. ст.; около $\frac{1}{4}$ части взято обратно. Значительная часть этихъ вкладовъ перешла изъ старыхъ кассъ, но не всѣ. Въ прежнихъ вкладчикамъ прибавились новые. Во всѣхъ старыхъ кассахъ вклады уменьшились. Онѣ потеряли 55 тыс. вкладчиковъ. Значительная часть вкладовъ перешла въ новыя кассы вслѣдствіе закрытія старыхъ. Въ Миддлсѣтѣ къ вкладчикамъ старыхъ кассъ прибавилось 30 тыс. вкладчиковъ новыхъ кассъ. Новыя кассы сами создали новыхъ вкладчиковъ.

Въ 1866 г. изъ открытыхъ въ то время 3,369 кассъ 91 касса не имѣла вкладчиковъ. Большая часть ихъ была: въ Ирландіи — 63 (изъ 525 кассъ), въ Англіи и Валлисѣ—23 (изъ 2,469), въ Шотландіи—5 (изъ 375).

Новыя кассы имѣли большее вліяніе на старыя кассы. Лучшія изъ нихъ ввели нѣкоторыя облегченія для публики. Но 35 кассъ закрылись въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ по постановленію Trustees; къ 1866 году закрыто 98 кассъ.

Съ введенія новыхъ кассъ не возникло ни одной кассы стараго образца. Законодательство облегчило вымирание ихъ, предоставивъ вкладчикамъ старыхъ кассъ переводить свои вклады въ новыя кассы трансфертомъ и дозволивъ Trustees удовлетворять наемный персоналъ закрывающихся кассъ изъ sur plus funds.

Операция почтовыхъ кассъ популяризованы официальными и неофициальными трактатами, руководствами, журнальными и газетными статьями, публичными лекціями; кромѣ того, каждый служащій кассы есть популяризаторъ ихъ; онъ даетъ разъясненія на всѣ предлагаемыя публикой вопросы. Въ 1879 г. кассъ было столько, что на каждыхъ 5,677 жителей приходилась одна касса.

Онѣ открыты отъ 9 часовъ утра до 6 часовъ вечера, а въ субботу до 8 (расплата съ рабочими и свободное для нихъ время).

Въ каждомъ почтовомъ отдѣленіи выдается всякому безвозмездно бланкъ деклараціи. Вкладчикъ вноситъ въ этотъ бланкъ свое имя, адресъ, родъ занятія и подписываетъ напечатанное на бланкѣ объявленіе, что онъ не имѣетъ ни въ какой сберегательной кассѣ другаго вклада. Декларация должна быть засвидѣтельствована извѣстнымъ кассѣ лицомъ, мировымъ судьей или церковнымъ старостой. Безграмотные ставятъ на деклараціи знакъ въ присутствіи свидѣтелей. За ложныя показанія деклараторъ теряетъ вкладъ. Декларация эта подается вкладчикомъ въ кассу, которая принимаетъ отъ него вкладъ. Вкладъ долженъ быть не менѣе 1 шиллинга. Взаимнъ этого вклада вкладчикъ получаетъ книжку за № и съ обозначеніемъ его имени. Вкладъ записывается въ этой книжкѣ и подписывается служащимъ въ кассѣ. Вкладчикъ можетъ прибавлять къ этому вкладу во всякое время по своему усмотрѣнію, но годовой взносъ не долженъ превышать 30 ф. ст., а весь вкладъ—вмѣстѣ съ процентами—200 ф. ст. Касса платитъ 2 $\frac{1}{2}$ % въ годъ, но, во-первыхъ, только по вкладамъ не менѣе 1 ф. ст.; во-вторыхъ, только съ перваго дня слѣдующаго мѣсяца и, въ-третьихъ, остатки менѣе 1 ф. ст. въ расчетъ процентовъ не входятъ. Вкладъ обезпеченъ правительствомъ.

Каждая почтовая касса отправляетъ ежедневно вѣдомость всѣхъ полученныхъ въ теченіе дня вкладовъ въ Лондонъ, въ Money-Order-Office. Она составляется по вкладной книгѣ, въ которую записывается всякій вкладъ. По свѣркѣ этой вѣдомости, она передается въ Savings Bank Department, который изготовляетъ извѣщеніе вкладчика, если найдетъ правильными всѣ предварительныя дѣйствія. Наконецъ, всѣ эти документы передаются въ ledger branch, которое, послѣ новой свѣрки, отсылаетъ извѣщеніе вкладчику по почтѣ. На все это требуется отъ 3 до 4 дней. Если въ теченіе 10 дней вкладчикъ не получитъ извѣщенія изъ Лондона, что рѣдко случается, онъ долженъ самъ написать въ Лондонъ о сдѣланномъ имъ вкладѣ. Бланки для этой цѣли; вмѣстѣ съ конвертомъ, выдаются безвозмездно въ каждомъ почтовомъ отдѣленіи. Эти письма свободны отъ штемпельнаго сбора. Повторять запросъ не приходится. Все это имѣетъ зна-

ченіе для контроля надъ почтовыми отдѣленіями. Кромѣ того, каждый годъ, въ день перваго вклада, вкладчикъ обязанъ отправлять въ Лондонъ свою книжку для свѣрки. Конверты для этого выдаются также безвозмездно въ каждомъ почтовомъ отдѣленіи. Эта корреспонденція также освобождается отъ штемпельнаго сбора.

За книжку вкладчикъ ничего не платитъ; но, въ случаѣ выдачи книжки, вмѣсто потерянной, съ него выскрывается 1 шилл. Дополнительные вклады можно дѣлать въ той же кассѣ или во всякой другой (cross entries). Вкладъ или любая часть его возвращается какому угодно кассой, по выбору вкладчика. Но онъ долженъ опять писать въ Лондонъ. Эта корреспонденція подчинена тѣмъ же правиламъ, какъ при вкладѣ. Бланки выдаются даромъ и письмо не подлежитъ штемпельному сбору. Также производится провѣрка операций въ центральномъ учрежденіи, которое выставляетъ вarrantъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ отправляется по почтѣ вкладчику, а другой въ почтовую кассу, изъ которой деньги должны быть выданы.

Выдающая касса не отвѣчаетъ передъ правительствомъ за неправильно выданныя деньги, если выдача сдѣлана на основаніи правильныхъ документовъ, попавшихъ въ ненадлежащія руки. Для полученія вклада или его части, вкладчикъ предъявляетъ въ кассу вarrantъ и вкладную книжку. Также дѣлается трансфертъ вклада изъ одной кассы въ любую почтовую или другую сберегательную кассу.

Вкладъ выдается только самому вкладчику. Но, въ случаѣ болѣзни, онъ можетъ быть выданъ по довѣренности, данной въ присутствіи медика, священника, церковнаго старосты или мирового судьи. Находящіеся за границей должны выдать довѣренность по законамъ государства, въ которомъ они находятся. Можно сдѣлать вкладъ на имя малолѣтняго. Такой вкладъ можетъ быть возвращенъ ребенку съ 7-ми лѣтняго возраста.

Въ случаѣ смерти, вкладъ выдается на основаніи завѣщанія, представленнаго генераль-почтмейстеру. Если таковое не представлено и не заявлено о его существованіи, генераль-почтмейстеръ распоряжается о выдачѣ вклада по своему усмотрѣнію. Но если вкладъ превышаетъ 50 ф. стерл., онъ выдается только душеприказнику или администратору надъ имуществомъ умершаго.

Всякіе споры между почтовыми кассами и вкладчиками рѣшаются окончательно особымъ третейскимъ судьей, который принимаетъ письменныя жалобы.

Въ 1879 г. кассы имѣли около 2 милліоновъ вкладчиковъ; изъ 17 жителей 1 былъ вкладчикомъ. Они имѣли депозитовъ на 32 милл. ф. стерл. слишкомъ; на каждаго вкладчика приходилось около 5 ф. стерл. депозита и почти 6 шилл. на каждаго жителя. Ежегодное сбереженіе составляетъ около 1 милліона. Наибольшее было сдѣлано въ 1872 г.—1,863 т. ф. Ежегодно вносится около 9 милл. ф. стерл.; вкладовъ такъ много, что ежегодная прибавка составляетъ только пока данный выше Въ 1 милліонъ. 1879

году на каждую кассу приходилось, въ среднемъ, 792 вкладовъ и востребованій.

Почтовые кассы оказались въ Англіи полезными для публики, для разныхъ обществъ и для правительства.

Каждая касса имѣетъ значеніе предмета, напоминающаго людямъ о пользѣ сбереженій. Распространенныя по всей странѣ, онѣ оказываютъ въ этомъ отношеніи громадное вліяніе. Такую же роль играетъ каждая вкладная книжка въ рукахъ вкладчика. Многие дѣлаютъ первый вкладъ изъ любопытства. Многие изъ этихъ любопытныхъ становятся потомъ сберегателями по привычкѣ. Многихъ завлекаетъ тщеславіе сдѣлаться маленькимъ капиталистомъ.

Имѣя кассу подъ богомъ, сберегатель тратитъ мало времени на проходъ въ кассу и обратно. Онъ можетъ внести свои деньги въ любую кассу, ближайшую къ мѣсту его пребыванія.

Принимая вклады отъ 1 шилл., касса ограждаетъ сберегателя отъ растраты только что возникшаго сбереженія, которое, оставаясь въ рукахъ сберегателя, подвергается непрерывной опасности. Въ кассѣ оно ограждено. Многие стѣсняются взять обратно только что сдѣланный вкладъ.

Вкладчикъ можетъ получить свои деньги въ любой кассѣ. На это нужно 2—3 дня. Быстрота возвращенія спасаетъ отъ высокихъ процентовъ, которые приходится платить вслѣдствіе вдругъ наступившей нужды въ деньгахъ.

Для многихъ рабочихъ имѣетъ большое значеніе секретъ. Одинъ свидѣтель сказалъ въ комиссіи 1850 г.: «Я замѣтилъ, что рабочіе одного округа дѣлаютъ вклады въ сберегательныя кассы другаго округа, находящагося въ значительномъ разстояніи, и не хотятъ идти въ свои кассы. Они боятся, что о нихъ будутъ говорить, что они сберегатели и что они могутъ поэтому работать за меньшую плату». Это сказано было о старыхъ кассахъ. Въ почтовыхъ кассахъ служащимъ предписано держать въ секретѣ имена вкладчиковъ. Ихъ счета показываются только по предписанію генералъ-почтмейстера.

Вклады обезпечены почти идеально.

Почтовые кассы оказываютъ услуги благотворительнымъ обществамъ, обществамъ рабочихъ, Penny Banks. Эти общества пользуются всѣми правами частныхъ вкладчиковъ. Но они имѣютъ привилегію. Для нихъ нѣтъ шахинш'а въ 200 ф. ст. Величина ихъ вкладовъ неограничена. Если бы не было кассъ, они должны были бы помещать свои средства въ банки и подвергаться извѣстному риску или въ бумаги и терять, при случаѣ, на курсѣ. Почтовые кассы освобождаютъ ихъ отъ обычныхъ опасностей.

Почтовые кассы приносятъ правительству ежегодный чистый доходъ отъ 130 до 140 тыс. ф. ст. (передъ 1879 г.).

До этого послѣдняго года правительство получило всего чистаго дохода 1.420,590 ф. ст.

Почта получила отъ кассъ дохода 214 тыс. ф. ст. съ 1861 до 1874

года, вслѣдствіе увеличенія корреспонденціи, принадлежащей сберегательнымъ кассамъ.

Доходъ кассъ слагается изъ различныхъ статей. Онѣ получаютъ проценты за бумаги, въ которыя номѣщаются ихъ деньги подъ надзоромъ National debt office, а сами платятъ вкладчикамъ $2\frac{1}{2}$ %. Кассы платятъ проценты только на полные фунты, а получаютъ доходъ на шиллинги и пенсы. Эти мелкія деньги составляютъ въ кассахъ фунты и затрачиваются на покупку бумагъ, т.-е. приносятъ кассамъ такой же доходъ, какъ полные фунты; 3 и $2\frac{1}{2}$ % имѣютъ номинальное значеніе. Если считать шиллинги и пенсы вкладчиковъ, то выходитъ, что они получаютъ не $2\frac{1}{2}$, а $2,33$ %; если считать курсъ, по которому кассы покупали бумаги, то выходитъ, что онѣ получали не 3, а $3,33$ %. На случай потерь на курсѣ, образованъ резервный фондъ. Онъ составляется изъ 5% отчисленій изъ каждаго годоваго дохода.

Обезпечивая вклады почтовыхъ кассъ передъ вкладчиками, во всякомъ случаѣ, правительство принимаетъ на себя рискъ. Деньги могутъ быть потеряны, растрочены служащими въ кассахъ. Но рискъ этотъ до сихъ поръ оказывается ничтожнымъ. За $7\frac{1}{2}$ первыхъ лѣтъ произошло только 11 случаевъ потерь, вслѣдствіе злоупотребленій; но изъ нихъ въ 5 случаяхъ убытокъ покрытъ. Всѣ эти убытки составляютъ только 1,367 ф. ст. изъ оборота въ $41\frac{1}{2}$ милл.

Для правительства сберегательныя кассы имѣютъ еще то значеніе, что онѣ освобождаютъ рынокъ отъ всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя находятся въ портфель сберегательныхъ кассъ. Это можно утверждать, по крайней мѣрѣ, относительно бумагъ, купленныхъ на деньги, которыя безъ сберегательныхъ кассъ не были бы вложены въ государственныя бумаги.

Нѣкоторыя постановленія о почтовыхъ кассахъ устарѣли и только напрасно стѣсняють ихъ дѣятельность и публику. Они взяты изъ законовъ о старыхъ сберегательныхъ кассахъ, которыя были построены на иныхъ основаніяхъ. Декларациі о немѣнній вкладовъ въ другихъ кассахъ, максимумъ въ 30 и 200 ф. ст., теперь совершенно излишни. Ихъ цѣль: оградить кассы отъ состоятельныхъ вкладчиковъ, не дать этимъ послѣднимъ возможности пользоваться благодѣяніемъ, назначеннымъ для бѣдныхъ. Но почтовые кассы никакой благотворительности въ себѣ не заключаютъ. Онѣ платятъ не больше обыкновеннаго процента и приносятъ правительству доходъ.

Въ почтовыхъ кассахъ, введенныхъ въ 1865 г. въ англійскихъ колоніяхъ Австраліи, эти недостатки устранены или уменьшены. Въ колоніи Викторіи деклараціи не требуется; максимумъ вклада—50 ф. ст. въ 14 дней и всей суммы 1,000 ф. ст.; кассы платятъ 4%. Въ колоніи Квинсландъ нѣтъ ни деклараціи, ни максимума вклада; кассы платятъ 5%.

Казенное страхованіе, устроенное на основаніи законовъ 1834 и 1853 годовъ, имѣло слабый успѣхъ. Въ 1864 г. продано только на 140 тыс. ф. ст. аннуитетовъ.

Принудительное соединеніе *insurances* и *annuities*, высота *minimum'a* страхуемой суммы, неудобства уплатъ премій были причинами неуспѣха.

Въ этой системѣ страхованія старыя сберегательныя кассы служили агентами. Нѣкоторыя изъ этихъ кассъ, имѣвшихъ страховыя операци, закрылись и передали свои операци почтовымъ кассамъ, къ которымъ, такимъ образомъ, перешли и страховыя операци.

Сендаморъ и Читундъ, интересовавшіеся почтовыми кассами, обратили вниманіе и на страховую операцию. Они выработали планъ развитія ея въ соединеніи съ почтовыми кассами. Идея соединенія правительственнаго страхованія съ почтовыми учрежденіями принадлежитъ Уайтбреду, который предложилъ ее парламенту еще въ 1807 г., въ связи съ планомъ о почтовыхъ сберегательныхъ кассахъ.

Страхованіе рабочихъ обратило на себя вниманіе правительства тѣмъ, что въ это время обнаружилось много злоупотребленій въ страховыхъ компаніяхъ и *friendly societies*. Въ особенности послѣднія вызвали жалобы въ газетахъ. Нѣкоторыя требовали вниманія со стороны правительства. *Friendly societies*, занимавшіяся страхованіемъ рабочихъ, вели свои дѣла такъ неудачно, что ежегодно около 100 изъ нихъ распадались.

Планъ Сендамора и Читунда, одобренный *National debt office*, переданъ Гладстону. Онъ внесъ его въ парламентъ. Это было въ засѣданіи 11 февраля 1864 г., но проектъ этотъ получилъ силу закона только 14 іюля, претерпѣвъ много перипетій.

Оппоненты въ парламентѣ находили, что страхованіе—слишкомъ сложное дѣло, почтовое управленіе съ нимъ не справится; что нужно будетъ увеличить вознагражденіе служащимъ на почтѣ; что правительство понесетъ убытки; что всѣ приходы застрахуютъ своихъ бѣдныхъ; что правительство, чрезъ страховую администрацію, вторгнется въ частную жизнь; что оно берется не за свое дѣло; что если оно желаетъ забрать весь районъ частной предпріимчивости въ свои руки, то оно должно начать съ простѣйшихъ предпріятій, съ открытія табачныхъ лавокъ и кабаковъ; что это есть только начало патріархальнаго управленія, которое воспитаетъ *«helpless imbeciles»*, неспособныхъ заботиться о своихъ интересахъ.

Дебаты нѣсколько разъ отсрочивали. Пробовали передать все дѣло въ комитеты. Гладстонъ поддержалъ дѣло длинною рѣчью, въ которой онъ настаивалъ на несостоятельности *friendly societies* въ дѣлѣ страхованія, на томъ, что онѣ больше обѣщаютъ, чѣмъ могутъ дать; онъ сказалъ также, что противъ проекта только мелкія страховыя компаніи; что крупныя въ пользу проекта или индифферентны; что правительство обѣщаетъ рабочимъ не многое, но вѣрное. *Friendly societies* и страховыя компаніи подавали петиціи противъ проекта; Гладстонъ получилъ нѣсколько писемъ, пытались подѣйствовать на парламентъ митингомъ рабочихъ, но онъ оказался нерѣшительнымъ; много было сторонниковъ проекта.

Проектъ, значительно измѣненный (изъ 9 статей сдѣлали 17) принять въ палатѣ общинъ; въ палатѣ лордовъ онъ прошелъ безъ дебатовъ и 14

іюля 1864 г. утвержденъ королевскою властью. На основаніи этого закона выработаны въ National debt office и въ Post-Office таблицы страхованія, которыя утверждены также парламентомъ. Ихъ можно получить въ каждомъ почтовомъ отдѣленіи безвозмездно.

Операція организована такимъ образомъ:

Каждое почтовое Money-Ordre-Office есть учрежденіи правительственнаго страхованія; здѣсь можно получить правила страхованія и воспользоваться разъясненіями ихъ со стороны служащихъ въ бюро.

1) Можно застраховать извѣстную сумму, отъ 20 до 100 ф., уплачиваемую правительствомъ по смерти застрахованнаго его семейству или кому онъ назначить; можно застраховать такую же сумму, но уплачиваемую по достиженіи застрахованнымъ извѣстнаго возраста, напримѣръ, 60 лѣтъ (insurgance). Это есть ничто иное, какъ покупка извѣстной суммы денегъ у правительства, которое уплачиваетъ ее по наступленіи извѣстнаго обстоятельства, смерти, или извѣстнаго возраста. Застрахованный платитъ за это правительству извѣстную сумму денегъ въ преміяхъ. Онъ можетъ заплатить ее заразъ или уплачивать ее въ разсрочку, въ какіе ему угодно сроки: каждый годъ, полгода, четверть года, каждый мѣсяць, каждыя двѣ недѣли, каждую недѣлю.

Застрахованнымъ можетъ быть каждый отъ 16-ти до 60-ти лѣтняго возраста.

30-ти лѣтній человѣкъ, наприм., можетъ купить 20 ф., уплачиваемые по его смерти, если онъ заплатитъ правительству одинъ разъ 8 ф. 16 шил. 9 пенс.

Тотъ же человѣкъ можетъ купить, наприм., 43 ф., уплачиваемые также по его смерти, за 1 ф., вносимые имъ правительству ежегодно, въ теченіе всей жизни.

Тотъ же человѣкъ можетъ купить 46 ф. ст., уплачиваемые правительствомъ также по смерти, если онъ будетъ вносить каждый мѣсяць по 2 шиллинга.

Онъ можетъ купить 100 фун. за ежегодный взносъ въ 2 ф. 6 шил. 7 пенс.

Онъ можетъ купить 100 ф., которые ему будутъ уплачены по достиженіи имъ 60-ти лѣтняго возраста, если онъ будетъ платить правительству ежегодно 2 ф. 13 ш. 10 п. или 40 ф. за ежемѣсячныя платежи въ 2 шиллинга.

Застрахованный рабочій можетъ легко оказаться неаккуратнымъ плательщикомъ премій: Но ему предоставляется возобновить преміи, однако же, съ штрафомъ въ 4 шил., если застрахованная сумма не превышаетъ 60 ф., и по 8 шил., если она болѣе.

Черезъ 5 лѣтъ по заключеніи договора застрахованный можетъ прекратить окончательно договоръ и, въ такомъ случаѣ, онъ, все-таки, получаетъ, по крайней мѣрѣ, треть уплаченныхъ премій (Returnable Tables proviso; Money being returnable). Это—позднѣйшее усовершенствованіе.

Если рабочий не желает рисковать, боясь, что онъ не будетъ въ состояніи платить аккуратно преміи, вслѣдствіе, наприм., безработицы, то онъ можетъ купить известную сумму денегъ, но не менѣе 20 ф. стер., за единовременный взносъ; если ему, наприм., 30 лѣтъ, онъ долженъ заплатить 8 ф. 14 шил. 9 пенс.

Эту сумму онъ можетъ собрать, пользуясь сберегательною почтовою кассой, и при покупкѣ полиса перевести ее въ страховую кассу. Если его сбереженія увеличатся, онъ можетъ къ первоначальной суммѣ прикупить сколько ему угодно, отъ 5 ф. до 100 ф. Чтобы увеличить первоначальную сумму, 20 ф., до 50 ф., черезъ 3 года послѣ перваго договора, т.-е. когда ему будетъ 33 г., онъ долженъ заплатить 13 фунт. 13 шил. 10 пенс.

Самое заключеніе договора, т.-е. покупка полиса, очень просто. Взявъ въ любомъ Money-Order-Office планъ и бланкъ съ напечатанными вопросами, желающій долженъ вписать въ послѣдній отвѣты. Вопросы эти, также какъ и планъ, такіе же, какъ во всякой страховой компаніи. Въ этому онъ долженъ присоединить свидѣтельство о рожденіи или о своемъ возрастѣ и свидѣтельство двухъ домовладѣльцевъ о его личности. Все это онъ подаетъ въ почтовое отдѣленіе, которое пересылаетъ всѣ документы въ Лондонъ. Въ центральномъ бюро документы проверяются и отсылаются обратно. Тогда страхователь получаетъ приглашеніе явиться къ медику. Если освидѣтельствованіе окончится благополучно, онъ вноситъ премію или преміи въ любое почтовое отдѣленіе, Money-Order-Office, и получаетъ книжку, подобную владной книжкѣ сберегательной кассы. Ему предоставляется перемѣнять мѣста уплаты премій, какъ въ сберегательныхъ кассахъ. Въ 1859 г. почтовое учрежденіе заключило договоръ съ нѣсколькими страховыми компаніями. Post-Office приняло на себя обязанность вычитать преміи изъ жалованья тѣхъ своихъ служащихъ, которые заключаютъ договоры съ компаніею. Это удобство обобщено въ § 329 Regulations. Всякое правительственное учрежденіе, имѣющее большое количество служащихъ: желѣзныя дороги, фабриканты, — могутъ обратиться къ генералъ-почтмейстеру съ предложеніемъ о страхованіи въ пользу ихъ служащихъ. Генералъ-почтмейстеръ открываетъ на фабрикѣ, желѣзной дорогѣ, правительственномъ учрежденіи страховое бюро. Служащіе въ этомъ учрежденіи являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, агентами этого бюро и получаютъ вознагражденіе отъ почты, на основаніи особаго договора. Многие postmen и rural letterscarriers воспользовались страхованіемъ на этомъ основаніи.

2) Можно заключить договоръ, по которому правительство будетъ уплачивать известный годовою доходъ (annuity) въ теченіе известнаго времени, за известное вознагражденіе.

Этотъ доходъ можетъ уплачиваться непосредственно по заключеніи договора, въ теченіе всей жизни, immediate annuity. Въ такомъ случаѣ, известный капиталъ долженъ быть внесенъ при заключеніи договора. Наприм., 20-ти лѣтній человекъ вноситъ 198 ф. 3 ш. 4 п. и приобретаетъ право получать отъ правительства 10 ф. въ годъ въ теченіе всей своей жизни.

Онъ можетъ также заключить договоръ, по которому правительство обязуется платить ему известный годово́й доходъ по достиженіи имъ известнаго возраста, наприм., 60 лѣтъ, въ теченіе всей остальной его жизни (*deferred annuity*). Оба договора представляютъ собою покупку известнаго дохода. Продаваемый доходъ ограниченъ *maximum'омъ* въ 50 ф. въ годъ.

Deferred annuity можно купить однимъ взносомъ известной суммы, какъ *immediate annuity* (онъ можетъ быть отъ 1 до 50 ф. въ годъ), или въ рассрочку, какъ въ *insurance* — отъ 4 до 50 ф. въ годъ. Преміи уплачиваются до наступленія того возраста, наприм., 60 лѣтъ, послѣ котораго начинается уплата дохода.

Здѣсь также допускается *accumulative principle*, какъ въ *insurance*, представляющій такія же удобства для застрахованнаго, боящагося за правильность уплаты премій. Онъ также можетъ покупать *deferred annuity* по мѣрѣ накопленія сбереженій, пользуясь почтовыми сберегательными кассами. Въ договорѣ допускается и здѣсь *proviso* о возвращеніи уплаченныхъ премій, за нѣкоторымъ вычетомъ, въ томъ случаѣ, если застрахованный умретъ до того возраста, съ какаго онъ имѣетъ право на доходъ. Допускается также прекращеніе договора съ возвращеніемъ известной части уплаченныхъ премій. Преміи женщинъ выше премій мужчинъ; первыя долготѣе.

Annuity покупается такъ же, какъ *insurance*, только медицинское освидѣтельство не нужно. Годовой доходъ уплачивается застрахованному въ какіе ему угодно сроки и въ какомъ ему угодно почтовомъ отдѣленіи. Въ случаѣ болѣзни, деньги доставляются на домъ.

Операція страхованія должна окупаться, но она не должна приносить доходъ правительству. Если, слѣдовательно, окажется доходъ, онъ пойдетъ на пониженіе премій. Операція страхованія требуетъ отъ публики большаго развитія, чѣмъ сберегательной кассы.

Однако же, въ первые же мѣсяцы поступили предложенія отъ людей разныхъ классовъ. Больше всего отъ рабочихъ разныхъ родовъ—40%; потомъ клерковъ — 22%. Большинство было 33 лѣтъ. Большинство — въ рассрочку. Только 1 на 100 предлагалъ уплатить заразъ.

Изъ 238 предложеній объ *annuities* 4 отвергнуты. 44% составили женщины. Изъ вкладчиковъ на *deferred annuities* только 15 соглашались уплатить заразъ; одно *friendly society* предложило перестраховать свои договоры.

Г-ръ.

Безсильная злоба антидарвиниста *).

(По поводу статьи г. Страхова: «Всегдашняя ошибка дарвинистов».)

ХІІІ.

Слѣпая природа.

Прочтя этотъ сенсаціонный заголовокъ и твердо помня, какія мысли развивалъ г. Страховъ ранѣе (напрям., въ IV и въ концѣ XI главы и т. д.), я былъ убѣжденъ, что подѣ словомъ *слѣпая* скрывается тонкая иронія. Но каково же было мое изумленіе, когда я узналъ, что этотъ эпитетъ нужно понимать въ прямомъ, серьезномъ смыслѣ и что онъ выражаетъ будто бы воззрѣнія самого г. Страхова. Что за мистификація! Читалъ я и перечитывалъ эту главу но, такъ и не выяснилъ себѣ, что же такое природа—*слѣпая*, цѣлесообразно предопредѣляющая разумность **) или цѣлесообразно предопредѣляющая, разумная, *слѣпота*? Какъ ни кинь, все клинъ. И, наконецъ, если г. Страховъ допускаетъ, что природа (со включеніемъ органическаго міра) слѣпа, т. е., выражаясь менѣе фигуральнымъ, болѣе обычнымъ для ученаго языкомъ, если она управляется неизмѣнными механическими законами, то гдѣ же корень разногласія съ дарвинизмомъ? Постараемся разобратъ въ этомъ хаосѣ противорѣчій. Рѣчь въ этой главѣ вертится, главнымъ образомъ, вокругъ того кореннаго противорѣчія, на которое я указывалъ въ книгѣ Данилевскаго и которое приводитъ основную его аргументацію къ абсурду. Коренное философское различіе между дарвинистами и антидарвинистами того толка, къ которому принадлежатъ Данилевскій и г. Страховъ, сводится, главнымъ образомъ, къ слѣдующему. Чтобы сохранить болѣе полное безпристрастіе, буду говорить словами антидарвиниста, правда, антидарвиниста ученаго, именно Катрфажа. «Попытка Дарвина, — говоритъ онъ, — заключалась въ томъ, чтобы объяснить дѣйствіемъ однихъ *историческихъ причинъ* то чудесное цѣлое, которое изучаютъ ботаники и зоологи; онъ захотѣлъ намъ

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

**) Какъ въ главѣ XI.

объяснить его происхождение и развитіе такимъ же образомъ, какимъ астрономы и геологи объясняютъ намъ, какъ возникла наша планета и какъ произошло то, что мы теперь на ней видимъ. Въ этой грандіозной попыткѣ великаго ума нѣтъ ничего незаконнаго» и т. д. Объясненіе происхожденія и современнаго строя органическаго міра такими же «вторичными причинами», какими объясняетъ подлежащія явленія астрономъ и геологъ, вотъ, слѣдовательно, задача дарвинизма: Задача Данилевскаго и г. Страхова прямо противоположная: доказать, что процессъ происхожденія организмовъ— процессъ загадочный, таинственный, необъяснимый безъ непосредственнаго вмѣшательства цѣлесообразно предопредѣляющаго разумнаго начала, что объясненія вторичными причинами въ биологій не примѣнимы, что биологъ въ своихъ объясненіяхъ, или вмѣсто объясненій, вынужденъ непосредственно восходить къ первичной причинѣ—къ «интеллектуальному началу».

Особенность организмовъ, отличающая ихъ отъ неорганизованнаго и нуждающаяся въ объясненіи «вторичными причинами», заключается въ той ихъ чертѣ, которая (худо ли или хорошо) издавна обозначается словомъ «цѣлесообразность». Происхожденіе этой (кажущейся) цѣлесообразности дарвинизмъ объясняетъ, какъ извѣстно, слѣдующею «вторичною причиною»: въ природѣ существуетъ процессъ, устраняющій всё бесполезныя и вредныя организаци и сохраняющій и накаплиющій всё полезныя, разумѣя подъ полезными такія, которыя обезпечиваютъ существованіе обладающимъ имъ организмамъ. Польза, каждый разъ проявляющаяся, можетъ быть ничтожна, но за то и процессъ накопленія ея обнимаетъ несмѣтные періоды времени. Сегодня—польза, завтра—польза, всегда польза, въ итогѣ, большая, громадная, изумительная польза, т.-е. та именно цѣлесообразность, которая насъ поражаетъ въ окончательномъ результатѣ.

Данилевскій вообразилъ, что нашелъ могучій доводъ противъ дарвинизма въ слѣдующемъ соображеніи. Дарвинизмъ,—разсуждаетъ онъ,—сохраняетъ и накапливаетъ въ организмахъ только полезное и такимъ образомъ направляетъ ихъ къ совершенству. Значитъ,—заключаетъ онъ,—*все* существа всегда должны быть совершенны (все тотъ же знакомый способъ аргументаціи), и вслѣдъ за тѣмъ посвящаетъ значительную часть книги набору примѣровъ, доказывающихъ несовершенства организмовъ, доходя при этомъ порою до глумленія, приговаривая: вотъ это такъ бесполезный органъ и т. д. Но всякій, разсуждающій хладнокровно, пойметъ, кого же поражаетъ эта аргументація,— дарвинизмъ ли, допускающій въ природѣ только существованіе процесса, направляющаго организмы къ совершенству, а не абсолютное ихъ совершенство, или сторонниковъ непосредственнаго вмѣшательства въ «таинственный морфологическій процессъ» цѣлесообразно предопредѣляющаго «интеллектуальнаго начала». Присутствіе несовершенства, неразумности въ природѣ можно еще, пожалуй, разсматривать какъ аргументъ въ пользу того, что совершенство достигается путемъ медленнаго, слѣплаго, механическаго процесса, каковъ естественный отборъ. Но неразумная дѣятельность разумнаго начала, воля ваша—

какъ будто *contradictio in adjecto*. Возможность такого грубого, рѣжущаго слухъ противорѣчія только тѣмъ и объясняется, что оно распределено на двухъ противоположныхъ концахъ толстой книги и свести эти концы представляется читателю. А этотъ читатель—г. Страховъ, за деревьями не видѣлъ лѣса: услаждаясь диалектическою шумихой отдѣльныхъ фразъ, онъ не замѣтилъ логическаго противорѣчія цѣлыхъ главъ. Но какъ же было выпутаться, разъ это противорѣчье было мною выставлено на-показъ? Отчаянной попыткѣ выбраться изъ этого промаха и посвящена настоящая глава.

Въ безконечно-запутанномъ изложеніи, извивающемся и ускользающемъ изъ рукъ, какъ ужь, г. Страховъ нѣтается даже въ одномъ мѣстѣ совершенно извратить роли, выставить меня защитникомъ непосредственнаго вмѣшательства въ процессъ образованія организмовъ Міроваго Разума, а себя съ Данилевскимъ—строгими сторонниками законѣрныхъ процессовъ слѣпой природы *). Но это ему не удастся.

Вооружимся терпѣніемъ и прослѣдимъ шагъ за шагомъ эту мечущуюся изъ стороны въ сторону аргументацію. Прежде всего, г. Страховъ обвиняетъ дарвинизмъ въ томъ, что онъ весь построенъ на неопредѣленномъ будто бы понятіи о пользѣ. Весьма глубокомысленно (но довольно непонятно въ устахъ бывшаго зоолога) онъ сравниваетъ трудность отвѣчать на вопросъ: «для чего служить такой-то органъ?» съ трудностью отвѣчать на вопросъ: «для чего существуетъ этотъ міръ?»—и вслѣдъ за тѣмъ храбро утверждаетъ, что «телеологическія разсужденія *Дарвина* и его послѣдователей производятъ обыкновенно впечатлѣніе смутнаго броженія мысли, не имѣющей никакого руководящаго правила», и далѣе, что «на вопросъ о пользѣ дарвинисты отвѣчаютъ просто произвольнымъ придумываніемъ какихъ-нибудь подходящихъ условій». Скажи еще г. Страховъ—нѣкоторые изъ дарвинистовъ или хотя огульно дарвинисты, онъ бы имѣлъ хоть тѣнь основанія: въ семьѣ не безъ уroda; хотя не совсѣмъ-то благовидно, говоря о семьѣ, имѣть въ виду только уродовъ. Но онъ осмѣливается обвинять въ томъ самого *Дарвина*, разсчитывая при этомъ, конечно, на полное невѣжество своихъ поклонниковъ въ современномъ естествознаніи. Какъ ставить и разрѣшаютъ вопросъ о полезности «*Дарвинъ и его послѣдователи*», читатели г. Страхова, не желающіе быть совнательно введенными въ заблужденіе, могутъ узнать хоть изъ моего краткаго очерка: *Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе* **). Приведу одинъ примѣръ. Требуется доказать, что всѣ особенности цвѣтка—окраска, форма и т. д.,—словомъ, всѣ признаки, казав-

*) Въ одномъ мѣстѣ своей статьи, выраженіе Данилевскаго „интеллектуальное начало“ я перевожу по-русски выраженіемъ „Міровой Разумъ“. Г. Страховъ дѣлаетъ видъ, будто не понимаетъ, что рѣчь идетъ о воззрѣніяхъ Данилевскаго (хотя въ моемъ изложеніи нѣтъ мѣста для недоразумѣнія) и разнгрываетъ какое-то водевильное quiproquo.

***) Стр. 190 и вообще вся глава VI, представляющая примѣры спеціальныхъ изслѣдованій *Дарвина* и разъясняющая общій методъ, которымъ онъ руководился въ разрѣшеніи частныхъ вопросовъ.

шіея только эстетическими, полезны растенію. Дарвинъ останавливается на томъ объясненіи, что все это полезно въ смыслѣ привлеченія насѣкомыхъ для перекрестнаго опыленія. И вотъ, въ цѣломъ томѣ, посвященномъ семейству орхидныхъ, онъ доказываетъ, что формы этихъ цвѣтовъ, очевидно, приспособлены къ посѣщенію насѣкомыхъ. Въ другомъ томѣ онъ указываетъ на присутствіе такихъ же приспособленій у цѣлага ряда растеній. Эти двѣ работы породили обширную литературу, показали широкую распространенность подобныхъ приспособленій. Но Дарвину этого было недостаточно. Самый фактъ полезности перекрестнаго оплодотворенія казался ему недостаточно обоснованнымъ, и вотъ является третій томъ изслѣдованій, обнимающихъ болѣе чѣмъ десятилѣтнія экспериментальныя изслѣдованія, подтверждающія это положеніе. Слѣдовательно, разрѣшенію вопроса о пользѣ одного органа—цвѣтка посвящается три тома; это ли «смутное броженіе мысли» и «произвольное придумываніе»? Такого же метода держался Дарвинъ въ вопросѣ о насѣкомоядныхъ растеніяхъ и въ другихъ спеціальныхъ своихъ изслѣдованіяхъ. Вотъ какъ училъ ставить и разрѣшать вопросы о пользѣ органовъ Дарвинъ. Ставилъ онъ ихъ на основаніи *многочисленныхъ наблюдений*, а разрѣшалъ на основаніи *прямыхъ, очевидныхъ опытовъ*. «Смутное же броженіе мысли» было всегда излюбленнымъ удѣломъ философовъ-метафизиковъ, чему мы вскорѣ и увидимъ примѣръ.

Желая еще болѣе затемнить понятіе о пользѣ, лежащее въ основѣ дарвинизма, г. Страховъ старается увѣрить, что понятіе это дарвинисты выводятъ изъ понятія о борьбѣ, которое въ свою очередь ему будто бы удалось подорвать. Стоитъ ли пояснять читателю, что пользу дарвинисты понимаютъ такъ же, какъ и всякій безхитростный, здравомыслящій человѣкъ? Польза, это — приспособленность органа къ его отправленію, органама—къ его средѣ. Польза, это—зубы, которыми можно жевать, это—мѣхъ, который можетъ защитить отъ непогоды. *Plus malin que sa*, г. Страховъ! Никакія ухищренія не убѣдятъ здороваго человѣка, что на вопросъ: для чего служить зубы, такъ же трудно отвѣтить, какъ и на вопросъ: «для чего существуетъ этотъ міръ». Наконецъ, чтобы окончательно сбить съ толку читателя, г. Страховъ предъявляетъ и ту мою фразу, которую такъ тщательно утаивалъ отъ него въ предшествовавшей главѣ, куда она прямо относилась. Доказывая, какъ ничтожны (а не *вромады*, что такъ тщетно усиливало тамъ доказать г. Страховъ) могутъ быть признаки, опредѣляющіе побѣду въ борьбѣ, я говорю: «И какъ можемъ мы опредѣлить степень полезности признака въ природѣ?» — причѣмъ ссылаюсь на такіе эмпирически-дознанные, но ближе не объясненные факты, какъ перевѣсъ въ борьбѣ, доставляемый колеромъ цвѣтовъ душистаго горошка, и т. д. «И такъ,—подхватываетъ г. Страховъ,—судить о томъ, что полезно и вредно, очень *трудно*. Дарвинисты и пользуются этою трудностью; чтобы имѣть полную свободу въ своихъ предположеніяхъ». Но всякій, не утратившій способности здраво рассуждать, понимаетъ, что выводъ, сдѣланный г. Страховымъ, вовсе не вытекаетъ изъ посылокъ. Изъ нихъ слѣдуетъ только то,

что, подобно Дарвину, въ трехъ томахъ своихъ изслѣдованій объяснившему пользу частей цвѣтка вообще, какой - нибудь дарвинистъ, на тридцати, а, можетъ быть, и на трехъ страницахъ, долженъ объяснить, въ чемъ заключается специальная польза известной окраски цвѣтовъ душистаго горошка, — слѣдуетъ только то, что заниматься наукой *трудно*, чѣмъ писать псалмы на нее, а этимъ въ свою очередь объясняется и то уваженіе, которое образованные люди питаютъ вообще къ наукѣ и къ ея дѣятелямъ, и совершенно обратное чувство, которое они питаютъ къ людямъ, пробавляющимся столь же дешевымъ, какъ и безуспѣшнымъ глумленіемъ надъ этою наукой.

Подозрѣвая безуспѣшность этой попытки увѣрить читателя, что польза — какое-то темное, неуловимое понятіе, и не надѣясь, что всѣ читатели повѣрятъ, будто дарвинисты только выдумываютъ эту пользу, г. Страховъ измѣняетъ тактику и, допустивъ возможность понимать пользу органовъ, старается только доказать, что возникнуть эта польза не могла тѣмъ путемъ, какъ учатъ дарвинисты. При этомъ, вѣроятно, на основаніи знакомой намъ теоріи, что тотъ, кто самъ мыслить, не различаетъ своихъ мыслей отъ чужихъ, онъ ни однимъ словомъ не обмолвливается, что возраженіе его принадлежитъ не ему, а почти такъ же старо, какъ самый дарвинизмъ.

Возраженіе это слѣдующее. Если вполне развитый органъ даже и очень полезенъ, то, можетъ быть, того же нельзя сказать о низшихъ стадіяхъ его развитія; тогда полезность его могла быть ничтожна, онъ могъ быть вовсе бесполезенъ, и, слѣдовательно, естественный отборъ, дѣйствующій только въ силу полезности, не можетъ намъ объяснить первоначальнаго возникновенія и сохраненія этого органа.

Возраженіе это старое; ему посвятилъ не одинъ десятокъ страницъ, въ своей книгѣ, самъ Дарвинъ, отвѣчая, несомнѣнно, самому свѣдущему и изобрѣтательному своему противнику — Шиварту. По самому существу дѣла, понятно, что споръ этотъ можетъ вестись только на почвѣ строго определенныхъ частныхъ случаевъ, — въ общей діалектической формѣ онъ не имѣетъ смысла. Дарвину и были, дѣйствительно, предъявлены примѣры болѣе сложные и замысловатые, чѣмъ примѣръ крыла, упоминаемый г. Страховымъ, и были имъ успѣшно устранены. Пояснимъ дѣло на одномъ примѣрѣ. Глазъ высшихъ животныхъ представляется органомъ изумительно полезнымъ, но можно ли сказать то же о промежуточныхъ стадіяхъ образованія этого органа? Опускаясь по лѣстницѣ существъ до самаго простѣйшаго проявленія этого органа, встрѣчаемъ простое цвѣтное пятно, которое, поглощая свѣтъ, все же можетъ приблизительно указывать направленіе его источника. Совсѣмъ недавно одинъ медикъ предлагалъ новый аппаратъ для слѣпыхъ, прикрѣпляющійся ко лбу и, вслѣдствіе нагреванія и вызываемаго имъ термо-электрическаго тока, возвѣщающій о направленіи и близости источника свѣта. Конечно, это не глазъ, но, по мнѣнію изобрѣтателя, уже и это ошущеніе можетъ принести пользу, облегчить

тяжелое положеніе страдальцевъ. Слѣдательно, относительно глаза мы вправѣ сказать, что съ самой низшей стадіи своей организаціи онъ могъ быть полезенъ. Повторяю, высказанныя г. Страховымъ соображенія очень стары. Они могутъ обсуждаться только детально, на строго опредѣленныхъ случаяхъ. Много такихъ случаевъ предъявлено и устранено. Появятся, конечно, и новыя; для ихъ разъясненія могутъ потребоваться годы изслѣдованій—въ томъ и польза дарвинизма, въ томъ одна изъ причинъ необычайнаго оживленія, которое это ученіе внесло въ науку. Рассужденія же на эту тему въ общей отвѣченной формѣ относятся именно въ области «смутнаго броженія мысли». Въ этой же категоріи принадлежитъ и слѣдующее общее соображеніе, развиваемое г. Страховымъ по тому же поводу. Говоря о необходимости соотношенія и гармоніи частей, онъ ставитъ общее положеніе: «Полезное устройство, вѣдь, одно, а отступленій отъ него безчисленное множество и всѣ они будутъ бесполезны и вредны». Сильно и увѣренно сказано; но я полагаю, что съ еще болѣшимъ успѣхомъ можно защищать прямо противоположный тезисъ: задача одна, а разрѣшеній ея несмѣтное множество. Въ самомъ дѣлѣ: задача недѣлимаго—рости, чтобы питаться, и питаться, чтобы рости; задача вида—существовать, чтобы размножаться, и размножаться, чтобы существовать. Все безконечное разнообразіе формъ и явленій, представляемыхъ органическимъ міромъ, только варіаціи на эту простую тему. Значитъ, задача допускаетъ несмѣтное число разрѣшеній, а если припомнимъ, что число удачныхъ разрѣшеній совершенно ничтожно въ сравненіи съ числомъ неудачныхъ (въ силу геометрической прогрессіи размноженія), то убѣдимся, что результатъ процесса далеко не такъ загадоченъ. Я хочу этимъ только показать всю бесплодность тѣхъ общихъ діалектическихъ соображеній, до которыхъ таюй охотникъ г. Страховъ, несмотря на то рѣшающійся упрекать дарвинизмъ въ неопредѣленности, въ увлеченіи отъ конкретныхъ случаевъ, въ «смутномъ броженіи мысли», между тѣмъ какъ всякій, кто хоть на нѣсколько часовъ подержалъ въ рукахъ книгу Дарвина, знаетъ, что чтеніе ея потому именно и затруднительно для неопытнаго читателя, что Дарвинъ аргументируетъ исключительно фактами; нигдѣ почти не встрѣтится у него голый остовъ отвѣченнаго рассужденія, всегда онъ облеченъ въ плоть и кровь конкретнаго факта *).

Но намъ предстоитъ окунуться въ еще болѣе отвѣченныя сферы. Это самая любопытная часть статьи, такъ какъ представляетъ единственное ея положительное мѣсто. До сихъ поръ мы встрѣчали только критику, осужденіе чужихъ воззрѣній на природу, здѣсь мы встрѣчаемся съ попыткой г. Страхова предложить свое собственное цѣлостное мировоззрѣніе. Понимая, конечно, что всѣ рассужденія о неувидимости идеи пользы, о томъ, что

*) Вотъ маленькое числовое соображеніе. Въ указателѣ, сопровождающемъ книгу Дарвина, находится до 1,200 ссылокъ почти исключительно фактическаго содержанія,—круглымъ числомъ приходится по три факта на страницу. На восьмидесяти страницахъ у г. Страхова не наберется пяти фактическихъ примѣровъ,—все общія соображенія.

пользу дарвинисты только выдумывают, о томъ, что полезному неизбежно предшествуетъ бесполезное и вредное, не разрѣшаютъ вопроса, поставленнаго мною ребромъ, — именно вопроса, какъ совмѣстить это вредное и неразумное съ защищаемымъ Данилевскимъ и г. Страховымъ принятымъ внимательствомъ «интеллектуальнаго начала», г. Страховъ, на этотъ разъ противъ обыкновенія, смѣло принимаетъ бой. Онъ берется доказать, что это бесполезное и вредное «должно считать бесполезнымъ и вреднымъ» только «съ точки зрѣнія дарвинистовъ», съ точки же зрѣнія его, страховской философіи, «мы *должны*, конечно, признать ихъ прекрасными и полезными». Вотъ ужъ подлинно философскій фокусъ: посмотрите на тотъ же предметъ справа — и оказывается, что вредное вредно, зайдите слѣва — и окажется, что вредное прекрасно и полезно!

Но попытаемся, читатель, сохранить на время надлежащую серьезность и вниманіе въ таинственный смыслъ этой глубокой философіи. «Она (т.-е. природа) можетъ создавать и сохранять черты строенія бесполезныя или вредныя для сколько-нибудь напряженной борьбы, можетъ давать своимъ существамъ и больше того, что требуется для борьбы даже въ высшей степени ея напряженія *). Такимъ образомъ, всѣ эти существа, не подходящія подъ формулу Дарвиновой пользы, для насъ важны и, можно сказать, *все прекрасны*, потому что это живыя свидѣтельства *некотораго высшаго закона*, дѣйствующаго въ организмахъ. Какъ грѣхъ и зло въ человѣческомъ мірѣ есть обнаруженіе свободы воли, отличающей человѣка, а потому *человѣкъ* не только есть прекраснѣйшее существо, но *бываетъ и самымъ тусклымъ и негоднымъ изъ всѣхъ существъ, такъ и природа* въ своихъ созданіяхъ показываетъ намъ, что она имѣетъ силу подыматься выше или *опускаться ниже уровня простой надобности*». Попробуемъ привести этотъ витіеватый аргументъ къ его простѣйшему выраженію. Существа бесполезныя и вредныя, тѣмъ не менѣе, прекрасны, потому что доказываютъ, что природа свободна быть или не быть на высотѣ своего положенія. Мы примиряемся со зломъ въ дѣйствіяхъ человѣка, какъ слѣдствіемъ его свободной воли, почему же не примириться намъ и со зломъ въ природѣ, какъ выраженіемъ ея свободной воли? Таковъ философскій компромиссъ, изобрѣтенный г. Страховымъ. Но ничто не ново подъ луною. Такъ и основная мысль философіи г. Страхова, въ ея благоразумной формѣ, высказана уже давно. Высказывалъ ее, напримѣръ (и, вѣроятно, не онъ первый), ненавистный г. Страхову англичанинъ, и даже изъ англичанъ англичанинъ, Джонсонъ. Его біографъ Босвелъ передаетъ, что Джонсонъ однажды выразился такъ: «Нравственное зло происходитъ отъ свободной воли, предполагающей выборъ между добромъ и зломъ. При всемъ злѣ, которое существуетъ, гдѣ же тотъ человѣкъ, который не предпочелъ бы лучше быть свободнымъ дѣятелемъ, чѣмъ неспособною ко злу машиной, а что представляется лучшимъ для недѣльнаго, должно быть хорошо и для

*) Не стоитъ пояснять, что эти утвержденія совершенно голословны.

цѣлаго. Если бы и нашелся человекъ, который предпочелъ бы участь машины, то не я, во всякомъ случаѣ, съ нимъ согласился бы. Такимъ образомъ, какъ истый британецъ, онъ готовъ примириться со зломъ, видя въ немъ неизбежное слѣдствіе высшаго блага — свободы. Мысль нѣсколько парадоксальная и, во всякомъ случаѣ, допустимая только въ примѣненіи къ существу ограниченному, несовершенному, каковъ человекъ. Но во что же превращается она у г. Страхова? Онъ распространяетъ ее на всю природу. Альфонсъ Декандоль, въ очень остроумномъ этюдѣ, посвященномъ слову природа, жалуется на злоупотребленіе этимъ словомъ и насчитываетъ нѣсколько различныхъ смысловъ, въ которыхъ оно употребляется. Первый смыслъ — тотъ, когда слово природа просто замѣняетъ слово Божество. Очевидно, въ этомъ, и ни въ какомъ иномъ, смыслѣ примѣняетъ его въ настоящемъ случаѣ г. Страховъ. Природа, цѣлесообразно предопредѣляющая и создающая, разумная и свободная, — словомъ, то, что Данилевскій обозначалъ выраженіемъ «интеллектуальное начало», — что же это такое, какъ не Божество? Въ своемъ *Полномъ опроверженіи дарвинизма* г. Страховъ самъ замѣняетъ выраженіе «интеллектуальное начало» словомъ «духовное, божественное начало». Но, въ такомъ случаѣ, если относительно Данилевскаго, на противоположныхъ концахъ книги, то, дразня дарвинистовъ, глумящагося надъ несовершенствомъ природы, то признающаго это несовершенство дѣломъ «интеллектуальнаго начала», я имѣлъ право выразиться, что онъ или «цинически кощунствуетъ», или обнаруживаетъ «запальчивое недомысліе», то что же сказать о г. Страховѣ, который смѣло сводитъ эти концы въ одно въ риторическомъ періодѣ, предлагаетъ для логическаго промаха Данилевскаго свое философское объясненіе, сводящееся къ самому грубому антропоморфизму?

Г. Страховъ поясняетъ далѣе, на примѣрѣ, какъ природа пользуется своею свободой. Върѣя на слово Данилевскому, онъ ссылается на плавательный пузырь рыбъ, какъ напримѣръ совершенно бесполезнаго органа. Въ немъ, по своеобразной философіи г. Страхова, мы должны усматривать проявленіе этого «нѣкотораго высшаго закона», въ силу котораго природа, «опускаясь ниже уровня простой надобности», обременила чуть не цѣлый классъ несчастныхъ существъ «прекраснымъ» (читайте: совершенно бесполезнымъ, а, слѣдовательно, и вреднымъ) органомъ потому только, что имѣла намѣреніе «въ будущемъ» обратить его въ полезный органъ — въ легкія. Что бы сказала г. Страховъ, напримѣръ, о своемъ обобщеніи, если бы послѣдній, «опускаясь ниже уровня простой надобности», натыкалъ гвоздей въ сидѣніе его кресла для того, чтобы «въ будущемъ» воспользоваться ими для обивки? Нашелъ ли бы г. Страховъ такую дѣятельность «прекрасною» и цѣлесообразно-разумною? Мы только что видѣли, съ какою развязностью и неосновательностью г. Страховъ обвинялъ дарвинистовъ въ томъ, что они будто бы выдумываютъ свою пользу, но какую дозой легкомыслія нужно обладать, чтобы голословно утверждать о совершенной *бесполезности* органа, распространеннаго чуть не у цѣлаго класса живот-

ныхъ? Неужели г. Страховъ забылъ, какъ осмотрительно натуралистъ долженъ относиться ко всякому отрицательному свидѣтельству? Если одинъ положительный результатъ разрѣшаетъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, то тысячи отрицательныхъ результатовъ могутъ не разрѣшать его въ отрицательномъ смыслѣ. Одного опыта было бы, наприм., достаточно, чтобы доказать существованіе самозарожденія организмовъ, а всѣ безчисленные опыты, не обнаруживавшіе его тамъ, гдѣ его искали, не доказываютъ его *невозможности*. И на какомъ основаніи полагаетъ г. Страховъ, что бесполезность плавательнаго пузыря доказана? Доказано только, что то простое объясненіе, которое давалъ ему на основаніи «морфологическихъ» соображеній Кьюве, не подтвердилось экспериментальнымъ, физиологическимъ путемъ. Оказалось, что функція (а, слѣдовательно, можно ожидать, и польза) этого органа гораздо сложнее, чѣмъ предполагалъ Кьюве, на дѣятельности котораго г. Страховъ и Данилевскій желали бы покончить науку, вотъ и все. Отъ этого еще далеко до признанія бесполезности этого органа и до ликованія, что въ этой бесполезности выражается «свобода» «интеллектуальнаго начала» творить бесполезное наравнѣ съ полезнымъ.

Выяснимъ еще разъ положеніе сторонъ. Весь гнѣвъ Данилевскаго и г. Страхова на дарвинизмъ вскипаетъ оттого, что это ученіе своею попыткой объяснить происхожденіе организмовъ «вторичными причинами» будто бы грубо оскорбляетъ ихъ философское мировоззрѣніе, выражаясь опредѣленнѣе — ихъ религиозное чувство. Какъ, говорятъ они, вся эта стройность, гармоничность органическаго міра объясняется такъ просто и грубо — возникновеніемъ безчисленныхъ, безразличныхъ измѣненій, подъ вліяніемъ извѣстныхъ механическихъ силъ, и механическою ихъ сортировкой на полезныя и бесполезныя, сохраненіемъ полезныхъ и уничтоженіемъ вредныхъ? Нѣтъ, это слишкомъ просто и грубо! Вѣроятно, такіе же возгласы, и изъ такихъ же источниковъ, раздавались и тогда, когда стройность небесныхъ сферъ попытались объяснить сравненіемъ съ такимъ грубымъ фактомъ, какъ паденіе камня на землю. Но что же Данилевскій и г. Страховъ предлагаютъ своему напрасно встревоженному религиозному чувству взаимнѣ дарвинизма? Они говорятъ, много и темно, о загадочныхъ морфологическихъ процессахъ, о томъ, что органическій міръ направляется въ своемъ развитіи цѣлесообразно предопредѣляющимъ разумнымъ началомъ, и затѣмъ вдругъ, думая подорвать представленіе дарвинистовъ о пользѣ, начинаютъ утверждать, что органическій міръ полонъ бесполезнаго и вреднаго. А когда ихъ спрашиваютъ, какъ же это «интеллектуальное начало» натворило бесполезнаго и вреднаго? — они, т. е. на этотъ разъ одинъ г. Страховъ, — Данилевскій, должно отдать ему справедливость, до этого не договорился, — г. Страховъ не смущаясь отвѣчаетъ: а человекъ же творитъ и хорошее и дурное, и умное и глупое, — предоставьте же эту свободу и «интеллектуальному началу».

Не знаю, найдутъ ли современемъ тѣ религиозные люди, которые были искренно смущены дарвинизмомъ, какую-нибудь почву для примире-

нія съ нимъ. Думаю, найдуть, потому что и теперь можно указать тому примѣры между англійскими богословами, и, наконецъ, исторія учитъ насъ, что тотъ конфликтъ, который переживаетъ биологія,—астрономія и геологія уже успѣли пережить. Но я полагаю, ни одинъ человѣкъ, обладающій религіознымъ чувствомъ, возвысившимся надъ уровнемъ грубѣйшаго антропоморфизма, не найдетъ удовольствія въ философіи г. Страхова.

Да, логика,—на этотъ разъ я, кажется, вправѣ прибавить, и философія, и религіозное чувство,—мстятъ за себя жестоко.

XIV.

З а к л ю ч е н і е.

Вслѣдъ за «смутнымъ броженіемъ мысли», съ которымъ мы ознакомились въ предшествующей главѣ, г. Страховъ, снова съ непокидающею его развязностью, убѣждаетъ своихъ читателей, «что взялъ все *существенное* изъ статьи г. Тимирязева *) и довелъ дѣло до конца, т.-е. показалъ, что всегдашняя ошибка дарвинистовъ состоитъ въ общихъ положеніяхъ, въ которыхъ не видно различія между дѣйствительностью и возможностью, между малою вѣроятностью и полною достовѣрностью». Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, дѣло сводится, повидимому, къ повторенію того голословнаго заявленія, которое высказано въ третьей главѣ и совершенную бездоказательность котораго мы уже видѣли. Для чего же, спрашивается, потребовалось все остальное въ этой утомительно-длинной статьѣ? Все ея содержаніе вертѣлось, главнымъ образомъ, вокругъ «истиннаго открытія» Данилевскаго, т.-е. вокругъ пододрѣтаго и раздутаго имъ до комическихъ размѣровъ стараго возраженія, что наличность скрещиванія устраняетъ будто бы возможность сохраненія возникнувшихъ измѣненій. Здѣсь вся аргументація, какъ мы уже знаемъ, представляла безконечно скучныя, надоедливыя варіаціи на тему блестящаго умозаключенія: «не все—значить ничего». Затѣмъ встрѣчались повторяемыя на различные лады обвиненія въ «неопредѣленности выраженій», въ отсутствіи «конкретной формы»,—обвиненія совершенно голословныя, такъ какъ всякому извѣстно, что трудно найти научныя произведенія, которыя въ такой степени, если можно такъ выразиться, щетинились бы фактами, какъ именно всѣ труды, вышедшіе изъ-подъ пера Дарвина. И не комично ли слышать эти обвиненія изъ устъ людей, взамѣнъ реальныхъ посылокъ и логически неизбежныхъ доводовъ Дарвина предлагающихъ свои «загадочные морфологическіе процессы», свою природу, свободную грѣшнить и «опускаться ниже уровня простой надобности», и тому подобныя «конкретныя явленія», обладающія «строگوю опредѣленностью» и «полною достовѣрностью»?

*) Изъ чего читатели усмотрятъ, что для разбора только *существеннаго* въ моей статьѣ понадобилось болѣе страницъ, чѣмъ заключалось во всей моей статьѣ, въ которой, по заявленію г. Страхова (въ его второй главѣ), *нѣтъ вовсе существа*. Замѣчу, что еще о многомъ существенномъ г. Страховъ благоразумно умолчалъ.

Здѣсь кончается, по мнѣнію г. Страхова, научная сторона дѣла и начинается философская; но онъ горделиво отклоняетъ отъ себя даже мысль—возражать на почвѣ философіи такимъ жалкимъ противникамъ, какъ, напр., Гельмгольдъ, Дюбуа-Реймонъ,—обо мнѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Но я, тѣмъ не менѣе, рѣшительно протестую. Протестую, конечно, не противъ нежеланія г. Страхова вступать въ философскія словопренія со мной, а противъ его мнѣнія, будто до сихъ поръ въ своей статьѣ онъ стоялъ на «твердой почвѣ естественныхъ наукъ». Если г. Страхову дорого достоинство философіи, то мнѣ не менѣе дорого достоинство науки. Нѣтъ, разсужденія о свободѣ природы грѣшны и творить наравнѣ полезное и вредное—это не наука, это философія, хорошая ли, судить не берусь, это ужъ дѣло философовъ, но только это не наука.

Не могу также оставить безъ отвѣта двоянѣ противорѣчащее истиннѣ заявленіе, будто у меня «было большое желаніе пуститься въ область философіи» и будто бы я смѣшалъ научное обсужденіе вопроса съ философскимъ, между тѣмъ какъ Данилевскій строго разграничилъ работу натуралиста отъ соображеній другаго рода. Если въ чемъ меня можно укорить, то ужъ, конечно, не «въ большомъ желаніи», а скорѣе въ ясно выраженной неохотѣ, извѣстнаго рода брезгливости, съ которой я признаю себя вынужденнымъ «волей-неволей слѣдовать за противникомъ туда, куда онъ самъ насъ привлекаетъ». Причину этой неохоты я, по счастью, могу пояснить словами самого г. Страхова: «такія философскія ученія *) могутъ вдругъ оказаться чрезвычайно слабыми и уродливими произведеніями человеческого ума. Между тѣмъ, хорошо обработанные и установленные результаты любой изъ естественныхъ наукъ никогда не могутъ совершенно потерять своей цѣны». Еще менѣе основаній имѣетъ г. Страховъ упрекать меня въ какомъ-то смѣшеніи науки и философіи. Разбору философскихъ аргументовъ Данилевскаго (онъ самъ ихъ такъ назвалъ) я удѣлилъ всего четверть своего изложенія и отдѣлилъ эту четверть, подъ цифрой II, въ особую часть, помѣщенную даже въ другой книжкѣ журнала. На лекціи же (о которой г. Страховъ былъ такъ тщательно освѣдомленъ) я далъ своимъ слушателямъ отдохнуть десять минутъ, прежде чѣмъ пригласилъ ихъ слѣдовать за мной въ дебри философскихъ разсужденій Данилевскаго, приводившихъ въ такой восторгъ г. Страхова. По какому же праву позволяетъ себѣ г. Страховъ увѣрять своихъ читателей, что «у меня было большое желаніе пуститься въ область философіи» и что я смѣшалъ науку съ философствованіемъ?

Но, можетъ быть, благоразумный читатель все же возразитъ: стоило ли тратить время на разборъ философскихъ измышлений Данилевскаго, когда такой поклонникъ его таланта, какъ г. Страховъ, не придаетъ имъ цѣны, даже избѣгаетъ говорить о нихъ? Но моя ли вина, если г. Страховъ, съ

*) Точки поставлены мною вмѣсто словъ: „какъ Канта, Спенсера и подобныхъ философовъ“. Я полагаю, аргументъ только приобретаетъ большую силу въ такой безличной формѣ, какъ не утратилъ бы онъ смысла и съ совсѣмъ инымъ импретъ.

января по декабрь 1887 года, сдѣлалъ такіе успѣхи, что при обсужденіи естественно-историческаго вопроса сталъ предпочитать (платонически, правда) твердую почву науки, очевидно, зыбкой, по его мнѣнію, почвѣ философствованія? Въ окончательномъ выводѣ своей статьи *Полное опроверженіе дарвинизма* (январь 1887 г.) онъ высказывалъ такой афоризмъ: «*Опора ума можетъ быть только въ чувствахъ*»—и успѣхъ Данилевскаго, въ значительной степени, приписывалъ его эстетическимъ чувствамъ, находя такое *сантиментальное* отношеніе къ естественно-историческимъ фактамъ «превосходнымъ» и «глубокомысленнымъ». А теперь, послѣ моего отвѣта, г. Страховъ отдѣливается лаконическимъ замѣчаніемъ: не будемъ объ этомъ лучше говорить,—и меня же обвиняетъ въ желаніи философствовать *). Не лучше ли было съ этого начать и не провозглашать въ январѣ «превосходнымъ» и «глубокомысленнымъ» того, о чемъ въ декабрѣ оказывается удобнѣе не говорить?

Хорошо еще, еслибъ г. Страховъ, отказавшись на этотъ разъ отъ защиты философски-эстетическихъ разсужденій Данилевскаго, исполнилъ свое намѣреніе вполне. Нѣтъ, еще въ послѣдній разъ, но за то въ самой возмутительной формѣ, не можетъ онъ себѣ отказать въ «весельѣ» **) представить своимъ читателямъ мои мысли въ каррикатурно-искаженной формѣ. Скрывъ отъ своихъ читателей, что я на *двѣнадцати страницахъ* подробно опровергаю основную философскую точку зрѣнія Данилевскаго (т.-е. его утвержденіе, что дарвинизмъ основанъ на нелѣпой случайности), онъ хочетъ увѣрить этихъ читателей, будто, въ защиту отъ философскихъ нападокъ Данилевскаго, я не нахожу болѣе остроумнаго возраженія, какъ заявленіе, что дарвинизмъ могъ бы доставить матеріалъ... для стиховъ г-жи Аккерманъ! Г. Страховъ, очевидно, забылъ, что всякое преувеличеніе тогда только достигаетъ цѣли, когда не дѣлаетъ смѣшнымъ того, кто къ нему прибѣгаетъ. Конечно, самый довѣрчивый и преданный г. Страхову читатель не повѣритъ ему, чтобы я оказался способенъ на такую, выходящую за предѣлы возможнаго, глупость, и, слѣдовательно, сообразить, что г. Страховъ поусердствовалъ, что называется—хватилъ черезъ край. Разъяснимъ эту послѣднюю продѣлку г. Страхова. Данилевскій самъ называетъ свои общія возраженія *философскими* и *эстетическими*. На двѣнадцати страницахъ

*) Г. Страхова, очевидно, изъ себя выводитъ то, что каждый его ходъ мною предумотрѣнъ и впередъ отраженъ. Я очень хорошо зналъ, что не отвѣтъ я на философствованія Данилевскаго, г. Страховъ отвѣтилъ бы мнѣ: ага, это не такъ легко, какъ считать тучинки да пестрики, а если я отвѣчу, онъ поступитъ такъ, какъ поступилъ, будетъ глумиться, что натуралистъ пускается философствовать. Но я предупредилъ и то, и другое, т.-е. отвѣтилъ, но съ оговоркою, что пускаюсь въ разборъ этихъ философствованій потому, что вынужденъ къ тому, восторгами г. Страхова. Г. Страхову оставалось сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ,—скрыть все отъ читателя и со свойственною ему беззащитностью извратить положеніе, увѣрять, что это у меня только «было большое желаніе пуститься въ область философіи, даже поэзіи», тогда какъ онъ съ Данилевскимъ предпочиталъ твердую почву науки.

**) См. II главу.

опровергаю я то, что составляет философскую часть этой аргументации; г. Страховъ благоразумно обходитъ эти двѣнадцать страницъ молчаніемъ. Раздѣлавшись съ философскими возраженіями, мелькомъ, на *полустраницѣ*, касаюсь я и эстетической стороны и говорю, что съ сентиментально-поэтической точки зрѣнія можно развѣ только упрекнуть дарвинизмъ въ томъ, что онъ ужасенъ,—такъ какъ провозглашаетъ смерть за регуляторъ гармоніи органическаго міра,—и замѣчаю, что подобная мысль встрѣчается на каждомъ шагу и вполнѣ можетъ быть предметомъ поэзіи, «величаво мрачной, во вкусѣ Аккерманъ». Воснувшись, такимъ образомъ, этой *эстетической* стороны, такъ какъ она затронута Данилевскимъ, я снова спѣшу оговориться: «но скользнемъ быстрѣе по этой зыбкой почвѣ мировой элегіи и поторопимся перейти къ возраженіямъ уже не мечтательнымъ, а захватывающимъ за живое» и т. д.

Что же дѣлаетъ г. Страховъ? Скрывъ все, что я возражаю на *философскіе* аргументы Данилевскаго, онъ, искусною подтасовкой текстовъ, старается оставить читателя, подъ впечатлѣніемъ будто это мое, мимоходомъ брошенное возраженіе на *эстетическую* сторону дѣла — все, что я нашелся отвѣтить на главное *философское* возраженіе Данилевскаго, т.-е. обвиненіе дарвинизма въ томъ, что это ученіе будто бы объясняетъ происхожденіе органическаго міра «нелѣпою случайностью».

Такимъ образомъ, съ первой главы до послѣдней г. Страховъ остается вѣренъ одному критическому приему — извращенію моихъ мыслей, въ расчетѣ на довѣріе читателя.

Еще одно маленькое замѣчаніе. Г. Страховъ, для сообщенія бѣльшей ядовитости этому отступленію о поэзіи Аккерманъ, преподаетъ мнѣ урокъ изъ французской литературы, поясняя, что выраженіе «величаво-мрачная» не выражаетъ «вполнѣ точно» свойство поэзіи г-жи Аккерманъ. На это я замѣчу, что двумя словами вообще нельзя «вполнѣ точно» охарактеризовать поэта, въ особенности такого своеобразнаго, какъ г-жа Аккерманъ; одну же изъ сторонъ ея поэтическаго склада, наприм., возможность являться пѣвцомъ смерти, они все же выражаютъ. А, главное, я не имѣлъ намѣренія писать критическій этюдъ о поэзіи г-жи Аккерманъ. Предполагая, однако, что, поучая меня (хотя и неудачно), г. Страховъ руководился самыми лучшими побужденіями и, не желая остаться у него въ долгу, я въ свою очередь предложу ему маленький урокъ изъ нѣмецкой литературы. Г. Страховъ (въ *Полномъ опроверженіи* и пр.) приводитъ цѣликомъ «удивительную», по его мнѣнію, послѣднюю страницу изъ книги Данилевскаго, гдѣ цитируется извѣстное стихотвореніе Шиллера: *Das verschleierte Bild zu Sais*. Данилевскій повѣствуетъ, будто, у Шиллера, юноша, сорвавъ покрывало, за которымъ скрывался ликъ истины, падаетъ мертвымъ, и ядовито поясняетъ, что еслибъ подъ покрываломъ скрывался дарвинизмъ, то юноша палъ бы «пораженный не ужасомъ передъ грознымъ ея величіемъ», а... отъ разстройства желудка *). Эта поэтическая антитеза приводитъ г. Страхова въ не-

*) Буквально: „отъ тошноты и омерзѣнія, перевернувшихъ всѣ его внутренности“.

описанный восторгъ. Оказывается, однако, что у Шиллера, — у настоящего Шиллера, котораго мы привыкли читать и уважать чуть не съ дѣтства, — дѣло обстоит нѣсколько иначе. Во-первыхъ, Шиллеръ своего юношу не уморилъ, — это сдѣлалъ, на свой страхъ, Данилевскій; а, во-вторыхъ, Шиллеръ не ручается, видѣлъ ли юноша истину. Напротивъ того, на вопросъ читателя: «что же онъ увидѣлъ?» — Шиллеръ отвѣчаетъ категорически: «*Ich weiss es nicht*». Значитъ, Данилевскій и г. Страховъ *en savent plus long*, чѣмъ самъ Шиллеръ. Судя же по тому, что несчастный юноша, быстро скоротавшій свой вѣкъ, съ отвращеніемъ вспоминалъ о видѣнномъ и полагалъ, что былъ наказанъ за свою попытку насильственно овладѣть истинной, должно думать, что видѣлъ-то онъ что-то неприглядное. А что, если онъ увидалъ не истину, а жреческій обманъ? *). Тогда, вѣдь, всѣ восторги г. Страхова, вызываемые риторикой Данилевскаго, падаютъ на его же голову. Законы антитезы неумолимы. Если, у Шиллера, юноша, разоблачивъ жреческую тайну, вынесъ глубокое отвращеніе, то, увидавъ дарвинизмъ, онъ долженъ былъ бы испытать, во всякомъ случаѣ, прямо противоположное чувство, — иначе, вѣдь, не выйдетъ антитезы.

Да, логика — даже въ поэзіи — мститъ за себя жестоко.

И, во всякомъ случаѣ, «исказать» Шиллера, да еще восхищаться этимъ, такому знатоку литературы, какъ г. Страховъ, какъ будто и неловко.

Раздѣлвшись окончательно со мной, г. Страховъ снова, какъ и въ началѣ статьи, взмываетъ въ недосыгаемую, невозмутимую высь и, взирая съ нея на утопающее въ невѣжествѣ современное естествознаніе, снова почти изрекаетъ мнѣ великодушное всепрощеніе. Винавать, конечно, не я, виновать даже не дарвинизмъ, виновата современная наука **); она такъ приучила меня къ «неяснымъ обобщеніямъ, къ неопредѣленнымъ шаткимъ соображеніямъ», что когда мнѣ «довелось читать книгу точную, строгую, гдѣ все связано и продумано до конца» ***), я не былъ въ состояніи «оцѣнить этой точности и строгости» и г. Страхову остается только желать, чтобы наука поскорѣ оправилась отъ вреда, причиненнаго ей Дарвиномъ, и чтобы въ ней получили силу «чисто-научные, т. е. ясные и отчетливые, приемы» (само собою понятно, приемы Данилевскаго и г. Страхова).

Читатель, однако, приходитъ въ недоумѣніе. Какъ согласить, въ устахъ такого человѣка, какъ г. Страховъ, по его собственному мнѣнію, конеч-

*) Сомнительно, чтобы Шиллеръ предполагалъ, что въ опредѣленномъ географическомъ мѣстѣ, въ извѣстную историческую эпоху, показывали истину. Не такой онъ былъ наивный человѣкъ. Не вѣроятно ли, что юноша увидалъ не истину, а кѣчто иное, и написалъ неудачу собственной винѣ, такъ какъ совѣсть укорала его въ нечистыхъ средствахъ — въ насиліи, при помощи котораго онъ хотѣлъ овладѣть истиной? Такова, по крайней мѣрѣ, мораль, которую выводитъ самъ Шиллеръ.

***) Такъ и стоитъ: „во всѣхъ приемахъ г. Тимирязева отражаются недостатки, господствующіе нынѣ въ естественныхъ наукахъ“.

****) Мы видѣли это въ предшествовавшей главѣ.

но, «умѣющаго цѣнить строгость и точность» мысли,—какъ согласить такое рѣжущее слухъ противорѣчіе: на одной страницѣ говорится, что не слѣдуетъ пускаться въ философствованія и терять изъ-подъ ногъ «такую твердую почву, какъ естественныя науки» (стр. 125), а на слѣдующей (126) страницѣ утверждается, что современныя естественныя науки могутъ приучить только «къ неяснымъ обобщеніямъ, къ неопредѣленнымъ шаткимъ соображеніямъ»? Выходъ изъ этого противорѣчія, мнѣ кажется, одинъ. Очевидно, по мнѣнію г. Страхова, естественныя науки существовали когда-то, но прекратили свое существованіе за четверть вѣка предъ симъ, приблизительно тогда, когда самъ г. Страховъ выбылъ изъ рядовъ натуралистовъ и промѣнялъ «твердую почву естественныхъ наукъ» на болѣе скользкое, но, повидимому, болѣе привлекательное поприще философствованія «обо всемъ извѣстномъ и еще кое-о-чемъ».

Несмотря на тѣ потоки брани и ничѣмъ не вызванныхъ оскорбленій, которыми переполнена вся статья г. Страхова, дойдя до послѣдней, такъ тепло и симпатично вылившейся изъ-подъ его пера страницы, посвященной памяти недавно умершаго друга, я почувствовалъ нѣчто вроде глухаго раскаянія или укора совѣсти. Тутъ только я понялъ, что мой бой съ г. Страховымъ не равный. Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ покойный Данилевскій? Только имя, подписанное подъ извѣстнымъ рядомъ печатныхъ страницъ. Для г. же Страхова это была живая, привлекательная и дорогая ему личность, въ долгомъ общеніи съ которой онъ могъ забывать недостатки писателя. Ненаучный, нелогическій, легкомысленно-хвастливый складъ аргументаціи только оскорбляетъ мой здравый смыслъ, воспитанный на образцахъ строгой науки; дерзкія выходки и напраслина, возводимая на Дарвина, только возмущаютъ во мнѣ естественное чувство справедливости. Но каждое мое обличеніе бьетъ г. Страхова прямо въ сердце, а эти раны не такъ легко переносятся. Да, бой не равный; но кто же искалъ его? Безпристрастный читатель насъ рассудитъ. Книга Данилевскаго помѣчена 1885 годомъ. Я ознакомился съ ней немедленно по ея выходѣ — испестрилъ ея поля примѣчаніями, порою превышавшими самый текстъ — и отложилъ ее въ сторону. Еще до выхода ея, получалъ я предложенія напечатать ея разборъ. Но, тѣмъ не менѣе, я молчалъ. Мнѣ казалось, что надъ свѣжею могилой умѣстно вспомнить классическое «de mortuis nil nisi bene». Это слѣдовало бы, кажется, понять и друзьямъ Данилевскаго, но это не входило въ ихъ расчеты. Именемъ покойнаго друга они торопились воспользоваться какъ тараномъ, при помощи котораго надѣялись пробить брешь въ современной наукѣ, какъ одной изъ твердынь ненавистнаго имъ Запада. Начались задиранія. Ага! замалчиваютъ. Не подъ силу имъ борьба съ русскимъ богатыремъ! Появилась статья г. Страхова, которая, по его собственному признанію, была не только рекламой, но и прямымъ вызовомъ. Тогда я понялъ, что, вмѣсто нареченія древнихъ, пора вспомнить не менѣе гуманное, но болѣе справедливое: «Nous devons aux morts

се que nous devons aux vivants — la vérité». Я отвѣтилъ. Отвѣтилъ рѣзко, не заботясь о томъ, чтобы смягчать свои сужденія, и признаюсь, что и теперь ни въ содержаніи самой книги, ни въ тонѣ ея защитниговъ не вижу ничего, что могло бы побудить меня смягчить жесткость своего приговора. Не разъ повторялось, что я долженъ былъ бы сдерживать свой тонъ, помня, что возражаю на книгу человѣка, уже не находящагося въ живыхъ. А развѣ Дарвинъ былъ живъ, когда надъ нимъ издѣвались, клеветали на него Данилевскій и г. Страховъ? Да еслибъ даже онъ и былъ живъ, то кто же, если не русскій ученый обязанъ былъ бы защитить этого идеально-чистаго человѣка отъ оскорбленій на непонятномъ ему языкѣ? И если г. Страхову была лично дорога память Данилевскаго, то и мнѣ личность Дарвина не была вполнѣ чуждой. Повторяю, я отвѣчалъ рѣзко, потому что былъ вынужденъ на то. Но погрѣшилъ ли я противъ справедливости? Г. Страховъ неоднократно, но въ неизмѣнно-ядовитой формѣ, отдастъ мнѣ справедливость, что я «чистый» дарвинистъ, что то, что я предлагаю читателямъ, настоящій, безпримѣсный, не подкрашенный дарвинизмъ. Я полагаю, чувство справедливости должно было ему подсказать, что точно такъ же отнесся я и къ Данилевскому. Г. Страховъ смѣло заявилъ во второй своей главѣ, что я только «исказилъ» произведеніе Данилевскаго, но на восьмидесяти страницахъ своей статьи онъ не могъ предъявить своимъ читателямъ ни одного примѣра, ни одного намека на искаженіе. Онъ увѣрялъ также, будто я скрылъ всю совокупность аргументаціи, и, однако, долженъ былъ признаться, что въ томъ, на что я возражалъ, заключается вся сущность книги, и самъ не привелъ ни одного существеннаго аргумента Данилевскаго, который не упоминался бы уже мною.

Но, можетъ быть, я оскорбительно отнесся къ личности автора *Дарвинизма*? Г. Страховъ не разъ повторяетъ, что я отношусь къ нему съ презрѣніемъ. Слово презрѣніе тутъ неумѣстно. Презираютъ только человѣка нравственно несостоятельнаго; къ людямъ же, берущимся о чемъ-нибудь судить и обнаруживающимъ недостатокъ здраваго сужденія, относятся только съ пренебреженіемъ—вотъ и все. Человѣкъ, который не убѣжденъ въ чемъ-нибудь, но берется убѣждать другихъ, только потому, что въ извѣстное время въ извѣстномъ мѣстѣ это можетъ быть выгодно,—такой человѣкъ заслуживалъ бы, конечно, презрѣнія. Но ни въ чемъ подобномъ я не подозрѣвалъ Данилевскаго. Я отчетливо и опредѣленно высказалъ мысль, что Данилевскому былъ противенъ дарвинизмъ, что онъ искренно желалъ, чтобы то, противъ чего возмущалось его чувство, оказалось несостоятельнымъ передъ судомъ его разума. Но рядомъ съ этимъ я возмущался и не перестану возмущаться приѣмомъ его аргументаціи въ самой существенной части книги. Это не приѣмъ изслѣдователя, ищущаго истину для себя и предлагающаго ее и другимъ за ту же цѣну, какою она имѣетъ въ его глазахъ, а приѣмъ софиста, полагающаго свою задачу въ томъ, чтобы добиться одобренія, вырвать во что бы то ни стало согласіе слушателей. Этого приѣма обязанъ избѣгать всякій ищущій истины, во-

первых... во-первыхъ, потому, что «кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣдетъ, душу же свою отщетитъ»,—это мотивъ этический, голосъ чистаго разума; а, во-вторыхъ, если я самъ вижу слабость своего довода, то, вѣдь, рано или поздно, увидать ее и другіе и мнѣ будетъ стыдно,—это голосъ практическаго разума. Приходилось мнѣ читать по поводу своей статьи и такое сужденіе, будто я внесъ въ полемику элементъ страстности. Я могъ бы указать на еще большую страстность противной стороны, но это, конечно, не аргументъ, напротивъ, я хочу сказать, что наличность извѣстнаго рода страстности нисколько не вредитъ интересамъ науки и, наоборотъ, я полагаю, что всевозможныя: «съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой стороны должно признаться», очень полезныя въ житейскомъ смыслѣ, къ наукѣ никакого отношенія не имѣютъ. Тиндаль блистательно защищалъ, съ виду также парадоксальный, тезисъ о значеніи воображенія въ точныхъ наукахъ; я полагаю, не менѣе благодарною темой было бы и развитіе положенія, что безъ страстнаго, живаго, горячаго отношенія, безъ увлеченія изслѣдователя своимъ предметомъ едва ли увидѣло бы свѣтъ хоть одно существенное завоеваніе науки. Напрасно смѣшиваютъ безстрастіе съ безпристрастіемъ. Не олимпійское безстрастіе «безсмертнаго», а простая человѣческая честность—вотъ что необходимо въ наукѣ, какъ и во всякой другой человѣческой дѣятельности. Можно быть страстнымъ, глубоко-возмущеннымъ, взволнованнымъ голосомъ обличать неправду, но не забывать требованій безусловной справедливости. И, наоборотъ, можно, оставаясь совершенно безстрастнымъ, тоскливо-кислымъ голосомъ ронять клевету. Можно, наконецъ, сохраняя полную безсловесность, быть возмутительно-несправедливымъ; на то существуетъ риторическая фигура—умолчанія. Страстность или безстрастіе—только вопросъ темперамента; человѣкъ такъ же мало повиненъ въ нихъ, какъ въ своемъ ростѣ или цвѣтѣ волосъ. Безпристрастіе же—результатъ развитія умственнаго и нравственнаго. И такъ, не въ рѣзкомъ тонѣ моего возраженія кроется причина той острой формы, которую приняла полемика по чисто-научному вопросу. Не вызванной рѣзкостью формы, а именно содержаніемъ моей критики, отъ котораго, несмотря на всѣ усилія, г. Страховъ не могъ защититься, объясняется та безсильная злоба, которая черезъ край бьетъ во всей его статьѣ.

Мнѣ кажется, что ключъ загадки, истинная причина комически-преувеличеннаго восхваленія труда Данилевскаго и озлобленія на трезвое критическое къ ней отношеніе сквозитъ въ одной фразѣ на послѣдней страницѣ статьи г. Страхова: «Н. Я. Данилевскій былъ для меня, какъ и для всѣхъ его знавшихъ, звѣздой первой величины».

«Thy wish was father, Harry, to that thought»,—отвѣчу я г. Страхову словами Шекспира. Не достоинства книги Данилевскаго навели на мысль возвести его въ звѣзды первой величины, а именно *желаніе*, упорное наиженіе видѣть въ немъ звѣзду первой величины, *породило мысль* сопричесть его книгу къ *самымъ рѣдкимъ явленіямъ во всемірной печати*. Не стану распространяться, какъ убого должно быть то окошечко, въ которомъ

только и свѣта, что отъ такихъ свѣтилъ, какъ Данилевскій, какой крохотный и темный уголокъ неба видѣнъ изъ этого окошечка, если такія звѣзды кажутся на немъ звѣздами первой величины. Для насъ важно самое признаніе г. Страхова, такъ какъ въ немъ заключается разгадка всего искусственнаго шума, поднятаго въ нашей литературѣ по поводу книги, которая во всякой другой литературѣ прошла бы едва замѣченной *). Разгадка эта заключается въ одномъ словѣ — «кружковщина», въ томъ общественномъ явленіи, на которое обращали въ свое время вниманіе и Грибоѣдовъ, и Гоголь, и Тургеневъ и которое за полвѣка такъ мало измѣнилось, что сохранило даже прежній языкъ и номенклатуру. Тѣсный кружокъ единомышленниковъ, мнящій себя центромъ новаго, міроваго движенія, распредѣляетъ между своими членами роли геніевъ, свѣтилъ, пожалуй, маленькихъ мессій. Такимъ-то маленькимъ мессіей, очевидно, былъ въ глазахъ своего маленькаго кружка и Данилевскій, а его книга заранѣе была признана мечомъ, который онъ долженъ былъ принести для пораженія нечестивой науки Запада. И вдругъ оказалось, что этотъ мессія—только компиляторъ, кропотливо подобранный устарѣлыя, заброшенные возраженія и при обращеніи съ ними на каждомъ шагѣ обнаруживающій неспособность къ научному безпристрастію и строгому логическому мышленію. Такой ударъ, конечно, не легко было снести. Вотъ гдѣ кроется истинное объясненіе статьи г. Страхова, его ослѣпленія и необычнаго, забывающаго всѣ приличія, озлобленнаго тона.

Терпѣливо разобравъ всю статью, главу за главой, для того, чтобы читателю было ясно, что на этотъ разъ моя мысль не «движется капризными извилинами» **), а послушно слѣдитъ за безконечною, тягучею нитью мыслей г. Страхова, подвожу краткій итогъ.

Минуя главы I и II, въ которыхъ, какъ мы видимъ, авторъ только, такъ сказать, представляетъ себя и меня своимъ читателямъ: себя — въ благородно-негодующемъ, меня — въ комически-нелѣпомъ видѣ, остановимся прямо на главѣ III. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ статьи, порою кажется, что въ этой-то главѣ и заключается основное возраженіе. Глава эта, какъ и самое ея заглавіе расчитаны на то, чтобы вызвать въ читателѣ легко запоминаемое безотчетное предубѣжденіе противъ дарвинизма. Достигается это искусною попыткой привязать къ реальнымъ факторамъ, изъ которыхъ слѣдствуетъ процессъ естественнаго отбора, этикетку «возможныхъ», въ томъ расчетѣ, что такимъ путемъ и самый отборъ изъ области реальной дѣйствительности перемѣстится въ область призрачной возможности (т.-е. даже не вѣроятности). Но мы видѣли, на какомъ приѣмѣ «форсированія» (какъ выражаются фокусники) одного смысла слова другимъ основанъ этотъ діа-

*) Такова была, наприм., судьба трехтомной, гораздо болѣе основательной и на десять лѣтъ опередившей Данилевскаго, но такой же злосчастной книги Виганда.

**) Какъ жалуются г. Страховъ во II главѣ.

лектический фокусъ, и убѣдились, что и послѣ этой неудачной попытки отборъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ, т. е. не призрачною возможностью, а *необходимымъ логическимъ выводомъ изъ наблюдаемой дѣйствительности.*

Главы IV и V посвящены пространной амплификации (съ введеніемъ аллегорическаго персонажа—стереотипа) заимствованной у меня метафоры Руссо. Не говоря уже о томъ, что способъ аргументаціи посредствомъ притчи не совсѣмъ удаченъ въ примѣненіи къ строго-научному вопросу, мы убѣдились, что самое сравненіе Руссо болѣе къ дѣлу не идетъ.

Главы VI, IX, X и XII представляютъ главную *pièce de résistance.* Въ нихъ, на всевозможные лады, г. Страховъ пытается спасти пресловутое «истинное открытіе» Данилевскаго, т. е. безуспѣшно пытается доказать, что если существуетъ скрещиваніе, то не существуетъ отбора. Здѣсь пускается въ ходъ запугиваніе меня авторитетомъ Негели, предлагаются безконечныя вариации умозаключенія: не все—значить ничего, смѣло вводится на Дарвина напраслина, вспоминаются нелестныя, но голословныя о немъ отзывы различныхъ авторовъ, но все безуспѣшно,—естественный отборъ остается непоколебленнымъ.

Для развлеченія читателя, утомленнаго безотраднымъ однообразіемъ этихъ четырехъ главъ, въ видѣ къ дѣлу не относящагося дивертисмента, введены главы VII и VIII. Въ первой игриво доказывается возможность для того, «кто самъ мыслить», забывать, откуда онъ почернулъ эти *свои* мысли, и защищается право признавать чужую мысль за свою, а во второй, повидимому, иллюстрируется возможность такой забывчивости на примѣрѣ самого г. Страхова, забывшаго кое-что изъ ариметики и, на основаніи этой забывчивости, рѣшающагося укорять меня въ какомъ-то будто бы грубомъ невѣжествѣ.

Глава XI, самое названіе которой рассчитано на то, чтобы пробудить въ читателѣ упавшія надежды на разысканіе «всегдашней ошибки дарвинистовъ», заключаетъ въ себѣ нѣсколько нелестныхъ, но совершенно голословныхъ *отзывовъ* Негели и Данилевскаго о дарвинизмѣ и самого г. Страхова объ англичанахъ вообще и о Дарвинѣ въ особенности,—неудачную придирку къ двумъ фразамъ Дарвина,—дифирамбъ Данилевскому по поводу одной странички его книги, какъ мы убѣдились, къ дѣлу не относящейся,—и на послѣднихъ четырехъ строкахъ внезапное, ничѣмъ не мотивированное обвиненіе дарвинизма въ «неопредѣленности посылокъ» и «неправильномъ обобщеніи выводовъ», въ чемъ, повидимому, и должно заключаться обѣщанное открытіе.

Глава XIII особенно любопытна, такъ какъ содержитъ единственную положительную часть статьи. Доказавъ, по его мнѣнію, несостоятельность дарвинизма, не могущаго будто бы объяснить такого кореннаго факта, какъ присутствіе въ органическомъ мірѣ бесполезнаго и вреднаго, г. Страховъ берется доказать, что этотъ фактъ превосходно мирится съ воззрѣніемъ Данилевскаго, по которому органическія формы создаются при непосредственномъ вѣдѣшательствѣ «интеллектуальнаго (или, по г. Страхову, боже-

ственной) начала». Все бесполезное и вредное,—поучает г. Страховъ,—станетъ въ нашихъ глазахъ «полезнымъ и прекраснымъ», стоитъ лишь допустить, что природа, подобно человѣку, обладаетъ свободою волей и потому вольна грѣшить и «подыматься выше или опускаться ниже уровня простой надобности». Въ этой блестящей философской теоріи преподавъ, конечно, образецъ тѣхъ «чисто-научныхъ» приѣмовъ, основанныхъ на «опредѣленныхъ посылакахъ» и «правильныхъ обобщеніяхъ» и потому обладающихъ «полною достовѣрностью», отсутствіемъ которыхъ, по заявленію г. Страхова, страдаетъ дарвинизмъ. Но вслѣдъ за тѣмъ въ заключительной, XIV, главѣ г. Страховъ вдругъ начинаетъ убѣждать меня (!) въ бесплодности философствованія, когда можно имѣть подъ ногами «твердую почву естественныхъ наукъ», хотя, къ сожалѣнію, не обозначаетъ точно времени, когда естественныя науки потеряли эту твердую почву изъ-подъ ногъ, такъ какъ на слѣдующей же страницѣ, и такъ же внезапно, заявляетъ, что *современныя* естественныя науки могутъ только приучить къ «неяснымъ обобщеніямъ» и «шаткимъ соображеніямъ».

Какъ видно изъ этого краткаго обзора, «всегдашняя ошибка» такъ и оказалась не разысканною, если не считать за ея разоблаченіе нѣсколькихъ бездоказательныхъ строгъ въ концѣ XI главы. Если же все дѣло въ этихъ четырехъ строкахъ, которыя должны быть приняты читателемъ на вѣру, то зачѣмъ было заставлять его прочесть 80 страницъ?

Но если читатель обманулся въ ожиданіи узнать всегдашнюю ошибку дарвинизма, то не познакомился ли онъ взаимнѣ съ всегдашнимъ диалектическимъ приѣмомъ автора этой неудачной критики? Видѣлъ онъ желаніе запугивать его голословными мнѣніями сомнительныхъ авторитетовъ (главы VI и XI); видѣлъ смѣлыя, самоувѣренныя, но рѣшительно ничѣмъ не подкрѣпленныя утвержденія (гл. II, IX, XIII), попытки скрыть отъ читателя сущность разсматриваемаго вопроса (гл. IV, VIII, XIV) или отвлечь его вниманіе не относящимися къ дѣлу подробностями или совершенно посторонними вопросами (гл. XII); видѣлъ бездоказательныя обвиненія или прямую напраслину, развязно взводимыя на Дарвина и дарвинистовъ (гл. VI, XI, XIII); видѣлъ, наконецъ, обрубаніе конца или и конца и начала мысли противника (гл. IV, XII), искаженіе его мыслей (гл. I, IV, XIV), а то и просто безцеремонную замѣну словъ противника своими собственными (гл. IXI). Словомъ, такъ или иначе, но по всей статьѣ сквозитъ одинъ приѣмъ, одно неизмѣнное стремленіе: запутать, затемнить дѣло въ глазахъ читателя, лишить читателя возможности самому разобраться, составить себѣ ясное понятіе о предметѣ спора. Не могу лучше характеризовать этотъ *всегдашній приѣмъ*, какъ слѣдующимъ сравненіемъ *). Различныя существа прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ защиты: левъ защищается когтями, быкъ—рогами, зайца уносятъ его быстрыя ноги, мышь прячется въ нору, а каракатица — та мутитъ окружающую воду и подъ покровомъ мрака усколь-

*) Всегдашній, понятію, но отношенію къ разбираемой статьѣ.

заеть отъ врага. Вотъ этой именно тактикѣ каракатицы неизгнѣнно желалъ подражать въ своей статьѣ г. Страховъ, съ тѣмъ только различіемъ, что та, конечно, рада, когда ей удалось просто уйти отъ врага, а г. Страховъ изъ своего врака сыплетъ бранью на противника, а ничего не видящему передъ собой читателю самодовольно кричить: разбилъ! побѣдилъ! уничтожилъ!

Я выполнялъ намѣченную задачу, представилъ подробный, пожалуй, черезъ-чуръ подробный анализъ статьи г. Страхова, доставивъ читателю возможность оцѣнить ее по достоинству. Позволю себѣ въ заключение одно послѣднее, чисто - личное отступление. Бываютъ исключительныя, высокія положенія, когда человѣкъ можетъ идти своимъ путемъ, не обращая вниманія на раздающіеся вокругъ него оскорбительные крики, на долетающіе до него брызги грязи. Въ такомъ положеніи находился, наприм., Дарвинъ, всегда презиравшій полемику *). Но этимъ правомъ могутъ неоспоримо пользоваться только Дарвины. Обыкновенный, рядовой ученый, къ сожалѣнію, вынужденъ добывать это право съ бою; отъ него читающая публика можетъ требовать знаменія его правоты, доказательства несостоятельности его противника. Смѣю надѣяться, что двукратнымъ продолжительнымъ молчаніемъ я достаточно показалъ свое отвращеніе къ подобной полемикѣ, содержаніемъ же своихъ вынужденныхъ отвѣтовъ доказалъ, что молчалъ не потому, что нечего было отвѣчать, а тѣмъ и другимъ завоевалъ себѣ право, самое драгоцѣнное для ученаго, съ досадой считающаго каждую минуту, потраченную на полемику, такъ мало имѣющую общаго съ наукой, — право впредь молча проходить мимо такихъ произведеній, какъ *Всегдашняя ошибка* г. Страхова.

Н. Тимирязевъ.

*) Впрочемъ, и онъ отступалъ отъ своего правила, когда полемика заходила за предѣлы обычной литературной добросовѣстности.

Новое въ искусствѣ *).

Случайнымъ поводомъ къ этой статьѣ была дурная погода. Среди разныхъ другихъ развлеченій, къ которымъ пришлось прибѣгнуть за эти двѣ холодныя и дождливыя недѣли въ салонѣ бальнеологическаго заведенія, имѣла мѣсто и эта лекція, или конференція, или рѣчь—назовите ее какъ хотите: *le nom ne fait rien à l'affaire* (дѣло не въ названіи).

Г-нъ X., человекъ разносторонне-образованный, но не лавреатъ и не профессоръ какого-либо факультета (говоримъ это чисто ради исторической точности), уступивъ настоятельнымъ просьбамъ общества, произнесъ въ три или четыре вечера то, что вы сейчасъ прочтете. Поспѣшность, съ которой онъ набросалъ эту статью, служить если не извиненіемъ или оправданіемъ, то, по крайней мѣрѣ, объясненіемъ того обстоятельства, что многое въ ней кажется только слегка намѣченнымъ и что она не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія. Но въ общемъ она мнѣ, все-таки, понравилась. Я ее печатаю. Авторъ, котораго нѣтъ въ настоящее время въ Европѣ и который еще цѣлые годы пробудетъ въ отсутствіи, на это не посѣтуетъ. Сдѣлавъ это необходимое вступленіе, я отстраняюсь и предоставляю слово г. X.

I.

И такъ, онъ сказалъ или, вѣрнѣе, прочелъ слѣдующее:

Милостивыя государыни и милостивые государи! Надѣюсь, что вы простите меня, если, исполняя ваше лестное для меня желаніе поговорить съ вами о новомъ въ искусствѣ или въ поэзіи вообще, я хотя и буду говорить съ вами о новомъ, но повторю давно извѣстныя вещи. Что дѣлать? Быть можетъ, вина тутъ не совсѣмъ моя. Больше того: еслибъ я согласился съ мудрѣйшимъ изъ царей израильскихъ, изрекшимъ смѣлый приговоръ, что *тотъ ничею новаго подѣ мною*, то долженъ былъ бы окончательно успокоиться и убѣдиться, что лично я не виноватъ въ томъ, что и о новомъ нечего сказать новаго. Однако,— скажете вы мнѣ,— человекъ постоянно и безпоощадно терзаетъ желаніе новизны. Совершенно

*) Статья Адольфо Боргоньони въ *Nuova Antologia*, 1 Settembre 1888.

вѣрно. И я пойду еще дальше и прибавлю, что такъ какъ схоластическiй афоризмъ о томъ, что нѣтъ ничего бесполезнаго въ строенiи природы, въ сущности, совершенно вѣренъ, то не можетъ быть, чтобъ наша мудрая создательница вселила намъ въ душу желанiе, которое никоимъ образомъ не должно или не можетъ найти удовлетворенiя. Но только, думается мнѣ, намъ необходимо хорошенъко столкнуться. Что такое это новое? И почему мы его ищемъ? И какъ и въ какихъ размѣрахъ имѣемъ мы право требовать его отъ искусства, такъ какъ въ данную минуту рѣчь идетъ только объ искусствѣ?

Извѣстно по опыту и не подлежитъ сомнѣнiю, что человекъ такъ созданъ, что не можетъ выносить продолжительнаго повторенiя однихъ и тѣхъ же ощущенiй и представленiй, хотя бы и прiятныхъ: за первыми слѣдуетъ страданiе, за вторыми—помѣшательство. Онъ чувствуетъ врожденную потребность чередовать, мѣнять, разнообразить и тѣ, и другiя: иными словами, онъ испытываетъ врожденную потребность новизны. И если это передать въ иной формѣ образовъ и идей, то это значить, что человекъ, стремясь жить полною жизнью вселенной и не будучи въ силахъ достигнуть этого, по причинѣ безконечной полноты существованiя, которую пришлось бы переживать въ одинъ моментъ, вынужденъ переживать ее или, вѣрнѣе, стараться переживать ее, видоизмѣняя и переживая ее по частямъ, ухитряясь, такъ сказать, сѣдлатъ артишковъ чешуйку за чешуйкой. Если это сравненiе вамъ не по вкусу, то мы скажемъ, что человекъ уподобляется повѣствователю романтическаго жанра:

Che quando d'una cosa è pieno il foglio,
Un'altra a dir di sè l'autore invita.

(Когда страница наполнена описанiемъ одного явленiя, тотчасъ же другое явленiе побуждаетъ автора возобновить рассказъ).

И конечнымъ результатомъ этого оказывается поэма. Что такое искусство? Поспѣшимъ отвѣтить: искусство есть пластическое и фантастическое изображенiе жизни. Человекъ есть животное по природѣ артистическое—артистическое потому, что по своей природѣ онъ склоненъ къ подражанiю, и потому, что искусство даетъ ему возможность расширять жизнь, такъ какъ посредствомъ искусства онъ можетъ жить жизнью другихъ, жизнью вселенной. Примите во вниманiе, что мы имѣемъ потребность не только жить, но видѣть, какъ въ зеркалѣ, отраженiе жизни всемирной и наслаждаться этимъ отраженiемъ. Это зеркало есть искусство, или, вѣрнѣе, поэзiя, такъ какъ сущность всякаго искусства есть именно поэзiя. Я не одобряю привычки опираться въ разсужденiяхъ объ искусствѣ исключительно на развитiе высшей идеи о прекрасномъ. Что такое прекрасное? Скорѣе слѣдовало бы посмотреть, дѣйствительно ли прекрасное поддается опредѣленiю,—посмотрѣть, есть ли опредѣленiе такого рода орудiе, которымъ можно пользоваться и къ которому можно прибѣгать во всѣхъ обстоятельствахъ. Я не могу распространяться въ эту сторону и вынужденъ ограничиться только указанiемъ нѣкоторыхъ заключенiй, къ которымъ, какъ мнѣ ка-

жется, должно придти по этому вопросу. Красота есть свойство, есть необъяснимая принадлежность вселенной. Спрашивать, *почему прекрасна вселенная*, на мой взглядъ, невозможно: *почему*—значить ни больше, ни меньше, какъ *по какой причине*, а въ этомъ вопросѣ *почему* предполагается заранѣе причина, находящаяся за предѣлами міра. Между тѣмъ, внѣ міра, то-есть внѣ вселенной, по моему убѣжденію, нѣтъ ничего. А силу внутреннюю (*spiritus intus alit*—духъ, питающій извнутри) мы по необходимости должны представлять себѣ, или, по крайней мѣрѣ, я представляю себѣ и понимаю, до такой степени тождественной со вселенной, что ихъ нельзя различить другъ отъ друга. Точно также странно спрашивать, въ чемъ заключается цѣль вселенной, потому что этотъ вопросъ предполагаетъ цѣль, находящуюся внѣ міра. Вопросы *почему* и *къ чему* могутъ ставиться только по поводу отдѣльныхъ явленій и соответствовать отношеніямъ между самими явленіями.

Ребенокъ, отвѣчающій, что *свѣтъ прекрасна*, потому что она прекрасна, интуитивно возвышается до уразумѣнія мировой красоты. Это имѣетъ видъ шутки, но, быть можетъ, это и вѣрно.

На некоторое опредѣленіе красоты возможно только въ томъ случаѣ, когда красоту усматриваютъ въ отдѣльныхъ явленіяхъ міра. Изъ вселенной, изъ океана всемірнаго бытія выплываютъ и опредѣляются отдѣльныя явленія: въ этомъ опредѣленіи—начало изъ отдѣльной жизни, а, слѣдовательно, и изъ частной красоты. Изъ туманности неопредѣленнаго возникаютъ и обозначаются явленія, на подобіе множества маленькихъ мировъ, и чрезъ это приобрѣтаютъ долю красоты, присущей этому неопредѣленному. И рождается нѣчто прекрасное, нѣчто такое, что во все времена представляли себѣ какъ сіяніе, какъ свѣтъ, какъ гармонию, какъ стройное твореніе,—словомъ, нѣчто опредѣляющее и опредѣленное. И идеологія учитъ насъ этому. Лучезарная Венера выходитъ изъ безпредѣльной туманности моря. Еслибъ кому-нибудь показалея, что я выбираюсь и стараюсь увлечь за собою другихъ на высоты идеологической эстетики, я отвѣтилъ бы, что, въ наши дни альпійскихъ восхожденій, это, пожалуй, и не должно бы подавать повода къ неудовольствію. Но дѣло въ томъ, что мы не паримъ въ вышнѣ, —нѣтъ: то, что я спѣшно и кратко изложилъ здѣсь,—все это вещи, нисколько не отыскиваемыя философскими хитросплетеніями, онѣ не расходятся съ новѣйшими выводами науки. И мнѣ было необходимо или, по крайней мѣрѣ, весьма полезно коснуться ихъ для того, чтобы впоследствии мы лучше поняли другъ друга. Я сдѣлаю вамъ еще нѣсколько указаній въ этомъ родѣ. Работу опредѣленія, которая постоянно совершается на нашихъ глазахъ природою и въ природѣ, эту работу искусство повторять и отражаетъ въ себѣ согласно правиламъ, извлекаемымъ только изъ природы. Это работа второстепенная, работа отраженная и сознательная. Но эти опредѣленія, эти равнообразныя картины мирового бытія, эти различныя жизни, въ которыхъ преломляется и отражается великая жизнь вселенной и изъ обновляющейся гармоніи которыхъ она возсоздается, правда, необычайно вели-

ки въ количественномъ отношеніи, но все же не переступаютъ, на нашъ взглядъ, извѣстныхъ границъ. Они замѣняются, чередуются, появляются и исчезаютъ, чтобы вновь появиться, но все тѣ же, все въ томъ же полномъ и постоянномъ движеніи, въ томъ же вѣчномъ круговоротѣ. Все въ природѣ повторяется. Обращеніе небесныхъ свѣтилъ, чередованіе дня и ночи, смѣна временъ года, послѣдовательныя появленія кометъ, — все это ничто иное, какъ повтореніе одного и того же, какъ доказательство сокровенной непрерывности. Проходятъ поколѣнія людей, но остается чело-вѣкъ, существенно схожій съ прежнимъ.

Человѣкъ и его инстинкты, его преступленія и благія начинанія, его смѣхъ и слезы, — словомъ, вся исторія рода человѣческаго есть ничто иное, какъ повтореніе. Отсюда слѣдуетъ, что сочетанія, результатомъ которыхъ оказывается это повтореніе, могутъ быть перечислены, классифицированы — я чуть было не сказалъ: помѣщены въ отдѣльномъ ящикѣ. По этому поводу великій критикъ, Сентъ-Бёвъ, говоритъ: «Чѣмъ болѣе изучаешь исторію, тѣмъ болѣе находишь, что люди и явленія представляли большое сходство между собою, различаясь другъ отъ друга формами и обычаями». А раньше его Гвиччардини сказалъ слѣдующее: «Все то, что было въ прошедшемъ и что есть въ настоящемъ, останется и въ будущемъ, но мѣняются названія и внѣшній обликъ явленій, такъ что тотъ, кто не обладаетъ хорошимъ зрѣніемъ, не узнаетъ ихъ...» А раньше Сентъ-Бёва и Гвиччардини апостоль Павелъ высказалъ это съ поразительною сжатостію въ словахъ: «Проходить образъ міра сего». Точно такъ же опредѣленія, которыя отражаетъ въ себѣ искусство, наброски, схемы, парадигмы, поэты отдѣльныхъ искусствъ, эпическія и драматическія *ситуаціи*, лирическія движенія, многосложныя и разнообразныя постановки отдѣльныхъ композицій, — все это находится отнынѣ въ области статистики. Сравнительное изученіе различныхъ литературъ не позволяетъ намъ болѣе сомнѣваться въ этомъ. И все же человѣкъ ищетъ новаго въ жизни и въ искусствѣ, а что касается искусства, то объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ древность въ лицѣ Гомера, у котораго Телемахъ говоритъ:

Съ похвалою великою люди той кѣсѣ внимаютъ,

Всякій разъ ея, какъ новую, душу свою восхищая *).

Кто бы повѣрилъ этому? Одинъ писатель тринадцатаго столѣтія, Антоніо да-Темпо, въ предисловіи къ своему *Trattato de ritmi volgari* излагаетъ дерзновеннѣйшій догматъ по поводу новаго въ искусствѣ: *Lege testante omnia nova sunt pulchritudine decorata; iustitiamaque sanctio manifestat naturam deproperare edere novas formas **)*. Нечего удивляться тому, что приведенный мною авторъ, принадлежащій къ націи, каждый представитель которой, выходя утромъ изъ дома, торопится спросить у

*) *Одиссея* въ перев. Жуковскаго. Пѣснь первая.

***) По положенію закона все новое надѣляется красотой, и предписанія Юстиніана свидѣтельствуютъ о той поспѣшности, съ какою природа стремится породить новыя формы.

перваго встрѣчнаго: «что новенькаго?» — нечего, говорю я, особенно удивляться тому, что этотъ итальянецъ, хотя бы и среднихъ вѣковъ, такъ высоко ставилъ новое, и скорѣе слѣдовало бы спросить, какъ можетъ быть приложимъ авторитетъ римскаго законодателя къ этому обращенію дарвиновской работы, на который, повидимому, намекаетъ добрякъ да-Темпо? Но нѣтъ, догматъ названнаго мною падуанца не очень-то справедливъ: не вѣрно то, что *omnia nova sunt pulchritudine decorata*. Еслибъ это было такъ, то всѣ извѣстныя картины настоящаго времени, всѣ извѣстныя музыкальныя пьесы, всѣ извѣстныя статуи, которыя наводятъ на умозаключенія (а это большая новость по отношенію къ искусствамъ другихъ временъ), были бы надѣлены красотой, а этого нѣтъ, поистинѣ! Можетъ ли быть что-нибудь причудливѣе *Imperatoremaxim* Полифила, новой даже по языку, который не есть ни итальянскій языкъ, ни латинскій, ни греческій, ни еврейскій, а какая-то смѣсь всѣхъ этихъ языковъ? Но я, по чести, не назову эту книгу прекрасной, хотя многимъ въ свое время она и казалась таковою, въ чемъ удостовѣряютъ многочисленныя ея изданія и переводы.

Новы, новы до послѣдней степени, — этого нельзя отрицать, — стихотворенія морской шквалы, а нѣкоторыя страницы проповѣдниковъ шестнадцатаго вѣка еще новѣе. Отецъ *Giuglaris*, описывающій Ноя послѣ потопа и представляющій намъ, какъ онъ высовываетъ голову изъ ковчега, пускается въ такой неудержимый плачь, говоритъ такія вещи, подобныхъ которымъ мы не найдемъ ни у Демосеена, ни у Эсхила, ни у Цицерона, ни даже у какого-либо новѣйшаго оратора. Но вы, еслибъ даже Юстиніанъ самолично предписалъ вамъ это, — нѣтъ, вы не имѣли бы духа назвать прекрасными такія вещи.

Остановимся на минуту передъ фактомъ, вызывающимъ на размышленія. Въ такія времена, когда искусство является наименѣе плодотворнымъ и новымъ, какъ разъ въ такія-то времена и раздаются со всѣхъ сторонъ громогласныя восклицанія: «Новаго! Хотимъ новаго! Подайте намъ новаго!» И бѣдные художники умудряются, изощряются, лѣзутъ изъ кожи, дѣлаютъ нечеловѣческія усилія, чтобы оказаться оригинальными и новыми. Но какъ выдавить сокъ изъ выжатаго лимона? По большей части они приходятъ только къ очевидному повторенію созданнаго уже ранѣе, а если и вносятъ что-либо новое въ свои произведенія, то это новое представляетъ самую микроскопическую частичку и ускользаетъ отъ нетерпѣливаго желанія публики и догматической требовательности критиковъ. Иногда, и даже часто, бываетъ и того хуже. Жоржъ Зандъ писала одному изъ своихъ друзей въ 1831 г.: «Хотятъ новаго, и, чтобы создать новое, изобрѣтаютъ вещи омерзительныя. Балзака превозносятъ до небесъ за то, что онъ изобразилъ любовь солдата къ тигрицѣ и любовь художника къ вастрату. Боже мой, что же это такое?» Впрочемъ, тотъ, кто ищетъ новаго, не можетъ найти его, потому что домогается такой вещи, которой не знаетъ. Люди заблуждаются, принимая за новое то, что совсѣмъ не ново. А тотъ,

кто находит новое, иногда не догадывается, что нашелъ его, и даже принимается за нечто другое, подобно Колумбу, воображившему, что нашелъ путь въ Индію, тогда какъ онъ открылъ Америку.

Наоборотъ, въ такія эпохи, когда искусство еще полно жизни, новое, или, по крайней мѣрѣ, то, что привыкли называть этимъ именемъ, само собою вырывается наружу, появляется и передъ тѣмъ, кто не искалъ его, какъ пудель изъ-за пеньки показывается доктору Фаусту; оно летитъ черезъ край и переполняетъ произведенія тѣхъ, которые, прежде чѣмъ сдѣлались новаторами, были сознательными подражателями или и того хуже. Въ шестнадцатомъ столѣтіи господствующею теоріей, — между нами сказать, совсѣмъ превратною, — была теорія подражанія, въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Бартоломео Риччи, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ гуманистовъ того вѣка. И не только въ Италіи царила она, но и во Франціи, такъ что Ронсару пришлось защищаться отъ обвиненія въ оригинальности, какъ отъ оскорбленія. Риччи утверждалъ смѣло и открыто, что поэтъ долженъ подражать, а подъ подражаніемъ онъ подразумѣвалъ немногимъ меньше, чѣмъ списыванія, и немногимъ меньше, чѣмъ заимствованія. Онъ одобрялъ Наваджеро *) за то, что тотъ, въ стихотвореніи на смерть собачки, аккуратнойшимъ образомъ скопировалъ Ватловскіе одиннадцатисложные стихи на смерть воробья Лесбіи. Правда, что этимъ онъ навлекъ на себя осужденіе Кастельветро; но кто обращалъ вниманіе на Кастельветро **)? Ласка ***) въ одномъ изъ своихъ сонетовъ бросилъ въ лицо бѣдному Кастельветро слѣдующія слова: «Твое знаніе есть знаніе педантовъ». И сварливый педантъ такъ онъ и прослылъ почти у всѣхъ. Теорія Риччи, повторяю, была господствующею теоріей. Но это не помѣшало и не могло помѣшать тому обстоятельству, что художники, такъ мало думавшіе объ оригинальности и новизнѣ, всего чаще оказывались новыми и оригинальными; это не воспрепятствовало тому, что итальянскій *Quattrocento* создалъ три произведенія, принадлежащія къ самымъ новымъ и оригинальнымъ твореніямъ итальянской литературы: *Неистовою Роланда*, *Мандрагору* ****) и переводъ *Энеиды*, сдѣланный Каро *****).

*) Андреа Наваджеро, венеціанецъ (1488—1529 г.), писалъ эротическія стихотворенія, латинскія элоги, эпиграмы, лекціи объ Овидіи и рѣчахъ Цицерона и т. д. *Прим. перев.*

**) Лодовико Кастельветро (1506—1571 г.) — извѣстный итальянскій литераторъ и критикъ. Изъ его сочиненій замѣчательны: *La poetica di Aristotele vulgarizzata et esposta*, *Le rime del Petrarca brevemente esposte*. Его *Opere critiche* были впервые изданы въ 1727 г. *Прим. перев.*

***) Антоніо Франческо Грациани, по прозванію *Ласка* (плотва), флорентинскій поэтъ (1503—1588 г.), писалъ сонеты, поэмы, комедіи, сатиры, повѣсти. *Прим. перев.*

****) *Мандрагора*, комедія въ 5-ти актахъ Макиавели. *Прим. перев.*

*****) Аннибаль Каро — одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей XVI вѣка, прославившійся своимъ переводомъ *Энеиды*. Кроме того, онъ переводилъ многихъ греческихъ авторовъ и написалъ комедію *Gli Straccioni* (*Оборванцы*), принадлежащую къ лучшимъ и оригинальнѣйшимъ пьесамъ итальянской драматической литературы того времени. *Прим. перев.*

II.

Всякая отдѣльная цивилизація имѣетъ свое искусство, представляющее нѣкоторымъ образомъ ея личное достоиніе. Но бываютъ въ мировой жизни великіе и торжественные моменты, эпохи исключительно высокаго и могучаго разцвѣта человѣческаго духа, которыя создаютъ не просто художниковъ, но героевъ искусства, творцовъ произведеній въ высшей степени лучезарныхъ. Какъ и почему это происходитъ? Въ сущности, это тайна, какъ и всѣ другіе великіе и сложные процессы въ природѣ. Мы видимъ извѣстнѣе бѣеніе сердца природы, но какъ именно сотворено это сердце, мы не знаемъ и не узнаемъ, быть можетъ, никогда. Галилей говорилъ: «Мнѣ всегда казалось необычайною дерзостью желаніе сдѣлать человѣческія способности мѣриломъ того, что можетъ и что умѣетъ совершать природа». Я не отрицаю возможности доискиваться и, пожалуй, даже находить или, по крайней мѣрѣ, предугадывать, какъ и почему въ данный моментъ появляется Фидій, Софокль, Рафаэль, Данте, Шекспиръ или Россини; я утверждаю только, что обыкновенный способъ объяснять эти и другіе подобные факты не удовлетворяетъ меня и не можетъ никого удовлетворить.

Не знаю, какъ вамъ это кажется, но по-моему это презабавно. Рѣчь идетъ, наприм., о философіи XII или XIII или XVII вѣка (цифра тутъ не причемъ). И вамъ скажутъ, что эта философія происходитъ, рождается и прорастаетъ отъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ этотъ вѣкъ, отъ нравовъ, политики, искусства, литературы и т. д., и т. д. Превосходно. Идетъ ли рѣчь о литературѣ—литература, говорятъ вамъ, рождается отъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ этотъ вѣкъ, отъ философіи, нравовъ, законодательства, политики и т. д., и т. д. Идетъ ли рѣчь объ искусствѣ—опять то же самое: искусство есть продуктъ, результатъ философіи, литературы, нравовъ, политики. Говорите ли вы о политикѣ—политика рождается,—формула вамъ теперь извѣстна,—отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ факторовъ, не исключая и вышеупомянутыхъ *eccetera*.

Я спрашиваю: да какъ же вы, однако, установите порядокъ происхожденія, если философія рождается отъ искусства, искусство отъ философіи, если политика—дочь литературы, а литература—дочь политики? Если въ тотъ моментъ, какъ политика производитъ на свѣтъ искусство и философію, литература и искусство производятъ на свѣтъ политику. Но если все одновременно и рождаетъ, и рождается, то въ дѣйствительности ничто не рождаетъ и ничто не рождается, и если хорошенько вдуматься, то все сводится къ тому, что такіа-то частныя явленія возникаютъ, существуютъ и проходятъ въ извѣстномъ взаимоотношеніи, которое въ другихъ случаяхъ можетъ видоизмѣняться, пережѣщаться и опрокидываться; но то, что придаетъ каждому изъ нихъ въ данномъ вѣкѣ особый отпечатокъ, есть нѣчто безымянное, таинственное, нѣчто такое, на что даже и не намекаетъ пресловутая объяснительная формула. Но такъ ли это?

Великіе образцы человѣческаго искусства, признанные таковыми благо-

говѣйнымъ приговоромъ многихъ вѣковъ, не старѣютъ: они остаются вѣчно новыми, они вѣчно цвѣтутъ свѣжею и могучею юностью. Каждая цивилизація имѣетъ, какъ я указалъ, искусство, которое можно назвать ея собственнымъ, но эти великіе образцы принадлежать всѣмъ цивилизаціямъ. Такъ, у каждаго времени года есть свои созвѣздія, но солнце принадлежитъ всѣмъ временамъ года и всѣ ихъ согрѣваетъ и освѣщаетъ. И потому именно, что художественныя произведенія, надѣленные высшимъ совершенствомъ, вѣчно новы, потому и идея новаго можетъ служить и служить критеріемъ совершенства произведеній. Когда о поэмѣ, о картинѣ, о скульптурной группѣ можно сказать то, что говорить Данте о Беатриче:

Io non la vidi tante volte ancora
Che non trovassi in lei nova bellezza

(Сколько бы разъ я ни видалъ ее, я всегда открывалъ въ ней новую красоту), и то, что Вазари *) говорилъ о нѣкоторыхъ картинахъ Фра Джіованни да-Фіезоле **): «что касается меня, то я поистинѣ могу утверждать, что всякій разъ, какъ я вижу это произведеніе, оно кажется мнѣ чѣмъ-то новымъ и, разставаясь съ нимъ, никогда я не чувствую, что наслаждался имъ достаточно»,—когда таковы именно впечатлѣнія, оставляемыя художественнымъ произведеніемъ, тогда вы можете смѣло сказать, что это произведеніе гениальное. «И это зависитъ отъ обилія и богатства жизни, вложеннаго въ это произведеніе, отъ многообразныхъ сторонъ, съ которыхъ оно представляетъ намъ эту жизнь и, какъ говорить Тассо, всѣчески удовлетворяетъ зрителей».

И самая техника искусства есть точно также могучее и разнообразное представленіе,—представленіе, хотѣлось бы сказать, драмы художника, который непринужденно, не выказывая усилій, сливается съ собственнымъ произведеніемъ. Это драма вдохновенія, побѣждающаго тѣ препятствія, какія оно встрѣчаетъ въ сюжетѣ и во внѣшнихъ условіяхъ,—вдохновенія, облекающагося въ живой образъ и торжествующаго.

Вотъ что мы видимъ, видимъ сознательно или въ силу болѣе или менѣе туманнаго наптія всякій разъ, какъ находимся передъ художественнымъ произведеніемъ. И въ этомъ, а не въ чемъ другомъ, заключается новизна и оригинальность, которыя художникъ можетъ дать намъ и которыхъ мы имѣемъ право отъ него требовать. Вѣчная другая новизна, сама по себѣ, не имѣетъ значенія, если только это не нелѣпость, не карриатура и не ничтожество, нерѣдко высокопарное, но всегда неудачное.

*) Вазари (1512—1574 г.)—итальянскій живописецъ, подражавшій Микель-Анджело, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаменитый историкъ живописи, оставившій капитальный трудъ: *Vite dei pittori, scultori e architetti*. Въ Дрезденѣ, на пьедесталѣ Сикстинской Мадонны написанъ его отзывъ о картинѣ. *Прим. перев.*

**) Фра Джіованни да-Фіезоле, болѣе извѣстный подъ именемъ фра Беато Анджелико, доминиканскій монахъ и живописецъ тосканской школы (1387—1455 г.). Лучшія изъ его картинъ, по мнѣнію Вазари: *Вниманіе Пресвятой Дѣвы, Снятіе со креста, Страшный судъ, Обрученіе Пресвятой Дѣвы, Успеніе*, находятся во флорентинской галлерей. Въ соборѣ Св. Марка въ Венеціи его фрески. *Прим. перев.*

Безъ сомнѣнія, Виталь де Блуа *), явившійся въ XIII вѣкѣ подражателемъ Плавта, сдѣлалъ нѣчто такое, что показалось новымъ его современникамъ, не имѣвшимъ никакого понятія о комедіяхъ Плавта. Но новизна произведенія Витали не спасла его отъ заслуженнаго забвенія. То была новизна второстепенная и случайная, сходная, пожалуй, съ оригинальностью, какую выказалъ бы тотъ, кто вздумалъ бы нарисовать или описать современное сраженіе, обращая исключительное вниманіе на новыя изобрѣтенія, неизвѣстныя въ древнихъ битвахъ: на ружья и пушки, замѣнившія луки, щиты и катапульты. Еслибъ новизна живописца или поэта ограничивалась только этимъ, то имъ можно было бы въ шутку сказать: «Милые друзья, если у васъ не хватаетъ свѣчей, то вы можете отправляться спать въ потемкахъ». Еще замѣчательнѣе та новизна, на которую довольно часто ссылаются и претендуютъ извѣстные поучающіе насъ критики. По поводу прекрасныхъ стихотвореній одного знаменитаго, находящагося въ живыхъ поэта я прочелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ слѣдующія любопытныя слова одного итальянскаго критика: «Отъ времени до времени нарождается человѣкъ и начинаетъ пѣть, и пѣснь его не походитъ ни на одну изъ пѣсенъ, слышанныхъ нами ранѣе. Онъ открываетъ въ нашемъ сердцѣ струны, которыхъ никто никогда не касался, и которыя мы, однако, ощущаемъ въ себѣ и звука которыхъ мы жаждали». Если даже отбросить метафоры (метафоры съ недавняго времени вторглись въ нашу прозу и часто и охотно заступаютъ мѣсто фактовъ и аргументовъ), если даже, говорю я, отбросить метафоры, то все же требованія критика окажутся не малы: если онъ не требуетъ луны, которую видятъ въ колодецѣ, то онъ не далекъ отъ этого. Какое право на существованіе можетъ имѣть поэзія, ни въ чемъ не сходная съ поэзіей предшествовавшихъ временъ? А эти струны человѣческаго сердца, которыя поэтъ долженъ открывать, хотя всѣ ощущаютъ ихъ въ себѣ (такимъ образомъ, это было бы неважное открытіе), и на которыхъ онъ долженъ играть, какъ первый и новѣйшій артистъ,—что это, въ сущности, за струны—ни я не съумѣлъ бы сказать вамъ, ни вы, пожалуй, не были бы въ состояніи вообразить. И я тщетно усиливаюсь представить себѣ, что отвѣтилъ бы, наприм., Листъ музыкальному критику, который осмѣлился бы доказывать ему, что онъ вовсе не великій и не оригинальный художникъ, потому что не открылъ ни одной новой клавиши въ клавиатурѣ фортепіано. Я хорошо знаю, что отвѣтилъ Гульельмо Борсьере мессеру Эрминію Гримальди, просившему его придумать что-нибудь такое, *что никогда еще не было видано*, чтобъ изобразить это на стѣнахъ залы въ его новомъ домѣ. «Мессеръ, — отвѣчалъ шутникъ-придворный, — едва ли я могъ бы научить васъ чему-нибудь такому, что еще никогда не было видано, за исключеніемъ развѣ чиханья

*) *Vital de Blois* (прозванный такъ по мѣсту своего рожденія)—писатель XIII вѣка, извѣстный своимъ подражаніемъ комедіи Плавта *Querolus*, напечатаннымъ въ 1596 году. Въ теченіе долгаго времени его считали авторомъ *Querolus*'а. *Прим. перев.*

или чего-нибудь подобнаго». Вѣрно то, что такъ прекрасно выразилъ Мюссе:

Il faut être ignorant comme un maître d'école
Pour se flatter de dire une seule parole
Que personne ici-bas n'ait pu dire avant vous.

(Надо быть невѣжественнымъ, какъ школьный учитель, чтобы ласкать себя надеждою, будто мы можемъ сказать хотя одно слово, котораго никто не говорилъ раньше насъ).

Но вотъ, въ контрастъ этимъ искателямъ новизны во что бы то ни стало, этимъ Радамантамъ, взвѣшивающимъ на ювелирныхъ вѣсахъ караты оригинальности въ художественныхъ произведеніяхъ, со стороны, противоположной этой вереницѣ критиковъ, хотящихъ видѣть никогда еще не виданное, хотящихъ слышать никогда еще не слышанное, требующихъ, чтобы художникъ, поэтъ былъ во всемъ отличенъ отъ людей, жившихъ до него, отъ своихъ современниковъ и чуть ли не отъ потомковъ, и чтобы онъ, будетъ ли онъ пѣть, рисовать или ваять, всякій разъ дѣлалъ вещи, «выходящія за предѣлы человѣческихъ разсужденій», — въ контрастъ имъ поднимается другая школа, которая провозглашаетъ, что новизна, оригинальность, индивидуальность, субъективность (прошу прощенья за всѣ эти слова, изобрѣтенныя, впрочемъ, не мною) просто - на - просто выдумна или, въ крайнемъ случаѣ, одна изъ миллювій людей наванныхъ, а вовсе не выводъ критики, опыта и исторіи. Художникъ, поэтъ, говорятъ они, есть ничто иное, какъ истолкователь, какъ переводчикъ тѣхъ, кто его окружаетъ, онъ только повторяетъ болѣе или менѣе сласто, болѣе или менѣе пространно и въ другихъ выраженіяхъ то, что ему говорятъ окружающіе его люди и вещи. Хотите ли знать на самомъ дѣлѣ что такое поэтъ? Поэтъ—это корридоръ, по которому проносится вѣтеръ. Вотъ вашъ пресловутая теорія *среды*. Сказать правду, поэтъ, такимъ образомъ, сводится къ очень немногому, и простота отъ этого значительно бы выиграла. Несчастіе въ томъ, что эта теорія — какъ почти всѣ теоріи, упрощающія *usque ad deliquium* (до послѣдней крайности) — ничего, въ сущности, не объясняетъ. И дѣйствительно, спрашивается: почему вѣтеръ средневѣковой поэзіи пронесся по тому корридору, имя котораго было Данте, а не по какому-либо изъ множества другихъ корридоровъ? Намъ отвѣтять, что Данте представлялъ собою корридоръ, замѣчательно приспособленный къ воспринятію этого вѣтра, что у него оказались отворенными (слѣдуя все той же метафорѣ: эти благословенныя метафоры!) и двери, и окна, тогда какъ у другихъ они были заперты. Но я опять-таки спрашиваю: кто приспособилъ этотъ корридоръ, кто отворилъ эти затворы? Природа? Отчасти я это допускаю, но не вполне, потому что мы отлично знаемъ, что не мало людей, родившихся съ предрасположеніемъ къ поэзіи, впоследствии не оказывались поэтами. Обстоятельства? Но многіе находились въ обстоятельствахъ, въ высшей степени благоприятныхъ для того, чтобы сдѣлаться поэтами, и не воспользовались ими, потому что

природа не надѣлила ихъ поэтическимъ даромъ. Искусство? Но всѣ знаютъ, что одно искусство и одна ученость безсильны создать поэта. Высокій, могучій, обладавшій глубочайшимъ знаніемъ умъ Цицерона не завоевалъ ни одной пяди земли въ этой области и долженъ былъ отступить, на половину разбитый. Триссино и Минтурно *), доказавшіе, что имъ были извѣстны самыя сокровенныя правила стихотворнаго искусства, на практикѣ оказались хуже посредственныхъ поэтовъ. И такъ, мы вынуждены отвѣтить, что созданію поэта содѣйствовали и содѣйствуютъ природа, обстоятельства и искусство. И вотъ, теорія среды, исторія о корридорѣ, если не ошибаюсь, улечучивается. Ибо если для того, чтобы создать поэта, необходимы природа, обстоятельства и искусство, то слишкомъ легко замѣтить, что все, что означаетъ разсматриваемая теорія (и что, совершенно превратно, включено въ обстоятельства), сводится только къ одной трети составныхъ элементовъ поэта, а двѣ трети представляютъ нѣчто другое. Природный даръ, предрасположеніе къ поэзіи, вдохновеніе, *Deus in nobis* (Богъ, живущій въ насъ) Овидія, *divinae particula aurae* (частица божественнаго дыханія) Горация (то, что, по замѣчанію Сентъ-Бѣва относительно спиритуализма, наука еще не сдѣлала съ увѣренностью опредѣлить и сказать, гдѣ оно скрыто) можетъ усвоить особенности той среды, въ которой живетъ художникъ, но, конечно, не получается отъ среды и не создается ею. Вы можете объяснить извѣстныя черты стиля, извѣстныя чувства, мнѣнія, извѣстныя красоты и странности Данте и Шекспира тою эпохой, въ которую жили эти писатели, ихъ судьбою, ихъ учеными трудами; но талантъ, но вдохновеніе, но творческую силу вы, навѣрное, не объясните ни однимъ изъ упомянутыхъ условій и никакимъ другимъ подобнымъ. А что касается искусства, самаго художественнаго исполненія, то среда можетъ имѣть здѣсь вліяніе и можетъ не имѣть его, а если и имѣетъ, то въ незначительной степени. Кто произноситъ слово «искусство», тотъ подразумѣваетъ волю, подразумѣваетъ сознательность, подразумѣваетъ свободу выбора. Если же кто можетъ — и хотя бы только отчасти — не поддаваться тому, что ему внушаютъ окружающіе его люди и вещи, можетъ противиться прямымъ или косвеннымъ указаніямъ прошедшаго и настоящаго, можетъ, хотя бы не надолго и не вполне, устоять противъ вліянія современной жизни, то никто не рѣшится сказать, что въ сдѣланномъ имъ долженъ по необходимости проявиться неизбѣжный результатъ среды, въ которой онъ живетъ. Среда! Но скажите на милость, кто создаетъ эту среду? Главнымъ образомъ, люди, — этого вы не можете отрицать.

Такъ какъ же вы послѣ этого говорите намъ, что среда безусловно создаетъ человѣка? Мы знаемъ, что среда, созданная человѣкомъ, можетъ въ свою очередь до нѣкоторой степени пересоздать человѣка. Но тотъ, кто сладилъ телѣгу, можетъ и разобрать ее. Если поэтъ — корридоръ, а поэзія — вѣтеръ, то что же это за странный корридоръ, который можетъ по своему

*) Поэты шестнадцатаго вѣка. Прим. перев.

усмотрѣнію отворять и затворять или оставлять полуотворенными свои окна и двери, и если даже онъ всё ихъ отворилъ, то можетъ повелѣвать вѣтру дуть сильнѣе или слабѣе, дуть непрерывно или съ промежутками, можетъ заставить его затихнуть или подняться вновь и издавать такой звукъ, а не другой?

Конечно, существуетъ несомнѣнный законъ, что человѣческій умъ оказывается плодотворнымъ только благодаря соприкосновенію съ другими умами и явленіями, но отсюда слишкомъ далеко до возведенія въ догматъ того взгляда, что произведеніе таланта есть необходимый результатъ тѣхъ умовъ, среди которыхъ онъ жилъ и живетъ, и всего того, что его окружаетъ. Правда (а, впрочемъ, все это старыя истины), что воспитаніе, обстановка, лица, а болѣе всего мѣстность часто придаютъ человѣку, а, слѣдовательно, и художнику, особую складку, собственный колоритъ, извѣстный отпечатокъ.

La terra molle, lieta e diletta
Simile a sè gli abitator produce *),—

сказалъ Тассо въ своихъ знаменитыхъ стихахъ. И Каро превосходно отмѣтилъ отношеніе между мѣстностью и нравами, когда писалъ слѣдующія слова: «Мѣстность создаетъ организаціи, а организаціи—нравы». Даже народныя пословицы придаютъ значеніе средѣ: *Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знаешься, и я скажу тебѣ, кто ты. Съ волками жить—по-волчьи быть.* Совершенно вѣрно; но это слѣдуетъ понимать съ оговоркою. Жизнерадостная Греція произвела безпощаднаго Эсхила и мягкихъ эротистовъ, примыкающихъ къ имени Анакреона; *Вертеръ*—созданіе юности, счастливаго по общепрیتатымъ возрѣніямъ. *Донъ-Кихотъ* былъ написанъ частью въ тюрьмѣ, и авторъ его нерѣдко страдалъ отъ голода или бывалъ вынужденъ питаться ржанымъ хлѣбомъ. А какъ великъ, скажите мнѣ, промежутокъ времени, отдѣляющій нѣжныя, идеальныя, цѣломудреннѣйшія грезы Петрарки отъ новеллы мессера Джіованни Бокаччіо? Или, быть можетъ, тотъ, кто воспѣлъ «смерть прекрасную» на прекрасномъ лицѣ Лауры, и тотъ, кто такъ живо изобразилъ измѣны женъ и грѣшки игуменій, дурачества разныхъ фра Чиполла и лицемерія всякихъ Чиappelletti, жили въ разныхъ полушаріяхъ?

Тѣмъ не менѣе, обычаи, а, слѣдовательно, и художественные вкусы, мѣняются и чередуются. Поэтъ, во всемъ напоминающій Петрарку, и романистъ, во всемъ напоминающій Бокаччіо, въ нынѣшнее время немислимы. Но что же это значитъ? Мѣняются историческія явленія, но не измѣняется исторія. Мѣняется репертуаръ искусства, но не мѣняется ни внутреннее содержаніе, ни внутренняя форма искусства. Мѣняются моды на сюжеты, возвышаются и понижаются теченія различныхъ школъ: то, что нравилось, перестаетъ нравиться и наоборотъ; всякая эпоха приноситъ съ собою нѣчто еще не испытанное тѣми, которые испытываютъ это теперь; колесо жизни вращается подобно колесу фортуны. Содѣйствовать такимъ измѣне-

*) „Нижняя, прелестная, очаровательная страна производитъ обитателей, подобныхъ себѣ“.

нѣмъ и варіаціямъ, не слишкомъ, однако, глубокимъ, составляетъ не только право, но и долгъ искусства; но это касается лишь содержанія и нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ искусства, а не внутренней его формы. Сущность исторіи и жизни всегда одна и та же. Логика вещей, борьба страстей человѣческихъ не измѣняются. *Природа точно останется юной*: никакое измѣненіе цивилизаціи не властно измѣнить ее существеннымъ образомъ.

Ничто не ново подъ луною; и если вѣрно то, что поэзія не старѣетъ, точно такъ же справедливо, что не можетъ быть новой поэзіи. Хотите ли дѣйствительно знать, въ чемъ заключается то новое; котораго мы вправѣ требовать отъ художника, отъ поэта? Оно заключается въ слѣдующемъ: нужно, чтобы онъ былъ истиннымъ художникомъ, великимъ поэтомъ, необходимо, чтобы въ его созданіяхъ мы могли видѣть новую или, что то же, иную борьбу безсмертнаго вдохновенія, новое или, что то же, иное торжество безсмертнаго исполненія.

III.

Риторика и поэтика все же къ чему-нибудь да послужили. Онѣ и теперь служатъ къ отысканію матеріала, къ его соединенію и размѣщенію. Но никакая поэтика не поможетъ мнѣ сдѣлаться Дантомъ, и никакой трактатъ о живописи не сдѣлаетъ меня Тиціаномъ, точно также, какъ всевозможные трактаты о военномъ искусствѣ, еслибъ я собралъ ихъ и сталъ ихъ перечитывать днемъ и ночью, не сдѣлали бы меня Евгениемъ Савойскимъ или Наполеономъ, полководцами, новыми для своего времени.

Ибо новое точно также прорастаетъ не изъ соединенія, хотя бы и тщательно обдуманнаго, сознательнаго, намѣреннаго; оно является не вслѣдствіе того, что художникъ овладѣлъ мыслью, чувствомъ, мотивомъ, такъ сказать, еще не опредѣлившимся, *не дѣйствительнымъ (nullius)*; на это соединеніе надо умѣть наложить печать самобытности; выражая эти мысли, эти чувства, надо придать имъ долю еще неизвѣданнаго, таинственнаго обаянія, бьющаго ключомъ изъ самой мысли, изъ самаго чувства художника, который вливаетъ его въ собственное произведеніе и увѣковѣчиваетъ его въ немъ. Личность художника заявляетъ себя и почти отождествляется съ сюжетомъ, который художникъ беретъ, гдѣ хочетъ, беретъ, гдѣ находитъ, беретъ чаще всего у своихъ предшественниковъ, вслѣдствіе чего поверхностные умы называютъ его, плагиаторомъ. Но когда этотъ видъ таинственной художнической ипостаси доказываетъ свое существованіе, тогда плагиатъ не имѣетъ мѣста; тогда выступаютъ оригинальность и новизна, та, единственно неподдѣльная новизна, благодаря которой (вопреки всяческимъ обвиненіямъ въ хищеніи) являются новыми Аріостъ, Шекспиръ и Мольеръ. Но не каждому дана способность творить такимъ образомъ. И хотя бы художникъ вполнѣ вооружился (какъ это и должно быть) навыкомъ побѣждать всякія техническія трудности, хотя бы онъ обладалъ обширнымъ и солиднымъ запасомъ знаній и тонкимъ чутьемъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ

и разсужденіяхъ, но если у него нѣтъ въ глубинѣ его существа чего-то неизъяснимаго, что онъ долженъ сообщить собственному произведенію, — какъ ни старательно будетъ онъ искать и домогаться всевозможныхъ комбинацій, чтобы вызвать впечатлѣніе новизны, — онъ, все-таки, цѣли своей не достигнетъ.

Слишкомъ часто случается (а, впрочемъ, и всегда случалось), что великій художникъ влечетъ за собою безконечную вереницу подражателей. Это всегда начинается дурно и всегда кончается еще хуже. Прежде всего, происходитъ контрафакція оригинала, затѣмъ отъ контрафакціи переходятъ къ преувеличенію, пока, наконецъ, не дойдутъ до карриатуры.

Таіе переходы совершаются теперь съ болѣею быстротою, нежели въ другія времена, благодаря господствующей въ наши дни идеѣ относительно того, что во всемъ возможно идти дальше и выше, все совершенствоваться до безконечности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ знаменитый профессоръ литературы говорилъ въ своей вступительной лекціи съ кафедрѣ одного изъ итальянскихъ университетовъ: «Помимо *Илиады*, помимо всего другаго, что сохранила намъ исторія искусства, еслибъ даже возможно было сложить воедино эпопею Ганга и *Эдды*, *Romansepos* и *Нибелунговъ*, всего Данте, всего Шекспира и всего Гёте, то все же могутъ быть и существуютъ иные міры прекраснаго, иные и болѣе высокіе поэты, въ которыхъ мы постоянно должны устремлять всѣ порывы и всѣ силы нашего ума, ибо въ этомъ заключается цѣль». Не знаю почему, но эта рѣчь приводитъ мнѣ на память того простака, который мечталъ сдѣлаться вельможею, чтобы удовлетворить свое желаніе носить двѣ или три шляпы, одну поверхъ другой. Не будемъ говорить о томъ, что для того, чтобы вслипнуть заразъ всю ту благодать, о которой упоминаетъ знаменитый профессоръ, понадобился бы котель гораздо больше котла богадѣльни Альтопаніо, прославленнаго народною молвою. Нѣтъ идеи, на мой взглядъ, менѣе ясной, менѣе удобоваримой и болѣе чреватой фантастическими, обивчивыми и парадоксальными выводами, нежели идея (въ настоящее время принимаемая всѣми, и безъ разсужденій) касательно прогресса. Въ этомъ, конечно, лежитъ причина раздѣляемаго почти всѣми вѣрованія, что во всемъ, какъ бы то ни было и во что бы то ни стало, можно и должно идти все далѣе, все выше тѣхъ, которые жили раньше насъ. Кто помнитъ теперь драгоценное наставленіе или совѣтъ Вазари въ жизни Рафаэля: «Когда достаточно сдѣлать что-либо, то не слѣдуетъ стараться передѣлать, чтобы превзойти тѣхъ, которые, благодаря великой помощи и особенной милости, низпосланной имъ Богомъ, дѣлали и дѣлаютъ чудеса въ искусствѣ»? *Excelsior* раздается отовсюду, не въ духѣ Лонгфелло, а въ духѣ того, кто, выстроивъ домъ, вздумалъ бы нагромоздить на пятый этажъ шестой, затѣмъ седьмой, восьмой, девятый и десятый; и все впередъ, все дальше и дальше, все выше и выше, *excelsior!* Вы скажете, что это было бы повтореніе исторіи Вавилонской башни? А кто же говоритъ вамъ, что нѣтъ? Не было, можно сказать, ни одного человѣка, который проявлялъ бы себя оригиналь-

НЫМЪ и новымъ и тѣмъ снискалъ бы громкое одобреніе и славу, чтобы вскорѣ или тотчасъ же послѣ того не зародилось во множествѣ жалкихъ людичекъ желаніе завладѣть этимъ громкимъ одобреніемъ и этою славою, подражая этому человѣку, поддѣлываясь подъ форму его таланта и его искусства.

Истинный Роландъ произвелъ на свѣтъ длинный рядъ романтическихъ поэмъ, написанныхъ октавами, — поэмъ, заглавія которыхъ теперь съ трудомъ припоминаются учеными. Что сталося съ послѣдователями Петрарки? Что сталося въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ поддѣлками подъ Леопарди? Что сталося, или что представляютъ теперь (не знаю, право, какъ сказать) подражанія Манцони? Все это обращеніи того, о чемъ я только что говорилъ.

Всего забавнѣе, что почти всегда подражатели дѣлають изъ своей скудости теорію, доктрину, которая, если послушать ихъ, покоится на фундаментѣ истины, новизны, оригинальности, самобытности. Теперь у насъ есть подражатели Бардуччи. Да, ихъ существованіе слишкомъ несомнѣнно. Бардуччи не послѣдній изъ тѣхъ, въ комъ надоедливые крики льстивыхъ попугаевъ возбуждаютъ и смѣхъ, и досаду. Но что же и дѣлать попугаемъ, какъ не кричать безъ умолку? Что касается меня, я твердо вѣрю, что можно писать хорошо въ стихахъ и въ прозѣ, многими различными, разнообразными и несходными между собою способами. Я вѣрю, что для того, чтобы писать хорошо итальянскою прозою, хорошо современною прозою, нѣтъ надобности слѣдовать по пятамъ за Бардуччи, заимствуя у него движенія, паузы, неожиданные переходы и расположенія періодовъ, подобно риторамъ, осмѣяннымъ Квинтилианомъ, которые воображали себя Цицеронами, потому что заканчивали свои параграфы словами *esse videatur*.

И я восхищаюсь прозою Бардуччи, что не мѣшаетъ мнѣ, однако, усматривать въ ней нѣкую излишнюю напряженность и колоритность, и что не мѣшаетъ мнѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ, видѣть, что во многихъ мѣстахъ этой прозы авторъ переходитъ черезъ Рубинионъ, отдѣляющій прозу отъ поэзіи, хотя переходитъ черезъ него съ непринужденностью и величіемъ Цезаря. Но я, тѣмъ не менѣе, восхищаюсь и наслаждаюсь этою прозою (и, осмѣливаясь утверждать, восхищаюсь больше, чѣмъ тѣ, кто поддѣлывается подъ нее), потому что, не говоря уже о чудесномъ вѣяніи итальянскаго духа, которымъ онъ дышетъ, я понимаю, я чувствую, что въ этой прозѣ высказывается со всею полнотою и беззавѣтностью самъ Бардуччи, какъ онъ есть, я чувствую, что въ этой прозѣ живетъ Бардуччи, а не кто другой, — Бардуччи, лирически воспринимающій всякій сюжетъ и выражающій его съ извѣстнымъ возвышеннымъ поэтическимъ чувствомъ, ибо форма его дарованія, способная блестящимъ образомъ излагать и критику, и исторію, и политику, есть, тѣмъ не менѣе, форма лирическая. Я наслаждаюсь и восхищаюсь Бардуччи, потому что Бардуччи — истинный и великій художникъ. Я восхищаюсь и наслаждаюсь имъ, какъ восхищаюсь и наслаждаюсь Микель-Анджело, и все же оставляю за собою право критики и сохраняю въ ду-

шѣ своей достаточно мѣста для другихъ восторговъ и другихъ эстетическихъ наслажденій. Мнѣ нравится Бардуччи, но мнѣ нравится и Ботта *), мнѣ нравится Маміани **), мнѣ нравится даже Пертикарі ***); по крайней мѣрѣ, они мнѣ нравятся тѣмъ, что въ своихъ произведеніяхъ даютъ волю, хотя подчасъ и нѣсколько лишнюю, своей природѣ и своему темпераменту. И я тоже ненавижу *избитую поэзію*. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но если мнѣ кажется новой и изумительной поэзія, которой проникнуты *Odi barbare*, то извѣстныя лирическія вещи, подражающія этимъ одамъ, гремѣвшія и теперь гремящія, благодаря чрезвычайному изобилію красокъ и звуковъ, эти лирическія вещи... оставимъ ихъ въ покоѣ: жалкія онѣ старушонки! Скажемъ лучше, какъ удивительно то, что всѣ поклонники и подражатели новизнѣ Бардуччи до сихъ поръ еще не поняли, что новизна Бардуччи—это самъ Бардуччи, это сильный и идеально высокой характеръ, изощренный и закаленный античнымъ художественнымъ и стоическимъ воспитаніемъ, которое онъ старался дать и далъ себѣ,—характеръ, находящій опору своимъ мыслямъ и чувствамъ въ религиозно-гуманномъ воззрѣніи на жизнь и искусство. Могутъ сколько угодно проповѣдывать искусство для искусства. Эта формула вѣрна въ техническомъ и критическомъ отношеніяхъ. Но художникъ—гражданинъ, онъ—человѣкъ, онъ—существо разумное и любящее, и разрубать его на кусочки, съ тѣмъ, чтобъ одинъ кусочекъ представлялъ собою художника, а остальные—что-либо другое, было бы смѣшно, еслибъ не оказывалось въ дѣйствительности и того хуже. Искусство для того, кто не дѣлаетъ изъ себя живой абстракціи съ именемъ художника, имѣетъ чрезвычайно высокія цѣли и задачи.

«Искусство,—закончу словами Бардуччи, написанными много лѣтъ тому назадъ и, вѣроятно, неизвѣстными многимъ изъ его рабочѣнныхъ поклонниковъ,—искусство имѣетъ своею цѣлью развивать въ юныхъ умахъ мягкость и нѣжность, силу и скромность, утѣшать скорбящихъ лучезарными образами красоты, предостерегать надменныхъ и безпечныхъ, указывая имъ на страданіе, ободрять божественными видѣніями души, удрученныя печаль-

*) Ботта (1766—1837)—итальянскій поэтъ и историкъ (продолжатель труда Галтичардини), военный врачъ и видный политическій дѣятель. Онъ умеръ въ Парижѣ. *Прим. перев.*

**) Теренціо Маміани (род. въ 1802 г.)—итальянскій поэтъ, ученый и государственный дѣятель, горячій противникъ австрійскаго владычества въ Италіи. Маміани занималъ одно время при Пии IX постъ министра внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ, вмѣстѣ съ Джуоберти, основалъ общество, поставившее себѣ задачей стремиться къ объединенію Италіи. Въ 1860 г. Казуръ поручилъ ему портфель министра народнаго просвѣщенія. Въ Генуѣ, гдѣ Маміани прожилъ много лѣтъ, онъ учредилъ философскую академію. Кроме его стихотвореній, извѣстны: *Poeti dell'età media*, *De papato*, *Scritti politici*. *Прим. перев.*

***) Джуліо Пертикарі (1771—1838 гг.), одинъ изъ изысканнѣйшихъ (въ смыслѣ *précieux*) писателей Италіи этого времени, писалъ элоги, мелкія стихотворенія (*Vigioni*) и критическія статьи. *Прим. перев.*

ною жизненною дѣйствительностью, возбуждать и волновать, съ мудрою умѣренностью, благородныя и возвышенныя страсти, страсти же безполезныя, низкія и постыдныя клеймить позоромъ, дѣлать доброе и прекрасное наиболее привлекательнымъ и заманчивымъ для толпы, представлять собственную націю рядомъ съ другими народами въ ея идеальномъ видѣ и призывать ее къ участию во всемирной цивилизаціи; такъ, оно созерцаетъ всѣ времена, вдохновляется прошедшимъ, имѣетъ общеніе съ настоящимъ и (я, все-таки, скажу это) творитъ грядущее и соединяетъ просвѣщенные народы въ одно братство идей, чтобы, сильныя союзомъ, они шествовали къ достиженію своихъ судебъ, и является при этомъ амфиктіономъ и священнымъ герольдомъ нынѣшняго вѣка, — герольдомъ неприкосновеннымъ, вселяющимъ благоговѣйный страхъ...» И, переходя къ новому въ искусствѣ, онъ говоритъ: «Если необходимо новое, то будемъ вводить его согласно съ духомъ нашей націи, то-есть согласно со складомъ чувствъ и мыслей, съ привычками и обычаями, усвоенными нашимъ народомъ съ древнѣйшихъ временъ; это значитъ: будемъ обновлять, возобновлять».

Превосходно! Народъ, отрекающійся отъ собственныхъ традицій, — народъ, хотя бы только въ искусствѣ отвергающій значеніе традицій и избирающій единственною нормою и единственнымъ художественнымъ критеріемъ влеченіе къ новому ради новаго, такой народъ, — если онъ воображаетъ, что у него еще есть искусство, — сознательно обманываетъ себя: то, что онъ считаетъ искусствомъ, есть развѣ только предметъ или, скорѣе, игрушка тщеславія, моды и выгоды, а не что-либо иное.

В. С.

Литературная дѣятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина.

(Библиографическій очеркъ).

Литературная дѣятельность М. Е. Салтыкова открылась небольшою вереницей стихотвореній, написанныхъ *въ тѣ дни, когда съ садомъ Лиры онъ безмятежно процветалъ*. «Сколько помнится, — писалъ покойный авторъ *), — первое мое напечатанное стихотвореніе *Лиры* было помѣщено въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1841 или 1842 года; затѣмъ я печаталъ стихи въ *Современникѣ* Плетнева». Библиографическія справки, приведенныя нами въ двухъ названныхъ журналахъ, съ одной стороны, подтверждаютъ признаніе покойнаго писателя, а съ другой — даютъ возможность точно и полно указать на его первые литературные дебюты. Такъ, на страницахъ *Библиотеки для Чтенія* появились два стихотворенія: *Лиры* (1841 г., т. XLV, кн. 4, отд. I, стр. 105) и *Дѣя жизни* (1842 года, т. L, кн. 1, отд. I, стр. 10), за подписью: С—въ; на листахъ же *Современника* въ теченіе 1844—1845 годовъ были напечатаны слѣдующія поэтическія произведенія: *Нашъ стѣкъ*, *Весна*, *Рыбачья* (изъ Гейне), *Изъ Байрона*, *Зимняя элегія*, *Музыка* и снова *Изъ Байрона*. Этими немногими аккордами своей лиры М. Е. началъ и навсегда закончилъ стихотворческую дѣятельность. Послѣ двухлѣтняго перерыва онъ уже выступилъ съ прозаическими трудами, напечатанными въ *Отечественныхъ Запискахъ*: то была повѣсти — *Противорѣчія*, за подписью *М. Непомогъ* (1847 г., т. LV, кн. 11), и *Замутанное дѣло*, подъ инициалами: *М. С.* (1848 г., т. LVII, кн. 3). Затѣмъ, какъ извѣстно, въ литературной дѣятельности Салтыкова наступилъ новый, восьмилѣтній промежутокъ, когда изъ-подъ его пера не вышло ни одной печатной строки. Только съ 1856 года М. Е. снова появился на литературномъ поприщѣ и уже не покидалъ его *въ полномъ смыслѣ* до своей кончины. Въ теченіе этихъ 33 лѣтъ произведенія покойнаго сатирика печатались въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

*) *Знакомые*. Альбомъ М. И. Семенова. Спб., 1888 г., стр. 208.

1856 г. Губернскіе очерки (*Русск. Вѣстникъ*, кн. 16, 18, 20, 22—24).

Продолженіе и окончаніе въ слѣдующемъ году.

Историческое преданіе и описаніе праздника „свистомляски“ въ Вяткѣ (*Санктпетерб. Вѣдомости*, № 127).

1857 г. Губернскіе очерки (*Русск. Вѣстникъ*, кн. 1, 6—8).

Это произведеніе въ томъ же году выдержало два изданія: первое — въ трехъ частяхъ, а второе — въ двухъ томахъ.

Просители, провинціальныя сцены (*Библиотека для Чтенія*, кн. 5).

Прѣздъ ревизора (*Русск. Вѣстникъ*, кн. 12).

Смерть Назухина, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (*Русск. Вѣстникъ*, кн. 19).

Женихъ, картина провинціальныя нравовъ (*Современникъ*, кн. 10).

1858 г. Губернскіе честолобцы: „Утро у Хрептугина“, драматическій очеркъ (*Библиотека для Чтенія*, кн. 2).

Святочный разсказъ, изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника (*Атеней*, ч. I, № 5).

Два отрывка изъ книги объ умирающихъ (*Русск. Вѣстникъ*, кн. 6).

1859 г. Развеселое житье, разсказъ (*Современникъ*, кн. 2).

Изъ книги объ умирающихъ: 1) Генералъ Зубатовъ (*Москов. Вѣстникъ*, № 8) и 2) Гегемоніевъ (*тамъ же*, № 15).

Погребенные за-живо (*Московск. Вѣстникъ*, № 46).

1860 г. Скрежетъ зубовый (*Современникъ*, кн. 1).

Намъ дружескій хламъ (*тамъ же*, кн. 8).

1861 г. Литераторы-обыватели (*Современникъ*, кн. 2).

Клевета (*тамъ же*, кн. 10).

Наши глуновскія дѣла (*тамъ же*, кн. 11).

1862 г. Къ читателю, провансеская сатира (*Современникъ*, кн. 2).

Недавнія комедіи: 1) Соглашеніе, 2) Погоня за счастьемъ и 3) Погребенно за-живо (*Время*, кн. 4).

Намъ губернскаго день (*тамъ же*, кн. 9).

1863 г. Невинные разсказы: 1) Деревенская тишь, 2) Для дѣтскаго возраста, 3) Миша и Валя (*Современникъ*, кн. 1).

Послѣ обѣда въ гостяхъ (*тамъ же*, кн. 8).

Какъ кому угодно, разсказы, сцены, размышленія и афоризмы (*тамъ же*, кн. 8).

Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою, провинціальныя романы въ дѣйствіи (*тамъ же*, кн. 9).

Въ этомъ же году вышли первыми изданіями Невинные разсказы (Спб.) и Сатиры въ прозѣ (Спб.).

1864 г. Здравствуй, милая, хорошая моя, провинціальныя романы въ дѣйствіи (*Современникъ*, кн. 1).

На зарѣ ты ее не буди, романъ (*тамъ же*, кн. 8).

Она еще едва умѣетъ лепетать (*тамъ же*, кн. 8).

Въ этомъ же году Губернскіе очерки выдержали третье изданіе (Спб., два тома).

1866 г. Завѣщаніе моимъ дѣтямъ (*Современникъ*, кн. 1).

1868 г. Новый Нарцисъ, или влюбленный въ себя, разсказъ (*Отечест. Записки*, кн. 1).

Старый котъ на покой, разсказъ (*тамъ же*, кн. 2).

Письма изъ провинціи (*тамъ же*, кн. 2, 4, 5, 9 и 10).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

Признаки времени, періодическія размышленія (*Отечест. Записки*, кн. 8 и 11).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

Легковѣсныя, картины въ натуральную величину (*тамъ же*, кн. 9).

Старая номинаурна, разсказъ (*тамъ же*, кн. 11).

1869 г. Исторія одного города (*Отечест. Записки*, кн. 1).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

Признаки времени, периодическія размншенія (*Отечественн. Записки*, кн. 1).
Для дѣтей: 1) Повѣсть о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ, 2) Пропала совѣсть, 3) Годовщина (*Отечественн. Записки*, кн. 2), 4) Дикій во-
мѣщикъ, 5) Добрая душа (*тамъ же*, кн. 3).

Письма изъ провинціи (*Отечественн. Записки*, кн. 3, 8 и 11).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

Испорченные дѣти (*Отечественн. Записки*, кн. 9).

Господа ташкентцы, изъ воспоминаній одного просвѣтителя (*Отечественныя За-
писки*, кн. 10).—Что такое ташкентцы? (*тамъ же*, кн. 11).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

1870 г. Исторія одного города (*Отечественн. Записки*, кн. 1—4 и 9).

Это произведеніе въ томъ же году вышло *первымъ изданіемъ* (Спб.).

Письма изъ провинціи, окончаніе (*Отечественн. Записки*, кн. 3, 4 и 9).

Эти Письма въ связи съ *Признаками времени* вышли отдѣльною книгой
(Спб., 1870 г.).

Митрофаны (*Отечественн. Записки*, кн. 11).

Этотъ очеркъ служить продолженіемъ *Господъ ташкентцыя*.

1871 г. Единственный, утопія (*Отечественн. Записки*, кн. 1).

Сомнѣвающимся (*тамъ же*, кн. 5).

Ташкентцы приготовительнаго класса (*тамъ же*, кн. 9 и 11).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

1872 г. Дневникъ провинціала въ Петербургѣ (*Отечественн. Записки*, кн. 1—6,
8, 10—12).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

Ташкентцы приготовительнаго класса (*Отечественн. Записки*, кн. 1 и 9).

Благонамѣренныя рѣчи: 1) Изъ путевыхъ замѣтокъ (*тамъ же*, кн. 10).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

Въ этомъ же году вышло *второе изданіе* книги: *Признаки времени* и *Письма
изъ провинціи* (Спб.).

1873 г. Благонамѣренныя рѣчи: 2) По части женскаго вопроса (*Отечественн. Запи-
ски*, кн. 1), 3) Къ читателю (*тамъ же*, кн. 4), 4) Опытъ я въ дорогѣ (*тамъ
же*, кн. 10), 5) Переписка (*тамъ же*, кн. 12).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

Въ больницѣ для умалишенныхъ, продолженіе „Дневника провинціала въ Пе-
тербургѣ“ (*Отечественн. Записки*, кн. 2 и 4).

Онъ!... картины провинціальныхъ нравовъ (*тамъ же*, кн. 3).

Комнадуры бѣрбы, или проказы будущаго (*тамъ же*, кн. 9).

Искія знатныхъ иностранцевъ о комнадурахъ (*тамъ же*, кн. 11).

Между дѣломъ, замѣтки, очерки, рассказы (*тамъ же*, кн. 11).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

Въ этомъ же году вышли отдѣльно *первыми изданіями*: *Дневникъ провинціала
въ Петербургѣ*, *Комнадуры* и *комнадурыши* и *Господа ташкентцы* (Спб.).

1874 г. Благонамѣренныя рѣчи: 6) Столикъ (*Отечественн. Записки*, кн. 1), 7) Про-
долженіе той же матеріи: Кандидатъ въ столикъ (*тамъ же*, кн. 2), 8) Въ дру-
жескомъ кругу (*тамъ же*, кн. 3), 9) Охранители (*тамъ же*, кн. 9), 10) Еще пере-
писка (*тамъ же*, кн. 10).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

Знаждатель (*Отечественн. Записки*, кн. 4).

Экскурсія въ область умѣренности и аккуратности (*тамъ же*, кн. 9—11).

Окончаніе въ 1876 году.

Между дѣломъ, замѣтки, очерки, рассказы (*Отечественн. Записки*, кн. 11).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

1875 г. Благонамѣренныя рѣчи: 11) Кузина Машенька (*Отечественн. Записки*, кн. 1),

12) Отецъ и сынъ (*тамъ же*, кн. 8), 13) Превращеніе (*тамъ же*, кн. 4), 14) Семейный судъ (*тамъ же*, кн. 10), 15) Непочтительный Король (*тамъ же*, кн. 11), 16) По-родственному (*тамъ же*, кн. 12).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

Между дѣломъ, замѣтки, очерки и рассказы (*Отечественн. Записки*, кн. 1 и 9).
Сонъ въ лѣтнюю ночь (*тамъ же*, кн. 8).

1876 г. Благонравенныя рѣчи: 17) Семейные итоги (*Отечественн. Записки*, кн. 8), 18) Въ погоню за идеалами (*тамъ же*, кн. 4), 19) Передъ выморочностью (*тамъ же*, кн. 5), 20) Привѣтъ (*тамъ же*, кн. 6).

Это произведеніе въ томъ же году вышло отдѣльно *первымъ изданіемъ* (Спб.).

Культурные люди (*Отечественн. Записки*, кн. 1).

Выморочный (*тамъ же*, кн. 8).

Экскурсія въ область умирности и аккуратности (*тамъ же*, кн. 9 и 10).

День прошелъ—и слава Богу! (*тамъ же*, кн. 11).

Семейныя радости (*тамъ же*, кн. 12).

1877 г. Дѣти Москвы (*Отечественн. Записки*, кн. 1).

Современная идиллія (*тамъ же*, кн. 2—4).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

Триптихи-очевидцы (*Отечественн. Записки*, кн. 8).

На досугъ (*тамъ же*, кн. 9 и 10).

Дворянскія мелодіи (*тамъ же*, кн. 11).

1878 г. Дворянская хандра (*Отечественн. Записки*, кн. 1).

Современная идиллія, продолженіе (*тамъ же*, кн. 3 и 4).

Продолженіе въ 1882 году.

Уѣзжане Монрепо: Общій обзоръ (*Отечественн. Записки*, кн. 9).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

Нотеры (*Отечественн. Записки*, кн. 9).

Въ этомъ же году вышло отдѣльно *первымъ изданіемъ*: Сказки и рассказы и Въ средѣ умирности и аккуратности. Кроме того, М. М. Стасюлевичъ издалъ въ томъ же году *восмой томъ Русской Библиотекы*, гдѣ напечатаны избранія сочиненія М. Е. Салтыкова.

1879 г. Большое мѣсто (*Отечественн. Записки*, кн. 1).

Уѣзжане Монрепо: Тревоги и радости въ Монрепо (*Отечественн. Записки*;

кн. 2), Монрепо - усналяница (*тамъ же*, кн. 8), Finit Монрепо (*тамъ же*,

кн. 9), Предостереженіе (*тамъ же*, кн. 11).

Старческое горе, или непредвидѣнные послѣдствія заблужденій ума (*тамъ же*, кн. 5).

Круглый годъ (*тамъ же*, кн. 2, 3, 8—12).

Это произведеніе въ 1880 году вышло отдѣльно *первымъ изданіемъ* (Спб.).

1880 г. Игрушечнаго дѣла людшки (*Отечественн. Записки*, кн. 1).

Не весьма давно, осеннія воспоминанія (*тамъ же*, кн. 4).

За рубежомъ (*тамъ же*, кн. 9—10).

Продолженіе въ слѣдующемъ году.

Чужой толкъ (*тамъ же*, кн. 12).

Въ этомъ же году напечатана *первымъ изданіемъ* книга: Господа Головлевы (Спб.).

1881 г. За рубежомъ, окончаніе (*Отечественн. Записки*, кн. 1, 2, 5 и 6).

Это сочиненіе въ томъ же году вышло отдѣльно *первымъ изданіемъ* (Спб.).

Рѣшеніе, послѣдній эпизодъ изъ Головлевской хроникки (*тамъ же*, кн. 5).

Письма къ тетенькѣ (*тамъ же*, кн. 7, 8, 11 и 12).

Окончаніе въ слѣдующемъ году.

Въ этомъ же году вышелъ *первымъ изданіемъ* Сборникъ разсказовъ, очерковъ и сказокъ, а *вторично* изданы: Невинныя разказы, Сатиры въ прозѣ,

- Дневник провинціала въ Петербургѣ, Госнода ташкентцы и Въ средѣ умѣренности и аккуратности (Сиб.).
- 1882 г. Письма къ тетенькѣ (*Отечественн. Записки*, кн. 1—5).
 Современная идиллія (*тамъ же*, кн. 9, 10 и 12).
 Окончаніе въ слѣдующемъ году.
 Въ этомъ же году вышли: Убѣжище Монрено (первымъ изданіемъ), Признаки времени и Письма изъ провинціи (третьимъ изданіемъ), Помпадуры и помпадури (третьимъ изданіемъ) и Губернскіе очерки (четвертымъ изданіемъ).
- 1883 г. Современная идиллія, окончаніе (*Отечественн. Записки*, кн. 1 и 5).
 Это произведеніе въ томъ же году вышло отдѣльно *первымъ изданіемъ*.
 Помехонскіе рассказы (*Отечественн. Записки*, кн. 8—12).
 Въ томъ же году *третьимъ изданіемъ* вышла Исторія одного города (Сиб.), а *вторично* напечатаны: Убѣжище Монрено, Круглый годъ, Госнода Гелелевы, Благонамѣренныя рѣчи и Сборникъ разсказовъ (Сиб.).
- 1884 г. Сказки: Карась-идеалистъ, Добродѣтели и пороки, Обманщикъ-газетчикъ и легко вѣрный читатель (Сборникъ, изданный Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Сиб.).
 Нестрыя письма (*Вѣстникъ Европы*, кн. 11 и 12).
 Продолженіе въ слѣдующемъ году.
- 1885 г. Нестрыя письма, продолженіе (*Вѣстникъ Европы*, кн. 1—4 и 6).
 Окончаніе въ слѣдующемъ году.
 Неумытый Трезоръ, сказка (*Недѣля*, кн. 2).
 Дуракъ, сказка (*Русск. Видомости*, № 41).
 Въ этомъ же году *вторые* напечатаны отдѣльно: Неоконченныя бесѣды (Между дѣдомъ) и Помехонскіе рассказы (Сиб.), а *третьимъ изданіемъ* вышли: Невинные рассказы, Сатиры въ прозѣ, Въ средѣ умѣренности и аккуратности, Госнода ташкентцы и Дневникъ провинціала въ Сиб. (Сиб.).
- 1886 г. Нестрыя письма, окончаніе (*Вѣстникъ Европы*, кн. 9 и 10).
 Мелочи жизни (*Русск. Видомости*, № 288).
 Окончаніе въ слѣдующемъ году.
 Въ этомъ году вышли *первымъ изданіемъ*: 23 сказки (Сиб.) и Нестрыя письма, а *четвертымъ* Помпадуры и помпадури (Сиб.).
- 1887 г. Мелочи жизни, окончаніе (*Вѣстникъ Европы*, кн. 1—4).
 Это произведеніе въ томъ же году напечатано отдѣльно (Сиб., двѣ части).
 Полковницкая дочь (*Недѣля*, кн. 2).
 Счастливецъ, этюдъ (*Вѣстникъ Европы*, кн. 6).
 Помехонская старина: Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго (*Вѣстникъ Европы*, кн. 10—12).
 Продолженіе въ слѣдующемъ году.
 Въ этомъ же году появилось *второе изданіе* книги: 23 сказки, съ приложеніемъ Рождественской сказки.
- 1888 г. Помехонская старина: Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго (*Вѣстникъ Европы*, кн. 3, 4, 9—12).
 Окончаніе въ слѣдующемъ году.
 Замятка о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ (*Русск. Старина*, кн. 11).
- 1889 г. Воронъ-челобитчикъ, сказка (Сборникъ: „Памяти В. М. Гаршина“, Сиб.).
 Помехонская старина: Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго (*Вѣстникъ Европы*, кн. 1—3).
 Сочиненія М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), т. I (Губернскіе очерки и Нижние рассказы); т. II (Сатиры въ прозѣ, Призвали времена, Письма изъ провинціи и Итоги).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XXXVII.

Вотъ уже тридцать пять лѣтъ, какъ въ русской жизни идетъ глубокое внутреннее движеніе. Шагъ за шагомъ, сначала вовсе незамѣтно даже и для проникательныхъ людей, оно выросло на нашихъ глазахъ въ весьма опредѣленное явленіе, которое могутъ видѣть и понимать уже люди и непроницательные.

Это явленіе заключается пока въ томъ, что жизнь отливаетъ отъ Сѣвера на Югъ, создаетъ себѣ новые центры, колонизируетъ пустыни, рвется на просторъ, стремится освободить себя отъ всякихъ стѣсняющихъ ее путей и сложится по какому-то новому, громадному масштабу, во внутренней Россіи невиданному, да и невозможному.

Если все будетъ идти такъ же и дальше, то на Югѣ и Юго-Востокѣ возникнетъ небывалая еще промышленная сила—Россія хлопковыхъ и табачныхъ плантацій, рисовыхъ и сорговыхъ полей, тутовыхъ рощъ, безпредѣльныхъ виноградниковъ, Россія громаднѣйшей горнозаводской промышленности—железной, каменно-угольной, соляной, нефтяной, Россія невиданнаго еще земледѣлія, съ невиданнымъ до сихъ поръ земледѣльцемъ новаго типа.

Да, жизнь отливаетъ отъ русскаго негостепріимнаго и холоднаго Сѣвера, отъ его непроезжихъ тундръ и болотъ, требующихъ немовѣрныхъ усилій, чтобы превратить ихъ въ источники мало-мальски человѣческаго существованія. Только теперь, черезъ тысячу лѣтъ, Россія, отгнѣсенная въ Новгородскія пятины и въ пустыри Сибири, находитъ свое истинное культурное мѣсто на благодарномъ Югѣ и на берегахъ Чернаго моря, къ которому изъ всѣхъ силъ пробивался еще Петръ Великій.

Россія, этотъ едва выходящій изъ пеленокъ гигантъ, о будущемъ развитіи котораго мы теперь не можемъ составить ни малѣйшаго понятія, должна сложить себѣ иную жизнь, и никакая сила не встанетъ поперекъ этому стихійному движенію и ему не помѣшаетъ.

Уже и теперь можно предугадать, какъ возникновеніе новыхъ общественно-экономическихъ окраинъ потребуетъ и новаго общественно-экономическаго равновѣсія, а вновь возникающая областная жизнь создастъ се-

бъ и новые центры. Теперешніе центры, созданные частью искусственно и по нуждѣ, какъ Петербургъ или, хотя возникшіе путемъ и болѣе естественнаго развитія, какъ Москва, но слишкомъ отдаленные отъ окраинъ, чтобы новая жизнь, слагающаяся на Мургабѣ, на Аму-Дарьѣ, на Кавказѣ, на берегахъ Чернаго моря, стала бы искать въ нихъ своей опоры,—поблкнуть, потерять свое первенствующее значеніе и заслоняться другими, болѣе развитыми центрами. Географическая карта будущей Россіи, ужъ несомнѣнно, будетъ совершенно не похожа на карту Россіи теперешней.

Передвиженіе частицъ, стремящихся создать новый укладъ, и то тяготѣніе, которое обнаруживаетъ Россія по отношенію къ силамъ, внѣ ея лежащимъ, выражается въ разныхъ формахъ эмиграціи и иммиграціи. А факты этого двойнаго движенія и невиданнаго еще у насъ роста производительныхъ силъ вотъ какіе.

Капиталы не знаютъ отечества, также какъ и идеи, и проникаютъ повсюду, гдѣ встрѣчаютъ свободу, необходимую для ихъ развитія. И просторъ нашего нетронутаго Юга оказалъ внезапно такія возможности для развитія экономической предприимчивости, что привлечь къ себѣ, кромѣ значительныхъ русскихъ капиталовъ, огромные капиталы англійскіе, бельгійскіе, голландскіе и французскіе. Даже король европейскіхъ капиталистовъ, Ротшильдъ, нашелъ удобнымъ перенести къ намъ часть своего царства.

Три завода выдаются на Югѣ по своимъ невиданнымъ и небывалымъ гигантскимъ размѣрамъ: Юзовскій—англичанина Юза, устроившаго первый желѣзо-дѣлательный и рельсовый заводъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, Александровскій южно-русскій заводъ—филиальное отдѣленіе Брянскаго завода и Каменскій—Рау, Кокериль и К°. О размѣрахъ этихъ заводовъ можно судить по слѣдующему: на плату рабочихъ заводы эти тратятъ въ мѣсяць отъ 150 до 180 тысячъ рублей. Угля сжигаютъ они ежедневно до 50,000 пудовъ. На Каменскомъ заводѣ водопроводы и газопроводы стоятъ 200,000 рублей. Установка на этомъ же заводѣ калильных и дуговыхъ электрическихъ лампъ стоила 150,000 руб. На Голубовскомъ каменно-угольномъ рудникѣ электричествомъ освѣщается проволочная желѣзная дорога, идущая отъ рудника до ст. Голубовки юнцкой желѣзной дороги. Эта дорога имѣетъ длины 4 версты и перевозитъ въ годъ до 9 милліоновъ пудовъ угля. Электричество все болѣе и болѣе вытѣсняетъ въ южно-русскихъ производствахъ всякое другое освѣщеніе. Самая большая изъ соляныхъ коней, Брянцевская, освѣщается 120 лампочками Эдиссона и соль получается безукоризненной чистоты, а не грязная и закопѣлая, какъ при практикуемыхъ у насъ въ другихъ коняхъ патриархальныхъ способахъ освѣщенія.

И этому послѣднему слову электрической техники отвѣчаетъ и все остальное устройство заводовъ. Доменные печи, напримѣръ, принадлежать къ числу самыхъ большихъ въ свѣтѣ, а на Юзовскомъ заводѣ предполагается устроить новую доменную печь небывалыхъ еще размѣровъ, которая будетъ давать ежедневно болѣе 10,000 пудовъ чугуна, а въ годъ до

4 миллионъ. Въ каменно-угольныхъ копяхъ добывается по 5, 8, 10, 15 и болѣе миллионъ пудовъ угля въ годъ. Копи каменной соли представляютъ грандіозныя безконечныя залы по 7—8 сажень вышины. Своды этихъ залъ опираются на столбы соли въ 17 сажень длины и 7—8 сажень ширины. Уже и теперь производительность этихъ копей измѣряется миллионами пудовъ, а въ будущемъ обѣщаетъ давать и совсѣмъ чудовищныя цифры. Всѣ эти промышленныя предприятия, поглотившія многіе миллионы, все растутъ и растутъ и поглощаютъ новые миллионы. Французское общество для разработки каменной соли, затратившее уже 9 миллионъ франковъ, надняхъ на расширеніе предприятия снова назначило 12 миллионъ.

Выгоды, получаемыя южно-русскою промышленностью, настолько велики, что нѣтъ возможности предвидѣть, до какого развитія она можетъ дойти. И растутъ не одни главныя предприятия, возникаетъ и развивается масса новыхъ, второстепенныхъ предприятий, связанныхъ съ главными: напимѣръ, заводы огнеупорнаго кирпича, известковые, заведенія для приготовленія сельско-хозяйственныхъ машинъ, требующихся въ большомъ количествѣ на Югѣ не только владѣльцами, но и крестьянами.

Съ развитіемъ промышленности возникаютъ новые центры населенія. Юзъ построилъ свой заводъ въ голой степи, а теперь это цѣлый городокъ, Юзовка, съ населеніемъ въ 10 слишкомъ тысячъ жителей. На Каменскомъ заводѣ Кокерилъ и Рау коренное населеніе составляетъ болѣе 5,000 человекъ, да въ с. Каменскомъ столько же. Кривой Рогъ изъ ничтожнаго села превратился въ крупный промышленный и торговый центръ. И каждое крупное предприятие сейчасъ же группируетъ около себя значительное населеніе. Кромѣ постоянныхъ центровъ, созданныхъ южно-русскою промышленностью, она тянетъ къ себѣ населеніе пришлое. Масса народа, которая прежде уходила на Югъ для полевыхъ работъ, отправляется теперь на южно-русскіе заводы, въ каменно-угольныя и соляныя копи.

Привлекая къ себѣ выдающіяся европейскія силы въ области капитала, знанія, предприимчивости и энергіи, южно-русская производительность является надвигающеюся грозой для всякой другой однородной промышленности, не соединяющей въ себѣ подобныхъ же силъ. Три южныхъ завода—Юзовскій, Александровскій и Каменскій—только при теперешнемъ своемъ размѣрѣ могутъ добывать половину всего количества желѣза, добываемаго во всей Россіи. Послѣдствія очевидны. Уже и теперь «начинаютъ сокращать свое производство и даже совсѣмъ закрываться громадныя передѣлочныя заводы, искусственно созданныя субсидіями и казенными заказами подъ Петербургомъ и на берегахъ Балтійскаго моря, работавшіе на привозимомъ изъ Англіи чугунѣ и углѣ. Такая же участь начинаетъ постигать и желѣзную промышленность Урала, отдѣленную громадными разстояніями отъ мѣста потребленія и работающую на древесномъ углѣ. Уральскіе заводы закрываются одинъ за другимъ или сокращаютъ свое производство и въ недалекомъ будущемъ имъ угрожаетъ полный крахъ» (*Неделя*).

Другую подобною же надвигающеюся силой собирается быть Кавказъ и

наша новая азиатская окраина, по которой прошла закаспійская желѣзная дорога. Кавказъ пока выдался своею нефтяною промышленностью, получившею всесвѣтное значеніе. Но и его рудныя мѣсторожденія, его неисчерпаемыя каменно-угольныя и соляныя копи, его изумительная по плодородію земля, его климатъ, способный растить марену, хлопчатникъ, шафранъ, табакъ, кунжутъ, виноградъ, его площадь, способная даже и при теперешнемъ состояніи сельско-хозяйственныхъ и другихъ промышленныхъ знаній прокормить и создать обезпеченное положеніе пятидесяти-милліонному населенію (теперешнее населеніе составляетъ $7\frac{1}{4}$ милліоновъ), превращаютъ Кавказъ въ такую грядущую силу, на которой могутъ успокоиться самыя смѣлыя культурныя и прогрессивныя надежды.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ мы чуть не повсемѣстно жгли лучину, а теперь въ каждой деревенской избѣ вы найдете керосиновую лампу. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Кавказъ скромно потягивалъ свое кахетинское вино изъ вонючихъ бурдюковъ, не мечтая ни о какой выдающейся роли, а теперь онъ протягиваетъ руки къ міровой извѣстности. Онъ вытѣсняетъ съ европейскихъ рынковъ американскій керосинъ, онъ забираетъ рынки Азіи и Африки, онъ изобрѣлъ нефтяное отопленіе, онъ пригласилъ къ себѣ денежнаго короля Ротшильда, которому стало тѣсно въ Европѣ и для силъ котораго только Кавказъ оказался достаточно устойчивою точкой опоры изъ всѣхъ другихъ точекъ міра.

Но у Кавказа, кромѣ его нефтяныхъ источниковъ, есть много еще и другихъ нетронутыхъ богатствъ, которыя только ждутъ приложенія къ нимъ ума, энергии, предприимчивости и знаній, чтобы передъ мѣстнымъ населеніемъ раскрылись блестящія перспективы обезпеченности, благосостоянія, довольства и широкой внутренней жизни.

Еще болѣею естественною силой и источникомъ болѣшихъ надеждъ является Закаспійскій край. Его будущее определеннѣе, потому что точно извѣстно его прошлое. «Оазисъ, созданный Мургабомъ, искони славился своимъ плодородіемъ, — говорятъ г. Циммерманъ. — Въ тѣ глубокія времена, когда вся Европа была еще погружена въ полный мракъ невѣжества, Мервъ, или Муру, какъ онъ назывался встарь, достигъ уже высокой степени культуры и гордо величалъ себя царемъ всего міра».

Во время владычества арабовъ «Мервъ сталъ однимъ изъ главныхъ административныхъ пунктовъ обширной области и знаменитымъ средоточіемъ наукъ и искусствъ. Въ немъ находились славныя школы, обширная бібліотека, астрономическая обсерваторія. Посѣщавшіе его путешественники разносили по свѣту вѣсть о пышныхъ дворцахъ, великолѣпныхъ мечетяхъ и чудныхъ садахъ, украшавшихъ прекрасный городъ, служившій до тринадцатаго вѣка главнымъ убѣжищемъ азиатскаго просвѣщенія».

Но вотъ ураганомъ прошли по странѣ монголы и послѣ двухъ такихъ бичей Божіихъ, какъ Чингизъ-ханъ и Тамерланъ, умерла всякая жизнь, богатая, просвѣщенная страна покрылась горами развалинъ, населеніе ея

городовъ было истреблено и нѣкогда цвѣтушій край сталъ убѣжищемъ для кочевниковъ, жившихъ грабежомъ и набѣгами.

Съ присоединеніемъ края къ Россіи и проложеніемъ по немъ желѣзной дороги, вся эта одичавшая страна вступила въ связь съ Европой и передъ ней вновь раскрылись возможности для блестящей культуры и цивилизаціи, но на этотъ разъ уже не азіатской, а европейской. Извѣстный ненавистникъ Россіи, еще болѣе извѣстный, какъ знатокъ Востока, Вамбергъ, пораженный фактами, которыми уже ярко засвидѣтельствовалось культурное вліяніе Россіи, и проникая въ будущее этого нѣкогда цвѣтущаго края, говоритъ, что теперь «арійскія народности снова вступаютъ въ свои права, отнятыя у нихъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ турскими племенами. Мервъ, Нисса и многія другія извѣстныя мѣста возникнутъ опять подъ новыми названіями... Такъ какъ естественныя условія будущей культуры не измѣнились, такъ какъ рѣка Мургабъ, попрежнему, несетъ къ оазису свою плодотворную влагу, то Мервъ, навѣрное, станетъ опять тѣмъ же, чѣмъ былъ дравле, а именно: алмазомъ въ песчаной оправѣ, отъ котораго современемъ станутъ разливаться лучи новаго мировоззрѣнія».

И теперь уже желѣзная дорога въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ совершенно измѣнила не только способы торговыхъ сношеній, но и создала новые города, быстротою своего роста напоминающіе города американскіе. Такиимъ городомъ, выросшимъ какъ бы внезапно изъ земли, сталъ русскій Мервъ. «На ровной площади по сю сторону Мургаба,—пишетъ г. Циммерманъ,—какъ по шнуру, вытянулись ряды домовъ, пересѣкаемые подъ прямымъ угломъ такими же правильными улицами. Вдоль тротуаровъ прорыты водопроводныя канавки. Тамъ, гдѣ онѣ пересѣкаютъ мостовую, черезъ нихъ перекинута каменные мостики съ высокими парапетами по бокамъ. Дома болѣею частью одноэтажны, съ плоскими крышами, скромно и уютно смотрятъ за рядами молодыхъ еще деревьевъ, разсаженныхъ по краямъ тротуаровъ. По нѣкоторымъ улицамъ разиѣстились магазины, мелочныя лавки и товарныя склады. И въ Мервѣ, какъ въ Асхабадѣ, извозчики щеголяютъ удобными колясками парой. Словомъ,—говоритъ г. Циммерманъ,—на всемъ лежитъ отпечатокъ благоустроеннаго цивилизованнаго города, какаго и не ожидаешь видѣть въ азіатскихъ пустыняхъ. Но это еще только одна часть его, въ которой поселился по преимуществу торговый людъ. Другая половина города расположилась на правомъ берегу Мургаба. Черезъ рѣку перекинута желѣзно-дорожный мостъ. Пройдя по немъ и миновавъ высокій крыпостной валъ, вы выходите на новыя улицы, гдѣ тянутся ряды болѣе роскошныхъ строеній, отчасти напоминающихъ итальянскія виллы съ прекрасными при нихъ садами. Тутъ находятся жилища военныхъ и административныхъ властей, также казначейство, почтамтъ, телеграфъ, аптека. А далѣе, на томъ же правомъ берегу, за городскимъ садомъ расположены казармы и церковь среди нихъ...»

Другое чудо, но уже въ иномъ родѣ, совершается въ процвѣтавшихъ когда-то, но покинутыхъ за недостаткомъ воды земляхъ по Мургабу. Ин-

женерамъ поручено возобновить тутъ древнюю плотину, матеріалъ для этой работы уже подвозится и, какъ говорили г. Циммерману, будетъ скоро приступлено и къ сооруженію плотины. Недалеко отъ станціи г. Циммерманъ видѣлъ довольно обширную плантацію деревьевъ разныхъ туземныхъ породъ, назначенныхъ для разведенія парка. «Когда плотина будетъ готова, то, подъ вліяніемъ обильнаго орошенія, въ этомъ краѣ вновь развѣтетъ прежняя многоплодная культура, и цѣль эта будетъ достигнута въ скоромъ времени, если только со стороны мѣстныхъ властей не будетъ представляться препятствія туземцамъ къ заселенію участковъ».

Еще болѣе чудо свершится въ краѣ, когда будетъ осуществлена мысль Петра Великаго, высказанная имъ въ наказѣ князю Черкасскому: «Надлежитъ надъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость, — писалъ Петръ. — Осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, тако же и плотины... Ежели возможно оную воду паки обратить въ старыи токъ... Прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море... Осмотрѣть мѣсто близъ плотины на настоящей Аму-Дарьѣ рѣкѣ, для строенія же крѣпости... понеже зѣло нужно».

И хотя все это было «зѣло нужно» уже во времена Петра Великаго, хотя мысль его не пропадала и поддерживалась не только мѣстными преданіями о существовавшемъ нѣкогда теченіи Аму по теперешнему сухому руслу Узоя и проектами, время отъ времени появлявшимися у насъ о восстановленіи стараго теченія Аму, но, кажется, только теперь приближается время для осуществленія мысли Петра, если только мы съумѣемъ стать на ту же идейную высоту.

Индія, благословеннѣйшая страна въ мірѣ, это истинное мировое Эль-дorado, манила къ себѣ во всѣ времена воображеніе и мечты европейскаго человѣка. Великіе завоеватели, гениальные представители идеи всеобщаго мирнаго культурнаго развитія и прогресса постоянно увлекались Индіей и стремились ввести ее въ мировую связь. Колумбъ, открывая Америку, думалъ только проложить путь въ Индію. И нашъ великій Петръ ужъ, конечно, только ради той же связи Индіи съ Европой задумалъ сдѣлать Аму русскою рѣкой.

Здѣсь любопытно вотъ что. Какими данными, какими фактами руководствовался Петръ, когда у него явилась мысль провести Аму въ Каспійское море? Зналъ же онъ, значитъ, что рѣка эта текла прежде не такъ, какъ она текла при немъ и какъ течетъ теперь. Ужъ, разумѣется, зналъ. И зналъ онъ это въ такое время, когда въ Россіи никто ничего не зналъ и не умѣлъ смотрѣть дальше Москвы. И этотъ Петръ изъ той же нигуда не смотрѣйшей Москвы, точно второй Колумбъ, проникъ взглядомъ въ самую глубь Азіи и задумалъ связать ее съ Россіей и Европой, чтобы возстановить опять тотъ путь, которымъ во времена арабовъ шла торговля черезъ Среднюю Азію и Россію къ морямъ Черному и Балтійскому. Только этотъ путь приносилъ Великому Новгороду и многимъ другимъ прибалтійскимъ славянскимъ городамъ богатство, которымъ удивлялись западные географы. Этихъ

же путь русскіе купцы возили бобровъ и чернобурыхъ лисицъ черезъ Среднюю Азію къ предѣламъ Индіи и Китая. Разумѣется, Петръ аналъ все это, какъ знаемъ и мы теперь, спустя почти два столѣтія послѣ его смерти; но, кажется, въ эти два столѣтія наша общественная мысль не стала ни шире, ни проникательнѣе, чѣмъ какою она была у Петра Великаго.

Впрочемъ, мысль о соединеніи Аму съ Каспійскимъ моремъ питала сама себя и живучесть ея поддерживалась постоянно мѣстными преданіями и сказаніями, что Аму тегъ нѣкогда другою дорогой. Не умирали и мысль Петра и, по мѣрѣ того, какъ мы проникли въ глубь Азіи, она ожила настолько, что для разслѣдованія на мѣстѣ возможности возстановленія этого пути было снаряжено нѣсколько экспедицій на правительственные средства.

Я не стану вдаваться въ подробности этихъ изслѣдованій, очень тщательныхъ, очень мелочныхъ и стоившихъ большихъ усилій и расходовъ, а укажу только на тотъ неожиданный результатъ, къ которому изслѣдованія привели.

Одни изслѣдователи нашли, что Узбой сохранилъ рѣзкія очертанія русла, по которому несомнѣнно текла нѣкогда большая рѣка. Другіе, что поворотъ на Аму отъ Каспія въ Араль произошелъ отъ искусственныхъ запрудъ. Третьи, что поворотъ произошелъ не отъ искусственныхъ запрудъ, а отъ естественныхъ наносовъ, и что, вслѣдствіе общаго склона къ Каспію, Аму современемъ самъ возстановитъ свое прежнее теченіе.

По однимъ изслѣдованіямъ (очень точнымъ и тщательнымъ), оказывалось, что Узбой имѣетъ непрерывное русло; по другимъ, и тоже точнымъ и тщательнымъ, обнаружилось, что мѣсто, откуда начинается Узбой, лежитъ на семь сажень ниже Каспійскаго моря. Должно быть, именно эти противорѣчивыя мнѣнія и возбуждали вкусъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, и въ 1879 году для изученія стараго русла Аму-Дарьи была снаряжена правительственная экспедиція. Экспедиція произвела очень почтенное изслѣдованіе и составила проектъ проведенія Аму въ Каспійское море, для осуществленія котораго потребовалось бы 27 милліоновъ рублей (сумма, кажется, очень небольшая сравнительно съ тѣмъ, что стоилъ Суэзскій каналъ или что будетъ стоить каналъ Панамскій).

Но противъ изслѣдованій экспедиціи возстали внезапно геологи, которые въ экспедицію приглашены не были. Вотъ приговоръ, произнесенный труду экспедиціи профессоромъ Мушкетовымъ: «Состоя только изъ инженеровъ путей сообщенія и топографовъ, не имѣя ни одного натуралиста и задавшись малосбыточною цѣлью выяснитъ соединеніе Урала и Каспія при посредствѣ Узбоя, эта многочисленная и дорого стоящая экспедиція превратилась, въ сущности, въ съемочную партію, и, вмѣсто всестороннихъ научныхъ изслѣдованій, которыя только и могли рѣшить вопросъ о природѣ Узбоя и причинахъ поворота Аму-Дарьи, занялась только съемками и нивелировками по заранѣ намѣченнымъ направленіямъ, т.-е. она всю свою дѣятельность сосредоточила на работахъ, которыя должны бы были

дополнительными къ общимъ геологическимъ и физико-географическимъ изслѣдованіямъ».

Конечно, все это совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что геологи въ изслѣдованіяхъ не участвовали, а работали только топографы; но, вѣдь, для того, чтобы рѣшить, какое мѣсто выше и какое ниже, и потечетъ или не потечетъ вода, куда желательнее, кромѣ нивелировки, ничего и не нужно. Петръ Великій вырылъ Ладожскій каналъ тоже безъ геологій. Геологическія изслѣдованія при проектахъ Суэскаго и Панамскаго каналовъ были нужны только для составленія смѣты расходовъ. Знаменитый Трольгетскій каналъ въ Швеціи течетъ и впередъ, и назадъ, даже наперекоръ всякой нивелировкѣ. Голландскія плотины являются уже и совсѣмъ чудомъ, защищая землю, лежащую ниже моря. Противъ постройки нашей николаевской желѣзной дороги возставали очень почтенные ученые и административные авторитеты и было даже сосчитано по пальцамъ, что больше того народу, который ѣздитъ между Москвой и Петербургомъ въ почтовыхъ каретахъ и дилижансахъ, и явится не откуда. И на эту-то дорогу, по которой, предполагалось, будетъ ѣздить въ день только по десяти человекъ, потрачено 200 милліоновъ. Теперь же недостаетъ въ день даже десяти поѣздовъ, и дорога даетъ доходъ, какого не даетъ ни одна дорога въ мірѣ. Не въ геологій, должно быть, тутъ дѣло, а въ чемъ-то другомъ, что было у Петра Великаго и чего, какъ видно, недостаетъ нашему времени.

Весь вопросъ здѣсь въ идеѣ. У Петра Великаго идея проведенія Аму въ Каспій была и ужъ, конечно, онъ такъ же просто провелъ бы Аму въ море, какъ просто обошелъ Ладожское озеро каналомъ. Кстати, напомню читателю преданіе, сохранившееся на Ладожскомъ каналѣ, какими средствами Петръ довелъ его до конца. Рылъ, рылъ Петръ каналъ, рассказываетъ народъ, дорылъ уже до половины и видитъ, что у него нѣтъ больше денегъ. Что тутъ дѣлать?—подумалъ Петръ да и построилъ по каналу царскіе кабаки. Работаетъ народъ недѣлю, въ субботу получаетъ расчетъ, а въ воскресенье снесетъ денежки въ кабакъ. Въ понедѣльникъ царь ихъ получаетъ, въ субботу рассчитывается съ рабочими, а въ воскресенье они опять снесутъ ихъ въ кабакъ. Такъ Петръ и дорылъ каналъ.

Въ этомъ преданіи нѣтъ ни фактической, ни хронологической правды, потому что Ладожскій каналъ, начатый Петромъ въ 1713 году, былъ оконченъ при Аннѣ Иоанновнѣ въ 1732 году. Но не въ этой правдѣ дѣло, а въ томъ, какъ народъ по-своему оцѣнилъ изобрѣтательность и находчивость Петра. И дѣйствительно, для петровской изобрѣтательности не было ничего невозможнаго, если онъ даже ни минуты не задумался, чтобы перелить церковные колокола въ пушки. Мы, его наслѣдники, ужъ, конечно, не рѣшились бы ни на что подобное. Смѣлость, даже дерзость мысли—вотъ черта сильныхъ умовъ и крупныхъ государственныхъ организаторовъ, которые шагаютъ черезъ мелкія препятствія, какъ великаны черезъ лужи и кочки.

Противники кажушагося имъ слишкомъ смѣлымъ проекта соединенія

Аму съ Баспемъ находятъ, что для этого потребовались бы капитальныя гидротехническія сооруженія и что «едва ли подобное грандіозное и дорого стоящее предпріятіе оказалось бы на уровнѣ тѣхъ выгодъ, какія ожидаются отъ установленія удобнаго пути сообщенія между Россіей и ея среднеазиатскими владѣніями. Для удовлетворенія этой потребности ищутся въ настоящее время болѣе дешевыя и не менѣе рациональныя средства, каковы желѣзныя дороги».

Если рѣчь идетъ только объ удобномъ пути сообщенія между Россіей и ея среднеазиатскими владѣніями, то для этого, конечно, достаточно и закаспійской желѣзной дороги. Но тутъ рѣчь не объ этомъ, да и я веду разговоръ не о путяхъ сообщенія, или о томъ или другомъ техническомъ проектѣ соединенія Аму-Дарьи съ Каспійскимъ моремъ, а о тѣхъ перспективахъ, которыя раскрываются идеей этого соединенія не только для культурнаго развитія Россіи, но и для интересовъ всего міра. Путями Провидѣнія, т. е. бессознательно, мы шагъ за шагомъ двигались въ пустыни Азіи и присоединили ихъ къ себѣ вплоть до Самарканда, этой нѣкогда столицы и резиденціи Тимура, извѣстной своими школами, блескомъ и богатствомъ. Не для того же мы все это сдѣлали, чтобы засѣсть въ пескахъ пустыни и довольствоваться ихъ присоединеніемъ. Есть же въ этомъ присоединеніи и живой смыслъ, живой отвѣтъ на какой-нибудь живой вопросъ нашей внутренней жизни.

И живой отвѣтъ на нашъ внутренній вопросъ заключается не собственно въ проведеніи пути въ Индію, а въ томъ культурномъ колонизаторскомъ значеніи, которое представляетъ для нашего будущаго развитія этотъ край. Все колонизаторское значеніе этого края держится только на его орошеніи. Безъ орошенія онъ останется вѣчною пустыней, и то, что предпринимается теперь по Мургабу, только часть дѣла, и дѣла небольшого. Мургабъ сравнительно невеликъ. Но Аму-Дарья и Узбой создали же средства для орошенія громаднѣйшей площади земли и изъ безжизненной теперь пустыни создали бы безграничныя пшеничныя, рисовыя, сорговыя поля и богатѣйшее плодоводство, о какомъ только позволяется мечтать самому смѣлому воображенію.

Аму-Дарья—нашъ Нилъ. И сила ея не только въ плодородіи, которое она создаетъ и о которомъ нашъ крестьянинъ - колонистъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, потому что сорго даетъ урожая до самъ - 200, и съ одного поля можно снимать въ годъ двѣ жатвы; но сила ея еще и въ культурномъ вліяніи другаго рода. Нашъ великороссъ, безсильный въ борьбѣ съ природой, противъ которой онъ ничего подѣлать не можетъ, ожидаетъ безпомощно, что вздумаетъ эта природа ему послать. И этотъ-то вѣчный пассивный рабъ обстоятельствъ въ пріютившей его новой странѣ внезапно начинаетъ чувствовать, что онъ совсѣмъ не такъ безпомощенъ и что можетъ быть и господиномъ своихъ обстоятельствъ, и даже царемъ природы, управлять которой въ его власти. Въ новомъ благодатномъ краѣ, гдѣ урожай зависаетъ исключительно отъ искусства орошенія, каждому земле-

дѣльду ясно, что онъ самъ творить свои урожаи и что его благополучіе зависитъ только отъ того искусства, съ какою онъ сумѣетъ распорядиться водою. Эта школа несомнѣнно должна создать новую породу земледѣльческаго населенія, не похожую на ту инертную массу, которая у себя дома ждетъ всѣхъ благъ только со стороны, выработаетъ населеніе энергическое, предприимчивое, которое забудетъ практическое правило своихъ отцовъ, что «ничего не подѣлаешь», и создастъ тотъ предприимчивый и смѣлый типъ, образцы котораго мы встрѣчаемъ уже и теперь, если нашъ крестьянинъ становится самъ распорядителемъ своихъ судьбъ.

Однимъ изъ такихъ типовъ, созданныхъ освобожденіемъ, является тавричанинъ. Типъ этотъ сложился подъ культурнымъ вліяніемъ нѣмцевъ-колонистовъ Новороссіи и имѣетъ общія черты съ типомъ голована и дукорбца, созданнаго тѣмъ же нѣмецкимъ вліяніемъ. Вліяніе это, впрочемъ, было почти исключительно хозяйственное, внѣшнее. «Тавричанинъ живетъ въ большой хатѣ съ «храномъ», ѣздитъ въ легкомъ, покойномъ фургонѣ, запряженномъ паромъ прекрасныхъ лошадей, пашетъ желѣзнымъ плугомъ, сѣно сгребаетъ конными граблями, сѣетъ, жнетъ и молотитъ хлѣбъ машинами. Онъ заимствовалъ всю внѣшнюю обстановку колониста-нѣмца, исключая костюма, котораго, также какъ и языка, онъ не измѣняетъ и, попрежнему, ходитъ въ «чумаркѣ», а говоритъ чисто - малорусскимъ языкомъ». Авторъ, которымъ я пользуюсь (*Поюня за землей. Емисавстрадскій Вѣстникъ*), говоритъ, что тѣ тавричане, которыхъ онъ встрѣчалъ, поражали его своею легкою восприимчивостію къ нововведеніямъ и трезвымъ взглядомъ на жизнь, даже слишкомъ трезвымъ, ибо часто онъ переходитъ въ сухой и жестокій эгоизмъ.

Вотъ этотъ-то самый тавричанинъ, энергичный, работающій, умѣющій замѣтить и позаимствовать то, что ему полезно, по мѣрѣ того, какъ онъ цивилизовался и богатѣлъ, развивалъ въ себѣ аппетитъ къ еще большому богатству; «а такъ какъ единственнымъ источникомъ жизни служила земля, то и аппетитъ направился на захватъ ея, путемъ купли и аренды». Теперь тавричанинъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ-колонистомъ скупаютъ все больше и больше владѣльческія и всякія продажныя земли и скоро станутъ владыками всего Новороссійскаго края.

Этихъ надвигающихся владыкъ-богатѣевъ не пугаетъ высокая цѣна земли (сами они эту цѣну и создали), напротивъ, именно высокая-то цѣна и является роковою силою, которой создается ничѣмъ неустрашимый переходъ дворянскихъ имѣній Екатеринославской губерніи въ руки тавричанъ и нѣмцевъ. Несоответственно-высокая цѣна земли, созданная горячюю скупкою, при доходѣ, остающемся неподвижнымъ, разорила бы всякаго другаго; но ни тавричанинъ, ни нѣмецъ никакого сельско-хозяйственнаго кризиса не боятся. Работая сами и постоянно улучшая культуру земли, они доведутъ ея доходность до того, что она будетъ отвѣчать продажной цѣнѣ, и тогда-то этотъ новый типъ владѣльца явится господиномъ цѣлаго края, изъ вѣрпныхъ рукъ котораго не выскочитъ никакой кусокъ земли.

Какъ бы параллельно съ тавричаниномъ и колонистомъ-нѣмцемъ, двигающимися на Новороссійскій край, идетъ колонизація Сѣвернаго Кавказа. «Велю, куда бы вы ни поѣхали, попадаютъ новыя поселенія, часто цѣлыя громады села, которыхъ нѣтъ лѣтъ тому назадъ совсѣмъ не было»,—говоритъ очевидецъ этого движенія г. Абрамовъ (*Неделя*, 1888 г.). Небольшіе хутора обратились въ селенія съ тысячами жителей; одиноко стоявшіе гдѣ-нибудь въ степи, дворы разрослись въ поселенія съ десятками дворовъ; небольшіе хуторки появились въ такой глуши, гдѣ прежде, казалось, и нога человѣческая не ступала.

Этотъ нахлынувшій переселенецъ совершенно измѣнилъ всю фیزیономію края. Еще недавно Сѣверный Кавказъ былъ почти сплошною степью, не знавшею никакой культуры, а теперь крестьянскій плугъ забрался даже въ слывшія еще недавно совершенно безплодными степи кочующихъ народовъ и нагорныя возвышенности Кавказскаго хребта.

Рядомъ съ расширяющимися запасками поднималась и культура. Крестьянинъ-колонистъ съѣтъ почти исключительно дорогіе хлѣба, да и между ними выбираетъ сорта наиболѣе цѣнные, а сѣрыхъ хлѣбовъ набѣгаетъ. Онъ разводитъ огородные овощи, ленъ, горчицу, рапсъ, рѣпакъ, начинаетъ заниматься плодоводствомъ, винодѣліемъ и даже шелководствомъ. Скотоводство Сѣвернаго Кавказа занимаетъ первое мѣсто въ Европейской Россіи и мѣстный скотъ отправляется въ большомъ количествѣ въ Москву и Петербургъ. Любопытно, что расширеніе запашекъ не сократило скотоводства, какъ это замѣчается въ средней Россіи, а только создало улучшенный уходъ за скотомъ и культуру болѣе цѣнныхъ породъ. Едва ли не половину овецъ края составляетъ теперь «шпанка», т.-е. испанскій меринось, и овечья шерсть Сѣвернаго Кавказа заняла почетное мѣсто на харьковскомъ шерстяномъ рынкѣ.

Понявъ выгоду разведенія цѣнныхъ хлѣбовъ, кавказскій колонистъ понялъ также, что цѣнный хлѣбъ станетъ еще цѣннѣе, если его произведетъ возможно дешево. Для удешевленія производства кавказскій земледѣлецъ сталъ заводить земледѣльческія машины и улучшенныя земледѣльческія орудія. Тяжелые старинныя плуги-сабаны замѣнились нѣмецкими плужками и экстирпаторами, а для уборки и обработки хлѣба стали употребляться машины. Употребленіе машинъ настолько распространилось на Сѣверномъ Кавказѣ, что образовался даже особый родъ промышленниковъ, имѣющихъ паровыя молотилки и переходящихъ съ ними отъ одного мелкаго хозяйства къ другому. Вообще земледѣльческія машины имѣютъ на Кавказѣ очень широкое распространеніе и молотилки, конныя и паровыя, вѣялки, сортировки, косилки, жней каждый годъ входятъ въ болѣе и болѣе употребленіе. «Въ нынѣшнемъ (1888) году,—говоритъ г. Абрамовъ,—спросъ на косилки и жней былъ такъ великъ, что весь имѣвшійся въ складахъ запасъ этихъ машинъ былъ распроданъ, и, тѣмъ не менѣе, болѣе половины требовавшей осталось неудовлетворенною».

Таковъ законъ мысли, что стоитъ ей только разъ двинуться впередъ,

и затѣвъ уже она будетъ продолжать свое прогрессивное движеніе. Кавказскій прогрессивный земледѣлецъ не остановился на машинахъ, цѣнныхъ хлѣбахъ и цѣнныхъ породахъ скота, онъ пришелъ уже и къ искусственному орошенію («къ сожалѣнію, — говоритъ г. Абрамовъ, — важный вопросъ объ ирригаціи доселѣ остается безъ законодательнаго регулированія, что даетъ возможность мѣстной администраціи принимать произвольныя и не всегда удачныя мѣры»); а высшая степень хозяйства дала ему возможность подняться и на высшій уровеньъ жизни. Кавказскій земледѣлецъ живетъ вполне отъ своей земли, ему не приходится бродить за тысячи верстъ за подсобнымъ дѣломъ или отрываться отъ своей земли, чтобы работать на посторонняго земледѣльца. Это хозяинъ чистаго земледѣльческаго типа, крѣпкій своему хозяйству, обеспеченный, хорошо питающійся, на котораго благоприятныя обстоятельства его положенія повліяли настолько благотворно, что мужикъ Сѣвернаго Кавказа «сравнительно съ являющимися сюда ватчанами и смольянами кажется богатыремъ». Этотъ-то богатырь устраиваетъ самъ школы для своихъ дѣтей, помѣщаетъ эти школы въ прекрасныхъ домахъ, платитъ учителямъ жалованье, каковаго они не получаютъ во внутренней Россіи, нанимаетъ фельдшеровъ и привлекаетъ уже къ себѣ вольнопрактикующихъ врачей (въ Ставропольской губерніи ихъ пять).

Да, русская жизнь выходитъ уже изъ своего историческаго окованія, ея стремленіе вырваться изъ сжатой области московскаго періода и изъ закупоренной московской тѣсноты прорывается не только замѣтнымъ, но и широкимъ потокомъ. И въ этомъ движеніи къ простору, къ лучшимъ условіямъ существованія, движеніи традиціонномъ, начавшемся не сегодня, одинаково сливались и усилія государства, дѣлавшаго все новыя и новыя присоединенія, и усилія народа, постоянно искавшаго выхода къ окраинамъ. Теперь мы имѣемъ возможность наблюдать уже во-очію послѣдствія этого безсознательнаго стихійнаго стремленія къ простору и свободѣ.

Не о томъ, конечно, рѣчь; на нашихъ ли глазахъ Мервѣ снова засіяетъ алмазомъ въ песчаной оправѣ и отъ него начнутъ разливаться лучи новаго міровоззрѣнія; на нашихъ ли глазахъ Аму снова потечетъ по Узбою въ Каспійское море и изъ Индіи поплывутъ караваны черезъ русскія владѣнія; на нашихъ ли глазахъ вся эта страна станетъ страной рисовыхъ, сорговыхъ, хлопчатныхъ и шелковичныхъ плантацій и покроется промышленнымъ, трудолюбивымъ, богатымъ и свободнымъ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ людей; не о томъ рѣчь, что и другой «алмазъ въ русской коронѣ» — Кавказъ создастъ у себя такое же богатое, свободное промышленное населеніе тоже въ нѣсколько десятковъ милліоновъ и что то же самое повторится и на нашемъ степномъ Югѣ. Все это свершится несомнѣнно и неустраимо. Рѣчь лишь о томъ историческомъ движеніи, которое на нашихъ глазахъ настолько уже установилось и опредѣлилось, что мы можемъ видѣть и понимать, какъ возникающая, новая жизнь готовить Россіи, съ неудержимой силой, новую исторію, новую судьбу, новую мировую роль, когда «на свободный русскій народъ и на его свобод-

ный трудъ уже вполне снисойдетъ благословеніе Божіе». Манифестъ, провозгласившій освобожденіе, только пророчески призывалъ это благословеніе, а мы уже и теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ, имѣемъ возможность наблюдать, какъ это пророчество осуществляется.

Рядомъ съ этимъ могучимъ и смѣлымъ движеніемъ народныхъ и промышленныхъ силъ создать новый укладъ жизни, создать что-то громадное, великое, свободное и просторное, по численности и размѣрамъ ни въ Европѣ, ни даже въ Америкѣ невиданное, та самая Россія, изъ которой возникаетъ эта новая творящая сила, сохраняетъ еще крѣпко, устойчиво и тоже традиціонно формы своего стараго экономическаго и общественнаго быта.

Рядомъ съ чѣмъ-то широкимъ и богатѣющимъ, создающимъ даже иную по внѣшности породу людей, рядомъ съ перспективами будущаго народнаго и государственнаго величія и процвѣтанія стоитъ наша коренная бѣдность, насидѣвшая себѣ мѣсто въ цѣлой, огромной внутренней области, — бѣдность, вѣчно, какъ маятникъ, качающаяся между урожаями и голодовками, бѣдность, ничѣмъ прочнымъ не обезпеченная, живущая еще по звѣриному образу, не знакомая ни съ какимъ умственнымъ и матеріальнымъ прогрессомъ, не защищенная ничѣмъ отъ всяческой эксплуатаціи, бѣдность безсильная и беспомощная, съ упованіемъ ожидающая только того, что пошлетъ ей Богъ, и только когда всякое терпѣніе ея истощится, въ порывѣ безысходнаго отчаянія, зря бѣгущая, куда глядятъ глаза, не зная, куда она бѣжитъ и что ее тамъ ждетъ. Нужно ужъ очень приглядѣться къ нашему «переселенческому движенію», какъ мы называемъ голодное бѣгство нашего народа, нужно очень и очень привыкнуть къ его страшнымъ картинамъ, чтобы являть такое «объективное» равнодушіе къ этой великой и народной драмѣ, какое мы являемъ.

Я не стану рисовать картины нашихъ переселенческихъ бѣдствій, изъ года въ годъ не только не ослабѣвающихъ, но расширяющихся и растущихъ. Великъ же долженъ быть этотъ неумирающій инстинктъ самосохраненія, велика же его живучесть въ народѣ, велики и причины, поднимающія его до такого напряженія, что нашъ народъ, вообще здравомыслящій и практическій, приходитъ въ очумѣлое состояніе и бредитъ на-яву о какихъ-то кисельныхъ странахъ и бѣлой Арапіи.

Но нельзя сказать, чтобы и мы, «вверху стоящіе, какъ городъ на горѣ», сами не вѣрили въ кисельные берега и не манили воображеніе народа сказками о бѣлой Арапіи. Такою сказкой о бѣлой Арапіи, гдѣ мы, «вверху стоящіе», собирались устроить для народа Эльдorado, былъ долгое время пресловутый Амуръ. Двадцать пять лѣтъ мы жили этою иллюзіей, «обольщаясь сами и рисуя себѣ Амуръ чѣмъ-то такимъ, гдѣ все само родится, гдѣ текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, мы передали тѣ же иллюзіи крестьянству. И вотъ распространилось мнѣніе, что отъ Волги и Урала до береговъ Восточнаго океана нѣтъ лучшей земли, какъ на Амурѣ. «На Амурѣ, на Амурѣ! — раздался кличъ, — на Амурѣ

счасть», — повторяла молва, и котянулось на Амуръ крестьянское население, пошелъ русскій мужикъ» (*Восточное Обозрѣнiе*).

Оказывается, что этотъ Амуръ есть гористая мѣстность, съ высокими хребтами горъ и плоскими возвышенностями, изрѣзанная глубокими ущельями и расщелинами, покрытыми лиственницей и изрѣдка елью. Почва на Амурѣ промерзлая, климатъ суровый, сухой, недоступный для воздушныхъ теченій и потому страдающій отъ рѣзкихъ переѣнъ температуры. Мѣста, годныя для поселеній, тянутся только полосами вверхъ по р. Зеѣ и по Амуру, между устьями Зеи и Буреи. Лучшія земли уже заняты козачьими поселеніями и солдатами амурскаго пѣшаго полубатальона. Все население Амура составляетъ 75,000 чел.; въ числѣ ихъ козаковъ 18 тыс. и крестьянъ - земледѣльцевъ 17 тыс. Остальное население, т.-е. 40 тыс. человекъ, земледѣльемъ не занимается. Чтобы все население Амура могло прокормиться, нужно на человека по 18 пуд. хлѣба, а амурское земледѣліе производитъ его только по 9 пудовъ на человека. Если бы не манчжуро-китайцы и корейцы, снабжающіе Амуръ недостающимъ для него хлѣбомъ, то половина его населенія давно бы вымерла отъ голоду. Хороша колонія, открывшая свои объятія для населенія, которое и съ родины-то убѣжало отъ голоду!

Но здѣсь вопросъ не въ томъ, что находилъ переселенецъ на Амурѣ, а въ томъ ничѣмъ неискоренимомъ стремленіи къ лучшей жизни, которое заставляло его двигаться въ эту невѣдомую и страшную даль, преодолевая всевозможныя препятствія. Переселенцы шли на Амуръ часто 2 — 3 года, а бывали случаи, что они достигали его только черезъ 11 лѣтъ. Остановится такой неспѣшащій переселенецъ у сибирскаго старожила, поработаетъ у него немного, поправится и опять двигается въ путь, нога, наконецъ, не осядетъ на клочкѣ собственной земли.

Во всемъ этомъ не зачѣмъ искать ни энергіи, ни выносливости или удивляться долготерпѣнію русскаго мужика. Бѣ долготерпѣнію и выносливости онъ привыкъ еще дома; онъ и двинулся въ путь только тогда, когда мѣра того и другаго въ немъ окончательно истощилась. Стихійно двигающею силой является здѣсь ничѣмъ непобѣдимый инстинктъ земли, неустрашимая ничѣмъ жажда ея, которую нашъ крестьянинъ проявлялъ всегда и которая еще никогда не доходила въ немъ до такой силы, до которой она доросла послѣ освобожденія и въ особенности въ послѣднее время.

Эта жажда земли томитъ одинаково какъ тѣхъ, кто съ коркой хлѣба за пазухой бредетъ по одинадцати лѣтъ въ невѣдомый далекій край, къ невѣдомо гдѣ лежащему клочку земли, повинувшись стихійно его силѣ притяженія, такъ и тѣхъ, у кого за пазухой сотни или тысячи рублей и кто можетъ покупать землю цѣлыми площадями.

Тотъ же очевидецъ, которымъ я уже пользовался, рассказываетъ, что когда въ восьмидесятыхъ годахъ открылся крестьянскій банкъ, то легкая возможность приобрести землю совсѣмъ ошеломила тавричанина-мужика и «хлынулъ цѣлый потокъ желающихъ воспользоваться помощью банка, пе-

ребивая другъ друга». Этотъ массовый спросъ сейчасъ же поднялъ цѣну земли; но тавричане, потерявшіе голову только отъ одной мысли, что можно приобрести клочокъ земли «на вѣчность», ничѣмъ не смущались.

Такъ продолжалось года 2—3, когда выросли цѣлыя села на пустынныхъ степяхъ. Но вотъ наступили неурожайные годы. «Степь оставалась черною все лѣто, хлѣба даже не всходили, трава высыхала, не успѣвъ поджиться, вода высыхала въ прудахъ и рѣкахъ... Охнули тогда мужики. Стономъ застонали новые землевладѣльцы, прижались, елико возможно, въ расходахъ на свои жизненные потребности, но все это мало помогало. Нѣкоторые имѣнія, купленные при помощи банка, были назначены въ продажу...» Мужики призадумались. За черными годами наступилъ урожай 1887 и 1888 годовъ и тавричанинъ вздохнулъ, притихшая въ немъ было горячка земли снова разыгралась и «потокъ исателей земли наводнилъ сѣверную часть Екатеринославской губерніи и захватилъ часть Харьковской».

Чѣмъ дальше шло время къ зимѣ, тѣмъ все больше и больше прибывало число охотниковъ на землю, опережая одинъ другаго,—разсказываетъ очевидецъ.—Это была такая бѣшеная погоня за землей, которая невольно набивалась на сравненіе съ биржевымъ ажіотажемъ и внушала опасеніе, къ чему это приведетъ... И надо было слышать взволнованный голосъ покупателя и видѣть его воспламененное лицо, выражавшее досаду и даже гнѣвъ, если условія продавца оказывались неподходящими, чтобы понять, какою страстною «земельною жаждой» горитъ тавричанинъ. Если же, на бѣду, являлся другой претендентъ на облюбованную тавричаниномъ землю, то онъ терялъ всякую мѣру благоразумія и соглашался иногда на такія условія, которыя были совсѣмъ не по его средствамъ...»

Вообще и для богатаго, какъ и для бѣднаго, не существовало ни такихъ трудностей, ни такихъ жертвъ, на которыя бы онъ не пошелъ, лишь бы разстаться съ теперешними условіями своего существованія и найти что-нибудь лучше. Казалось бы, что богатому крестьянину, свободно располагающему сотнями рублей, проще купить землю тутъ же подъ богомъ, да еще и съ разсрочкой при пособіи банка, чѣмъ подвергать себя всякимъ трудностямъ совершенно непривычнаго ему океанскаго плаванія и отправляться за землей на край свѣта. А, между тѣмъ, и богатый мужикъ тянулся туда же, куда плелся бѣднякъ.

Въ 1885 году былъ сдѣланъ такой опытъ. Желавшимъ переселиться на Амуръ объявили, что они не только не получаютъ отъ казны никакой денежной помощи и должны плыть на свой счетъ, но что, прибывъ въ Одессу, они обязаны сдать капитану парохода, который доставитъ ихъ во Владивостокъ, 600 руб. для обезпеченія своего устройства на мѣстѣ. И въ первый же годъ явилось 130 семей, готовыхъ подчиниться этимъ тяжелымъ условіямъ, а на второй уже 222 семьи. *Восточное Обозрѣніе* говоритъ, что все это, какъ оказалось, были энергичные, трудолюбивые люди, быстро и прекрасно устроившіеся, и что «сама амурская администрація за-

свидѣтельствовала, что крестьянская колонизация и въ этомъ отношеніи свершила подвигъ и выразила блестящіе результаты» (*Отчетъ амурскаго генералъ-губернатора*).

Но послѣ того, что самые захудалые мужичишки проявляли по одиннадцати лѣтъ неослабную энергію переселенія, послѣ того, что нашъ мужикъ, неустанно колонизируя Сибирь, сдѣлалъ ее людною, неужели могъ родиться вопросъ: а не будетъ ли мужикъ, у котораго въ карманѣ тысяча рублей, худшимъ колонизаторомъ, чѣмъ голякъ, побирающійся дорогой Христовымъ именемъ?

Факты переселенія мужиковъ на Амуръ, да еще съ представленіемъ золога, должны бы, казалось, служить доказательствомъ не энергіи и трудолюбія переселенцевъ или пробой силъ, въ которыхъ будто бы слѣдовало убѣдиться (300 лѣтъ, что русскій мужикъ колонизуетъ Сибирь,—проба, кажется, вполне достаточная), факты эти должны бы являться исключительно указаніемъ на то, что если до сихъ поръ переселялся только мужикъ-голышъ, получавшій премію за переселеніе, то теперь началъ переселяться уже мужикъ-богачъ, готовый даже внести залогъ, только бы ему позволили уйти на другое мѣсто...

А теперь, читатель, переселитесь въ область совсѣмъ иныхъ фактовъ, съ переселеніемъ, повидному, ничего общаго не имѣющихъ. Я напоминая вамъ одну рѣчь, произнесенную на могилѣ Салтыкова.

Салтыковъ,—говорилось въ этой рѣчи,—«ярко рисовалъ ту общественную деморализацію, которая мѣшала успѣху самыхъ лучшихъ начинаній и корни которой скрывались въ эпохѣ предшествовавшей. Да, онъ не переставалъ указывать на то, что человекъ, потому что его такъ долго не признавали, убывало, а не прибывало, именно тогда, когда на него, наконецъ, сказался усиленный спросъ. Если бы не это, мы бы не только двинулись, но и пришли бы куда слѣдовало... Но какъ пройдешь, когда «съ человекомъ тихо», не въ смыслѣ запроса, а въ смыслѣ отклика на запросъ?... Именно въ силу той же ложной системы, которую намъ рекомендуютъ теперь иные, не понимая, что это леченіе именно тѣмъ, отъ чего произошла болѣзнь,—и вышло то, что описывалъ Салтыковъ въ своей легендѣ *о пропащей совѣсти*. Долго валялась она, какъ ветошь, то подбираемая, то опять бросаемая, пока не подобралъ ее какой-то жалкій мѣщаниншишка. И взмолилась ему «сударыня совѣсть»: отыщи ты мнѣ маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое и склони меня въ немъ. И сдѣлалъ по указу ея мѣщаниншишка: «ростетъ маленькое дитя большимъ человекомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. Исчезнуть тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама».

«Гдѣ же оно, это маленькое русское дитя? — обратился ораторъ къ слушателямъ. — Не среди ли васъ оно, наконецъ, выросло, люди молодого русскаго поколѣнія? Много ли между вами людей съ такою большою»

совѣстью? Много ли между вами вполне неспособныхъ продать право своего духовнаго первородства за чечевичную похлѣбку житейскихъ благъ? Это не я васъ спрашиваю, — это онъ, покойникъ, изъ своей еще не зарытой могилы васъ спрашиваетъ и допрашиваетъ»...

То-то, что не онъ, великій покойникъ, спрашивалъ это, а спрашивалъ только самъ ораторъ. Онъ воспользовался именемъ великаго покойника, чтобы, прикрывшись имъ, заговорить отъ имени Льва Толстаго. Это былъ рѣзкій допросъ, рѣчь суроваго проповѣдника, призывавшаго къ покаянію, повелѣвавшаго каждому изъ присутствующихъ заглянуть въ свою душу и спросить себя, честный ли онъ человекъ?

А что такое честь, что такое совѣсть? Та совѣсть, къ которой обращался ораторъ, та ли совѣсть, которую будилъ Салтыковъ? «Совѣсть» Льва Толстаго разрѣшить ли сложные факты нашей русской жизни, дать ли она отвѣты на сложные вопросы, вызываемые этими сложными фактами? Можетъ ли эта совѣсть руководить явлениями нашей общественности и ея разнообразными теченіями, которыя все больше и больше обнаруживаются?

У оратора были несомнѣнно прекрасныя побужденія. Онъ думалъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы высказать, что у него лежало на душѣ и что онъ повсюду и вездѣ старается высказывать. Но, въ такомъ случаѣ, проповѣдь о толстовской совѣсти слѣдовало произнести не на могилѣ Салтыкова. Душу Льва Толстаго съ душою Салтыкова слить въ одну душу нельзя.

И въ самомъ дѣлѣ, русская жизнь растетъ и ширится. Повсюду и вездѣ она обнаруживаетъ накопленіе силъ, силъ громадныхъ, — силъ, какъ вода переполняющая водоемъ и льющаяся черезъ край. Вѣдь, только накопленіе силъ создаетъ чудеса промышленности на Югѣ и гигантскіе заводы, которые тамъ растутъ. Только накопленіе силъ открываетъ намъ выходъ въ азіатскія пустыни, заставляетъ насъ сооружать тысячеверстную желѣзную дорогу, превращать пески въ плодоносныя поля, составлять грандіозные проекты воднаго пути въ Индію и чудовищнаго орошенія пустыни отъ границъ Индіи до Аральскаго моря и отъ него до Каспія. Только накопленіе силъ создало нефтяной Кавказъ и смѣлый замыселъ переливать нефть изъ Баку прямо въ корабли, стоящіе въ Батумѣ. И никакіе смѣлые замыслы насъ не пугаютъ, все считаемъ мы возможнымъ, мы чувствуемъ себя прямыми преемниками и продолжателями гигантскихъ, геніальныхъ начинаній Петра Великаго. И тавричанинъ, и прогрессивный земледѣлецъ Сѣвернаго Кавказа, работающій уже не иначе, какъ машинами, и переселенецъ, плывущій на свой счетъ во Владивостокъ, и даже тотъ захудалый мужикъ, который плетется на Амуръ по одиннадцати лѣтъ, — все это избытокъ нашихъ силъ, отыскивающій себѣ новое дѣло, избытокъ, для котораго нужно создать исходъ и помѣщеніе, какъ создаемъ водоемъ для воды, чтобы она не разливалась по-пустому и вмѣсто полезной силы не превращалась бы во среднюю.

Но рядомъ съ этимъ накопленіемъ силъ идетъ и другое накопленіе. Тѣ

самые гиганты - заводы, которые подавляют воображеніе чудовищнымъ размѣромъ своихъ производствъ, закабалютъ десятки тысячъ людей и создаютъ заводскій пролетаріатъ въ благословенныхъ черноземныхъ степяхъ, которые бы, казалось, и созданы-то только для того, чтобы обезпечивать самостоятельное и независимое существованіе. Нашъ углекопный и желѣзно-заводскій пролетаріатъ еще не доросъ до того, чтобы составлять стотысячную стачку, какъ это онъ дѣлаетъ въ Германіи; онъ пока лишь слагаетъ пѣсни о своей тяжелой долѣ, а доля эта, должно быть, не легка, потому давно ли Юзъ заложилъ въ Екатеринославской губерніи первый желѣзный заводъ, а уже рабочіе Юга поютъ:

Смерть таскаемъ за плечами.

Одинъ Богъ небесный съ нами!

Теперь нашъ нарождающійся рабочій вопросъ разрѣшается пока при помощи кабака и, конечно, такое его рѣшеніе «ужь слишкомъ просто», замѣчаетъ совершенно основательно Г. И. Успенскій (*Русскія Вѣдомости*: «Новыя народныя пѣсни»). Кабакъ, пока, не придумалъ другаго разрѣшенія, кромѣ «погрома» и дикаго пьянства. Напримѣръ, въ с. Каменскомъ, лежащемъ рядомъ съ заводами Кокериль и Рау,—19 кабаковъ. Два раза въ мѣсяцъ послѣ «получки» рабочіе съ заводовъ заполняютъ кабаки, затѣмъ буйствуютъ, бьютъ стекла, а то свершаютъ подвиги и погромче. Такъ, недавно они разнесли буфетъ въ одномъ кабакѣ, а потомъ, собравшись большою толпой, совершенно разрушили все имущество въ 2-хъ этажной гостиницѣ того же хозяина, разбили органъ, биллиардъ, разграбили 400 руб., банковые билеты и все домашнее имущество, повыкололи глаза лошадамъ кабатчика, поубивали индюшекъ, даже канареекъ! (*Одесскій Листокъ*).

Менѣе и не въ такомъ подавляющемъ размѣрѣ надвигается тавричанинъ и нѣмецъ-колонистъ, но и они не хуже Юза, Кокеряля и Рау, да владѣльцевъ гигантскихъ каменноугольныхъ копей съумѣютъ заставить пѣть тѣхъ, кто попадетъ въ ихъ цѣпкія руки. «Врестьяне Юга уже чувтъ бѣду отъ наплыва къ нимъ новыхъ землевладѣльцевъ, съ большою враждебностью встрѣчаютъ ихъ и просятъ помѣщиковъ: «продавайте землю кому хотите, только не тавричанамъ и нѣмцамъ, потому что намъ тогда житья не будетъ» (*Елизаветградск. Вѣстникъ*).

Какъ «совѣстью» гр. Льва Толстаго разрѣшить эти вопросы? Какъ привести ея въ порядокъ и уравнивить всю эту жизнь, переливающуюся черезъ край, пробивающую себѣ новые пути, стремящуюся создать иной порядокъ отношеній, на прежній вѣрстойной вовсе не похожій? Тутъ не одни вопросы промышленности, изъ ничтожной, мелкой стремящейся стать міровой. И не одинъ тутъ вопросъ переселенческій. И не тавричанинъ, этотъ новый типъ новаго нарождающагося земледѣльца, является только тѣмъ неизвѣстнымъ, которое требуется опредѣлить. Наше жизненное уравненіе имѣетъ массу неизвѣстныхъ, и эти неизвѣстныя гораздо шире, глубже и сложнѣе очевидностей, выставляемыхъ на-показъ жизнью. Она обни-

масть всю сумму наших внутренних отношеній, всю ту массу несогласенныхъ и мѣшающихъ другъ другу противорѣчій, которыя выражаются въ тѣхъ или другихъ нашихъ внутреннихъ неустройствахъ. Одни колеса русской жизни вертятся свободно, и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе они крутятся, втягивая въ свое вращеніе все, что они этимъ вращеніемъ могутъ захватить. Другія скрипятъ и почти не двигаются, встрѣчая разныя препятствія. Какою же общою сознательною, руководящею идеей, какимъ общимъ принципомъ охватывается все это кажущееся нестройное движеніе, называемое русскою общественною жизнью? Гдѣ у насъ та руководящая идея, которая, проникая въ будущее, этимъ будущимъ регулировала бы настоящее? Разрѣшимъ ли мы эти сложные вопросы и опредѣлимъ ли неизвѣстныя нашего уравненія, если, послушавъ нашихъ проповѣдниковъ личной нравственности, станемъ класть печи, шить сапоги и перестанемъ продавать право своего духовнаго первородства за чечевичную похлебку? Очевидно, что центръ тяжести при разрѣшеніи нашихъ общественныхъ вопросовъ не въ личномъ покаяніи и не въ допросѣ своей совѣсти, къ которому призывалъ ораторъ на могилѣ Салтыкова, а въ допросѣ своей мысли: такъ ли она работаетъ и то ли она понимаетъ, что ей нужно понимать? Вотъ къ какой совѣсти обращался Салтыковъ.

Салтыковъ обращался къ совѣсти общественнаго сознанія. Онъ раскрывалъ тѣ общія идейныя причины, отъ которыхъ именно и идетъ человекъ на убыль; онъ говорилъ о томъ сознательномъ развитіи, которое творитъ умственно-самостоятельныхъ и понимающихъ людей, и о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя этому развитію мѣшаютъ. Никто такъ не преслѣдовалъ ограниченность мысли и чувствъ, какъ Салтыковъ, и никто такъ не раздражалъ его, какъ глуповцы разныхъ цвѣтовъ, видовъ и положеній.

Салтыковъ былъ истинный мудрецъ, которому были ясны всѣ тончайшія нити и пружины личныхъ и общественныхъ отношеній; онъ только объ этихъ отношеніяхъ и говорилъ; только о нихъ онъ и напоминалъ; только ихъ законъ онъ и отыскивалъ въ каждой отдѣльной человѣческой душѣ. Сила ума Салтыкова заключалась въ рѣдкой проникательности, въ способности вдругъ, сразу, моментально проникнуть въ самую суть человѣческой души или въ суть сложнаго явленія, созданнаго множествомъ подобныхъ душъ.

Потому-то потеря Салтыкова такъ и громадна, что у насъ нѣтъ другаго, равнаго ему крупнаго человека, который бы могъ настолько же помогать развитію общественнаго сознанія, насколько помогалъ ему Салтыковъ; потому эта потеря и велика, что у насъ нѣтъ другаго писателя, который бы могъ воздѣйствовать на ту именно совѣсть, на которую воздѣйствовалъ Салтыковъ.

Сравнительно съ Салтыковымъ, этимъ истиннымъ гигантомъ, остальные наши учителя-проповѣдники сушіе младенцы. Хороня Салтыкова, думающая Россія чувствовала (сознательно или безсознательно), что теперь у нея уже нѣтъ центрального тѣла, нѣтъ того свѣтившаго всѣмъ маяка, которымъ былъ Салтыковъ для всей наибольше умственно независимой части населенія.

Исторія выработала у насъ три главных общественно-умственныхъ движенія. Всѣ они традиционныя, всѣ они создались потребностями жизни и всѣ они, поэтому, ея органическій продуктъ. Эти три движенія постоянно между собою борются и во взаимной борьбѣ ихъ и заключается исторія нашего общественнаго и гражданскаго прогресса. То одно, то другое изъ этихъ умственныхъ движеній выступаетъ впередъ и, овладѣвъ жизнью, даетъ ей руководящій тонъ, создаетъ общее настроеніе и на болѣе или менѣе продолжительное время устанавливаетъ направленіе, которому должны подчиняться всѣ остальные умственные течения. Эти три движенія общественной мысли: петровское, созданное тѣми же потребностями обновленія, которыя создали и Петра Великаго (маякомъ этого движенія въ послѣднее десятилѣтіе и былъ Салтыковъ); крѣпостное, отличающееся наибольшою устойчивостью и до сихъ поръ обыкновенно перетягивающее равновѣсіе на свою сторону, и покаянное, проповѣдующее гражданское спасеніе путемъ нравственнаго улучшенія личности.

Каждое изъ этихъ движеній имѣетъ свои твердые устои, свою точную программу, свой логическій законъ, а, слѣдовательно, и свой точный и исполнѣ опредѣленный путь.

Основной признакъ петровскаго умственнаго движенія вовсе не въ его прогрессивности. Крѣпостное умствование тоже прогрессивное, прогрессивно и умствование покаянное. Особенность петровскаго движенія—только въ его широкомъ представленіи идеи счастья. «А о Петръ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, лишь бы была счастлива Россія». Вотъ эта-то счастливая Россія и есть источникъ и конечная цѣль петровскаго направленія. Для него не существуетъ никакихъ частныхъ представленій, ничего обособленнаго ни въ видѣ окраинъ или середины, ни въ видѣ національностей или племенъ, или религіозныхъ различій, ни въ видѣ сословій, или привилегированныхъ группъ, а всѣ эти частности оно сливаетъ въ одно общее уравновѣшенное понятіе о «Россіи», которая должна служить источникомъ равнаго и одинаково доступнаго счастья для всѣхъ тѣхъ, кто ее составляетъ.

Въ этомъ понятіи объ общемъ заключается главный секретъ непопулярной силы этого мышленія, его полета, шири и смѣлости. Тутъ же и секретъ гениальности Петра. Каждое дѣло Петра было велико только потому, что оно было широко, а широко оно было потому, что охватывало идею общаго, а не частнаго. Петръ не рылся въ мелочахъ, не задавался вопросами о препятствіяхъ, онъ задавался только идеей общаго счастья, а затѣмъ удаленіе препятствій являлось уже само собою, какъ простое слѣдствіе перехода идеи въ дѣло.

Оттого-то Петру и удавались всѣ дѣла, что его широкая мысль опиралась всегда на такія же широкія практическія мѣры. Петръ полумѣръ не зналъ. Нужно ли ему ввести улучшенную породу скота, онъ нагонитъ, куда ему нужно, тысячи коровъ и быковъ и водворитъ породу сразу. Нужна ему улучшенная порода лошадей — онъ точно также нагонитъ ты-

сичи головъ и ихъ массою закроетъ всю мѣстную породу. Это былъ его методъ дѣйствія во всемъ, въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ, въ гражданскихъ преобразованіяхъ, въ учрежденіяхъ. И Петру все удавалось только потому, что онъ дѣйствовалъ массовыми средствами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ поступалъ иначе, т.-е. не могъ подавить старое массовымъ вліяніемъ новаго, ему реформы не удавались.

Ужь таково свойство идеи, имѣющей цѣлью общее, а не частное благо. Такія идеи зовутся широкими, гениальными, практическія дѣла, которыя ими разрѣшаются,—великими, а времена, когда эти великія дѣла свершаются,—эпохами.

Есть и еще одна поразительная особенность у широкихъ общественныхъ идей: онѣ пресоздаютъ практическую нравственность. Когда камертономъ жизни является идея общаго блага и общихъ мѣръ, этотъ камертонъ начинаетъ руководить поведеніемъ отдѣльныхъ людей и возникаетъ внезапно общее стремленіе къ справедливости, правдѣ, уравнию, до того времени еще невиданное. Подобную эпоху мы переживали еще недавно.

Наконецъ, петровское умственное движеніе есть почти исключительно преобразовательное, опирающееся на соотвѣтствующія ему учрежденія. По этому-то учрежденія, на которыхъ оно останавливается, имѣютъ всегда тотъ же широкій размахъ и отличаются всеобщностью своихъ мѣръ. А такъ какъ осуществленіе подобныхъ мѣръ требуетъ соотвѣтственныхъ силъ, то само собою устанавливается неизбежное соотношеніе между творческою мыслью и тѣми руками, которыми эта мысль проводится въ жизнь.

Любопытно, что обыденное мнѣніе, что у насъ нѣтъ людей, повторяется почти тридцать лѣтъ, хотя оно имѣло полную возможность провѣрить себя историческими указаніями.

Ужь, кажется, Петръ Великій началъ свою работу совѣмъ въ непроницаемомъ лѣсу. Какими же руками онъ ее свершилъ? Одними собственными руками, если бы онъ былъ у него даже въ десять разъ сильнѣе, Петру бы своего дѣла не свершить. Всѣ свои дѣла Петръ сдѣлалъ людьми. Всѣ реформы Императора Александра II свершились тоже людьми и на каждую реформу, какъ бы она ни была многосложна и запутана, явилась такая масса силъ, а силы эти свершили свое дѣло съ такимъ замѣчательнымъ совершенствомъ, что освобожденіе крестьянъ и судебная реформа вызвали даже изумленіе всего просвѣщеннаго міра.

И, несмотря на эти факты, у насъ почему-то преобладаетъ не только упорное, но и усиливающееся мнѣніе, что «нѣтъ людей». Даже и пословицу мы сочинили о болотѣ. Конечно, болото создаетъ всегда то, что ему и приличествуетъ создавать. Но, вѣдь, преобразовательное и организационное движеніе мысли, о которомъ я говорю, творить не болото. Каждое дѣло найдетъ всегда соотвѣтствующихъ работниковъ, и потому дѣло не въ работникахъ, а въ дѣлѣ.

Объ остальныхъ движеніяхъ мысли я говорить теперь не стану. Замѣчу только, что покаянное, проповѣдывавшее самоуничженіе и замаливаніе грѣховъ, даже предлагавшее самоочищеніе путемъ каторги (Фед. Достоевскій), въ лицѣ гр. Льва Толстаго сдѣлало уже значительный шагъ впередъ и своею формулой о возвращеніи долга народу какъ бы пытается стать гражданскимъ. Но такъ какъ область этого мышленія совсѣмъ не гражданская, то ни теоретически, ни практически (опрошеніе, владка печей, личный земледѣльческій трудъ) мышленіе это не могло раскрывать никакихъ гражданскихъ горизонтовъ.

Н. Ш.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Блестательный успѣхъ парижской всемірной выставки, отодвинувшій временно на задній планъ всѣ политическіе вопросы, не могъ, разумѣется, устранить причинъ и поводовъ къ борьбѣ, раздирающей теперь Францію. Воззвание, съ которымъ делегация всѣхъ группъ правой стороны французской палаты депутатовъ обратилась къ избирателямъ, объявляетъ рѣшительную войну нынѣшнему республиканскому большинству парламента и взываетъ къ тому, чтобы создана была *партія Франціи*. Воззвание подписано вождями легитимистовъ, бонапартистовъ и клерикаловъ. Оно приглашаетъ въ ряды этой *партіи Франціи* даже республиканцевъ, искреннихъ, — прибавляетъ документъ, — то-есть такихъ, которые извѣрились въ дѣйствующій во Франціи порядокъ и убѣдились, что нынѣшнее правительство Франціи *недостаточно либерально*. Конечно, поучительно было бы знать, отчего всѣми благами, которыми обѣщаетъ наградить Францію декларация, не была уже давно награждена эта страна при реставраціи въ іюльскую монархію или при второй имперіи, ввергнувшей Францію въ позоръ и разореніе. Но нельзя скрывать, что соединенныя усилія враговъ парламентской республики продолжаютъ грозить ей серьезною опасностью. Выборы недалеко. *Партія Франціи*, понятно для каждаго посторонняго наблюдателя, совершенная нелѣпость. Эта *партія* есть просто коалиція, послѣ побѣды которой составныя ея части неминуемо придутъ въ столкновение. Но столкновение можетъ быть лишь послѣ побѣды, стало быть, не уменьшаетъ указанной нами опасности для республиканцевъ, увеличивающихъ эту опасность своими ошибками.

Надо полагать, однако, что послѣднія сто лѣтъ прошли не даромъ для Франціи, что ея политическое воспитаніе далеко подвинулось впередъ. Теперь, по случаю столѣтней годовщины революціи, въ виду надвигающихся общихъ выборовъ, каждая партія страстно и настойчиво хочетъ истолковать событія этой великой эпохи въ свою пользу. Подвергаются критикѣ, восторженному восхваленію или ядовитому глумленію тѣ принципы, которые пересоздали политическую жизнь Франціи въ 1789 году и съ тѣхъ поръ могущественно вліяли на общественный строй другихъ европейскихъ госу-

дарствъ. Одинъ изъ авторовъ многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ столѣттю революціи, прямо говоритъ, что принципы 1789 года пагубнымъ образомъ влияют и на современное законодательство Франціи. Авторъ находитъ, однако, что возвращеніе къ доктринамъ стараго режима было бы мертворожденною попыткой, что въ мысли автора будущая демократія установится на болѣе широкой и эластической организаціи, гдѣ, въ то же время, части будутъ крѣпче связаны, чѣмъ при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ Франціи *). Другой писатель, Эдуардъ Гуми, изобразивши въ самыхъ черныхъ краскахъ современное состояніе своей родины, спрашиваетъ въ заключительной главѣ: гдѣ же спасеніе? Въ теоріи, — спѣшитъ онъ отвѣтить, — отвѣтъ очень простъ: спасеніе — это возвращеніе къ монархіи, съ орлеанскою династіей. Но самъ Гуми видитъ, что его *теорія* противорѣчитъ исторической дѣйствительности. Во Франціи, — говоритъ онъ, — не одна, а двѣ монархическія партіи, изъ которыхъ бонапартистская всегда готова прибѣгнуть къ плебисциту или къ какому-нибудь политическому шарлатанству. Бонапартизмъ старается увѣрить монархистовъ, что наполеоновская имперія есть лучшая изъ монархій, а республиканцевъ, что она лучшая изъ республикъ **). Въ существѣ, бонапартистская имперія представляетъ худшую изъ формъ правленія: избирательную монархію.

Но, въ такомъ случаѣ, — продолжаетъ Гуми, — для спасенія Франціи необходимо, чтобъ имперіалисты согласились содѣйствовать возстановленію королевской власти орлеанскаго дома, — а это невозможно. Но еще болѣе важное препятствіе для такого возстановленія видитъ Гуми въ республиканскомъ чувствѣ и духѣ, уже глубоко проникнувшемъ французскую демократію. Расчитывать на легкую побѣду надъ этимъ духомъ — дѣло явно несбыточное.

Но, въ такомъ случаѣ, гдѣ же пресловутое спасеніе? Пересмотръ конституціи, конгрессъ, учредительное собраніе, плебисцитъ, — все это Гуми считаетъ средствами опасными и ничего не разрѣшающими. Каково бы ни было большинство новой палаты, республиканцы не допустятъ уничтоженія республики, бонапартисты возстанутъ противъ орлеанской монархіи, орлеансты не пожелаютъ возстановленія имперіи. И Гуми въ концѣ своихъ бесплодныхъ поисковъ лучшаго выхода изъ того дѣйствительно-затруднительнаго положенія, въ которомъ находится Франція, предлагаетъ просто-на-просто остаться при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ или конституціи Валлона. Сдѣлаемъ экономію на одну революцію, — не безъ остроумія замѣчаетъ авторъ. — Сохранимъ наши учрежденія, во-первыхъ, для того, что показать себя способными первый разъ въ столѣтій защитить и удержать правительство; сохранимъ дѣйствующія учрежденія потому, во-вторыхъ, что они на самомъ дѣлѣ хороши. Нынѣшняя конституція Французской республики, по мнѣнію Гуми, даетъ просторъ всѣмъ общест-

*) *Fermeuil*: „Les principes de 1789 et la Science Sociale“. Paris, 1889.

***) *Goumy*: „La France du centenaire“. Paris, 1889.

веннымъ силамъ, открываетъ возможность самыхъ широкихъ общественныхъ преобразованій. Гуми возлагаетъ въ этомъ отношеніи свои упованія на жирондистовъ теперешнихъ дней, на оппортунистовъ.

Можетъ быть, Гуми и правъ отчасти. Пересмотръ конституціи теперь, когда борьба партій достигла крайней напряженности, когда у Франціи по ту сторону Вогезовъ есть грозный и недремлющій врагъ,—дѣло едва ли благоразумное. Но бѣда въ томъ, что, какъ замѣчаетъ самъ же Гуми, теперь во Франціи нигдѣ нѣтъ большинства, то-есть однороднаго и прочнаго большинства. А при такихъ условіяхъ нѣтъ большинства и для защиты конституціи Валлона.

Justice, разбирая книгу Гуми, отдаетъ справедливость его искренности, его уму и талантовости, но указываетъ на противорѣчія, въ которыхъ впадаетъ авторъ, на неосновательность многихъ изъ его сужденій и характеристикъ. Мало основаній предполагать, что на общихъ выборахъ, которые должны произойти въ августѣ или сентябрѣ, большинство пріобрѣтутъ оппортунисты. Такимъ образомъ, дни конституціи Валлона сочтены. Этого не случится съ принципами 1789 года, на которые со многихъ сторонъ воздвигнуто теперь гоненіе, и не случится потому, что эти принципы стали или становятся основами для правильной жизни современной Франціи. Революція 1789 года,—говоритъ, *Neue Freie Presse*,—Западная Европа обязана паденіемъ тягостнаго феодальнаго порядка вещей, гражданскою свободой, правосудіемъ, свободою совѣсти... Терроръ,—прибавляетъ *Neue Freie Presse*,—скоропрошедшее безуміе массы, кровавыя жертвы этого безумія—очень печальный эпизодъ, но только эпизодъ, хотя и страшный, въ великомъ освободительномъ движеніи. Другая газета, которую часто приходится намъ, по понятнымъ причинамъ, упоминать въ иностранномъ обзорѣнн *Русской Мысли*, старо-чешская *Politik*, справедливо напоминаетъ о томъ, что открытіе въ Версали 5 мая 1789 года засѣданій генеральныхъ штатовъ составляетъ эпоху въ исторіи не Франціи только, а цѣлаго міра. Это событіе знаменитый Мирабо привѣтствовалъ словами: «Пришелъ день, когда дарованіе становится силой». Вотъ нѣсколько цифръ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ много совершено Франціей въ столѣтіе со дня открытія генеральныхъ штатовъ 1789 года. Сто лѣтъ тому назадъ движимую собственность во Франціи опредѣляютъ въ 300 милліоновъ франковъ (беремъ наибольшую оцѣнку). Теперь ея стоимость возросла до семидесяти милліардовъ (наименьшая сумма по вычисленіямъ). Сберегательныхъ кассъ при старомъ режимѣ не существовало. Въ настоящее время итогъ вкладовъ такого рода превышаетъ дза съ половиною милліарда. Совокупность національнаго дохода опредѣляется для конца прошлаго вѣка въ три или, по другимъ вычисленіямъ, въ пять милліардовъ; теперь эти вычисленія колеблются между 30 и 35 милліардами. Торговый оборотъ Франціи равнялся въ 1789 году 1,017 милліонамъ (ввозъ 576 милліоновъ, вывозъ—441); въ 1886 году вывезено изъ Франціи товаровъ на 4,245 милліоновъ, ввезено на 5,116 милліоновъ (итогъ—9 милліардовъ 361 милліонъ). Въ общемъ сильно поднялась за

этот периодъ времени заработная плата (для земледѣльческаго рабочаго средняя плата возросла съ 60 сантимовъ до 2 франковъ 50 сант., въ области промышленности она увеличилась на 150%).

Даже офиціозъ князя Бисмарка, *Kölnische Zeitung*, такъ говоритъ объ открытіи генеральныхъ штатовъ, похоронившихъ во Франціи старый порядокъ: 6 мая 1789 года въ первый разъ послѣ того, какъ пробудилось чувство свободы и человѣческаго достоинства, мертвенно одѣпенное обаяніемъ абсолютизма Людовика XIV, собрались къ новому жизненному движенію избранные представители французскихъ сословій. Могушественное теченіе второй половины прошлаго столѣтія торжествовало побѣду. Принципы уравнительной справедливости (*Princip der ausgleichenden Gerechtigkeit*) и сила личнаго достоинства пережили всѣ революціонныя бури, всѣ реакціонныя попытки и составляютъ общее благодородное достояніе западно-европейской жизни.

Если такія рѣчи держатъ въ настоящее время нѣмецкія газеты, въдобавокъ, находящіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ канцлера Германской имперіи, то какъ не подивиться осужденію принциповъ 1789 года со стороны такихъ писателей, какъ Фернѣйль, книгу котораго мы упоминали выше? Въ чемъ провинились эти принципы?

Часто говорятъ, — пишетъ Фернѣйль, — что принципы 1789 года, что идеи французской революціи дѣйствовали на подобіе общественной вѣры и патриотической религіи. Это вполне справедливо, — замѣчаетъ нашъ авторъ, — и лучше всего объясняетъ какъ великія, такъ и слабыя стороны революціи. Преобладаніе отвлеченныхъ идей въ дѣлѣ политическихъ преобразованій порождаетъ вѣру въ абсолютное, въ возможность сразу и окончательно опрокинуть весь государственный и общественный строй, насильственно и побѣдоносно устранить всѣ препятствія для достиженія ясно и прямо поставленной цѣли. Поскольку мысль дѣятелей революціи была направлена на критику существовавшаго порядка и на его разрушеніе, такая восторженная вѣра, такой заразительный энтузіазмъ творили чудеса. Но, — продолжаетъ Фернѣйль, — французская революція, будучи, прежде всего, произведеніемъ чувства и вдохновенія, сталкивается съ теченіемъ современной социологіи, которая стремится обосновать нравственныя и общественныя науки не на отвлеченныхъ понятіяхъ теоретическаго разума, не на произвольныхъ внушеніяхъ теоретическаго разума, а на терпѣливомъ и подробномъ анализѣ фактовъ, на опытныхъ и положительныхъ данныхъ практическаго разума *).

Справедливо, что обстрактныя идеи прошлаго вѣка наталкивались на многочисленныя жизненныя препятствія. Вѣрно и то, что эти идеи нерѣдко бывали односторонними обобщеніями. Но, вѣдь, социологія, о которой говоритъ Фернѣйль, только зарождается. Ни одинъ серьезный (и умный) ученый не возьметъ пока на себя смѣлости опредѣлить пути и средства развитія политическихъ обществъ. Неужели до наступленія этого дня отложить

*) *Fernheil*, 16—17.

въ сторону всякія преобразованія, прекратить законодательную дѣятельность? Фернэйль увѣряетъ, будто въ глазахъ современной социологіи общества являются организмами. А по нашему, напримѣръ, мнѣнію, это утвержденіе неправильно и между обществомъ и организмомъ можно проводить только аналогіи, параллели, да и то по большей части плохія и безплодныя. Каждый юридическій принципъ, каждое требованіе нравственности непремѣнно носить отвлеченный характеръ. Въ дѣйствительности жизненныя явленія отличаются большимъ сложностью, являются результатомъ взаимодѣйствія или борьбы за существованіе многихъ идей, мотивовъ и внѣшнихъ условий. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы эти идеи или мотивы, отдѣльно взятые или въ своей совокупности, были бессильны, нелѣпы или вредны. Фернэйль заявляетъ, что знаменитая *декларация правъ* была бы умѣстна въ трактатѣ о нравственности или въ сочиненіи политико-философскомъ и что она совершенно излишня во главѣ законодательныхъ постановленій. Съ этимъ замѣчаніемъ, по нашему мнѣнію, нельзя согласиться. Старый режимъ имѣлъ также свою декларацию, возобновляющуюся въ каждомъ актѣ высшей правительственной власти; все дѣлалось потому, что такъ угодно было королю, — *car telle est notre bon plaisir*. Никогда народное воображеніе не могло быть поражено совокупностью моральныхъ, философскихъ и политическихъ сочиненій въ такой степени, въ какой было оно поражено торжественнымъ заявленіемъ верховной власти о неотъемлемыхъ правахъ человѣка. Правда, не трудно указать на то, что эти неотъемлемыя права часто отымались въ исторіи, что «естественное право» на самомъ дѣлѣ подвергалось весьма значительнымъ историческимъ колебаніямъ и есть дѣло просвѣщеннаго разума, но, вѣдь, и вопросъ, напримѣръ, о нормальныхъ условіяхъ здоровой жизни можетъ быть поставленъ на твердую почву лишь въ недавнее время, а между тѣмъ, заботы о сохраненіи здоровья вполне естественны и человѣкъ имѣетъ на здоровье естественное и неотъемлемое право.

Любопытно, что самъ Фернэйль категорически заявляетъ слѣдующее: «Прежде чѣмъ предпринять какую-либо реформу, какое-либо преобразование существующихъ общественныхъ отношеній, государственннй человѣкъ долженъ внимательно изучить результаты общественной науки и сообразовать съ ними свой образъ дѣйствій; *знаніе этихъ результатовъ, какъ оно ни необходимо, ни въ какомъ случаѣ не даетъ государственному челоѣку безограниченнаго указанія, отрицано обезпеченія въ устѣхъ его предпріятія*». Но, въ такомъ случаѣ, замѣтимъ мы французскому автору, и спорить не о чемъ. Благотворности для людей, управляющихъ государствами, основательнаго знакомства съ современною наукою никто и никогда не отрицалъ (крошъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей). Что такого знакомства мало, что необходимо знаніе живыхъ потребностей живаго общества и умѣнье дать просторъ его силамъ, это признаетъ и Фернэйль. Слѣдуетъ только прибавить, что тѣ высшія цѣли, къ которымъ идутъ образованныя европейскія общества, ставятся все болѣе и болѣе сознательно, то-есть теорети-

чекимъ разумомъ, столь неприятнымъ для французскаго социолога. Идеи и идеалы являлись въ исторіи и, конечно, будутъ въ ней являться могущественными двигателями, работа которыхъ должна идти рука объ руку съ результатами тщательной научной работы, о которой говоритъ Фернѣль.

Politik, проводя параллель между столѣтіемъ французской революціи и столѣтіемъ вступленія Вашингтона въ должность перваго президента Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, указываетъ на благотворныя послѣдствія федеративнаго устройства этой республики и на печальныя крайности государственной централизаціи, въ которыя впала французская революція. Имперія, двѣ монархіи и опять имперія, существовавшія потомъ во Франціи (о второй республикѣ, вслѣдствіе ея кратковременности, нельзя ничего сказать), всё слѣдовали, въ этомъ отношеніи, идеямъ первой революціи. Въ концѣ 1789 г. и въ началѣ 1790 г. законодательными актами были отиѣнены во Франціи всё особенности и привилегіи областей, вошедшихъ въ составъ стараго французскаго королевства. Нормандія, Бретань, Наварра и другія провинціи исчезли, въ официальномъ смыслѣ слова. На ихъ мѣсто выступило механическое раздѣленіе Франціи на департаменты, съ однообразнымъ бюрократическимъ управленіемъ.

Между провинціальными особенностями и привилегіями, которыя были уничтожены революціей, многое заслуживало, дѣйствительно, уничтоженія, многое было основано на средневѣковомъ строѣ понятій и мѣшало правильному развитію государства, общества и личности. Но несчастье Франціи заключалось въ томъ, что въ ней погибло, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстное самоуправленіе. Бюрократическій порядокъ управленія страной принесть свои горькіе плоды и является въ настоящее время одною изъ главныхъ причинъ неустойчивости государственнаго строя, черезъ-чуръ быстрыхъ и рѣзкихъ въ этомъ отношеніи колебаній общественнаго мнѣнія во Франціи. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ проф. Модестовымъ, что «нынешній строй во Франціи такого рода, что даетъ наиболѣе широкую возможность предотвращенія остроты всякаго политическаго кризиса, какой только можетъ постигнуть страну, уже такъ много испытанную потрясеніями и переворотами. Нѣтъ такой мѣры, которая не могла бы быть во Франціи предложена и обсуждена со всѣхъ сторонъ и затѣмъ принята законодательствомъ, если бы оказалась полезною; нѣтъ такого политическаго опыта въ государствахъ Стараго и Новаго Свѣта, который бы не могъ быть, въ случаѣ нужды, примененъ въ ея государственной практикѣ. Въ такой просвѣщенной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненной благороднаго патриотизма странѣ никогда не будетъ недостатка и въ людяхъ, способныхъ и готовыхъ помогать своему народу и правительству добрымъ совѣтомъ и умнымъ словомъ» *). Третья республика уже кое-что сдѣлала для созданія дѣйствительнаго мѣстнаго самоуправления, и надо надѣяться, что Франція, преодолевши благополучно нынѣшній кризисъ, выступитъ, наконецъ, на вѣр-

*) Проф. Модестовъ: „О Франціи“. Спб., 1888 г., стр. 311.

ную дорогу, на которой столько успѣховъ гражданственности и такая крѣпость государственнаго строя выпали на долю Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Великобританіи.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ основаній полагать, что всюду на Западѣ Европы обстоитъ благополучно, кромѣ Франціи. Намъ приходилось уже говорить въ прошлыхъ обзорѣніяхъ, что внутреннее состояніе Германіи далеко не удовлетворительно, что оно заключаетъ въ себѣ серьезныя опасности для бисмарковской системы управления. Еще затруднительнѣе положеніе Австро-Венгріи, несмотря на самоувѣренный и отчасти вызывающій тонъ рѣчи, съ которою императоръ Францъ-Іосифъ обратился въ іюнѣ мѣсяцѣ къ делегаціямъ. Мы постоянно говоримъ читателямъ о благахъ мира, о необходимости открыть человѣку и обществу свободные пути для честнаго развитія всѣхъ силъ и добросовѣстныхъ стремленій. Мы давно уже повторяемъ, какими нравственными въ особенности ужасами грозитъ Европѣ усиленіе милитаризма, главною виновницей котораго является гогенцолерн-ская Германія. Въ нашему большому удивленію, мы нашли очень симпатичные въ этомъ отношеніи взгляды въ берлинской корреспонденціи *Московскихъ Вѣдомостей* *). Упомянувши о годовщинѣ смерти императора Фридриха III, корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* пишетъ слѣдующее: «Личность умершаго императора, противъ котораго органы, близкіе канцлеру, помѣщали статьи, полныя клеветъ, котораго самъ канцлеръ въ своемъ извѣстномъ докладѣ дерзнулъ обозвать измѣнникомъ, не потеряла отъ времени, а, напротивъ, еще болѣе выросла въ народной памяти и съ каждымъ годомъ будетъ народу дороже. Германскій народъ, не ослабленный выходками официозовъ, навсегда сохранитъ о Фридрихѣ III представленіе какъ о томъ императорѣ, который долженъ былъ положить конецъ господству грубой силы и направить стремленія народа къ достиженію высокихъ идеальныхъ цѣлей». Вотъ какъ иногда пишутъ *Московскія Вѣдомости*. А какая же идеальная цѣль выше для современнаго государства, чѣмъ осуществленіе справедливости, чѣмъ обезпеченіе за каждымъ гражданиномъ честнаго обнаруженія его совѣсти и безобязаннаго исполненія его общественнаго долга?

В. Г.

*) № 157.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Измѣненія въ уѣздномъ управленіи и всесословная волюсть. — Новыя операціи государственнаго банка. — Конверсія облигацій частныхъ желѣзныя дорогъ. — Балтійскія дѣла. — Съѣздъ представителей акціонерныхъ страховыхъ обществъ. — Урожай и вывозъ хлѣба. — Проектъ правилъ о переселеніяхъ. — Регламентация и экзаменованіе иностранныхъ телеграфовъ.

Законодательная сессія въ нынѣшнемъ году затянулась на значительное время противъ обыкновеннаго срока. Причиной тому является обсужденіе внесенныхъ покойнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ проектовъ преобразованій въ мѣстномъ управленіи, въ которыхъ, какъ извѣстно, замѣчается и учрежденіе земскихъ начальниковъ. Засѣданія государственнаго совѣта, какъ рассчитывали въ концѣ іюня, могли прекратиться лишь въ половинѣ слѣдующаго мѣсяца. Самое это продленіе сессіи для скорѣйшаго введенія проектовъ въ дѣйствіе доказывало, что учрежденіе земскихъ начальниковъ должно несомнѣнно осуществиться. Ожидаемое учрежденіе земскихъ участковыхъ начальниковъ логически приводитъ къ мысли о необходимости измѣненія характера волостнаго управленія. Учрежденіе земскихъ начальниковъ предназначено для губерній земскихъ и начальники являются одновременно въ двухъ значеніяхъ: сословномъ и бессословномъ. Что сами они должны принадлежать къ дворянскому сословію, это можно оставить въ сторонѣ. Хотя въ основу новаго учрежденія и легла увѣренность въ большой важности такого «поднятія» дворянскаго сословія, но мы отъ этой особенноти новаго учрежденія не ожидаемъ значительныхъ результатовъ на практикѣ. Вѣдь, были же въ прежнее время исправники и засѣдатели не только изъ мѣстнаго дворянства, но и по его избранію, а никакого подъема дворянства, какъ сословія, отъ этого никогда не бывало.

Дѣйствительно, сословное значеніе земскіе начальники получаютъ въ томъ отношеніи, что въ ихъ руки отдается надзоръ за правильностью крестьянскаго управленія и за благочиніемъ въ селеніяхъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же лица пріобрѣтаютъ также и характеръ бессословный, такъ какъ они призваны въ извѣстной мѣрѣ замѣнить собою мировыхъ судей. Другая часть аттрибуцій мировыхъ судей, какъ извѣстно, имѣетъ перейти

къ волостнымъ судамъ. Между тѣмъ, неудовлетворительность волостнаго суда была достаточно выяснена. Теперь спрашивается, не должно ли затѣмъ выдвинуться на первый планъ предположеніе о превращеніи самой волости во всеословную? Всеословная волость могла бы составить впоследствии первоначальную земскую единицу, по отношенію къ которой земскій начальникъ сохранилъ бы право надзора. Понятно, что, при этомъ условіи, земскій начальникъ уже долженъ былъ бы лишиться власти налагать взыска-нія на должностныхъ лицъ волости. Но это улучшило бы самое учрежде-ніе земскихъ начальниковъ. Карательная власть и предоставляется имъ толь-ко потому, что нынѣшняя, исключительно - крестьянская волость навлекла на себя много нареканій. Облеченный властью мирового судьи и правами надзора (протеста и обжалованія въ губернскомъ присутствіи по сельскимъ дѣламъ) въ дѣлѣ волостнаго управленія, земскій начальникъ имѣлъ бы пол-номочія весьма достаточныя. Напомнимъ, что, при обсужденіи въ земскихъ учрежденіяхъ вопроса объ уѣздномъ управленіи, въ нѣсколькихъ губерніяхъ заявлялась мысль о предоставленіи мировымъ судьямъ власти надзора надъ крестьянскимъ управленіемъ съ отиѣной должности непремѣнныхъ членовъ, но при этомъ вообще не предполагалось предоставлять мировымъ судьямъ власти административно-карательной.

Мы не были сторонниками ни самаго учрежденія ословныхъ земскихъ начальниковъ, ни, тѣмъ болѣе, отиѣны выборныхъ мировыхъ судей. Ин-ститутъ мировыхъ судей мы считали однимъ изъ наиболѣе удавшихся, а несомнѣнные недостатки, въ немъ проявившіеся, мы относимъ къ недостат-камъ отчасти всего строя, а отчасти нашего общественнаго воспитанія, теперь же полагаемъ, что земскіе начальники будутъ сами по себѣ нисколько не лучше мировыхъ судей. Какъ мѣстныхъ людей ни переименовывай, они останутся тѣми же мѣстными людьми, съ прежними личными свойствами, а при одинакихъ общихъ условіяхъ трудно ожидать, чтобы одно новое на-званіе создало новую породу людей. Но если разсуждать практически, то разъ учрежденіе земскихъ начальниковъ съ отиѣной мировыхъ судей въ прин-ципѣ рѣшено, надо стараться извлечь изъ него наиболѣе пользы.

Такою и представилось бы, на первомъ планѣ, логическое послѣдствіе поставленія крестьянскаго управленія подъ надзоръ начальника, замѣняю-щаго мирового судью. Могутъ возразить, что лишеніе участковаго началь-ника права непосредственно карать волостныхъ должностныхъ лицъ про-тиворѣчило-бы самой мысли о необходимости учрежденія этого управленія. Но разсмотримъ и вопросъ, при какихъ условіяхъ дѣло упорядоченія яви-лось бы для начальника болѣе легкимъ: при оставленіи имъ за волостью со-става исключительно крестьянскаго, съ непосредственно-карательною властью участковаго начальника, или при обращеніи волости во всеословную, съ предоставленіемъ участковому начальнику (онъ же мировой судья) права надзора и права протеста?

Всякая сословность создаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, исключительность и замк-нутость. Оставаясь крестьянскою, волость будетъ въ значительной степени

недоступна для непосредственнаго наблюденія начальника, тѣмъ болѣе, что волостей подъ его надзоромъ будетъ нѣсколько. Такими дѣлами въ волости, съ которыми онъ можетъ ознакомиться лично и непосредственно, могутъ быть только тѣ, которыя стануть возникать по жалобамъ; такія дѣла онъ, дѣйствительно, можетъ узнать по самой сути при выслушаніи сторонъ и сличеніи предъявляемыхъ данныхъ. Короче, онъ узнаетъ самъ лишь такія дѣла, которыя будетъ разбирать въ качествѣ мирового судьи; а этой его функции мы нисколько и не касаемся. Затѣмъ, онъ можетъ убѣждаться самъ еще въ разныхъ, такъ сказать, «внѣшностяхъ»: застать старшину или писаря въ нетрезвомъ состояніи, замѣтить однажды, проѣздомъ, что у такой-то распивочной продажи происходитъ въ данную минуту нарушеніе благочинія, за что онъ и сдѣлаетъ подобающее внушеніе или взыскаііе; но сто пьяныхъ дракъ произойдутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ не проѣдетъ, или же и послѣ его проѣзда. Вообще, по внутреннему благоустройству въ крестьянской волости, личное удостовѣреніе начальника сводится, въ сущности, къ наблюденію за наружною стороною, наприм., за соблюденіемъ «чистоты и опрятности» въ помѣщеніи волостныхъ правленій. По всякимъ же другимъ, гораздо болѣе существеннымъ дѣламъ (кромѣ жалобъ) земскій начальникъ долженъ будетъ полагаться на отзывы тѣхъ должностныхъ лицъ въ волости, которыхъ онъ будетъ считать за трезвыхъ и добропорядочныхъ. Но, напримѣръ, всѣ тѣ надежды, которыя возлагаются на возможность освобожденія начальниками крестьянъ отъ притѣсненій кулаковъ и міроѣдовъ, непременно окажутся иллюзіями. Именно кулаки-то и представляются самыми трезвыми, во всѣхъ отношеніяхъ исправными и ужъ, конечно, распорядительными людьми. Власть налагать непосредственно взыскаііа еще нисколько не ручается за устраненіе всякаго зла посредствомъ стремительности въ наложеніи взыскаііій. И самая чувствительность взыскаііій въ одномъ известномъ случаѣ, при двадцати, оставшихся неизвѣстными, не составляетъ достаточной гарантіи.

Пусть бы лучше распоряженіе было менѣе поспѣшно, но вся внутренняя жизнь волости стала бы явнѣе, доступнѣе для раскрытія безпорядковъ и злоупотребленій, пусть бы въ дѣла волости было внесено болѣе свѣта, произволъ волостныхъ властей пусть бы встрѣтилъ препятствіе въ самой волости, а безответность ея членовъ пусть бы уменьшилась. Тогда наблюденіе земскаго начальника, даже и безъ права непосредственнаго, личнаго взыскаііа, могло сдѣлаться болѣе сознательнымъ, болѣе многостороннимъ, а, стало быть, и болѣе дѣйствительнымъ. Если бы въ составѣ волости находились и частные землевладѣльцы, и духовенство, и купцы, арендующіе земли, то могли ли бы старшина съ писаремъ выискивать, наприм., дважды одинъ и тотъ же сборъ или не давать себя учитывать поделу, какъ то иногда бываетъ? Дѣло не въ томъ, чтобы въ рѣдкомъ случаѣ, когда нѣчто подобное, обыкновенно долго прикрываемое въ крестьянской волости, по ея экономической зависимости отъ кулаковъ, стало немедленно известнымъ, нагрянуть и тотчасъ разнести виноватаго и праваго. Го-

раздо важнѣе, чтобы такіа и имъ подобныя дѣла вовсе не могли укрываться, хотя бы даже на краткое время. А это останется невысказаннымъ при той неизбежной замкнутости, какою представляеть волость сословная, исключительно-крестьянская.

Вопросъ о преобразованіи волости во всесословную мы поставили теперь въ связи съ предстоящимъ учрежденіемъ земскихъ участковыхъ начальниковъ, хотя вопросъ этотъ имѣеть совсѣмъ самостоятельное значеніе. Учрежденіе новой должности и не имѣло бы ничего общаго съ волостнымъ преобразованіемъ, если бы это учрежденіе осуществилось по первоначальной мысли проекта, то-есть если бы земскому начальнику предоставлено было только наблюденіе за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Тогда можно было бы даже признать, что новое учрежденіе еще закрѣпило бы собою отдѣльность, исключительность крестьянскаго управленія. Но значеніе земскаго начальника значительно измѣнилось тою поправкою, въ силу которой онъ получить судебную власть надъ лицами всѣхъ сословій. Почему же, являясь судьей всесословнымъ, онъ, какъ администраторъ, долженъ оставаться съ компетенціей исключительно по дѣламъ крестьянскимъ? Въ административной помощи участковаго начальника могутъ нуждаться не одни крестьяне, и нельзя же объяснять исключительно-крестьянскую компетенцію этой административной власти такимъ предположеніемъ, что для другихъ лицъ, проживающихъ въ ихъ участкѣ, и требуется защита только отъ крестьянъ, что всякое зло будто бы отъ нихъ только и исходить, а, стало быть, на нихъ только и нужна новая остротка. Если бы волость получила составъ всесословный, тогда самый участокъ, порученный въ дѣлю начальника и состоящій изъ нѣсколькихъ волостей, сталъ бы въ органическую связь съ общимъ строемъ низшаго управленія. Это былъ бы тотъ же прежній мировой участокъ, по превращенный въ посредствующее звено между низшею общесословною административною единицею—волостью и высшею—уѣздомъ.

Но и независимо отъ учрежденія участковыхъ начальниковъ, которое намъ подало поводъ напомнить объ этомъ вопросѣ, преобразование волости въ единицу общаго управленія требуется всѣмъ положеніямъ дѣлъ. Весьма многія изъ тѣхъ нареканій, какія возводятся нынѣ на нравственный характеръ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, по справедливости должно бы отнести къ крайнему несовершенству самаго устройства органовъ крестьянскаго управленія. При образованіи этихъ органовъ, одновременно съ освобожденіемъ и надѣломъ крестьянъ, исключительно преобладали соображенія временныя, истекавшія собственно изъ самаго этого дѣла. Но нынѣ, черезъ 28 лѣтъ послѣ великой реформы, пора уже рѣшительно подумать о такомъ устройствѣ, которое соответствовало бы постояннымъ, нормальнымъ потребностямъ, а не прекупациямъ одного только момента.

Положеніе 19 февраля создало двѣ низшія единицы управленія: сельскія общества и волость, и объемъ дало составъ исключительно крестьянскій. Относительно сельскаго общества это истекало изъ самаго представ-

ленія о немъ: въ сельскомъ обществѣ законодатель видѣлъ, прежде всего, единицу хозяйственную, соединенную общностью интересовъ по выкупу земли и по общинному ея пользованію. Въ волости же законодатель видѣлъ единицу преимущественно административную, и если придалъ ей составъ исключительно крестьянскій, то сдѣлалъ это изъ опасенія, чтобы прежній помѣщикъ, войдя въ составъ волостнаго управленія, не подчинилъ себѣ временно тѣхъ же крестьянъ. Впрочемъ, и въ организациі сельскаго общества отчасти отразился фактъ временный, такъ какъ положеніе предписывало образовывать сельское общество изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика, причемъ общество могло быть составлено изъ одного селенія, части селенія или изъ нѣсколькихъ селеній, въ чемъ уже проявлялось соображеніе количественное, противорѣчившее собственно идеѣ выраженія въ обществѣ земельной общины.

На дѣлѣ же вышло, что сельское общество весьма рѣдко совпадаетъ съ истинно-хозяйственной единицей, то-есть съ общиной, но существуетъ внѣ ея, и хотя имѣетъ характеръ хозяйственный, но только въ смыслѣ фискальномъ, въ смыслѣ раскладки податей и повинностей и отвѣтственности за ихъ сборъ. А, между тѣмъ, необходимость заставила уже въ самомъ положеніи сдѣлать яркое отступленіе отъ идеи совпаденія сельскаго общества съ земельною общиной, и, притомъ, отступленіе даже въ смыслѣ всесловности, а именно: поставленному во главѣ общества сельскому старостѣ были подчинены и всѣ лица, проживающія на земляхъ, отведенныхъ обществу, — впрочемъ, конечно, только лица податныхъ состояній. Въ дѣйствительности, сельскія общества, какъ они были образованы положеніемъ 19 февраля, вовсе не завѣдуютъ такими хозяйственными дѣлами, какъ передѣлы, раздѣлы земли и раскладка повинностей. Все это — дѣла одной общины, деревенскаго «мира»; сельское же общество имѣетъ собственно административное значеніе и представляется старостой, который собираетъ платежи, и особыми сборщиками платежей, гдѣ такіе еще существуютъ. Глава сельскаго общества, староста, является почти исключительно какъ сборщикъ обязательныхъ платежей, которыхъ взысканіе прямо поставлено главною его обязанностью. Правда, старостѣ предоставлено право задерживать виновныхъ въ преступленіяхъ и за маловажные проступки карать назначеніемъ виновныхъ на общественныя работы или арестомъ до двухъ дней или штрафомъ до одного рубля. Но староста, озабоченный, главнымъ образомъ, взысканіемъ платежей и, сверхъ того, являющийся исполнителемъ всевозможныхъ административныхъ требованій, мірскихъ рѣшеній и волостныхъ распоряженій, наконецъ, подлежащій самъ арестамъ по распоряженію исправника именно за неисправность взысканія сборовъ, рѣдко выбирается изъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, особымъ авторитетомъ среди ихъ не пользуется и карательную свою власть употребляетъ почти исключительно по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ.

Въ значительной степени то же можно сказать и о волостныхъ старшинахъ, за исключеніемъ, впрочемъ, ихъ личнаго положенія, такъ какъ стар-

ящины обыкновенно бываютъ изъ крестьянъ достаточныхъ, часто изъ кулажовъ. Но и они крайне обременены, во-первыхъ, взысканіемъ сборовъ, во-вторыхъ, исполненіемъ предписаній и запросовъ многочисленныхъ начальствъ и разсылкою повѣстоковъ. Волостные старшины, по закону, несутъ на себѣ всѣ полицейскія обязанности въ волости и отвѣчаютъ за порядокъ и благоучиніе въ ней. Но на удовлетворительное исполненіе этого назначенія они, при другихъ, болѣе видныхъ начальству дѣлахъ, не имѣютъ времени, а, сверхъ того, послѣ учрежденія полицейскихъ урядниковъ, старшины стали уклоняться отъ полицейскихъ обязанностей. И такъ, когда слышатся нареканія на то, что въ деревнѣ мало порядка, что своихъ властей крестьяне не слушаются, что власти эти отличаются бездѣйствіемъ, что, напримѣръ, множество приговоровъ волостныхъ судовъ остаются неисполненными, что въ маловажныхъ нарушеніяхъ слишкомъ часто является безнаказанность, то справедливо ли, однако, относить все это къ предполагаемой нравственной порчѣ крестьянъ и нѣтъ ли во всемъ этомъ доли—и даже значительной доли—вины въ самомъ устройствѣ крестьянскаго управленія?

Въ устройствѣ этомъ до такой степени преобладаетъ надо всѣмъ забота о сторонѣ фискальной, о «безнедомочномъ сборѣ», что напрасно и пенять на бездѣйствіе или неспособность крестьянскихъ властей въ другихъ отношеніяхъ. И несомнѣнно, что одно учрежденіе земскихъ начальниковъ, имѣющихъ право подвергать старшинъ и старостъ взысканіямъ, не можетъ измѣнить самой сущности дѣла. Для этого необходимо преобразовать самое управленіе, отдѣлить по возможности часть фискальную отъ попеченія о благоустройствѣ и благочиніи. Но весьма важнымъ шагомъ къ улучшенію было бы уже и самое преобразование волости въ общую единицу управленія, то-есть лишеніе ея характера исключительно-крестьянскаго.

Такъ, напримѣръ, волостной старшина нынѣ, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ заваленъ исполненіемъ разныхъ начальственныхъ требованій, чтобы удовлетворительно исполнять полицейскія обязанности, по которымъ еще существуетъ значительная неопредѣленность между нимъ и урядникомъ. А, между тѣмъ, въ очень многихъ случаяхъ, при надлежащей стачкѣ, возможенъ почти полный произволъ старшины. Бывали случаи, что волости годами воевали противъ своихъ старшинъ и никакимъ образомъ не могли ни смѣстить ихъ, ни учесть, ни ограничить ихъ произвола. Здѣсь опять является одно изъ несовершенствъ нынѣшняго устройства крестьянскаго управленія. По закону, волостью завѣдуетъ правленіе; на дѣлѣ же никакого правленія нѣтъ, а только и есть старшина, съ писаремъ, конечно. Волостное правленіе должно состоять изъ старшины, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей, но само собою разумѣется, что распоряженія исходятъ безъ всякаго созыва старостъ, которымъ иначе пришлось бы ежедневно приходиться изъ своихъ деревень въ волость. Такимъ образомъ, возложенныя на волостное правленіе обязанности по расходованію суммъ и продажѣ частнаго крестьянскаго имущества, по взысканіямъ, отправляются въ дѣйствительности только старшиной съ писаремъ. Точно такъ и волостной сходъ

вовсе не раздѣляеть съ старшиной его власти, а собирается рѣдко; иногда только разъ въ годъ, собственно для выборовъ.

Все это должно было бы измѣниться самымъ существеннымъ образомъ при преобразованіи волости во всесословную, причемъ въ правленіе могли бы назначаться сверхъ старостъ постоянные засѣдатели безъ жалованья. Присутствіе хотя бы одного образованнаго человѣка въ правленіи и на сходѣ уже сдѣлало бы немислимымъ большую часть такихъ неправильностей и злоупотребленій, какъ утайка поступленій, неправильная ссылка на законы, подтасовка состава волостнаго схода и т. п.

Возраженія, предъявляемыя противъ всесословной волости, могутъ быть подраздѣлены на два рода. Въ однихъ слышится только сомнѣніе, чтобы всесословная волость могла быть иною, чѣмъ какою она есть теперь; въ другихъ же выражается прямое недовѣріе къ всесословной волости. Возраженія первой категоріи состоятъ собственно въ томъ, что образованныхъ людей на мѣстахъ мало, что изъ нихъ не вездѣ и уѣздную управу можно составить, много ли же ихъ можетъ придтись на волость, и что такъ какъ на волостномъ сходѣ огромное большинство будетъ, все - таки, принадлежать крестьянамъ, то и всесословная волость останется такою же, какъ нынѣшняя, исключительно-крестьянская. Такія возраженія основаны на недоразумѣніи. Странно было бы и разсчитывать, чтобы въ мѣстномъ представительствѣ и управленіи страны, гдѣ крестьяне составляютъ болѣе 80 процентовъ населенія, образованные элементы преобладали численно. Но дѣло вовсе не въ томъ, чтобы образованные люди могли переголосовать крестьянъ на волостномъ сходѣ; важно то, чтобы открыть былъ доступъ свѣту въ ту сферу низшаго управленія, гдѣ всѣ несправедливости и злоупотребленія собственно и основываются на безграмотности избирателей и повѣрщиковъ или, по меньшей мѣрѣ, на незнаніи ими закона и на томъ чувствѣ безсилія, какое они ощущаютъ при мысли о томъ, чтобы имѣть защиту. Пусть въ правленіи или на сходѣ будетъ хоть одинъ образованный человѣкъ, да нѣсколько грамотныхъ людей, купцовъ или мѣщанъ, независимыхъ по положенію отъ старшины или писаря, и дѣло сразу перемѣнится. Мы вовсе не ожидаемъ, что волостная дѣятельность направится къ высшимъ цѣлямъ, станетъ руководиться выводами науки. Мы только разсчитываемъ, что всѣ дѣла стануть явнѣе, что будетъ больше повѣрки, что всякая подтасовка и кривое толкованіе закона стануть менѣе возможны, и то даже не вслѣдствіе дѣйствительныхъ протестовъ, но просто потому, что старшина съ писаремъ при иной обстановкѣ увидятъ невозможность позволять себѣ прежнія продѣлки и что, сверхъ того, въ правленіи и на сходахъ стануть заявляться разные существенныя потребности порядка и матеріальныхъ улучшеній, сверхъ одного взысканія недоимокъ и отпски по требованіямъ администраціи.

Говорятъ, образованныхъ людей на мѣстахъ мало. Но, вѣдь, волости состоятъ изъ тысячи, иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя исключительныя, по составу землевладѣнія, губерніи,

на это число душъ, въ средней пропорціи, можетъ оказаться нѣсколько частныхъ землевладѣльцевъ образованныхъ, то - есть хотя бы и не снабженныхъ университетскими дипломами, но вполне способныхъ понимать въ порядкѣ управленія болѣе, чѣмъ безграмотная масса. Сверхъ того, мы не знаемъ, какъ приведенное возраженіе мирится съ такимъ порядкомъ, при которомъ совершенно не существуетъ организованной общей дѣятельности ниже уѣздной (земской) сферы. На пространствѣ средней волости, особенно въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ, живутъ нѣсколько помѣщиковъ, купцовъ, священниковъ, учителей. Всѣмъ имъ мѣстныхъ нужды одинаково близки, какъ и крестьянамъ, а нѣкоторыя изъ этихъ нуждъ (по образованію, леченію, поправкѣ дорогъ, соблюденію строительнаго устава и т. п.) сознаются ими безспорно яснѣе, чѣмъ крестьянами. Мѣстныхъ нуждъ есть очень много такихъ, которыя даже вовсе и не могутъ подлежать разсмотрѣнію и попеченію уѣзднаго земства. Мостъ провалился на проселочной дорогѣ; земство, вѣдь, его чинить не будетъ, а крестьяне, пока соберутся, быть можетъ, годъ будутъ объѣзжать въ бродъ, хотя и сознавая, что мостъ починить бы не долго, да авось «господинъ» починитъ или кунецъ, которому здѣсь также проѣзжать надо. И нѣтъ никакого схода, никакого признаннаго кружка, въ которомъ всѣ жители волости, независимо отъ сословія, могли бы сговариваться объ общихъ повседневныхъ нуждахъ, о принятіи общихъ мѣръ, которыхъ никто, кромѣ нихъ, и принять не можетъ. Замѣтимъ, что самое земство, лишнее такихъ врастающихъ въ землю корней, какіе представлялись бы во всеобщихъ волостяхъ, доселѣ не можетъ приносить всей пользы, какой отъ нея должно ожидать, точно такъ, какъ желѣзно-дорожныя линіи, оставаясь безъ ближайшаго соприкосновенія съ производительными пунктами, т. - е. лишеныя питательныхъ подвозныхъ дорогъ, не могутъ приносить всей пользы, къ какой были бы способны.

Тѣ возраженія противъ безусловной волости, которыя основаны на недовѣрїи къ ней, кажутся намъ несостоятельными въ самомъ своемъ принципѣ. Вся государственная жизнь основана на взаимодействіи сословіи, въ смыслѣ подраздѣленій населенія по занятіямъ. Ставить цѣлое и, притомъ, наиболѣе многочисленное въ государствѣ сословіе подъ какой-то стеклянный колпакъ, изъ опасенія мнимыхъ поврежденій, грозящихъ ему отъ общенія, окружать это сословіе бюрократическими изоляторами, — все это, на нашъ взглядъ, представляетъ какую-то «маниловщину», не всегда даже, можетъ быть, и искреннюю. Полное отчужденіе, все равно, проведено быть не могло: участвуютъ же представители отъ крестьянскихъ обществъ въ земствѣ и вотируютъ обложение земель. Участвуютъ дворяне-домовладѣльцы въ городскихъ думахъ, вмѣстѣ съ гласными изъ мѣщанъ, не притѣсяя послѣднихъ. Вообще, пусть бы противники безусловной волости сговорились между собою; а то одни изъ нихъ говорятъ, что она не нужна, потому что численное преобладаніе, все-таки, будетъ на сторонѣ крестьянъ, въ то время, какъ другіе не хотятъ той же волости, опасаясь

ясь, что крестьяне через нее попадутъ въ кабалу къ «господамъ» и къ кулакамъ-промышленникамъ. Но кабала основывается на экономическихъ отношеніяхъ, а не на волостныхъ распоряженіяхъ. Наоборотъ, кулаку, будь онъ чужой или свой, гораздо болѣе на-руку сойтись съ нынѣшними, бевотвѣтственными предъ сходами старшиной и писаремъ, чѣмъ дѣйствовать открыто въ свою пользу, на сходѣ или въ правленіи, составленныхъ изъ лицъ всѣхъ сословій.

Предъявлялось и еще одно возраженіе: какимъ образомъ уравновѣситъ на волостномъ сходѣ голоса крестьянъ и лицъ другихъ сословій? Но этого вопроса мы теперь касаться не будемъ. Онъ ставился въ такомъ предположеніи, что волость войдетъ въ строй земскихъ учрежденій, какъ низшій ихъ органъ, причѣмъ говорилось даже объ избраніи земскихъ гласныхъ волостными сходами. Мы же рассматривали теперь вопросъ о всесословной волости въ связи съ земствомъ, просто какъ вопросъ о преобразованіи низшихъ органовъ управленія по поводу ожидаемаго нынѣ учрежденія земскихъ начальниковъ. Прибавимъ, что мы собственно и не видимъ нужды въ уравниженіи голосовъ. Опасаются, что крестьянское большинство станетъ высоко облагать частныя земли, торговыя и промышленныя заведенія. Въ этомъ отношеніи можно бы постановить, что обложеніе частныхъ земель не должно превышать обложенія крестьянской, или допустить установленіе волостныхъ сборовъ только до известной процентной нормы съ обложенія земскаго; или, обратно, установить правило, что число представителей частнаго землевладѣнія, торгово-промышленныхъ заведеній и крестьянскихъ обществъ на волостныхъ сходахъ должно опредѣляться пропорціонально распредѣленію суммы волостныхъ сборовъ.

Но, повторяемъ, этотъ вопросъ ставился впереди въ то время, когда обсуждалось образованіе изъ волости земской единицы. Намъ же занимаетъ теперь только мысль объ измѣненіи состава волости, о преобразованіи ея во всесословную административную единицу. Въ пользу такого преобразованія говорить и сама сущность дѣлъ, подвѣдомыхъ волостному правленію. Дѣла эти—вовсе не специально крестьянскія, за исключеніемъ выдачи крестьянамъ паспортовъ, но касаются интересовъ всего населенія, къ какому бы сословію оно ни принадлежало, какъ-то именно: власть полицейская, попеченіе о продовольствіи, приврѣтніи и школахъ, засвидѣтельствованіе договоровъ, исполненіе требованій разныхъ начальствъ. Почему же прочія сословія устранимы отъ участія какъ въ обсужденіи волостныхъ дѣлъ, такъ и въ содержаніи волостныхъ правленій? Прибавимъ, что мы не видимъ причины, почему бы преобразованіе волости не могло быть предметомъ отдѣльнаго узаконенія.

Въ финансовой области продолжали свое дѣйствіе въ минувшемъ мѣсяцѣ два главныя явленія послѣдняго времени: курсъ рубля медленно, но настойчиво клонился къ пониженію, а конверсіи слѣдовали одна за другой. Цѣна на золото поднялась до 7 р. 77 к., кредитный рубль стоитъ 64 к.

жет., курсы на Берлинъ $47\frac{1}{2}$ р. за 100 марокъ, на Парижъ— $38\frac{1}{2}$ р. за 100 франковъ. Въ виду накопленія вкладовъ, подъ вліяніемъ застоя въ дѣлахъ, государственный банкъ совершенно прекратилъ платежи процентовъ по вкладамъ. Мимоходомъ отмѣтимъ одно весьма примѣчательное, только что состоявшееся законоположеніе о томъ же банкѣ.

Законоположеніемъ этимъ банку разрѣшаются нѣкоторыя непредвидѣнныя въ его уставѣ операціи, какъ-то: пріемъ на комиссію векселей и другихъ денежныхъ документовъ для полученія по нимъ платежей, не только отъ кліентовъ банка, но и отъ лицъ, не имѣющихъ въ немъ текущихъ счетовъ, покупка и продажа за счетъ довѣрителей разныхъ процентныхъ бумагъ. Но главное и самое существенное при этомъ нововведеніе состоитъ въ томъ, что правленію банка предоставляется «въ исключительныхъ случаяхъ допускать, съ разрѣшенія министра финансовъ, разсрочки и отсрочки долговъ землевладѣльцевъ по учету векселей съ двумя подписями», съ обезпеченіемъ такихъ долговъ закладными. Вексель, какъ извѣстно, по взглядамъ торговымъ, тѣмъ отличается отъ всякихъ иныхъ долговыхъ обязательствъ, что онъ представляетъ собою результатъ одной, опредѣленной сдѣлки на срокъ. Напримѣръ, купивъ у заводчика издѣлія для исполненія взятаго на себя подряда или хлѣбъ у помѣщика для поставки его экспортеру, торговецъ часть денегъ уплачиваетъ наличными, а на другую часть даетъ вексель съ поручительствомъ на тотъ опредѣленный срокъ, когда онъ долженъ получить расчетъ по своей поставкѣ. Векселя потому и разсматриваются какъ платежное средство и обращаются на рынкѣ, что они обусловлены краткимъ срокомъ, обыкновенно не свыше 6-ти мѣсяцевъ (каковые учитываются банками). Именно потому, что векселя признаются платежнымъ средствомъ наравнѣ съ деньгами, въ законахъ установленъ особый порядокъ для ихъ взысканія, причемъ они имѣютъ предпочтеніе передъ всякими иными обязательствами, кромѣ закладныхъ, непосредственно обезпеченныхъ такимъ-то имуществомъ.

И такъ, характеристическую черту векселя составляетъ именно безусловность срока, почему вообще отсрочка уплаты по векселямъ не допускается, а если она совершается на дѣлѣ, то посредствомъ уплаты прежнихъ векселей въ срокъ—учетомъ векселей новыхъ, выданныхъ на дальнѣйшій срокъ. Забѣдимъ, однако, что такая операція, извѣстная подъ названіемъ «переписки векселей», даже частными банками не признается и официально отъ нихъ скрывается какъ вексеledательствъ, такъ и бланконадписательствъ, съ какою цѣлью новые векселя даже пишутся обыкновенно съ новымъ подраздѣленіемъ суммы, такъ чтобы они не имѣли вида пересрочки прежней сдѣлки, а представляли собой какъ бы сдѣлку новую. И такъ, изъ всѣхъ сословій въ государствѣ одни только землевладѣльцы и, притомъ же, заемщики банка государственнаго будутъ отнынѣ пользоваться такою льготой, что уплата по векселямъ будетъ имъ разсрочиваема, какъ, наприм., разсрочивается взносъ акциза по сахарному производству.

Обратимся къ конверсіямъ. Конверсія государственныхъ еще не кончилась,

какъ уже наступили конверсии облигацій желѣзно-дорожныхъ обществъ. Объ этомъ дѣлѣ, какъ и о многихъ другихъ, первыя извѣстiя у насъ получились изъ Берлина. Тамашнiя газеты сильно занялись «поляковскою конверсiей» и она послужила имъ, между прочимъ, предлогомъ для новой агитаціи въ смыслѣ пониженiя цѣны русскихъ фондовъ. Однимъ изъ германскихъ банкирскихъ домовъ предъявленъ былъ даже въ комитетъ берлинской биржи протестъ противъ допущенiя къ котировкѣ на ней облигацій частной русской конверсии на томъ основанiи, что заемщикъ не имѣетъ права измѣнять условiй своего долга или возвращать его до истеченiя условеннаго впередъ срока. Комитетъ, однако, принявъ во вниманiе допущенiе государственныхъ конверсiй, причемъ конвертированныя облигаціи допускались къ котировкѣ на биржѣ, не нашелъ ничего незаконнаго въ предложенiи со стороны должника вѣрителямъ выбора между пониженiемъ процента по долгу или полученiемъ его наличными деньгами до срока. Замѣтимъ, что берлинскому комитету и не было возможности придти къ иному рѣшенiю, такъ какъ наши конвертированныя государственныя облигаціи, какъ первой, такъ и второй серiи, были допущены къ котировкѣ на берлинской биржѣ, а въ самой конверсии второй серiи весьма видную роль игралъ домъ Блейхрѣдера, отъ посредничества котораго у насъ всего еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ торжествовалось «избавленiе».

Во время этой берлинской агитаціи у насъ произошелъ мелкій, по курьезный «пассажъ». Одна изъ специально «патриотствующихъ» газетъ при вѣсти объ этой агитаціи успѣшила высказать свое негодованiе не только на вѣчную обиду, которая со всѣхъ сторонъ грозитъ Россiи, въ силу иностраннаго «недоброжелательства» къ ней одной (точно на свѣтѣ есть только двѣ страны, и, притомъ, враждующія между собою, Россiя и «заграница»), но и на г. Полякова, которому поставились въ вину «гнилыя финансовыя операціи». Дня черезъ два, однако, та же газета напечатала нѣсколько строкъ въ такомъ смыслѣ, что изъ доставленныхъ ей свѣдѣнiй видно, что поляковская конверсiя совершается совершенно правильно; при этомъ, впрочемъ, газета не преминула подпустить такого «яду», что-де извѣстно, какъ легальна была и постройка поляковскихъ дорогъ, а между тѣмъ... Въ чемъ же заключались доставленные газетѣ возраженiя, она умолчала.

Что же теперь оазывается? Въ двадцатыхъ числахъ iюня появилось во всѣхъ газетахъ объявленiе отъ государственнаго банка о конверсии 5% облигацій не только курско-азовской, но еще козлово-воронежско-ростовской и орловско-грязской жел. дорогъ въ 4-хъ процентныя, совершаемой при участiи русскаго государственнаго банка и съ «абсолютною гарантiей» нашего правительства!

Сущность этой новой конверсии заключается въ слѣдующемъ. Обществомъ упомянутыхъ трехъ дорогъ разрѣшено выпустить новыя 4-хъ процентныя облигаціи въ металлической валютѣ, абсолютно гарантируемыя правительствомъ относительно уплаты процентовъ и погашенiя, на сумму всего около 207½ милл. германскихъ марокъ, для замѣны этики бумагами

остающихся еще въ обращеніи 5% облигацій тѣхъ же дорогъ. Новыя облигаціи, какъ сказано въ объявленіи банка, обезпечиваются воѣмъ достояніемъ и доходами выпускающихъ ихъ обществъ, что, впрочемъ, имѣетъ значеніе только для правительства, которое само безусловно ихъ гарантируетъ.

Какъ въ силу этого обстоятельства, такъ и по тому соображенію, что названныя дороги перейдутъ въ собственность правительства гораздо ранѣе сроковъ погашенія новыхъ облигацій, мы можемъ разсматривать эту конверсію какъ продолженіе государственныхъ конверсій. Обмѣнъ прежнихъ облигацій на новыя и на наличныя деньги производится въ государственномъ банкѣ и въ двухъ петербургскихъ частныхъ банкахъ, обмѣнъ же только однѣхъ облигацій на другія производится и въ другихъ, русскихъ и иностранныхъ банкахъ, причѣмъ посредникомъ въ Берлинѣ названъ Блейхрѣдеръ. Новыя облигаціи желѣзно-дорожныхъ обществъ освобождаются навсегда отъ русскаго налога, какъ и конвертированныя облигаціи государства. По полномъ окончаніи предпріяятаго дѣла конверсіи нашихъ высокопроцентныхъ займовъ, поступленіе налога съ фондовъ прекратится, за немногими исключеніями.

Выпускаются новыя облигаціи на сроки 61, 63 и 65½ лѣтъ, различно для каждой дороги, но по общимъ условіямъ обмѣна и общему курсу 89%, такъ что за каждыя 890 герм. марокъ въ прежнихъ, пятипроцентныхъ облигаціяхъ подписчики получаютъ 1,000 марокъ въ новыхъ, четырехпроцентныхъ облигаціяхъ; при этомъ добавляются къ цѣнѣ 890 марокъ еще 10 марокъ за проценты (съ 1 апрѣля до 1 іюля новаго стиля). На тѣхъ же условіяхъ новыя облигаціи продаются и за наличныя деньги, т.-е. за 900 марокъ наличными получается 1,000 марокъ въ новыхъ облигаціяхъ; на которыхъ имѣются уже съ 1 іюля 10 марокъ процентовъ за 90 дней.

Выпускная цѣна 89% представляется благопріятной для покупателей, такъ какъ биржевая цѣна государственными конвертированными облигаціями, упавшая вслѣдствіе недавняго общаго пониженія фондовъ, все-таки, стоитъ выше, а именно на 90 и 91%. Для самыхъ дорогъ операція конверсіи выгодна, потому что понизитъ ихъ годовыя платежи. При этомъ надо замѣтить, что хотя и въ настоящей конверсіи уменьшеніе годовыхъ платежей достигается собственно пониженіемъ погашенія, т.-е. продолжительною разсрочкой долга, но сроки погашенія для облигацій желѣзныхъ дорогъ назначены не въ 81 годъ, какъ при государственной конверсіи, а только на 61—65 лѣтъ. Стало быть, въ окончательномъ результатѣ, по новой конверсіи будетъ гораздо меньше переплатъ, чѣмъ по прежнимъ.

Въ общемъ, конверсіи, которыхъ можетъ предстоять еще цѣлый рядъ, сводятся, все-таки, на небольшое, относительно, уменьшеніе расхода въ настоящемъ, сопровождаемое продленіемъ долговъ на 20 и болѣе лѣтъ въ будущемъ, т.-е. обремененіемъ будущаго безъ реальной пользы. Понятно, что частныя общества, пока они владѣютъ дорогами, могутъ соблазниться результатомъ, хотя малымъ, но вѣрнымъ, — уменьшеніемъ годовыхъ платежей, отлично зная, что при выкупѣ дорогъ разность въ срокахъ и на-

решительной цифры долговъ будутъ принадлежать къ области условнаго, подлежащаго еще такому или иному соглашенію и рѣшенію. Но съ государственной точки зрѣнія дѣло представляется иначе и конверсiи, основанныя на разсрочкѣ долговъ, можно относить только къ разряду финансовыхъ палліативовъ или экспедіентовъ, т.-е. мѣръ второстепенныхъ, ставящихъ мелкіе результаты въ настоящемъ выше интересовъ будущаго.

Ужъ если обременять будущность займами безъ той крайней необходимости, которая обыкновенно создается войною, то гораздо болѣе широкую и плодотворную финансовую инициативу могло бы представить заключеніе займовъ для погашенія части бумажнаго обращенія и для возстановленія размѣна. Новое паденіе курса, показавшее тщетность ожиданій относительно хотя бы нѣкотораго его отверженія, поневолѣ наводитъ на мысль, что безъ возвращенія къ металлической валютѣ, хотя бы и съ извлеченіемъ нынѣшнихъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія по биржевому курсу, наши финансовыя условія будутъ и впредь хромать, а торговля и промышленность переносить убытки на колебаніяхъ курса или поощряться къ застою изъ страха передъ этимъ хроническимъ нашимъ зломъ. Потери отъ колебаній курса испытываются и приобретателями нашихъ фондовъ. Съ паденіемъ кредитнаго рубля уменьшается цѣнность только что приобретенной частными лицами процентной бумаги, исчисленной въ кредитной валютѣ. Съ возвышеніемъ же курса теряютъ приобретатели бумаги, исчисленной въ валютѣ металлической. Такъ, вслѣдствіе нѣкотораго повышенія цѣнности кредитнаго рубля на берлинской биржѣ въ началѣ іюня (до 210 марокъ за 100 р.), только что передъ тѣмъ приобретенныя капиталистами государственныя конвертированныя 2-й серіи облигаціи упали до 91½ и даже 90%,—значить, тотъ, кто по обстоятельствамъ былъ принужденъ продать ихъ въ тѣ дни, продалъ ихъ съ убыткомъ противъ той цѣны, какую заплатилъ за нихъ при подпискѣ.

Мѣры, направленные къ сліянiю балтійскихъ губерній, охватываютъ постоянно все шире существующій въ Остзейскомъ краѣ строй. Введеніе общихъ судебныхъ установленій въ томъ краѣ должно совершиться еще въ нынѣшнемъ году. Въ дополненіе общей судебной реформы предстоитъ преобразование и крестьянскихъ учрежденій судебно-административнаго характера: упраздненіе такъ называемыхъ уѣздныхъ судовъ, административныя обязанности которыхъ будутъ раздѣлены между приходскими судами и губернскимъ управленіемъ, а также преобразование приходскихъ судовъ. Эти послѣдніе имѣли доселѣ составъ коллегіальный, а именно судъ приходскій состоялъ изъ засѣдателей отъ крестьянъ и предсѣдателя по выбору дворянства; взаимнъ этого, будутъ единоличныя приходскіе судьи, назначаемые министерствомъ юстиціи, по соглашенію съ губернаторомъ.

Относительно самаго назначенія персонала общихъ судебныхъ установленій сдѣлалось извѣстнымъ, что отдано будетъ рѣшительное предпочтеніе уроженцамъ русскихъ губерній. Газеты сообщали, что министерствомъ юсти-

тѣм сдѣланъ былъ циркулярный запросъ членамъ судовъ во внутреннихъ губерніяхъ, не пожелають ли они перейти въ суды Балтійскаго края. Сверхъ того, сообщается, что въ истекшемъ мѣсяцѣ засѣдали въ Петербургѣ предводители дворянства, вызванные изъ остзейскихъ губерній въ комиссію, которая обсуждаетъ преобразование самыхъ дворянскихъ учреждений въ томъ краѣ. Предводители, какъ извѣщаютъ, рѣшительно высказались противъ измѣненій въ устройствѣ дворянскихъ учреждений, но и по отъѣздѣ ихъ изъ Петербурга комиссія продолжала обсужденіе этого вопроса.

Далѣе, составляется предположеніе о перемѣнахъ въ городскомъ устройствѣ прибалтійскихъ губерній, и въ особенности въ порядкѣ производства городскихъ выборовъ. *Рижскій Вѣстникъ* усиленно продолжаетъ свою агитацію въ смыслѣ лишенія такъ называемыхъ «литератовъ» права участія въ городскихъ выборахъ и представительствѣ. При преобразованіи городскихъ учреждений, какъ сообщаютъ, будетъ установлена обязательность русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ этихъ общественныхъ учреждений. Устраненіе литератовъ помянутая газета основываетъ на такомъ соображеніи, что литераты, «не будучи связаны почти ничѣмъ съ городскимъ обществомъ, тѣмъ не менѣе, захватили въ свои руки городское представительство и направляютъ городскія дѣла не къ пользѣ и ко благу городского населенія, а въ интересахъ балтійской партіи, къ которой почти всѣ они принадлежатъ». Оставимъ въ сторонѣ «балтійскую партію», тѣмъ болѣе, что она вовсе не существуетъ, а существуютъ просто нѣмцы, которымъ невозможно не быть нѣмцами, какъ бы даже они ни стали отпираться отъ «балтійской партіи». Вѣдь, не назначать же ихъ въ члены новыхъ балтійскихъ судовъ, хотя бы литераты эти имѣли юридическое образованіе и ни въ чемъ административно-неодобряемомъ замѣшаны не были. Но замѣчательно, что русская рижская газета, требуя устраненія литератовъ отъ участія въ городскомъ представительствѣ на томъ основаніи, что они «не связаны почти ничѣмъ съ городскимъ обществомъ», дѣлаетъ затѣмъ слѣдующую оговорку: «разумѣется, это не избавило бы совершенно городское представительство отъ вліянія литератовъ, многіе изъ которыхъ имѣютъ право на участіе въ выборахъ въ качествѣ домовладѣльцевъ, собственниковъ промышленныхъ предпріятій» и т. д.; но газета утѣшаетъ себя, что, все-таки, число литератовъ уменьшилось бы. Спрашивается, какіе же это литераты—домовладѣльцы и промышленники? А, между тѣмъ, разсужденія *Рижскаго Вѣстника* грѣшатъ недостаткомъ не логики, но просто откровенности. Вмѣсто того, чтобы писать прямо, что надо бы вообще устранить всѣхъ образованныхъ нѣмцевъ отъ участія въ городскомъ представительствѣ, такъ какъ необразованные, оставшіе одни, были бы податливыѣ, пускаются въ ходъ завѣдомо фальшивыя иносказанія, которыя противны, такъ какъ смыслъ ихъ вполне ясенъ какъ для одной, такъ и для другой стороны, а, между тѣмъ, продолжаетъ процвѣтать какой-то нелѣпый провинціально-дипломатическій языкъ.

Мы никогда не стояли за сохраненіе остзейскихъ привилегій, — напротивъ, мы всегда высказывали убѣжденіе, что сословное образованіе всѣхъ особенныхъ учрежденій того края совсѣмъ устарѣло, не соответствуетъ справедливости и должно уступить мѣсто общерусскому (и общеевропейскому) бессословному строю. Конечно, можно бы спросить: насколько исполненіе такой задачи соответствуетъ тому общему направленію, какое преобладаетъ въ настоящее время? Яркимъ признакомъ неполнаго соответствія въ этомъ случаѣ представляется то обстоятельство, что именно наименѣе рациональное изъ всѣхъ сословныхъ учрежденій въ Балтійскомъ краѣ — вотчинная полиція помѣщиковъ — будетъ сохранено. Но и по отношенію къ этому учрежденію не мы принадлежимъ къ «балтійской партіи».

А, все-таки, есть вещи, которыя намъ кажутся преувеличеніями, не могущими принести никакой пользы. Мы совершенно понимаемъ и приветствуемъ все, что направлено къ освобожденію балтійскаго населенія отъ юридическаго преобладанія дворянства въ управленіи и судѣ (начиная съ вотчинной полиціи). Затѣмъ мы сознаемъ и ту задачу, которая заключается въ постановкѣ государственнаго мѣстнаго дѣлопроизводства и государственнаго преподаванія на языкъ государственномъ. Но все, что идетъ дагѣе, напримѣръ, назначеніе въ члены судовъ только русскихъ, передѣлка городского избирательства съ цѣлью ослабленія какой-то партіи, обязательность совѣщаній въ магистратахъ нѣмцевъ-ремесленниковъ на невозможномъ псевдо-русскомъ языкѣ, а тѣмъ болѣе обязательность составленія на томъ же языкѣ, или на импровизируемыхъ его діалектахъ, обѣденныхъ картъ въ балтійскихъ ресторанахъ, — все это и тому подобное приводитъ насъ къ нѣкоторому недоразумѣнію. Прежде всего, мы хотѣли бы, чтобы кто-нибудь потрудился объяснить, какая во всемъ этомъ нужда и какая ожидается отъ всего этого реальная польза? Совершенно понятно, что балтійскій нѣмецъ, состоящій на государственной службѣ, обязанъ будетъ говорить и писать по-русски, и, притомъ, правильно, хотя въ то самое николаевское время, которое *Гражданинъ* постоянно ставитъ идеаломъ для нынѣшняго, полные генералы изъ нѣмцевъ говорили не въ рижскомъ магистратѣ, а въ военномъ совѣтѣ въ Петербургѣ на языкѣ гораздо менѣе правильномъ, чѣмъ даже языкъ названнаго изданія. Но какое дѣло государству до обѣденныхъ картъ, хотя бы даже до протоколовъ, составляемыхъ магистратскими нѣмцами?

Скажутъ, здѣсь одно — для удобства мѣстныхъ русскихъ, а другое — для проведенія общаго принципа господства государственнаго языка. Но въ томъ-то и дѣло, что тамъ, гдѣ населеніе, за исключеніемъ незначительнаго процента, не русское, — ни безусловное удобство для русскихъ, ни безусловное господство русскаго языка все равно осуществляемы быть не могутъ. Какое же удобство въ варварски написанныхъ прейсъ-курантахъ и счетахъ, и хотя бы протоколахъ, когда русскому, все равно, при всѣхъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ надо будетъ прибѣгать къ нѣмецкому языку? Къ чему русскій, который, придя къ портному и булочнику и

что необходимости говоря съ ними по-нѣмецки, будетъ требовать, чтобы тѣ же портной и булочникъ, собравшись въ магистратѣ, непременно излагали дѣловыя рѣшенія на русскомъ языкѣ?

Рациональныя, осуществимыя и полезныя требованія въ отношеніи государственнаго единства и господства государственнаго языка должны непременно быть впередъ обусловлены известнымъ предѣломъ. Если же идти въ этомъ направленіи безъ сознанныго впередъ и твердо установленнаго предѣла, то это значитъ вдаваться въ нескончаемое и совершенно безплодное дѣло. Для государственнаго единства отъ такой безпредѣльности можетъ быть только вредъ, такъ какъ ничто не создаетъ столь ѣдкого раздраженія, какъ ежеминутныя, хотя бы булавочныя уколы. Все равно, всѣхъ нѣмцевъ, леттовъ и эстовъ невозможно превратить въ великоруссовъ, а гораздо лучше имѣть ихъ довольными, чѣмъ поголовно-раздраженными. Тутъ не поможетъ никакая провинціальная дипломатія, рассчитанная на то, чтобы вбить кливъ между нѣмцами, съ одной стороны, латышами и эстами—съ другой. Во-первыхъ, всѣ эти три элемента, помимо розни экономической, имѣютъ и взаимную связь, которая представляется вѣрою, привязанностью къ краю и нѣкоторымъ недоумѣемъ къ прошлымъ административнымъ элементамъ. Во-вторыхъ, при отсутствіи того «предѣла», о которомъ мы упомянули, вслѣдъ за мѣрами противъ нѣмцевъ «балтійской партіи» непременно должны будутъ явиться дальнѣйшія мѣры и противъ летто-эстонской «балтійской партіи», иначе какой же былъ бы выигрышъ отъ смѣны нѣмецкаго характера края эстонско-латышскимъ характеромъ?

Есть только одинъ элементъ, который можетъ извлекать пользу изъ отсутствія ясно установленной цѣли и впередъ назначеннаго предѣла въ мѣрахъ объединительныхъ и въ заботахъ о господствѣ государственнаго языка. Этотъ элементъ представляется тою многочисленною арміею мелкихъ должностныхъ лицъ, которыя въ неопредѣленности и неисполности требованій, какъ въ мутной водѣ, станутъ отыскивать нещчерпаемаго для себя улова. Выгоду извлекутъ и тѣ «мѣстные дѣятели», которые въ качествѣ корреспондентовъ и разнаго рода «писателей»-ирючниковъ будутъ подбирать всякую ветошь, въ видѣ неправильно написаннаго счета, отсутствія на праздникѣ, непринятія участія въ подпискѣ и т. п., и представлять ее на тѣ рынки, гдѣ она требуется, въ видѣ умышленнаго подвоха, плода враждебной интриги и т. д. Всякій, конечно, хочетъ жить и хочетъ для себя удобствъ. Но удобства послѣдней категоріи несомнѣнно предпочтительнѣе удобства спокойнаго быта для всего населенія,—понятно, насколько удобства эти не противорѣчатъ дѣйствительнымъ, но не призрачнымъ государственнымъ интересамъ.

Наши законы, воспрещая сговоры между рабочими, не знаютъ также и объ уговорахъ между обществомъ или частными представителями разныхъ родовъ промышленности съ цѣлью «регулированія» цѣнъ, обезпече-

нія сбыта и т. д. Между тѣмъ, на практикѣ соглашенія этого рода не только установились, но и признаются правительствомъ, отчасти имъ утверждаются (какъ тарифныя соглашенія желѣзно-дорожныхъ обществъ), отчасти даже принимаются къ свѣдѣнію при выработкѣ законодательно-экономическихъ мѣръ (какъ заявленія желѣзно-дорожныхъ сѣздовъ, сѣздовъ горнозаводчиковъ), наконецъ, допускаются и въ такомъ случаѣ, когда соглашения эти прямо направлены къ ограниченію конкуренціи и къ возвышенію цѣнъ. Въ этой послѣдней категоріи принадлежатъ сѣзды сахарозаводчиковъ, съ устанавливаемыми ими синдикатами, и сѣзды представителей обществъ страхования. Замѣчаніе наше, впрочемъ, нисколько не клонится къ ограниченію такой свободы соглашеній между представителями капитала, а лишь къ тому, что признаніе подобныхъ соглашеній логически предполагало бы и свободу уговоровъ между представителями другаго фактора производительности, именно—труда, съ тѣмъ, конечно, чтобы такіе уговоры носили на себѣ характеръ мирный и непринудительный.

Сѣзды представителей страховыхъ обществъ до самаго послѣдняго времени были именно ни чѣмъ инымъ, какъ органами для ограниченія конкуренціи въ страховомъ дѣлѣ и установленія настоящихъ стачекъ между обществами съ цѣлью поддержанія, а частью и возвышенія существующихъ страховыхъ премій. Оттого, публика нисколько не выигрывала отъ постепеннаго размноженія такихъ обществъ, или если выигрывала, то только въ томъ смыслѣ, что виды страхования постепенно разнообразились: за страхованіемъ недвижимыхъ имуществъ явились страхованія движимости, потомъ капиталовъ и доходовъ, земледѣльческихъ продуктовъ, наконецъ, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ. Но самыя преміи не уменьшились и страхователи напрасно угрожали какому-либо правленію, что перейдутъ въ другое общество, такъ какъ и въ томъ обществѣ, къ силу стачки, съ нихъ не могли взять дешевле.

Такимъ образомъ, страховыя общества успѣли захватить въ свою пользу всю выгоду пониженія казенной пошлины со страхования, произведеннаго закономъ 1868 года. До того года пошлина взималась къ размѣру 25 коп. съ каждой тысячи рублей оцѣнки имущества (сверхъ того, существовалъ еще городской сборъ въ 75 коп. съ 1,000 рублей оцѣнки). Законъ 1868 года оставилъ страхованіе подлежащимъ лишь казенной пошлинѣ въ размѣрѣ 5 коп. съ 1,000 рублей оцѣнки, но пониженіемъ этимъ, въ силу конвенцій, воспользовались, главнымъ образомъ, самыя общества. Подъ вліяніемъ расходовъ, вызванныхъ послѣднею войною, законъ 1878 года снова возвысилъ казенную пошлину со страхования, и, притомъ, въ размѣрѣ 75 коп. съ каждой тысячи рублей оцѣнки. Такое возвышеніе доставляетъ казнѣ ежегодно нѣсколько милліоновъ рублей, является въ высшей степени анти-экономическимъ въ такой странѣ, гдѣ пожары разоряютъ вдругъ цѣлые города. Такъ, нынѣшнимъ лѣтомъ сгорѣлъ городъ Остротъ (Вол. губ.). Страховыя преміи столь высоки, что въ мелкихъ и бѣдныхъ

городахъ владѣльцы часто не имѣютъ возможности оплачивать сбора, по малоодоходности строеній, и, въ случаѣ пожара, разоряются окончательно.

Введеніе закона 1878 года могло бы отозваться на сокращеніи страхованія вслѣдствіе возвышенія премій. Возвышеніе, дѣйствительно, и произошло, но не на всю сумму увеличенія налога. Причиною тому была конкуренція—не между страховыми компаніями, конечно, но между ними и городскими и земскими обществами взаимнаго страхованія, которыя въ 1878 году успѣли возникнуть во многихъ мѣстностяхъ. Въ виду этой конкуренціи, страховыя компаніи и не возвысили своихъ премій на весь размѣръ увеличенія пошлины, а часть ея приняли на себя, но затѣмъ продолжали поддерживать высоту премій своими соглашениями. Однако, постепенное развитіе обществъ взаимнаго страхованія болѣе и болѣе являлось въ этомъ дѣлѣ новымъ и важнымъ регуляторомъ. Повсюду, гдѣ общества взаимнаго страхованія существуютъ, страховыя компаніи принуждены были понизить свои преміи, стараясь вознаграждать себя высокою цѣною въ другихъ мѣстностяхъ. Въ общемъ результатѣ, однако, страхованіе и въ самыхъ компаніяхъ клонится нынѣ къ пониженію премій.

Такъ, на съѣздѣ представителей страховыхъ обществъ, происходившемъ нынѣшнюю весной, заявлено было, что за 1888 годъ итогъ премій въ 14 акціонерныхъ обществахъ страхованія составилъ менѣе 32 милл. рублей, между тѣмъ какъ въ 1883 году онъ равнялся слишкомъ 34½ милл. рублей, между тѣмъ какъ цѣна застрахованныхъ имуществъ въ 1888 году была значительно выше. Замѣтимъ, что относительная тягость казеннаго налога не уменьшается съ пониженіемъ премій, но, наоборотъ, возрастаетъ, такъ какъ налогъ взимается пропорціонально не суммѣ премій, но суммѣ оцѣнокъ. Такъ какъ акціонерныя страховыя общества, оставаясь въ стачкѣ, понижаютъ преміи только тамъ, гдѣ учреждено взаимное страхованіе, а въ другихъ мѣстностяхъ держатъ высокія цѣны, то было бы весьма полезно освободить взаимное страхованіе отъ всякаго казеннаго налога. Налогъ съ взаимнаго страхованія самъ по себѣ несправедливъ, такъ какъ противорѣчитъ основному правилу финансовой науки, что обложенію можетъ подвергаться только частный доходъ, причемъ и косвенные налоги расчитываются такъ, чтобы производители обложенныхъ предметовъ или операций уплачивали налогъ изъ чистаго дохода (напримѣръ, оцѣночный и раскладочный сборы), или, внося налогъ изъ валоваго дохода (акцизы), могли бы, все-таки, получить чистую прибыль. Взаимное страхованіе, между тѣмъ, прямо расчитано на отсутствіе всякаго чистаго дохода: по мѣрѣ того, какъ оказывалась въ каждомъ обществѣ взаимнаго страхованія чистая прибыль, страховыя преміи должны быть настолько же понижаемы. Гдѣ же основаніе для взиманія налога съ взаимныхъ страхованій?

Нынѣшній съѣздъ представителей акціонерныхъ страховыхъ обществъ занимался не общимъ вопросомъ о высотѣ премій, но нѣкоторыми спеціальными вопросами: о перестраховкѣ заграничной, о классификаціи го-

родовъ по степени представляемой ими безопасности относительно пожаровъ и объ установленіи, по полосамъ имперіи, тарифовъ для сельско-хозяйственнаго страхованія. Какъ извѣстно, акціонерныя страховыя общества перестраховываютъ часть принимаемой ими на страхъ суммы—взаимно между собою, и часть—въ заграничныхъ страховыхъ учрежденіяхъ. Страховое дѣло, какъ рассчитанное на данныхъ опыта, въ общемъ имѣетъ доходъ вполне обезпеченный и весьма значительный, вслѣдствіе чего казна, обладающая многочисленными имуществами, вовсе ихъ и не боится, такъ какъ ей пришлось бы платить премій на большую сумму, чѣмъ сколько, по даннымъ опыта, она рискуетъ потерять отъ пожаровъ. И вотъ наши страховыя общества, рассматривая и сами страхованія какъ налогъ, пришли къ мысли—освободиться, насколько возможно безъ риска, отъ части того налога, какой для нихъ самихъ представляетъ перестраховка въ заграничныхъ учрежденіяхъ. Мысль—въ томъ, чтобы возможно большая часть той суммы, какая идетъ на перестраховку за границей, оставалась въ Россіи, и выгода при этомъ та, что перестраховка между обществами въ Россіи — взаимная, между тѣмъ какъ заграничныя общества не перестраховываютъ въ русскихъ. Обсуждалось такое предположеніе, чтобы почти половину, а именно 40 процентовъ общей суммы по перестраховкамъ за границу, раздѣлить между 14 русскими страховыми обществами.

Затрудненіе при этомъ заключается въ неравной солидности и осторожности веденія дѣла разными русскими обществами. Предпріятія наиболѣе солидныя опасаются принимать въ перестраховку имущества, застрахованныя провинціальными обществами, изъ которыхъ нѣкоторыя допускаютъ слишкомъ высокія оцѣнки и страхуютъ, не удостовѣрившись въ условіяхъ опасности, какой имущества могутъ быть подвержены. Возникло также предположеніе объ учрежденіи новаго центрального общества, специально назначеннаго для перестрахованія, съ тѣмъ, чтобы существующія общества обратили на учрежденіе этого новаго предпріятія часть своихъ резервныхъ капиталовъ. Что касается классификаціи городовъ для установленія высоты страховыхъ премій соотвѣтственно степени безопасности, а также классификаціи губерній, на томъ же основаніи, для опредѣленія премій по страхованію зерновыхъ запасовъ и скота, то оказалось, что имѣющіяся въ распоряженіи обществъ статистическія данныя слишкомъ общи и потому не могутъ служить основаніемъ для такой классификаціи, а потому дѣло это отложено до собранія данныхъ болѣе специальныхъ. Однако, какъ сообщаютъ газеты, теперь же рѣшено возвысить вообще премій по страхованію хлѣба, скота и деревянныхъ строеній въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ, такъ какъ за послѣдніе годы общества, вслѣдствіе частыхъ пожаровъ или несоразмѣрныхъ оцѣнокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ того края не только не имѣли барыша, но понесли потери. Общества должны были имѣть въ виду, что казна уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ перестала принимать въ обезпеченіе подрядовъ еврейскіе деревянные дома въ сѣверо-западномъ краѣ, такъ какъ дѣйствительная ихъ цѣнность постоянно ока-

звувалась ниже оцѣнокъ. Но дѣло въ томъ, что и агенты страховыхъ обществъ не всѣ благонадежны.

До половины прошлаго мѣсяца извѣстія объ урожаѣ были, въ общемъ, крайне неутѣшительны. Въ юго-западныхъ, степныхъ и поволжскихъ губерніяхъ, а частью и въ центральныхъ, озими считались пропавшими, и на югѣ онѣ пропали окончательно. Суровая и малоснѣжная зима, а съ весны засуха представили самыя неблагопріятныя условія. Засуха вредила и яровымъ хлѣбамъ, но съ двадцатыхъ чиселъ іюня стали получаться свѣдѣнія успокоительныя, вслѣдствіе выпадавшихъ въ нѣкоторыхъ полосахъ обильныхъ, хотя и рѣдкихъ дождей. Въ восточныхъ губерніяхъ дѣло еще могло поправиться, но въ южныхъ уже надѣялись, въ совокупности, только на средній урожай, а въ западныхъ не имѣли и этой надежды. Урожай двухъ послѣднихъ лѣтъ были такъ обильны, что, несмотря на колоссальный вывозъ хлѣба за границу, остались еще большіе запасы, такъ что количество хлѣба на вывозъ и въ нынѣшнемъ году не упадетъ сразу слишкомъ низко. Но самый спросъ за границу несомнѣнно уменьшится. Картина въ нынѣшнемъ году представляется прямо обратная прошлогодней. Не только большой урожай у насъ, но и неурожай въ значительной части Европы вызвалъ чрезвычайный отпущекъ изъ Россіи, который продолжался и въ первые пять мѣсяцевъ текущаго года. За эти пять мѣсяцевъ вывезено изъ Россіи хлѣба 148 мил. пудовъ, такъ что и въ прошломъ году, за тотъ же періодъ, было отпущено только на около 20 мил. пуд. больше, а именно 168 мил. пуд. Но это—еще послѣдствіе прошлогоднихъ условій. Въ нынѣшнемъ же году неурожай или (самое лучшее, чего можно ожидать) близкій къ среднему урожай въ Россіи, а въ Америкѣ, во Франціи, въ Германіи (кромя Пруссіи) и Англіи урожай хорошъ. Нѣкоторое возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ уже произошло, и, притомъ, такъ, что въ нѣкоторыхъ внутреннихъ пунктахъ цѣны уже сравнивались съ существующими въ портахъ, а отчасти даже превзошли послѣднія. Цѣны регулируютъ торговлю, и если бы вліяніе цѣнъ сказывалось тотчасъ повсемѣстно, то и самыя колебанія ихъ могли бы быть лишь незначительны, такъ какъ малѣйшее возвышеніе цѣны въ одномъ пунктѣ тотчасъ вызвало бы приливъ туда продукта. При безусловномъ дѣйствіи этого фактора нельзя было бы опасаться, что мы будемъ продолжать вывозить хлѣбъ за границу въ то время, какъ нѣкоторые мѣстности въ самой странѣ будутъ голодать.

Но въ дѣйствительности торговое движеніе не мѣняетъ своего направленія по первому указанію того барометра, какой представляютъ цѣны. Всѣ главныя средства и силы хлѣбной торговли направлены именно къ вывозу: въ этомъ направленіи дѣйствуютъ сильныя экспортскіе дома, съ многочисленнымъ составомъ комиссіонеровъ - скунщиковъ, пониженные тарифы по перевозкѣ къ портамъ, есуды подъ хлѣбъ на дорогахъ, работающихъ для вывоза, обширныя склады въ портахъ, наконецъ, завязанныя уже отношенія между производителями, комиссіонерами и торговыми домами. Все это

дѣлаетъ, что, при равенствѣ цѣнъ и разстоянiя, хлѣбъ изъ урожайной мѣстности предпочтительно будетъ продолжать свое теченiе къ пункту портовому, чѣмъ измѣнять это направленiе, обращаясь къ пункту внутреннему. Въ концѣ-концовъ, значительная разность въ цѣнахъ или уменьшенiе спроса въ портахъ, конечно, сдѣлаетъ свое; но, въ промежуткѣ, нѣкоторыя мѣстности неурожайныя могутъ, все-таки, очутиться въ трудномъ положенiи. Мы говоримъ теперь, конечно, не о помощи тѣмъ, кому будетъ не на что купить хлѣба, хотя бы онъ и не былъ дорогъ. Помощь этого рода относится уже къ продовольственному дѣлу, которое лежитъ на попеченiи земствъ. Мы разсуждаемъ лишь объ устраненiи такой возможности, что продолжающiйся отпускъ хлѣба за границу явился бы препятствiемъ и для земствъ въ закупкѣ зерна для раздачъ въ ссуду. Подъ влiянiемъ этого опасенiя, въ печати уже упоминалось о такой мѣрѣ, какъ временное воспрещенiе вывоза хлѣба изъ страны. Намъ подобная мѣра, въ прежнее время нерѣдко практиковавшаяся въ Европѣ, представляется одновременно и слишкомъ энергичною, и вмѣстѣ недостаточною. Внезапное воспрещенiе вывоза произвело бы полную пертурбацію въ торговлѣ, вызвало бы банкротства, поставило бы въ затруднительное положенiе пограничныя, наприм., съ Пруссiей, мѣстности, которымъ нѣтъ иного исхода, какъ продавать хлѣбъ за границу. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещенiе вывоза, все-таки, повлiяло бы на торговлю только общимъ образомъ: побудило бы многихъ производителей и торговцевъ къ приостановкѣ продажъ и понизило бы цѣны, но не облегчило бы подвозъ хлѣба въ мѣстности, наиболѣе нуждающiяся.

Намъ кажется, что, вмѣсто этой мѣры, можно было бы принять другую, болѣе специальную и болѣе дѣйствительную, пользуясь недавно изданнымъ закономъ о тарифномъ надзорѣ. Въ силу этого закона, правительство имѣетъ право производить въ тарифахъ желѣзныхъ дорогъ измѣненiя и независимо отъ почина или согласiя желѣзно-дорожныхъ обществъ. И такъ, вмѣсто того, чтобы воспрещать вывозъ хлѣба за границу, правительство, руководствуясь своими свѣдѣнiями, какiя именно мѣстности наиболѣе нуждаются въ продовольствiи и въ какiхъ торговыхъ пунктахъ имѣются наибольшiе запасы хлѣба, могло бы дѣлать распоряженiя о временномъ значительномъ пониженiи цѣнъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ въ прямомъ сообщенiи изъ послѣднихъ въ первыя. Пониженiя эти могли бы быть допускаемы даже въ размѣрѣ положительно убыточномъ для частныхъ дорогъ, но съ тѣмъ, что вся недоплата по перевезенному въ теченiе нужнаго времени въ опредѣленныя мѣстности хлѣбу, противъ обыкновенныхъ тарифовъ, будетъ исчислена особою суммой, и сумма эта будетъ зачтена въ уплату суммъ, слѣдующихъ казнѣ отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, возвратомъ, въ счетъ облигацiоннаго капитала и ссудъ.

Уменьшая, такимъ образомъ, ожидаемыя современемъ, но до нѣкоторой степени, все-таки, проблематическiя поступленiя съ желѣзно-дорожныхъ обществъ въ казну, послѣдняя ничего бы не теряла, такъ какъ предупредила бы такимъ образомъ экономическое разоренiе и податную несостоятель-

жность цѣлыхъ мѣстностей на нѣсколько лѣтъ, а также и несостоятельность земства, какая можетъ быть результатомъ закупокъ хлѣба по высокимъ цѣнамъ и несправнаго поступленія платежей съ крестьянъ въ возвратъ выданныхъ имъ хлѣбомъ ссудъ. Предлагаемая мѣра имѣла бы то достоинство, что обусловливала бы прямое и специальное облегченіе для снабженія хлѣбомъ мѣстностей, наиболѣе нуждающихся. Цѣны его въ такихъ мѣстностяхъ, конечно, были бы, все-таки, выше обыкновенныхъ, а значительное удешевленіе провоза дало бы сильный толчокъ торговлѣ хлѣбомъ, побуждая ее реализовать барыши одновременно на возвышенныхъ цѣнахъ и дешевизнѣ провоза. Возьмемъ для примѣра цѣны на рожь, бывшія въ двадцатыхъ числахъ мая, когда уже явились опасенія за урожай. Если рожь стоила въ то время въ Ригѣ 50 коп. пудъ, а въ Ельцѣ 58 коп., то эта разниа въ 8 коп. уже была бы достаточна для покрытія перевозки пуда ржи по желѣзнымъ дорогамъ на 640 верстъ, предполагая перевозку по 1/10.

Что же касается потери казны на снесеніе съ итога долговъ желѣзныхъ дорогъ суммъ, исчисленныхъ за временную перевозку хлѣба по пониженному тарифу, то, повторяемъ, польза для казны въ охранѣ цѣлыхъ уѣздовъ, а, можетъ быть, и губерній, отъ податной несостоятельности была бы совершенно реальная, а убытокъ — въ значительной степени условный. Еще если бы желѣзныя дороги должны были навсегда или на очень продолжительные сроки оставаться во владѣніи компаній, то общія цифры ихъ долговъ казнѣ могли бы имѣть значеніе безусловное, такъ какъ можно было бы надѣяться, что, съ одной стороны, самое развитіе движенія, съ другой — большая строгость въ требованіи уплаты могли бы повести къ полученію всего итога тѣхъ долговъ полностью. Но, вѣдь, въ принципѣ рѣшенъ выкупъ частныхъ дорогъ; для выкупа нѣкоторыхъ изъ нихъ срокъ уже наступилъ, для другихъ наступаетъ въ ближайшіе годы. При такомъ выкупѣ полученіе лежащихъ на каждой дорогѣ долговъ представляетъ собой нѣчто условное. Положимъ, дорога имѣетъ протяженія 500 верстъ, акціонерный капиталъ составленъ изъ 100 тысячъ акцій по 100 р. Считаая цѣнность самаго пути, зданій и подвижнаго состава въ 50 т. р. съ версты, это составитъ вмѣстѣ съ акціонернымъ капиталомъ 12 1/2 мил. р. Теперь, если неуплаченная часть облигаціоннаго капитала и невозвращенныя еще ссуды превышаютъ названную сумму, то превышеніе это уже не обезпечено ничѣмъ. Какъ бы то ни было, безусловное воспрещеніе вывоза хлѣба за границу могло бы гораздо сильнѣе отразиться на интересахъ самыхъ желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ сохраненіе для нихъ заграничнаго вывоза съ созданіемъ перевозки во внутреннія мѣстности по пониженному тарифу, такъ какъ эта послѣдняя явилась бы новою операціей, на которую желѣзныя дороги и не рассчитывали.

Газеты сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о внесенномъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектѣ правилъ о переселеніи крестьянъ изъ внутреннихъ губерній на казенныя земли въ Западной Сибири. Въ основаніе

проекта положено изъясненіе правительственнаго разрѣшенія крестьянами, которые захотятъ переселиться. Переселенцамъ, которые получили такое разрѣшеніе, будутъ предоставляться льготы въ податяхъ и отбываніи воинской повинности и удешевленіе проѣзда, а, сверхъ того, но только въ видѣ исключеній, пособіе и ссуды. На веденіе всего переселенческаго дѣла предполагается ассигновывать ежегодно по 120 т. р., и изъ этой суммы обращать собственно на пособіе переселенцамъ 80 т. р. Самое же разрѣшеніе будетъ даваться крестьянамъ, хотя бы и не имѣющимъ на то права по закону, но вынуждаемымъ къ тому экономическимъ положеніемъ.

Естественно, что правительство, предоставляя переселенцамъ казенныя земли въ Тобольской и Томской губерніяхъ, а также льготы и пособія, обусловливаетъ это предварительнымъ своимъ согласіемъ на самое переселеніе. Что средства, назначаемыя ежегодно на пособіе, невелики, это вопросъ возможности для казначейства, и, во всякомъ случаѣ, новый проектъ увеличиваетъ въ нѣсколько разъ средства, отпускавшіяся на переселенческое дѣло доселѣ. Но проектъ этотъ, при осуществленіи, можетъ приносить дѣлу переселенія на востокъ пользы еще гораздо больше, чѣмъ на 80 т. рублей, которые предназначены на непосредственныя пособія, если только проектируемая организація будетъ, разумѣется, въ смыслѣ неисключительномъ, то-есть въ такомъ, что крестьяне, переселяющіеся съ разрѣшеніемъ, могутъ рассчитывать на льготы и пособія, но и переселяющіеся безъ разрѣшенія, хотя и не могутъ рассчитывать на льготы и пособія, однако, будутъ встрѣчать со стороны мѣстныхъ переселенческихъ чиновниковъ помощь въ полезныхъ указаніяхъ и не лишатся безусловно права на отводъ имъ казенныхъ земель тамъ, гдѣ это окажется возможнымъ. Въ противномъ случаѣ, то-есть если бы предоставленіе льготъ и пособій переселяющимся съ разрѣшенія сопровождалось лишеніемъ другихъ переселенцевъ всякаго содѣйствія переселенческаго управления, и, пожалуй, еще стѣснительными мѣрами внутри имперіи, то новыя правила, по справедливости, заслуживали бы уже гораздо меньше сочувствія.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, ежегодно переселяется въ приуральскія и зауральскія губерніи около 40 тысячъ крестьянъ, и большинство, конечно, безъ разрѣшенія. Никакія стѣснительныя мѣры не могутъ остановить бѣгства людей, которымъ на прежнихъ мѣстахъ невозможно кормиться; стѣсненія могли бы только умножить сумму страданій. Затѣмъ, уже по бытіи такихъ «нелегальныхъ» переселенцевъ, положимъ, въ Сибирь, отказъ имъ со стороны переселенческихъ чиновниковъ въ указаніяхъ и нѣкоторой защитѣ представлялъ бы, очевидно, ничѣмъ не оправдываемое равнодушіе; а, наконецъ, и безусловное недопущеніе ихъ къ пользованію свободными казенными землями являлось бы малорациональнымъ въ виду безплодности огромныхъ пространствъ казенныхъ владѣній. Въ Соединенныхъ Штатахъ, когда населеніе тамъ еще не достигло нынѣшней цифры, правительства штатовъ отводили земли поселенцамъ на самыхъ широкихъ условіяхъ уплаты. Замѣтимъ еще, что стѣсненіе всего переселенческаго

движенія на востокъ, на одномъ томъ основаніи, что переселенцамъ «легальнымъ» предоставлялось бы отъ казны прямое пособіе въ 80 т. руб. въ годъ, не оправдывалось бы и самими размѣрами этого пособія. Иными словами, небольшая помощь, какая бы оказывалась меньшинству переселенцевъ, не оправдывала бы стѣснительныхъ мѣръ противъ массы переселенцевъ.

И такъ, предполагаемую организацію переселенія слѣдовало бы понимать въ смыслѣ прямого правительственнаго воспособленія, подъ условіемъ правительственнаго же разрѣшенія, но съ тѣмъ, чтобы и всѣ прочіе переселенцы не лишались права на содѣйствіе въ указаніяхъ, въ нѣкоторой защитѣ въ случаяхъ бѣдствій, а также и на отводъ казенной земли тамъ, гдѣ ея имѣется болѣе, чѣмъ необходимо для средняго числа переселенцевъ, ежегодно получающихъ предварительное разрѣшеніе.

Въ обоихъ дѣлахъ, о которыхъ говорилось выше, именно въ регулированіи снабженія хлѣбомъ мѣстностей нуждающихся и въ помощи переселенію, выступаетъ на первомъ планѣ правительственная инициатива и нѣкоторая сопряженная съ нею регламентація въ сферѣ экономической народной жизни. Но изъ того, что такая инициатива можетъ быть полезна и даже необходима, еще никакъ не слѣдуетъ, что регламентація полезна для всякихъ функций, потребностей и призваній. Въ печати нашей замѣтна нынче склонность къ преувеличеніямъ въ эту сторону. А, между тѣмъ, именно у насъ усиленіе регламентаціи, говоря вообще, менѣе желательно, чѣмъ гдѣ-либо, потому что ея и доселѣ было слишкомъ много, а, сверхъ того, еще и потому, что въ другихъ мѣстахъ каждая отрасль администраціи, снабженная извѣстными полномочіями, менѣе чѣмъ у насъ способна сама преувеличивать ихъ пространство и примѣнять ихъ по собственному толкованію ихъ буквы. Самый выдающійся въ этомъ смыслѣ примѣръ представляютъ полномочія, данныя мѣстнымъ властямъ исключительно съ цѣлью пресѣченія посягательствъ на существующій порядокъ, т.-е. съ цѣлью политическою, а, между тѣмъ, обратившіяся, вслѣдствіе слишкомъ пространнаго ихъ толкованія самими же исполнителями, въ нѣчто похожее на неограченность власти. Такъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ дѣйствуютъ означенныя полномочія, мѣстная власть предъявляетъ къ обывателямъ любыя требованія, основывая ихъ на воображеніяхъ полицейскаго «порядка», и за неисполненіе ихъ можетъ подвергать административнымъ взысканіямъ, которыя были установлены лишь въ видахъ охраненія порядка политическаго. Положимъ, завѣдующій домою не исполнилъ требованія полиціи, чтобы къ извѣстному сроку дождь былъ перекрашенъ, или чтобы въ немъ былъ заведенъ рукавъ для поливки улицы изъ водопроводной трубы. Не говоря уже о томъ, что преслѣдованіе ослушаній полицейскимъ требованіямъ этого рода не имѣетъ ровно ничего общаго съ тѣмъ охраненіемъ государственной безопасности и общественнаго порядка, для котораго именно и были даны мѣстной административной власти въ нѣкоторыхъ гу-

бершихъ исключительныя полномочія, но представляется сомнительнымъ даже и то, имѣетъ ли полиція право требовать перекраски домовъ или заведенія рукавовъ для поливки, и нарушаетъ ли неисполненіе такихъ требованій даже и простой полицейскій порядокъ, то-есть условія благочинія? Но именно по самой неопредѣленности того, что собственно относится къ соблюденію порядка, въ смыслѣ благочинія, мѣстная администрація можетъ усмотрѣть въ данномъ случаѣ нарушеніе «порядка», а затѣмъ примѣнить къ этому случаю тѣ полномочія, которыя ей даны съ цѣлью охраненія порядка (въ смыслѣ государственномъ), и затѣмъ примѣнить къ «виновнымъ» мѣру взысканія по своему усмотрѣнію, въ такихъ предѣлахъ, какъ денежный штрафъ до 500 рублей или высылка административнымъ порядкомъ.

Вотъ въ этомъ-то и состоитъ неудобство преувеличеній въ регламентаціи при такихъ условіяхъ, когда мѣстныя власти сами рѣшаютъ, какъ слѣдуетъ разумѣть букву предоставленныхъ имъ правъ. Воснувшись только мимоходомъ этого весьма важнаго вопроса, не можемъ не указать на необходимость разъясненія центральной административною властью органовъ администраціи низшей, что исключительныя полномочія, предоставленныя послѣдней въ видахъ охраненія безопасности государственной, ни въ какомъ случаѣ не должны быть примѣняемы къ требованіямъ, истекающимъ собственно изъ заботы о соблюденіи обыкновеннаго полицейскаго порядка, какъ-то: условій санитарныхъ, благочинія, благообразія и т. п.

Повторяемъ, что, вполне признавая пользу и необходимость государственнаго вмѣшательства и посредничества для регулированія нѣкоторыхъ условій, относящихся къ области экономическаго и даже общественнаго быта, необходимо, однако, остерегаться въ этомъ отношеніи преувеличеній. Уже и теперь полицейскія требованія въ городахъ такъ многочисленны и неопредѣленны, что торговый классъ у насъ, въ дѣйствительности, мнѣе независимъ отъ администраціи, чѣмъ чиновники. Чиновникъ знаетъ только свое начальство и, притомъ, подлечь ему требованіямъ только въ извѣстные часы дня и въ такой дѣятельности, отъ которой нисколько не зависятъ собственные его интересы. Ему все равно, согласно или несогласно съ его мнѣніемъ будетъ направлено чужое дѣло, такъ или иначе будетъ написана бумага, а въ остальномъ онъ—человѣкъ независимый отъ администраціи. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся торговецъ, промышленникъ, домовладѣлецъ и городской рабочій. Ихъ постоянно окружаетъ масса предписаній и требованій всякаго рода, да и по исполненіи ихъ всѣхъ люди торгующіе, какъ и промышленяющіе трудомъ, все-таки, чувствуютъ себя вполне зависимыми, именно потому, что нельзя даже и предвидѣть всѣхъ требованій, возникающихъ изъ заботы о благочиніи. Въ Петербургѣ, наприм., бывали примѣры, что рабочіе должны были отправляться на родину, когда полиція находила, что нѣтъ заработковъ, достаточныхъ для всего наличнаго ихъ, въ данное время, числа.

А, между тѣмъ, при всей многочисленности существующей уже регламентаціи, въ самой печати нынче безпрестанно возбуждаются вопросы о

дальнѣйшемъ еще ея усложненіи безъ всякой положительной надобности. Таково, наприм., предложеніе, заявляемое нѣкоторыми газетами, чтобы не допускать къ занятіямъ въ Россіи иностранныхъ техникувъ безъ особаго экзамена, который бы удостовѣрялъ ихъ знанія. Это такъ-таки и объясняется цѣлью — оказать покровительство русскимъ техникамъ и, сверхъ того, предупредить несчастія, могущія быть послѣдствіемъ неумѣлости техникувъ - иностранцевъ. Но если принять первое изъ этихъ основаній, то тогда слѣдуетъ не допускать къ дѣятельности въ Россіи безъ экзамена въ театральномъ училищѣ и консерваторіяхъ иностранныхъ актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, а, пожалуй, и акробатовъ. Это, вѣдь, также представило бы мѣру покровительства для русскаго искусства. Что же касается соображенія втораго, то замѣтимъ, что и теперь иностранцы, какъ и русскіе, не имѣютъ у насъ права производить работы строительныя иначе, какъ если приобрѣли это право по экзамену. Во всякой же остальной дѣятельности мы и не видимъ, какіе собственно факты могли внушить мысль объ опасности техникувъ иностранныхъ. Ни кукуевская и т. п. катастрофы, ни хотя бы недавніе провалы домовъ въ Москвѣ не могли быть отнесены къ винѣ техникувъ-иностранцевъ или вообще техникувъ не экзаменованныхъ. Если же думаютъ, что русскіе фабриканты, лишеныя права приглашать иностранныхъ мастеровъ, станутъ непремѣнно брать, вмѣсто нихъ, русскихъ ученыхъ технологовъ, то этотъ расчетъ едва ли не ошибоченъ; вмѣсто мастера-иностранца, можно взять и русскаго мастера-самоучку, а технологамъ отъ этого не будетъ прибыли, да и безопасность машинъ, котловъ и т. п. отъ этого еще ничего не выиграетъ. Не мѣшало бы, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько разборчивѣе предъявлять требованія объ усложненіи надзора, опеки и провѣрки.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Геологическія работы земствъ.

Геологія и у насъ начинаетъ обращать на себя общественное вниманіе, а практическая польза, приносимая ею, мало-по-малу становится обще-признанной. Да и на самомъ дѣлѣ, помимо высокаго научно-теоретическаго интереса, геологія имѣетъ очень важное значеніе и съ практической стороны, находя себѣ примѣненіе въ различныхъ областяхъ практической дѣятельности человѣка. Такъ, напримѣръ, нитяго, конечно, не станеть отрицать, что правильная постановка горнаго дѣла буквально немислима безъ прочной геологической основы. Всѣ изысканія на полезныя ископаемыя, каковы: руды, каменная соль, минеральные угли, нефть и т. д., или на строительныя и удобрительныя матеріалы, а равно и разработка ихъ только тогда и возможны, когда имъ предшествуетъ подробное геологическое изученіе страны. Въ противномъ случаѣ, кромѣ безцѣльной траты силъ и средствъ, а также и обманутыхъ ожиданій, они обыкновенно не дають никакихъ практически-важныхъ результатовъ. Даже больше, подобныя бессистемныя изысканія часто являются прямо вредными, такъ какъ отрицательные результаты ихъ иногда могутъ надолго затормозить охоту къ практическимъ изысканіямъ въ данной мѣстности, хотя неудача ихъ могла произойти только отъ того, что они были произведены безъ надлежащаго научнаго освѣщенія. Столь же велико значеніе геологіи въ различныхъ инженерныхъ и гидротехническихъ предпріятіяхъ. Постройка дорогъ, и въ особенности желѣзныхъ, прорытіе туннелей, проведеніе каналовъ, регулированіе теченія рѣкъ, устройство водоснабженія и артезианскихъ колодезевъ, осушеніе и орошеніе почвы,—все это требуетъ самой тщательной предварительной работы геолога. Въ очень многихъ случаяхъ неблагоприятный исходъ подобныхъ предпріятій обуславливается только тѣмъ, что при осуществленіи ихъ не было обращено въ свое время достаточнаго вниманія на ихъ геологическую обстановку. Въ дѣлѣ изученія минеральныхъ водъ геологія также занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ этомъ отношеніи безъ геологіи нельзя и шагу сдѣлать, такъ какъ основнымъ матеріаломъ для минерализаціи водъ, истекающихъ изъ нѣдръ земли въ видѣ источниковъ, являются

такия минеральныя вещества, изученіе которыхъ всецѣло относится къ области геологіи. Не менѣе важное значеніе имѣетъ геологія и въ почвовѣдѣніи. Она даетъ обширный матеріалъ для выясненія состава и происхожденія почвы въ связи съ тѣми породами, которыя составляютъ подпочву данной мѣстности. Тщательное изученіе этихъ породъ и особенно процессовъ ихъ вывѣтриванія составляетъ предметъ специальныхъ геологическихъ изысканій, и съ этой стороны значеніе геологіи никѣмъ не отрицается. Въ настоящее время едва ли найдется хотя бы одинъ почвовѣдъ, который, совершенно пренебрегая указаніями геологіи, рѣшился бы произвести изслѣдованіе почвы безъ ея дѣятельнаго содѣйствія. Насколько вообще важны детальныя геологическія изслѣдованія отдѣльныхъ мѣстностей, можно судить уже по тому, что всякое территориальное описаніе той или другой мѣстности въ сельско-хозяйственномъ, статистическомъ или какомъ-либо иномъ отношеніи начинается обыкновенно съ краткаго геологическаго описанія ея, причѣмъ авторы сплошь и рядомъ пользуются совершенно устарѣвшими источниками, не имѣющими никакого научнаго значенія.

Не останавливаясь на разъясненіи прикладнаго значенія геологіи въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, замѣчу только, что практическая польза ея ощущается въ крайне разнообразныхъ сферахъ человѣческаго обществія. Благодаря такой общепризнанной важности геологіи, является цѣлый рядъ геологическихъ работъ, предпринимаемыхъ какъ на правительственныя средства, такъ и на средства отдѣльныхъ общественныхъ учрежденій, а равно и частныхъ лицъ. Съ результатами и значеніемъ этихъ работъ по отношенію къ Россіи и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя предпринимаются по почину земствъ, намъ и предстоитъ ознакомиться въ послѣдующемъ изложеніи.

Въ Западной Европѣ и нѣкоторыхъ цивилизованныхъ странахъ другихъ частей свѣта дѣло систематическихъ геологическихъ изысканій давно уже поставлено на широкую ногу и на него тратятся громадныя средства. Здѣсь почти повсюду правительства взяли его въ свои руки и, оказывая ему дѣятельное покровительство, стараются привлечь къ участию въ немъ все лучшія научныя силы страны, объединяя ихъ работу единствомъ плана и методичностью исполненія. Съ этою цѣлью почти во всехъ странахъ цивилизованнаго міра устроены особыя самостоятельныя правительственныя учрежденія, извѣстныя подъ названіемъ геологическихъ институтовъ, комитетовъ, комиссій, «Surveys», «Services», «Reichsanstalten», «Landesanstalten» и т. п. На все эти учрежденія обыкновенно возлагаются слѣдующія главнѣйшія задачи: 1) составить по одному плану геологическую карту страны, которая могла бы быть одинаково полезна какъ въ научно-теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ; 2) дать подробное геологическое описаніе страны, вполне удовлетворяющее строго-научнымъ требованіямъ; 3) служить интересамъ практическаго примѣненія геологіи въ горномъ дѣлѣ, почвовѣдѣніи и т. п., и, наконецъ, 4) вслѣдствіе содѣйствовать удовлетворенію запросовъ, могущихъ возникнуть по общественному

или частному почину, поскольку такіе запросы не выходятъ изъ круга спеціальнаго вѣдѣнія подобныхъ геологическихъ учреждений.

Старѣйшее изъ такихъ правительственныхъ геологическихъ учреждений— «Geological Survey»—было основано въ Англіи въ 1835 году извѣстнымъ геологомъ Де-ля-Бешемъ. Оно существуетъ и по настоящее время, причемъ въ составъ его входятъ: главный директоръ, три особыхъ директора— для Англіи, Шотландіи и Ирландіи, три окружныхъ инспектора, четырнадцать геологовъ, двадцать пять ассистентовъ, четыре палеонтолога, четыре коллектора и три адъюкта. Содержание всего «Geological Survey» обходится около 12,000 фунт. стерл., т.-е. около 120,000 руб. въ годъ, не считая особыхъ средствъ, отпускаемыхъ на изданіе картъ и мемуаровъ. Работы этого учрежденія считаются образцовыми въ геологической литературѣ, что и неудивительно, благодаря участию въ нихъ первоклассныхъ англійскихъ геологовъ и палеонтологовъ. Вполнѣ сознавая громадную важность систематическихъ геологическихъ изслѣдованій, практическіе англичане давно уже организовали ихъ и въ своихъ колоніальныхъ земляхъ. Такъ, въ британскихъ владѣніяхъ Сѣверной Америки еще въ 1853 году было основано «Geological and Natural History Survey of Canada», а въ 1856 году въ Индіи было учреждено особое «Geological Survey of India», прославившееся въ ученomъ мѣрѣ цѣлымъ рядомъ прекраснѣйшихъ работъ, исполненныхъ извѣстными специалистами по геологіи и палеонтологіи. Точно такія же спеціальныя геологическія «Surveys» были учреждены англичанами въ Австраліи и на прилежащихъ къ ней островахъ.

Еще болѣшую энергію и щедрость въ организаціи самостоятельныхъ геологическихъ учреждений обнаружили Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, изъ которыхъ многіе уже въ сороковыхъ годахъ завели у себя особыя «Surveys». Къ концу же семидесятыхъ годовъ почти каждый штатъ имѣлъ свое самостоятельное геологическое учрежденіе, и на содержаніе ихъ разчетливые американцы буквально не жалѣютъ средствъ, такъ какъ отлично понимаютъ, что всякій долларъ, затраченный ими на этотъ предметъ, возвратится въ ихъ карманъ сторицею. Работы этихъ учреждений, исполненныя при участіи лучшихъ геологовъ Америки, а отчасти и Европы, пользуются громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью среди специалистовъ. Независимо отъ подобныхъ мѣстныхъ геологическихъ учреждений, центральное правительство штатовъ неоднократно учреждало временныя геологическія «Surveys» съ какимъ-либо спеціальнымъ назначеніемъ, а въ 1867 году имъ было основано одно изъ крупнѣйшихъ геологическихъ учреждений Сѣверной Америки—«United States Geological and Geographical Survey of the Territories», для всесторонняго геологическаго изученія западныхъ территорій. Въ работахъ этого «Survey» въ разное время принимало участіе до шестидесяти лицъ, сдѣлавшихъ множество интереснѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ центральное правительство штатовъ основало «United States Geological Survey» съ ежегоднымъ бюджетомъ въ 156,000 дол. или около 300,000 руб. по курсу.

Всѣ эти данныя относительно общей постановки дѣла геологическаго изслѣдованія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ имѣютъ особенно важное значеніе для Россіи, такъ какъ обширность штатовъ и общій характеръ ихъ геологическаго строенія во многомъ напоминаютъ наше отечество.

Помимо указанныхъ странъ, самостоятельныя правительственныя геологическія учрежденія, въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ основанія, давно уже были открыты въ Австро-Венгріи, Баваріи, Франціи, великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, Норвегіи, Нидерландахъ, Баденѣ, Швеціи, Швейцаріи, Финляндіи, Италиі, Богеміи, Пруссіи, Саксоніи, Венгріи (независимо отъ центральнаго вѣнскаго «Reichsanstalt»), Испаніи, Португаліи, Эльзасъ-Лотарингіи, Бельгіи и т. д. Даже Японія нашла нужнымъ организовать у себя особое геологическое учрежденіе, которое и было основано въ 1879 г. подъ названіемъ «Kaiserliche japonische geologische Reichsanstalt», на содержаніе котораго японское правительство отпускаетъ очень большія средства, всячески стараясь привлечь къ участию въ его работахъ возможно большае число какъ японскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ.

Однимъ изъ самыхъ молодыхъ геологическихъ учрежденій является нашъ геологическій комитетъ, основанный только въ 1882 году при горномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о геологическомъ комитетѣ ему поручается: 1) систематическое изслѣдованіе геологическаго строенія Россіи; 2) разработка относящихся до сего предмета свѣдѣній и изданіе научныхъ по оному сочиненій; 3) составленіе и изданіе подробной геологической карты государства; 4) собраніе горныхъ породъ и полезныхъ ископаемыхъ и составленіе изъ нихъ систематическихъ коллекцій, и 5) содѣйствіе другимъ вѣдомствамъ и частнымъ лицамъ по предметамъ занятій комитета. По штату въ составъ его входятъ: директоръ, три старшихъ и три младшихъ геолога и хранитель. Кроме того, въ работахъ его принимаютъ участіе геологи-сотрудники и особые коллекторы; число тѣхъ и другихъ непостоянно. Общее руководство и направленіе дѣлъ геологическаго комитета принадлежитъ особому присутствію, предсѣдателемъ котораго состоитъ директоръ комитета. Ежегодный расходъ по содержанію комитета исчисленъ въ 30,000 рублей, считая въ томъ числѣ вознагражденіе его членамъ, расходы по командировкамъ, печатаніе изданій комитета и т. д. Нельзя не замѣтить, что сумма эта болѣе, чѣмъ скромна, особенно если принять во вниманіе всю важность основныхъ задачъ комитета и необыкновенную обширность нашего отечества. Правда, что комитетъ получаетъ еще нѣкоторыя добавочныя средства изъ временныхъ источниковъ, но они переходящи и всегда имѣютъ свое особое назначеніе; правда также, что геологическое изслѣдованіе Финляндіи и Кавказа исключено изъ круга его непосредственнаго вѣдѣнія, тѣмъ не менѣе, недостаточность средствъ комитета не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, особенно если сопоставить его скромный бюджетъ съ бюджетомъ такихъ геологическихъ учрежденій, какъ «Surveys» Англіи или Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Несмотря, однако, на всю ограниченность своих материальных средств, наш геологический комитетъ, благодаря неослабной энергій его членовъ и геологовъ-сотрудниковъ, проявилъ чрезвычайно живую дѣятельность по исполненію возложенныхъ на него задачъ. Въ производимыхъ имъ изслѣдованіяхъ въ разное время принимали участіе около тридцати лицъ изъ числа профессоровъ, горныхъ инженеровъ и другихъ специалистовъ по геологій. Дѣятельность ихъ сосредоточивалась по преимуществу на работахъ по общему систематическому геологическому описанію Европейской Россіи въ связи съ составленіемъ подробной геологической карты всего изслѣдованнаго пространства. Избраніе отдѣльных мѣстностей для изслѣдованія, въ большинствѣ случаевъ, находится въ зависимости отъ состава наличныхъ силъ комитета и отъ преобладающаго направленія трудовъ его членовъ и геологовъ-сотрудниковъ, такъ какъ изученіе мѣстности, геологическія и топографическія особенности которой уже знакомы изслѣдователю, только выигрываетъ отъ такого предпочтенія ея мѣстностямъ иного характера. Благодаря этому, изслѣдованія, производимыя геологическимъ комитетомъ, ведутся не сплошь, а отдѣльными участками. Въ настоящее время они приурочены къ слѣдующимъ областямъ: Уральской, Волго-Донской, Балтійской, Центральной, Польской, Днѣпровской и Прикаспійской. Вся площадь этихъ изслѣдованій обнимаетъ около 26 листовъ карты десятиверстнаго масштаба изданія военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба, которая и принята комитетомъ за топографическую основу всѣхъ его геологическихъ работъ. Часть листовъ общей геологической карты Россіи въ указанномъ масштабѣ уже отпечатана, таковы листы: 12, 56, 71, 92, половина 93 и 139, часть печатается или уже окончательно пригнана къ печати, а по остальнымъ изъ числа вышеупомянутыхъ 26 листовъ изслѣдованія продолжаются. Помимо геологическихъ изслѣдованій систематическаго характера, штатные геологи комитета и его сотрудники принимаютъ участіе и въ другихъ работахъ, входящихъ въ кругъ его спеціальнаго вѣдѣнія. Сюда относятся: обнаруженіе и изслѣдованіе минеральныхъ богатствъ нашего отечества, геологическія изслѣдованія по линіямъ строящихся желѣзныхъ дорогъ, изученіе минеральныхъ водъ, составленіе геологической карты Европейской Россіи, долженствующей войти въ общую геологическую карту Европы, издаваемую особою международною комиссіей, и, наконецъ, обсужденіе различныхъ вопросовъ практическаго значенія, возбуждаемыхъ казенными и общественными учрежденіями, а равно и частными лицами, довольно часто обращающимися къ научной компетентности геологическаго комитета.

Подробные отчеты и вообще всѣ свѣдѣнія о дѣятельности геологическаго комитета печатаются въ его изданіяхъ, изъ которыхъ въ *Извѣстіяхъ геологическаго комитета*, выходящихъ въ видѣ повременнаго изданія съ неограниченнымъ количествомъ номеровъ въ годъ, помѣщаются журналы засѣданій присутствія комитета, предварительные отчеты командированныхъ геологовъ, краткія сообщенія по предметамъ дѣятельности комитета и т. п., а въ *Трудахъ геологическаго комитета*, выходящихъ въ неопредѣлен-

пое время отдѣльными томами, печатаются вполнѣ законченныя сочиненія, относящіяся къ систематическому геологическому описанію Россіи, съ краткимъ изложеніемъ главнѣйшихъ результатовъ работъ на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ. Кромѣ того, съ 1886 года комитетъ ежегодно издаетъ одну книжку *Русской геологической библіотеки*, составляемую старшимъ геологомъ комитета, С. Н. Никитинымъ, и заключающую въ себѣ возможно полный указатель періодическихъ изданій, книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ по геологіи, минералогіи, палеонтологіи и почвовѣднію Россіи, вышедшихъ за отчетный годъ какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. При каждомъ упоминаемомъ въ немъ сочиненіи помѣщается краткое изложеніе его содержанія на русскомъ и французскомъ языкахъ и, сверхъ этого, въ концѣ книжки прилагаются подробные указатели авторовъ, мѣстностей, предметовъ изслѣдованія и новыхъ названій.

Въ виду такой обширности и разносторонности работъ геологическаго комитета, нельзя не пожелать, чтобы и на будущее время энергія его членовъ и сотрудниковъ не ослабѣвала, а, главное, чтобы его скудные средства были увеличены, иначе систематическое геологическое описаніе нашего обширнаго отечества и составленіе его подробной геологической карты затянутся на слишкомъ долгое и неопредѣленное время. Въ научныхъ же сферахъ недостатка не будетъ, такъ какъ геологія въ Россіи за послѣднее время сдѣлала большіе успѣхи и все больше начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе молодыхъ ученыхъ.

Такова официальная постановка дѣла систематическихъ геологическихъ изысканій какъ за границей, такъ и у насъ, въ Россіи. Само собою понятно, что наличность правильно организованныхъ, самостоятельныхъ, правительственныхъ геологическихъ учреждений вовсе не исключаетъ общественнаго или частнаго почина въ этомъ дѣлѣ. Напротивъ, онъ крайне желателенъ, какъ выраженіе живой потребности и какъ весьма серьезное вспомогательное средство для болѣе успѣшнаго выполненія специальныхъ задачъ подобныхъ учреждений. По крайней мѣрѣ, нашъ геологическій комитетъ въ проектѣ общаго плана геологическихъ изслѣдованій Россіи, помѣщенномъ въ журналѣ засѣданія его присутствія, состоявшагося 4 апрѣля 1883 г., дѣлитъ всѣ мѣстности, подлежащія изслѣдованію, на три категоріи: хорошо, посредственно и мало или вовсе не изслѣдованныя, и относительно этихъ послѣднихъ замѣчаетъ, что въ изслѣдованіи ихъ «комитетъ ждетъ предварительной разработки дѣятельностью частныхъ и общественныхъ учреждений, самъ удѣляя на этотъ предметъ, по мѣрѣ возможности, часть своихъ средствъ». Неудивительно поэтому, что за границей и у насъ, въ Россіи, какъ различныя ученые и общественныя учрежденія, такъ и частныя лица сплошь и рядомъ приступаютъ къ исполненію геологическихъ изслѣдованій въ данной мѣстности, преслѣдуя или обще-научныя, или свои особыя цѣли. При этомъ часто случается, что починъ ихъ значительно предупреждаетъ работы специальныхъ геологическихъ учреждений или безъ вся-

паго результата для этихъ послѣднихъ, или же оказываетъ имъ верѣю существенно-важныя услуги.

Что касается геологическихъ работъ, предпринимаемыхъ въ Россіи, то мы не будемъ останавливаться на дѣятельности въ этомъ направленіи различныхъ ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, а укажемъ только на тѣ которыя изъ земскихъ предпріятій подобнаго рода, такъ какъ многія губерскія и уѣздныя земства давно уже обнаружили значительный интересъ къ геологическому изученію отдѣльныхъ мѣстностей. Однимъ изъ первыхъ земствъ, заинтересовавшихся этимъ предметомъ, было, кажется, губернское олонецкое земство, которое обратилось въ Императорское с.-петербургское минералогическое общество съ просьбою командировать г. Иностранцева лѣтомъ 1873 года для изученія Повѣнецкаго уѣзда въ геологическомъ отношеніи, что и было исполнено, согласно желанію земства. Въ этомъ году г. Иностранцевъ, сопутствуемый г. Слупскимъ, изслѣдовалъ только восточную часть означеннаго уѣзда, а въ слѣдующемъ году, уже по приглашенію и на средства самого земства, онъ изслѣдовалъ западную часть того же уѣзда, при содѣйствіи г. Златковскаго. Плодомъ этого изслѣдованія была чрезвычайно обстоятельная работа проф. Иностранцева, появившаяся въ 1877 году подъ заглавіемъ: *Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, и ея рудныхъ мѣсторожденій*, съ приложеніемъ геологической и орографической картъ уѣзда, трехъ таблицъ и 34 рисунковъ. Это — очень объемистая книга, напечатанная по распоряженію минералогическаго общества и заключающая въ себѣ множество очень важныхъ какъ научныхъ, такъ и практическихъ данныхъ, разобранныхъ авторомъ съ глубокимъ знаніемъ и строгою методичностью. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этой работы, олонецкое губернское земское собраніе сессіи 1878 года пришло къ тому заключенію, что геологическое изслѣдованіе губерніи можетъ имѣть весьма важное значеніе для развитія торговли и промысловъ и для улучшенія народнаго благосостоянія, а потому постановило: войти съ ходатайствомъ къ министру государственныхъ имуществъ и министру финансовъ о назначеніи ученой экспедиціи для производства детальнаго геологическаго изслѣдованія на пространствѣ всей губерніи и о назначеніи на это денежныхъ средствъ изъ суммъ государственнаго казначейства. Въ этомъ ходатайствѣ для насъ важна не столько постановка дѣла, сколько желаніе земства подробно изслѣдовать губернію въ геологическомъ отношеніи, въ чемъ оно совершенно справедливо усматривало прочную основу для развитія благосостоянія края. Повидимому, однако, ходатайство это не встрѣтило сочувствія въ подлежащихъ сферахъ.

Около того же времени, а именно въ 1876 году, казанское уѣздное земское собраніе поручило управѣ принять мѣры къ составленію геологической карты уѣзда. Приняла ли управа какія-либо мѣры для этого и какія именно, намъ неизвѣстно. Въ томъ же году котельничское уѣздное земское собраніе, Вятской губерніи, приняло предложеніе казанскаго общества естествоиспытателей относительно изслѣдованія уѣзда въ земледѣльческомъ и

минералогическомъ отношеніяхъ. Изслѣдованіе это было произведено г. Кро- товымъ, представившимъ въ слѣдующемъ 1877 году уѣздной земской упра- вѣ отчетъ о немъ и геологическую карту уѣзда. Нѣкоторыя подробности объ этомъ изслѣдованіи можно найти въ *Трудахъ Общества Естество- испытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ*.

Сумское уѣздное земское собраніе, Харьковской губерніи, еще въ 1877 году постановило отпечатать записку проф. Борисяка о геологическомъ из- слѣдованіи уѣзда, а въ 1878 году, рассмотрѣвъ проектъ горнаго инженера Кондратьева о геологическомъ изслѣдованіи Сумскаго уѣзда, рѣшило вос- пользоваться имъ при первомъ случаѣ, отпечатать этотъ проектъ въ *Харь- ковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* и отдѣльною брошюрой въ количествѣ 200 экземпляровъ. Впрочемъ, дальше этого дѣло, кажется, и не пошло. Столь же безрезультатно было и постановленіе фатежскаго уѣзднаго земскаго собранія, Курской губерніи, которое въ 1879 году уполномочило председа- теля управы узнать приблизительную стоимость геологическаго изслѣдова- нія уѣзда, равно какъ опредѣлить возможность и необходимость подобнаго изслѣдованія. Предсѣдатель съѣздили въ Кромской уѣздъ, Орловской гу- берніи, поразузнать на мѣстѣ, какъ тамъ думаютъ организовать геологи- ческое изслѣдованіе уѣзда, да и покончили на этомъ дѣло. По крайней мѣ- рѣ, дальнѣйшаго движенія оно не получило.

Между тѣмъ, кромское земство дѣйствовало гораздо послѣдовательнѣе. Въ 1879 году, по выслушаніи доклада особой комиссіи, составленной чрезвычайнымъ земскимъ собраніемъ по геологическому изслѣдованію уѣзда, уѣздное земское собраніе постановило: 1) оставить вопросъ о геологиче- скомъ изслѣдованіи уѣзда открытымъ до полученія свѣдѣній отъ сосѣднихъ земствъ и поручить управѣ, по полученіи этихъ свѣдѣній, совместно съ комиссіей разрѣшить вопросъ о приглашеніи геолога; 2) постановленіе чрезвычайнаго собранія 11 апрѣля 1879 года объ ассигнованіи на этотъ пред- метъ 4,000 рублей оставить въ силѣ, и 3) по полученіи свѣдѣній отъ со- сѣднихъ земствъ, приступить къ изслѣдованію, не дожидаясь очереднаго собранія. Въ слѣдующемъ году оказалось, что сосѣднія уѣздныя земства Орловской губерніи отказались отъ участія въ совмѣстныхъ работахъ по геологическому изслѣдованію, а проф. Иностранцевъ, къ которому обра- тился предсѣдатель управы съ просьбою принять на себя трудъ геологи- ческаго изслѣдованія уѣзда, отвѣтилъ, что онъ не можетъ пока рекомен- довать кого-либо изъ извѣстныхъ ему геологовъ, такъ какъ всѣ они, ко времени приглашенія, уже имѣли свои работы. Однако, на слѣдующій 1881 годъ, подъ его же руководствомъ, гг. Кудрявцевымъ и Соколовымъ было уже произведено геологическое изслѣдованіе означеннаго уѣзда. Цѣль это- го изслѣдованія заключалась не только въ детальномъ изученіи и состав- леніи подробной геологической карты уѣзда, но также и въ опредѣленіи полезныхъ ископаемыхъ, встрѣчающихся въ геологическихъ образованіяхъ. Отчетъ объ этомъ изслѣдованіи съ приложеніемъ геологической карты уѣз- да и нѣсколькихъ рисунковъ появился въ 1883 году въ *Трудахъ С.-Петербург-*

Бурскаго Общества Естествоиспытателей подъ заглавіемъ: *Геологическое изслѣдованіе Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи*. Такимъ образомъ, кромское земство не пожалѣло средствъ на геологическое изслѣдованіе своего уѣзда, но и ихъ, повидимому, оказалось недостаточно, такъ какъ самый отчетъ руководителю этого изслѣдованія, проф. Иностранцеву, пришлось печатать не отдѣльнымъ изданіемъ, а въ *Трудахъ* ученаго общества.

Столь же послѣдовательно, хотя и безъ особенныхъ результатовъ, дѣйствовало бессарабское губернское земство, ассигновавшее еще въ 1877 году горному инженеру Долинскому 500 рублей на производство геологическихъ изысканій съ весны 1878 года по линіи бендеро-галацкой желѣзной дороги, что г. Долинскій и исполнилъ, значительно расширивъ площадь своихъ изслѣдованій, на основаніи которыхъ онъ, между прочимъ, пришелъ къ заключенію о вѣроятномъ нахожденіи каменной соли въ Бессарабіи. Для разрѣшенія этого вопроса и дальнѣйшаго геологическаго изслѣдованія губерніи, земство ассигновало 1,000 рублей, пригласивъ г. Долинскаго продолжать его геологическія изысканія въ губерніи. Болѣзнь, однако, помѣшала ему произвести ихъ въ 1879 году. Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ свѣдѣній о ходѣ этого полезнаго предпріятія нами не найдено; впрочемъ, въ 1880 году губернское земское собраніе снова ассигновало 500 рублей на окончаніе геологическихъ изслѣдованій Бессарабской губерніи, но, повидимому, оно такъ и осталось неоконченнымъ.

Въ концѣ же семидесятыхъ годовъ бердянское земство, Таврической губерніи, было озабочено геологическимъ изслѣдованіемъ уѣзда, ассигновавъ на это въ 1876 году 300 рублей, а въ 1878 году земское собраніе внесло въ смѣту 500 рублей «на предметъ выдачи» г. Падейскому для дальнѣйшаго производства геологическихъ изысканій, прося его при этомъ доставить будущему собранію свѣдѣнія объ его открытіяхъ. Доставилъ ли г. Падейскій свѣдѣнія о своихъ открытіяхъ, или нѣтъ, неизвѣстно, несомнѣнно только, что систематическаго геологическаго изслѣдованія Бердянскаго уѣзда онъ не произвелъ.

Независимо отъ этого частнаго предпріятія бердянскаго земства, таврическое губернское земство неоднократно поднимало вопросъ о геологическомъ изслѣдованіи всей губерніи и особенно Брыма. Въ концѣ-концовъ, въ счетъ пособія такъ называемому крымскому комитету, учрежденному, по мысли покойнаго Бесслера, при с.-петербургскомъ обществѣ естествоиспытателей, оно выдало 1,000 рублей специально на геологическія изысканія, какія и были произведены въ 1886—1887 годахъ г. Фохтомъ, который приурочилъ ихъ по преимуществу къ степной части Крымскаго полуострова. Окончены они были въ 1888 году, кажется, уже при небольшомъ пособіи со стороны еодосійскаго уѣзднаго земства. За исключеніемъ краткихъ сообщеній, помѣщенныхъ въ протоколахъ засѣданій с.-петербургскаго общества естествоиспытателей, подробные результаты этихъ изслѣдованій пока не опубликованы. Сверхъ этого, съ 1886 года таврическимъ губернскимъ земствомъ предприняты общія гидрогеологическія изслѣдованія

губерніи, для исполненія которыхъ управою приглашенъ бывшій профессоръ Новороссійскаго университета г. Головкинскій, съ вознагражденіемъ въ 2,000 руб. въ годъ. Согласно докладу губернской земской управы земскому собранію сессіи 1886 года, на обязанность земскаго гидрогеолога возлагается: 1) систематическое изученіе строенія водоносныхъ слоевъ, по особо-составленному плану, и въ мѣстностяхъ *по указанію земскаго собранія*, результатомъ чего должна явиться гидрогеологическая карта губерніи, и 2) изслѣдованіе отдѣльныхъ мѣстъ по требованію землевладѣльцевъ, желающихъ предпринять обводнительныя работы въ своихъ имѣніяхъ. Судя по послѣднему отчету г. Головкинскаго, ему приходилось до сихъ поръ направлять свою дѣятельность къ исполненію по преимуществу только второй части обязанностей, возложенныхъ на земскаго гидрогеолога. Что же касается первой, то она, повидимому, совершенно не исполняется, по крайней мѣрѣ, въ отчетѣ г. Головкинскаго за 1888 годъ объ этомъ не говорится ни слова.

Нѣсколько своеобразно поступило курское губернское земство. Въ 1884 году, выслушавъ заявленіе экономической комиссіи, высказавшейся за неотложность геологическаго изслѣдованія губерніи, а также замѣчанія по этому поводу со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ, губернское земское собраніе постановило: просить министра государственныхъ имуществъ командировать въ Курскую губернію геологическую экспедицію, если можно, то на средства правительства; если же на это послѣдуетъ отказъ, то уполномочить управу повторить ходатайство съ объясненіемъ, что земство готово дать на этотъ предметъ по 300 рублей на уѣздъ, а всего 4,500 руб.—сумма болѣе чѣмъ скромная на такую обширную губернію, какъ Курская. Вѣроятно, въ связи съ этимъ постановленіемъ новооскольское уѣздное земство въ томъ же 1884 году ассигновало 300 рублей на развѣдочныя работы по изысканію полезныхъ ископаемыхъ, для чего черезъ курскаго губернатора и горный департаментъ министерства государственныхъ имуществъ обратилось въ геологическій комитетъ съ просьбою рекомендовать лицъ для руководства и указаній по этому предмету. На это комитетъ отвѣтилъ, что никакія развѣдочныя работы немислимы безъ предварительнаго подробнаго ознакомленія съ геологическимъ строеніемъ уѣзда, произвести же соответствующее изслѣдованіе въ то время было некому, такъ какъ всѣ наличныя силы комитета были уже заняты исполненіемъ спеціальныхъ порученій.

Наиболѣе обстоятельныя геологическія изслѣдованія были произведены на средства земствъ въ губерніяхъ Нижегородской и Полтавской. Согласно желанію земства, геологическое изслѣдованіе Нижегородской губерніи было произведено въ интересахъ болѣе систематическаго изученія ея почвъ, для достиженія болѣе уравнительности ихъ земскаго обложенія, а не какъ самостоятельное предпріятіе. Исполненіе его принялъ на себя извѣстный почвовѣдъ, профессоръ Докучаевъ, который съ своими многочисленными помощниками и приступилъ къ занятіямъ въ 1882 году. Хотя главное вниманіе

изслѣдователей было обращено на изученіе почвъ, какъ того желало само земство, тѣмъ не менѣе, геологическая сторона дѣла очень немного пострадала отъ этого. Результатомъ ихъ продолжительныхъ геологическихъ изысканій было систематическое описаніе геологическаго строенія каждаго уѣзда Нижегородской губерніи въ отдѣльности и общее геологическое описаніе всей губерніи, составившее довольно объемистый томъ съ приложеніемъ геологической карты и множества рисунковъ. Описаніе это составило XIII выпускъ *Материаловъ къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи* и вышло въ 1886 году. Въ немъ же указаны и полезныя минеральныя ископаемыя, встрѣчающіяся въ предѣлахъ Нижегородской губерніи. Во что обошлось геологическое изслѣдованіе всей губерніи, сказать трудно, такъ какъ средства, истраченные на этотъ предметъ, не выдѣлены изъ общей суммы, ассигнованной земствомъ на изученіе почвъ. Почти столь же узко было поставлено земствомъ геологическое изслѣдованіе Полтавской губерніи. Еще въ 1882 году полтавская губернская земская управа обратилась съ ходатайствомъ въ геологическій комитетъ, прося его направить геологическія работы комитета въ Полтавскую губернію и заявляя при этомъ, что земство означенной губерніи ассигновало 3,000 рублей на производство геологическихъ изысканій въ губерніи. Главная цѣль этихъ изысканій заключалась, однако, въ развѣдкахъ на полезныя минеральныя ископаемыя, чего геологическій комитетъ не могъ принять на себя, исходя при этомъ изъ тѣхъ же соображеній, какія впоследствии были высказаны имъ въ отвѣтъ на вышеупомянутое обращеніе новооскольскаго земства. Тѣмъ не менѣе, желая, все-таки, оказать содѣйствіе полтавскому земству, онъ командировалъ г. Армашевскаго въ качествѣ геолога-сотрудника для производства общаго обзора Полтавской губерніи въ геологическомъ отношеніи, ассигновавъ ему по 300 рублей за каждый мѣсяць командировки. Командировка эта повторилась и въ слѣдующемъ году. Предварительные отчеты о ней были помѣщены въ *Извѣстіяхъ геологическаго комитета* за 1883 и 1885 гг. Полтавское земство, однако, не довольствовалося этимъ и въ исполненіе своего ограниченнаго желанія въ 1883 году пригласило г. Гурова для систематическаго изученія губерніи въ геологическомъ отношеніи, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, открытіе новыхъ и изслѣдованіе извѣстныхъ уже минеральныхъ богатствъ. Г. Гуровъ исполнилъ эту задачу въ два года, но составленіе отчета о ней затянулось, «вслѣдствіе особенностей геологіи Полтавской губерніи, возбуждавшей много спорныхъ вопросовъ», такъ что вмѣстѣ съ геологическою картою онъ вышелъ только въ 1888 году подъ заглавіемъ: *Геологическое описаніе Полтавской губерніи*. Это—очень большая книга въ 1,000 слишкомъ страницъ довольно убористой печати и по содержанію своему представляющая не малый интересъ.

За послѣдніе годы желаніе отдѣльныхъ земствъ поближе ознакомиться съ геологическимъ строеніемъ данной мѣстности, уѣзда или губерніи, еще болѣе возросло, изъ чего мы вправѣ заключить о существованіи въ обществѣ живой потребности въ такихъ мѣстныхъ геологическихъ изслѣдова-

няхъ. Подобное желаніе заявляется изъ различныхъ мѣстъ Россіи, но, къ сожалѣнію, потребность эта далеко не всегда овеществляется на дѣлѣ; чему мы и видѣли примѣры изъ дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ, напримѣръ, курскаго, бессарабскаго, бердянскаго и др.

Затѣмъ, ни одно изъ земствъ, выразившихъ желаніе произвести изслѣдованіе данной мѣстности въ геологическомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ олонецкаго и кромскаго, не возвысилось до широкаго пониманія основныхъ задачъ и глубокаго значенія такихъ изслѣдованій, независимо отъ той или другой исключительной цѣли, нерѣдко имѣющей преходящій и второстепенный интересъ. Благодаря этому, одни земства затѣваютъ геологическія изслѣдованія ради отысканія минеральныхъ богатствъ, таковы: полтавское, курское и т. д., другія—ради извлеченія воды изъ нѣдръ земли съ цѣлями орошенія почвы, какъ это сдѣлало таврическое земство, и, наконецъ, третья—имѣя въ виду изученіе почвъ для болѣе правильной оцѣнки земель, что мы видимъ въ нижегородскомъ земствѣ. Такая односторонность, кромѣ непроеводительной траты силъ и средствъ, обыкновенно ровно ничего не приноситъ. Допустимъ, напримѣръ, что въ данной губерніи или уездѣ производятся земствомъ развѣдки на полезные ископаемые. Прежде всего, лишеныя необходимаго научнаго освѣщенія, которое можетъ быть дано только предварительнымъ систематическимъ изученіемъ мѣстности въ геологическомъ отношеніи, такія развѣдки рѣдко даютъ практически-важные результаты и удача ихъ—дѣло простаго случая. Кромѣ того, при производствѣ ихъ, часто упускается изъ вниманія множество фактовъ, имѣющихъ не меньшее практическое значеніе, только потому, что въ данный моментъ они не представляютъ ни малѣйшаго интереса для изслѣдователя. Допустимъ теперь, что земство пожелало потомъ изучить почвы той же мѣстности, тогда вся предыдущая работа оказывается ни къ чему негодной, такъ какъ изученіе поверхностныхъ образованій, составляющихъ подпочву, вовсе не входило въ программу прежнихъ развѣдочныхъ работъ. Приходится снова изслѣдовать ту же мѣстность въ геологическомъ отношеніи, обращая уже теперь преимущественное вниманіе на другія особенности, упущенныя изъ вида при прежнихъ изслѣдованіяхъ. Ничего подобнаго не могло бы произойти, если бы сразу было произведено строго-научное и систематическое изученіе данной мѣстности въ геологическомъ отношеніи, могущее служить для самыхъ разнообразныхъ практическихъ цѣлей. Такъ оно и должно быть поставлено на дѣлѣ, если только наши земства не желаютъ передѣлывать одного и того же по нѣскольку разъ, тратя на это излишнія средства и время.

Правда, что, по счастливой случайности, довольно обстоятельныя и очень подробныя геологическія изслѣдованія Нижегородской и Полтавской губерній были произведены по болѣе широкой программѣ, чѣмъ это было предположено земствами означенныхъ губерній. Благодаря такому обороту дѣла, изслѣдованія эти могутъ служить достаточною основой для различныхъ практическихъ предпріятій. Но это случилось уже по доброй волѣ исполнителей,

взявшихся за работу по порученію земствъ и нашедшихъ возможнымъ уклониться отъ строгаго слѣдованія ихъ указаніямъ. Совершенно иные результаты получаются при неуклонномъ выполненіи одностороннихъ и крайне узкихъ геологическихъ задачъ, обыкновенно намѣчаемыхъ отдѣльными земствами. Таковъ примѣръ таврическаго губернскаго земства съ его гидрогеологомъ, долженствующимъ извлекать воду изъ бесплодныхъ скалъ. Не говоря уже про то, что въ вопросѣ о водоснабженіи Крыма все дѣло заключается не столько въ отысканіи новыхъ источниковъ воды, сколько въ восстановленіи прежнихъ и въ законномъ упорядоченіи пользованія существующими, вода которыхъ расходуется владѣльцами самымъ безобразнымъ и хищническимъ способомъ, со стороны земства было крайне опрометчивымъ приступить къ гидрогеологическимъ изысканіямъ, не произведя предварительной подробной геологической съемки страны. Въ этомъ отношеніи достаточно было вспомнить неудачный опытъ буренія артезианскаго колодца около Айбаръ, доведеннаго до громадной глубины въ 373 сажени и, несмотря на крупную затрату въ 140,000 рублей, не давашаго ни капли искомой воды только потому, что, при его закладкѣ, не было обращено достаточнаго вниманія на геологическое строеніе Крыма и особенно степной его части. На настоятельную необходимость такой подробной геологической съемки указываетъ и самъ г. Головинскій въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, но указываетъ почему-то мелькомъ, вовсе не настаивая на ея неотложности. Такъ, говоря объ источникѣ Верхней Массандры, онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «при отсутствіи детальной геологической съемки страны нельзя судить о томъ, достаточно ли обширна площадь обломковъ... для питанія источника». Слѣдовательно, г. Головинскому въ его гидрогеологическихъ занятіяхъ приходится дѣйствовать или ошущью и на-авось, или же совсѣмъ отказываться отъ дачи какихъ-либо положительныхъ указаній, за неимѣніемъ необходимыхъ геологическихъ данныхъ, что онъ и долженъ былъ сдѣлать по отношенію къ Феодосійскому уѣзду. Нечего и говорить, что ни для изысканій на полезные минеральныя ископаемыя, ни для почвовѣдѣнія, ни для другихъ какихъ-либо практическихъ цѣлей всѣ эти довольно тщетныя попытки извлекъ воду изъ земли при помощи земскаго гидрогеолога никакого значенія не имѣютъ. Между тѣмъ, почти безъ всякаго результата для дѣла, на нихъ тратятся довольно значительныя средства, которыхъ было бы вполне достаточно для производства подробнаго геологическаго изслѣдованія всего Крыма, при участіи даже не одного лица, а цѣлой экспедиціи специалистовъ. Такое систематическое геологическое изслѣдованіе, помимо его высокаго научнаго значенія, могло бы послужить прочною основой какъ для гидрогеологическихъ и почвенныхъ изысканій, такъ и для другихъ практическихъ предпріятій.

Указывая на примѣръ таврическаго губернскаго земства, мы вовсе не имѣемъ въ виду осудить его полезныя начинанія. Оно всегда обнаруживало живѣйшій интересъ къ геологическому и вообще естественно-историческому изученію Крыма, что и доказало на дѣлѣ, ассигновавъ, по постановле-

нiю XIX очереднаго губернскаго земскаго собранiя, довольно значительное пособiе крымскому комитету. Дѣло не въ этомъ, а въ отсутствiи строго опредѣленнаго плана и ясно намѣченныхъ задачъ, результатомъ чего и является напрасная трата силъ и средствъ. Въ этомъ случаѣ полезно обратить вниманiе на примѣръ практическихъ американцевъ, которые прекрасно знаютъ цѣну послѣдовательной систематичности въ изученiи занимаемой ими территорiи и буквально не жалѣютъ средствъ для производства самыхъ тщательныхъ и всестороннихъ геологическихъ изысканiй, учреждая для этого, какъ мы видѣли, особыя «Surveys» на подобiе нашихъ статистическихъ бюро. Расчетъ ихъ ясенъ и обыкновенно они никогда не ошибаются въ немъ, извлекая изъ такихъ систематическихъ изысканiй множество чрезвычайно важныхъ результатовъ. Съ этого же слѣдуетъ начинать и нашимъ земствамъ, если только они искренно желаютъ имѣть прочную и устойчивую почву подъ ногами для своихъ разнообразныхъ и дѣйствительно полезныхъ практическихъ начинанiй.

И такъ, одни земства ограничиваются только выраженiемъ желанiя произвести геологическiя изслѣдованiя, вовсе не настаивая на ихъ исполненiи, другiя же хотя и приступаютъ къ нимъ, но обыкновенно жалѣютъ средства, а самая постановка дѣла этихъ изслѣдованiй, предпринимаемыхъ по ихъ почину, вслѣдствiе крайней узкости и односторонности намѣчаемыхъ ими задачъ, совершенно не удовлетворяетъ болѣе строгимъ требованiямъ.

Что же касается исполненiя этихъ изслѣдованiй, то даже наиболѣе обстоятельныя изъ нихъ несвободны отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Взять, на примѣръ, *Геологическое изслѣдованiе Кромскаго уѣзда, Орловской губернии*, произведенное подъ руководствомъ профессора Иностранцева. Помимо очень скромныхъ размѣровъ этой книжки и довольно грязной штриховки ея геологической карты, въ ней есть и другая особенность—почти полное отсутствiе подробной разработки геологическаго и особенно палеонтологическаго материала, въ зависимости отъ распредѣленiя его по отдѣльнымъ горизонтамъ. Всего болѣе замѣтно это по отношенiю къ мѣловымъ и юрскимъ отложенiямъ, относительный возрастъ которыхъ опредѣляется только приблизительно. Это тѣмъ болѣе странно, что въ текстѣ есть очень много замѣчанiй, имѣющихъ значительный геологическiй интересъ. Помимо этого, въ отчетѣ проскользнуло не мало и другихъ странностей. Такъ, говоря объ условiяхъ залеганiя юрскихъ глинъ, почтенный руководитель геологическаго изслѣдованiя Кромскаго уѣзда, между прочимъ, замѣчаетъ, что поверхность ихъ «весьма волнистая, съ одной стороны, вслѣдствiе весьма продолжительнаго размыванiя, съ другой—вслѣдствiе слабого изогнутiя слоевъ, въ силу, какъ надо думать, *явленiя вспучиванiя*» (стр. 105), каковое онъ и принимаетъ за совершенно случайное. Какъ довольно печальное патологическое явленiе,—явленiе «вспучиванiя» вполне понятно, но на языкѣ геологовъ слово это звучитъ какъ-то странно, тѣмъ болѣе, что никакого случайнаго «вспучиванiя» слоевъ тутъ нѣтъ, а есть только, повидимому, очень интересная дислокацiя или перемѣщенiе первоначально горизонталь-

ныхъ юрскихъ пластовъ въ вертикальномъ направленіи въ видѣ очень характерной складки. Благодаря указанному отсутствію подробностей, все довольно дорого стоившее *Геологическое изслѣдованіе Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи* съ научной стороны выходитъ блѣднымъ и малосодержательнымъ, имѣя характеръ скорѣе геологическаго дневника, чѣмъ обстоятельнаго научнаго изслѣдованія.

Очень можетъ быть, что авторы умышленно придали всей работѣ подобный характеръ, главнымъ образомъ, потому, что она предназначалась не для специалистовъ, а для людей-практиковъ, для которыхъ весь арсеналъ учености не имѣетъ особеннаго значенія. Конечно, съ этимъ нельзя не считаться при составленіи отчетовъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ для земствъ, по почину которыхъ они предпринимаются. Но, во всякомъ случаѣ, это не должно быть дѣлаемо въ очевидный ущербъ содержательности подобныхъ отчетовъ, особенно если они печатаются въ специальныхъ ученыхъ изданіяхъ, какъ это сдѣлалъ г. Иностранцевъ. Не слѣдуетъ, однако, впасть и въ другую крайность, наполняя ихъ множествомъ подробностей, нерѣдко совершенно излишнихъ, а, главное, излагая ихъ специально-научнымъ языкомъ. Написанныя подобнымъ образомъ, даже и вполнѣ обстоятельныя отчетныя работы геологовъ ровно ничего не даютъ земцамъ, для которыхъ онѣ, главнымъ образомъ, и предназначаются. Для нихъ это будутъ пустые звуки, лишенные всякаго смысла и значенія. Неудивительно поэтому то чувство нѣкотораго насмѣшливаго недовѣрія, переходящаго иногда даже въ явное недоброежелательство, какое мы нерѣдко замѣчаемъ въ отношеніяхъ людей-практиковъ къ представителямъ чистой науки, когда они отказываются спуститься съ своихъ олимпійскихъ высотъ.

Говоримъ это, имѣя въ виду, между прочимъ, геологическіе отчеты профессора Докучаева нижегородскому и г. Гурова полтавскому губернскому земству. Отчеты эти, по своей обширности, представляютъ полную противоположность отчету профессора Иностранцева по Кромскому уѣзду и имѣютъ видъ объемистыхъ фолиантовъ, про которые нельзя не сказать: «писали—не дѣлались!» Въ нихъ, правда, очень много весьма цѣннаго научнаго матеріала и противъ обилія его, конечно, нельзя ничего сказать, но въ редакціонномъ отношеніи они оставляютъ желать также очень многого. Обиліе мелочныхъ и иногда совершенно нетипичныхъ подробностей, повтореніе по нѣскольку разъ одного и того же, множество излишнихъ справокъ, полемическія разсужденія,—все это дѣлаетъ чтеніе этихъ работъ даже и для специалиста дѣломъ нелегкимъ, а для обыкновенныхъ читателей оно прямо недоступно, такъ какъ написаны онѣ языкомъ специально-геологическихъ научныхъ сочиненій. Особенно неудержимъ въ этомъ отношеніи г. Гуровъ. Просматривая его *Геологическое описаніе Полтавской губерніи* и особенно его *Общія выводы*, то и дѣло наталкиваешься на библиографическія справки, повторенія и множество ссылокъ, обнаруживающихъ большую начитанность въ авторѣ и его близкое знакомство съ литературой предмета, но за то нисколько не содѣйствующихъ болѣе легкому усвоенію его объемистой

книги земцами. Наоборотъ, весь этотъ арсеналъ учености долженъ дѣйствовать на нихъ скорѣе удручающимъ образомъ, давая осязательно почувствовать всю ихъ беспомощность и полнѣйшую безнадежность когда-либо одолѣть его. О чемъ бы ни началъ говорить г. Гуровъ, онъ всюду натывается на спорные вопросы и входитъ въ ихъ теоретическое разсмотрѣніе, считая всякій разъ своимъ непремѣннымъ долгомъ перебрать всю специальную литературу по данному вопросу. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ буквально заколачиваетъ читателя множествомъ ссылокъ, справокъ, поправокъ, ненужныхъ формулъ, именъ, указаній, терминовъ и т. п. Прочтя десятокъ, другой страницъ, читатель невольно впадаетъ въ уныніе, а на третьемъ — чувствуетъ себя окончательно ошеломленнымъ и безъ боя уступаетъ г. Гурову, поспѣшно закрывая его книгу. Удивляешься, почему онъ написалъ только 1,000, а не 10,000 страницъ. Всѣ эти удручающія мелочи и совершенно излишнія подробности, которыми, видимо, такъ дорожитъ г. Гуровъ, только безъ нужды обременяютъ текстъ, нисколько не увеличивая достоинствъ книги и, во всякомъ случаѣ, дѣлая ее совершенно недоступною для обыкновенныхъ читателей. Невольно спрашиваешь себя: для кого она написана? Для специалистовъ всѣ эти подробности справочнаго характера не нужны, а для земцевъ онѣ непонятны и, конечно, нисколько не интересны. *Геологическое описаніе Нижегородской губерніи* нѣсколько свободнѣе отъ такихъ крайностей, но и оно, какъ по изложенію, такъ и по характеру затрогиваемыхъ въ немъ геологическихъ вопросовъ, также очень мало даетъ для обыкновенной публики и земцевъ. Такимъ образомъ, на обѣихъ работахъ мы замѣчаемъ печать нѣкоторой исключительности, дѣлающей изъ нихъ не просто геологическіе отчеты, а какія-то диссертациі, составленныя для полученія ученой степени. Если авторы ихъ и не находили возможнымъ исключить изъ текста все менѣе существенное, то оно, по крайней мѣрѣ, могло бы быть изложено какъ нѣчто второстепенное и отпечатано не въ общемъ текстѣ, а въ приложенияхъ, болѣе мелкимъ шрифтомъ, что дало бы значительное сбереженіе средствъ и мѣста.

Всѣ вышеизложенныя замѣчанія по поводу названныхъ нами работъ профессора Докучаева и г. Гурова мы позволимъ себѣ сдѣлать, имѣя въ виду исключительно только ихъ внѣшнюю, чисто-редакціонную сторону. По добросовѣстности же исполненія и обстоятельности содержанія, онѣ заслуживаютъ живѣйшаго одобренія. Конечно, съ нѣкоторыми изъ выводовъ ихъ почтенныхъ авторовъ можно не соглашаться, можно оспаривать ихъ или отнестись къ нимъ скептически, но здѣсь не мѣсто входить въ различныя частности специального характера и подробно разбирать такіе вопросы, какъ вопросъ о возрастѣ пестрыхъ породъ Нижегородской губерніи или вопросъ о составѣ третичныхъ и потретичныхъ отложений Полтавской губерніи и т. п. Замѣтимъ только, что такая спорность нѣкоторыхъ общихъ выводовъ нисколько не умаляетъ важнаго значенія этихъ работъ. Насколько оно велико, можно судить уже по тому факту, что геологическія работы профессора

Дочучаева и его многочисленныхъ помощниковъ, прежде всего, дали прекрасный основной матеріалъ для систематическаго изученія почвъ Нижегородской губерніи и, сверхъ этого, послѣ нѣкотораго дополненія, должны послужить интересамъ геологическаго комитета, составляющаго въ настоящее время подробную геологическую карту 72 листа. Такимъ образомъ, земское геологическое изслѣдованіе Нижегородской губерніи, произведенное вполне научно и подробно, предупредило работы геологическаго комитета, оказавъ ему тѣмъ самымъ существенное содѣйствіе. По всей вѣроятности, не меньшее практическое значеніе будетъ имѣть и работа г. Гурова, особенно для почвенныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ въ настоящее время полтавскимъ губернскимъ земствомъ подъ руководствомъ профессора Дочучаева.

Подводя окончательный итогъ вышеприведеннымъ замѣчаніямъ по поводу геологическихъ изслѣдованій, предпринимаемыхъ по почину и на средства земствъ, мы должны признать ихъ не совсемъ удовлетворительными съ трехъ сторонъ: со стороны непоследовательности нѣкоторыхъ земствъ, приступившихъ къ этимъ изслѣдованіямъ и не доведшихъ ихъ до конца; затѣмъ, со стороны узкости и ограниченности задачъ, обыкновенно намѣчаемыхъ земствами для приглашаемыхъ ими изслѣдователей, и, наконецъ, со стороны значительной доли субъективности, вносимой этими послѣдними въ ихъ отчетныя работы, для которыхъ желательны большая ясность изложенія, не вредящая, однако, ихъ содержательности, и большее вниманіе къ интересамъ тѣхъ лицъ, для которыхъ эти работы собственно и предназначаются.

Очевидно, что такая постановка мѣстныхъ геологическихъ изслѣдованій, предпринимаемыхъ земствами, не можетъ быть признана вполне удовлетворительной и должна быть измѣнена въ интересахъ ихъ болѣе успешности. Прежде всего, земства, пожелавшія приступить къ подобнаго рода изслѣдованіямъ, должны строго выяснить себѣ ихъ основную цѣль, которая никоимъ образомъ не должна быть слишкомъ узкою и исключительною, а, наоборотъ, возможно широкою, — именно, составленіе подробной геологической карты и производство для этого детальной геологической съемки данной мѣстности, то-есть организація такого геологическаго предпріятія, которое могло бы удовлетворить самымъ разнообразнымъ запросамъ практики. Затѣмъ, выяснивъ цѣль этихъ изслѣдованій, необходимо тщательно взвѣсить и обсудить степень ихъ неотложности, прежде чѣмъ приступать къ нимъ, а разъ приступивъ, доводить ихъ до конца подъ строгою отвѣтственностью лицъ, принявшихъ на себя ихъ исполненіе. Что же касается выбора этихъ послѣднихъ и вообще организаціи научной стороны всего предпріятія, то земству лучше всего, конечно, заблаговременно обратиться по этому предмету къ содѣйствію такого вполне компетентнаго учрежденія, какъ геологическій комитетъ, предоставляя въ его распоряженіе и достаточныя средства для подобныхъ изслѣдованій. Правда, комитетъ не всегда согласится принять непосредственное участіе въ работѣ,

которая въ данное время не входитъ въ его планы, но въ отвѣтъ на такое обращеніе онъ никогда не откажетъ, да и не имѣетъ права отказать въ своихъ совѣтахъ и указаніяхъ. Онъ всегда можетъ найти время если не составить, то, по крайней мѣрѣ, рассмотреть программу того или другаго мѣстнаго геологическаго изслѣдованія, а равно и указать земству вполне компетентныхъ лицъ, могущихъ произвести это изслѣдованіе. Наконецъ, для устраненія излишней и часто даже несомнѣнно вредной для дѣла субъективности отчетовъ, комитетъ, какъ учрежденіе коллегіальное, лучше, чѣмъ само земство, можетъ оцѣнить достоинства и отмѣтить недостатки исполненной специальной работы, прежде чѣмъ она будетъ напечатана. Такимъ образомъ, желательно, чтобы и окончательную редакцію отчетныхъ работъ принялъ на себя геологическій комитетъ, который могъ бы сообщать ихъ земствамъ не во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ, а только въ существенно важныхъ для земства чертахъ и вполне доступной формѣ, воспользовавшись всѣмъ остальнымъ для своихъ специальныхъ научныхъ цѣлей. Всѣмъ этимъ, прежде всего, достигалось бы значительное сбереженіе силъ и средствъ, а одна и та же мѣстность, въ одно и то же время, безъ особенной пользы для дѣла не подвергалась бы двойному изслѣдованію, какъ это случилось въ Полтавской губерніи, гдѣ одновременно занимались г. Армашевскій, по порученію геологическаго комитета, и г. Гуровъ, по порученію мѣстнаго губернскаго земства. Сверхъ этого, происходило бы необходимое сосредоточеніе научнаго матеріала, нерѣдко очень цѣннаго какъ въ научно-теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ, тогда какъ теперь онъ рискуетъ совершенно безплодно затеряться въ архивахъ земскихъ управъ.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, считаемъ нужнымъ оговориться, что здѣсь рѣчь идетъ не о какомъ-либо стѣснительномъ для земства контролѣ и умаленіи его прерогативъ въ пользу центрального геологическаго учрежденія, а только о болѣе разумной и выгодной постановкѣ практически полезнаго дѣла въ интересахъ возможно болѣе успѣшности его исполненія. Несомнѣнно, что, съ одной стороны, добрый починъ земствъ и ихъ готовность на матеріальныя затраты, а съ другой—высокая научная компетентность геологическаго комитета лучше обезпечать успѣхъ общаго дѣла, чѣмъ ихъ разрозненныя дѣйствія, въ виду чего и желательно ихъ дружное содѣйствіе другъ другу.

В. Соколовъ.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается 10 рублей. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1887 и 1888 гт., цѣна которыхъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за оба означенные года вмѣстѣ 14 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль

1889 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Педагогія. — Публицистика. — Исторія, археологія и біографія. — Антропология и этнографія. — Географія и путешествія. — Юридическія книги. — Естествознаніе. — Медицина. — Сельское хозяйство. — Военное дѣло. — Учебники и дѣтскія книги. — Календари. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, июль.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ М. Е. Салтыкова. — „Полное собраніе сочиненій“ Д. В. Григоровича. — „Полное собраніе сочиненій“ Г. И. Жемчужова. — „Стихотворенія“ Н. Михайловича. — „Стихотворенія“ К. П. Медведскаго. — „Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта“ Джонатана Свифта.

Сочиненія М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Изданіе автора. Спб., 1889 г. Изданіе, начавшееся при жизни автора, стало теперь посмертнымъ изданіемъ сочиненій М. Е. Салтыкова и, слѣдовательно, имѣть быть „полнымъ собраніемъ“ всѣхъ произведеній знаменитаго русскаго сатирика, въ теченіе сорока съ лишнимъ лѣтъ тщательного отмѣчавшаго всѣ некрасивыя стороны нашей жизни. Салтыковъ началъ свою славную литературную дѣятельность *Губернскими очерками*, сразу поставившими автора въ первые ряды русскихъ писателей въ такое время, когда въ этихъ рядахъ стояли Тургеневъ, Достоевскій, Писемскій, Гончаровъ, Григоровичъ. Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ *Губернскихъ очерковъ*, можно сравнить лишь съ тѣмъ, что произошло въ русскомъ обществѣ при выходѣ въ свѣтъ *Записокъ охотника* Тургенева. Какъ рассказы Тургенева заставили очень многихъ очнуться отъ вѣковаго благодушнаго отношенія къ крѣпостному праву, такъ *Губернскіе очерки* раскрыли другую сторону провинціальной жизни, тѣсно связанную съ этимъ правомъ и казавшуюся, благодаря „давности“, столь же неизбежною, какъ власть помѣщиковъ. Очутившись въ провинціи не по собственному желанію и проживая тамъ въ маленькомъ центрѣ административной дѣятельности, Салтыковъ близко видѣлъ всѣхъ проявленія чиновничьихъ неправды, корысти и произвола, составлявшихъ какъ бы продолженіе и дополненіе крѣпостныхъ порядковъ. Въ то время все, жившее на Русской землѣ, лишь номинально дѣлилось на многочисленныя сословія, въ сущности же было только два класса обывателей: власть имѣющихъ и ровно ничего неимѣющихъ. Въ числѣ послѣднихъ были бѣдные и болѣе или менѣе богатые; но имущественная разница служила только мѣркою для опредѣленія того, сколько можно взять съ того или съ другаго. Раздѣленія властей на судебную, полицейскую и административную не существовало въ дѣйствительности;

были „присутственные мѣста“ и чиновники различныхъ наименованій, основная функція которыхъ сводилась къ одному: къ поддержанію невыблемости освященныхъ временемъ порядковъ. Порядки же были таковы, что словъ „злоупотребленіе власти“ нѣто и не слыхивалъ. Случалось, конечно, что чиновники „зарывались“, дѣйствовали и брали „не по чину“, и тогда зарвавшихся постигали различныя неприятели, по усмотрѣнію начальства. Но „зарвавшійся“ не злоупотреблялъ данною ему властью, а только хваталъ не въ мѣру, установленную обычаемъ. Такіе-то „обычные“ порядки и раскрылъ впервые Салтыковъ въ своихъ *Губернскихъ очеркахъ*, не представлявшихъ изъ себя еще той безпощадной сатиры, которая прославила впоследствии имя Щедрина. Но и въ *Губернскихъ очеркахъ* нѣтъ той благодушно-барской мягкости, съ которою Тургеневъ въ *Запискахъ охотника* относится къ вѣрнопостному праву. По складу ума и по темпераменту, Салтыковъ не могъ обличать нѣжно и выводить на свѣтъ Божій неправду и зло, самъ не возмущаясь ими до глубины души. Съ первыхъ же написанныхъ имъ строкъ уже чувствуется „бичъ сатиры“ въ рукѣ сильной и безпощадной, ставшей впоследствии грозною для всѣхъ безобразій и для всякихъ безобразниковъ, какихъ бы то ни было чиновъ, званій и положеній. За все время сорокалѣтней литературной дѣятельности Салтыкова не осталось, кажется, ни одного явленія въ русской жизни, которое не было бы отмѣчено авторомъ *Губернскихъ очерковъ*, *Ташкентцевъ*, *Полтадуровъ*, *Господъ Головлева*, *Пошехонцевъ*, *Пошехонской старини*... Въ послѣднемъ изъ названныхъ произведеній Салтыковъ обращается къ нашему прошлому, къ старинѣ вѣрнопостнаго права. Такимъ образомъ, всѣ его произведенія вмѣстѣ представляютъ собою какъ бы хронику, вѣрнѣе даже—„гѣтопись“ нашей общественной и отчасти интимной жизни за шестидесятилѣтній періодъ времени, начиная съ тѣхъ поръ, когда въ умѣ автора стало складываться сознательное отношеніе къ видѣнному и пережитому.

Люди „благополучнаго“ или такъ называемаго консервативнаго направленія издавна ставили въ вину Салтыкову, что онъ изображаетъ только отрицательныя явленія русской жизни и *все* предастъ осмѣянію. У насъ это не новость: точно такой же укоръ и людьми такого же направленія постоянно дѣлался Гоголю. Ни Гоголь, ни Салтыковъ не нуждаются въ чьей-либо защитѣ противъ такихъ нападокъ уже потому, что вся Россія знаетъ того и другаго писателя, давно признала Гоголя великимъ писателемъ и совершенно забыла имена и писанья его порядятелей. Та же участь ждетъ и литературныхъ противниковъ Щедрина. Иные зададутся вопросомъ: насколько долговѣчны произведенія Салтыкова? Мы знаемъ, что иностранцы, незнакомые съ русскою жизнью или недостаточно съ нею знакомые, и теперь не понимаютъ многого изъ написаннаго Салтыковымъ. А потому большинство его произведенийъ осталось не переведеннымъ на иностранныя языки. Весьма правдоподобно, что тѣ изъ сатиръ Салтыкова, которыя имѣли лишь временный характеръ, тѣ изъ рассказовъ, которымъ авторъ нашелъ нужнымъ придать характеръ аллегорическій, стануть современемъ непонятными будущимъ поколѣніямъ читателей. Иныя его повѣствованія становятся уже теперь не совсѣмъ вразумительными для молодежи, хотя въ свое время имѣли огромное значеніе и приводятъ въ восторгъ стариковъ, знающихъ, въ чемъ соль и сила. Но, во-первыхъ, такова уже участь всякой сатиры, начиная съ Ювеналовыхъ, что отнюдь не умаляетъ ихъ достоинствъ; во-вторыхъ, сатира нерѣдко требуетъ поясненій и комментаріевъ даже для современниковъ, незнакомыхъ съ тѣми

явленіями, которыхъ она касается. И само собою разумѣется, что такіе пояснительные комментаріи рано или поздно потребуются ко многимъ произведеніямъ Салтыкова. Въ виду этого, мы полагаемъ, что уже теперь большую услугу оказалъ бы русскому обществу тотъ, кто взялся бы за составленіе такихъ комментаріевъ, накопляя ихъ по мѣрѣ того, какъ нѣкоторыя изъ временныхъ особенностей русской жизни, занесенныхъ въ „лѣтопись“ Щедрина, отходятъ въ область исторіи или преданій. Снабженныя такими поясненіями, произведенія Салтыкова приобретутъ очень важное значеніе для потомства, быть можетъ, даже болѣе серьезное, чѣмъ то, какое они имѣли для современниковъ. Они получатъ значеніе историческихъ документовъ для возстановленія такихъ сторонъ русской жизни, которыя совершенно утратились бы для будущихъ поколѣній, если бы не были отмѣчены Салтыковымъ. Но рядомъ съ рассказами, имѣвшими лишь временный характеръ, Салтыковъ далъ намъ не мало и такихъ типовъ и такихъ положеній, которые мы вправе назвать столь же вѣчными, какъ типы Гоголя. Таковы: *Господа Головлевы*, многія изъ дѣйствующихъ лицъ *Пошехонской старины* и очень, очень многіе другіе изъ *Помпадуровъ*, *Ташкентцевъ* и проч.

До сихъ поръ вышли изъ печати два тома *Сочиненій М. Е. Салтыкова*. Въ первомъ помѣщены *Губернскіе очерки* и *Невинные рассказы*, во второмъ—*Сатиры въ прозѣ*, *Признаки времени*, *Письма изъ провинціи* и *Итоги*. Все изданіе будетъ состоять изъ девяти томовъ большаго формата. Цѣна по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдняго тома 15 руб., съ пересылкой 20 руб.; по выходѣ послѣдняго тома—20 руб., съ пересылкой—25 руб.

Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича. Томъ 11. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. Спб., 1889 г. Цѣна за одиннадцать томовъ 17 рублей; отдѣльно одиннадцатому тому—2 руб. Произведенія Дмитрія Васильевича Григоровича распредѣлены въ этомъ изданіи въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ выхода въ свѣтъ каждаго изъ нихъ. Въ первый томъ вошли сочиненія, обозначенныя 1843—1849 годами. Авторъ родился, если не ошибаемся, въ 1822 году. Своими повѣстями: *Антонъ Горемыка*, *Бобыль* и *Капельмейстеръ Сусликовъ* онъ составилъ себѣ литературную извѣстность, когда ему было всего 24—25 лѣтъ. Д. В. Григоровичъ первый изъ русскихъ писателей взялся за изображеніе деревенской русской жизни, первый осмѣлился взять въ герои своихъ повѣстей нашихъ крестьянъ и въ 1853—1856 гг. далъ два большихъ произведенія: *Рыбаки* и *Переселенцы*, всецѣло посвященныя описанію мужицкаго быта въ повѣствовательно-романической формѣ. Съ тѣхъ поръ ему принадлежатъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду знаменитѣйшихъ русскихъ писателей. Выдающійся талантъ его, мы уже сказали, былъ признанъ много ранѣе, съ появленія въ свѣтъ *Антонъ Горемыки*. Въ библиографическомъ отчетѣ о выходѣ въ свѣтъ послѣдняго тома сочиненій Д. В. Григоровича мы не имѣемъ возможности ни перечислить его произведеній, ни взяться за оцѣнку значенія наиболѣе выдающихся изъ нихъ и вынуждены ограничиться лишь короткимъ сообщеніемъ о только что вышедшемъ въ свѣтъ одиннадцатомъ томѣ. Въ немъ помѣщены повѣсти: *Алексій Чemezovъ*, *Недолгое счастье*, *Акробаты благотворительности*, очеркъ—*Карьеристъ*, отрывокъ изъ романа—*Сонъ Карелина* и рядъ рассказовъ, озаглавленныхъ: *Не по герошу милъ — по милу хорошъ*. *Акробаты благотворительности* (1884 г.) и *Сонъ Карелина* (1887 г.) были напечатаны въ *Русской Мысли*, и наши читатели знаютъ, какими сильными и яркими

красками изобразилъ въ нихъ авторъ нѣкоторыя неприглядныя стороны петербургской жизни, въ которой чиновно-бюрократическій элементъ проникаетъ всюду и все опутываетъ своею цѣпкою паутиной. Внѣ этой паутины нѣтъ жизни, ибо житья нѣтъ, — житья не дадутъ тѣ, кто ее плететъ, чтобы по ней пробираться туда, куда влечетъ честолюбіе и алчность. Этими двумя стремленіями, мы готовы сказать—повадками, опредѣляется и регулируется вся жизнь Петербурга: или плети чиновничью паутину, подобно другимъ, или стой далеко въ сторонѣ отъ такой паутины, чтобы не быть ею опутаннымъ и, чего добраго, уничтоженнымъ. Ни талантъ, ни знанія, ни сила нравственная не спасутъ человѣка, если онъ такъ или иначе попадетъ въ эту сплошную сѣть и самъ не захочетъ или не сможетъ плести ту же паутину и по ней пробираться къ общепризнанному благополучію, для чего всѣ средства хороши. И хороши они не потому, что „цѣль оправдываетъ средства“. Нѣтъ, эта іезуитская поговорка устарѣла и отзывается въ наше время нѣкоторою наввностью, такъ какъ, по смыслу ея, цѣль предполагается „хорошею“, добромъ и полезною, если не для всего человечества, то для торжества извѣстной идеи или, по крайней мѣрѣ, извѣстнаго общества, служащаго этой идеѣ; при этомъ тою же поговоркой признается, что средства могутъ быть признаваемы „дурными“, требующими оправданія. Въ наше время нѣтъ ничего подобнаго: цѣль не имѣетъ ничего общаго съ какою бы то не было идеей. Цѣль—это личное благополучіе, заключающееся въ наибольшей возможности удовлетворять свои честолюбивыя и алчныя инстинкты. Не цѣль оправдываетъ средства, а успѣхъ. Въ сущности же, и оправданія никакого не требуется, конечно, если цѣль достигнута. Не требуется въ этомъ случаѣ оправданія уже потому, что обвиненіе становится невозможнымъ. Успѣхъ покрываетъ собою средства, послужившія къ его достиженію: „побѣдителей не судятъ“, — „горе побѣжденнымъ“... Таковъ смыслъ повѣсти *Акробаты благотворительности*. Въ частности же въ этой повѣсти раскрывается тотъ фактъ, что благотворительность является у насъ очень часто не болѣе, какъ средствомъ для достиженія цѣлей, не имѣющихъ рѣшительно ничего общаго съ гуманностью и истинною филантропіей. Въ маленькомъ очеркѣ *Карьеристъ* Д. В. Григоровичъ нѣсколькими сильными, высокохудожественными штрихами набросалъ фигуру такого „успѣшника“, — „удачникомъ“ нельзя назвать героя рассказа Ягозина, такъ какъ онъ ничего не дѣлалъ на-удачу и всюду прогнѣзалъ успѣшно, благодаря способности зацѣпиться за подходящую паутинку. Въ этомъ наброскѣ видна рука очень большого мастера по тому въ особенности, что, изображая своего „карьериста“, мелкаго пройдоху и прохвоста, авторъ ни въ чемъ не подчеркнул, не выдвинулъ впередъ ни одной прямо антипатичной черточки своего пустодушнаго героя, не выставилъ ни одного такого дѣянія Ягозина, которое могло бы подать поводъ къ его обвиненію и вызвать необходимость оправданія. Въ этой „карьерѣ“ все гладко и чисто, — съ формальной стороны, разумѣется, — все прилажено досужимъ чиновникомъ именно такъ, какъ прилагивается всякимъ, ставящимъ успѣхъ цѣлью своей жизни и избѣгающимъ такихъ „средствъ“, которыя требуютъ оправданія въ какой бы то ни было формѣ. Совершенною противоположностью карьеристу Ягозину представляетъ собою *Алексѣй Чемзоев*, герой повѣсти *Недолгое счастье*. Онъ тоже петербургскій чиновникъ, но изъ тѣхъ, что стоятъ въ сторонѣ отъ бюрократической паутины, или, вѣрнѣе, ниже ея. Такой чиновникъ—рабочая сила Петербурга, одинъ изъ устоевъ бюрократизма,

изъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ паутина держится. Онъ, быть можетъ, даже—одинъ изъ тѣхъ праведниковъ, благодаря которымъ она не рухнетъ. Скромный, тихій, безукоризненно честный Алексѣй Чemezovъ нашелъ истинное и крайне рѣдкое въ наше время счастье съ такою же, какъ онъ, безхитростно-милою дѣвушкой, простою портнихой, ставшею его женой. Ихъ счастливая семейная жизнь представляетъ собою настоящую идиллію, но идиллію мастерскую, не слащавую и жеманную, а здоровую, бодрящую своею простотою, возможную для всякаго, умѣющаго ограничить свои запросы отъ жизни лишь тѣмъ, что жавнь можетъ дать хорошему и честному человѣку, доброму труженнику. То было „недолгое счастье“. Жена Чemezova умерла, и его попытка найти счастье вторично, въ другомъ бракѣ, ватанула Алексѣя Ивановича въ одну изъ многихъ паутинокъ, перешлетающихся между собою по всѣмъ направленіямъ современнаго Петербурга. Чemezovъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Рядъ рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ: *Не по хорошу милъ—по милу хорошъ* былъ напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы*, и объ нихъ мы уже дали отзывъ въ одномъ изъ нашихъ журнальныхъ обзорній нынѣшняго года.

Какъ одиннадцатый томъ, такъ и десять прежде вышедшихъ продаются отдѣльно по слѣдующимъ цѣнамъ: томы I, VI и IX по 2 р. 50 коп., томы II, III, IV, V, VII, VIII и XI по 2 руб., томъ X—3 р. Книга *Для дѣтскаго чтенія* Д. В. Григоровича стоитъ 2 руб., его же *Повѣсти, рассказы и очерки для народнаго чтенія*—1 рубль.

Уральцы. Очерки быта уральскихъ козаковъ. Полное собраніе сочиненій Іоасафа Игнатьевича Желѣзнова. Три тома. Изданіе 2, посмертное, съ дополненіями и включеніемъ неизданныхъ статей. Спб. Цѣна 4 рубля. Произведенія І. И. Желѣзнова, отчасти беллетристическаго, отчасти этнографическаго характера, печатались въ пятидесятихъ годахъ въ *Москвитяинѣ*, въ *Отечественныхъ Запискахъ* и въ *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*; первымъ изданіемъ они вышли въ свѣтъ въ 1858 г., въ двухъ томахъ, и встрѣчены сочувственными отзывами *Современника*, *Русскаго Слова*, *Русскаго Вѣстника*, *Отечественныхъ Записокъ*, *Библ. для Чтенія* и др. На самомъ дѣлѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что авторъ обладалъ крупнымъ беллетристическимъ талантомъ, и только крайне недостаточное образованіе помѣшало Желѣзнову оставить по себѣ крупное литературное имя. Всѣ произведенія его посвящены уральскому козацъему войску, описанію настоящаго (50 годовъ) положенія козаковъ, уральской старинѣ, преданіямъ, пѣснямъ и сказаніямъ уральскихъ козаковъ. Самъ природный козакъ, благоговѣнно дорожащій своею „казацкою генеалогіей“, Желѣзновъ съ горячею, иногда, быть можетъ, съ чрезмѣрною любовью относился къ „своему“ козацеству, т.-е. къ уральскому. Всѣ его произведенія пропитаны искреннимъ и пламеннымъ патріотизмомъ, но патріотизмомъ чисто мѣстнымъ, уральскимъ и козацкимъ. Въ эпиграфѣ къ сочиненіямъ І. И. Желѣзнова приведены, между прочимъ, слѣдующія слова изъ оставшихся послѣ его смерти рукописныхъ замѣтокъ: „Я, если разбирать меня съ общей точки зрѣнія,—*чуманистъ*, но коснусь дѣло до интересовъ козаковъ, я—*эгоистъ*. Я и днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ желаю, чтобы козакъ имѣлъ не только необходимое, но и лишнее. Киргизъ же для меня—созданіе совершенно постороннее“... Всякое слово, неблагопріятное для уральскихъ козаковъ, гдѣ бы такое слово ни встрѣтилось Желѣзнову, вызвало съ его стороны рѣзкій отпоръ, страстное возраженіе. Въ *Исто-*

ри Пугачовскаго бунта Пушкина Желѣзновъ возмущенъ словами, что „виновникъ бунта, самозванецъ Пугачовъ, былъ ничто иное, какъ созданіе янцкихъ козаковъ“. По этому поводу Желѣзновъ написалъ „критическую статью на *Исторію Пугачовскаго бунта*“, въ которой доказываетъ ошибочность мнѣнія, будто „козаки сами выдумали самозванца“. Желѣзновъ убѣжденъ, „что не козаки создали самозванца, не козаки подбили, подговорили Пугачова на самозванство, а Пугачовъ обманулъ, обольстил простыхъ и безхитростныхъ козаковъ, выдавъ себя за государя“. Желѣзновъ не допускаетъ мысли, чтобы „его“ уральцы, янцкіе козаки могли быть участниками обмана Пугачова. Конечно, не всѣ козаки были сознательными обманщиками. Этого никогда не думалъ и не говорилъ Пушкинъ; не предполагалъ этого и никто изъ читавшихъ *Исторію Пугачовскаго бунта*. Съ этой стороны защита „козачества“ І. И. Желѣзновымъ оказывается ненужною. Но Желѣзновъ отнюдь не опровергъ того, что нѣкоторые козаки были соучастниками обмана и самозванства Пугачова. Авторъ „критической статьи“ слишкомъ увлекается своимъ козацкимъ патриотизмомъ, въ особенности же въ своей полемикѣ съ г. Небольсинимъ, писавшимъ объ Уралѣ и уральцахъ. Въ этихъ статьяхъ, помѣщенныхъ во II томѣ новаго изданія, г. Желѣзновъ вдается въ такіа мелочи и, притомъ, такъ страстно, что порою вызываетъ у читателя невольную улыбку. Малѣйшая неточность выраженія приводитъ критика въ негодованіе, принимается ихъ за обиду „уральскому козацкому войску“. Но сказать надо правду: Желѣзновъ основательно указалъ на нѣкоторые промахи Небольсина, и лишь чрезмѣрное чувство любви къ козачеству доводитъ автора до того, что онъ не въ силахъ соблюсти мѣру въ своемъ заступничествѣ за уральцевъ. Съ этимъ, однако же, мирить насъ и помирить, вѣроятно, всякаго читателя полная искренность І. И. Желѣзнова, его до страсти, до ревности доходящая любовь къ своимъ козакамъ, къ которымъ онъ всю свою жизнь относился съ безавѣтнымъ чувствомъ самаго преданнаго брата. Все имъ написанное проникнуто этимъ чувствомъ и въ значительной мѣрѣ вызвано его любовью къ родинѣ. Онъ—пламенный патриотъ, почти фанатическій, но патриотъ „уральскій“ прежде всего, что выразилось отчасти въ вышеприведенномъ нами эпитаграфѣ. Такимъ же точно былъ онъ и въ практической жизни: всегда и вездѣ, гдѣ оказывалась надобность стать на защиту интересовъ козачества, Желѣзновъ забывалъ себя и все готовъ былъ принести въ жертву этимъ интересамъ. „Козачество“ онъ разумѣлъ въ смыслѣ козацко-народнаго; ему дорогъ былъ именно духъ „козачества“, его демократизмъ, „войско-народъ“ со всеми особенностями этого своеобразнаго явленія исторической жизни Россіи. Онъ желалъ, чтобы козаки всегда оставались „войскомъ“, стоящимъ внѣ гражданскаго управленія; но чтобы они были войскомъ самоуправляющимся, по старинѣ, въ мирное время, въ хозяйствѣ и промыслахъ независимымъ отъ офицеровъ, свободнымъ отъ военной дисциплины. Много въ этомъ отношеніи высказано Желѣзновымъ въ печати, иное осталось въ его рукописяхъ, какъ, напримѣръ: *Что такое козацкій офицеръ? Туча каменная* и *Путевыя замѣтки*, не напечатанныхъ въ лежащемъ передъ нами изданіи, „въ интересахъ благополучнаго окончанія“ этого изданія, какъ объяснено въ предисловіи. Русской литературѣ І. И. Желѣзновъ оказалъ несомнѣныя и важныя услуги, познакомивши читающую публику съ бытомъ уральскихъ козаковъ, съ ихъ преданіями, пѣснями и сказаніями, составляющими содержаніе третьяго тома полнаго собранія его сочиненій.

Въ рукописяхъ Желѣзнова остался богатый матеріалъ для исторіи уральскаго козачьяго войска, которымъ въ значительной мѣрѣ воспользовался г. Витевскій, на что указываетъ г. Бородинъ, авторъ *Биографии* И. И. Желѣзнова (т. I его *Сочиненій*). Изъ словъ біографа видно, что г. Витевскій менѣе, чѣмъ то слѣдовало бы, поясняетъ, изъ какого источника былъ заимствованъ матеріалъ для его статей. Іоасафъ Игнатъевичъ Желѣзновъ пользовался большою популярностію на Уралѣ и безграничнымъ довѣріемъ козаковъ. Изъ-за козацкихъ интересовъ подвергся онъ большимъ непріятностямъ, бывшимъ отчасти причиною его самоубійства въ 1863 году. Память о немъ до сихъ поръ сохраняется у козаковъ; но съ годами она можетъ исчезнуть, и вотъ для увѣковѣченія его имени уральское войсковое правленіе, участвовавшее въ изданіи сочиненій Желѣзнова, предполагаетъ на остатокъ отъ продажи его устроить школу имени Желѣзнова.

Стихотворенія Н. Михайловича. Кіевъ. Ц. 50 к. Книжка эта въ 55 страничекъ маленькаго формата, заключающая въ себѣ 34 стихотворенія, ничѣмъ не отличается отъ множества ей подобныхъ книжекъ, наполненныхъ кое-какъ рюмочаннымъ пустословіемъ о какихъ-то страданіяхъ, о тоскѣ и мукъ, о борьбѣ невѣдомо съ кѣмъ и изъ-за чего, о злой судьбѣ и т. п. Все это прислушалось, надоѣло, и никого уже такія слова не трогаютъ; всѣ знаютъ имъ цѣну въ „стихотвореніяхъ“ того сорта, къ какому принадлежатъ придуманныя г. Михайловичемъ. Нѣтъ въ этихъ сочиненныхъ стихахъ ни выраженія искреннаго чувства, ни силы, ни проблеска горячихъ порывовъ, нѣтъ въ нихъ даже особенныхъ „курьзовъ“... развѣ вотъ стихотвореніе, озаглавленное *О Пушкинѣ*. Начинается оно четырьмя рядами точекъ, затѣмъ слѣдуетъ:

„И въ душѣ его звучало
Много грустно-нѣжныхъ пѣсней...
Эти пѣсни волновали
Благороднѣйшихъ людей...
Но, какъ праведникъ, не долго
Могъ онъ жизнью наслаждаться:
Онъ убить былъ *фарисеемъ*
Въ цвѣтъ силъ, во цвѣтъ лѣтъ...
Вмѣстѣ съ жизнью оборвалась
Нить его глубокихъ мыслей,
И задуманна пѣсни
Написать онъ не успѣлъ“.

Конецъ. *О Пушкинѣ* поэтъ Н. Михайловичъ выложилъ все, что въ силахъ былъ придумать. Рекомендуемъ автору въ слѣдующихъ изданіяхъ своихъ произведеній исправить маленькую неточность и стихъ: „Онъ убить былъ *фарисеемъ*“ замѣнить болѣе согласнымъ съ истиной: „Онъ убить кавалергардомъ“...

Стихотворенія К. П. Медвѣдскаго. Изданіе А. А. Грѣве. Спб., 1889 г. Въ большущей кучѣ стихотворнаго хлама съ удовольствіемъ останавливаешься на простыхъ, чуждыхъ всякихъ претенцій стихахъ г. Медвѣдскаго. Въ наши дни и тому уже радуешься, что авторъ не поетъ отъ какихъ-то напускныхъ страданій, и то считаешь за особенное счастье, что встрѣтишь „здороваго“ человѣка, бодро и радостно смотрящаго на жизнь, не изломаннаго или не изломавшагося, прежде чѣмъ успѣлъ стать на ноги. Въ послѣднемъ изъ напечатанныхъ въ книжкѣ стихотвореній авторъ говоритъ:

„Напрасно въ этихъ пѣсняхъ стройныхъ
Пытливой мыслью ищешь ты“

Слѣда волненій безпокойныхъ,
 Живаго трепета мечты.
 Самолюбивый и холодный,
 Я не вѣрялъ моимъ строфамъ
 Ни горькихъ думъ любви безплодной,
 Ни укоризны небесахъ“.

Слово „холодный“ поставлено тутъ единственно ради рѣмы; что же касается „живаго трепета мечты“, то въ немъ, конечно, нѣтъ недостатка у г. Медвѣдскаго, какъ и въ сверкающемъ и порохъ грѣющемъ поэтическомъ огонькѣ. Особенность музы молодого поэта (мы не сомнѣваемся въ томъ, что г. Медвѣдскій молодой человекъ и „поэтъ“, а не писатель стиховъ) въ томъ и состоитъ, что это муза живая и пылая, симпатичная своею впечатлительностью ко всему прекрасному и— что всего дороже и лучше—что это муза искренняя и правдивая. Суровыя и безотрадныя картины настоящаго не повергаютъ автора въ уныніе:

„Повисъ на ели бѣлый иней;
 Снѣгами убрана земля;
 Необозримою пустыней
 Лежатъ безмолвныя поля“...

Но не конецъ же міру въ этихъ снѣгахъ...

„... Я каждый день одну и ту же
 Легко мыслю въ душѣ, мой другъ:
 Я мчусь къ полуденному краю
 Неудержимо мечтой“...

Засуха грозитъ превратить родныя поля въ сожженную пустыню:

„... Блѣднѣетъ листъ, повисохла овраги
 И замолчалъ сверкающій ручей.
 О, какъ все ждетъ обильной теплой влаги,
 Веселыхъ грозъ и ласковыхъ дождей!
 Какъ оживутъ тогда луга и нивы,
 Какъ заблестятъ при солнечныхъ лучахъ
 Семи цвѣтовъ живые переливы
 На радостно очнувшихся листьяхъ.
 И соловьи вечерней порою
 Вновь запоютъ надъ влажною землею“...

У г. Медвѣдскаго нѣтъ обилія образовъ. Но тѣ образы, которые имѣются, нѣжны и поэтичны. Прошедшую, угасшую любовь авторъ уподобляетъ одуванчику:

„... Такъ радость прежнихъ умеченій,
 Сжигавшихъ грудь мою и кровь,
 Иной отрадой наслажденій
 Смѣнила новая любовь.
 И передъ той любовью новой
 Блѣднѣетъ пылъ любви былой,
 Какъ одуванчикъ полевой
 Предъ пышною розою махровой“.

Въ другомъ стихотвореніи, написанномъ отъ лица женщины, разлюбившей своего милаго, нѣтъ мѣста „скорби о прошломъ“. Разлюбившая женщина говоритъ:

„Но я съ тобой о прошломъ не скорблю.
 Я оживаю сердцемъ охладѣвшимъ
 И вновь лечу тревожною мечтой
 Къ тѣмъ чуднымъ днямъ, на вѣки улетѣвшимъ,
 Когда весна сіяла надо мной.
 Но жаръ рѣчей, кипучихъ, благородныхъ,
 Не разобьетъ души моей оковъ,
 Какъ осенью сматеные грозъ безплодныхъ
 Не оживитъ поблѣнувшихъ цвѣтовъ“.

Были въ прошломъ счастье и радость, миновали они, и о нихъ поэтъ вспоминаетъ душою безлобною и чистой, ничего и никого не проклиная. Мрачно и безотрадно настоящее, поэтъ не теряетъ надежды на лучшее будущее:

„Точно въ день весны прихода
Онъ забылъ о старомъ злѣ
И желанная свобода
Воцарилась на землѣ“.

Искренно желаемъ г. Медвѣдскому надолго сохранить ясность поэтической души и дружески совѣтуемъ тщательнѣе отдѣлывать свои стихи, дабы въ нихъ не встрѣчалось почти рядомъ „лечу“ съ „улетѣвшимъ“ и кое-какихъ еще промаховъ.

Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Джонатана Свифта. Съ біографіей автора и примѣчаніями Джона Франсиса Цоллера. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго и В. Яковенко. Изданіе украшено многими художественными иллюстраціями, сдѣланными въ Лондонѣ художникомъ г. Мартеномъ. Изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Москва, 1889 г. Томъ первый. Цѣна 2 р. 40 к. Знаменитая сатира Джонатана Свифта впервые появилась въ печати въ 1727 году, причѣмъ авторъ счелъ нужнымъ скрыть свое имя. Такая предосторожность была совершенно необходима въ виду крайняго раздраженія политическихъ партій въ Англіи и положенія самого Свифта, занимавшаго мѣсто декана при церкви св. Патрика въ Дублинѣ. Изданныя незадолго передъ тѣмъ *Письма сукотника* въ защиту интересовъ угнетенной и разоряемой Ирландіи уже возбудили противъ Свифта такое неудовольствіе правительства, что первый министръ Вальполъ грозилъ ему арестомъ и не привелъ въ исполненіе своей угрозы лишь изъ опасенія вызвать открытое возстаніе ирландцевъ, среди которыхъ авторъ пользовался огромною популярностью. Въ *Путешествіяхъ Гулливера* рѣзко затрогиваются и безпощадно осмѣиваются нѣкоторые вопросы, составившіе основу партійныхъ несогласій, и въ особенности же достается политическимъ противникамъ самого Свифта, поясненія чего русскій читатель найдетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, изданныхъ переводчиками по комментаріямъ къ произведеніямъ Свифта. Политическую рознь между партіями виговъ и тори авторъ изображаетъ въ видѣ забавнаго спора между людьми, носящими высокіе и низкіе каблуки на бапмакахъ въ царствѣ Лиллипутовъ; религіозныя распри, надѣлавшія много бѣдъ въ Англіи, представлены въ видѣ раздора между людьми, враждующими изъ-за того, съ какаго конца должно чистить яйцо—съ толстаго или съ тонкаго. Въ первомъ томѣ переведены приключенія Гулливера въ странѣ Лиллипутовъ и у великановъ; остальные похожденія неустрашимаго путешественника войдутъ во второй томъ. Пребываніе у Лиллипутовъ представляетъ собою сатиру на современные автору порядки въ Англіи. Въ повѣствованіи о гигантахъ затрогиваются уже общечеловѣческіе недостатки и слабости. У Лиллипутовъ Гулливеръ является гигантомъ среди пигмеевъ, въ странѣ Бромдиньягъ онъ оказывается пигмеемъ среди людей громаднхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, герою повѣствованія приходится смотрѣть на человѣчество то сверху внизъ и видѣть, каково оно въ дѣйствительности, то снизу вверхъ наблюдать, какимъ бы оно могло быть и должно быть по мнѣнію автора. Само собою разумѣется, что то и другое представлено съ точки зрѣнія англичанина первой четверти XVIII вѣка, и въ настоящее время гениальная сатира Свифта не

имѣть уже того значенія, какое признавали за нею современники. Тѣмъ не менѣе, книга эта и до сихъ поръ остается произведеніемъ гениальнымъ и отнюдь не можетъ быть зачислена въ разрядъ „дѣтскихъ“ книгъ, какъ это пытались сдѣлать нѣкоторые издатели, приравнивая ее сокращеніями къ дѣтскому чтенію. Юношамъ же подросткамъ, достаточно развитымъ для того, чтобы уразумѣть суть этого произведенія, *Путешествія Гулливера* могутъ быть рекомендованы какъ чтеніе полезное и во многомъ поучительное, наводящее на самыя серьезныя мысли. Переводъ читается легко, хотя и не лишенъ нѣкоторыхъ погрѣшностей въ такомъ родѣ, на примѣръ: „ставъ на ноги, вода доходила мнѣ до подбородка“... или: „желая показать свое искусство, мнѣ представилось большое затрудненіе“. Мы находимъ, что примѣчанія могли бы быть съ пользою для изданія значительно сокращены. Они должны бы ограничиваться необходимыми поясненіями мѣстъ, безъ того непонятныхъ нашимъ читателямъ, и отнюдь не вдаваться въ лишнія и ни на что ненужныя подробности, въ особенности же—въ оцѣнку самого произведенія и въ поясненія, что въ немъ возбуждаетъ смѣхъ. Для примѣра укажемъ на послѣднюю страницу, гдѣ въ примѣчаніи говорится, между прочимъ: „Все это удивительно остроумно“... или на стр. 26 и 27: „Какъ прекрасно и насмѣшливо задумана эта сцена“... „Трудно представить себѣ что-либо болѣе комичное, говорить Вальтеръ-Скоттъ“... Иллюстраціи сдѣланы бойко и могутъ имѣть значеніе въ томъ случаѣ, когда книга попадетъ въ руки юношей. Вообще изданіе красиво.

П Е Д А Г О Г И Я.

„Идеалы воспитанія и обученія. Х. Пахолкова. — „О преподаваніи географіи“. Влад. Краузе.

Идеалы воспитанія и обученія. Опытъ педагогической хрестоматіи для воспитателей и учителей. Составилъ учитель вологодскаго городского училища Х. Пахолковъ. Г. Пахолковъ поставилъ своею задачею—помочь педагогу выйти изъ той путаницы мнѣній и воззрѣній, въ которую онъ долженъ впасть вслѣдствіе разногласія педагоговъ по вопросамъ воспитанія. Это разногласіе происходитъ потому, что „педагогикой,—какъ думаетъ г. Пахолковъ,—занимаются люди совершенно различныхъ профессій, состояній (1), знаній и проч.; на примѣръ, занимаются ею люди государственные, духовные, военные и свѣтскіе, философы и практики, воспитатели и учителя, медики, юристы, богословы, филологи, историки, *шляхты* и т. д. Всѣ эти спеціалисты по разнымъ предметамъ, претендующіе на авторитетную роль въ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ, стремятся, по словамъ г. Пахолкова, передѣлать всю педагогикку на узкихъ, своей спеціальности присущихъ основаніяхъ“. Поэтому авторъ задался дѣлюю дать въ своей книгѣ статьи только спеціалистовъ по педагогикѣ, а не по гимнастикѣ и другимъ, хотя и почетнымъ, но чуждымъ педагогикѣ спеціальностямъ. Онъ хочетъ помочь учителю въ сопоставленіи и разсмотрѣніи взглядовъ „выдающихся писателей-педагоговъ“, а въ виду того, что „взгляды педагоговъ во многомъ сходятся, но представляютъ и большія различія“, авторъ рѣшилъ познакомить читателей съ „подлинными статьями мыслителей, которые съ любовью занимались вопросами воспитанія и обученія“. Г. Пахолковъ замѣчаетъ далѣе: „Статьи извѣстныхъ писателей гораздо болѣе наводятъ на серьезныя педаго-

гическія размышленія, чѣмъ краткія положенія какого-нибудь учебника по педагогикѣ". *Дать такія статьи и составляетъ главную цѣль задуманнаго нами труда: „Опыта педагогической хрестоматии“.*

Теперь взглянемъ на выполненіе задачи, которую взялъ на себя г. Пахолковъ. Первымъ изъ произведеній извѣстныхъ „мыслителей“, вызывающихъ современнаго педагога на серьезныя размышленія, является въ этой хрестоматіи *Поученіе Владиміра Мономаха*. Признаемся, до сихъ поръ никогда не приходилось намъ слышать, чтобы этотъ князь принадлежалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ числу крупныхъ мыслителей, которые съ любовью занимались вопросами воспитанія и обученія. Нельзя назвать иначе, какъ странностью, сопоставленіе идей о воспитаніи, открывающихся въ *Поученіи Владиміра Мономаха*, съ идеями Пирогова, Ушинскаго и другихъ дѣйствительно серьезныхъ и самостоятельныхъ педагоговъ. Если же г. Пахолковъ желалъ держать исторической послѣдовательности въ собираніи педагогическихъ идей, тогда ему слѣдовало бы цитировать и *Домострой*, и Посошкова, и многое другое изъ старинной литературы, относящееся къ вопросамъ воспитанія. Но авторъ этого не дѣлаетъ, и вслѣдъ за Владиміромъ Мономахомъ преспокойно переходитъ прямо къ Бецкому, потомъ Яковичу де-Мириѣво, потомъ зачѣмъ - то къ архіепископу Евсевию, считая и его авторитетнымъ педагогомъ, вопреки предисловію, гдѣ оиъ выражаетъ сомнѣніе въ компетентности специалистовъ по богословію, гимнастикѣ и т. д. Впрочемъ, „гимнастовъ“ у него, по крайней мѣрѣ, въ двухъ первыхъ выпускахъ нѣтъ, а лица различныхъ „состояній, знаній и профессій“ встрѣчаются. Такъ, на примѣръ, приводятся статьи и „философа“ П. Г. Рѣдына, и „филолога“ Я. К. Грота, и даже беллетриста Эдмонда Абу (выписанъ большой отрывокъ изъ его романа). Изъ иностранныхъ „мыслителей“ авторъ беретъ только Легува и Песталоцци.

Составлять хрестоматію изъ совершенно случайно набраннаго матеріала, куда попали только тѣ лица, которыя бросились автору въ глаза,—дѣло не цѣлесообразное. Такой матеріалъ не распутаетъ путаницы въ головахъ читателей и не дастъ имъ знакомства съ дѣйствительно серьезными идеями различныхъ педагогическихъ школъ и направленій на мѣсто диллетантскихъ воззрѣній, принадлежащихъ филологамъ, юристамъ, богословамъ и т. под. Идея составить педагогическую хрестоматію очень симпатична. Но для этого дѣла необходимо серьезное спеціальное знакомство какъ съ русскою, такъ особенно съ европейскою педагогическою литературой, а не обрывки свѣдѣній, взятыхъ съ налету, откуда попало.

О преподаваніи географіи. Землевѣдѣніе въ низшей и средней школѣ. Владиміра Краузе. Спб., 1889 г. Небольшая книжка петербургскаго педагога г. Краузе возникла изъ сообщенія о преподаваніи географіи, сдѣланнаго авторомъ въ собраніи русскаго географическаго общества. Она, главнымъ образомъ, направлена противъ стремленія нашей средней школы оставлять безъ вниманія обширную область знаній, вѣдающихъ факты и явленія окружающей человѣка природы. Естественныя науки отсутствуютъ въ заведеніяхъ средне-учебныхъ преобладающаго типа, т.-е. гимназіяхъ, почти совершенно, а географія или землевѣдѣніе находится въ пренебреженіи и занимаетъ подчиненное мѣсто. Противъ этого печальнаго пробѣла и противъ связанныхъ съ его существованіемъ другихъ недостатковъ нашей не только средней, но и низшей школы, г. Краузе, хотя и самъ ревностный сторонникъ класси-

ческой системы образованія, выступает безпощаднымъ обличителемъ и старается не только доказать необходимость естествознанія и землевѣдѣнія въ дѣлѣ обученія, но и указываетъ при этомъ, какъ слѣдуетъ вести преподаваніе географіи въ русскихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ принято, когда заходить рѣчь о школьной системѣ, сослаться на примѣръ высокообразованныхъ народовъ Западной Европы, и это единственный случай, когда наши охранители не извлекаютъ изъ своего архива излюбленныя фразы о непригодности западныхъ формъ для русскаго человѣка, о самобытности русскаго строя и т. д., но ревнители классической системы тщательнымъ образомъ скрываютъ, что въ западныхъ школахъ естественныя науки преподаются въ достаточномъ количествѣ, а географія проходитъ черезъ всѣ классы гимназій безъ всякаго перерыва и, занимая подобающее ей среднее мѣсто между естествознаніемъ, съ одной стороны, и исторіей—съ другой, является предметомъ прочно обоснованнымъ и связаннымъ органически со всею системой преподаванія. Благодаря чисто-внѣшнему перенесенію нѣмецкаго образца на русскую почву, въ нашей школѣ господствуютъ самые нераціональные, мертвенные, чисто-механическіе приемы преподаванія. Противъ этого направленія въ дѣятельности русскихъ школъ выступилъ г. Краузе, не ограничившійся въ написанной имъ брошюрѣ исключительно одною географіей, но затронувшій многіе существующія вопросы преподаванія вообще. Признавая взгляды, высказанные авторомъ, вполне правильными, мы должны только замѣтить, что, какъ это всегда бываетъ при формулировкѣ возрѣвній, обусловленныхъ принижениемъ положеніемъ того или другаго предмета, г. Краузе, выдвигая учебно-воспитательное значеніе географіи, придаетъ этой наукѣ уже слишкомъ выдающуюся роль въ системѣ предметовъ средней школы и дѣлаетъ ее чуть ли не господствующимъ предметомъ.

Въ методологической части произведенія г. Краузе изложены кратко, но ясно, основныя положенія, выработанныя нѣмецкою педагогіей примѣнительно къ нѣмецкой школѣ. Однимъ изъ главныхъ пособій послужила въ этомъ отдѣлѣ книга г. Штаубера о преподаваніи географіи, премированная въ Бельгій и возбуждавшая противъ себя довольно рѣзкую полемику въ специальныхъ нѣмецкихъ педагогическихъ журналахъ. Хотя г. Краузе не въ достаточной степени проникся требованіями, вытекающими изъ существенныхъ различій какъ въ природѣ территорій Россіи и Германіи, такъ и въ самыхъ условіяхъ общественной и политической жизни этихъ двухъ странъ, и перенесъ безъ измѣненій то, что пригодно для родиновѣдѣнія и отчизновѣдѣнія въ Германіи, въ нашу русскую школу, во всякомъ случаѣ, его небольшой трактатъ о преподаваніи географіи, за неимѣніемъ другихъ болѣе подходящихъ, можетъ послужить хорошимъ пособіемъ для учителей, готовящихся къ преподаванію географіи въ среднихъ школахъ и въ особенности въ низшихъ. Только цѣна небольшой книжки въ 82 страницы назначена слишкомъ высокая. Наставнику городского училища трудно заплатить 1 рубль при его скудныхъ средствахъ, и, притомъ, не за книгу, а за брошюру.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Очерки изъ жизни дикой Башкиріи“. Н. В. Ремезова.—„Роковая война 1877 года“. А. Блалора.

Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Быль въ сказочной странѣ. Н. В. Ремезова. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва, 1889 г. Цѣна 2 рубля. О первомъ изданіи этой въ высшей степени любопытной книги мы въ свое время сообщили нашимъ читателямъ („Библ. отд.“ *Русск. Мысли* 1887 г., кн. VII, стр. 402). Теперь вышла вторымъ изданіемъ эта невѣроятная, но достовѣрная исторія разграбленія башкирскихъ земель всѣми, кому только не лѣнь было грабить. Новое изданіе дополнено, между прочимъ, именными списками лицъ, участвовавшихъ въ грабежѣ и раздѣлѣ казенныхъ и башкирскихъ земель Уфимской и Оренбургской губерній. Разграбленіе совершалось разными способами: обманными сдѣлками съ башкирами, ничего не понимающими въ дѣлѣ совершения актовъ, покупками на льготныхъ условіяхъ у казны, пожалованіями въ собственность и въ аренду съ правомъ выкупа. Подъ наименованіемъ „казенныхъ“ участковъ переходили въ собственность частныхъ лицъ „запасныя“ башкирскія земли, первоначально предназначавшіяся, какъ то показываетъ самое названіе ихъ, служить запасомъ для увеличивающагося населенія и для припущенниковъ, т. е. переселенцевъ. Такихъ запасныхъ земель перешло въ частную собственность въ двухъ названныхъ губерніяхъ 379,112 дес.; земель казенныхъ—124,275 дес., всего—503,388 дес. Въ примѣчаніи (на стр. 278) авторъ говоритъ: „За точность этой цифры ручаюсь именными списками покупателей“, помѣщенными на стр. 286 и слѣд. Продажа производилась по цѣнамъ отъ 1 р. 24 к. до 3 руб. за десятину. Нѣкоторые изъ участковъ, приобрѣтенныхъ по такой цѣнѣ, были заложены въ нижегородско-самарскомъ и саратовско-симбирскомъ банкахъ за сумму, почти въ десять разъ превышающую покупную стоимость земли. Заимствуемъ нѣсколько примѣровъ изъ списка на стр. 282: „Ворошиловъ, Ал-дръ Ефим., управ. оренб. каз. пал., дѣйст. ст. сов., купилъ 2,038 дес. за 2,365 руб., заложилъ за 20,000 руб.; графъ Киселевъ, Пав. Серг., кол. сов., въ должности церемоніймейстера, купилъ 2,109 дес. за 3,600 руб.; заложилъ за 27,800 руб.; Вестужевъ, Мих. Петр., надв. сов., уфим. вице-губерн., купилъ 1,827 дес. за 1,310 руб., заложилъ за 16,700 руб.“ и т. д. Всѣмъ поименованнымъ въ этомъ списокѣ лицамъ казною продано 19,863 дес. за 28,013 руб., покупателями же онѣ заложены за 200,480 руб.! Казною продавались, какъ сказано выше, и такія земли, которыя никогда собственностью казны не были, а принадлежали башкирамъ въ качествѣ земель „запасныхъ“. На рѣкѣ Камѣ были корабельные лѣса, когда-то принадлежавшіе крестьянамъ и отобранные въ казну „на государственныя надобности“. Лѣса эти превратились въ „заповѣдныя“ корабельныя. Но передъ раздачами, лѣса эти признаны „перестойными“ и поступили въ даръ бывшему министру Ливену, Крыжановскому, Холодковскому и другимъ сильнымъ міра сего“. Въ дѣлежѣ Оренбургско-Уфимскаго края участвовали, впрочемъ, не одни „сильные“; добыча была такъ велика, что хватало на всѣхъ, желавшихъ урвать изъ нея кусокъ. Ничего подобнаго приводимому г. Ремезовымъ именному списку приобрѣтателей казенныхъ земель этого края мы не видывали и не думали когда-либо увидать. Авторъ дѣлать

такихъ благопріобрѣтателей по отраслямъ мѣстнаго управленія и вотъ что оказывается: „Общее управленіе“ Уфимской губ.: Левшинъ, губери., 2,102 дес. за 6,000 р.; Ушаковъ, тульскій губ., бывш. уфимскій, 2,534 дес. за 5,214 р.; Бестужевъ, вице-губ., 1,826 дес. за 1,310 р.; Попоновъ, правит. канц., 700 дес. за 800 р.; Червашениновъ, его помощн., 422 дес. за 542 р. „Губернское правленіе“: совѣтникъ, секретарь, губери. землемѣръ, секретарь статистич. комитета, *повивальная бабка* Бонье—524 дес. за 663 р.! Судь, прокурорскій надзоръ, воинскій начальникъ, всѣ при немъ состоящіе, жандармское управленіе, крестьянское управленіе, казенная палата, акцизное управленіе, контроль, народное просвѣщеніе (директоръ училищъ Пановъ, учитель гимназіи Дмитріевъ, начальница женской гимн. Пекверъ, инспекторъ дух. семинаріи Суходольскій, священникъ Темтеревъ), полиція (исправники), — всѣ рвали и урвали себѣ куски, сколько кто осилилъ... Списокъ оренбургскихъ чиновъ начинается ген.-губ. Н. Крыжановскимъ, получившимъ участокъ въ 6,293 дес. даромъ. Часть его онъ продалъ купцамъ Стахѣевымъ за 400,000 руб.! Затѣмъ г. Крыжановскій надѣлилъ свое семейство восемью тысячами дес., изъ которыхъ его дочь, Александра Николаевна Римская - Корсакова, получила 1,744 десятины за 2,115 руб. Этотъ участокъ принять обратно въ казну за 34,000 рублей. Далѣе идетъ списокъ чиновъ всякихъ вѣдомствъ: штабъ военнаго округа (14 лицъ, въ томъ числѣ *пасторъ* Фриауфъ!), окружный совѣтъ военнаго округа, военный судъ, интендантство, медицина, артиллерія, конница, пѣхота, учебное вѣдомство... Во главѣ чиновъ гражданскаго управленія стоитъ тайный совѣтникъ Холодковскій, правитель канцеляріи ген.-губернатора. Холодковскій женатъ на дочери генерала Шоттъ, купившаго въ томъ краѣ 132 тысячи дес. башкирскихъ земель!... Это имѣніе раздѣлили наслѣдники Шотта. Канцелярія ген.-губерн., его чиновники особыхъ порученій, губернаторъ фонъ - Зенгбушъ, вице-губернат. Жуковъ, губернское правленіе... и опять-таки всѣ, кто могъ или кто хотѣлъ, тащили, сколько удавалось стащить. Чины Уральской области, чины Тургайской области, чины Туркестана и, наконецъ, „чины изъ разныхъ мѣстъ“ приняли дѣятельное участіе въ дѣлѣ; тутъ фигурируютъ всѣ званія и титулы, всѣ должности, начиная съ полицейскаго пристава и кончая... двумя министрами — Ливеномъ и Маковымъ. Авторъ въ заключеніи приводитъ списокъ 26 лицъ, состоявшихъ въ департаментѣ земледѣлія, который составлялъ послѣднюю инстанцію по разсмотрѣнію оцѣнокъ и представлялъ доклады на разрѣшеніе. Поименованныя авторомъ 26 лицъ получили 38,442 дес. за 79,688 руб. Въ послѣднихъ строкахъ своей книги авторъ говоритъ: „Я думаю, что если бы своевременно было опубликовано о раздачѣ и противузаконности ихъ, то многіе бы отказались отъ участковъ“... „Впрочемъ, для такихъ теперь есть блестящій выходъ: это—уступить свои участки несчастнымъ голоднымъ переселенцамъ“. Позволительно сомнѣваться и въ томъ, что *многие* послѣдуютъ доброму совѣту г. Ремезова. За то почти навѣрное можно сказать, что разграбленія башкирскихъ земель и такой раздачи совѣтъ бы не было или они были бы остановлены въ самомъ началѣ, если бы сообщаемые теперь г. Ремезовымъ факты были опубликованы своевременно, иначе говоря: если бы столичная и мѣстная печать имѣла возможность опубликовывать всѣ дѣянія „чиновъ всякихъ вѣдомствъ“, покушающихся на государственное и общественное достоиніе, если бы за это редакторамъ и авторамъ сообщеній не грозили всѣ виды непріят-

ностей. Дѣло разграбленія казенныхъ и башкирскихъ земель, раскрытое теперь книгой г. Ремезова, ясно показало, что въ немъ были участниками *еще* чины *еще* въдомство, что ни остановить грабежа, ни сообщить о немъ было некому...

Роковая война 1877 года. А. Бѣломора. Отдѣльные оттиски изъ журнала „Русское Судоходство.“ Спб., 1889 г. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Авторъ *Роковой войны* „будущаго“ одушевленъ несомнѣннымъ патриотизмомъ, знаетъ недостатки нашей военно-морской организаціи, указываетъ въ своей книжкѣ на необходимость и на способы къ ихъ скорѣйшему устраненію; но дѣлаетъ онъ это въ довольно странной формѣ, лишаящей его трудъ въ значительной мѣрѣ того значенія, которое желалъ придать ему г. Бѣломоръ. Книжка написана по образцу нѣсколькихъ французскихъ сочиненій, внушенныхъ горячею жаждой *реванша* надъ нѣмцами и изображающихъ „побѣдоносныя войны будущаго“, какъ уже совершившіеся факты. Во французскихъ сочиненіяхъ французы, въ сочиненіи г. Бѣломора русскіе всюду поспѣваютъ во время, а ихъ враги всегда опаздываютъ; тамъ французскія войска, здѣсь русскія непрестанно побиваютъ враговъ, одерживаютъ удивительныя побѣды, ихъ непріатели теряются, объятые паникой, дѣлаютъ одинъ промахъ за другимъ, — однимъ словомъ, „валятся, какъ чурки“, а наши побиваютъ ихъ, какъ можно побивать только и группечныхъ солдатиковъ. Вся разница въ томъ, что французскіе авторы „войнъ будущаго“ разгромили въ конецъ Германію на сушѣ, а г. Бѣломоръ возымѣлъ на враговъ одолѣніе на морѣ. Германію онъ оставилъ вѣдаться съ Франціей, какъ имъ Богъ судилъ, и, повидимому, не къ авантажу Франціи. „Наши“ же дѣлаютъ вотъ что: налетаютъ орлами на Босфоръ, захватываютъ его такъ же просто, какъ занимаютъ г. Серпуховъ во время маневровъ, укрѣпляютъ въ немъ безъ малѣйшей помѣхи, Константинополь оставляютъ туркамъ, султана принуждаютъ въ нѣсколько часовъ подписать мирный договоръ, стать союзникомъ Россіи, уступить Босфоръ, открыть для русскихъ Дарданелы, крѣпко запертыя для всѣхъ остальныхъ. Австрія въ союзъ съ Италіей объявляетъ войну Россіи. Англія не знаетъ, что ей дѣлать, сидитъ и думу думаетъ. Австрийцевъ мы въ наилучшемъ видѣ побиваемъ. Тѣмъ временемъ балтійскій флотъ несется на сѣверъ, воздвигаетъ, по щучьему велѣнію, по нашему хотѣнію, перво-классный портъ и неприступную крѣпость въ незамерзающемъ заливѣ близъ Варангенскаго на границѣ Норвегіи. Швеція сидитъ, молчитъ, объ ней и помина нѣтъ. Англія ничего этого не знаетъ, — такъ мы все это секретно обдѣляли. А когда узнала, то все уже устроено, и Англія напугана до-того, что пивнуть не смѣетъ. Еще бы не быть напуганной: нашъ флотъ... нѣтъ, наши два флота могутъ каждую минуту нагнать и всю Англію разбомбардировать въ дребезги. Вѣдь, Дарданелы-то открыты, и черноморскій флотъ соединился съ балтійскимъ въ новомъ незамерзающемъ портѣ. Нѣсколько русскихъ крейсеровъ, по секрету отъ всѣхъ, влетѣли въ Средиземное море и громятъ Италію и Австрію: отъ Генуи только головешки остались, отъ Венеціи щепки летятъ, Триестъ, Бриндизи, Неаполь, Спеція покончены, ихъ арсеналы, доки, адмиралтейства превращены въ груды развалинъ, защищавшіе ихъ перво-классныя броненосцы потоплены; транспорты съ десантомъ, отправленные противъ русскихъ въ Турцію, захвачены нашими побѣдоносными крейсерами, торговые корабли непріателей гибнутъ тысячами. Негодныя для насъ суда мы потопили, лучшіе забрали и отправили въ нашъ незамер-

защип портъ. Тамъ ихъ въ *трое* сутокъ передѣляли на военные и отправляли побывать уцѣлѣвшихъ еще супостатовъ... Итальянцы все еще не въ силахъ справиться съ Абиссинией и послали туда новыя войска. Бѣ сожалѣнію, наши доблестные крейсеры ихъ какъ-то проморгали и не потопили. Но абиссинцы и сами молодцы: итальянцевъ отшлепали и со стыдомъ прогнали. Много имъ въ этомъ помогъ, разумѣется, Апиновъ... Да, Апиновъ! Авторъ оговаривается, однако, что это не тотъ Апиновъ, котораго куда-то недавно прибрали, а другой Апиновъ... и даже не другой, и не третій, а „двадцать третій“. Вотъ ихъ сколько развелось къ тому времени. Англичане сунулись было на мѣсто итальянцевъ въ Абиссинію,—не тутъ то было: абиссинцы такъ развоевались, что уничтожили Суэцкій каналъ, и англичанамъ пройти негдѣ. Ну что-жъ?... Намъ же жалко, провалился онъ пропастью, этотъ Суэцкій каналъ. Но итальянцы не промахъ: побитые абиссинцами и „двадцать третьимъ“ атаманомъ *вольныхъ козаковъ*, они сѣли на свои корабли и махнули прямехонько... во Владивостокъ. Тутъ и намъ плохо пришлось: совсѣмъ было они насъ изобидѣли въ Тихомъ океанѣ. Однако, не тутъ-то было: изъ незамерзающаго порта налетѣли ихъ же собственные корабли, передѣляя насъ „въ трое сутокъ“ въ военные, и потопили всю ихъ эскадру „въ пятнадцать минутъ“, а десантъ забрали живьемъ, ибо безъ кораблей десанту въ Уссурийскомъ краѣ дѣлать совсѣмъ нечего. На сухою пути мы такъ же славно распорядились: Австрію расколотили, Пештъ забрали, „достояніе Владиміра Святаго“—Червонную Русь присвокупили къ нашему отечеству, всѣхъ „братушекъ“ обратили на путь истинный, и теперь они друзья наши неразрывные. Пока мы покоряли всѣхъ враговъ и супостатовъ, г. Бѣломоръ отдалъ Францію на съѣденіе нѣмцамъ; опять они побили французовъ на всѣхъ пунктахъ и осаждаютъ Парижъ. Очень жаль французовъ: народъ прелюбезный и Парижъ городъ хорошій, нѣмцевъ же не мѣшало бы немножко и посократить, а то, чего добраго, доколотивши Францію въ конецъ, они могутъ поставить г. Бѣломора въ необходимость написать новую книжку: *Преужасная война 19??* и. Въ этомъ случаѣ мы находимъ нѣкоторое успокоеніе въ томъ, что гг. французскіе „реваншисты“ изображаютъ событія будущаго нѣсколько иначе: они побиваютъ нѣмцевъ, осаждаютъ Берлинъ и т. д. Чтò намъ больше на руку: чтобы нѣмцы окончательно сѣли Францію, или чтобы Франція посадила Пруссію на ея прежнее мѣсто,—мы рѣшать здѣсь не беремся. Одно намъ неясно въ сочиненіи г. Бѣломора: почему, забравши Босфоръ такъ легко и просто, онъ оставляетъ турокъ въ Константинополѣ и ввѣряетъ ихъ попеченію Дарданеллы? Не лучше ли было бы... Впрочемъ, это уже его, г. Бѣломора, дѣло: онъ побѣдилъ, онъ пусть и распоряжается...

Въ заключеніе повторимъ, въ лежащей передъ нами книжкѣ есть очень дѣльныя указанія относительно нашихъ морскихъ силъ, ихъ недостатковъ и желательнаго ихъ преобразованія; но вся книжка напоминаетъ своимъ содержаніемъ мечты янкера передъ производствомъ въ офицеры,—мечты о томъ, какъ онъ съ своею полуротой надѣлаетъ такихъ чудесъ, что самъ Наполеонъ изъ могилы встанетъ и восклицаетъ: благодарю, не ожидалъ!...

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И БИОГРАФИИ.

„Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета“. Професс. Багалія.—, Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ.“. Артымова.—, Записки Императорскаго Русск. Археол. Общ.“.—, А. К. Киркоръ“. Н. Янчуца.—, „Lavoisier (1743—1794) d'enrès sa correspondance, ses manuscrits, ses papiers de famille et d'autres documents inedits“ par Edouard Grimaux.

Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Проф. Багалія. Харьковъ, 1889 г. Въ этой маленькой брошюрѣ проф. Багалія опять возвращается къ излюбленному имъ вопросу о колонизации степной окраины Московскаго государства. Этотъ вопросъ г. Багалія затрогивалъ не разъ: въ 1883 году въ *Кіевской Старинѣ* была помѣщена его работа: *Займанщина въ мѣобережной Украинѣ XVII и XVIII вв.*, которая вышла потомъ отдѣльнымъ изданіемъ; въ 1886—87 гг. были изданы *Матеріалы и Очерки изъ исторіи колонизации и быта степной окраины Московскаго юсударства*; въ прошломъ году была напечатана брошюрка *Къ вопросу о характерѣ колонизации южной степной окраины Московскаго юсударства* и, наконецъ, въ нынѣшнемъ году въ *Кіевской Старинѣ* печатается его: *Колонизация Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры*.

Въ настоящей брошюрѣ бѣгло намѣченъ ходъ колонизации въ Харьковскомъ краѣ и культурнаго состоянія слободско-украинскаго общества въ XVII—XVIII вв. Въ первой половинѣ XVII в. осѣдлаго населенія въ этомъ краѣ (кромя гор. Чугуева) не было; за движеніями татарскихъ шаекъ наблюдали развѣздчики—сторожа и станичники, которые постоянно должны были оберегаться и укрываться отъ татаръ. Переселенія малороссовъ изъ Польши въ этотъ край начались очень рано; особеннаго развитія достигли они при Алексѣѣ Михайловичѣ. Московское правительство старалось организовать этихъ переселенцевъ для борьбы съ татарами и посылало имъ на помощь однодворцевъ—служилыхъ людей. Изъ двухъ этихъ элементовъ—малорусскаго и великорусскаго—и образовалось населеніе нынѣшней Харьковской губ.; жаль, что г. Багалія совершенно упустилъ изъ вида взаимныя отношенія и общественное устройство этихъ элементовъ и отдѣлялся общими и малозначущими фразами отъ вопроса о тѣхъ культурныхъ зачаткахъ, которые принесли съ собой переселенцы.

Культурному развитію этого края болѣе всего мѣшали татарскія нападєнія, которыя въ продолженіе цѣлаго вѣка не давали покоя населенію, также „внутреннія смуты, вызванныя политическими движеніями въ сосѣднихъ областяхъ (въ Гетманщинѣ и на Дону), участіе въ заграничныхъ походахъ и войнахъ (и „канальная“ работа?), разнаго рода физическія бѣдствія, которыхъ нельзя было нисколько облегчить“ (пожары, неурожаи, чума) и т. д. Только во второй половинѣ XVIII в. этотъ край совершенно „перешелъ на мирное положеніе“, которое позволяло мѣстному населенію спокойно заниматься земледѣліемъ, садоводствомъ, шелво-и табакководствомъ, огородничествомъ и т. д. Развиваются „кустарно-ремесленные занятія“—теачество, саложничество, кацарство—дѣланіе ковровъ и попонъ и т. д. (нѣкоторые изъ этихъ промысловъ описаны въ *Культурныхъ переживаніяхъ* г. Сумцова, напечатанныхъ въ *Кіевской Старинѣ* за нынѣшній годъ); достигаетъ значительнаго развитія торговля; кромѣ мѣстныхъ купцовъ, являются великорусскіе и заграничныя, жь концу XVIII в. слагается особый купеческій

классъ. Изъ правобережной Украйны переселенцы принесли и зачатки „умственной и нравственной культуры“: устраиваются по образцу заднѣ-провскихъ всесловныя церковно-приходскія школы, церковныя братства, шпитали (богадѣльни), заводятся типографіи, появляется любопытный и оригинальный типъ странствующаго учителя, такъ называем., „мандрованнаго дьячка“. Въ 1796 г. былъ открытъ Харьковскій коллегіумъ, просвѣтительное вліяніе котораго распространялось не на одинъ только Харьковскій край, которому обязаны были своимъ образованіемъ многіе видные южно-русскіе дѣятели.

Таково содержаніе брошюры г. Багалѣя. Первая часть ея—вопросъ о заселеніи—представляетъ краткій, но дѣльный сводъ хорошо извѣстныхъ г. Багалѣю данныхъ; во второй онъ ступилъ, видимо, на почву слишкомъ мало и плохо ему знакомую: отсюда цѣлый рядъ недомолвокъ и банальностей. За послѣднее время и въ южныхъ періодическихъ изданіяхъ, и въ отдѣльныхъ монографіяхъ напечатано много фактовъ, которые даютъ полную возможность набросать картину умственнаго состоянія южно-русскаго общества (въ томъ числѣ и слободско-украинскаго) въ XVIII в.: г. Багалѣя совершенно не воспользовался ими. Читатель не найдетъ въ его брошюрѣ никакого отвѣта на вопросы о томъ, какое вліяніе на общество имѣли обучавшіеся за границей молодые люди, которые дѣлались учителями и вступали въ ряды войсковой старшины; какія формы приняло литературное движеніе и въ какомъ положеніи было въ XVIII в. типографское дѣло въ этомъ краѣ; какъ относились другъ къ другу различные общественные классы и національности; какую роль въ народной жизни играли сектанты (духоборцы и молокане) и т. д. Говоря о курьезномъ „украинскомъ философѣ“ Сквородѣ, странствующемъ мистикѣ и аскетѣ, онъ совсѣмъ не упоминаетъ объ его вліяніи на южно-русскихъ сектантовъ. Пропусковъ и недомолвокъ въ такомъ родѣ у г. Багалѣя очень много. А, между тѣмъ, все это вопросы очень интересные; матеріалъ для ихъ рѣшенія подыскать не трудно.

Брошюра стоитъ 40 коп.

Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ. Историко-этнографическій очеркъ. Артынова. Ярославль, 1889 г. Историческая часть очерка г. Артынова составлена, по заявленію издателей, на основаніи сказаній мѣстныхъ старожиловъ и старинныхъ рукописей, принадлежавшихъ Хлѣбникову, Хранилову, Трехлѣтову и т. д. Наибольше интересныя изъ этихъ рукописей—хлѣбниковскій ростовскій лѣтописецъ (XVI—XVII вѣковъ) и рукопись стольника Мусина-Пушкина—до насъ не дошли, такъ что проверить точность выписокъ нѣтъ возможности, а, между тѣмъ, такія имена, какъ княгиня Будислава-Лоя-Угода, царевичъ Крѣпкомысль, княжна Нива, князя Мадій и Прототій, которыя фигурируютъ въ повѣствованіи г. Артынова о доисторическихъ судьбахъ с. Угодичъ, заставляютъ читателя сомнѣваться не только въ исторической достовѣрности сообщаемыхъ имъ извѣстій, но и въ самой принадлежности народу этихъ сказаній. Положимъ, у малороссовъ несомнѣнно существуютъ преданія о какомъ-то древнемъ, но неизвѣстномъ исторіи князѣ Переньяѣ, у бѣлороссовъ—о Мечеѣ, но отъ „Крѣпкомысла“, „Велесила“ и „Рамира“ слишкомъ вѣетъ духомъ историческихъ повѣстей изъ древне-русской исторіи временъ Карамзина и Вельтмана.

Вся историческая часть труда г. Артынова переполнена фактами очень опредѣленными и оригинальными, но, къ сожалѣнію, не подтверждаемыми другими источниками; онъ прослѣдилъ исторію

села Угодичъ отъ до-рюриковскаго времени вплоть до нашихъ дней, — сдѣлать, однимъ словомъ, для одного села то, что такъ трудно сдѣлать и для всей Россіи. Онъ признаетъ только „первоисточники“, на печатныхъ изданіяхъ не ссылается, что и удаляетъ г. Артынова на высоту, недоступную для критики: нельзя, вѣдь, критиковать произведеніе, основанное на источникахъ, никому, кромѣ г. Артынова, недоступныхъ и неизвѣстныхъ — утерянныхъ рукописяхъ, незаписанныхъ преданіяхъ и т. д. Въ этнографической части сообщаются не безынтересныя свѣдѣнія о мѣстныхъ обрядахъ — „обливаніи водой и сказаніи около огня“, относительно которыхъ г. Артыновъ нашелъ *очень опредѣленное* извѣстіе въ „старинной“ рукописи, приписывающей введеніе ихъ св. Владимиру, когда тотъ былъ еще язычникомъ, — хожденія къ мѣстнымъ властямъ во время масленицы „съ пряникомъ и казанскимъ мыломъ“, оригинальномъ „кумовствѣ“, которое сохранилось между дѣвочками, и т. д. Хорошо было бы, если бы наиболѣе оригинальныя свѣдѣнія были подтверждены изслѣдователемъ, менѣе склоннымъ къ „опредѣленности“ и „оригинальности“.

Записки Императорскаго Русск. Археол. Общ. Т. IV, вып. I, новая серія. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. III, выпускъ III и IV. Спб., 1889 г. Изъ помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ *Зап. Русск. Арх. Общ.* статей обращаютъ на себя вниманіе: *Неизданныя надписи острова Хиоса* г. Латышева и *Древній храмъ Св. Богородицы въ г. Владимірѣ Волинскомъ* г. Лонгинова. Г. Латышевъ приводитъ и разбираетъ надписи, сообщенныя ему извѣстнымъ греческимъ ученымъ Попадопуло-Керамевсомъ, изъ которыхъ особенно любопытенъ жреческій (хиосскій) уставъ культа Иракла, рисующій отношенія жертвоприносителей и жрецовъ и пополняющій наши скудныя свѣдѣнія объ обстановкѣ самаго жертвоприношенія. Владимиро-волинскій храмъ, одинъ изъ немногихъ и интересныхъ остатковъ древнерусской церковной архитектуры, открытъ былъ въ 1886 г. кievскими археологами, приглашенными на раскопки въ тѣ мѣста мѣстнымъ жителемъ и археологомъ-любителемъ, г. Дверницкимъ (статья его объ этомъ храмѣ была помѣщена въ *Кievск. Стар.* 1887 г., январь). Г. Лонгиновъ подбираетъ летописныя данныя, косвенно и прямо относящіяся къ этому храму, и вкратцѣ намѣчаетъ его исторію. Изъ остальныхъ статей двѣ имѣютъ спеціальнй нумизматическій интерес (*О монетахъ скинскихъ царей съ именемъ юр. Ольви* г. Орѣшникова и *Три кллада русскихъ денегъ XV и начала XVI вв.* извѣстнаго нумизмата г. Толстаго), одна (проф. Дестуниса) посвящена топографіи древняго Цареграда (о такъ называемой „Ахиллесовой банѣ“); г. Шукаревъ сообщаетъ о византійскихъ мозаикахъ сицилійскихъ церквей XII в. (Чезальскаго собора и Santa Maria dell' Ammiraglio - Martorana въ Палермо), относящихся ко времени Рожера.

Одна изъ статей 3 вып. *Зап. Вост. Отд.* (г. Сырку) посвящена жизни (до пріѣзда въ Россію) Николая Спаэари (Милеску), знаменитому всесвѣтному интригану и авантюристу XVII в., который родился въ Молдавіи, учился въ Константинополѣ и Италіи, строилъ козни и былъ наказанъ „урѣзаніемъ носа“ при дворѣ молдавскихъ господарей, командовалъ военнымъ отрядомъ въ Трансильваніи, жилъ у бранденбургскаго курфюрста Фридриха Вильгельма и лечилъ у какого-то нѣмецкаго доктора свой носъ, отправился изъ Помераніи въ Швецію, гдѣ и помогалъ французскому посланнику Арно де-Помпонну и его родственникамъ, сторонникамъ портъ-роялистовъ, въ ихъ литературной борьбѣ

съ кальвинистами, явился потомъ въ Россію (въ 1571 г.) и былъ отправленъ въ Китай посломъ. Для своего времени Спаарри былъ очень образованнымъ человекомъ и оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій. Статьи г. Марра и бар. Розена посвящены *Исторіи о Варлаамѣ и Иосафѣ* (ея грузинской и персидской версіямъ)—памятнику, имѣвшему громадное вліяніе на народную и искусственную поэзію всѣхъ европейскихъ народовъ (кстати напомнимъ, что *Будда—Вудасфъ, Иодасфъ—Иосафъ* былъ канонизированъ католическою церковью).

Въ 4 вып. г. Веселовскій напечаталъ статью о *Передовыхъ калмыкахъ на пути къ Волгѣ* (движеніи ихъ въ Россію въ началѣ XVII в.). г. Позднѣевъ—*Калмыцкія сказки* (стр. 307—355). Пока г. Позднѣевъ помѣстилъ одну калмыцкую сказку, очень длинную и сложную. Въ этой сказкѣ спяно нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ: долговременное безплодіе родителей (стр. 348, намекъ на добровольное отчужденіе отъ людей въ старости, удаленіе въ ожиданіи смерти), чудесное рожденіе героя, „благодарный мертвецъ“ и т. д. Мотивъ о „благодарномъ мертвецѣ“ встрѣчается во многихъ искусственныхъ и народныхъ европейскихъ произведеніяхъ въ двухъ видахъ: герой отправляется въ чужія страны и видитъ, что истязаютъ или не хоронятъ трупъ несостоятельнаго должника; онъ платитъ долги, выкупаетъ и хоронитъ трупъ, и за это получаетъ въ немъ себѣ вѣрнаго помощника. Любопытно, что истязанія трупа за долги („для того, чтобы и другимъ не повадно было умирать, не заплативъ долговъ“) практикуются и теперь у многихъ „варварскихъ“ народовъ; въ средніе вѣка (въ Остзейскомъ край даже въ XIII в.) въ германскихъ муниципіяхъ не хоронили долго покойниковъ—неоплатныхъ должниковъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не платилъ за нихъ. Это сближеніе бросаетъ новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи и разницѣ сказаній этого типа, изученнаго пока только съ *сравнительно-литературной* точки зрѣнія. Остальныя статьи и замѣтки посвящены лингвистикѣ и нумизматикѣ.

А. К. Киркоръ. Краткій очеркъ жизни и дѣятельности. Н. Янчука. Москва, 1888 г. Эта небольшая брошюрка посвящена односторонней дѣятельности извѣстнаго археолога и этнографа Адама Гонорія Киркора (1812—1886). Многострадальная и полная всякихъ тревоженій жизнь этого ученаго представляетъ большой интересъ. Киркоръ родился въ Могилевской губ., учился въ могилевской гимназій и виленскомъ дворянскомъ институтѣ; вращался въ 30-хъ годахъ въ польскихъ литературныхъ кружкахъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ видными представителями польской интеллигенціи того времени. На литературное поприще онъ выступилъ въ 40-хъ годахъ и съ тѣхъ поръ до самой смерти неустанно работалъ, главнымъ образомъ, по археологій, исторіи и этнографіи своей любимой Литвы, издавалъ журналы, періодическіе сборники и изслѣдованія въ Россіи и за границей, на русскомъ и польскомъ языкахъ, участвовалъ во многихъ ученыхъ обществахъ и ихъ изданіяхъ. Киркоръ — типъ энергичнаго и плодовитаго труженика науки, которому жизнь давала больше шиповъ, чѣмъ розъ, но ничто не могло сломать его желѣзной энергіи: ни крайняя нужда, ни тяжелыя болѣзни, ни справедливыя и тяжкія обвиненія со стороны славянофиловъ, обвинявшихъ его въ „польской интригѣ“ и заграничныхъ поляковъ, топтавшихъ въ грязь его имя за „измѣну дѣлу“. Очень характерны для симпатичной личности Киркора, трогательны и полны глубокой нравственной силы слова, написанныя имъ незадолго до смерти: „Изъ давнишнихъ дѣятелей не осталось тамъ (въ

Вилья и Литвѣ) ни одного... Подростаетъ молодое поколѣніе, учится кое-чему. Въ людяхъ способныхъ недостатка никогда не было въ Литвѣ, а, слѣдовательно, найдутся такіе, которые будутъ пробовать свои силы. Это будутъ люди новые, возродившіеся; начнутъ, навѣрное, осужденіемъ и униженіемъ насъ, стариковъ, пойдутъ по новымъ путямъ, но, все-таки, будутъ работать. Пошли имъ Богъ счастья“.

Очеркъ г. Янчука написанъ очень живо, тепло, содержитъ въ себѣ обстоятельный обзоръ сочиненій покойнаго и много любопытныхъ чертъ для характеристики жизни интеллигенціи западной окраины въ 30—60 годахъ.

Lavoisier (1743—1794) d'après sa correspondance, ses manuscrits, ses papiers de famille et d'autres documents inédits par Edouard Grimaux. Paris, 1888. Несмотря на славу, которая окружаетъ имя Лавуазье, мы до сихъ поръ не имѣли подробной біографіи творца современной химіи. Кромѣ краткихъ его біографій, написанныхъ Лаландомъ, Фуркьеу и Кювье, мы ничего не знаемъ объ его жизни, его дѣятельности, о заслугахъ, оказанныхъ имъ странѣ. Подробности суда надъ нимъ до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны, такъ что историки могли думать, что революціонный трибуналъ, возведшій на эшафотъ человека, ставшаго славою и гордостью Франціи, совершилъ только актъ правосудія надъ жаднымъ и алчнымъ генеральнымъ откупщикомъ. Чтобы разсѣять мракъ, окружавшій жизнь и смерть Лавуазье, Эд. Гримо, воспользовавшись неизданными документами, письмами и другими семейными бумагами, рѣшился издать подробную біографію великаго французскаго химика. При составленіи этой біографіи, онъ пользовался не только всѣми письмами и фамильными бумагами Лавуазье, предоставленными въ его распоряженіе внучкой Лавуазье, г-жей Леонъ де-Шазелль, но также документами, хранившимися въ различныхъ архивахъ и позволившими вполне ознакомиться какъ съ отношеніями Лавуазье къ откупу, такъ и со всѣми обстоятельствами процесса надъ генеральными откупщиками.

Мы постараемся въ самыхъ краткихъ чертахъ познакомить читателя съ содержаніемъ книги Гримо.

Лавуазье родился 26 августа 1743 г. въ Парижѣ; отецъ его былъ въ это время прокуроромъ. Человѣкъ состоятельный, онъ ничего не жалѣлъ для воспитанія и образованія своего сына. Вначалѣ Лавуазье былъ помѣщенъ въ коллегію Мазарина. По выходѣ изъ коллегіи, онъ поступилъ на юридическій факультетъ (*Faculté de droit*) съ цѣлью поступить затѣмъ въ адвокаты. Въ то же время, онъ усердно занимался естественными науками: онъ изучалъ математику и астрономію у аббата де-Ла-Калль (*de La Caille*), ботанику у Бернарда де-Жюссье, минералогію и геологію у Гэттара (*Guettard*). По химіи онъ слушалъ лекціи знаменитаго профессора Рюелля и, кромѣ того, занимался практически въ своей лабораторіи. Изъ всѣхъ учителей наибольшее вліяніе оказалъ на Лавуазье академикъ Гэттаръ: вмѣстѣ съ нимъ Лавуазье предпринималъ геологическія экскурсіи по Шампани и др. мѣстностямъ. Первая работа была представлена Лавуазье въ академію 27 февраля 1765 году. Въ ней излагалъ онъ свои изслѣдованія надъ разновидностями гипса. Въ этомъ же году академія предложила на конкурсѣ рѣшеніе слѣдующей задачи: найти наилучшій способъ освѣщенія ночью улицъ въ большомъ городѣ. Лавуазье рѣшился конкуррировать. Для того, чтобы приучить свои глаза различать малѣйшіе отбѣнки свѣта, онъ заперся на шесть недѣль въ темную комнату. Премія въ 2,000 ливровъ была раздѣлена между тремя фабрикантами, Лавуазье же за свою работу получилъ золотую медаль. Въ 1767

году Гэттаръ получилъ отъ министра Вертена порученіе составить минералогическій атласъ Франціи, для чего ему нужно было предпринять путешествіе по Эльзасу и Лотарингіи. Онъ взялъ въ качествѣ помощника Лавуазье. Въ книгѣ Гримо подробно описывается это путешествіе, результатомъ котораго было составленіе минералогическаго атласа. Въ 1768 г. Лавуазье, двадцати пяти лѣтъ, былъ избранъ въ члены академіи наукъ. Какъ только онъ вступилъ въ академію, его сейчасъ же избрали членомъ различныхъ комиссій. Вскорѣ затѣмъ онъ поступаетъ въ число генеральныхъ откупщиковъ и женится въ 1771 году на *Paulze*.

Жена Лавуазье была выдающеюся женщиной; обладая твердою волей и силой характера, она употребила всѣ силы ума, чтобы сдѣлаться достойною помощницей своего мужа: такъ, она изучила латинскій языкъ и англійскій и усвоила ихъ настолько, что помогала Лавуазье своими переводами различныхъ трактатовъ по химіи. Она перевела для него многія работы Пристлея, Кэвендиша, Анри и др. Хорошо рисуя и гравировавъ, она сдѣлала всѣ рисунки къ *Traité de Chimie*, изданному Лавуазье въ 1789 г. Она помогала своему мужу при его работахъ въ лабораторіи, записывая подъ его диктовку результаты различныхъ опытовъ. Лавуазье работалъ очень много, успѣшности его занятій помогали тотъ строгій порядокъ, который онъ соблюдалъ при занятіяхъ. Научнымъ занятіямъ онъ посвящалъ 6 часовъ въ день: утромъ отъ 6 до 9 часовъ и вечеромъ отъ 7 до 10 часовъ. Остальное время дня уходило на занятія по управленію откупомъ, на засѣданія въ академіи и т. п. Одинъ день въ недѣлю онъ посвящалъ всецѣло опытамъ. Этотъ день былъ для него днемъ праздника; при опытахъ часто присутствовали его друзья и знаменитые ученые того времени, съѣзжавшіеся со всѣхъ концовъ Европы. Здѣсь можно было видѣть Артура Юнга, Благдена, Ингенгуза, Гизона де-Морво, Каде и др. Гримо приводитъ много интересныхъ подробностей о занятіяхъ Лавуазье. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ изложить ихъ хотя бы въ кратцѣ. Третья глава книги Гримо содержитъ много интереснаго относительно устройства откупной системы и управленія пороховыми заводами. Тюрго и Лавуазье реформировали вполнѣ управленіе пороховыми заводами, и результатомъ этой реформы было удешевленіе издержекъ производства пороха, вывозъ французскаго пороха за границу и т. п. При управленіи Лавуазье государственное казначейство сохранило 28 милліоновъ ливровъ экономіи въ продолженіе четырнадцати лѣтъ. Мы не будемъ останавливаться на работахъ Лавуазье по химіи. Значеніе его, какъ творца современной химіи, слишкомъ извѣстно.

Дѣятельность же Лавуазье въ академіи была въ высшей степени разнообразна. Стоитъ только привести списокъ его докладовъ, число которыхъ превышаетъ болѣе двухсотъ, чтобы видѣть, насколько живо относился этотъ человекъ ко всѣмъ научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Такъ, въ 1776 году онъ пишетъ о морозахъ, бывшихъ зимою 1775—1776 гг., и о термометрахъ, затѣмъ онъ является докладчикомъ комиссіи по устройству тюремъ и госпиталей, далѣе докладываетъ о месмеризмѣ или животномъ магнетизмѣ, о воздушныхъ шарахъ, о газахъ, выдѣляющихся изъ выгребныхъ ямъ, о торфѣ, о различныхъ работахъ, напечатанныхъ другими химиками, и т. д. Лавуазье не довольствовался своею дѣятельностью въ академіи, онъ принималъ также большое участіе въ парижскомъ обществѣ земледѣлія и комитетѣ земледѣлія, учрежденномъ въ 1785 г. Занятія комитета земледѣлія состо-

яли въ разсматриваніи мемуаровъ, представляемыхъ генеральному контролеру. Обязанности секретаря комитета были возложены на Лавуазье. И здѣсь, какъ въ академіи, онъ проявлялъ неутомимую дѣятельность и предложилъ рядъ мѣръ для улучшенія общественнаго благосостоянія. Шестая глава заключаетъ въ себѣ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія о политической дѣятельности Лавуазье во время революціи. Съ восторгомъ привѣтствуя созваніе генеральныхъ штатовъ, онъ высказываетъ надежду, что депутаты установятъ равенство всѣхъ гражданъ передъ законами. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ выборѣ депутатовъ въ округѣ Блуа. Дворянство округа Блуа поручило составить Лавуазье инструкціи (*cahier*) для депутатовъ. Дворянство, между прочимъ, требовало свободы личности, перваго и самаго священнаго изъ правъ человѣка, свободы печати и т. п. Послѣ выбора депутатовъ въ Блуа Лавуазье возвратился къ своимъ занятіямъ въ Парижѣ; здѣсь число должностей, занимаемыхъ имъ, вскорѣ увеличилось: такъ, онъ долженъ былъ принять на себя завѣдываніе пороховыми складами въ арсеналѣ, участвовать въ комитетѣ здравія, комитетѣ прizrѣнія нищихъ, наблюдать за отливкой пушекъ, работать въ комиссіи по установленіи мѣръ и вѣсовъ и т. д. Въ послѣдней комиссіи онъ былъ казначеемъ. Въ 1791 г. Лавуазье представилъ въ національное собраніе, въ комитетъ налоговъ, выдержку изъ своего обширнаго труда *Sur la richesse territoriale de la France*. Народное собраніе въ засѣданіи 15 марта 1791 года постановило напечатать выдержку. Брошюра была напечатана и встрѣчена большимъ одобреніемъ республиканской печати. Но въ это время надъ головой Лавуазье начинаютъ собираться тучи: Маратъ начинаетъ осыпать его клеветами въ своемъ *l'Ami du peuple* и сожалѣть о томъ, что онъ не былъ повѣшенъ на фонарѣ. Гримо рассказываетъ, что Маратъ представилъ въ 1780 г. въ академію сочиненіе *Recherches physiques sur le feu*, которое было забравовано Лавуазье.

Одна изъ главныхъ причинъ казни генеральныхъ откупщиковъ крылась во всеобщей ненависти ко всѣмъ, на обязанности которыхъ лежало собирать подати. Неравномѣрное распредѣленіе налоговъ, строгость, съ какою они взыскивались, жестокія наказанія контрабандистовъ,—все это дѣлало ненавистнымъ народу каждого, кто такъ или иначе принималъ участіе въ финансовомъ управленіи. Наиболѣе ненавистными для народа были генеральные откупщики, такъ какъ ихъ имя было связано съ самыми непопулярными налогами, каковы налогъ на хлѣбъ, на съѣстные припасы, на соль и т. п. Къ этому присоединялось еще то, что при Людовикѣ XV генеральные откупщики, какъ бы насмѣхаясь надъ нищетою народа, оскорбляли общественное мнѣніе расточительностью своей жизни.

Въ царствованіе Людовика XVI, при Тюрго, нравы въ финансовомъ управленіи Франціи перемѣнились: большая часть генеральныхъ откупщиковъ были люди честные, заслуживавшіе довѣріе современниковъ. „Генеральные откупщики, отличающіеся своимъ образованіемъ, болѣе не похожи на прежнихъ“,—говорить Неккеръ въ 1781 г. въ своемъ отчетѣ королю. Что касается генеральныхъ фермеровъ, подписавшихъ договоръ (*le bail*) 1786 г., большая часть которыхъ погибла на эшафотѣ, то это были честные, преданные своему дѣлу люди. Но сама система откупа была ненавистна народу, и поэтому національное собраніе сперва уничтожило налогъ на соль, а затѣмъ 20 марта 1791 г. уничтожило контрактъ, заключенный съ Жанъ-Батистомъ Магеромъ.

Мы не можемъ слѣдовать за Гримо въ изложеніи хода судебного

преслѣдованія противъ генеральныхъ откупщиковъ и желающихъ познакомиться отсылаемъ къ восьмой главѣ книги Гримо, гдѣ обстоятельно, съ приложеніемъ официальныхъ документовъ, излагается весь ходъ процесса. Приведемъ только ту статью закона, по которой былъ осужденъ Лавуазье и его товарищи. Судъ надъ ними происходилъ 8 мая 1794 года. Обвиняемые, „свободные и безъ оговъ“, были приведены въ десять часовъ въ залу суда. Предсѣдательствовалъ Коффаналь, вице-президентъ суда, обвинялъ Жильбертъ Льендонъ. Судъ совершался при соблюденіи всѣхъ наружныхъ формальностей, въ немъ не было только правосудія. Нѣкоторое затрудненіе представляло подвести преступленіе Лавуазье и его товарищей подъ такую статью закона, которая бы карала смертною казнью. Но такой искусный юристъ, какъ Коффаналь (Coffinhal), не остановился передъ этимъ; присяжнымъ былъ предложенъ вопросъ: „Существовалъ ли противъ французскаго народа заговоръ, который имѣлъ цѣлью помогать врагамъ Франціи, отягощая французскій народъ всякаго рода поборами, подмѣшивая къ табачку воду и вещества, вредныя для здоровья гражданъ, удерживая въ своихъ рукахъ суммы, которыя должны были находиться въ казначействѣ, грабя и обворовывая всѣми возможными средствами народъ, для того, чтобы лишить націю средствъ, необходимыхъ для войны съ деспотами, поднавшими противъ республики, и отдать ихъ послѣднимъ?“

Присяжные признали генеральныхъ откупщиковъ виновными. Всѣ они были осуждены на смерть. Вскорѣ, однако, ослѣвленное народное прошло. Черезъ два года (въ апрѣлѣ 1796 г.) все имущество, конфискованное Конвентомъ, было возвращено вдовѣ Лавуазье. Въ официальныхъ бумагахъ было написано: „Veuve de Lavoisier, injustement condamné“.

Изъ нашего краткаго изложенія книги Гримо можно видѣть, насколько полна она интереса для всякаго образованнаго читателя. Въ дополненіе къ ней помѣщены: генеалогія рода Лавуазье, краткая біографія г-жи Лавуазье, бібліографическій указатель статей Лавуазье (очень полезный для химиковъ), документы, касающіеся рожденія, женитьбы и суда надъ Лавуазье и т. п.

АНТРОПОЛОГІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

„Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень“. *Лопатина и Прокунина*.—„По Мииской губерніи“. *Н. Ячучка*.—„Исслѣдованія о нарѣчіяхъ черемисскаго языка“. *М. Веске*.—„Lud ocolic Żarek, Siewierza i Policzy, jego zwiczaje, sposob życia, obrzędów podania, gusla, pieśni, zabawy, przystawia, zagadki, i właściwości mowy“. *М. Fedorowskiego*.—„Wisła“.

Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. Лопатина и Прокунина. II части. Москва, 1889 г. *Сборникъ народныхъ русскихъ лирическихъ пѣсень* гг. Лопатина и Прокунина—одна изъ наиболѣе интересныхъ этнографическихъ новинокъ послѣдняго времени. Гг. Лопатинъ и Прокунинъ—солидные знатоки и любители народной музыки и пѣсни, съ большимъ чутъемъ народности; они удачно избѣжали тѣхъ крайностей и ошибокъ, въ которыя впадали многочисленныя предъидущіе сборники, которые раздѣляли нераздѣлимое—слова и напѣвъ пѣсни, вносили много искусственности, индивидуальнаго авторскаго творчества въ гармонировку пѣсни. Настоящій сборникъ внимательно относится и къ напѣву, и къ словамъ; искусственности гармонировки въ немъ незамѣтно. Пѣсни обстоятельно комментированы: въ примѣчаніяхъ г. Лопатина читатель найдетъ много данныхъ по вопросамъ о происхожденіи, рас-

пространности и т. д. пѣсенъ, — краткую и мѣткую характеристику предыдущихъ сборниковъ. Попадаютъ между положеніями г. Лопатина и произвольныя, слабо обоснованныя; много въ примѣчаніяхъ лаянья, но все это мало вредитъ цѣльности общаго впечатлѣнія.

Въ подробный разборъ этого сборника входитъ мы не будемъ, такъ какъ едва ли это будетъ интересно читателямъ *Русской Мысли*, — таковой разборъ болѣе уместенъ въ специальномъ этнографическомъ изданіи.

Для этнографовъ и любителей народной пѣсни настоящій сборникъ — большое приобрѣтеніе. Изданъ онъ очень хорошо и стоитъ недорого (2 руб. 50 коп.).

По Минской губерніи (Замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). Н. Янчука. Москва, 1889 г. Небольшая книжка г. Янчука — результатъ командировки его обществ. любит. естествозн., антроп. и этнограф. въ Минскую губ. въ 1885 году. Книга эта написана прекраснымъ языкомъ, съ большимъ знаніемъ и любовью къ дѣлу. Это не сухой и ученый отчетъ о поѣздѣ, а бѣглый сводъ удачно подобранныхъ антропологическихъ и этнографическихъ наблюденій надъ минскими бѣлоруссами, впечатлѣній отъ поѣздки, картинокъ мѣстныхъ нравовъ и т. д., на основаніи которыхъ можно составить себѣ довольно цѣльное представленіе о мѣстной жизни этого малоизвѣстнаго и очень интереснаго края. Бѣлоруссія — край очень мало еще тронутый „городскою культурой“, безпощадно истребляющей черты вѣками установленной, но мало знакомой науцѣ жизни. Въ книгѣ г. Янчука этнографъ и историкъ культуры найдетъ не безынтересныя для себя свѣдѣнія — преданія о древнемъ князѣ Мечѣѣ (*Мечиславъ или украинскій Печай*, по предположенію автора, I, стр. 11—12), о насыпаніи кургановъ и обычаяхъ бросать разные предметы на могилы (I, стр. 12—13 и др.), который обстоятельно изслѣдовалъ Либрехтъ (*Zur Volkskunde*), отзвухахъ жертвоприношеній типа *paris pro to to* (I, 28; II, 31, 42—43) и т. д. Въ видѣ приложения напечатано 158 бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ съ сравнительными примѣчаніями и ноты.

Книга издана очень изящно.

Изслѣдованія о нарѣчіяхъ черемисскаго языка. М. Веске. Т. I. Казань, 1889 г. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе растетъ интересъ къ научному изученію русскихъ инородцевъ, ихъ быта и языка; этотъ интересъ, главнымъ образомъ, объясняется тою видною, но далеко еще не выясненною ролью, которую сыграла инородческая стихія въ образованіи, характерѣ и историческихъ судьбахъ великорусскаго племени, и желаніемъ спасти оригинальныя черты инородческой жизни, быстро разлагающейся и исчезающей подъ давленіемъ русской культуры.

Настоящее изслѣдованіе посвящено характеристикѣ двухъ нарѣчій черемисскаго языка — горнаго и луговаго, которыя г. Веске предлагаетъ лучше называть восточнымъ и западнымъ. До сихъ поръ границей между этими нарѣчіями считалась Волга, но изслѣдованія автора показали всю произвольность этого мнѣнія: онъ устанавливаетъ новыя границы нарѣчій, приурочивая западное нарѣчіе къ Козьмодемьянскому, Яранскому, Васильсурскому, Ветлужскому и Макарьевскому уѣздамъ, восточное — къ Чебоксарскому, Царевкошайскому, Уржумскому и другимъ уѣздамъ къ востоку. Авторъ дѣлитъ западное нарѣчіе на два говора — южный и сѣверный, восточное — на нѣсколько группъ говоровъ: 1) группу говоровъ Малмыжскаго, Бирскаго и Елабужскаго уѣздовъ; 2) Уржумскаго у.; 3) Царевкошайскаго и Чебоксарскаго и т. д. Количество и

границы восточныхъ говоровъ пока еще точно неизвѣстны. Характерное отличіе западнаго нарѣчія отъ восточнаго — строго проводимый законъ гармоніи гласныхъ звуковъ, т.-е. построение слова или на твердыхъ, или на мягкихъ звукахъ, которыхъ вообще въ черемисскомъ языкѣ больше, чѣмъ въ индо-европейскомъ: въ восточномъ нарѣчіи этотъ законъ значительно нарушенъ чередованіемъ твердыхъ и мягкихъ звуковъ въ одномъ и томъ же словѣ. Эти нарѣчія, кромѣ того, отличаются и преобладаніемъ различныхъ гласныхъ звуковъ въ началѣ словъ, различными знаками множественнаго числа, отчасти лексическимъ составомъ языка и употребленіемъ согласныхъ звуковъ.

О разницѣ говоровъ г. Веске обѣщаетъ поговорить въ другой разъ; въ настоящемъ изслѣдованіи онъ мелькомъ намѣчаетъ характерныя особенности царевкокшайскаго говора и эрзянскаго нарѣчія мордовскаго языка, близкаго къ черемисскому. Во второй части своего труда г. Веске критически оцѣниваетъ переводъ *Евangelія на горномъ нарѣчіи* 1821 года, *Versuch einer Grammatik der tscheremiesischen Sprachen* (Reval, 1847) Wiedemann'a, черемисскую грамматику по горному нарѣчію, изданную въ Казани въ 1837 году, и т. д.

Трудъ г. Веске производитъ впечатлѣніе очень солиднаго и продуктивнаго изслѣдованія и стоитъ недорого (40 к.).

Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy, jego zwyczaj, sposob życia, obrzędy, podania, gusła, pieśni, zabawy, przysłowia, zagadki i właściwości mowy. M. Federowskiego. 2 тома (Biblioteka „Wisły“) Warszawa, 1888—89. Въ двухъ маленькихъ томикахъ, слишкомъ длинное заглавіе которыхъ выписано выше, содержатся этнографическіе матеріалы, собранные г. Федеровскимъ въ Бендзинскомъ уѣздѣ, Пѣтровской губерніи, и Ольгускомъ, Кѣлецкой, — въ бывшихъ мѣстечкахъ: Сѣвѣжъ, Козѣгловы, Мжыгрудъ, Жарки, Влодовице, Бромолувъ, Огородзѣнѣцъ и Пилица.

Г. Федеровскій — наблюдатель и собиратель неважный: оригинальныхъ данныхъ онъ почти не даетъ; почти всѣ его наблюденія сводятся къ общимъ фразамъ и сдѣлавшимся уже банальными въ этнографической литературѣ крупницамъ, такъ что ту картину жизни мѣстнаго населенія, которую онъ даетъ, свободно можно было бы нарисовать, не выходя изъ своей комнаты. Матеріала, который былъ подъ руками у г. Федеровскаго, едва ли хватило бы на небольшую журнальную статью, но онъ сумѣлъ растянуть его на два томика, разбавляя скудный матеріалъ совсѣмъ ненужными и неидущими къ дѣлу лирическими излияніями и отступленіями. Но это еще „грѣхъ не столь большой руки“: г. Федеровскій даетъ возможность уличить себя въ еще бѣльшемъ этнографическомъ грѣхѣ.

На стр. 334—8, предупредивъ, что онъ хочетъ „zaznajomić czytelnika z kilkoma może mniej znanemi przypowieściami, wiernie z ust ludu powtórzonemi“, онъ приводитъ рассказъ „o ojcowskim krolu“, въ которомъ почему-то хочетъ видѣть Казимира Великаго. Этотъ рассказъ принадлежитъ къ циклу очень распространенныхъ сказаній о мудромъ простодушнѣ — горшенѣ или пахарѣ, который поразилъ короля мудростью своихъ отвѣтовъ и которому тотъ поручилъ „пощипать гусей“ — своихъ совѣтниковъ; онъ встрѣчается въ средневѣковомъ итальянскомъ сборникѣ: *Cento novelle antiche*, въ сербскихъ „приповиѣдкахъ“, во Франціи былъ примѣненъ къ Генриху IV, у насъ — къ Ивану IV, Петру и даже Александру I. Вотъ какъ начинается этотъ рассказъ у г. Федеровскаго: „Dzień się miał ku schyłkowi. Ostatnie promienie zachodzą—

sego słońca oblały ziemię różowem światłem, gay leciwy kmieć Maciek, ktorego głowę zdobił już oddawna wianek siwo-srebrzystych włosów, doručając swego poślanka, posłyszał odgłos pieśni staroświeckiej, ktorej echo, wiatrem nie sione, serdecznie a wesoło odbijało się o skały i wysokie góry" и т. д. въ томъ же духѣ. Кто разъ въ жизни слышалъ подлинный народный рассказъ или имѣлъ подъ руками не фальсифицированный этнографическій сборникъ, тотъ знаетъ, что народные рассказы такъ *никогда* не начинаются, да и не могутъ начинаться, а начинаютъ такъ свои повѣсти недоучившіеся гимназисты. Г. Федеровскій или прямо сочинилъ рассказъ, или „изложилъ“ его; странная въ устахъ польскаго короля фраза о своихъ совѣтникахъ: „jak przylecą tu trzy głupie geśi z Rusi, potrafisz ty je podskubać“ приводитъ какъ будто къ сборнику Аванасьева.

Въ виду этого, читателю приходится недоумѣвать передъ 2—3 оригинальными и интересными преданіями, которыя приводитъ г. Федеровскій и относительно которыхъ никакъ нельзя рѣшить, насколько „вѣрно повторены они изъ устъ народа“.

Странно, какъ такой почтенный этнографическій журналъ, какъ *Wisła*, могъ помѣстить работу г. Федеровскаго въ своей „Библіотекѣ“.

Книга стоитъ дорого—1 р. 50 к.

Wisła, miesięcznik geograficzno-etnograficzny, t. III (styczeń, luty, marzec). Warszawa, 1889. Польскій гео-этнографическій журналъ *Wisła* выходитъ нѣсколько лѣтъ и успѣлъ уже закрѣпить за собой симпатіи читающей публики. Въ настоящемъ году характеръ его рѣзко измѣнился, и измѣнился далеко не къ лучшему. Г. Глогеръ, наприм., въ своей статьѣ: *Długosz i pieśni polskie* *) пробуетъ приурочить нѣкоторыя польскія пѣсни, существующія и нынѣ, къ описаннымъ у Длугоша событіямъ. Какъ онъ это производитъ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ примѣровъ. Длугошъ передаетъ извѣстное и изъ „первоначальной лѣтописи“ русское преданіе о Киѣ, Щеки, Хоревѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди; г. Глогеръ сближаетъ это... съ извѣстной по всему славянскому міру пѣсней на тему: „wędrowało dwóch braciškow a trzecia Siostra“, которая съ этимъ преданіемъ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ названій „братъ“ и „сестра“. Подъ 1466 годомъ передаетъ рассказъ объ убійствѣ Боглевскаго любовникомъ его жены, по ея наущенію; г. Глогеръ сближаетъ и приурочиваетъ къ этому событію „странствующую“ пѣсню о мужеубійствѣ, которая съ этимъ рассказомъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго, кромѣ факта самаго убійства. Едва ли дастъ какіе-нибудь результаты и имѣетъ какой-нибудь смыслъ сравнительный методъ, такъ примѣняемый. Все это напоминаетъ курьезное сближеніе г. Сумцова увеличенія и уменьшенія чортомъ бревень для ковчега съ „прокрустовымъ ложемъ“ и еще болѣе знаменитое, но, къ сожалѣнію, не цензурное сближеніе Кассела по поводу разныхъ версій „легенды о гордомъ царѣ“. Такія сравненія только печатнаго сору прибавляютъ.

Г. Матуаъсъ начинаетъ свою статью (*Chłopskie serce*) съ развязною игривостью дурнаго тона: „czy chłopskie serce w materialnem znaczeniu, a więc jako mięsien krwionośny, różni się czem, np. codo kształtu lub wewnętrznego ustroju, od serca innych ludzi, nie badałem (!!); w

*) На стр. 4 передается рассказъ Длугоша объ убійствѣ княземъ Зѣмовитомъ любовника жены, очень похожій на близинные эпизоды о Чуриль и Катеринѣ, Ванькѣ-ключникѣ и малорусскія, польскія и бѣлорусскія пѣсни о гибели Петрауса.

duchowym jednak pojęciu, a więc jako siedlisko uczuć, miałem nieraz sposobność je poznać i spostrzegałem gzczywistą roznicę, ktorej ź rodła starałem się dociec“ (стр. 25). Въ концѣ своей статьи (стр. 30) онъ приходитъ къ выводу, поворному для автора, какъ для человѣка и писателя: „того, что мы называемъ „сердцемъ“, а тѣмъ болѣе вѣстнища (siedliska) лучшихъ, благороднѣйшихъ (szlachetniejszych), добрыхъ чувствъ, у мужика вы не найдете. Тѣ, кто вѣрятъ въ сердце мужика, пусть вѣрятъ въ него такъ, какъ и въ его покорность. Когда мужикъ приходитъ въ городъ, то имѣетъ видъ покорности и привѣтливости, кланяется возможно ниже; но посмотри на него, когда онъ на своей нивѣ (соб. ale gadaj ty z nim na jego roli), подожди—поклонится ли онъ тебѣ тамъ: онъ тамъ умѣетъ иначе думать; тамъ онъ панъ; берегись еще, чтобы онъ не поподчивалъ тебя палкой“. И это „studjum etnograficzne“ въ ученюмъ журналѣ!

Статья г. Грабовскаго *Zadruga* распадается на двѣ части: *zadruga* и *słowion południowych i w Czechah*. Первая часть — компиляція общезвѣстныхъ данныхъ о „задругѣ“ и „инокошнѣ“ или „инокоштинѣ“ (родовой и семейной общинѣ): кто знакомъ съ трудами г. Богинича, тотъ не найдетъ въ ней для себя ничего новаго; вторая часть — продолженіе статьи Peisker'a о прахенской задругѣ (чешскій *Athenum*, V' 9 и 10).

Остальныя статьи безцвѣтны и малонинтересны. О сравнительно-литературномъ очеркѣ г. Карловича, продолженіе котораго помѣщено въ этой книжкѣ, можно будетъ поговорить потомъ (*Podanie o Madeju*).

Все это — очень тревожные симптомы для журнала. Такими „очерками“, какъ произведенія гг. Gloger'a и Matyasa, такими компиляціями, какъ *Zadruga* г. Грабовскаго, повторяющая давно извѣстные факты, такими приложеніями, какъ *Lud* г. Федеровскаго, можно легко совсѣмъ убить репутацію журнала. На это редакція слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе.

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Пути въ Индію“. А. Л. Иванова. — „Путеводитель по центральной Азіи“. Е. А. Бессе.— „Путеводитель по Крыму“. Сосногоровой и Каролюзова.

Пути въ Индію. Краткій очеркъ развитія торговыхъ сношеній съ отдаленнымъ Востокомъ. А. Л. Иванова. Для многихъ русскихъ читателей тема, намѣченная въ заглавіи, представляетъ большой интересъ, и произведеніе г. Иванова могло бы найти покупателей, если бы его товаръ хотя сколько-нибудь соответствовалъ этой темѣ. Но на двухъ печатныхъ листахъ авторъ говоритъ о многомъ, не относящемся къ дѣлу, и почти нигдѣ не касается вопроса о путяхъ въ Индію, такъ что заглавіе придумано остроумнымъ сочинителемъ ради коммерческихъ цѣлей, для того, чтобы получить за эти два листа 75 к. съ какаго-нибудь довѣрчиваго русскаго гражданина, любящаго, хотя бы въ своемъ воображеніи, уязвлять англичанъ удобными и близкими путями изъ Россіи къ этому перлу въ коронѣ британской императрицы. Подобныя надежды чаще всего бывають основаны на неясныхъ представленіяхъ о пространственныхъ отношеніяхъ въ географіи. Авторъ разбираемой брошюры хотя и побывалъ въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, но не приобрѣлъ отъ этого путешествія познанія литературныхъ приемовъ; книжка его представляетъ нескладницу; отдѣльныя

замѣтки разбросаны въ ней, хотя и всего только на двухъ листахъ, но безъ всякаго плана, и не имѣютъ ни научнаго, ни практическаго значенія. Такъ, наприм., авторъ пространно рассказываетъ о перевозкѣ товаровъ по Аму-Дарьѣ на каюкахъ, о которыхъ онъ говоритъ: „Каюкъ—лодка обоюдоострая, безъ руля, несется, какъ орѣховая скорлупа, теченіемъ рѣки и поддерживается веслами, чтобы не быть вынесенною изъ фарватера. Глубина каюка не болѣе 1½ аршина, длина же разная“. Далѣе читатель узнаетъ о томъ, какъ проводить свое время лодочники-каючки, какъ они пляшутъ во время остановокъ, какъ занимаются охотой и рыбною ловлей и „изъ пойманной рыбы или убитой добычи устраиваютъ обильныя закуски“ и при этомъ старшіе рассказываютъ въ назиданіе младшимъ преданія старины. Одно изъ такихъ преданій о провалившемся городѣ и о найденномъ тамъ впоследствии слиткѣ золота, вѣроятно, въ назиданіе русскимъ читателямъ, рассказано подробно г. Ивановымъ.

Къ этому безграмотному произведенію русской книгопродавческой спекуляціи приложена карта, отличающаяся наивною простотою какъ построенія, такъ и выполненія. Жаль, что брошюра г. Иванова помѣщена для продажи преимущественно въ складѣ учебныхъ пособій для войскъ, г. Березовскаго, и, слѣдовательно, будетъ распространяться въ кругу грамотныхъ солдатъ, мало защищенныхъ отъ подобныхъ литературныхъ продуктовъ.

Путеводитель по центральной Азіи. Составилъ Е. А. Безе. Г. Бесе два года тому назадъ предпринялъ путешествіе, вѣроятно, съ коммерческою цѣлью, задумалъ издать настоящій путеводитель, чтеніе котораго онъ считаетъ интереснымъ не только для путешественника, но и для любителей исторіи и географіи, такъ что авторъ, повидимому, увлекшись своимъ предметомъ, задумалъ внести свою лепту въ литературу, посвященную научнымъ изслѣдованіямъ центральной Азіи. Но если сравнить его книжку не только съ путеводителями вродѣ Бедекера, Жуанна или Муррея, но даже и съ менѣе знаменитыми, то путеводителемъ въ настоящемъ значеніи назвать ее нельзя. Свѣдѣнія, доставляемые летучими замѣтками г. Бесе, слишкомъ отрывочны и неполны, такъ какъ составитель при небольшомъ объемѣ, вмѣсто практическихъ свѣдѣній, часто распространяется о такихъ вопросахъ, которые имѣютъ мѣсто въ путешествіи, но не въ путеводителѣ. Какъ путешественникъ, авторъ стоитъ на степени туриста, мало подготовленнаго къ научному описанію видѣнныхъ имъ странъ. Неудивительно, что двойная цѣль, при отсутствіи литературной опытности, дающей возможность умѣлому писателю выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ, совершенно испортила книжку г. Бесе; она недостаточно практична для путеводителя и недостаточно систематична для монографіи о нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, хотя за неизбѣніемъ другаго путеводителя по центральной Азіи и произведеніе г. Бесе является не бесполезнымъ для лицъ, отправляющихся по своимъ дѣламъ въ эту отдаленную окраину Россійской имперіи. Въ концѣ книжки приложены указатели съ обозначеніемъ цѣнъ, почтовыхъ трактонъ, закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, между прочимъ, и закаспійской военной желѣзной дороги, а также пароходныхъ рейсовъ по Волгѣ и морямъ Каспійскому и Черному.

Путеводитель по Крыму (Сосногоровой и Караулова). Изд. пятое, переработанное Н. Головкинскимъ и К. Вернеромъ, съ приложеніемъ 7 картъ, 2 плановъ и 12 рисунковъ. Москва, 1889 года. Цѣна 2 руб. 25 коп. Изъ всѣхъ *Путеводителей* по Крыму *Путе-*

водитель Сосногоровой давно уже пользовался вполне заслуженною извѣстностью и всегда охотно раскупался публикой. Оставалось только, при каждомъ новомъ изданіи, систематически улучшать его и тѣмъ самымъ постоянно поддерживать интересъ къ нему. Между тѣмъ, послѣдующія изданія, къ сожалѣнію, мало чѣмъ отличались отъ перваго и только настоящее, пятое, изданіе *Путеводителя по Крыму*, переработанное бывшимъ профессоромъ Новороссійскаго университета Н. Головкинскимъ и завѣдующимъ статистическимъ бюро таврической земской управы К. Вернеромъ, представляетъ значительный интересъ новизны и содержательности. Это—очень полно и обстоятельно составленный *Путеводитель*, заключающій въ себѣ множество разностороннихъ свѣдѣній о Крымѣ и, въ то же время, цѣлый рядъ практическихъ указаній для путешествующихъ по немъ. Въ этомъ отношеніи онъ далеко оставляетъ за собою всѣ другіе *Путеводители по Крыму*, существующіе въ настоящее время въ продажѣ, такъ какъ составители и издатели его имѣли въ виду, главнымъ образомъ, интересъ путешественниковъ, а не какія-либо постороннія цѣли. Несмотря, однако, на высокія преимущества его, онъ, все-таки, не чуждъ нѣкоторыхъ существенно важныхъ недостатковъ. Такъ, при немъ нѣтъ никакого указателя, что затрудняетъ пользованіе имъ. За отсутствіемъ его, приходится или предварительно подробно изучить весь *Путеводитель по Крыму* и хорошо запомнить, гдѣ и что находится въ немъ, или же всякій разъ подолгу рыться въ его текстѣ, отыскивая желаемую справку. Затѣмъ, всѣ семь картъ исполнены крайне плохо и небрежно и въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ совершенно недостаточны для руководства при поѣздкахъ по Крыму. При той полнотѣ содержанія, какую даетъ *Путеводитель*, ихъ необходимо было выполнить съ особенною тщательностью и не пожалѣть для этого лишнихъ расходовъ. Далѣе, отпечатанъ *Путеводитель* болѣе, чѣмъ небрежно. Масса опечатокъ и особенно въ названіяхъ различныхъ предметовъ, напр., растений и мѣстностей, буквально рѣжетъ глаза. Константиновская батарея въ Севастополѣ названа „Константинопольской“ (стр. 169), заказная корреспонденція—„закладной“ (стр. 229), населеніе Перекопскаго уѣзда составляетъ 4,9 души обоего пола „на квадратную сажень“ (стр. 18), законодательство мусульманъ основано „на Крымѣ“, вмѣсто „на Коранѣ“, и т. д. Помимо всего вышеуказаннаго, встрѣчаются недочеты и со стороны содержанія. Написанный на скорую руку, „историческій очеркъ“ Крыма грѣшитъ не только спутанностью изложенія, но и крупными историческими ошибками, касающимися хронологіи и послѣдовательности историческихъ событій. Не говоря уже о крайней неполнотѣ и недостаточности общихъ свѣдѣній по географіи, орошенію, климату, растительности и лечебнымъ свойствамъ Крыма, даже въ частномъ описаніи отдѣльных мѣстностей попадаются довольно странныя промахи. Въ Бахчисараѣ, напр., оказывается, существуютъ еще „городничіе“ (стр. 124), давнымъ-давно исчезнушіе въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Глядя на холмистую низменность между Яйлою и Мангутомъ, авторы, вмѣстѣ съ Палласомъ, начинаютъ думать, что „тутъ было нѣкогда обширное озеро“ (стр. 151). Послѣднее особенно странно слышать отъ г. Головкинскаго, специалиста-геолога. Хотя подобныя обмолочки и немного въ *Путеводитель по Крыму*, но при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу ихъ можно было бы и совсѣмъ избѣжать.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Обычный порядокъ наследованія у крестьянъ“. В. Ф. Мухина.—„Сводный постатейный указатель кассационныхъ рѣшеній съ 1866 по 1886 г. включительно“. О. Н. Кушенинскаго.—„Сводный постатейный указатель кассационныхъ рѣшеній за 21 годъ (1866—1886 г.)“. Соколова и Бермана.—„International Law“ by Henri Sumner Main.

Обычный порядокъ наследованія у крестьянъ. Къ вопросу объ отношеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ къ будущему гражданскому уложенію. В. Ф. Мухина. Изданіе редакціонной комиссіи по составленію гражданского уложенія. Спб., 1888 г. Монографія г. Мухина заслуживаетъ вниманія не только сама по себѣ, какъ хорошее догматическое изслѣдованіе, но и какъ предвозвѣстникъ того, что намъ дастъ будущее гражданское уложеніе, если только теченіе, выразителемъ котораго является авторъ, получитъ законодательное признаніе. Вслѣдъ за г. Пахманомъ (*Обычное гражданское право въ Россіи*, 1879 г.) авторъ дѣлаетъ поправку къ принятой систематикѣ крестьянскихъ хозяйственныхъ союзовъ или семей: отвергая дѣленіе на „большія“ и „малыя“ семьи, авторъ различаетъ семью естественную съ ея двумя разновидностями: простою (родители и дѣти) и сложною (родители, дѣти и потомство дѣтей) семьями, и семью искусственную, также съ двумя разновидностями: сводною семьей (нѣсколько самостоятельныхъ семей, оставшихся жить нераздѣльно по смерти главы сложной семьи) и артельною—вымирающею формою, произведеніемъ крѣпостнаго права и воспрещенія раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ. Артель знаетъ лишь дѣлежъ заработка по числу наличныхъ работниковъ, сводная семья знаетъ только раздѣлы общаго имущества; о наследованіи же въ собственномъ смыслѣ можетъ быть рѣчь только въ семьѣ естественной. Но въ то время, какъ г. Пахманъ находилъ, что юридическій строй крестьянской семьи почти таковъ же, какъ тотъ строй, который регулируется десятымъ томомъ, „съ нѣкоторыми лишь отклоненіями, обусловленными общимъ семейнымъ хозяйствомъ“, г. Мухинъ, напротивъ, находитъ, что тонъ всѣмъ имущественнымъ отношеніямъ задаетъ семейная собственность, институтъ, чуждый писанному праву. Семейною собственностью авторъ называетъ собственность естественной семьи и этимъ онъ опять расходится съ принятымъ ученіемъ (Оршанскаго, Ефименко), смѣшивающимъ эту собственность съ общою или долевою собственностью сводной семьи. Теоріей семейной собственности объясняетъ авторъ такіа явленія, какъ иски отцовъ о выдѣлѣ имъ доли изъ общаго имущества; какъ требованіе вдовой снохи о выдачѣ ей мужниной доли на дѣтей; какъ ограниченіе свободы завѣщательныхъ распоряженій; и, наоборотъ, авторъ показываетъ, что ни выдѣлъ отдѣльныхъ членовъ семьи изъ ея состава, ведущій къ полному прекращенію имущественныхъ связей, ни фактъ существованія у членовъ семьи личнаго имущества, стоящаго внѣ распоряженія главы семейства, не противорѣчатъ теоріи. Въ зависимости отъ двухъ институтовъ собственности въ крестьянскомъ быту встрѣчаются два порядка наследованія: послѣ мужчинъ или въ семейномъ имуществѣ и послѣ женщинъ или въ личномъ имуществѣ (женщины не имѣютъ правъ на семейное имущество). Останавливаясь на вопросѣ объ основаніяхъ наследованія въ семейномъ имуществѣ, авторъ вмѣстѣ съ г. Пахманомъ возстаетъ противъ трудовой теоріи: эта теорія бессильна объяснить устраненіе женщинъ отъ наследованія и допущенія къ наследованію лицъ, не содѣйствовавшихъ своимъ трудомъ накопленію имущества. Основаніемъ на-

слѣдованія служить принадлежность къ семьѣ на правахъ ея члена—кровнаго или договорнаго (путемъ усыновленія и т. п.); при отсутствіи членовъ мужскаго пола семейное имущество становится какъ бы выморочнымъ, и тогда возникаетъ вопросъ о томъ, кому изъ ближайшихъ родственниковъ послѣдняго его представителя передать имущество; тогда выступаетъ новое основаніе наслѣдованія—кровное родство, какъ таковое. Эта двойственность началъ наслѣдованія, принадлежность къ семьѣ и кровное родство, составляютъ особенность не только обычнаго права, но и всего нашего права, начиная съ *Русской Правды* и кончая *Сводомъ*, гдѣ она отражается въ предпочтеніи сыновей дочерямъ и въ устраненіи сестеръ; эти послѣднія явленія вызваны отнюдь не помѣстной системой, но суть результаты исконнаго воззрѣнія на семью, какъ на союзъ, связанный единствомъ авторитета и мѣстожителѣства. Но если въ будущемъ гражданскомъ уложеніи желательное полное уравниеніе наслѣдственныхъ правъ обоихъ половъ, то никоимъ образомъ нельзя желать этого уравниенія для обычнаго права путемъ, напримѣръ, вмѣшательства законодателя. Неравенство половъ утратило смыслъ для тѣхъ классовъ населенія, для которыхъ собственно и создается гражданское уложеніе, такъ какъ для нихъ семья является лишь кровнымъ и личнымъ союзомъ, а не хозяйственнымъ, какъ въ крестьянствѣ; здѣсь же, при преобладаніи типа сложныхъ семей и при стремленіи государства ограничить свободу семейныхъ раздѣловъ, уравниеніе половъ должно вести къ разстройству хозяйства. Точно также г. Мухинъ высказывается противъ объединенія закона и обычая въ другомъ вопросѣ—о правѣ наслѣдованія вдовъ; вопреки г. Пахману, видѣвшему въ двойственности нормъ о наслѣдованіи вдовы (съ одной стороны, полное устраненіе ея, съ другой—равное участіе съ прочими наслѣдниками, пожизненное владѣніе и даже наслѣдованіе всего имущества) борьбу стараго и новаго началъ, г. Мухинъ показываетъ, что оба эти начала искони живутъ бокъ-о-бокъ въ обычномъ правѣ, и объясняетъ ихъ все тѣмъ же кореннымъ институтомъ семейной собственности. Если пожизненное владѣніе вдовы при дѣтяхъ въ простой семьѣ является въ крестьянствѣ предохранительнымъ средствомъ противъ поспѣшности раздѣловъ, то для населенія, живущаго по писанному праву, оно явилось бы ненужнымъ бременемъ. Для будущаго уложенія можно рекомендовать только частичныя измѣненія: однообразный размѣръ указной части въ движимомъ и недвижимомъ имуществахъ и увеличеніе вдовой доли при наслѣдованіи совмѣстно съ боковыми и болѣе далекими наслѣдниками. Такимъ образомъ, г. Мухинъ является выразителемъ целесообразной законодательной политики, создающей норму въ зависимости отъ потребности и не увлекающейся ни согласовать законъ съ обычаемъ, ни вытѣснить обычай закономъ. Будущее гражданское уложеніе должно остаться правомъ только извѣстной части населенія, а обычное право должно получить признаніе со стороны законодательства. Это признаніе не можетъ быть сдѣлано въ видѣ кодификаціи обычая, т. е. возведенія его на степень спеціальнаго закона и внесенія, какъ таковаго, въ уложеніе; этому препятствуютъ и недостатокъ собраннаго матеріала, и разнообразіе обычая, и его перемѣчивость, и, наконецъ, тѣ видозмѣненія, которымъ онъ подвергается подъ влияніемъ круговой поруки и хозяйственныхъ соображеній общины. Остается, въ виду этого, единственный путь—допустить примѣненіе обычая по ссылкѣ сторонъ, расширивъ при этомъ юрисдикцію волостныхъ судовъ и признавъ судебнымъ доказательствомъ существованія обычая приговоры сельскихъ

сходовъ. Примѣненіе обычая вмѣсто закона г. Мухинъ предлагаетъ ограничить цѣнностью имущества до 1,500 рублей, а недвижимости, кромѣ того, находящемъ ея внѣ городской черты. Иное дѣло, насколько вѣрно подмѣчена та жизненная потребность, которая должна повліять на образованіе нормы; мы увѣрены, напримѣръ, что мнѣніе автора о гибельномъ значеніи семейныхъ раздѣловъ не встрѣтитъ единогласнаго признанія, а, слѣдовательно, и вопросъ о томъ, цѣлесообразно ли не вторгаться въ сферу сбытая именно въ виду нежелательности раздѣловъ, встрѣтитъ самыя противорѣчивыя рѣшенія.

Сводный постатейный указатель кассационныхъ рѣшеній съ 1866 по 1886 годъ включительно. Составилъ Ѳ. Н. Кишенскій. Спб., 1888 г. Ц. 60 к. *Указатель*, заглавіе котораго мы выписали, посвященъ кассационнымъ рѣшеніямъ по вопросамъ уголовного права, бывшимъ на разсмотрѣніи уголовного и гражданскаго кассационнаго департамента, а также общаго собранія кассационныхъ департаментовъ и соединеннаго присутствія кассационныхъ и перваго департамента сената. Сперва указаны разъясненія статей уложенія и устава о наказаніяхъ, затѣмъ—устава уголовного судопроизводства и, наконецъ, законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, т.-е. статей т. XV, ч. II. Свод. Зак. Статьи всѣхъ этихъ законовъ идутъ по порядку отъ № 1 въ слѣдующимъ и рядомъ съ № каждой статьи выставлены цифры годовъ и №№ рѣшеній, причѣмъ всѣ эти №№ напечатаны для удобства справляющихся различнымъ шрифтомъ. Главное достоинство *Указателя* заключается въ томъ, что съ помощью его узнаешь №№ всѣхъ за 20 лѣтъ кассационныхъ рѣшеній по поводу той или другой статьи, не прибѣгая къ переименованію указателей или оглавленій безчисленныхъ собраній и сборниковъ кассационныхъ рѣшеній. Конечно, *Указатель*, кромѣ цифровыхъ данныхъ, иныхъ въ себѣ никакихъ не заключаетъ и не можетъ познакомить интересующагося съ содержаніемъ того или другаго рѣшенія, но составителю его надо сказать большое спасибо и за то, что онъ позволяетъ справляющемуся обратиться прямо именно къ тѣмъ сборникамъ, которые ему нужны.

Сводный постатейный указатель кассационныхъ рѣшеній за 21 годъ (1866—1886 г.). Составилъ прио. пов. Соколовъ и пом. пр. пов. Берманъ. Спб., 1888 г. Ц. 75 к. Этотъ *Указатель* совершенно одного и того же типа съ вышеописаннымъ и посвященъ статьямъ т. X ч. 1 (гражд. законы) и устава гражданскаго судопроизводства; въ печати онъ появился даже немного ранѣе *Указателя* г. Кишенскаго, участника по изданію гг. Соколова и Бермана. Достоинства и цѣль такихъ изданій нами только что указаны.

International Law: a Series of Lectures delivered before the University of Cambridge by Henry Sumner Maine. 1887. — The Whewell Lectures. London, 1888 (John Murray). Это — послѣдній трудъ, вышедшій изъ-подъ пера знаменитаго англійскаго ученаго, умершаго въ прошломъ году. Онъ представляетъ собою курсъ лекцій по международному праву, читанныхъ Мэномъ въ 1887 году въ Кембриджскомъ университетѣ. Каедрa эта, которая была предложена ему за годъ до его смерти, основана въ 1867 году, на средства, оставленныя извѣстнымъ Уильямомъ Уэвеллемъ. Въ завѣщаніи своемъ Уэвелль, между прочимъ, высказалъ желаніе, чтобы занимающій эту каедрu стремился при положеніи предмета „установить такіа положенія и предложить такіа мѣры, которыя могли бы уменьшить бѣдствія войны и, въ концѣ-концовъ, уничтожить войну между отдѣльными націями“. Наличность та-

кой воли завѣщателя не могла не имѣть нѣкотораго вліянія на самое содержаніе и характеръ лекцій Мэна.

Мэнъ, какъ извѣстно, не былъ специалистомъ въ области международного права. До послѣдняго времени онъ работалъ преимущественно по сравнительной исторіи права и учреждений. Къ этой области относятся и большая часть его сочиненій. Въ новой книгѣ его напрасно было бы искать того рутиннаго изложенія системы международного права, какое даютъ многочисленныя руководства, имѣющіяся на всѣхъ языкахъ. Это не болѣе, какъ рядъ мыслей по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ международного права, — мыслей, высказанныхъ сильнымъ умомъ, обладавшимъ огромною эрудиціей и замѣчательною способностью къ обобщеніямъ.

Курсъ Мэна состоитъ изъ двѣнадцати лекцій: первыя четыре трактуютъ о нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ международного права (объ его происхожденіи и источникахъ, авторитетѣ и санкціи его нормъ, о государственномъ суверенитетѣ и территориальныхъ правахъ его), остальные посвящены разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ такъ называемаго права войны. Въ первой серіи лекцій нельзя не отмѣтить весьма интересныя соображенія автора о связи международного права съ римскимъ правомъ. Процессъ, путемъ котораго международное право получило авторитетъ въ европейскихъ странахъ, Мэнъ уподобляетъ процессу, путемъ котораго произошла въ этихъ странахъ рецепція римскаго права. *Jus gentium* или *Jus naturae* римскихъ юристовъ, какъ показываетъ Мэнъ, имѣло большое вліяніе въ исторіи развитія доктринъ международного права. Роль Гроція и его послѣдователей въ дѣлѣ распространенія гуманныхъ принциповъ въ области международныхъ столкновеній очерчена очень рельефно. Касаясь вопроса о санкціи положеній международного права, Мэнъ сначала дѣлаетъ общее замѣчаніе о томъ, что было бы ошибочно думать, что люди повинуются извѣстнымъ правиламъ изъ боязни наказанія. „Это положительно невѣрно, такъ какъ большая часть правилъ, которымъ люди повинуются, соблюдаются ими бессознательно, въ силу просто извѣстной духовной привычки (*habit of mind*). Правда, иногда люди повинуются предписаніямъ изъ страха наказанія, которое постигаетъ въ случаѣ ихъ нарушенія, но, сравнительно съ массой людей въ каждомъ обществѣ, эта категория очень незначительна, — вѣроятно, она ограничивается такъ называемыми преступными классами, такъ что на одного человѣка, который воздерживается отъ кражи или убійства изъ страха наказанія, приходится сотни и тысячи тѣхъ, которые воздерживаются отъ этого помимо этихъ соображеній. Разнообразныя причины порождаютъ такую духовную привычку. Первоначальное воспитаніе имѣетъ здѣсь несомнѣнное значеніе; большое значеніе имѣютъ также религиозныя убѣжденія; наконецъ, весьма возможно, что въ большемъ числѣ случаевъ это — врожденное чувство, возникающее вслѣдствіе повиновенія законамъ, которое въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ вынуждается государствами и его органами... Основатели международного права, хотя не создали санкціи, создали правовое чувство. Они распространили среди монарховъ и въ образованныхъ классахъ общества сильное отвращеніе къ пренебреженію или нарушенію нѣкоторыхъ правилъ, регулирующихъ отношенія и дѣйствія государствъ. Они сдѣлали это не угрозами наказаніемъ, а другимъ строгимъ способомъ, давно извѣстнымъ въ Европѣ и Азіи, вызвавъ прочное сочувствіе извѣстнымъ правиламъ“.

Во второй серіи лекцій Мэнъ, исполняя волю основателя катедры,

подробно касается вопроса о смягченіи ужасовъ войны. Здѣсь, между прочимъ, онъ въ теплыхъ словахъ отмѣчаетъ заслуги покойнаго Александра II, „которому еще не воодана полная справедливость“ и которому принадлежит „первая великая попытка упрочить и гуманизировать право войны“. Въ послѣдней лекціи Мэнъ подробно останавливается на мѣрахъ, которыя предлагались съ цѣлью прекращенія войнъ, и въ частности на международномъ судѣ. Вполнѣ сочувствуя этой идеѣ, Мэнъ высказываетъ рядъ интересныхъ и важныхъ соображеній о тѣхъ недостаткахъ и затрудненіяхъ, которыя стоятъ на пути ея осуществленія (отсутствіе принудительной власти, трудность обезпечить удовлетворительный составъ международного суда и проч.). Болѣе прѣлесообразнымъ способомъ предотвращенія войнъ являются въ глазахъ Мэна союзы вродѣ древне-греческихъ амфитіоній или недавняго союза трехъ императоровъ. „Война,—говоритъ онъ въ концѣ своей книги,—слишкомъ большое и слишкомъ старое бѣдствіе, противъ котораго едва ли можетъ быть дѣйствительна какая-либо панацея.... Но, подобно страшнымъ пожарамъ, съ которыми ее часто сравниваютъ, она можетъ быть погашаема локализацией. По крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ, когда она, повидимому, готова была разгорѣться, она была сдержана“.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

„Программы и наставленія для наблюденій и собранія коллекцій по геологіи, почвовѣднію, зоологіи, ботаникѣ и сельскому хозяйству“.

Программы и наставленія для наблюденій и собранія коллекцій по геологіи, почвовѣднію, зоологіи, ботаникѣ и сельскому хозяйству. Изд. второе. Печатана по распоряженію общества естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Спб., 1889 г. Цѣна 75 коп. *Программы* эти составлены, по порученію петербургскаго общества естествоиспытателей, особою комиссіей, въ трудахъ которой принимали участіе 23 специалиста по различнымъ отраслямъ естествознанія, причемъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду, по возможности, облегчить задачу устройства земскихъ губернскихъ естественно-историческихъ музеевъ, проектированныхъ означенною комиссіей. *Программы и наставленія*, составленныя ею, предназначаются какъ для завѣдующихъ подобными музеями, такъ и для всѣхъ вообще любителей естествознанія, а указаніемъ болѣе широкимъ, по преимуществу, иностранныхъ программъ и руководящихъ литературныхъ источниковъ составители надѣются оказать нѣкоторую услугу также и болѣе опытнымъ изслѣдователямъ, чѣмъ простые любители. Судя по большому успѣху перваго изданія этихъ программъ, нужно думать, что онѣ отвѣтятъ живой потребности и прямому интересу къ естествознанію, существующимъ въ русскомъ обществѣ. Такой успѣхъ, по мнѣнію составителей, свидѣтельствуетъ также и о томъ, что изданныя ими *Программы и наставленія* удовлетворяютъ той цѣли, для которой онѣ предназначены. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ заключеніемъ, однако, позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, будучи побуждаемы къ этому единственно только желаніемъ содѣйствовать успѣху дѣйствительно полезнаго предпріятія петербургскихъ натуралистовъ.

Слабѣ другихъ составлены *Программа и наставленіе для коллектированія и наблюдений по геологіи*. По крайней мѣрѣ, „болѣе опытные изслѣдователи“ не найдутъ въ нихъ рѣшительно ничего, что не было

бы имъ извѣстно и раньше. Даже больше, они легко замѣтятъ нѣкоторые пробѣлы, недомолвки, ненужныя замѣчания и т. п. Къ числу такихъ пробѣловъ относятся, между прочимъ, полное отсутствіе вопросовъ и наставленій относительно строенія горъ, ледниковъ и землетрясеній, какъ будто въ предѣлахъ Россіи ничего подобнаго не наблюдается. Правда, составители дѣлаютъ оговорку по этому поводу, заявляя въ примѣчаніи на стр. 16, что они имѣютъ въ виду „только самыя распространенныя и легко доступныя для наблюденія явленія“, тѣмъ не менѣе, пробѣлъ этотъ не можетъ быть не отмѣченъ, такъ какъ въ зоологической и ботанической частяхъ *Программы и наставленій* обращается вниманіе и на такія мѣстности, какъ Крымъ, Кавказъ и другія окраины Россіи. Далѣе, въ вопросахъ относительно озеръ нѣтъ ни одного о свойствахъ ихъ воды, т.-е. о цвѣтѣ, составѣ, температурѣ и т. п. Есть и недосмотры. Такъ, на стр. 11 настойчиво рекомендуется перечислять различные слои въ разрѣзахъ по порядку *сверху внизъ*, а на приложенныхъ двухъ примѣрныхъ рисункахъ они перечисляются совершенно наоборотъ, снизу вверхъ. Затѣмъ, въ числѣ рекомендованныхъ сочиненій по геологіи мы не находимъ *Физической геологіи* Мушкетова, которая безспорно представляетъ собою очень обстоятельный и прекрасно составленный „руководящій литературный источникъ“. Иногда авторы вставляютъ и ненужныя замѣчания. Такъ, на стр. 9 указывается, между прочимъ, способъ опредѣленія падежнй пластовъ и тутъ же дѣлается совершенно излишняя оговорка: „употребленіе горнаго компаса болѣе сложно“. Нерѣдко и постановка вопросовъ сильно грѣшитъ въ отношеніи точности. Таково, напримѣръ, предложеніе составлять коллекціи „ядовитыхъ растений съ указаніемъ, по возможности, *характера* отравившагося животнаго“ (стр. 201). Гораздо обстоятельнѣе составлены *Программы и наставленія* по зоологіи и ботаникѣ. Укажемъ только на одинъ пробѣлъ въ перечисленіи общихъ руководствъ, которыя могли бы „дать нѣкоторую ориентировку и помочь въ опредѣленіи“ прѣсноводныхъ и наземныхъ моллюсковъ, — это извѣстная *Deutsche Excursions-Molluscen-Fauna* von S. Clessin. Просматривая, наконецъ, программу для собиранія свѣдѣній по сельскому хозяйству, нельзя не признать ее чрезвычайно краткой. Въ ней нѣтъ, напримѣръ, подробныхъ вопросовъ по такимъ важнымъ отдѣламъ сельскаго хозяйства, какъ птицеводство и травосѣяніе, или по воздѣлыванію винограда, табака, хмѣля и т. п.

Въ общемъ, однако, *Программы и наставленія* могутъ служить достаточно обстоятельнымъ пособіемъ если и не „болѣе опытнымъ изслѣдователямъ“, то, по крайней мѣрѣ, обыкновеннымъ любителямъ естествознанія, при составленіи ими различныхъ естественно-историческихъ коллекцій.

М Е Д И Ц И Н А.

„Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей“. Н. Филатова.— „Курсъ лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста“. И. Троицкаго.— „Руководство къ частной патологіи и терапіи“. Г. Эйхгорста.— „Гипнотизмъ въ практической медицинѣ“. Д-ра Б. М. Бродовскаго.— „Госпитальная хирургическая клиника Базанскаго университета“. Проф. Н. И. Студенскаго.

Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей. Н. Филатова, пр.-доцента Московскаго университета. Москва, 1887 г.— Курсъ лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста. И. Троицкаго, пр.-доцента университета Св. Владиміра. Кіевъ, 1889 г. Преподаваніе

дѣтскихъ болѣзней въ нашихъ университетахъ долгое время находилось на заднемъ планѣ, будучи пригнато къ акушерской кафедрѣ; оно ограничивалось нѣсколькими теоретическими лекціями, въ концѣ акушерскаго курса, клиники дѣтскихъ болѣзней при медицинскихъ факультетахъ не было. Специальное знакомство съ этими болѣзнями было удѣломъ врачей, занимавшихся въ дѣтскихъ больницахъ, гдѣ они могли только прагматически изучать этотъ важный и интересный отдѣлъ медицины. Литература этого предмета была до крайности бѣдна,—писать было не кому, переводить не для кого. Въ послѣднее десятилетіе при развитіи всѣхъ отдѣловъ медицины и введеніи въ университетахъ доцентуръ съ разрѣшеніемъ чтенія лекцій, кромѣ клиникъ, и въ другихъ больницахъ, преподаваніе дѣтскихъ болѣзней значительно повысилось, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и интересъ къ предмету у слушателей. Не замедлила оживиться и литература предмета. Къ единственному, долгие годы пребывавшему въ одиночествѣ переводному руководству Фогеля присоединились переводы Гергардта, Геноха, Багинскаго, въ медицинскихъ журналахъ возникъ отдѣлъ дѣтскихъ болѣзней, гдѣ все чаще и чаще стали появляться оригинальныя статьи; наконецъ, преподаватели одинъ за другимъ начали издавать свои лекціи. Первое изданіе такихъ лекцій относится къ 1881 году и принадлежитъ г. Филатову (клиническія лекціи о катаррѣ кишекъ у дѣтей). Два послѣдніе его выпуска лекцій объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей содержатъ изложеніе всѣхъ дѣтскихъ характерныхъ болѣзней, за исключеніемъ азіатской холеры и эпидемическаго воспаления мозговыхъ оболочекъ. Отличительная черта изданныхъ авторомъ лекцій заключается въ строгомъ преслѣдованіи практическаго интереса, въ обстоятельномъ изложеніи и наглядной группировкѣ симптомовъ болѣзней, въ отсутствіи излишней теоретикѣ и, наконецъ, въ оригинальности изложенія вообще и въ частности нѣкоторыхъ главъ: о гриппѣ, дифтеріи и впервые описываемой въ руководствахъ скарлатинной краснухѣ. Предпосланная описанію отдѣльныхъ болѣзней, общая часть—о діагностикѣ начального періода лихорадочныхъ болѣзней у дѣтей—должна быть отмѣчена тоже по своей оригинальности и цѣннымъ практическимъ указаніямъ, основаннымъ на наблюденіяхъ и опытѣ автора. Кромѣ всего этого, за г. Филатовымъ остается починъ изданія перваго русскаго руководства по дѣтскимъ болѣзнямъ; онъ, вѣроятно, не замедлитъ закончить его недостающими отдѣлами.

Вслѣдъ за изданіемъ общей части (анатомо-физиологическія особенности, гигиена и особенности терапіи) пр.-доцентъ Троицкій издалъ продолженіе своего курса лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста, начавъ его съ болѣзней пищева- рительнаго канала, наи- чаще поражающихъ дѣтскій организмъ, въ особенности въ первые годы жизни. Отдѣлъ этотъ обработанъ авторомъ весьма обстоятельно и подробно; въ каждой отдѣльной главѣ собраны изъ новѣйшей литературы воззрѣнія различныхъ авторовъ на этиологию и сущность болѣзней, что, впрочемъ, при недостаткѣ критической оцѣнки, умалляетъ значеніе этого изданія, какъ руководства. Первая часть выпуска заключаетъ въ себѣ болѣзнь рта (по автору, ротовой полости) и глотки; между болѣзнями послѣдней авторъ описываетъ весьма распространенную и извѣстную фолликулярную жабу подъ страннымъ названіемъ: „жаба, напоминающая дифтеритъ“. При чемъ тутъ воспоминаніе о дифтеритѣ, когда болѣзнь эта имѣетъ и свою причину, и свое теченіе, свою картину и, наконецъ, весьма принятое характерное названіе и даже не одно? Вторая часть

выпуска посвящена болѣзнямъ желудка и кишекъ, частному описанію которыхъ предпосланъ общій обзоръ желудочно-кишечныхъ расстройствъ, наиболѣе интересная глава изъ всего выпуска. Книга написана хорошимъ языкомъ и тщательно издана. Будучи хорошею справочною книгой, она, безъ сомнѣнія, займетъ не послѣднее мѣсто въ библиотекѣ каждаго дѣтскаго врача.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Г. Эйхгорста. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія подъ редакціей прив.-доцента Шапиро. Т. IV. Русское изданіе второе. Изд. Риннера. Спб., 1888 г. Совершающійся на главахъ нашихъ переводотъ въ ученіи о причинахъ и сущности многихъ болѣзней, вызванный современными открытіями въ области бактериологіи, преждевременно состарилъ многія весьма почтенныя руководства по частной патологіи и терапіи. Вѣроятно, отчасти благодаря наростанію новѣйшихъ открытій, руководство Эйхгорста въ короткое время издается въ оригиналѣ третьимъ исправленнымъ изданіемъ, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ IV тома. Въ этомъ томѣ лежитъ весь центръ тяжести современнаго ученія: въ немъ заключаются болѣзни крови, обіѣна веществъ и инфекціонныя, изложенныя съ послѣднихъ словъ науки. Заразныя болѣзни раздѣлены на два отдѣла: съ типическою локализациею и съ мѣняющеюся локализациею. Первые, кромѣ того, сгруппированы по преобладанію участія тѣхъ или другихъ органовъ. Этою группировкой руководство много выигрываетъ передъ другими, излагающими эти болѣзни безъ всякой системы. Прекрасное изданіе съ рисунками, хорошій переводъ и имя автора—достаточныя условія, чтобъ руководство это приобрѣло себѣ право на настольную книгу каждаго образованнаго врача.

Гипнотизмъ въ практической медицинѣ. Составилъ д-ръ Б. И. Бродовскій. Спб., 1888. Желая представить очеркъ развитія и современнаго положенія вопроса о примѣненіи гипнотизма къ леченію болѣзней, авторъ издалъ небольшую книжечку, раздѣливъ ее на 17 главъ съ заманчивыми заглавіями каждой изъ нихъ. Въ первыхъ 7 главахъ излагается исторія гипнотизма, начиная съ Местера, Бреда и кончая Шарко, Рише и пресловутымъ Фельдманомъ, затѣмъ идутъ рассказы, подчасъ очень наивныя, о вліяніи на организмъ воображенія и выжидательнаго вниманія, съ цѣлью сдѣлать понятнымъ терапевтическое значеніе гипноза. Рѣшивъ въ 8 главѣ, что гипнотизмъ въ рукахъ врачей вреда никогда не приноситъ, остальные главы авторъ наполняетъ случаями чудесныхъ излѣженій, опубликованныхъ различными лицами въ послѣднее время, и все это безъ всякой критики и оцѣнки, выбирая, конечно, наиболѣе удивительные случаи въ доказательство того, что „въ послѣднее время медицина обогатилась новымъ могущественнымъ средствомъ. Если повѣрить автору, то нынѣ остается только радоваться за человѣчество: нѣтъ больше никакихъ страданій и болѣзней, которыя устояли бы противъ гипнотическаго внушенія. Не только какіе-нибудь истерическіе симптомы уступаютъ этому средству, но и такія серьезныя болѣзни нервной системы, какъ падучая, пляска св. Витта, параличи, даже происшедшіе отъ апоплексическаго удара, мигрень, ишіасъ; оно успокоиваетъ и даже излечиваетъ маниаковъ, меланхоликовъ, запой, морфинизмъ и т. п. Роды подъ гипнотизмомъ безболѣзненны, опасный хлороформъ долженъ уступить мѣсто гипнотизированію и пр., и пр. Понявъ чудесное средство, и книгу эту слѣдовало бы озаглавить „книга чудесъ или 100 случаевъ невѣроятныхъ излѣженій“. Издавая подобную книгу, врядъ ли д-ръ Бродовскій озадалъ услугу вопросу о гипнотизмѣ. Заинтересовавъ черезъ

различныхъ Фельдмановъ общество, гипнотизмъ заинтересовалъ и людей науки, которые, изучая его физиологически и клинически, еще далеки до рекомендаціи его, какъ безвреднаго и могущественнаго средства. Бѣда отъ него можетъ быть не только въ рукахъ шарлатановъ и преступниковъ, но и въ рукахъ незнакомыхъ ни съ натурой, ни съ методомъ, ни съ дѣйствиємъ этого (по автору) средства, и сравненіе его съ мышьякомъ, хлороформомъ и стрихниномъ, употребленныхъ врачомъ, нелогично; современному употребленію этихъ средствъ предшествовала опытная фармакологія и клиническія наблюденія. Въ публикѣ и безъ книги д-ра Бродовскаго циркулируетъ масса разговоровъ о чудесахъ гипнотизма, и обязанность врачей, изучающихъ гипнотизмъ, не поддерживать существующее въ обществѣ увлеченіе и даже страстность къ нему, а, напротивъ, ограничивать это, имѣющее опасныя стороны, увлеченіе, и если необходимо издавать книги и брошюры о гипнотизмѣ, то отнюдь не такія, какъ изданная д-ромъ Бродовскимъ, наполненная безъ всякаго разбора отрывками изъ сообщеній различныхъ авторовъ, иллюстрированными громкими именами Шарко, Рише, Деригейма и др.

Госпитальная хирургическая клиника Казанскаго университета, помѣщающаяся въ земской больницѣ съ 1 сент. 1861 г. по 1 сент. 1888 г. Проф. Н. И. Студенскаго. Первый отдѣлъ этого интереснаго отчета посвященъ исторіи возникновенія и дальнѣйшаго существованія госпитальной клиники, учрежденной въ Казанскомъ университетѣ лишь въ 1861 году, тогда какъ въ Московскомъ, Дерптскомъ, и Киевскомъ университетахъ клиники существуютъ уже съ сороковыхъ годовъ. По примѣру Московскаго университета, для клиники была избрана больница приказа общаго призрѣнія, перешедшая въ 1867 году въ вѣдѣніе земства. Несмотря на этотъ переходъ, больница оставалась до конца семидесятыхъ годовъ въ крайне непривлекательномъ видѣ; въ 1876 г. о ней писалъ проф. Флоринскій: „Помѣщеніе клиники крайне неудовлетворительно: зданіе очень старо, безъ всякихъ учебныхъ приспособленій, палаты грязны, съ очень бѣдными больничными принадлежностями, лѣстницы и корридоръ холодны. Общее впечатлѣніе клиники напоминаетъ самую посредственную провинціальную городскую больницу“. Въ своемъ отчетѣ проф. Студенскій описываетъ ее такъ: клиника состояла изъ мужскаго и женскаго отдѣленій; въ первомъ двѣ палаты на 15 и 12 коекъ, во второмъ 5 небольшихъ комнатъ съ 12—15 койками. Палаты не изолированы отъ другихъ отдѣленій больницы, обстановка крайне бѣдная, посуда оловянная съ обломками одного ножа на двѣ палаты; воздухъ душливый, специфическій, для вентиляціи однѣ лишь форточки; у студентовъ чернѣли серебряныя часы послѣ часовой лекціи; столъ плохой: провізія недоброкачественная, приготовленіе небрежное, прислуги мало. Въ клиникѣ не было *приемнаго покоя* и не было *операционной комнаты*. Больные принимались въ палатѣ и тутъ же на глазахъ больныхъ дѣлались операціи“. Въ 1867 году факультетъ писалъ министру: „Съ 1856 года тифъ прочно поселился въ больницѣ, переболѣли всѣ врачи, многіе изъ служителей и фельдшеровъ, смотритель и священникъ умерли“. Въ 1870 году общество врачей гор. Казани даже образовало комиссію для изученія болѣзнетворныхъ причинъ въ больницѣ. Конечно, такое плачевное положеніе клиники зависѣло отъ недостатка средствъ: при учрежденіи ея было ассигновано изъ государственнаго казначейства на учебныя нужды по 700 рублей въ годъ, содержаніе больничное осталось на попеченіи приказа, а затѣмъ земства. Земство въ первые десять лѣтъ ничего

не дѣлало для клиники, во вторыя сдѣлало все что: операционную комнату, приемный покой, буфетные шкафы, менѣе грубое бѣлье, три камина, ширмы и т. п. улучшения, но все же больница остается тѣсною для больныхъ и для клиническаго преподаванія, — для послѣдняго нѣтъ даже аудиторіи и профессорскаго кабинета, нѣтъ средствъ для безплатныхъ коекъ, — обстоятельство, заставляющее выписывать больныхъ до окончательнаго выздоровленія послѣ операций. Причина такого незавиднаго существованія госпитальной клиники въ земской больницѣ заключается въ „щекотливомъ вопросѣ“ объ отношеніи клиники къ земству. Осторожно разбирая ихъ взаимныя отношенія, отчетъ говоритъ, что земство *тяготится* названною ему клиникой, что клиника даже тормазитъ усовершенствованіе больницы; очевидно, земство не ладитъ или не ладило съ самостоятельнымъ клиническимъ персоналомъ и желало бы отдѣлаться отъ своихъ гостей. Въ другихъ университетскихъ городахъ госпитальныя клиники помѣщаются или въ военныхъ госпиталяхъ, или въ городскихъ больницахъ *); единственный примѣръ помѣщенія клиники въ земской больницѣ въ Казани. Въ этихъ клиникахъ получаютъ образованіе врачи, идущіе на службу тому же земству, въ нихъ работаютъ безъ жалованья отъ земства профессоры и ихъ ассистенты съ понятною пользою для земскихъ больницъ, — зачѣмъ же вражда, а не миръ? Глава отчета о задачѣ госпитальной хирургической клиники, прекрасно изложенная, дышетъ такою убѣдительною и взаимною выгодѣ и пользѣ толковаго клиническаго преподаванія будущимъ земскимъ врачамъ, что охотно хочется вѣрить въ прекращеніе непонятныхъ пререканій земства съ клиникой и въ трезвый взглядъ на дѣло людей, стоящихъ нынѣ на стражѣ земскихъ и клиническихъ интересовъ, и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ казанское земство будетъ не тяготиться, а гордиться своимъ участіемъ въ образованіи для отечества полезныхъ врачей.

Второй отдѣлъ отчета занимается статистическія свѣдѣнія о дѣятельности хирургической клиники за время завѣдыванія ею профессоромъ Студенскимъ съ апрѣля 1887 г. по сентябрь 1888 г. Всѣхъ оперированныхъ больныхъ было 279 при 9,3% смертности; больныхъ, не подвергавшихся операциямъ (стаціонерныхъ), было 123 съ 7,3% смертности; приходившихъ — 6,504, сдѣлавшихъ 16,869 посѣщеній. Всѣ операции въ отчетѣ сгруппированы и каждая изъ нихъ кратко описана съ указаніемъ, кто дѣлалъ, какое показаніе, какой исходъ и осложненіе. Описаніе каждой группы операций заключается общимъ обзоромъ и критическою оцѣнкой ихъ. Отдѣлъ этотъ составленъ вполне научно и въ высшей степени поучительно для сужденія о характерѣ преподаванія въ клиникѣ. Проф. Студенскій совершенно основательно держится того взгляда на преподаваніе хирургіи въ госпитальной клиникѣ, чтобы наиболѣе знакомить слушателей съ „обыденною“ хирургіей, не гоняясь за эффектными и трудными операциями, въ то же время, давая возможность самимъ студентамъ производить нѣкоторые изъ нихъ при своемъ непосредственномъ наблюденіи. Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, матеріала для преподаванія вполне достаточно; очень жаль, что, по независящимъ отъ клиники причинамъ, слушатели не видятъ приложенія всѣхъ современныхъ требованій хирургіи, а больные, въ свою очередь по тѣмъ же причинамъ, не ощущаютъ на себѣ ихъ полезности.

*) Одесская дума предлагаетъ въ даръ университету свою больницу, лишь бы былъ открытъ медицинскій факультетъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„На досугѣ“ (бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ). Курбатовъ.—„О чумѣ рогатаго скота“. П. Могилевская и И. Братчиковъ.—„Необходимыя свѣдѣнія о томъ, какъ предохранить жизнь и здоровье домашнихъ животныхъ“. В. Пинемна.—„Руководство къ плодководству“. Н. Гоше.—„Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи“. Н. Зезюминскаго.—„Русская дендрологія“. Э.Регеля.—„Весеннія красивоцвѣтущія многолѣтнія и луковичныя растенія“. Ело же.—„Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства“.

На досугѣ. Бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ. Составилъ агрономическій смотритель Курбатовъ. Пермь, 1889 г. Цѣна 25 коп. Написать популярную книжку о вредныхъ насѣкомыхъ—дѣло очень легкое. Нельзя сказать, чтобы г. Курбатовъ вполнѣ удачно исполнилъ свою трудную задачу, и, все-таки, книжка, написанная имъ, заслуживаетъ вниманія сельскихъ грамотныхъ людей. Изъ числа недостатковъ и недосмотровъ поименуемъ нижеслѣдующіе.

Выраженіе „классъ или семья насѣкомыхъ“ (стр. 2) можетъ вызвать путаницу въ головѣ начинающаго знакомиться съ элементами классификаціи. На стр. 8 надкрылья ошибочно названы „подкрыльями“. Озимымъ червемъ вообще называется гусеница ночницы озимой, и такое названіе занесено въ приложенныя къ книжкѣ таблицы (стр. 40); въ текстѣ же ночница озимая названа ржаной, и подъ именемъ озимаго червя описана гусеница ночницы вослициательной (стр. 17). На стр. 21 помѣщено совершенно неудачное изображеніе греческой буквы гаммы. Едва ли кто согласится съ такимъ среднимъ выводомъ, будто гесенская муха въ половину меньше комнатной мухи (стр. 26). Щелкуна полосатаго, который упоминается въ таблицахъ (стр. 48), совершенно нѣтъ въ текстѣ книжки.

На стр. 13 встрѣчается не совсѣмъ удачный опытъ поддѣлки подъ народную рѣчь. Вообще же книжка написана живо, мѣстами, пожалуй, слишкомъ бойко. Не слишкомъ ли самонадѣяны слѣдующія слова автора (стр. 4): „земледѣлецъ-крестьянинъ можетъ обратиться къ мѣстному агрономическому смотрителю; послѣдній, опредѣливъ видъ насѣкомаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, укажетъ и всѣ самыя новѣйшія средства борьбы съ нимъ“? Бывало, что агрономическіе смотрители посылали изъ Смоленской губерніи насѣкомыхъ для опредѣленія въ Красноуфимскъ. Самонадѣяніе средства не всегда самыя лучшія, да и знакомиться съ новѣйшими средствами агрономическому смотрителю не всегда легко.

Въ заключеніе укажемъ еще нѣкоторое противорѣчіе между заглавіемъ *На досугѣ* и словами, помѣщенными на стр. 12: „На обязанности агрономическаго смотрителя, между прочимъ, лежитъ и распространеніе въ народѣ истинныхъ свѣдѣній о вредныхъ насѣкомыхъ и указаніе средствъ борьбы съ ними“. Обязанности отбываются не на досугѣ.

О чумѣ рогатаго скота. Составили ветеринарные врачи вятскаго губ. земства П. Могилевскій и И. Братчиковъ. Вятка, 1889 г. Брошюра написана простымъ языкомъ и вкратцѣ налагаетъ признаки чумы, способы зараженія и значеніе убиванія, какъ противочумной мѣры. Не малое значеніе, въ смыслѣ убѣдительности для мѣстныхъ жителей, должны имѣть конкретныя примѣры переноса и распространенія чумы (стр. 10—11), заимствованные изъ жизни Вятской губерніи. Не совсѣмъ основательнымъ представляется намъ изображеніе земскихъ затратъ на борьбу съ чумою, какъ чего-то исходящаго свыше (стр. 4), а не изъ тѣхъ же крестьянскихъ средствъ. Подчеркиваніе неизлечи-

мости чумы (стр. 16) может вызвать недоразумѣнія, ибо подъ неизлечимостью нѣкоторые будутъ разумѣть абсолютную смертельность. Желательно, чтобы вятское изданіе послужило примѣромъ для другихъ мѣстныхъ изданій подобнаго рода.

Необходимыя свѣдѣнія о томъ, какъ предохранять жизнь и здоровье домашнихъ животныхъ. Сост. В. Пинегинъ. Вятка, 1889 г. Авторъ, повидимому, руководился благими намереніями, составляя свою брошюру по зоогигиенѣ, но написана брошюра небрежно, начиная съ заглавія. *Предохраненіе жизни* въ заглавіи тѣмъ болѣе странно, что на первой же страницѣ предисловія встрѣчается правильное выраженіе „предохраненіе животныхъ“. Температура на стр. 1 упоминается какъ нѣчто отдѣльное отъ погоды. На стр. 4 рекомендуется давать „сухой кормъ въ такой смѣси, чтобы питательность его во всей массѣ корма была не менѣе 15%“; что это можетъ значить? На стр. 32 приведено такое содержательное научное положеніе: „вполнѣ установлено, что зарава въ высшей степени ядовита“.

Несмотря на эти и подобные имъ промахи, приходится, кажется, на безрыбьи нашей популярно-ветеринарной литературы, отнести и книжку г. Пинегина къ положительнымъ явленіямъ.

Руководство къ плодоводству для практиковъ. Николая Гоше. Переведъ съ нѣмецкаго, съ измѣненіями и дополненіями относительно Россіи. Выпускъ I. Изданіе Девриена. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. Руководство Гоше, еще не оконченное изданіемъ въ подлинникѣ, заслужило уже себѣ лестные отзывы иностранной спеціальной литературы. Русский переводъ долженъ составить большую книгу (до 70 печатныхъ листовъ), на которую принимается подписка и которая будетъ выходить отдѣльно продающимися выпусками. Въ переработкѣ и дополненіяхъ русскаго изданія примѣнительно къ нуждамъ отечественнаго плодоводства общіяца приняты участіе болѣе 20 спеціалистовъ, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ почтенныя имена Р. И. Шредера, М. Н. Раевского, Э. К. Клаусена, М. В. Ростова и др.; общая редакція перевода и дополненій принадлежитъ проф. Рудзкому. Вступительный краткій очеркъ современнаго положенія садоводства въ Россіи составленъ исключительно по матеріаламъ, опубликованнымъ департаментомъ земледѣлія. Кромѣ этого очерка, въ первомъ выпускѣ русскаго изданія помѣщены первый отдѣлъ сочиненія—„Плодовый питомникъ“ и второй отдѣлъ—„О размноженіи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ“. Русское изданіе изящно; рисунки выполнены недурно.

Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Н. Зезюлинскаго. Вып. I. Спб., 1889 г. Цѣна 2 руб. Книга г. Зезюлинскаго едва ли удовлетворитъ человѣка, интересующагося историческими судьбами русскаго сельскаго хозяйства. Болѣе половины перваго выпуска составляютъ совершенно сырыя приложенія, въ томъ числѣ преимущественно списки русскихъ конюховъ. Выводами книга очень не богата; главные выводы заключаются въ томъ, что коннозаводство въ Россіи существовало и до Петра Великаго, но лишь въ формѣ Государева коннозаводства, и что коннозаводство государственное развилось въ послѣдствіи изъ Государева.

По цѣнѣ первый выпускъ (менѣе 12 печатныхъ листовъ) слѣдуетъ назвать дорогимъ.

Русская дендрологія. Сочиненіе Э. Регеля. Изданіе второе. Вып. II. Изданіе Риккера. Спб., 1889 г.—Весеннія красивоцвѣтушія многолѣтнія и луковичныя растенія. Съ 91 политипажемъ. Изд. Рик-

кера. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. Въ послѣднее время фирма Риккера сразу издала нѣсколько произведеній маститаго петербургскаго садовода-писателя (о пловодствѣ мы уже говорили). Во второмъ выпускѣ дендрологій помѣщены сухія и краткія свѣдѣнія по культурѣ съ довольно подробными ботаническими описаніями двѣнадцати семействъ древесныхъ и кустарныхъ растений (березовыхъ, ивовыхъ, вязовыхъ, орѣховыхъ и др.); описанія снабжены многочисленными рисунками.

Вторая брошюра представитъ несомнѣнный интересъ для любителей-цвѣтоводовъ; жаль, что рисунки въ ней имѣютъ спутанную нумерацію.

Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства, №№ 1—12 (1 января—15 июня). Москва. Редакторъ—издатель И. П. Петровъ. *Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства* сталъ издаваться съ 1 сентября 1888 года. Въ восьми пробныхъ книжкахъ прошлаго года было помѣщено уже не мало интереснаго матеріала по техникумъ и экономикѣ сельскаго хозяйства въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества. Въ нынѣшнемъ году матеріалъ еще разнообразнѣе. Каждая книжка журнала состоитъ изъ шести отдѣловъ: оригинальныхъ статей, сельско-хозяйственной корреспонденціи, хроники, обзорѣнія литературы, вопросовъ и отвѣтовъ и, наконецъ, торговыхъ извѣстій. Оригинальныя статьи касаются самыхъ разнообразныхъ отраслей сельскаго хозяйства. По техникумъ земледѣлія имѣются, между прочимъ, статьи: проф. Шишкина (опыты удобренія подъ ленъ), гг. Шиловскаго (о конскихъ бобахъ), Сидорскаго (о бѣлой горчицѣ), Шумкова (о клещевинѣ), Слезкина (о кавказскомъ хлопководствѣ), Тарумова (о букаряхъ) и др. По вреднымъ насѣкомымъ имѣются статьи проф. Линдемана (о филлоксерѣ). Молочному хозяйству посвящены многія статьи, между прочимъ, большія статьи гг. Косарева (о сепараторахъ) и Карпенкова (о молочномъ хозяйствѣ въ Даніи). По содержанію рогатаго скота имѣются сообщенія гг. Арифельда, Мушинскаго и др., по овцеводству статья проф. Чирвинскаго, по свиноводству г. Сатина, по птицеводству интересные статьи специалистовъ гг. Авозина и Елагина. Три статьи касаются моднаго вопроса о вліяніи электричества на культурныя растения; редакторъ лично производилъ опыты надъ вліяніемъ электричества, и результаты этихъ опытовъ далеко не оправдываютъ восторженнаго отношенія къ новому культурному приему. Интересно написаны заграничныя корреспонденціи г. Арифельда (о дублинской выставкѣ и о коневодствѣ въ Бельгіи). Противъ маргарина горячо возсталъ извѣстный молочный торговецъ г. Бландовъ (№ 6). Н. В. Верещагинъ принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ редакціи и помѣщаетъ въ журналѣ довольно много замѣтокъ. По общимъ вопросамъ сельскаго хозяйства въ журналѣ тоже встрѣчаются статьи, напр., г. Неручева (о выставкахъ), г. Максимова (о страхованіи) и др.

Въ списокѣ сотрудниковъ обращаетъ на себя вниманіе обиліе агрономовъ. Желательно, чтобъ редакція воспользовалась такимъ составомъ сотрудниковъ для того, чтобы постепенно знакомить публику съ задачами и значеніемъ агрономіи. Надо сознаться, что до сихъ поръ агрономія для многихъ практическихъ хозяевъ является какимъ-то сфинксомъ, вызывающимъ несбыточныя надежды или пренебрежительное отношеніе; нынѣ ждутъ отъ науки умнѣя обращать копылки въ рубли, другіе считаютъ всякую науку пустымъ краснорѣчивіемъ.

Двухнедѣльный срокъ выхода книжекъ едва ли продержится долго. Мы высказались бы за обращеніе журнала въ ежемѣсячный, но, кажется,

обиліе мелкаго текущаго матеріала заставитъ редактора обратиться къ еженедѣльной формѣ.

Органъ г. Петрова представляетъ пріятное отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ частныхъ сельско-хозяйственныхъ изданій: незамѣтно шарлатанства, арлекинства и зазывательнаго рекламирующаго тона.

Замѣтно сказавшееся въ послѣднее время расширеніе круга читателей сельско-хозяйственной литературы позволяетъ надѣяться, что *Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства* постепенно будетъ оцѣненъ публикою; со стороны редакціи требуется, во всякомъ случаѣ, внимательная и систематическая работа надъ веденіемъ журнала въ принятомъ направленіи.

ВОЕННОЕ ДѢЛО.

„О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“. Н. Бутовскаго.— „Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ“. С. Миропольскаго.

О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата. (Практическія замѣтки командира роты). Сочиненіе Ник. Бутовскаго. Томъ II. Второй томъ сочиненія г. Бутовскаго составляетъ весьма интересное продолженіе „замѣтокъ“, появившихся года два назадъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ немъ, какъ и въ предыдущемъ томѣ, авторъ критически оцѣниваетъ условія, въ которыя поставлено воспитаніе и обученіе современнаго солдата, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомитъ читателя съ нѣкоторыми приемами солдатскаго обученія, принятыми въ войскахъ и заслуживающими, по его мнѣнію, особаго вниманія военной педагогіи.

Говоря объ этихъ приемахъ, авторъ горячо возстаетъ противъ насилуванія солдатской природы, особенно въ первое время по прибытіи новобранца въ совершенно чуждую ему казарменную обстановку. Это насилуваніе онъ видитъ какъ въ нелѣпой системѣ „запугиванія“ (дядька Терентьевъ), такъ и въ механическомъ заучиваніи новобранцевъ, подъ руководствомъ малоразвитаго дядьки, устныхъ свѣдѣній, требующихъ, прежде всего, сознательнаго пониманія. Такая система обученія, въ связи съ тоской по родинѣ, гнетущей молодого солдата особенно въ первые мѣсяцы по поступленіи на службу, весьма вредно на немъ отзывается, повергая его въ состояніе апатіи и „общаго ослабленія“, и благо, если опытный и проницательный ротный командиръ съумѣетъ во время замѣтить нравственную болѣзнь новобранца и поддержитъ его слабѣющій духъ соответственными мѣрами, какъ-то: личнымъ къ нему участіемъ, выборомъ толковаго учителя, которому новобранецъ поручается, увольненіемъ иногда отъ занятій и т. п.; въ противномъ случаѣ, молодой солдатъ, чувствуя „общую слабость“, которую и самъ объяснить не можетъ, сначала бесполезно скитается по лазаретамъ и госпиталямъ, а позднѣе зачастую оказывается и совсѣмъ непригоднымъ къ военной службѣ.

Справедливость сдѣланныхъ замѣчаній авторъ доказываетъ рядомъ характерныхъ сценъ обученія новобранца строевымъ упражненіямъ и „словесности“ подъ руководствомъ дядьки Терентьева, свидѣтельствующихъ о полной непригодности, въ смыслѣ педагогическомъ, тѣхъ приемовъ, къ коимъ Терентьевъ прибѣгаетъ по своему неразвитію и которые въ конечномъ результатѣ, кромѣ вреда для здоровья новобранца, ничего принести не могутъ.

Въ статьѣ *Духовныя бесѣды въ войскахъ* авторъ касается весьма важнаго вопроса о нравственномъ вліяніи, которое могли бы имѣть на солдатъ полковые священники, и сожалѣетъ о томъ, что священники въ войскахъ поставлены къ низшимъ чинамъ въ отношенія исключительно официальные, сдерживающія проявленія той задушевности и сердечности, въ которыхъ крестьянинъ-солдатъ могъ бы находить нравственную поддержку въ теченіе своей службы.

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе автора о значеніи священниковъ въ войскахъ, скажемъ только, что причины, приводимыя имъ въ объясненіе отчужденности солдатъ отъ своего духовника, не могутъ касаться войскъ, расположенныхъ въ провинціи, гдѣ сближенію священника съ солдатами гораздо меньше препятствій, чѣмъ въ столицахъ, а потому приходится искать иныхъ, болѣе общихъ причинъ замѣченной отчужденности въ отношеніяхъ войсковаго духовенства къ своей паствѣ. Увлеченіе исключительными условіями, въ которыхъ находятся столичные войска, и недостаточное знакомство съ бытомъ войскъ, живущихъ въ провинціи, къ слову сказать, нерѣдко проглядываютъ въ разныхъ мѣстахъ „замѣтокъ“ г. Бутовскаго, что, къ сожалѣнію, вредитъ цѣльности представленія о жизни нашей арміи, независимо отъ условій мѣстныхъ.

Намъ остается еще указать на справедливыя замѣчанія автора о пользѣ „вольныхъ работъ“, которыя, не нарушая ни въ чемъ воинской дисциплины, въ то же время, даютъ солдату матеріально для него выгодное занятіе и составляютъ лучшій видъ отдыха послѣ тяжелой лагерной службы, такъ какъ физическій трудъ на открытомъ воздухѣ, къ которому крестьянинъ привыкъ съ дѣтства, можетъ быть для него весьма полезенъ въ гигиеническомъ отношеніи. Правиламъ гигиены авторъ справедливо придаетъ особенное значеніе въ солдатскомъ быту: едва ли гдѣ - нибудь соблюденіе этихъ правилъ является столь необходимымъ, какъ, напримѣръ, при скученномъ размѣщеніи солдатъ въ казармахъ.

Скажемъ въ заключеніе, что II томъ сочиненія г. Бутовскаго, свѣдѣтельствуя о правильномъ пониманіи авторомъ задачъ военнаго воспитанія, проникнуть, вмѣстѣ съ тѣмъ, искреннею любовью къ солдату и сердечнымъ вниманіемъ ко всѣмъ его нуждамъ, что мы имѣли уже случай замѣтить по отношенію къ I-му тому.

Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ и наставленіе для обучающихся по „Учебнику грамоты для молодыхъ солдатъ“. По распоряженію военнаго министра и по указаніямъ комиссіи Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній составлены С. Миропольскимъ. Изданіе второе Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1889 г. Цѣна 15 к. + 15 к. *Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ* вмѣстѣ съ *Наставленіемъ для обучающихся* вышли вторымъ изданіемъ. Первая книжка заключаетъ въ себѣ обученіе чтенію и письму, сборникъ статей для упражненія въ чтеніи, обученіе церковно-славянской грамотѣ и обученіе счету, вторая—главныя указанія на приемы преподаванія такимъ учащимся, каковы молодые солдаты. Авторъ книжекъ, г. Миропольскій, болѣе всего заботится о постепенности въ преподаваніи и потому всячески совѣтуетъ не торопиться. Что касается разныхъ упражненій, то они довольно цѣлесообразны; многія статьи для чтенія содержатъ рассказы изъ солдатскаго быта. Вообще и *Учебникъ*, и *Наставленіе* составлены съ знаніемъ дѣла.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ“. О. Е. Сковорова. — „Учебникъ русскаго языка“. В. Костецкаго. — „Между добрыми и злыми“. Ч. Диктен-са. — „Зимніе вечера“. С. Макаровой. — „Дѣти“. Г. Генцеля.

Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсы I и II года. Составила учительница О. Е. Сковорова. Москва, 1889 г. Цѣна 40 коп. „Ужь сколько разъ твердили міру“, что во фразахъ неинтересныхъ и мало понятныхъ для учениковъ, а тѣмъ болѣе вовсе лишенныхъ смысла нѣтъ спасенія при диктантѣ. Г-жа Сковорова, повидимому, и раздѣляетъ такое мнѣніе, такъ какъ ранѣе многого другаго заговариваетъ именно о немъ (см. предисл., стр. VIII: „Содержаніе фразъ“); между тѣмъ, ея *Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ* полонъ мало интересныхъ для учениковъ и бессодержательныхъ фразъ. Каждая страница довольно краснорѣчива въ этомъ отношеніи; отрываемъ страницу 10-ю и читаемъ здѣсь фразу: „Мы работали весь іюнь“ — и рядомъ съ ней другую: „Братъ позовалъ Юлію“. Несомнѣнно, что каждое слово въ приведенныхъ фразахъ понятно и ученикамъ, и ученицамъ, понятны и цѣлыя фразы; но, спрашивается, что интереснаго для пишущихъ диктантъ въ томъ, что кто-то такое, кто называетъ себя „мы“, весь іюнь проработалъ, а братъ позовалъ Юлію? Что доказываетъ работа въ теченіе всего іюня, какая это была работа, съ какою цѣлью она предпринималась, ничего этого неизвѣстно, какъ неизвѣстно, зачѣмъ понадобилось чьему-то брату позвать какую-то Юлію. Стоять эти фразы рядомъ, словно затѣмъ, чтобы сразу обнаружилась ихъ одинаковая пустота: обѣ онѣ явятся именно пустыми звуками для пишущихъ диктантъ. Г-жа Сковорова возстаетъ противъ пословицъ, такъ какъ „большинство ихъ требуетъ объясненія, что неумѣстно на урокъ диктанта“ (предисл., стр. VIII); между тѣмъ, пословицы всегда содержательны, что же касается неумѣстности объясненія ихъ на урокъ диктанта. то ее, вѣдь, еще нужно доказать. Неумѣстность вообще понятіе очень условное. Кажется, напримѣръ, г-жѣ Сковоровой умѣстнымъ и даже необходимымъ, чтобы всякое маломальски сложное грамматическое правило расчленялось на нѣсколько частей (см. предисл., стр. X и слѣд.); но та же г-жа Сковорова, вѣроятно, прекрасно знаетъ, что все познается путемъ сравненія, и, поэтому, чѣмъ болѣе аналогій и параллелей, тѣмъ успѣшнѣе усвоеніе. Впрочемъ, г-жа Сковорова, вѣроятно, и сама плохо вѣритъ своей проповѣди о расчлененіи, если оговариваетъ это расчлененіе условіемъ, „чтобы диктантъ въ теченіе перваго года производился ежедневно“ (предисл., стр. XII). Еще бы! — при ежедневномъ диктантѣ съ какими угодно приемами многого можно достигнуть. Во всякомъ случаѣ, *Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ* едва ли можно считать цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу учебниковъ и пособій.

Учебникъ русскаго языка. Часть I. Этимологія. Для I и II кл. духовныхъ училищъ, а также для низшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ преподаватель русскаго языка В. Костецкій. Кіевъ, 1889 г. Цѣна 40 коп. съ перес. Этимологія г. Костецкаго не отличается никакими достоинствами. Впрочемъ, она не для достоинствъ и написана. Авторъ задался цѣлью дать отвѣты на всѣ вопросы „программы русскаго языка для духовныхъ училищъ“, и потому подробное изученіе положенныхъ программой отдѣловъ этимологіи (см. предисл.) стоятъ у него на первомъ планѣ. Бу-

лучи довольно полною, этимологія не представляетъ изъ себя никакихъ попытокъ къ новому и болѣе удачному истолкованію правилъ, къ новымъ приемамъ усвоенія: она повторяетъ старое вмѣстѣ со всеми ошибками и недостатками этого стараго. Ради той же полноты, къ учебнику „приложено небольшое количество готовыхъ примѣровъ для устнаго и письменнаго разбора“ (см. предисл.), и въ этихъ примѣрахъ не вездѣ сохраненъ надлежащій смыслъ. Примѣры, вродѣ: „никогда не гулай, если тебѣ некогда“ (стр. 98), раскиданы по всей книгѣ. Г. Костецкій по временамъ и вольнодумничаетъ. Такъ, заявивъ въ предисловіи, что „при составленіи настоящаго Учебника главнымъ основаніемъ и руководствомъ служилъ трудъ академика Я. К. Грота *Русское правописание*, онъ на стр. 52-ой заявляетъ, что прилагательныя на *ой* съ удареніемъ *могутъ* оканчиваться на *ою*, тогда какъ Я. К. Гротъ окончаніе *ою* для прилагательныхъ на *ой* считаетъ необходимымъ. Точно также превосходная степень, по мнѣнію г. Костецкаго, образуется прибавленіемъ къ сравнительной степени выдуманной имъ приставки *най* (стр. 46), и это онъ подтверждаетъ какимъ-то обрывкомъ предложенья, вмѣсто цѣлаго предложенья: „*Наилучшій* способъ достигнуть *наибольшаго* счастья“ (стр. 54). Чтобы закончить съ отзывомъ о грамматикѣ г. Костецкаго, необходимо еще сказать, что его отдѣленіе духовныхъ училищъ отъ другихъ средне-учебныхъ заведеній, вѣроятно, искусственно, если онъ самъ счелъ возможнымъ прибавить на обложкѣ: *а также для низшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій*. Въ этомъ прибавленіи, на нашъ взглядъ, заключается разгадка появленія на свѣтъ учебника г. Костецкаго. Разсчитывая, главнымъ образомъ, на распространеніе своего учебника въ духовныхъ училищахъ, составитель много говоритъ о важности удовлетворенія требованіямъ этихъ училищъ, но тутъ же упоминаетъ ксати, что и гимназій могутъ пользоваться его учебникомъ. Смыслъ всего этого ясенъ: г. Костецкому нужно, чтобы книжка его расходилась.

Между добрыми и злыми. Приключенія одного мальчика. Изъ Оливаръ (?) Твиста. Ч. Диккенса. Съ хромолитографическими картинками. Изданіе П. П. Щеглова. М., 1888 г. Ц. 80 к. Это — нѣчто невозможное, трудно вообразимое и достаточно позорное. *Оливеръ Твистъ* Диккенса подвергся такому искаженію, до какого рѣдко еще дописывались наши литературные закройщики и перекройщики. Взять англійскій романъ, обрѣзанъ съ разныхъ концовъ, англійскія имена и фамиліи замѣнены русскими, и, все-таки, русскаго ничего въ книгѣ не оказывается. Для примѣра приведемъ сцену суда:

Привели Сироткина въ полицію и ввели въ обширную комнату, гдѣ засѣдалъ чело-вѣкъ невысокаго роста съ малымъ количествомъ волосъ, которые онъ зачесывалъ съ боковъ и свадилъ на лобъ. Лицо его было сераго и красно. На одномъ концѣ этой комнаты стоялъ старшій господинъ, а въ другомъ здоровый полицейскій держалъ за руку еде столѣшаго и дрожащаго отъ страха Сироткина. Судья въ этотъ день былъ не въ духѣ и рѣзко спросилъ, обращаясь къ старому господину:

— Ваше имя?

Тотъ подалъ свою карточку.

— Полицейскій! — съ нетерпѣніемъ закричалъ судья, — спроси этого господина, какъ его звать?

— Моя фамилія, сударь, написана на карточкѣ.

Судья промолчалъ.

— Въ чемъ обвиняете вы этого мальчишку?

— Мнѣ кажется, что онъ втащилъ у меня платокъ, когда я стоялъ у книжной лавки.

— Вамъ кажется! — ѣдко замѣтилъ судья. — Чего же вы хотите?

— Я ничего не желаю, кромѣ освобожденія этого мальчишка.

— Такъ за этимъ вы вздумали меня беспокоить, милостивый государь?

- Я не желаю жаловаться: полицейскій самъ привелъ сюда мальчуга.
 — Поди сюда, мальчуга,—закричалъ судья.— Какъ тебя зовутъ?
 Сироткинъ былъ такъ напуганъ, что не могъ ничего отвѣчать. Изъ его рта текла кровь и капала на полъ.
 — Чѣмъ приважете кончить дѣло?—громко спросилъ писарь.
 — На три мѣсяца въ тяжелую работу!—отвѣчалъ судья.— Уберите этого негодяя.
 Полицейскіе хотѣли уже увести упавшаго безъ чувствъ мальчуга, какъ дверь отперлась и вбѣжалъ чисто одѣтый старичокъ въ длинномъ сюртугѣ, какіе носятъ лавочники.
 — Остановитесь!—кричалъ онъ.— Господинъ судья! этотъ мальчугъ невиненъ. Я былъ въ лавкѣ и видѣлъ, какъ двое другихъ втащали платокъ у господина.
 — Что-жъ вы раньше не пришли?—закричалъ судья.
 — Я остался одинъ въ лавкѣ и только черезъ десять минутъ могъ оставить ее,—отвѣчалъ тотъ.
 — Уходите всѣ!—закричалъ судья.— Судъ конченъ! Мальчугъ свободенъ.

Такова сцена изъ передѣланнаго на русскіе нравы Оливера Твиста. Судья, *засѣдающій въ полиціи, ругающій подсудимаго негодяемъ, приговаривающій его за кражу на три мѣсяца въ тяжелую работу, отмѣняющій* только что постановленное имъ *рѣшеніе, писарь, кончающій дѣло,* допросъ свидѣтеля *послѣ произнесенія приговора...* есть ли тутъ хоть одна чуточка изъ русской жизни? Такова и вся выписка неизвѣстнаго перекройщика, не посмѣвшаго открыть свою фамилію, по всей вѣроятности, отъ стыда. Спасибо хоть и за это.

Зимніе вечера. Разказы для малелькихъ дѣтей. С. Макаровой. Изданіе Ф. Х. Битецажа. Спб., 1888 г. Ц. 1 руб. Г-нъ Битецажъ могъ бы и не возобновлять вторымъ изданіемъ разказовъ покойной С. М. Макаровой. Дѣтская литература пережила уже время голаго морализированія и безсодержательной болтовни: благодаря книгамъ гг. Засодимскаго, Вагнера, Авенариуса, Незванова, Смирнова А. и Смирнова Ил., г-жъ Желиховской, Анненской, въ дѣтскую литературу пролита новая струя мысли и жизненныхъ картинъ, изъ которыхъ мораль должна вытекать сама собою, безъ всякаго подчеркиванія. А у дѣтскихъ писателей старой школы (Ишимовой, Макаровой, Ростовской) вся суть и состоитъ въ морализированіи и тенденціозномъ изображеніи дѣтей порочныхъ и добродѣтельныхъ. Рядъ маленькихъ разказовъ, составляющихъ книжку *Зимніе вечера*, какъ нельзя лучше доказываетъ это. Тутъ что ни страничка, то непременно описывается какой-нибудь случай, въ которому легко можно подобрать эпитафій изъ басенъ, т.-е. опять-таки изъ учительнаго рода поэзіи. Дѣвочка пролила чернила; другая на нее за это рассердилась и осуждаетъ ее, а сама, взявъ въ руку чернильницу, оступилась и также пролила чернила себѣ на платье и на передникъ. „И дѣло: впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!“ Сестры жалуются на брата, что онъ ихъ все дразнитъ, называя собачьей кличкой—Мимишками, мать объясняетъ имъ, что если онѣ выучатся читать, то онъ ужъ не станетъ такъ называть, и вотъ онѣ, чтобы не быть похожими на собаку (!), начинаютъ учиться читать, а на нападки брата не обращаютъ вниманія. „А ты себѣ своей дорогою ступай: полаютъ, да отстанутъ“. Въ такомъ родѣ почти всѣ разказы покойной Макаровой: къ каждому разказу обязательно пристегнуто какое-нибудь поученіе, въ которомъ и состоитъ все содержаніе разказа. Если же поученія въ немъ нѣтъ, то нѣтъ и содержанія никакого. Напр., въ *Утяткахъ* описывается, какъ утка со своими дѣтенышами разгуливаетъ по луку; вдругъ, откуда ни возьмись, богатырь на конѣ скачетъ, саблей машетъ: утка и утята попрыгались, а богатырь летитъ, громкимъ голосомъ кричитъ: „ѣду, ѣду—не свищу, а найду—не слушаю“. И точка, и разказу конецъ... При чемъ тутъ утята,

при чемъ тутъ богатырь? — неизвѣстно. Гдѣ содержаніе разсказа? — также неизвѣстно. Лучше бы, право, г. Битепажъ, чѣмъ возобновлять такія пустыя книжонки, занялся бы изданіемъ дѣльныхъ книгъ для дѣтей.

Дѣти. Германа Генкеля. Спб., 1889 г. Ц. 30 коп. Свою маленькую книжечку г. Генкель считаетъ очень содержательною и хочетъ ею убѣдить всѣхъ, кто не любитъ дѣтей, что ихъ любить слѣдуетъ. Эту Америку онъ открываетъ посредствомъ крошечныхъ и пустынькихъ разсказцевъ, наивныхъ до смѣшного и слащавыхъ до приторности, такъ что, пробѣжавъ его брошюрку, хочется спросить его устами одного изъ щедринскихъ персонажей: „И кого вы, г. Генкель, этими благоглупостями хотите благоудивить?“

КАЛЕНДАРИ.

„Календарь Сѣверо-Западнаго края“ на 1889 г.

Календарь Сѣверо-Западнаго края. Москва, 1889 г. Научно-литературный отдѣлъ. Въ послѣднее время въ провинціи установился очень симпатичный обычай прибавлять къ календарямъ отдѣлы, посвященный разработкѣ мѣстной, прошлой и настоящей жизни; нѣкоторыя изъ такихъ статей имѣютъ иногда и обще-научное значеніе *).

Въ научномъ отдѣлѣ *Кал. Сѣв.-Зап. края* на этотъ годъ помѣщено нѣсколько статей, обращающихъ на себя вниманіе своею дѣятельностью и популярностью. *Владимиръ Святый и его время* — одинъ изъ лучшихъ популярныхъ очерковъ, вызванныхъ 900-лѣтіемъ крещенія Руси, которые намъ приходилось читать. Написанъ онъ безъ всякихъ претензій: авторъ воспользовался всѣмъ, что ему могла дать современная русская историческая наука; изложеніе его живо, толково и систематично.

Г. Запольскій (редакторъ календаря) помѣстилъ замѣтку объ особенностяхъ бѣлорускаго нарѣчія, написанную на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу гг. Карскаго, Недешева, Соболевскаго и т. д., и историко-литературное изслѣдованіе о *Гапонѣ* (повѣсти въ стихахъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи) Дунина-Марцинкевича, напечатанномъ въ Минскѣ въ 1855 г.

Гг. Филончикову и Запольскому принадлежатъ статьи по географіи и статистикѣ Бѣлоруссіи: *Географ. и статист. обзоръ Рѣчицкаго у., Минск. г., и Краткій географическій очеркъ древней Бѣлоруссіи*.

Изъ историческихъ статей отмѣтимъ: *Институтъ церковнао суда въ Смоленскомъ княжествѣ въ XII в.* Въ концѣ помѣщено нѣсколько бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ и *Пасхи въ Бѣлоруссіи*, этнографическій очеркъ (приведены любопытныя пѣсни такъ называемыхъ „кукольниковъ“).

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Вѣстникъ Европы“, июль.

Вѣстникъ Европы, июль. Главный интересъ настоящей книги *Вѣстника Европы* представляетъ, безъ сомнѣнія, все то, что посвя-

*) Кстати отмѣтимъ въ *Сѣверо-Западномъ календарѣ* (Минскъ, 1888 г., стр. 126—136) не безынтересную для историковъ замѣтку г. Слунскаго о городахъ Иаиславль и Туровѣ.

щено въ ней памяти Салтыкова-Щедрина. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе читателя траурная страница: это начало новаго труда Салтыкова *Забитыя слова*; это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣдняя страница, написанная рукою великаго писателя. Какъ уже извѣстно со словъ близкихъ къ Салтыкову лицъ, новый творческій замыселъ, который созрѣлъ въ головѣ покойнаго писателя незадолго передъ его кончиной, имѣлъ главною темою тѣ *Забитыя слова*—честь, совѣсть, отечество, человѣчество и друг., о которыхъ онъ считалъ необходимымъ „напомнить“ нашему безшабашно-забывчивому времени. Кромѣ того, въ редакціонной замѣткѣ *Вѣстника Европы*, комментирующей „послѣднюю страницу“ Щедрина, на основаніи нѣкоторыхъ намековъ покойнаго, высказывается предположеніе, что произведеніе *Забитыя слова* должно было служить какъ бы литературнымъ „завѣщаніемъ“, которое Салтыковъ считалъ себя вправѣ и даже обязаннымъ написать въ концѣ своей многотрудной и многоопытной жизни. Мы видимъ, Щедринъ и тутъ остался вѣренъ себѣ и своему долгу писателя, какимъ онъ понималъ его. И на краю могилы, обуреваемый мучительною предсмертною тоскою, онъ думалъ только о живомъ; несмотря на всѣ испытанія судьбы и личное страданіе, онъ памятовалъ самъ и русскому обществу хотѣлось „завѣщать“ память о лучшихъ общественныхъ традиціяхъ, о благороднѣйшихъ, возвышенныхъ чувствахъ и понятіяхъ, которыя только и даютъ жизни человѣческой смыслъ. Содержаніе такого завѣщанія писателя-гражданина должно было быть въ высшей степени замѣчательно... и вотъ намъ осталась отъ него всего одна недописанная страница, служащая введеніемъ къ задуманному труду о *Забитыхъ словахъ*. Не только по своему печальному смыслу, какъ *послѣдняя* страница любимаго автора, окаймленная траурною чертою, но и по своему содержанію она производитъ на читателя потрясающее впечатлѣніе. По обыкновенію, чрезвычайно сжато и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ поразительною силой и образностью изображаетъ здѣсь великій художникъ то мучительное настроеніе, въ которомъ находился въ послѣднее время, когда слабѣющая рука его чертила эти послѣднія строки:

„Мнѣ чудилось (не то во снѣ, не то на-яву),—нищеть Щедринъ,— что невидимая, но влажная рука обвила меня и неудержимо улекаетъ въ зияющую пустоту. Я сознаю себя безпомощнымъ и даже не пытаюсь сопротивляться загадочной силѣ, словно нѣчто роковое ждетъ меня впереди. И чѣмъ глубже я погружаюсь въ необъятную даль, тѣмъ унылѣе становятся перспективы, тѣмъ быстрѣе свѣтъ смѣняется сумерками, тѣмъ рѣшительнѣе потухаетъ вселенская жизнь подъ игомъ всеобщаго омертвѣнія.

„Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ вѣшаютъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски. Удручаютъ сѣрые тоны, но еще болѣе удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели. И чѣмъ больше я углубляюсь въ это оголѣлое царство, тѣмъ болѣе всѣмъ существомъ овладѣваетъ оторопь и сознаніе отупѣлой безнадежности, въ которой все кругомъ застыло и онѣмѣло. Ощущеніе оскуднѣнія постепенно заползаетъ во все существо, и я начинаю чувствовать, что недалеко тотъ моментъ, когда и внутри меня все омертвѣетъ“.

Далѣе описывается огромное заброшенное кладбище, съ повалив-

шимися памятниками и оградой, съ полуразрушеннымъ храмомъ, съ разбитымъ колоколомъ, лежащимъ у подножія его...

Вотъ и все... Набросавъ эту замѣчательную, мрачно-великолѣпную картину, рука великаго писателя остановилась навсегда... Кажется, никогда еще на одной страницѣ, въ нѣсколькихъ строчкахъ не сосредоточивалось столько глубокой скорби, столько необъятной тоски! Въ этихъ послѣднихъ строкахъ очевидны слѣды предчувствія близкой смерти, угасанія личнаго я автора. Но не одно только это чувствуется въ нихъ. Сильная и чистая душа Салтыкова не могла такъ содрогаться въ преддверіи личной смерти. Здѣсь ощущеніе собственнаго неотвратимаго физическаго угасанія служитъ какъ бы прообразомъ пониженія дѣятельности духа, творящаго жизнь на землѣ; оно расплывается въ болѣе общемъ ощущеніи угасанія „вселенской жизни“. Это та минута, когда въ душу писателя закрадывается ужасная боязнь наступленія царства безмолвія, оскуднѣнія и забвенія, — забвенія даже родителейскихъ могилъ. Дѣйствительно, для такихъ людей, какъ Салтыковъ, житейскія впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ должны были быть особенно тягостны; они могли навѣвать на его измученную долгимъ ожиданіемъ свѣта душу мрачныя предчувствія и „отупѣлую безнадежность“. Фанатически преданный завѣтамъ молодости, Салтыковъ никогда не забывалъ ихъ, не забывалъ и тѣхъ впечатлѣній зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни, когда нѣкоторые идейныя стремленія изъ области теоріи и мечты начали переходить въ жизнь, когда общій строй мыслей и чувствъ новылся, и казалось, что сумерки навсегда уступаютъ мѣсто полному дневному свѣту. Но это было „лишь кратковременное маревъ, которое немедленно смѣнялось самою суровою дѣйствительностью“, какъ говорилъ самъ Щедринъ въ одномъ изъ своихъ произведеній: „Свѣтъ сталъ снова смѣняться „сѣрыми сумерками“, и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе, общія перспективы европейской жизни, полной вражды и вопіющихъ противорѣчій, стали съ тѣхъ поръ несомнѣнно „унылѣ“, многія надежды не сбылись, многія слова забылись и смѣнились другими лозунгами, вродѣ „крови и желѣза!“...

Замѣчательно, что въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Салтыкова, — въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ 40-хъ гг., — мы, прежде всего, встрѣчаемъ тотъ же скорбный мотивъ, ту же безысходную печаль, которую запечатлѣна и его послѣдняя страница — *Забытыя слова*. Отчасти это объясняется, конечно, сходствомъ нѣкоторыхъ „унылыхъ перспективъ“; но корень такого отношенія къ дѣйствительности кроется глубоко, — въ самомъ душевномъ складѣ покойнаго сатирика. Еще въ стихотвореніи *Нашъ вѣкъ*, написанномъ въ 1844 г., юноша Салтыковъ говоритъ, что грезы его „какой-то тайной грустію полны, и шутка какъ-то сказана сквозь слезы“. Слова эти могутъ быть прижѣнены ко всему творчеству Салтыкова, въ которомъ несомнѣнно постоянное присутствіе указаннаго скорбнаго мотива. Если вдуматься въ смыслъ произведеній Щедрина, прочувствовать основной тонъ его „шутокъ“, если вспомнить въ особенности тѣ полныя грусти лирическія мѣста, которыя въ изобилии разбросаны по всѣмъ его сочиненіямъ, заканчиваясь мрачнымъ заключительнымъ аккордомъ *Забытыхъ словъ*, то въ лицѣ знаменитаго сатирика передъ нами предстанетъ возвышенный типъ русскаго скорбящаго человѣка. Природа одарила его могущественнымъ орудіемъ смѣха, замѣчательнымъ художественнымъ остроуміемъ, и, тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ нашихъ писателей, не исключая Некрасова и Гаршина, Салтыковъ особенно выдѣляется какъ писатель „тайной грусти“, выдѣляется

по той несказанной душевной боли, которая, вопреки наружному смѣху, проникает все его творчество и слышится даже въ самыхъ, повидному, невинныхъ или „смѣшныхъ“ его вещахъ. Не всякому только, конечно, передается эта тайная грусть и, можетъ быть, для нѣкоторыхъ Салтыковъ еще надолго останется писателемъ по преимуществу „веселымъ“.

Постоянство этой печали и сила ея вызывались, безъ сомнѣнія, тою громадною силой убѣжденія, съ какою Салтыковъ исповѣдывалъ свои идеалы: только тотъ, кто непрестанно рвется къ правдѣ-справедливости и не хочетъ знать компромиссовъ, чьи идеалы остаются непоколебимо высоки,—только тотъ можетъ такъ глубоко печалиться объ отсутствіи ихъ въ жизни, такъ страстно гнѣваться на всякую ложь, обманъ и призракъ, какъ гнѣвался на нихъ Щедринъ. Въ немъ жило то страшное, неподкупное чувство правды, которое дѣлало его мученикомъ ея, подобно тому мученику правды, каковымъ былъ другой незабвенный нашъ писатель, съ тою только разницей, что Салтыковъ сразу вступилъ на опредѣленный путь и не зналъ, повидному, тѣхъ теоретическихъ колебаній, которыя испыталъ Бѣлинскій. Это острое чувство правды въ соединеніи съ сильнымъ пронизательнымъ умомъ заставляло Салтыкова яснѣе и быстрѣе всѣхъ прозрѣвать обманъ и измѣну; благодаря имъ, онъ, не въ примѣръ другимъ благодушнымъ россиянамъ, сразу различалъ притавившагося гдѣ-нибудь въ тѣни главнаго врага своего—замаскированное рабство; благодаря имъ, онъ открывалъ противорѣчія дѣлъ и словъ и въ такихъ сферахъ, которыя по общему своему направленію были ему симпатичны, т. е., какъ говорили, „билъ по своимъ“. Но дѣлалъ онъ это не по равнодушію къ принципамъ, не по своей безпочвенности и стремленію къ „смѣху ради смѣха“, какъ упрекали его иные близорукіе люди, а, наоборотъ, потому, что ревниво, словно зѣницу ока, блюлъ чистоту и полноту этихъ принциповъ, карая всякаго, кто размѣнивалъ ихъ на ходячую мелкую монету.

Печаль и негодованіе Салтыкова составляли, однако, самую животворную струю нашей литературы. Скорбь сатирика, закончившаго свою дѣятельность печальными строками *Забывшихъ словъ*, была скорбь сильной души, которая не склонилась долу, но, одушевленная вѣрой въ человѣка и родину, всегда рвалась къ дѣятельности, труду и борьбѣ. Слишкомъ часто на своемъ вѣку чувствовалъ Салтыковъ присутствіе въ жизни „злопыхательства“ и наблюдалъ неравную борьбу съ нимъ „благоволенія“—и это опять—таки придавало думамъ его „тайную грусть“; но онъ безстрашно смотрѣлъ факту въ глаза и звалъ на борьбу съ нимъ, потому что глубоко вѣрилъ въ будущее. Онъ и теперь вѣрилъ, что сокровенныя и задушевные симпатіи обитателей „Пошехонья“ устремлены къ свѣту, а не къ тмѣ; онъ вѣрилъ и въ то, что „не только въ Пошехонь, но и въ цѣломъ мірѣ благоволеніе преобладаетъ надъ злопыхательствомъ, и что, въ концѣ-концовъ, послѣднее, всеконечно, изморомъ изноетъ“... Вѣра въ будущее! вѣра въ идеалы! Въ нашъ трезвый вѣкъ этотъ могучій факторъ человѣческаго прогресса сознательно игнорируется, и напоминаніе о немъ вызываетъ пожиманіе плечъ и даже глумленіе со стороны трезвенныхъ мудрецовъ и политиковъ. Эта черта времени давно была отмѣчена и чрезвычайно мѣтко охарактеризована покойнымъ сатирикомъ; но нынѣ „отрезвленная современность“ глаголетъ уже такими устами и втирается въ такія сферы, гдѣ еще недавно охотно допускалось присутствіе идеала и „вѣрованій“. „Субъективныя фантазіи, утопіи“,—презрительно замѣчаютъ иные ученые кри-

тики о такихъ общественныхъ теоріяхъ, которыя носятъ слѣды идеала и „вѣры въ будущее“; и они сурово отсылаютъ эти теоріи въ область легкомысленной „журналистики“ и „беллетристики“. Но здѣсь также уже готовы отрезвленные литературные оцѣнщики, которые встрѣчаютъ „идеалистическую вѣру“ ничѣмъ не стѣсняющимся смѣхомъ. Еще недавно, наприм., г. Мережковскій, разбирая *Рассказы* г. Короленко (*Северный Вѣстникъ*, май), весьма развязно глумился надъ нѣкоторыми ихъ героями, которые, послѣ страшныхъ мукъ сомнѣнія, снова обрѣтаютъ вѣру въ человѣка, въ идеалы; при этомъ послѣдніе, вмѣстѣ съ „правдой, добромъ, любовью“, безъ всякой видимой причины и объясненій, похода обзываются г. Мережковскимъ какъ всѣмъ надоевшій „арсеналъ риторическихъ банальностей“. Впрочемъ, вдумываясь въ подобныя писанія, которыя въ цѣломъ представляютъ большую путаницу понятій и обильно разбавлены водой эклектизма, можно придти къ заключенію, что сами авторы ихъ не сознаютъ хорошенько, что говорятъ; во всякомъ случаѣ, трудно понять, чего они добиваются и что хотятъ поставить на мѣсто вышучиваемыхъ „идеала“ и „вѣры въ будущее“. Между тѣмъ, врядъ ли кто даже изъ „трезвенныхъ“ дѣльцовъ и литературныхъ эклектиковъ станетъ отрицать, что такой колоссальный общественный и литературный фактъ, какъ дѣятельность Салтыкова, обязанъ значительною долей своего развитія и содержанія именно чистому возвышенному идеализму 40-хъ гг. Вѣра въ общественные идеалы будущаго и въ человѣка окрылила огромный талантъ Щедрина, вознесла его на вершину творчества, сообщила вѣчно присущій ему жаръ молодости, сдѣлала писателя бессмертнымъ глашатаемъ правды, связала съ его именемъ самыя лучшія традиціи русскаго слова. Самъ покойный Салтыковъ смотрѣлъ на свою дѣятельность только съ точки зрѣнія служенія „идеаламъ будущаго“ и ясно сформулировалъ отношеніе свое къ нимъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ „лирическихъ мѣстъ“ *Пошехонской старины*: „Пусть не подумаютъ,—писалъ онъ,—что я считаю отвлеченности и обобщенія пустопорожнею фразой. Нѣтъ, я вѣрилъ и вѣрю въ ихъ живоносную силу; я былъ всегда убѣжденъ и теперь не потерялъ убѣжденія, что лишь съ помощью ихъ человѣческая жизнь получить правильные, прочные устои. Формулированію этой истины была посвящена лучшая часть моей дѣятельности, всего моего существа. Не погрязайте въ подробностяхъ настоящаго, говорилъ и писалъ я, но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго; ибо это своего рода солнечные лучи, безъ оживотворяющаго дѣйствія которыхъ земной міръ превратился бы въ камень. Не давайте окаменѣть сердцамъ вашимъ, но часто и пристально вглядывайтесь въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго. Только недалковиднымъ умамъ эти точки кажутся беспочвенными, оторванными отъ дѣйствительности; въ сущности же, онѣ представляютъ собою не отрицаніе прошлаго и настоящаго, а результаты всего лучшаго и человѣчнаго, завѣщаннаго первымъ, вырабатывающагося въ послѣднемъ. Разница лишь въ томъ, что, создавая идеалы будущаго, просвѣтленная мысль отсѣкаетъ всѣ мрачныя, злыя стороны, подъ которыми изнываетъ и изнывало человѣчество...“

Характеристикѣ покойнаго писателя посвящена въ *Вѣстникъ Европы* интересная замѣтка г. Пыпина, озаглавленная *Идеализмъ Салтыкова*. Здѣсь весьма правильно опредѣляется высокое общественное значеніе сатиры Щедрина въ извѣстныхъ эпохи русской жизни. Признавая въ Салтыковѣ не только великаго русскаго художника, но и вид-

наго историческаго дѣятеля, г. Пыпинъ такъ характеризуетъ его историческую миссію: „Готовилось и исполнилось великое преобразование, измѣнившее видъ и внутренній складъ нашего общества, — и въ литературѣ явился суровый, неподкупный наблюдатель, въ которомъ наша своего выразителя лучшая сторона общественнаго мнѣнія: произведенія Салтыкова освѣщали совершавшіяся событія. За порывами къ прогрессу наступало обратное теченіе: заговорили и начали дѣйствовать приверженцы стараго безправія; совершались дѣла лицемѣрія, насилія, обскурантизма; печать бывала бессильна сказать слово настоящей правды, — и это слово не однажды говорила только сатира Салтыкова. Въ эти трудныя времена, — и они были продолжительны, — сатира Салтыкова была *голосомъ общественной совѣсти*“. Большой интересъ настоящей замѣтки представляютъ также приведенные въ ней отрывки изъ письма Салтыкова къ автору, написаннаго еще въ 1871 году, послѣ появленія *Исторіи одного города*. Здѣсь Салтыковъ касается ходячихъ обвиненій его въ смѣхъ ради смѣха, въ созданіи каррикатуръ, нелюбви къ русскому народу и т. п. Письмо это проникнуто стремленіемъ *убѣдить* въ правильности отношенія своего къ русской дѣйствительности и къ задачамъ писателя; въ немъ нѣтъ и тѣни личнаго раздраженія, личной обиды на бессмысленныя нападки. „Еслибъ мнѣ было доказано, — пишетъ Салтыковъ г. Пыпину, — что я предаю осмѣянію явленія почтенныя или нестоющія вниманія, я, навѣрное, прекратилъ бы дѣятельность столь идиотскую... Я, благодаря моему Создателю, могу каждое мое сочиненіе объяснить, противъ чего они направлены, и доказать, что они именно направлены противъ тѣхъ проявленій произвола и дикости, которыя каждому честному человѣку претятъ... Изображая жизнь, находящуюся подъ игомъ безумія, я рассчитывалъ на возбужденіе въ читателѣ горячаго чувства, а отнюдь не веселоправія. Достигъ ли я этого результата, это вопросъ иной“.

Нельзя вполнѣ согласиться со взглядомъ г. Пыпина, будто Салтыковъ никогда не былъ человекомъ какого-либо опредѣленнаго „направленія или партіи“. „Партій“ въ западно-европейскомъ значеніи слова у насъ не существуетъ. Но въ томъ смыслѣ, въ какомъ у насъ обыкновенно употребляется этотъ терминъ, т. е. въ смыслѣ литературнаго направленія, въ смыслѣ опредѣленнаго вліянія на гражданъ путемъ печатнаго слова, — дѣятельность Щедрина должна быть отнесена къ извѣстному ярко-очерченному направленію. Кромѣ общихъ широкихъ формулъ добра, справедливости и просвѣщенія, проникающихъ все творчество писателя, направленіе его опредѣляется непосредственнымъ отношеніемъ къ живой дѣйствительности, такимъ или инымъ пониманіемъ теченій общественной мысли, степенью восприимчивости къ тѣмъ или инымъ явленіямъ даннаго момента. Произведенія Щедрина болѣею частью стояли въ тѣсной связи съ текущею дѣйствительностью (въ вышеупомянутомъ письмѣ покойнаго г. Пыпину Щедрина энергично протестуетъ, наприм., противъ взгляда даже на *Исторію одного города*, какъ на историческую сатиру); преимущественное вниманіе къ извѣстнымъ сторонамъ ея, самый выборъ темъ указывали на весьма опредѣленное направленіе думъ писателя, показывали, въ чемъ видѣлъ онъ главное зло русской жизни, на что, прежде всего, хотѣлъ направить вниманіе своихъ читателей. Наконецъ, если при оцѣнкѣ творчества Щедрина въ его цѣломъ еще возможно по данному вопросу разполагіе мнѣній, то журнальная дѣятельность покойнаго писателя не

оставляетъ сомнѣнія въ принадлежности Салтыкова къ опредѣленному, ярко и сильно выразившемуся теченію общественной мысли.

Въ другой статьѣ — *Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ*, написанной г. Арсеньевымъ, покойный писатель характеризуется также не только какъ художникъ, но и какъ замѣчательный публицистъ, владѣвшій даромъ прямо и непосредственно дѣйствовать на умы, воставать противъ застоя и регресса, способствовать торжеству „свободы, развитія и справедливости“ (какъ формулировалъ самъ Щедринъ въ *Мелочахъ жизни* общій смыслъ своихъ стремленій). Здѣсь нѣсколько полнѣе и яснѣе, нежели у г. Пыпина, объясняются генетическія условія развитія идеализма Салтыкова и принятаго имъ сразу анти-рабскаго направленія мыслей и чувствъ. Въ психологическомъ отношеніи особенно вѣрнымъ представляется указаніе г. Арсеньева на одну изъ автобіографическихъ страницъ *Пошехонской старины*, гдѣ находится замѣчательный рассказъ о вліяніи на чуткую душу ребенка-Салтыкова перваго знакомства съ Евангеліемъ, которое сразу заставило его почувствовать громадную несправедливость существовавшаго строя человѣческихъ отношеній и признать человѣческое достоинство „униженныхъ и оскорбленныхъ“ рабовъ. Намъ кажется только, что напрасно въ виду свѣжей могилы снизошелъ г. Арсеньевъ до подробнаго разсмотрѣнія и опроверженія навѣтовъ двухъ реакціонныхъ органовъ печати, успѣвшихъ сейчасъ же затянуть свою старую пѣсню о „вредности“ писаній Салтыкова. Звѣямъ естественно шипѣть, сорокамъ — трещать и, наоборотъ, было бы весьма странно, если бы онѣ вдругъ заговорили по-человѣчески. Напрасно также печалиться, что къ огромной любви, какую питалъ Салтыковъ отъ Россіи, примѣшалась капля ненависти, которая „оказалась сильнѣе смерти“. Есть ненависть почетная, которая составляетъ тоже невидимый вѣнокъ въ числѣ сотенъ вѣнковъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи на могилу писателя „защитника правды“.

Съ 1 ноября 1889 года будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

при участіи Московскаго Психологическаго Общества.

Подъ редакціей профессора Н. Я. ГРОТА.

Изданіе А. А. Абрикосова.

Программа журнала слѣдующая: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физиологическая психологія и психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общія обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) Изъ числа специалистовъ по философіи: проф. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гилларовъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ Дерптскаго унив.), Ф. О. Масарикъ (проф. Прагскаго унив.) и др. лица;—2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бунаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Гриншмутъ, Д. А. Дрилъ, проф. Н. А. Зетревъ, Н. А. Иваницовъ, проф. Н. И. Картевъ, проф. А. Я. Кожевниковъ, М. С. Корелитъ, д-ръ С. С. Корсаковъ, д-ръ И. Ф. Омель, Л. Е. Оболенскій, д-ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ф. П. Шереметьевскій, Н. И. Шихинъ, В. И. Штейнъ.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна въ годъ 6 руб. съ доставкою въ Москвѣ; 6 руб. 50 коп. съ пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества и для студентовъ университетовъ—4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

Подписка будетъ приниматься съ 1 сентября нынѣшняго года въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Ботлярева, кв. Николая Яковл. Грота), въ редакціи журнала «Русская Мысль» и въ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Отчет комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май мѣсяцы 1889 г.

Въ теченіе марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ 1889 г. комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе.

Срочныя ссуды за поручительствомъ или подъ обезпеченіе жалованьемъ и гонораромъ были выданы 7 лицамъ, на 875 руб. (1-му—50 р., 2-мъ—по 100 руб., 1—150 р., 1—200 руб., 1—275 р., 1—300 руб.); безсрочныя ссуды выданы 19 лицамъ, на сумму 2,975 руб. (2—по 50 руб., 1—75 руб., 10—по 100 р., 2—по 150 р., 3—по 300 р., 1—600 руб.).

Единовременныя пособія назначены: 1 лицу въ 250 р., 2—по 200 р., 2—по 150 р., 1—125 р., 2—по 100 р., 3—по 75 р., 20—по 50 р., 2—по 40 р., 1—30 руб., 6—по 25 р., 2—по 10 р., а всего 42 лицамъ на сумму 2,780 руб.

На погребеніе мужа одной писательницы назначено 50 руб., на погребеніе одного ученаго 100 руб.

Продолжительныя пособія назначены 4 лицамъ: 1—75 р., 1—90 р., 1—150 руб., 1—800 руб. на 2 года, а всего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, на основаніи прежнихъ и новыхъ постановленій, продолжительныхъ пособій выдано на 380 руб.

Одной весьма навѣстной, престарѣлой и больной писательницѣ была назначена пенсія по 600 руб. въ годъ, а вмѣстѣ съ назначенными ранѣе, всего за 3 мѣсяца выдано пенсій на 1,297 руб.

Определено уплатить за воспитаніе и обученіе дочери 1 лица 25 р., сына 1 лица 30 р., за воспитаніе дѣтей покойнаго писателя 90 р., дочерей трехъ писателей: одного 100 руб., другаго 170 руб. и третьяго 100 руб. въ теченіе двухъ лѣтъ; всего же на воспитаніе и обученіе дѣтей литераторовъ и ученыхъ за 3 мѣсяца, на основаніи прежнихъ и новыхъ назначеній, выдержано 700 р., и, кромѣ того, на стипендіи—275 р.

Отклонены просьбы 19 лицъ (въ томъ числѣ 2-хъ—2 раза и 1—3 раза).

Редакторъ *Петербургскаго Листка* Н. А. Скrobotовъ, вмѣстѣ съ сотрудниками, бумажный фабрикантъ г. Небе, типографъ г. Шмидтъ и переплетный мастеръ г. Моревъ собрали 15 марта 1889 года, въ день празднованія 25-лѣтняго изданія *Петербургскаго Листка*, капиталъ въ 1,000 руб., заключающійся въ билетѣ восточнаго займа 1877 г., съ тѣмъ, чтобы оный былъ обращенъ въ неприкосновенный капиталъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, съ присовокупленіемъ ему наименованія „капитала Александра Викторовича Владимірскаго“, а проценты его обращались бы на нужды общества.

М. К. Цебрикова пожертвовала 149 р. 85 к.

Ек. Ник. Жулева, въ память артиста Ив. Григ. Чернышева, пожертвовала 50 р.

Е. А. Салтыкова заявила, что семейство М. Е. Салтыкова жертвуетъ въ пользу Общества 1% съ дѣянъ изданія сочиненій Михаила Евграфовича и что деньги будутъ доставлены по распродажѣ изданія.

Присяжные повѣренные округа сиб. судебной палаты и ихъ помощники, чрезъ гг. Е. М. Биковича и Н. І. Холева, пожертвовали 317 р. 4 к. въ видѣ перваго вклада на образованіе капитала имени М. Е. Салтыкова.

Кружокъ литераторовъ на образованіе того же капитала собралъ 455 р. (въ счетъ ихъ поступило 247 р.), съ тѣмъ, что назначеніе этому капиталу дано будетъ жертвотельными впоследствии. Въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова поступило: отъ нижегородскихъ почитателей М. Е. Салтыкова (чрезъ В. Короленко)—50 руб., отъ служащихъ при Соколовской мануфактурѣ г-на И. А. Баранова (чрезъ В. Арстова)—118 р., отъ минскихъ почитателей—15 руб., по подпискѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собрали 106 р., отъ харьковскихъ почитателей (чрезъ г-жу Толочиннову)—100 р.

Евг. Мих. Гаршинъ заявилъ, что оный уступаетъ обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, принадлежащее ему, въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$, право литературной собственности на сочиненія Всев. Мих. Гаршина (по распродажѣ изданій г. Панаевкина), съ условіемъ не отчуждать этого дара никакимъ путемъ.

В. П. Андрузскій предложилъ предоставить въ распоряженіе общества комнату, съ правомъ бесплатнаго леченія 1 лица въ принадлежащемъ ему грязе-лечебномъ заведеніи въ Будакахъ, Бессарабской губерніи, и еще сдѣлать скидку въ 25% для двухъ лицъ.

Вечеръ литературнаго фонда 18 апрѣля 1889 г., въ которомъ приняли участіе: г-жи М. Б. Гейдерейхъ, М. В. Крестовская, А. А. Попова, В. У. Ситенина-Лиліенфельдъ, О. И. Шапиръ, гг. П. И. Вейнбергъ, С. Я. Морозовъ, Я. П. Полонскій, В. М. Самусъ и К. М. Фофановъ, —далъ чистаго сбора 708 р. 70 к.

Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

М. В. Ватсонъ и Э. К. Ватсонъ признаны пожизненными членами общества, въ виду ихъ трудовъ по изданію сочиненій Надсона.

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Общество Любителей Россійской Словесности, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1 мая по 1 июня сего 1889 года къ казначейству общества поступили собраныя съ высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по купонамъ отъ процентныхъ бумагъ—65 руб. 65½ коп.; 2) по подписному листу № 1401 изъ с.-Петербурга черезъ Предсѣдателя Горнаго Ученаго Комитета—6 руб.; 3) по подписному листу № 1220 изъ Екатеринослава черезъ Предсѣдателя Окружнаго суда—19 руб. 26 коп.; 4) по подписному листу № 633 изъ Казани черезъ Управляющаго Газетною Палатою—15 руб.; 5) по подписному листу № 1262 изъ Екатеринбургa черезъ Прокурора Окружнаго Суда—4 руб. 6) по подписному листу № 1382 изъ Свеаборга черезъ Командира Порта—3 руб. 25 коп.; 7) по подписному листу № 1316 изъ Ташкента черезъ Управляющаго Туркестанскою Контрольною Палатою—30 руб.; 8) по подписному листу № 1328 изъ С.-Петербурга черезъ Директора Департамента Шоссейныхъ и Водяныхъ Сообщеній—16 руб. 50 коп.; 9) изъ Харькова черезъ г. Попечителя учебнаго Округа—281 руб. 92 коп., въ томъ числѣ по подписному листу № 882 изъ Ахтырки отъ Прогимназіи—10 руб. 20 коп., отъ Дирекціи народныхъ училищъ Курской губерніи—204 руб. 52 коп., отъ Начальницъ Харьковской женской гимназіи И. Я. Грегоревичъ—6 руб., отъ Черкаскаго Окружнаго Училищнаго Совѣта—17 руб. 21 коп., Донецкаго Окружнаго Училищнаго Совѣта—35 руб. 39 коп. и Холерскаго Окружнаго Училищнаго Совѣта—8 руб.; 10) по подписному листу № 1188 изъ Харькова черезъ Старшаго Предсѣдателя Судебной Палаты—14 руб.; 11) по подписному листу № 1371 изъ С.-Петербурга черезъ Предсѣдателя Морскаго Техническаго Комитета—29 руб.; 12) по подписному листу № 1399 изъ Ялты черезъ Директора Императорскаго Никитскаго сада—5 руб. 90 коп.; 13) по подписному листу № 450 изъ Кшиднева черезъ Управляющаго Отдѣленіемъ Государственнаго Банка къ прежде высланнымъ остальные 33 руб.; 14) по подписному листу № 1256 изъ Вятки черезъ Прокурора Окружнаго Суда—66 руб.; 15) изъ Могилева на Днепрѣ черезъ Управляющаго акцизными сборами губерніи—1 руб. 72 коп.; 16) по подписному листу № 1165 изъ Нижняго Новгорода черезъ Прокурора Окружнаго Суда—20 руб.; 17) по подписному листу № 1259 изъ Перми черезъ Предсѣдателя Окружнаго суда—31 руб. 65 коп.; 18) по подписному листу № 1236 изъ Саратова черезъ Прокурора Окружнаго Суда—10 руб.; 19) по подписному листу № 1190 изъ Харькова черезъ Предсѣдателя Окружнаго Суда—18 руб.; 20) отъ Ф. Ф. Борисова (Котова) вырученныя отъ спектакля, даннаго въ Кусковѣ 14 мая 1889 года—227 руб. 20 коп.; 21) по подписному листу № 1402 изъ С.-Петербурга черезъ Директора Геологическаго Комитета—13 руб.; 22) по подписному листу № 1193 изъ Изюма черезъ Прокурора Окружнаго Суда—27 руб. 25 коп.; 23) отъ Управляющаго Московскомъ конторомъ Императорскихъ театровъ врученныя отъ спектаклей, данныхъ 15 и 16 Апрѣля 1889 года съ Высочайшаго разрѣшенія въ Московскомъ Большомъ театрѣ—5,591 руб. 48 коп.; 24) по подписнымъ листамъ №№ 345, 348 и 349 изъ С.-Петербурга черезъ Городскаго Голову—229 руб. 50 коп.; 25) по подписному листу № 1150 изъ Кашина черезъ Предсѣдателя Окружнаго Суда—8 руб.; 26) по подписному листу № 1338 изъ Ковно черезъ Управляющаго Округомъ Путей Сообщенія—83 р. 51 коп.; 27) по подписному листу № 1129 изъ Ломжи черезъ Управляющаго Казенною Палатою—17 руб. 89 коп.; 28) изъ Перми черезъ Предсѣдателя Окружнаго Суда—12 рублей 86 коп.; 29) по подписному листу № 1325 изъ С.-Петербурга черезъ Директора Департамента Личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—18 руб.; 30) по подписному листу № 1247 изъ Могилева на Днѣпрѣ черезъ Прокурора Окружнаго Суда—21 рубль 50 коп.; 31) по подписному листу № 1235 изъ Умани черезъ Прокурора Окружнаго Суда—14 руб.; 32) по подписному листу № 1421 изъ Вятки черезъ Управляющаго Государственными Имуществами—7 руб. 89 коп.; 33) по подписному листу № 1423 изъ Казани черезъ Управляющаго Государственными Имуществами—3 руб. 71 коп.; 34) по подписному листу № 1426 изъ Курска черезъ Курско-Орловское Управление Государственныхъ Имуществами—6 руб. 99 коп. и 35) вырученныя отъ продажи афишъ спектакля 15 апрѣля 1889 года—5 руб. 50 коп. Итого *шесть тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ восемь рублей 53½ копейки*, а всего съ прежде поступившими *сорокъ тысячъ четыреста девяносто девять рублей 54¼ копейки (40,499 руб. 54¼ коп.)*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

І. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: „Полное собраніе сочиненій“ <i>Д. В. Григоровича</i> .—„Сочиненія“ <i>М. Е. Салтыкова</i> .—„Полное собраніе сочиненій“ <i>Г. И. Жемцова</i> .—„Стихотворенія“ <i>Н. Михайловича</i> .—„Стихотворенія“ <i>К. П. Медвѣдскаго</i> .—„Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта“ <i>Джонатана Свифта</i>	271
Педагогія: „Идеалы воспитанія и обученія“ <i>Х. Пахомова</i> .—„О преподаваніи географіи“ <i>Влад. Краузе</i>	280
Публицистика: „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи“ <i>Н. В. Ремезова</i> .—„Роквая война 18?? года“ <i>А. Бьлмора</i>	283
Исторія, археологія и біографіи: „Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета“ <i>Професс. Балалъ</i> .—„Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ.“ <i>Артымова</i> .—„Записки Императорскаго Русск. Археол. Общ.“.—„А. К. Киркоръ“ <i>Н. Яичука</i> .—„Lavoisier (1743—1794) d'après sa correspondance, ses manuscrits, ses papiers de famille et d'autres documents inedits“ <i>par Edouard Grimaux</i>	287
Антропологія и этнографія: „Сборникъ урусскихъ народныхъ пѣсенъ“ <i>Лапатина и Прокудина</i> .—„По Минской губерніи“ <i>Н. Яичука</i> .—„Исслѣдованіе о варѣчіяхъ черемисскаго языка“ <i>М. Веске</i> .—„Lud ocolic Żarek, Siewierza i Policy, jego zwyczaj, sposób życia, obrzęd, podania, gusła, pieśni, zabawę, przysłowia, zagadki i właściwości mowy“ <i>М. Federowskiego</i> .—„Wisła“	294
Географія и путешествія: „Путь въ Индію“ <i>А. Л. Иванова</i> .—„Путеводитель по центральной Азіи“ <i>Е. А. Безе</i> .—„Путеводитель по Крыму“ <i>Сосногорова и Караулова</i>	298
Юридическія книги: „Обычный порядокъ наследованія у крестьянъ“ <i>В. Ф. Мужина</i> .—„Сводный постатейный указатель кассационныхъ рѣшеній съ 1836 по 1886 г. включительно“ <i>Ө. Н. Бишевскаю</i> .—„Сводный постатейный указатель кассационныхъ рѣшеній за 21 годъ (1866—1886 г.)“ <i>Соколова и Бермана</i> .—„International Law“ <i>by Henri Sumner Main</i>	301
Естествознаніе: „Программы и наставленія для наблюденій и собранія коллекцій по геологіи, почвовѣднію, зоологіи, ботаникѣ и сельскому хозяйству“	306

Медицина: „Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей“. *Н. Филатова.*—„Курсъ лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста“. *И. Троицкаго.*—„Руководство къ частной патологій и терапіи“. *Г. Эйхорста.*—„Гипнотизмъ въ практической медицинѣ“. *Д-ра Б. М. Бродовскаго.*—„Госпитальная хирургическая клиника Казанскаго университета“. *Проф. Н. И. Студенскаго* 306

Сельское хозяйство: „На досугѣ (бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ)“. *Курбатова.*—„О чумѣ рогатаго скота“. *П. Мочилевскаго и И. Братчикова.*—„Необходима свѣдѣніи о томъ, какъ предохранять жизнь и здоровье домашнихъ животныхъ“. *В. Пиневича.*—„Руководство къ плодородству“. *Н. Гоше.*—„Историческое изслѣдованіе о конноводскомъ дѣлѣ въ Россіи“. *Н. Зезюмискаго.*—„Русская дендрологія“. *Э. Рессля.*—„Весеннія красивоцвѣтущія многолѣтнія и луковичныя растенія“. *Его же.*—„Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства“. 311

Военное дѣло: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“. *Н. Бутовскаго.*—„Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ“. *С. Мирнопольскаго* . 314

Учебники и дѣтскія книги: „Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ“. *О. Е. Сковрцовой.*—„Учебникъ русскаго языка“. *В. Костюкова.*—„Между добрыми и злыми“. *Ч. Диккенса.*—„Зимніе вечера“. *С. Макаровой.*—„Дѣти“. *Г. Генделя* 316

Календари: „Календарь Сѣверо-Западнаго края“ на 1889 г. 319

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, июль. 319

XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	123
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Измѣненіе въ уѣздномъ управленіи и всесословная волость.—Новыя операціи государственнаго банка.—Конверсія облигацій частныхъ желѣзн. дорогъ.—Балтійскія дѣла.—Сѣздъ представителей акціонерныхъ страховыхъ обществъ.—Урожай и вывозъ хлѣба.—Проектъ правилъ о переселеніяхъ.—Регламентация и экзаменованіе иностранныхъ техникувъ	130
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Геологическія работы земствъ.—В. Д. Соколова	157
XVII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія, археологія и біографія.—Антропологія и этнографія.—Географія и путешествія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Военное дѣло.—Учебники и дѣтскія книги.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль	271

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1889 годъ

(десятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во				
всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 »	7 »	3 » 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Б°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

REC'D LD OCT 4 12 3 PM '77

INTERLIBRARY LOAN

OCT 15 1977

UNIV. OF CALIF., BERKELEY

LIBRARY USE MAR 20 '86

LIBRARY USE MAY 8 '86

LD21A-40w-3,'72
(Q1178s10)476-A-82

General Library
University of California
Berkeley